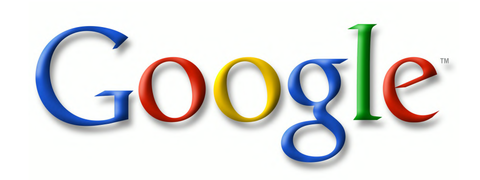

Годъ 5-й. Кн. XVII—XVIII.

Русскій Антропологическій Журналъ

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. **Д. Н. Анучина.**

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Антропологическаго Отдѣла

А. А. Ивановскаго.

1904 г., №№ 1 и 2.

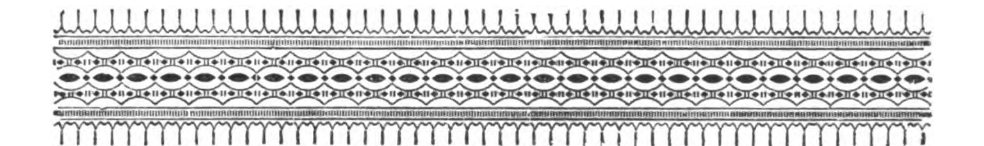

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Москва, Пятницкая ул., с. д.

1905.

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ.

*(Продолженіе *).*

5. *Юечжи-кушаны-кидариты-яфталы.*

А. ЮЕЧЖИ-ТОХАРЫ.

а) **Западныя и китайскія извѣстія о народахъ, овладѣвшихъ землями греко-бактрійскаго царства. Вытекающія изъ этихъ извѣстій заключенія.**

Сохранившіяся до насъ свѣдѣнія классическихъ писателей о паденіи греко-бактрійскаго царства скудны и неясны. По писавшему около Р. Х. Страбону (кн. XI, гл. VIII, 2), «большая часть скифовъ за Каспіемъ именуется даями; тѣ, которые дальше отъ нихъ на востокъ, — массагетами и саками. Остальные обозначаются общимъ именемъ скифовъ, хотя каждый изъ этихъ народовъ имѣетъ свое собственное имя. Большая часть ихъ ведетъ кочевую жизнь. Наиболѣе извѣстными сдѣлались изъ нихъ тѣ, которые отняли у грековъ Бактріану, т.-е. асіи, пасіаны, тохары и сакараулы, выселившіеся изъ странъ за-яксартскихъ, смежныхъ съ сакскими и согдійскими, странъ, которыми также владѣли саки». У того же писателя далѣе (тамъ же, 4) говорится, что саки «производили вторженія какъ въ дальнія, такъ и въ сосѣднія страны, ибо и Бактріану заняли, и лучшею частію Арменіи, которая по имени ихъ названа Сакасеною, овладѣли» [1]). Въ сохранившемся изложеніи содержанія книгъ (прологахъ) исторіи Трога Помпея, современника Августа, значится, между прочимъ, въ книгѣ 41: Deinde quo regnante Scythicae gentes, Saraucae et Asiani, Bactra occupavere et Sogdianos; въ книгѣ 42: Reges Thocarorum Asiani interitusque

*) См. „Русск. Антроп. Журн.", 1903 г., кн. XIII.

[1]) В. В. Григорьева „О скифскомъ народѣ сакахъ" въ „Трудахъ В. О. И. Р. Археол. Общества", ч. 16, 1872 г., стр. 118.

Saraucarum.[1]) Исторія Трога Помпея дошла до насъ только въ сокращеніи жившаго во II или III вѣкѣ Юстина, но въ этомъ сокращеніи о событіяхъ и народахъ, значащихся въ приведенныхъ мѣстахъ прологовъ, не говорится ничего. Только тохары упоминаются у Юстина (кн. 41, гл. 2), въ извѣстіи о томъ, что парфянскій царь Артабанъ (128—124 гг. до Р. Х.) умеръ отъ раны, полученной на войнѣ съ торгаріями (Torgariis, см. Justini Historiarum Philippicarum ex Trogo Pompeio excerptarum Libri XLIV, Lipsiae, Tauchnitii, 1829, p. 267) или тохарами, какъ теперь читаютъ.

По историческимъ свѣдѣніямъ о хуннахъ въ «Шы-цзи» и «Цянь-Хань-шу», полководецъ династіи Цинь (221—206 гг. до Р. Х.) Мынъ Тхянъ отнялъ у хунновъ Ордосъ, но по смерти его, во время происходившихъ въ Китаѣ смутъ, хунны постепенно снова овладѣли отнятыми у нихъ землями («Собраніе свѣдѣній» и пр., ч. I, стр. 10 и 11, а также переводъ Wylie въ Journal of Anthropological Institute, 1874, vol. III, pp. 407—408)[2]). При вступленіи на престолъ шаньюя Модэ (Maou-tun), около 209 г. (по китайскимъ комментаторамъ), сосѣдившія съ хуннами на востокѣ царство Дунъ-ху и на западѣ царство Юечжы находились въ силѣ и въ цвѣтущемъ состояніи (тамъ же, стр. 10 и 12, pp. 407—408). Разгромивъ и покоривъ Дунъ-ху, «по возвращеніи, онъ (Модэ) ударилъ на западѣ на Юечжы и прогналъ (chastised) его» (тамъ же, стр. 13, p. 409); затѣмъ сдѣлалъ набѣги на китайскія земли (тамъ же). «Въ сіе время войска Дома Хань были въ борьбѣ съ Хянъ-юй» (тамъ же), т.-е. происходило это между 206—202 гг. до Р. Х., когда основатель династіи Хань велъ войны съ Хянъ-юй и другими соперниками за обладаніе Китаемъ, окончившіяся лишь къ 201 г. (тамъ же, стр. 17, p. 411). Изъ помѣщеннаго въ «Шы-цзи» письма шаньюя Модэ видно, что въ 176 г. до Р. Х. хунны вновь ходили «на западъ на Юечжы» и «поразили Юечжы. Предавъ острію меча или покоривъ всѣхъ, утвердили Лэулань (впослѣдствіи Шаньшань, на Лобъ-норѣ), Усунь, Хусѣ, (Hoo-kee) и 26 другихъ окрестныхъ владѣній. Жители сихъ владѣній поступили въ ряды хуннускихъ войскъ и составили одинъ Домъ» (тамъ же, стр. 23, p. 415), т.-е. вошли въ составъ царства хунновъ. Изъ умолчанія письма объ «утвержденіи» (въ зависимости отъ хун-

---

[1]) Два текста эти приведены въ томъ видѣ, какъ они читаются въ послѣднее время, напр. у Маркварта (Erānšahr nach der Geographie des Ps. Moses (Xorenac'i) въ Abhandlungen der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, philologisch historische Klasse, Neue Folge, Band III, Berlin, 1901, S. 205), но въ рукописяхъ и у разныхъ ученыхъ существовали чтенія: вмѣсто regnante rege pugnante и repugnante, вмѣсто Saraucae—Sarancae, вмѣсто Thocarorum—Toclarorum, вмѣсто Saraucarum—Sarducharum, Sacarum и т. д.

[2]) Хотя Іакинфъ переводилъ изъ „Шы-цзи“, а Wylie изъ „Цянь-Хань-шу“, но по удостовѣренію послѣдняго (p. 401) „Исторія Старшихъ Ханей“ большею частію буквально повторяетъ (до 99 г. до Р. Х.) изложенное въ „Историческихъ запискахъ“ по исторіи хунновъ.

новъ) юечжійцевъ, какъ упоминается это относительно Лэулани, Усуни и остальныхъ 27 окрестныхъ владѣній, слѣдуетъ заключить, что юечжійцы, несмотря на вторичный разгромъ, не покорились хуннамъ, а бѣжали отъ нихъ. Дѣйствительно въ статьѣ «Цянь-Хань-шу» объ усуняхъ читаемъ: «Первоначально сія страна», т.-е. средній и частію западный Тяньшань съ прилегающими съ сѣвера степями, гдѣ усуни кочевали въ I в. до Р. Х., когда Китай состоялъ съ ними въ тѣсной связи противъ хунновъ,—«принадлежала народу сэ. Большой Юечжы на западѣ»,—т.-е. по уходѣ изъ непосредственнаго сосѣдства съ хуннами послѣ пораженія въ 176 г.,—«разбилъ и выгналъ сэскаго владѣтеля. Сэскій владѣтель перешелъ на югъ за Висячій Переходъ; Большой Юечжы *поселился на его земляхъ. Послѣ усуньскій гуньмо разбилъ Большого Юечжы, а сей* удалился на западъ и покорилъ Дахя» [1]).

Приведенныя изъ статьи объ усуняхъ свѣдѣнія были, по всей вѣроятности, получены первоначально китайскимъ правительствомъ отъ Чжанъ Кяня. Изъ «Шы-цзи» видно, что вступившій на престолъ въ 140 г. до Р. Х. императоръ Вуди, разспрашивая плѣненныхъ или передавшихся хунновъ, узналъ отъ нихъ, что хунны имѣютъ врага въ лицѣ юечжійцевъ. Такъ какъ Китай вынужденъ былъ съ 200 года платить хуннамъ дань, и предпринимавшіяся противъ нихъ войны успѣха не имѣли, то Вуди, подтвердившій при вступленіи на престолъ обязательство о дани («Собраніе свѣдѣній», ч. I, стр. 33, переводъ Wylie, p. 422), желая пріобрѣсти помощь противъ хунновъ, отправилъ къ юечжійцамъ посланника Чжанъ Кяня съ предложеніемъ союза противъ общаго врага. Слѣдовавшее чрезъ земли хунновъ посольство было задержано и только чрезъ десять лѣтъ Чжанъ Кяню удалось бѣжать изъ плѣна и добраться чрезъ Давань и Кангюй до юечжей, которыхъ нашелъ онъ на Аму-дарьѣ; по отдаленности отъ хунновъ и Китая, юечжи, утвердившіеся на сѣверной сторонѣ рѣки Гуй-шуй (Аму-дарьи) и покорившіе осѣдлое владѣніе Дахя (Ta-hia), уклонились отъ принятія китайскихъ предложеній. Пробывъ затѣмъ болѣе года въ странѣ Дахя, Чжянъ Кянь пустился въ обратный путь, снова былъ задержанъ хуннами, но когда, «по прошествіи года», умеръ шаньюй, и у хунновъ произошли междоусобія изъ-за престолонаслѣдія, онъ бѣжалъ и возвратился въ Китай. «Чжанъ Кянь при первоначальномъ отправленіи въ путь имѣлъ при себѣ

---

[1]) Это переводъ о. Іакинфа въ „Собраніи свѣдѣній“ и пр., 1851 г., ч. 3, стр. 65, но напечатанныя курсивомъ слова вставлены сюда изъ первоначальнаго перевода того же Іакинфа, помѣщеннаго въ „Описаніи Чжуньгаріи и Вост. Туркестана“ (Спб., 1829 г., ч. I, стр. 43). Въ такомъ видѣ переводъ Іакинфа совершенно сходенъ съ переводомъ Wylie (который приведенъ мною въ „Р. А. Ж.“ 1900 г., № 3, стр. 60, изъ „J. of A. I.,“ 1881, XI, p. 84), такъ что пропускъ въ 1851 г. возстановленныхъ словъ перевода 1829 г. объясняется недосмотромъ Іакинфа.

болѣе ста человѣкъ; по прошествіи 13-ти лѣтъ только двое возвратились» («Собр. свѣд.», ч. I, стр. 1—3, 7 и 8, переводъ Броссэ въ «N. Journal asiatique», 1828, t. II, p.p. 418—421, The Memoir of Chang Këên, as given in the Tsëên Han Shoo, transl. by A. Wylie, въ «Journal of the Anthrop. Inst.», 1880, vol. X, pp. 66—67).

Въ помѣщенномъ въ «Шы-цзи» докладѣ Чжанъ-Кяня между прочимъ говорится: «Модэ, по вступленіи на престолъ, поразилъ Юечжы, а хуннускій Лаошанъ шаньюй, сынъ его, убилъ юечжыскаго владѣтеля и изъ головнаго черепа его сдѣлалъ сосудъ для питья. Первоначально Домъ Юечжы занималъ страну между Дунь-хуанъ и хребтомъ Цилянь-шань, когда же хунны поразили его, то удалился оттуда»... («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 6 и 7, переводъ Броссэ, p. 424; почти то же самое въ «Цянь-Хань-шу» по пер. Wylie, pp. 40—41, и у Шпехта, Journal asiatique, 1883, t. II, p. 322) [1]). Такъ какъ въ свѣдѣніяхъ «Шы-цзи» и «Цянь-Хань-шу» о царствованіи Лаошанъ-шаньюя («Собр. свѣд.» ч. I, стр. 27—32, Wylie, vol. III pp. 417—421), бывшаго государемъ хунновъ съ 174 до 161 г. до Р. Х., нѣтъ никакого упоминанія о походѣ его на юечжей, то слѣдуетъ, думаю я, полагать, что убіеніе юечжійскаго царя совершено Лаошаномъ въ 176 г., когда онъ могъ участвовать въ походѣ своего отца на юечжей. Что касается страны между Дунь-хуанъ и хребтомъ Цилянь-шань, которую первоначально занимали юечжійцы, то Дунь-хуанъ соотвѣтствуетъ позднѣйшему Гуа-чжеу, нынѣшнему оазису Ша- или Са-чжеу, въ чемъ согласны какъ китайскіе комментаторы, такъ и европейскіе; относительно же Цилянь-шаня мнѣнія расходятся. По мнѣнію однихъ (Янь Шыгу и др.), Цилянь-шань соотвѣтствуетъ нынѣшнему Небесному хребту, Тянь-шаню, такъ какъ «цилянь» на языкѣ хунновъ «небо»; другіе же полагали, что Цилянь-шань находился на территоріи областей Чжанъ-ѣ (нынѣ Гань-чжеу) и Цзю-цюань (нынѣ Су-чжеу), т.-е. это нынѣшній хребетъ Наньшань (Documents sur les Tou-kiue occidentaux, par Ed. Chavannes, S.-Pét., 1903, p. 133 note 2). Проф. Шаваннъ, въ только что цитированной книгѣ, высказался сначала за то, что Циляньшань есть Тяньшань (p. 18, note 2), а затѣмъ призналъ, что это Наньшань (p. 133, note 2), въ обоихъ случаяхъ безъ достаточныхъ основаній. Я полагаю, что подъ Цилянь-шанемъ слѣдуетъ

---

[1]) По пер. проф. de Groot, als aber Mautun den Tron bestiegen hatte, schlug er die Jueh-ši, und zur Zeit des Šenju Lau-šang der Hiung-nu tötete man den Fürsten der Jueh-ši etc (Marquart's Erānšahr, S. 201), но согласный переводъ остальныхъ синологовъ долженъ быть вѣрнѣе. Что юечжійскій царь былъ убитъ именно Лаошаномъ, а не въ его только время или царствованіе, это видно между прочимъ изъ описанія одной присяги шаньюя въ 47 г. до Р. Х.: „Шаньюй взялъ дорожный мечъ и конецъ его омочилъ въ вино; это клятвенное вино пили изъ головного черепа юечжійскаго государя, убитаго Лаошаномъ шаньюемъ“ („Цянь-Хань-шу“ въ „Собр. свѣд.“, ч. I, стр. 78).

разумѣть Тяньшань или, по крайней мѣрѣ, его восточную оконечность, потому что, во-первыхъ, между Ша-чжеу и Наньшанемъ разстояніе столь незначительно, что на этомъ пространствѣ никоимъ образомъ не могли умѣщаться кочевья столь многочисленнаго народа, какъ юечжы, у которыхъ Чжанъ Кянь считалъ отъ 100 до 200 т. войска («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 6), т.-е. столько же тысячъ семей, во-вторыхъ же, изъ нѣсколькихъ мѣстъ «Шы-цзи» и «Цянь-Хань-шу» можно видѣть, что подъ именемъ Цилянь-шаня разумѣлся Тяньшань, хотя употреблялось и послѣднее имя [1]).

[1]) Такъ а) въ описаніи похода полководцевъ Хо Кюй-бина и Хэ-ки-хэу, совершеннаго противъ хунновъ лѣтомъ 121 г. до Р. X., сказано, что полководцы эти „съ нѣсколькими десятками тысячъ конницы выступили на хунновъ изъ Лунъ-си и Бэй-ди и прошли на сѣверо-западъ около 2000 ли. Миновавъ Гюй-янь, аттаковали горы Цилянь-шань и взяли въ плѣнъ до 30 т. хунновъ" („Собр. свѣд.", ч. I, стр. 38 и 39, въ пер. Wylie, J. of Anthropol. Institute, 1874, vol. III, p. 426). Областной городъ древней области Лунъ-си находился въ 210 ли на югъ отъ нынѣшняго Лань-чжеу-фу (Географическій указатель при „Собр. свѣд.", ч. 3, стр. 44); областной городъ древней области Бэй-ди лежалъ въ 20 ли на сѣверъ отъ нынѣшняго Цинъ-янъ-фу (тамъ же, стр. 10 и 11); урочище Гюй-янь лежало на с.-в. отъ нынѣшняго Гань-чжеу-фу (тамъ же, стр. 26). Въ виду этихъ данныхъ, войска двухъ полководцевъ, соединившись около границы, т.-е. на Хуанъ-хэ, гдѣ-нибудь около Лань-чжеу-фу, и миновавъ Гюй-янь, каковое урочище приходилось нѣсколько сѣвернѣе Гань-чжеу, должны были въ 2 т. ли отъ границы дойти до Карлыгъ-тага или восточной оконечности Тяньшаня, гдѣ и напали на хунновъ. Допустить, что Цилянь-шанемъ названъ здѣсь Наньшань, невозможно, потому что даже до самой западной оконечности Наньшаня отъ Лань-чжеу разстояніе далеко менѣе 2 т. ли. б) Въ 99 г. до Р. X. полководецъ Гуанъ-ли „выступилъ изъ Цзю-цюань, напалъ на западнаго Чжуки-князя у Небесныхъ горъ (у Wylie Тяньшань), взялъ въ плѣнъ до 10 т. человѣкъ и пошелъ обратно". („Собр. свѣд.", ч. I, стр. 49, пер. Wylie, p. 437). Область Цзю-цюань (нынѣшній Су-чжеу) была учреждена на присоединенныхъ къ Китаю вслѣдствіе похода 121 года при-наньшаньскихъ земляхъ. Небесныя горы, до которыхъ доходилъ Гуанъ-ли, есть несомнѣнно восточный Тяньшань. в) Въ 90 г. до Р. X. полководецъ Манъ-Тхунъ, выступивъ „изъ Цзю-цюань", „дошелъ до Небесныхъ горъ", сдѣлавъ „около 1000 ли" („Собр. свѣд.", ч. I, стр. 52 и 53, пер. Wylie, pp. 438—439). г) Въ 72 г. до Р. X. изъ числа пяти полководцевъ, выставленныхъ противъ хунновъ, одинъ, наименованный *пулэйскимъ*, долженъ былъ выступить изъ Цзю-цюань и, соединившись съ усуньскимъ войскомъ въ 50 т. ч., напасть на хунновъ на озерѣ Пулэй-цзэ (нынѣ Баркуль), но усуньцы пришли раньше и ушли, не дождавшись его; другой полководецъ, названный *циляньскимъ*, долженъ былъ выступить изъ Си-хэ (областной городъ этой области Фу-чанъ находился въ Ордосѣ на сѣв.-востокѣ отъ нынѣшняго Юй-линь-фу, см. Географич. указатель при „Собр. свѣд.", ч. 3, стр. 74), прошелъ же за границею только 1600 ли и возвратился („Собр. свѣд.", ч. I, стр. 61—63, у Wylie, pp. 445—447). Хотя причина наименованія второго полководца *циляньскимъ* не указана, но такъ какъ первый названъ былъ *пулэйскимъ*, очевидно, по озеру *Пулэй*, указанному цѣлью его похода, то надо полагать, что и циляньскому полководцу приказано было идти до горъ *Цилянь*-шань, подъ которыми должно разумѣть восточный Тяньшань, находившійся въ обладаніи хунновъ, а не Наньшань, принадлежавшій уже около 50 лѣтъ Китаю.

По китайскимъ комментаторамъ, мнѣнію которыхъ слѣдовали Іакинфъ («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 7) и Wylie (Journal of Anthropol. Inst., 1874, vol. III, p. 407, note 45), юечжійцы первоначально занимали земли нынѣшнихъ областей Лянъ-чжеу, Гань-чжеу, Су-чжеу и Ань-си-чжеу. Эти мнѣнія древнихъ комментаторовъ не находятся въ противорѣчіи съ «Шы-цзи» и «Цянь-Хань-шу», насколько эти памятники китайской исторіи извѣстны пока намъ въ переводахъ на европейскіе языки, и по всей вѣроятности справедливы, такъ какъ, по безплодію лежащей на западъ отъ линіи между Ша-чжеу и восточной оконечностью Тяньшаня страны по направленію къ Лобъ-нору, земли юечжей должны были простираться на востокъ, по крайней мѣрѣ, до лежащаго на лѣвомъ берегу Желтой рѣки хребта Алашань, занимая обильныя водою и растительностью предгорья Наньшаня, дабы скотоводство кочевого народа въ 100—200 т. кибитокъ было достаточно обезпечено. Подтверждается нахожденіе сѣверныхъ предгорій Наньшаня въ обладаніи юечжей и завѣреніемъ составителей «Суй-шу» о томъ, что «Домъ Юечжы» «первоначально обиталъ по сѣверную сторону хребта Цилянь-шань, въ городѣ Чжаову» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 195). Ниже мы увидимъ, что китайскій городъ этого имени упоминается въ «Цянь-Хань-шу» и другихъ источникахъ и находился въ области Чжанъ-ѣ, нынѣ Гань-чжеу, на сѣв.-западѣ отъ этого послѣдняго. Хотя я полагаю, что это былъ городъ, построенный китайцами, чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ ухода юечжей на западъ, въ мѣстности, гдѣ нѣкогда находилась въ извѣстное время года ставка юечжійскаго государя и которая именовалась стойбищемъ *чжаву*, т.-е. князя, царя по-тибетски, но все же существованіе стойбища чжаву и впослѣдствіи кит. города Чжаову на этомъ урочищѣ удостовѣряютъ, что территорія Гань-чжеу нѣкогда была въ числѣ земель юечжійцевъ, притомъ болѣе или менѣе въ центрѣ ихъ территоріи. Съ другой стороны, имѣются нѣкоторыя подтвержденія и того, что восточная оконечность Тяньшаня входила въ составъ земель юечжей: въ «Ганъ-му» (сокращенное названіе извѣстной всеобщей исторіи Китая), подъ 742 г., замѣчено, что le camp de Mo-li(танскихъ временъ) était sur l'emplacement de l'ancien royaume des Yue-tche; по «Танъ-шу» этотъ лагерь Моли находился въ 1 т. ли на с.-з. отъ Гуа-чжеу (Ed. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue occid., p. 309), а это уводитъ въ сторону Хами, ибо отъ Ша-чжеу до Хами, по опредѣленію Пржевальскаго, 347 верстъ («Исторія И. Р. Геогр. Общества», ч. 2, 1896 г., стр. 535).[1])

---

[1]) Японскій ученый Kurakichi Shiratori въ своемъ изслѣдованіи Über den Wu-sun—Stamm in Centralasien (въ Keleti Szemle, Revue orientale pour les etudes ouralo-altaiques, Budapest, vol. III, p. p. 103—140), при опредѣленіи древняго мѣстообитанія усуней и юечжей, указываемаго въ ханьскихъ свѣдѣніяхъ между Дунь-хуаномъ и Киляньшанемъ, утверждая, что въ ханьскихъ исторіяхъ имена Тяньшань и Киляньшань употребляются одновременно (immer zu gleicher Zeit

Вслѣдствіе скудости точныхъ датъ для вышеприведенныхъ событій, а также по причинѣ различныхъ ошибокъ и недоразумѣній, событія эти относились доселѣ касавшимися исторіи юечжей изслѣдователями къ разнымъ годамъ до Р. Х. Такъ, напр., изъ наиболѣе извѣстныхъ ученыхъ XIX в. послѣднее нападеніе хунновъ на юечжей и укочеваніе послѣднихъ въ средній и частію западный Тяньшань пріурочивали: бар. Рихтхофенъ къ 157 г. (China, B. I, 1877, p. 439), Томашекъ къ 160 г. (S. W. A, 1888, B. 116, p. 775), Сильвэнъ Леви къ 165 г. (J. asiatique, 1897, IX, p. 13), Друэнъ къ 168 г. (id., 1891, XVII, p. 45), Шаваннъ къ 140 г. (Docu-

---

vorkommen), нашелъ невозможнымъ, чтобы редакторы ханьскихъ лѣтописей считали горы Тяньшань и горы Киляньшань тождественными, потому что въ такомъ случаѣ было бы трудно понять — зачѣмъ историки эти употребляютъ два имени для однѣхъ и тѣхъ же горъ. Полагая поэтому, что Тяньшань и Киляньшань суть имена разныхъ горъ, K. Sh., въ подтвержденіе своего мнѣнія, привелъ много ханьскихъ и позднѣйшихъ текстовъ въ своихъ переводахъ и пришелъ къ заключенію, что ханьскій Тяньшань есть нынѣшвій Карлыгъ-тагъ въ 100 ли отъ озера Баркуль и въ 120 ли отъ Хами (p. 105), Киляньшань же есть одна изъ горъ въ хребтѣ Наньшань, на югѣ нынѣшняго округа Гань-чжеу (p. 107). Однако K. Sh. не согласился съ мнѣніемъ составителей офиціальной географіи Китая нынѣшней династіи, по которому земли юечжей занимали нынѣшніе округа Гань-чжеу, Су-чжеу, Лянъ-чжеу и Си-Ань-фу, такъ какъ въ такомъ случаѣ не оставалось бы мѣста для усуней, которыхъ земли также помѣщались между Дунь-хуаномъ и Киляньшанемъ. Поэтому онъ обратился къ „Хэу-Ханьшу", гдѣ значится: „Предки юечжей въ Хуанъ-чжунѣ были вѣтвью б. юечжей. Они жили сначала въ Чжанъ-ѣ (Гань-чжеу) и въ Цзю-цюань (Су-чжеу)". Изъ этого (относящагося къ такъ называемымъ малымъ юечжи) текста, заключаетъ K. Sh., явствуетъ, что б. юечжи обитали въ нынѣшнихъ округахъ Гань-чжеу и Су-чжеу (p. 112). Если же, такимъ образомъ, весь бассейнъ р. Ецзина принадлежалъ б. юечжамъ, то болѣе, чѣмъ вѣроятно, что страна отъ Юй-мынь-гуанъ до Ша-чжеу находилась во владѣніи усуней, какъ это подтверждается мѣстомъ изъ письма шаньюя Модэ, гдѣ послѣ извѣстія о полномъ пораженіи и подчиненіи юечжей, сказано: „Die Leu-lang, die Wu-Sum, die Hu-kie und die benachbarten sechsundzwanzig Länder geriethen schon in die Hände der Hiüng-nu". Упоминаніе имени усуней въ связи съ именемъ Леулани подтверждаетъ, что земли усуней лежали близко къ леуланьцамъ, обитавшимъ у Лобъ-нора (p. p. 112—113).

Я не могу здѣсь входить въ болѣе подробное обсужденіе приведенныхъ мнѣній K. Sh., съ интереснымъ трудомъ котораго мнѣ привелось ознакомиться уже во время печатанія этой части моего изслѣдованія, и долженъ ограничиться нижеслѣдующимъ: Помимо того, что географическія имена горъ и пр. могутъ быть различны для одной и той же горы и пр. въ одно и то же время, но у разныхъ народовъ, а потому и попадать въ такомъ видѣ въ лѣтописи по причинѣ необходимой ихъ зависимости отъ источниковъ, K. Sh. не привелъ ни одного текста ханьскихъ исторій, гдѣ одна и та же гора была бы называема Тяньшанемъ и Киляньшанемъ. Упущенъ приведенный мною текстъ 72 г. до Р. Х., гдѣ идетъ рѣчь о циляньскомъ (или киляньскомъ) и пулэйскомъ полководцахъ. Текстъ о походѣ 121 г. къ Циляньшаню столь сокращенъ, что изъ него не видно — кого поразили тамъ итайцы; взамѣнъ того данъ текстъ изъ біографіи

ments sur les Tou-kiue occid., 1903, p. 134, note [1]); нападеніе усуней на юечжей и удаленіе послѣднихъ изъ Тяньшаня относили: Броссэ къ 139 г. (J. a., 1828, II, 420), С. Леви къ 140 г. (J. asiatique, 1897, IX, 13), Terrien de La Couperie къ 143, (Academy, 1887, 31 Decemb.), Рихтхофенъ къ 145 г. (China, I, 448); подчиненіе юечжійцами Дахя-Бактріаны совершилось по Сенъ-Мартену въ 129 г. (Fragments d'une histoire des Arsacides, Paris, 1850, t. II, p. 68), по Рихтхофену въ 128 г. (China, I, 448), по Томашеку въ 139 г. (вышеуказ. изданіе и стр.); Вивьенъ де С.-Мартенъ относилъ отправленіе посольства Чжанъ Кяня изъ Китая къ 126 г. и прибытіе его къ юечжійцамъ на Оксъ къ 116 г. (Etudes de géographie ancienne etc., 1850, t. I, pp. 261—262).

Для опредѣленія искомыхъ датъ можетъ послужить указаніе «Шы-цзи» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 1 и 2) и біографіи Чжанъ Кяня (въ вышеупомянутомъ переводѣ Wylie, The Memoir of Chang Këên, p. 66) о томъ, что отправленіе Чжанъ Кяня къ юечжійцамъ совершилось въ правленіе Гянь-юань (Keen-yuen), т.-е. въ 140—135 гг. до Р. Х.; далѣе въ «Шы-цзи» находимъ, что по возвращеніи изъ посольства къ юечжамъ Чжанъ Кянь былъ употребленъ въ войнѣ съ хуннами и въ шестомъ году правле-

Хо-Кюйбина, досελѣ мнѣ нигдѣ не встрѣчавшейся, гдѣ приводятся слова императора, говорившаго между прочимъ, что Хо-Кюйбинъ „наконецъ пошелъ противъ малыхъ юечжей и поразилъ ихъ въ Киляньшанѣ" (р. 106): оказывается, значитъ, что вмѣсто 30 т. хунновъ поражены были въ Киляньшанѣ малые юечжи. Единственное точное указаніе на мѣстонахожденіе Киляньшаня содержится, по текстамъ K. Sh., въ сочиненіи „Kua-ti-tschi", составленномъ во время династіи Танъ, гдѣ значится: „Киляньшань лежитъ въ 200 ли отъ уѣзда Tschang-yi въ провинціи Гань-чжеу" (p. 107). Случайныя свѣдѣнія „Хэу-Хань-шу" о мѣстахъ обитанія б. юечжей, отъ остатковъ которыхъ въ Наньшанѣ происходили уцѣлѣвшіе до хэу-ханьскихъ временъ такъ называемые малые юечжи, не могутъ быть почитаемы вполнѣ точными и полными: легко могло быть, что Чжанъ-ѣ и Цзю-цюань указаны лишь какъ главныя мѣстности, остальныя же упущены (болѣе полный, чѣмъ у K. Sh. переводъ хэу-ханьскихъ извѣстій данъ Іакинфомъ въ „Исторіи Тибета и Хухунора", Спб., 1833 г., ч. I, стр. 66). Что касается письма 176 г. до Р. Х., то упоминаніе усуней въ числѣ другихъ покоренныхъ народовъ совсѣмъ не означаетъ, что усуни обитали на западѣ отъ Ша-чжеу и были сосѣдями Леулани. Въ „Шы-цзи" древнѣйшее мѣстообитаніе усуней указано на западной границѣ хунновъ, какъ перевелъ и K. Sh. (p. 135: der Vater des K'un-mo herrschte über ein klein Land an der westlichen Grenze der Hing-nu), а такъ какъ южная часть западной границы хунновъ прилегала къ землямъ юечжей у подножія Наньшаня, то страна усуней могла лежать на западной границѣ хунновъ лишь сѣвернѣе территоріи юечжей, т.-е. сѣвернѣе озеръ, въ которыя впадаетъ Ецзинъ, бассейнъ котораго, конечно, весь принадлежалъ юечжамъ, такъ что усуни должны были обитать около Монгольскаго Алтая, какъ я уже высказывалъ въ „Замѣткахъ объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей" (Спб., 1897 г., стр. 17).

[1]) C'est vers l'année 140 av. J.—C. que les Hiong-nou vainquirent les Ta Yue-tche.

нія Юань-шо, т.-е. въ 123 г. до Р. Х., награжденъ за отличія княжескимъ достоинствомъ Бо-ванъ-хэу («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 11, см. также переводъ Броссэ, p. 428, и біографію The Memoir, p. 68); затѣмъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что единственный шаньюй, умершій между приведенными 140 и 123 гг. до Р. Х., былъ Гюньчень, вступившій на престолъ по смерти Лаошанъ-шаньюя въ 161 г. и умершій въ 126 г.; тронъ, по смерти его, захватилъ младшій его братъ Ичисѣ, одержавшій верхъ въ междоусобной войнѣ и скончавшійся на 13 году своего царствованія въ 114 г. («Собр. свѣд.», ч. 1, стр. 32, 36 и 42; пер. Wylie, pp. 421, 424, 429). Такимъ образомъ Чжанъ Кянь, успѣвшій бѣжать изъ вторичнаго плѣна у хунновъ послѣ смерти шаньюя, возвратился въ Китай изъ своего посольства въ 126 г. до Р. Х. во время смутъ, происходившихъ у хунновъ послѣ смерти Гюньченя, случившейся въ этомъ 126 г. Засимъ, такъ какъ Чжанъ Кянь возвратился въ Китай «по прошествіи 13-ти лѣтъ» послѣ отправленія въ посольство, то отправился онъ, значитъ, въ 139 г.; къ юечжійцамъ на Аму-дарью прибылъ онъ послѣ десятилѣтняго задержанія у хунновъ, слѣдовательно около 129 г.; затѣмъ пребываніе въ Дахя «болѣе года» падаетъ па часть 129 и на весь 128 г., вторичное задержаніе на годъ у хунновъ относится къ 127 г. и возвращеніе приходится на 126 г. до Р. Х.

Такимъ образомъ въ 129 г. до Р. Х. юечжи уже достовѣрно находились на Аму-дарьѣ. Выше мы опредѣлили 176 г., какъ дату ухода ихъ изъ непосредственнаго сосѣдства съ хуннами въ страну сэ. Фонъ-Гутшмидъ, основываясь на одномъ мѣстѣ свѣдѣній Чжанъ Кяня объ усуньскомъ Гуньмо, въ переводѣ Броссэ (p. 429: A la mort du Tchen-yu, le Kouen-mo s'en alla en pays lointain, où il s'établit, refusant désormais l'hommage au Tchen-yu), и признавая шаньюя, о смерти котораго тутъ упоминается, за Лаошана, а уходъ Гуньмо въ отдаленную страну—за укочеваніе усуней въ Тянь-шань для нападенія на юечжей, находилъ возможнымъ отнести изгнаніе юечжей изъ Тяньшаня къ 160 или 159 г. до Р. Х. (Geschichte Iran's und seiner Nachbarlände etc., Tübingen, 1888, S. 61). Но Гутшмидъ,—цитированный трудъ котораго есть изданный по смерти его нѣмецкій подлинникъ помѣщенной въ Encyclopaedia Britannica статьи, написанной, повидимому, въ концѣ 70-хъ годовъ, не имѣлъ въ виду ни біографіи Чжанъ Кяня, переводъ которой изъ «Цянь-Хань-шу», сдѣланный Wylie, напечатанъ въ Journ. of Anthrop. Inst., 1880 (или скорѣе, по другой датѣ, 1881), vol. X, ни перевода Іакинфа въ «Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 1—32, той же 123 книги «Ши-цзи», которую перевелъ Броссэ. По переводу Іакинфа, представленныя Чжанъ-Кянемъ императору свѣдѣнія объ усуньскомъ Гуньмо состояли въ существѣ въ слѣдующемъ: отецъ Гуньмо «имѣлъ небольшое владѣніе на западныхъ хуннускихъ предѣлахъ; хунны убили отца его на (въ) сраженіи, а Гуньмо, только-что родившійся, брошенъ былъ въ

полѣ. Птицы склевывали насѣкомыхъ съ его тѣла; волчица приходила кормить его своимъ молокомъ. Шаньюй изумился и счелъ его духомъ, почему (по переводу Броссэ, p. 429: воронъ прилеталъ къ нему, держа въ клювѣ мясо, а волчица кормила его изъ своихъ сосцовъ; пораженный этимъ чудомъ шаньюй) взялъ его къ себѣ и воспиталъ; когда же Гуньмо подросъ, то шаньюй сдѣлалъ его предводителемъ войска. Гуньмо нѣсколько разъ отличился въ походахъ, почему шаньюй возвратилъ ему владѣнія отца его и препоручилъ надзоръ за караулами при Западной стѣнѣ (у Броссэ: et le fit gouverneur en chef de Si-thing). Гуньмо приложилъ попеченіе о поправленіи состоянія своего народа и подчинилъ себѣ окрестные небольшіе города. Онъ имѣлъ нѣсколько десятковъ тысячъ войска, опытнаго въ сраженіяхъ. По смерти шаньюя, Гуньмо съ своимъ народомъ отдѣлился и отказался отъ поѣздокъ въ орду хунновъ (у Броссэ: ушелъ въ отдаленную страну, гдѣ и водворился, отказавшись съ этого времени признавать зависимость отъ шаньюя). Войско, скрытно отправленное хуннами противъ него, не имѣло успѣха; оно сочло Гуньмо духомъ и удалилось, почему хунны, хотя имѣли вліяніе на него, но не нападали слишкомъ». Считая возможнымъ, богатыми подарками и выдачею за Гуньмо китайской царевны, склонить его переселиться на отнятыя у хунновъ въ 121 г. земли у сѣверныхъ подножій Наньшаня и пріобрѣсти такимъ образомъ въ лицѣ усуней поддержку противъ хунновъ, Чжанъ Кянь представлялъ императору объ отправкѣ къ Гуньмо съ этою цѣлію посольства. Посломъ отряженъ былъ самъ Чжанъ Кянь, но успѣха не получилъ, такъ какъ усуньскіе старѣйшины, боясь силы хунновъ и сомнѣваясь въ могуществѣ Китая, не пожелали переселяться. Гуньмо же состарился (у Броссэ, p. 431: était... cassé de vieillesse) и не могъ полновластно распоряжаться, ибо часть войска отдалъ внуку своему, назначенному наслѣдникомъ, другая же принадлежала второму изъ сыновей Гуньмо. Чрезъ годъ по возвращеніи изъ этого посольства Чжанъ Кянь умеръ (Іакинфъ «Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 12—15, Броссэ, pp. 429—431). По «Цянь-Хань-шу» (въ свѣдѣніяхъ объ усуняхъ), ознакомившись чрезъ свое отвѣтное посольство, отправленное при возвращеніи Чжанъ Кяня, съ богатствомъ и силою Китая, усуни снарядили въ Китай новаго посла съ ходатайствомъ о выдачѣ за Гуньмо китайской царевны. Въ срединѣ правленія Юань-фынъ, въ 107 г. до Р. X. (по Wylie, J. of Anthr. I., 1882, XI, p. 86, in the Yuen-fung periode, B. C. 110—105), китайскій дворъ отправилъ къ Гуньмо въ супруги Сигюнь, дочь князя Гянь. «Гуньмо, будучи старъ, хотѣлъ выдать царевну за внука своего Сэньцзу. Царевна не послушала его и представила объ этомъ Двору. Сынъ Неба въ отвѣтъ совѣтовалъ ей сообразоваться съ обыкновеніями народа... И такъ Сэньцзу женился на царевнѣ и по смерти Гуньмо возведенъ на престолъ» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 66—68, а также пер. Wylie). Біографія Чжанъ Кяня въ общемъ содержитъ тѣ же свѣдѣнія о

посольствахъ Чжанъ Кяня къ юечжи и усунямъ, но имѣетъ и нѣкоторыя отличія, изъ которыхъ я приведу слѣдующее: первоначально отецъ Гуньмо Нань-тоу-мо и Б. Юечжы оба имѣли небольшія царства между Цилянь (шанемъ) и Дунь-хуаномъ. Б. Юечжы напалъ на Нань-тоу-мо, убилъ и завладѣлъ его страною, народъ которой бѣжалъ къ хуннамъ. Недавно родившійся сынъ убитаго усуньскаго царя Гуньмо былъ спасенъ княземъ (хи-хэу) Пу-цзю. Отлучившись для розысканія пищи и спрятавъ на это время ребенка въ травѣ, Пуцзю по возвращеніи нашелъ, что волчица кормитъ малютку молокомъ своимъ, а подлѣ сидитъ птица съ мясомъ въ клювѣ. Усмотрѣвъ въ этомъ проявленіе сверхъестественныхъ свойствъ мальчика, Пу-цзю доставилъ его къ хуннамъ. Тамъ онъ понравился шаньюю, который взялъ его къ себѣ. Когда онъ достигъ возмужалости, въ его управленіе отданы были прежніе подданные его отца и въ нѣсколькихъ случаяхъ онъ отличился военными успѣхами. Около этого времени (About that time) юечжи, пораженные хуннами, напали на царя сэйцевъ (Sae) на западѣ, когда же послѣдній бѣжалъ къ югу на дальнее разстояніе, земли его были заняты юечжійцами. Чувствуя себя сильнымъ, Гуньмо испросилъ у шаньюя разрѣшеніе отмстить за гибель своего отца, двинулся на западъ, напалъ на юечжей и поразилъ ихъ; юечжи бѣжали еще далѣе на западъ и водворились въ странѣ Дахя. Гуньмо же остался въ (покинутой ими) странѣ, устроилъ управленіе народомъ и постепенно организовалъ сильное войско. По смерти шаньюя онъ отказался признавать зависимость отъ хунновъ. Послѣдніе послали войско для нападенія на него, но оно возвратилось безъ успѣха. Увѣренность въ сверхъестественныхъ свойствахъ Гуньмо чрезъ это усилилась, и хунны стали заботиться не имѣть съ нимъ столкновеній. Далѣе біографія продолжаетъ сходно съ «Шы-цзи», но раньше представляетъ еще одно довольно рѣзкое отличіе, заключающееся въ томъ, что по «Шы-цзи», послѣ убіенія хуннами царя юечжей, былъ возведенъ на престолъ старшій сынъ убитаго («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 3, Броссэ, р. 421), по біографіи же верховную власть получила вдова убитаго (J. of A. I., vol. X, pp. 66, 68, 69). Это разнорѣчіе можетъ быть объяснено, по догадкѣ Бойе, предположеніемъ, что вдова убитаго царя управляла юечжійцами въ качествѣ регентши надъ малолѣтнимъ сыномъ (Journal asiatique, 1900, t. XV, L'Époque de Kaniska, par A. M. Boyer, p. 535; тамъ же, р. 534, неправильно утверждается, что Чжанъ Кянь отправился въ посольство къ юечжи въ 135 г. и возвратился въ Китай въ 122 г. до Р. X.), но все-таки остается неизвѣстнымъ—хунны или юечжи напали на усуней и убили отца Гуньмо. Можетъ быть, оказались бы какія-нибудь положительныя для рѣшенія данныя въ существовавшемъ еще въ 618 г., въ видѣ особаго сочиненія, описаніи путешествій Чжанъ Кяня (см. статью проф. Хирта въ Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenländes, 1896, B. X, SS. 227—228), но сочиненіе это до насъ не сохранилось, а потому мы поста-

влены въ необходимость признать версію біографіи,—дающую вполнѣ правдоподобное объясненіе нападенія Гуньмо на юечжей местью за убійство отца,—болѣе близкою къ истинѣ, чѣмъ версія «Шы-цзи», ничего даже не говорящая о нападеніи Гуньмо на юечжей, тогда какъ это нападеніе несомнѣнно, ибо подтверждается въ приведенной выше цитатѣ изъ «Цянь-Хань-шу», гдѣ указанія на мотивъ нападенія этого не помѣщено потому, что о подробностяхъ сдѣлана общая ссылка на біографію: «см. повѣствованіе о Чжанъ Кянѣ» («Собр свѣд.», ч. 3, стр. 65). Можетъ-быть, составитель «Шы-цзи» пользовался только докладомъ Чжанъ Кяня, сдѣланнымъ передъ отправкой его къ Гуньмо, когда онъ и самъ располагалъ лишь скудными свѣдѣніями, основанными лишь на слухахъ, дошедшихъ до него во время двукратнаго задержанія въ плѣну у хунновъ. Свѣдѣнія эти, несомнѣнно, должны были значительно пополниться во время пребыванія у усуней въ посольствѣ, но почему-нибудь не дошли до автора «Шы-цзи» и послужили лишь однимъ изъ матеріаловъ для біографіи.

Въ приведенныхъ китайскихъ извѣстіяхъ нѣтъ ни датъ, ни иныхъ основаній, подтверждающихъ предположеніе Гутшмида о томъ, что шаньюя, по смерти котораго Гуньмо отказался признавать зависимость отъ хунновъ, слѣдуетъ считать Лаошаномъ. Однако въ сказаніяхъ объ усуньскомъ Гуньмо есть фактъ, дающій возможность установить приблизительно нѣкоторыя недостающія даты. Я имѣю въ виду указаніе на тотъ фактъ, что въ числѣ причинъ неуспѣха посольства Чжанъ Каня помѣщено то обстоятельство, что Гуньмо «состарился». Хотя въ приведенныхъ текстахъ упущена дата и посольства Чжанъ Кяня [1]), но въ Histoire générale de la Chine, par le père de Moyriac de Mailla (t. III, p. 51), посольство это отнесено къ 116 г. до Р. Х. Такъ какъ этотъ трудъ есть переводъ или сокращенное, но точное изложеніе весьма авторитетной китайской исторіи, извѣстной подъ названіемъ «Ганъ-му», пользовавшейся кромѣ династійныхъ исторій и другими цѣнными источниками, то дата эта общепринята (напр., она дана у Броссэ, p. 431, и у Boyer, p. 539) и можетъ считаться достовѣрною. Если же Гуньмо въ 116 г. до Р. Х. оказывался состарившимся, т. е. имѣвшимъ 60—70 лѣтъ отъ рода, то онъ долженъ былъ родиться въ 176—186 г., а, стало быть, нападеніе юечжей на усуней и убіеніе его отца должны были совершиться въ тѣ же годы. Вѣроятнѣе дата 176 г., потому что, если бы гибель Нань-тоу-мо и бѣгство усуньскаго народа къ хуннамъ совершилось ранѣе, въ 186 или тѣмъ болѣе въ 196 г., Модэ не писалъ бы въ 176 г. о подчиненіи усуней, которые поддались уже

[1]) Іакинфъ относилъ посольство Чжань-Кяня къ 105 г. („Собр. свѣд.“, ч. 3, стр. 15), но это явная ошибка, потому что китайская царевна была выдана въ замужество за Гуньмо еще въ 107 г., какъ значится у Іакинфа (въ срединѣ правленія Юань-фынъ, обнимавшаго 110—105 гг. до Р. Х.), посольство же Чжанъ-Кяня имѣло мѣсто за нѣсколько лѣтъ ранѣе.

10 или 20 лѣтъ раньше. Чтобы возмужать, получить управленіе бывшими подданными отца, отличиться военными подвигами и организовать достаточно многочисленное и опытное войско, Гуньмо долженъ былъ, ко времени движенія съ своимъ народомъ на юечжей съ цѣлію мести за смерть отца, имѣть по крайней мѣрѣ 35 или 40 лѣтъ отъ роду, а потому походъ его на юечжей былъ предпринятъ не ранѣе 141—136 г., во всякомъ случаѣ въ царствованіе (и съ разрѣшенія) шаньюя Гюньченя, какъ утверждалъ еще де-Гинь (Histoire générale des Huns etc., Paris, 1756, t. I, partie 2, p. 56). Только по смерти Гюньченя въ 126 г. Гуньмо и могъ безнаказанно отказаться отъ подчиненія хуннамъ, такъ какъ ранѣе хунны были очень сильны, уменьшеніе же ихъ могущества началось при преемникѣ Гюньченя, при которомъ, послѣ нанесенныхъ хуннамъ пораженій, китайцы отняли у нихъ въ 121 г. до Р. Х. бывшія земли юечжей у подножій Наньшаня [1]).

[1]) Признавая невозможнымъ точное опредѣленіе времени ухода на западъ юечжей и усуней, Kurakichi Shiratori (Keleti Szemle, vol. III, 1902, p. p. 113—117) пытался сдѣлать это приблизительно. Отвергая дату 209 г., указанную комментаторомъ Сюй Гуаномъ для восшествія на престолъ Модэ, такъ какъ предмѣстникъ его Тумань не могъ возвратиться на югъ, — откуда былъ изгнанъ полководцемъ Мынъ Тхянь, ранѣе 206 или 205 г. до Р. Х., ибо Мынъ прогналъ Туманя въ 214 г., и на сѣверѣ Тумань „оставался десять лѣтъ“, K. Sh. намѣчаетъ для смерти Туманя и восшествія Модэ 206 или 205 годъ (p. p. 113—114). Такъ какъ полнаго перевода относящихся сюда мѣстъ „Шы-цзи“ K. Sh. не далъ, по переводамъ же Іакинфа (I, 10—11) и Wylie (p. p. 406—408) не ясно—съ какого года и событія по прошествіи десяти лѣтъ“ умеръ Мынъ-Тхянь, то я остаюсь въ сомнѣніи — къ какому событію относится дата 214 г., данная Іакинфомъ, но отсутствующая въ подлинникѣ и значащаяся у K. Sh. въ видѣ 415 г., ибо передъ нею упомянуты многія дѣйствія Мынъ-Тхяня, требовавшія для выполненія нѣсколькихъ лѣтъ (въ томъ числѣ нѣчто въ родѣ построенія Великой стѣны или ея исправленія); вслѣдствіе этого Сюй Гуанъ, можетъ-быть, и имѣлъ основанія считать датою восшествія Модэ 209 г., ибо возвращенію хунновъ на югъ, по „Шы-цзи“, предшествовалъ рядъ другихъ событій: „Удѣльные князья возстали противъ Дома Цинь, срединное царство пришло въ смятеніе, гарнизоны... по границѣ всѣ разошлись“ (Іакинфъ, I, стр. 11, Wylie, p. 407). Первое нападеніе Модэ на юечжей K. Sh. относитъ къ періоду между 205 и 202 г. (p. 115), второе же къ 177 г.; основаніемъ послѣдней даты служитъ письмо Модэ, но изъ этого письма, полученнаго въ Китаѣ въ 5 мѣсяцѣ 176 г., видно, что походъ на юечжей могъ быть совершенъ съ 5 мѣсяца 177 года до времени отсылки письма („Собр. свѣд.“, ч. I, стр. 22—24). Далѣе, не приведя текстовъ, K. Sh. утверждаетъ, что юечжи сохраняли свои древнія земли во все царствованіе Модэ, оставили же ихъ и ушли на западъ лишь въ царствованіе Лаошана, продолжавшееся съ 174 по 158 г. Такъ какъ по переводамъ Іакинфа и K. Sh, S. 114, уже при первомъ нападеніи Модэ „прогналъ“ (vertrieb) юечжей, то при второмъ, въ 177—176 гг. они, вѣроятно, разгромлены были на новыхъ мѣстахъ, должно-быть, около Дунь-хуана или восточной оконечности Тяньшаня, и послѣ погрома отсюда бѣжали на западъ къ землямъ сэйцевъ, быть-можетъ, по сѣверной сторонѣ Тяньшаня, ибо мало вѣроятія, чтобы послѣ двухъ разгромовъ они стали ожидать третьяго вблизи превосходящихъ

Такимъ образомъ юечжи вынуждены были окончательно оставить Тяньшань около 141—136 г.г. до Р. Х., и въ 129 г., когда Чжанъ Кянь нашелъ ихъ на сѣверномъ берегу Аму-дарьи подчинившими себѣ Дахя, они должны были провести здѣсь уже нѣсколько лѣтъ, до его прибытія, причемъ, «обитая въ привольной странѣ, рѣдко подверженной непріятельскимъ набѣгамъ», расположились «вести мирную жизнь» и «вовсе не думали объ отмщеніи хуннамъ» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 3). По описанію Чжанъ Кяня («Шы-цзи» въ пер. Іакинфа «Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 8; см. также переводы Броссэ, p. 426, и проф. de Groot въ Marquart's Erānšahr, 1901, S. 201), «Дахя лежитъ слишкомъ въ 2.000 ли отъ Давани[1]) на юго-западъ, на южной сторонѣ рѣки Гуй-шуй (у западно-европейскихъ синологовъ рѣки «Вэй»). Тамъ ведутъ осѣдлую жизнь; имѣютъ города и домы; въ обыкновеніяхъ сходствуютъ съ даваньцами. Не имѣютъ верховнаго главы, а почти каждый городъ поставляетъ своего правителя. Войска ихъ слабы, робки въ сраженіяхъ. Жители искусны въ торговлѣ. Когда Б. Юечжы, идучи на западъ, разбилъ ихъ, то они поддались Дому Дахя (тутъ у Іакинфа несо-

---

силою враговъ. Въ шаньюѣ, воспитавшемъ гуньмо, К. Sh. предполагаетъ Лаошана, и такъ какъ послѣдній умеръ въ 158 г., а завоеваніе усуньскимъ гуньмо земель юечжей произошло до смерти шаньюя, то отнятіе у юечжей земель усунями онъ относитъ ко времени незадолго до 158 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ царство усуней существовало еще въ 177 г., какъ видно изъ письма 176 г., а потому уничтоженіе его юечжами могло послѣдовать лишь послѣ этого года, хотя и вскорѣ, то К. Sh. полагаетъ, что во время смерти шаньюя (Лаошана) усуньскому гуньмо, родившемуся около 177 г., шелъ двадцатый годъ. Съ своей стороны, имѣя въ виду, что Лаошанъ умеръ въ 161 г. (Іакинфъ) или въ 160 г. (Wylie), я нахожу недопустимымъ, чтобы шестнадцатилѣтній мальчикъ могъ быть именуемъ возмужалымъ и имѣлъ уже возможность и время къ этому возрасту отличиться въ походахъ въ качествѣ полководца, получить за эти отличія въ управленіе бывшій народъ отца, возстановить попечительностью своею благосостояніе усуньскаго народа и организовать достаточно многочисленное и опытное для нападенія на юечжей войско.

[1]) Цифры разстояній и численности населенія у Чжанъ Кяня часто увеличены или уменьшены противъ дѣйствительности, что вполнѣ естественно со стороны перваго изъ китайцевъ путешественника въ совершенно дотолѣ имъ неизвѣстныя страны. Въ данномъ случаѣ преувеличеніе разстоянія отъ столицы Давани, находившейся, вѣроятно, въ Ходжентѣ, до Бактріаны, объясняется тѣмъ, что изъ Давани попалъ онъ на Аму-дарью не прямо, а чрезъ Кангюй, т.-е., быть-можетъ, чрезъ резиденцію кангюйскаго государя, находившуюся, вѣроятно, сѣвернѣе Джулека („Даваньскій владѣтель... приказалъ... проводить его въ Кангюй, а изъ Кангюя они", т.-е. посолъ съ спутниками, „препровождены къ Большому Юечжы", см. „Собр. свѣд.", ч. 3, стр. 3). Насколько смутны были представленія Чжанъ Кяня о разстояніяхъ, видно изъ того, что страна самихъ юечжы показана имъ въ 2—3 т. (такъ по переводамъ западно-европейскихъ синологовъ, у Іакинфа „почти въ 3.000", тамъ же, стр. 6) ли отъ Давани, вслѣдствіе чего нѣкоторые европейскіе ученые долго помѣщали юечжей на Аму-дарьѣ противъ Хивы.

мнѣнная описка, уцѣлѣвшая по недосмотру, ибо вмѣсто «Дому Дахя» слѣдовало помѣстить «ему» или «Дому Б. Юечжы», потому что на стр. 7 въ переводѣ свѣдѣній Чжанъ Кяня о Б. Юечжы значится, что послѣдній, пройдя «отъ Давани на западъ, ударилъ на Дахя и покорилъ сіе владѣніе»; по переводу Броссэ, lors de l'émigration des Ta-youe-chi à l'occident, les Ta-hia furent battus et assujettis par eux; по de Groot'y, weshalb die grossen Yueh-ši, als sie nach dem Westen übersiedelten, sie schlugen und die Ta-hia völlig unterjochten). Народонаселеніе въ Дахя простирается до милліона, столица называется Ланьшы. Въ семъ городѣ есть рынокъ съ различными товарами (Marktstrassen, wo man allerhand Dinge verhandelt). Отъ Дахя на юго-востокъ лежитъ владѣніе Шеньду, иначе Иньду», т.-е. Индія. Излишне доказывать, что Дахя есть Бактріана, населеніе же ея составляло часть восточной вѣтви иранскаго племени, уцѣлѣвшіе остатки котораго продолжаютъ и понынѣ вести осѣдлый образъ жизни, сохраняютъ склонность къ торговлѣ и не пріобрѣли безстрашія и воинственности. По свѣдѣніямъ Чжанъ Кяня («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 6 и 7), сами юечжи, ведя кочевой образъ жизни, обитали на сѣверной сторонѣ рѣки Вэй (т.-е. Вахша, Аму-дарьи); на югѣ отъ нихъ за Аму дарьею находилась подвластная имъ Дахя-Бактріана, на западѣ—Аньси и на сѣверѣ—Кангюй. Именемъ Аньси китайцы называли парфянское царство, властвующій въ которомъ родъ происходилъ отъ Арсака, такъ что Аньси есть китайская транскрипція слова Арсакъ. Кочевое владѣніе Кангюй, имѣвшее до 90 т. войска, было, по Чжанъ Кяню, смежно съ Даванью, отъ которой находилось въ 2 т. ли на сѣв.-западъ. Кангюй «по малосилію своему признаетъ надъ собою на югѣ власть юечжійцевъ, на востокѣ — власть хунновъ». На сѣв.-западѣ отъ Кангюя, почти въ 2 т. ли, лежало кочевое владѣніе Яньцай, которое имѣло болѣе 100 т. войска и на югѣ простиралось до Аньси (тамъ же). Свѣдѣнія Чжанъ Кяня о малосиліи Кангюя были не точны, такъ какъ по «Цянь-Хань-шу»,— освѣдомленность источниковъ составителей которой во многомъ превосходила скудный запасъ слуховъ и личныхъ наблюденій, которыми располагалъ Чжанъ-Кянь, вслѣдствіе посылки послѣ него многочисленныхъ посольствъ въ западныя страны, — численность кангюйскаго войска простиралась до 120 т. человѣкъ, тогда какъ у юечжей насчитывалось только 100 т. (тамъ же, стр. 58 и 54); сверхъ того Кангюю подчинялось пять осѣдлыхъ владѣній (ibid., стр. 58 и 59), изъ которыхъ одно соотвѣтствовало нынѣшнему Ташкенту, другое—Хивѣ, остальныя же три занимали долину Заравшана, имѣя столицами города около нынѣшнихъ Самарканда, Катта-кургана и Бухары, о чемъ, во избѣжаніе повтореній, я буду говорить ниже, гдѣ это будетъ удобнѣе. Весьма поэтому вѣроятно, что о подчиненности Кангюя на югѣ, т.-е. вассальныхъ владѣній на Заравшанѣ, юечжійцамъ Чжанъ Кянь имѣлъ представленіе ошибочное и вытекавшее, быть можетъ, лишь изъ того возможнаго факта, что

заравшанскіе вассалы Кангюя представляли ежегодные подарки и юечжійцамъ, чтобы избѣжать обычнаго у осѣдлаго населенія воровства и грабежей со стороны сосѣднихъ кочевниковъ. Что касается, наконецъ, кочевниковъ вл. Яньцай, то при дин. Младшихъ Ханей (25—221 г.г. по Р. X.) вл. Яньцай именовалось Аланья и находилось въ зависимости отъ Кангюя; имя аланья показываетъ, что это были аланы, и дѣлаетъ вѣроятнымъ, что яньцай есть кит. транскрипція имени асы (осы, осетины), ясы, какъ именовались аланы въ русскихъ лѣтописяхъ [1]).

Итакъ китайцы, ничего не зная о грекахъ на Аму-дарьѣ и о греко-бактрійскомъ царствѣ, сохранили намъ достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что кит. посолъ Чжанъ Кянь нашелъ въ 129 г. до Р. X. на Аму-дарьѣ племя юечжей, покорившее Дахя-Бактріану и прибывшее на Аму-дарью около 141—135 г.г.; что долина Заравшана, т.-е. Согдіана, состояла въ 129 г. и позднѣе въ вассальной зависимости отъ кангюйцевъ, но неизвѣстно, съ какого времени эта зависимость началась; наконецъ, что въ томъ же 129 г. непосредственнымъ сосѣдомъ кангюйцевъ и парфянскаго царства было племя яньцай, т.-е. асы, аланы. Мы видѣли, что у Страбона разрушившими греко-бактрійское царство народами названы асіи, пасіаны, тохары и сакараулы, у Трога же Помпея упоминаются асіаны, тохары и сарауки или сакарауки; такъ какъ асіи и асіаны, вѣроятно, одинъ и тотъ же народъ, а пасіаны легко могли быть лишь иною транскрипціею асіановъ, и такъ какъ сарауки, сакарауки и сакараулы тоже, вѣроятно, имя одного и того же народа, то и у западныхъ писателей народовъ, разрушившихъ греко-бактрійское царство, оказывается три: тохары, сакараулы и асіи, соотвѣтственно тремъ кочевымъ племенамъ, властвовавшимъ на Аму-дарьѣ, Заравшанѣ и Сыръ-дарьѣ и въ степяхъ къ западу въ 129 г. до Р. X., по китайскимъ свѣдѣніямъ. Для того, чтобы выяснить, какія именно племена китайскихъ извѣстій соотвѣтствуютъ племенамъ западныхъ писателей и какую каждый изъ этихъ народовъ игралъ роль въ разрушеніи греко-бактрійскаго царства, необходимо привести нижеслѣдующія извѣстія западныхъ писателей.

Отправляясь въ походъ на Индію, Александръ Македонскій оставилъ въ Бактріанѣ полководца своего Аминту съ 10 т. пѣхоты и 3 т. всадниковъ (Арріанъ). По смерти Александра (323 г. до Р. X.), азіатскія его владѣнія достались селевкидамъ. Около 250 г. до Р. X., воспользовавшись неудачами Антіоха II Теоса въ войнѣ съ египетскимъ царемъ Птолемеемъ Филадельфомъ, селевкидскій правитель Бактріаны Діодотъ отложился и основалъ такъ называемое греко - бактрійское царство, въ составъ котораго

[1]) Vivien de Saint-Martin, Etudes de géographie ancienne et d'ethnographie asiatique, Paris, 1850, t. I, p. 105 et suiv. Проф. В. Ф. Миллера „Осетинскіе этюды“, ч. 3, Москва, 1887 г., стр. 100 и слѣд.

кромѣ Бактріи входила и Согдіана. Когда возстановившій на короткое время могущество селевкидовъ Антіохъ III Великій, — побѣдивъ парфянъ, основавшихъ независимое царство одновременно съ Діодотомъ, — обратилъ свое оружіе противъ греко-бактрійскаго царя Евфидема, то послѣдній, добиваясь возможно менѣе тяжкихъ условій мира, представлялъ въ 206 г. послу Антіоха Пелеѣ, что ослабленіе бактрійскаго царства будетъ опасно для самого Антіоха, такъ какъ, не встрѣчая достаточнаго отпора со стороны Бактріи, полчища сосѣдящихъ съ нею скифовъ устремятся на владѣнія селевкидовъ (Поливій, XI, 34). Между тѣмъ уже сынъ Евфидема Деметрій значительно ослабилъ силы грековъ въ Бактріанѣ, употребивъ значительную часть ихъ для завоеваній въ Индіи (Страбонъ, XI, гл. I, 1). Такими же завоеваніями въ Индіи занимался и греко-бактрійскій царь Евкратидъ (Страбонъ, XV, гл. I, 3). По словамъ Юстина (XLI, 6), во время парфянскаго царя Митридата I (171—138 г.г. до Р. Х.) и греко-бактрійскаго Евкратида, когда могущество парфянъ продолжало возрастать, бактрійцы, напротивъ, доведены были разными войнами до того, что потеряли не только свое царство, но и самую свободу: столь изнурительныя войны вели они съ согдіанцами, арахотами, драngами, индійцами, что, наконецъ, совсѣмъ обезсилѣли и утѣснены были парфянами, которые были прежде гораздо ихъ слабѣе. Дѣйствительно, мы знаемъ отъ Страбона (XI, гл. 11, 2), что парфяне отняли у Евкратида двѣ бактрійскихъ сатрапіи Аспіонъ и Туриву. Свѣдѣнія классическихъ писателей о греко-бактрійскомъ царствѣ прекращаются съ извѣстія Юстина (XLII, 6) о смерти Евкратида отъ руки собственнаго сына; послѣднимъ же упоминаніемъ о бактрійцахъ, какъ о независимомъ царствѣ, считается извѣстіе Юстина (XXXVI, I, 4) о томъ, что Деметрію Никатору въ попыткѣ его уничтожить парфянское царство обѣщали помочь, въ числѣ другихъ народовъ, и бактрійцы; это упоминаніе Гутшмидъ (Geschichte Iran's, 52) и Маркварть (Erānšahr, 207) пріурочиваютъ къ 140 г. до Р. Х., а акад. Байеръ (Historia regni Graecorum Bactriani etc., Petropoli, 1738, p. 96) къ 142 г. Этимъ подтверждается выведенная мною по кит. даннымъ дата для появленія юечжей на Амударьѣ между 141—136 г.г. до Р. Х.

Будемъ имѣть еще въ виду слѣдующія извѣстія о столкновеніяхъ парфянскихъ царей съ скифами и тохарами (см. Гутшмида Geschichte Iran's, SS. 75—82). Наслѣдовавшій Митридату I въ 138 г. сынъ его Фраатъ II отнялъ у скифовъ Маргіану (есть его монеты съ означеніемъ мѣста чеканки въ Маргіанѣ) и успѣшно справился съ послѣднею попыткою селевкидовъ при Антіохѣ VII возстановить свою власть въ отторгнутыхъ парфянами земляхъ. Разбитый Антіохъ погибъ въ февралѣ 129 г., но Фраата постигла другая бѣда: парфянскія земли подверглись грабежамъ скифовъ, которыхъ Фраатъ призвалъ на помощь противъ Антіоха, но отказалъ имъ въ выдачѣ обѣщанной платы, ибо скифы прибыли послѣ пораженія селевкид-

скаго войска; парфянская армія выступила противъ грабителей, но, вслѣдствіе перехода во время боя на сторону скифовъ насильственно взятыхъ въ ряды арміи плѣненныхъ воиновъ Антіоха, была на голову разбита и самъ Фраатъ убитъ. По Юстину, при наслѣдовавшемъ въ 128 г. Фраату Артабанѣ I, скифы удалились во-свояси (Scythae autem, contenti victoria, depopulata Parthia, in patriam revertuntur), но, по Іоанну Антіохійскому, Артабанъ вынужденъ былъ обязаться платить имъ дань. Сверхъ того, какъ полагалъ Гутшмидъ, съ этого времени въ обладаніи скифовъ осталась часть Дрангіаны, которая стала именоваться Сакастаномъ и понынѣ удержала имя Сеистана. По Юстину (XLII, 2), Артабанъ I умеръ отъ раны, полученной въ войнѣ съ тохарами (Torgarii, Thogarii въ разныхъ рукописяхъ и чтеніяхъ). Сынъ его и преемникъ Митридатъ II Великій (123—84 г.г. до Р. Х.) нѣсколько разъ успѣшно воевалъ съ скифами, но именъ этихъ скифовъ и подробностей и результатовъ войнъ этихъ не имѣется. При преемникѣ его Артабанѣ II возникли междоусобія, и престоломъ въ 77 году до Р. Х. овладѣлъ возвратившійся изъ земли сакарауковъ Синатрукъ (Sinatruces).

Изъ приведенныхъ извѣстій ясно, что власть греко-бактрійскихъ царей опиралась только на греческое войско, численность котораго едва ли увеличилась противъ цифры 13 т. пѣхоты и конницы, оставленныхъ съ Аминтой; мирные бактрійцы не могли доставлять греческимъ царямъ достаточной поддержки, болѣе же воинственные согдійцы, — у которыхъ воинственность поддерживалась необходимостью обороны отъ постоянныхъ набѣговъ сосѣднихъ кочевниковъ,—отличались стремленіемъ къ независимости, ради которой они вынудили Александра Македонскаго потерять почти три года его короткой жизни на ихъ покореніе и на усмиреніе ихъ возстаній. Уведя значительную часть своихъ грековъ для завоеваній въ Индіи, бактрійскіе цари Деметрій и Евкратидъ окончательно ослабили свои силы на сѣверѣ отъ Хиндукуша. Безсиліемъ этимъ первые воспользовались согдійцы, свергнувъ съ себя власть грековъ, что произошло при Евкратидѣ въ 160-хъ или 150-хъ годахъ, если не ранѣе, такъ какъ Юстинъ называетъ согдійцевъ во главѣ народовъ, войны съ которыми истощили силы греко-бактрійцевъ. Нахожденіе долины Заравшана въ вассальной зависимости отъ кангюйцевъ въ 129 г. до Р. Х. заставляетъ предполагать, что, для отложенія своего или для защиты противъ попытокъ грековъ возстановить свое владычество, согдійцы прибѣгли къ помощи Кангюя, обязавшись признавать вассальную зависимость и давать дань или дары. Вмѣстѣ съ тѣмъ сохраненіе этой зависимости Согдіаны отъ Кангюя и послѣ покоренія юечжійцами Дахя-Бактріаны даетъ основаніе полагать, что проходъ юечжей чрезъ собственныя степи Кангюя, а также и чрезъ находившіяся подъ его зависимостью земли Юйни (Ташкентъ) и заравшанскихъ владѣній, произведенъ былъ изъ басейна р. Или и озера Иссыкъ-куля, откуда они были выгнаны усунями, на Аму-дарью по договору ихъ съ кангюйцами, на условіи воздержанія отъ вся-

кихъ обидъ населенію и признанія долины Заравшана и впредь въ зависимости отъ Кангюя. Заключеніе такого договора со стороны кангюйцевъ вызывалось не только вѣроятностью огромныхъ потерь въ борьбѣ съ доведенными до крайности юечжійцами, но и нахожденіемъ значительной части кангюйскихъ силъ въ Маргіанѣ, которой угрожали парфяне; юечжійцы же должны были принять этотъ договоръ съ благодарностью, такъ какъ гибель между усунями и кангюйцами была для нихъ почти неизбѣжна. Подтверждается существованіе подобнаго договора и продолженіемъ нахожденія заравшанскихъ владѣній въ зависимости отъ Кангюя во все время ханьскихъ династій. Засимъ отнятіе Фраатомъ II (138—128 г.г. до Р. Х.) у скифовъ (кангюйцевъ) Маргіаны даетъ основаніе думать, что, послѣ отложенія согдійцевъ и принятія ими подданства Кангюю, побуждаемые жаждою добычи кангюйскіе кочевники устремились также и на ближайшія къ нимъ западныя бактрійскія сатрапіи и завладѣли Маргіаною; у нихъ то и отнялъ ее Фраатъ II, который однако, около 129 г., долженъ былъ обратиться къ скифамъ, т.-е. къ тѣмъ же кангюйцамъ (не къ тохарамъ, которыхъ Юстинъ отличаетъ этимъ племеннымъ именемъ отъ прочихъ скифовъ), съ просьбою о помощи противъ Антіоха VII, и въ слѣдующемъ году погибъ въ бою съ ними. Весьма возможно, что, удовлетворивъ уступкою Сеистана и обязательствомъ дани кангюйцевъ, Артабанъ I сдѣлалъ попытку вознаградить себя отнятіемъ Бактріаны у терпѣвшихъ доселѣ пораженія отъ хунновъ и усуней тохаровъ-юечжей, но былъ раненъ въ руку и умеръ отъ этой раны. Извѣстіе Юстина о томъ, что претендентъ на парфянскій престолъ Синатруцесъ нашелъ убѣжище у сакарауковъ и въ 77 г. до Р. Х. овладѣлъ трономъ, вѣроятно при ихъ помощи, важно въ томъ отношеніи, что даетъ основаніе считать сакарауковъ за кангюйцевъ. Какъ кангюй есть китайская транскрипція имени племени канглы, которое (подобно именамъ многихъ тюркскихъ племенъ, происходящихъ отъ названій разныхъ урочищъ и рѣкъ въ Алтаѣ) происходитъ отъ имени рѣки Канъ или Кангъ, съ приставкою лыкъ или лы (напр. кашгарлыкъ, ташкентлыкъ и т. д. для указанія происхожденія изъ Кашгара, Ташкента и т. п.)[1]), а потому есть имя племени тюркскаго, такъ и имя сакараулъ (предпочитаю транскрипцію Страбона) есть имя племени тюркскаго, потомство котораго и въ настоящее время имѣется въ лицѣ туркменскаго рода сакаръ, обитающаго на Аму-дарьѣ выше Чарджуя въ бухарскихъ владѣніяхъ, численностью въ 3 т. кибитокъ (см. мои «Замѣтки объ этн. составѣ тюркскихъ племенъ» и пр., отд. оттискъ, 1897 г., стр. 142). Форма сакар-аулъ аналогична имени другаго туркменскаго рода бекаулъ, при существованіи родового имени бекъ (тамъ же, стр. 141 и

---

[1]) Китайское Khang-kiu Аб. Ремюза переводилъ demeure des Khang (Recherches sur les langues tartares, Paris, 1820, t. I, p. 315).

142)[1]. Асы-аланы, которыхъ Амміанъ Марцеллинъ, повидимому, вѣрно считалъ потомками массагетовъ Геродота (I, 201), занимавшихъ степи на востокъ отъ Каспія, конечно могли высылать въ западные округа Бактріаны болѣе или менѣе значительные отряды для грабежей, дѣйствуя самостоятельно или присоединяясь къ кангюйцамъ, почему и значатся у западныхъ писателей въ числѣ народовъ, принимавшихъ участіе въ разрушеніи греко-бактрійскаго царства, но едва ли, вслѣдствіе отдаленности своихъ кочевокъ, они могли играть значительную роль. Что касается бактрійскихъ грековъ, то въ виду отложенія Согдіаны и отнятія Маргіаны кочевниками, а болѣе западныхъ сатрапій (Аспіона и Туривы, которыя Гутшмидъ считалъ лежавшими на Херирудѣ) парфянами, едва ли оставшееся въ восточной Бактріанѣ, послѣ гибели Евкратида, незначительное число грековъ могло сдѣлать что-либо другое, какъ удалиться къ своимъ единоплеменникамъ въ Кабулистанѣ и Индіи, вмѣсто того, чтобы ожидать несомнѣнной гибели при продолжавшемся наплывѣ кочевниковъ, тѣмъ болѣе, что и туземное иранское населеніе Бактріаны начинало, вѣроятно, выходить изъ повиновенія горсти грековъ.

Такимъ образомъ, на основаніи западныхъ и китайскихъ историческихъ извѣстій, оказывается, что тохары классическихъ писателей соотвѣтствуютъ юечжійцамъ китайцевъ, сакараулы — кангюйцамъ и асіи—асамъ (яньцай, аланы). Къ сожалѣнію, вышеприведенные загадочные тексты XLI и XLII прологовъ исторіи Трога Помпея остаются безъ примѣненія и объясненія, но, во-первыхъ, тексты эти дошли до насъ въ крайне испорченномъ видѣ[2], во-вторыхъ же, нельзя ручаться, что свѣдѣнія Трога Помпея были вѣрны и ясны, а не представляли собою смутные и противорѣчивые слухи, въ которыхъ римскій историкъ не могъ или не съумѣлъ разобраться. Хотя Плиній отзывается о Трогѣ Помпеѣ, какъ объ историкѣ добросовѣст-

---

[1]) Именованіе у западныхъ писателей кангюйцевъ сакараулами можетъ быть объяснено тѣмъ, что сакараулы были самымъ южнымъ изъ кангюйскихъ родовъ, кочевали между Сыръ-дарьею и Аму-дарьею и являлись участниками почти всѣхъ набѣговъ и грабежей на бактрійскихъ и парфянскихъ земляхъ, почему больше всѣхъ другихъ родовъ были извѣстны пограничному населенію, которое и распространило имя этого рода на все племя.

[2]) Первый изъ нихъ Гутшмидъ переводилъ: die scythischen Völker der Saraucen und Asianer nahmen Bactra und Sogdiana im Besitz (Geschichte Iran's, 58), а начало второго: die Könige der Thocarer seien von Asianischem Stamme gewesen (id., 70). Марквартомъ второй текстъ переводится: Asianische Könige die Herrschaft im Tocharerlande errangen und die Sakarauken vernichteten (Ērānšahr, 205). По В. В. Григорьеву, въ книгѣ XLI шла рѣчь о томъ, „какъ скифскіе народы саранки и азіаны покорили Бактріану и Согдіану", а въ книгѣ XLII о томъ, „какъ азіаны подѣлались царями у тохаровъ, и погибли сардухи" („Кабулистанъ и Кафиристанъ", 1867 г., стр. 779). Такимъ образомъ, слово regnante (или repugnante или rege pugnante) оставляется безъ перевода и прибавляется seien gewesen, „подѣлались".

номъ и точномъ, но все же вѣрность свѣдѣній историка не можетъ не зависѣть отъ качества источниковъ. Пока существовало греко-бактрійское царство, кое-какія свѣдѣнія о судьбахъ его могли изрѣдка проникать до западныхъ грековъ и доходить до римскихъ историковъ, но съ паденіемъ царства и съ вѣроятнымъ уходомъ тамошнихъ грековъ къ ихъ соплеменникамъ въ Индію, къ западнымъ грекамъ и римлянамъ о событіяхъ на Аму-дарьѣ могли достигать лишь отрывочные и смутные слухи чрезъ посредство торговцевъ. Прискорбно, конечно, что Юстинъ опустилъ тѣ свѣдѣнія, существованіе которыхъ удостовѣряютъ прологи, но не невозможно, что сдѣлалъ онъ это на основаніи отзыва самого Трога Помпея о неудовлетворительности въ данныхъ случаяхъ его источниковъ.

б) Краткій обзоръ мнѣній главныхъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей о народахъ, овладѣвшихъ землями греко-бактрійскаго царства. Имена Дахя, юечжи, тохары.

Уже Юль въ своемъ этюдѣ о географіи и исторіи верховьевъ Окса, помѣщенномъ въ видѣ предисловія къ второму изданію путешествія Вуда (A Journey to the source of the river Oxus, by Captain John Wood, London, 1872, p. XXVII), а также въ статьѣ Notes on Hwen Thsang's account of the principalities of Tokharistan (J. of the R. A. S., 1873, vol. VI, p. p. 94—95), находилъ, что тохары,— тухоло Сюань Цзана и китайскихъ исторій,— суть юечжы, отождествленные Вивьенъ де Сенъ-Мартеномъ съ ѣда — ефталитами и отнесенные имъ къ числу народовъ тибетскихъ, и что юечжы могутъ быть почитаемы за тохаровъ Страбона и другихъ классическихъ писателей; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, однако, полагалъ, что отождествленіе юечжей съ тохарами значительно затрудняется тѣмъ, во-первыхъ, что, по Кеппену (Die Religion des Buddha, II, 42), тибетцы называютъ тогарами жителей В. Туркестана, т.-е. тюрковъ, почему юечжы оказывались бы тюрками, а не тибетцами, и въ томъ, во-вторыхъ, что тохары упоминаются въ качествѣ горнаго народа, покореннаго одновременно съ дахами ассирійскимъ царемъ Сенахерибомъ (J. R. A. S., vol. XIX, 1862, p. 151), и что народъ съ подобнымъ же именемъ встрѣчается въ древне-египетскихъ скульптурныхъ памятникахъ (Herodot, by Rawlinson, vol. IV, 45—46).

Указанныя Юлемъ затрудненія не остановили барона Рихтхофена, который призналъ юечжей тохарами на томъ основаніи, что юечжы, по китайскимъ извѣстіямъ, овладѣли Бактріаной, около 128 г. до Р. Х., въ то самое время, когда, по Страбону, она была отнята у грековъ скифами, въ числѣ которыхъ онъ называлъ тохаровъ; затѣмъ изъ сказанія Сюань Цзана о томъ, что древнее отечество тухоло'сцевъ (т.-е. юечжей) находилось на половинѣ пути между Хотаномъ и Лобъ-норомъ, и изъ упоминанія въ Ма-

хабаратѣ о доставленіи тухарами въ даръ царю Пандавѣ мѣховъ, желѣза и шелку,— изъ чего видно, что тухары обитали между Индіею и Китаемъ,— Рихтхофенъ заключилъ, что юечжы-тохары въ древнѣйшее время господствовали на пути изъ Таримской котловины въ Ладакъ,— въ сосѣдствѣ съ народомъ дарада, населявшимъ нынѣшніе Читралъ, Гилгитъ и пр. и также представлявшимъ дары Пандавѣ,— перешли потомъ въ Таримскую низменность, откуда передвинулись въ страну между Дунь-хуаномъ и Циляньшанемъ или Наньшанемъ; отсюда, тѣснимые хуннами, они двинулись на западъ, заняли страну сэй'цевъ и, наконецъ, вслѣдствіе нападенія усуней, ушли отсюда и достигли Бактріаны (China, Erster Band, Berlin, 1877, S. 439 и слѣд.). Въ статьѣ De l'origine probable des Thoukhares et de leurs migrations à travers l'Asie, G. de Vasconcellos—Abreu, professeur du sanscrit à Lisbonne (Le Muséon, revue internationale, t. II, Louvain, 1883, pp. 165—188), не соглашаясь съ мнѣніемъ Рихтхофена о тождествѣ юечжей съ тохарами Страбона, утверждалъ въ рядѣ гипотезъ, весьма слабо обоснованныхъ, что тухары происходятъ съ острововъ Средиземнаго моря и образовали многочисленный кочевой народъ, который въ доисторическія времена побывалъ на берегахъ Чернаго моря, въ окрестностяхъ Кавказа, въ Мал. Азіи и пр., по изображеніямъ на древнихъ египетскихъ памятникахъ имѣлъ черты лица арійскія и прибылъ во время Рамзеса III съ сѣвера вмѣстѣ съ пелазгами, при чемъ тохары наименованы Tsekkariou, а пелазги—Poulouchtas или Pelestas. Такъ какъ ассиріологи согласны, что горы Нипуръ, около которыхъ Сеннахерибъ разбилъ Tokharri и нѣсколько другихъ народовъ, находились на границѣ между Мидіей и Сузіаной, то лиссабонскій профессоръ предполагалъ, что тохары, ускользнувъ отъ Сеннахериба, бѣжали въ горы верховьевъ Окса, между Хотаномъ и Индіею, гдѣ и спаслись отъ преслѣдованія, и что тохары эти только послѣ занятія юечжійцами Тохаристана смѣшались съ ними и образовали народъ, носившій имя тохаровъ.

Между тѣмъ въ рецензіи своей на книгу Рихтхофена А. фонъ-Гутшмидъ основательно указалъ (Z. D. M. G., 1880, B. 34, S. 203), что побѣжденные Сеннахерибомъ тохары никакого отношенія къ тохарамъ и къ Dahae не имѣютъ: 1) Dahae всегда были извѣстны только какъ живущій въ степяхъ кочевой народъ; 2) гора Нипуръ, близъ которой обитали тохарри и дахи клинописнаго памятника, населена была калд'ами и находилась въ совершенно другой части Азіи, и 3) возможно, что Сеннахерибъ воевалъ не съ тохарами и дахами, а съ населеніемъ лежавшей близъ р. Чорохъ крѣпости Тухаръ въ странѣ таевъ (арм. Tajch). Въ Geschichte Iran's, признавая тождество юечжей и тохаровъ не подлежащимъ сомнѣнію и утверждая, что имена юечжей, асіевъ, асіановъ были лишь именами господствовавшихъ въ разное время у тохаровъ родовъ (ордъ), фонъ-Гутшмидъ находилъ, что всѣ народы, которые, по классическимъ писателямъ, отняли

у грековъ Бактріану, сводятся къ двумъ — къ тохарамъ (они же асіи и асіаны) и сакараукамъ, считалъ невозможнымъ, чтобы китайскіе историки, дающіе свѣдѣнія объ юечжы-тохарахъ, ничего не знали о второмъ народѣ, о сакараукахъ, и приходилъ къ заключенію, что сакарауки могли быть лишь кангюйцами китайскихъ извѣстій, тѣмъ болѣе, что, въ соотвѣтствіе съ гибелью сакарауковъ, о которой повѣствовалось въ XLII книгѣ Трога Помпея, Кангюй, отправившій послѣднее посольство въ Китай въ 11 г. до Р. Х., прекратилъ затѣмъ сношенія съ Китаемъ и болѣе въ кит. лѣтописяхъ не упоминается, тогда какъ яньцайцы продолжали быть извѣстными китайцамъ еще много времени позднѣе (SS. 70 — 72). Это паденіе Кангюя или гибель сакарауковъ были, по предположенію Гутшмида, дѣломъ ставшаго царемъ юечжей-тохаровъ кушанскаго князя Кіоцзюкіо, которому онъ приписываетъ и возстановленіе на парфянскомъ престолѣ Фраата IV, изгнаннаго, по Исидору, братомъ его Тиридатомъ, бѣжавшаго къ «скифамъ» и возвратившаго утерянный престолъ въ 26 г. до Р. Х. при помощи даннаго этими скифами войска (S. 114). Эти свѣдѣнія Гутшмида о паденіи Кангюя и прекращеніи о немъ извѣстій ошибочны и являются, вѣроятно, результатомъ сокращеннаго и неточнаго изложенія свѣдѣній о Кангюѣ у Матуаньлиня или у переводившаго его Аб. Ремюза (см. Nouveaux mélanges asiatiques, t. 1, 1829, pp. 226 — 227). На самомъ дѣлѣ, какъ значится въ свѣдѣніяхъ о Кангюѣ «Цянь-Хань-шу», хотя при императорѣ Чень-ди (32—7 гг. до Р. Х.) кит. намѣстникъ Западнаго края Го Шунь ходатайствовалъ о томъ, чтобы прекратить отправленіе посольствъ въ Кангюй и сношенія съ нимъ, такъ какъ кангюйскій государь, по высокомѣрію своему, не отдавалъ китайскимъ посланникамъ должныхъ почестей, чиновниковъ намѣстника сажалъ ниже усуньскихъ пословъ и т. д., но это представленіе намѣстника уважено не было [1]). Что Кангюй сохранилъ и потомъ свое могущество, это видно изъ того, что послѣ посылки къ усунямъ, именно въ 11 г. до Р. Х., кит. сановника Дуань Хой-цзуна по поводу происходившихъ у нихъ внутреннихъ смутъ, одинъ изъ усуньскихъ князей Бихуаньчжи, враждовавшій съ старшимъ и младшимъ гуньми, которые правили усуньскими землями подъ протекціею Китая, «взявъ до 80,000 душъ своихъ подданныхъ, ушелъ на сѣверъ, въ Кангюй, въ предположеніи испросить вспомогательныхъ войскъ для покоренія обоихъ гуньми. Тогда оба гуньми пришли въ страхъ и положили всю надежду на намѣстника», т.-е. на защиту Китая («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 76, пер. Wylie, J. A. I., 1881, vol. XI, p. 92). Засимъ, хотя въ «Исторіи Младшихъ Ханей» (25—221 г. г. послѣ Р. Х.) нѣтъ особаго описанія Кангюя, но существованіе

---

[1]) „Собр. свѣд." ч. 3, стр. 56 — 58. Переводъ Wylie, J of. A. I., 1880, vol. X, p. 43, частью не совсѣмъ сходится, но Іакинфъ кажется точнѣе понявшимъ смыслъ труднаго мѣста подлинника.

его и усиленіе его могущества ясны изъ упоминаній о нахожденіи въ подчиненіи ему алановъ (Яньцай) и народа Янь (на сѣверѣ отъ Яньцая, вѣроятно финно-угры), платившаго дань звѣриными шкурами («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 121). Мы знаемъ, что Кангюй вынудилъ яркендскаго владѣтеля Хяня (33—61 гг. по Р. Х.) возвратить въ Давань низложеннаго владѣтеля («Р. А. Ж.», 1900, № 4, стр. 3) и что въ 84 г. Кангюй выслалъ войско для защиты кашгарскаго владѣтеля противъ кит. намѣстника Бань Чао, и послѣдній достигъ удаленія этого войска, только прибѣгнувъ къ ходатайству юечжійскаго царя, который въ это время вступилъ въ брачную связь съ кангюйскимъ государемъ (тамъ же, стр. 14). Такимъ образомъ, попытка Гутшмида объяснить гибель сакарауковъ у Трога Помпея оказывается несостоятельною. Его предположеніе о томъ, что асіи и асіаны, а также юечжы суть такія же именованія родовъ или ордъ тохаровъ, пріобрѣтавшихъ владычество надъ народомъ тохаровъ-юечжей, какъ кушаны, остроумно, такъ какъ категорически разрѣшаетъ трудную загадку XLII-го пролога Трога Помпея объ асіанскихъ царяхъ тохаровъ (Excurse von den Asianischen Königen den Tocharer, S. 114), но для того, чтобы эта разгадка могла быть признана основательною, необходимо, чтобы, во-первыхъ, самый текстъ Трога не возбуждалъ сомнѣній, и во-вторыхъ, чтобы имѣлись данныя, удостовѣряющія о дѣйствительномъ существованіи у тохаровъ-юечжей рода или орды съ именемъ асіановъ. Между тѣмъ тексты XLII и предыдущаго XLI прологовъ дошли до насъ въ несомнѣнно испорченномъ и неясномъ видѣ; нѣтъ также никакихъ основаній считать асіановъ частью тохаровъ, а, напротивъ, текстъ XLI-го пролога, говорящій о томъ, что Бактріаною овладѣли сакарауки и асіаны (а не тохары), побуждаетъ думать, что асіаны были особымъ отъ тохаровъ-юечжей народомъ, который достигъ позже, по XLII-му прологу, господства надъ тохарами.

По мнѣнію д-ра Маркварта,—цѣнному и интересному труду котораго, въ значительной своей части касающемуся исторіи юечжей и ефталитовъ, далъ должную оцѣнку проф. Нöльдеке (Z. D. M. G., 1902, B. 56, S. 427 и слѣд.) и нѣсколько преувеличенную — проф. Chavannes (Journal asiatique, 1901, t. XVIII, p. 550 и слѣд.), — Ta-hia=Tochari, гдѣ неполная транскрипція произошла отъ того, что китайцы для передачи иностранныхъ именъ употребляли не болѣе двухъ знаковъ (почему изъ Tochari вышло Ta-hia, Erānšahr etc., 1901, 204). Это заключеніе, по словамъ Маркварта, вытекаетъ «съ логической необходимостью» изъ сопоставленія китайскихъ и греко-римскихъ извѣстій. На самомъ дѣлѣ, однако, Марквартъ ни сколько и ни чѣмъ не доказалъ, что Дахя и тохары одно и то же. Приведя на страницахъ 200—203 часть уже извѣстныхъ намъ изъ вышеизложеннаго извѣстій Юстина и «Шы-цзи» съ «Цянь-Хань-шу» и сопроводивъ ихъ нѣкоторыми

своими замѣчаніями, не относящимися, за однимъ исключеніемъ [1]), къ тождеству дахя'сцевъ и тохаровъ, Марквартъ неожиданно, на стр. 204, утверждаетъ: «изъ этихъ историческихъ сопоставленій греко-римскихъ и китайскихъ извѣстій съ логическою необходимостью вытекаетъ уравненіе Ta-hia=Tochari». Обращаясь затѣмъ (205) къ XLII прологу Трога Помпея, Маркварть находилъ, безъ указанія основаній, что асіаны, видимо, соотвѣтствуютъ жившимъ сначала на сѣверѣ отъ Аму-Дарьи юечжамъ китайцевъ, сарауки же или сакарауки сидѣли въ западной Бактріи, позднѣйшемъ Гузганѣ, такъ что для тохаровъ оставалась только восточная Бактріана съ столицею Бактрой. Въ прологѣ XLI, по мнѣнію Маркварта, Трогъ Помпей разсказывалъ объ утвержденіи сакарауковъ и асіановъ въ Бактріи и Согдіанѣ, но жалкое извлеченіе (der jämmerliche Auszug) Юстина не сохранило намъ ничего ни изъ этого разсказа, ни изъ позднѣйшей исторіи скифовъ. Въ этомъ прологѣ XLI вторгшіеся народы (сарауки и асіаны) и занятыя ими страны (Бактріана и Согдіана) противопоставлены другъ другу парами; этимъ намѣреннымъ параллелизмомъ хорошо, по Маркварту, объясняется пропускъ тохаровъ, смыслъ же пролога тотъ, что сначала Бактріана занята была сакарауками и тохарами(?), а потомъ Согдіана — асіанами. Далѣе Маркварть утверждаетъ, — все бездоказательно и безъ указанія основаній, — что юечжы очистили долину Заравшана и переселились на южный берегъ Гуй-шу подъ напоромъ кангюйцевъ, выгнанныхъ (изъ своихъ земель) нападеніями хунновъ (S. 205), и что сѣверная граница Дахя еще до переселенія юечжей совпадала съ сѣверной границей позднѣйшаго Тухоло, достигая до Желѣзныхъ воротъ на югѣ отъ Кеша (S. 206). Сакарауки, обитавшіе въ западной Бактріанѣ [2]), были ки-

[1]) Именно, по его мнѣнію, изображая населеніе Дахя, какъ невоинственное и занимающееся торговлею, Чжанъ Кянь недостаточно строго отличалъ господствующее племя отъ коренного иранскаго населенія, Трогъ же строго различалъ тохаровъ отъ скифовъ (S. 202). На самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ выше мною приведенныхъ по „Шы-цзи" свѣдѣній Чжанъ Кяня о Дахя, китайскій посолъ этотъ не зналъ въ Дахя никакого иного населенія кромѣ осѣдлаго, искуснаго въ торговлѣ и имѣвшаго войска слабыя, робкія въ бояхъ, словомъ, иранскихъ туземцевъ, а потому не могъ и отличать это населеніе отъ несуществовавшаго въ странѣ Дахя „господствующаго племени", ибо, хотя дахя'сцы уже находились въ зависимости отъ юечжей, но послѣдніе во время Чжанъ Кяня обитали не въ Дахя, лежавшей на южной сторонѣ Аму-дарьи, а на сѣверной сторонѣ этой рѣки. Что же касается Трога Помпея, то ни откуда не видно, чтобы онъ не считалъ тохаровъ въ числѣ скифскихъ народовъ; напротивъ, по всей вѣроятности, тохары имъ также причислялись къ скифскимъ племенамъ, какъ сарауки и асіаны.

[2]) По Птолемею (кн. VI, гл. XII, 4, гл. XIV, 14) сакарауки обитали на горахъ Оксійскихъ (высоты на правой сторонѣ нижняго теченія Окса); за ними, уже въ Согдіанѣ, означены у него пасики, въ смежности съ послѣдними на нижнемъ Яксартѣ—ятіи и тахоры; онъ называетъ (кн. VI, гл. XI, 6) и тохаровъ въ качествѣ большого народа въ Бактріанѣ. Землеописаніе Орозія, относящееся ко времени Агриппы († 14 г. послѣ Р. Х.) и Августа, помѣщаетъ сакарауковъ въ горахъ

тайцамъ, по мнѣнію Маркварта, совершенно незвѣстны, имя же ихъ, вѣроятно, иранскаго происхожденія. Изъ свѣдѣній Сюань Цзана о мѣстонахожденіи древняго царства Тухоло (Mémoires, t. 2, p. 247) Марквартъ заключилъ, что оно находилось въ разстояніи около I т. ли или около девяти дней пути отъ восточной границы Хотана, и что тохары жили тогда въ цвѣтущихъ городахъ, столь же рѣзко этимъ отличаясь отъ кочевниковъ юечжей, какъ различалось отъ нихъ по «Шы-цзи» населеніе Дахя. Это приводитъ къ заключенію, что переселеніе тохаровъ въ Бактріану совершилось вполнѣ особо отъ юечжей и состоялось по далеко болѣе южному пути; съ теченіемъ времени, впрочемъ, оба народа, послѣ водворенія юечжей въ Тохаристанѣ, слились между собою (S. 207). Движеніе тохаровъ и сакарауковъ въ Бактрію было, вѣроятно, слѣдствіемъ попытокъ греко-бактрійскихъ царей распространить свое владычество до серовъ и фауновъ, но коренная причина переселенія тохаровъ, вѣроятно, заключалась въ засыпаніи культурныхъ мѣстностей движущимися песками, какъ это продолжается и понынѣ (S.S. 207—208). Эллины начали выселяться изъ Бактріаны за Хиндукушъ, вѣроятно, со времени завоеваній Деметрія и Евкратида въ Индіи; въ послѣдній же разъ бактрійцы, т. е. бактрійскіе греки, упоминаются (у Юстина) въ качествѣ независимаго царства, въ 140 г. до Р. X. (S. 207). Извѣстіе Страбона объ отнятіи у грековъ Бактріаны асіями, пасіанами, тохарами и сакараулами Марквартъ объявляетъ неточнымъ (ungenau), потому что вмѣсто пасіановъ слѣдуетъ читать асіановъ, какъ у Трога Помпея, а также потому, что у китайскихъ историковъ нѣтъ ни малѣйшей опоры для допущенія, что тохары и сакарауки достигли земель по Оксу путемъ чрезъ страну саковъ и Согдіану (S. 206) [1]).

Партау между дахами и Парфіеною, недалеко отъ долины рѣки Атрека (см. Гутшмида Geschichte Iran's, 70). Показанія приведенныхъ двухъ географовъ не помѣшали однако Гутшмиду признать сакарауковъ за китайскихъ кангюйцевъ, безъ сомнѣнія потому, что при ненадежности географическихъ свѣдѣній временъ Орозія и Птолемея о средней Азіи полагаться на одни показанія географовъ, при неимѣніи другихъ основаній, нельзя.

[1]) Въ дополненіяхъ (Ērānšahr, 318—320) Марквартъ старался доказать, что Дахя, гдѣ, по повелѣнію императора Хуанъ-ди (за 25 столѣтій до Р. X.), взятъ былъ тростникъ для музыкальныхъ дудокъ или трубъ (именно въ долинѣ рѣки Hie, на сѣверѣ отъ Jüen-jü и на западѣ отъ Да-хя), есть та самая мѣстность, которая по Сюань Цзану была древнимъ мѣстонахожденіемъ владѣнія Тухоло, потому что Jüen-jü издавна считаютъ за хребетъ, который зовется у китайцевъ Куэнь-лунь, такъ что Hie есть, вѣроятно, Хотанъ-дарья, а Да-хя, отъ котораго она находилась на западѣ, есть Тухоло Сюань Цзана, въ 1 т. ли на востокъ отъ Хотана, подъ древнимъ своимъ именемъ Дахя. Независимо сомнительности самого извѣстія, такъ какъ въ достовѣрность китайскихъ историческихъ свѣдѣній за 25 вѣковъ до Р. X. мало вѣрятъ сами китайцы, отожествленіе Jüen-jü съ Куэнь-лунемъ и рѣки Hie съ Хотанъ-дарьею, есть не болѣе какъ предположеніе, а потому и связанное съ нимъ признаніе Дахя за древнее Тухоло Сюань Цзана также лишено твердыхъ основаній.

Предположеніе Маркварта о томъ, что Бактріаною, между 140 и 129 гг. до Р. Х., овладѣли тохары, не имѣющіе ничего общаго съ юечжійцами, основано главнымъ образомъ на гипотезѣ о тождествѣ Дахя и тохаровъ, которое зиждется на довольно отдаленномъ и неполномъ сходствѣ этихъ именъ и могло бы имѣть значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы гипотеза эта подтверждалась удовлетворительными данными и не находилась въ противорѣчіи съ несомнѣнными историческими извѣстіями. Между тѣмъ при внимательномъ изученіи китайскихъ извѣстій оказывается, что подъ именемъ Дахя извѣстія эти разумѣли не только страну (Бактріану) и ея населеніе (см. выше свѣдѣнія о Дахя изъ «Шы-цзи»), но употребляли выраженіе «дахяскія племена» въ обширномъ этническомъ смыслѣ. Такъ въ біографіи Чжанъ-Кяня, по переводу Wylie (J. of. A. I., vol. X, p. 69), въ докладѣ о необходимости войти въ сношенія съ усунями, Чжанъ Кянь говорилъ, что если усуни вступятъ въ связь съ Китаемъ противъ хунновъ, то «дахя'скія племена запада всѣ сами подчинятся (Китаю) въ качествѣ вассаловъ» (the Ta-hea tribes on the west may all be induced to submit themselves as vassals); затѣмъ тамъ же (p. 70) находимъ, что «послы, отправленные для сношеній съ дахя'скими племенами, почти всѣ возвратились, привезя съ собою нѣсколько уроженцевъ этихъ странъ» (the envoys who had been sent to communicate with the Ta-hea tribes, nearly all returned, bringing some of natives of these countries with them). Въ двухъ соотвѣтствующихъ мѣстахъ «Шы-цзи» у Іакинфа значится «Дахя и другія владѣнія на западѣ» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 13 и 15); въ переводѣ Броссэ въ первомъ изъ этихъ мѣстъ стоитъ: les Ta-hia et les autres peuples de l'ouest (p. 430), и во второмъ: Ta-hia et autres lieux, но въ переводѣ второго мѣста Boyer читаемъ: ceux que Kien avait envoyés pour visiter en messagers les peuples du genre des Ta-hia, presque tous revinrent, accompagnés de gens de ces pays (J. asiatique, 1900, t. XV, p. 539). Въ «Шы-цзи» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 22) сдѣлано и въ «Цянь-Хань-шу» повторено слѣдующее замѣчаніе, которое я привожу по Іакинфу, у котораго гдѣ переводъ кажется болѣе удачнымъ (тамъ же, стр. 61): «Отъ Давани на западъ до государства Аньси хотя есть большая разность въ нарѣчіяхъ, но языкъ весьма сходенъ, и въ разговорахъ понимаютъ другъ друга. Жители имѣютъ впалые глаза, густыя бороды, искусны въ торговлѣ, соперничаютъ въ выгодахъ». Очевидно, что этотъ языкъ могъ быть лишь иранскимъ, съ его діалектами, и что населеніе, говорившее на этомъ языкѣ, имѣвшее впалые глаза и густыя бороды и занимавшееся торговлею, было иранское, занятыя осѣдлостями котораго земли простирались отъ Давани (Ферганы) на западъ (и юго-западъ) чрезъ Заравшанъ, Аму-дарью, верховья Кабулъ-дарьи, бассейнъ Хильменда, Керманъ и Фарсъ до Персидскаго залива и оттуда чрезъ Мидію и пр. на сѣв.-востокъ до Аньси-Парфіи (см. «Р. Антр. Ж.», 1900 г., № 3, стр. 67, примѣч., объ Угэшаньли-Хорасанѣ). Такимъ образомъ китайскіе

историки во II в. до Р. Х. терминъ «дахя'скія племена» примѣняли къ племенамъ иранскимъ. При такомъ значеніи термина «дахя» недопустимо, чтобы это имя могло быть китайской транскрипціей имени народца тохарскаго, выселившагося, по Маркварту, изъ песковъ на востокѣ отъ Хотана послѣ 140 г. до Р. Х., т. е. уже во время нахожденія Чжанъ Кяня въ его посольствѣ, при которомъ онъ 128-й годъ провелъ за Аму-дарьей у дахя'сцевъ и первый принесъ ихъ имя въ Китай въ 126 г. до Р. Х., — недопустимо потому, что совершенно невѣроятно, чтобы нѣсколько, самое большое, сотенъ семей изъ маленькаго оазиса въ пескахъ Таримской низменности не только покорили милліонное населеніе Бактріаны, но въ какіе-нибудь пять лѣтъ или менѣе (до прихода юечжей) успѣли утвердить свое имя въ качествѣ имени населенія Бактріаны и даже настолько, что оно перенесено было китайцами на всѣ иранскія племена. Сверхъ того, и ссылка Маркварта на сказаніе Сюань Цзана, на которомъ единственно основана его гипотеза о тохарахъ, едва ли можетъ служить сколько-нибудь достаточною опорою. Вступивъ за городомъ Нижанъ (Ni-jang), находившимся въ 530 ли на востокъ отъ Хотана (Mémoires, t. 2, pp. 242 — 246, но по Histoire de la vie etc., p. p. 288 — 289, только 500 ли), въ огромную пустыню съ движущимися песками, Сюань Цзанъ достигъ, послѣ 400 ли пути, мѣста, гдѣ нѣкогда находилось древнее царство Тухоло [1]), чрезъ 600 ли далѣе прибылъ въ древнее царство Чемодона (Tche-mo-t'o-na), гдѣ еще высились стѣны города, но безъ всякихъ слѣдовъ населенія, и чрезъ 1000 ли на сѣв.-востокъ — въ древнее царство Напопо, соотвѣтствующее странѣ Леулань (Mémoires, t. 2, p. 247, Histoire de la vie etc., p. 290). Въ своихъ описаніяхъ странъ, посѣщенныхъ на пути въ Индію и обратно, Сюань Цзанъ далъ довольно подробныя свѣдѣнія о царствѣ Тухоло, несомнѣнно Тохаристанѣ, и многихъ изъ двадцати семи составлявшихъ его областей или владѣній, гдѣ, между прочимъ, сообщилъ о прошломъ этого Тухоло, что царскій его домъ угасъ уже многія сотни лѣтъ, и страна раздѣлилась на независимыя одно отъ другого владѣнія, которыя всѣ были подвластны въ его время тюркамъ; изъ свѣдѣній о населеніи страны можно заключить, что оно несомнѣнно было главнымъ образомъ иранское (Mémoires etc., t. I, pp. 23 — 24). Такъ какъ Сюань-Цзанъ не говоритъ ни слова и не дѣлаетъ никакого намека на то, что древнее Тухоло въ сыпучихъ пескахъ на бывшихъ низовьяхъ р. Кара-мурана (такъ, повидимому, приходится по разстоянію въ 930 ли отъ Хотана) было первоначальнымъ мѣстонахожденіемъ аму-дарьинскаго Тухоло-Тохаристана, то ничто въ его Mémoires etc. не дѣлаетъ необходимымъ ставить эти два Тухоло въ какую-

[1]) Après avoir fait environ quatre cents li, il arriva dans l'ancien royaume de Tou-ho-lo (Toukhâra). Depuis longtemps ce royaume est dépeuplé; toutes les villes n'offrent qu'une surface inculte et sauvage.

либо между собою связь, ибо сходство имени могло быть случайностью. По мнѣнію Свенъ Хедина, «наименованіе *Ту-хо-ло* безъ сомнѣнія тождественно съ именемъ *Такла*... Открытыя мною мѣста,—продолжаетъ онъ,—которыя, какъ и вся пустыня, называются туземцами Такла-маканъ, навѣрно, принадлежали къ древнему царству Тухоло. Наконецъ, небольшое селеніе Такла около Хотана, куда жители древнихъ городовъ переселялись, когда песокъ началъ надвигаться, напоминаетъ, по крайней мѣрѣ своимъ названіемъ, о нѣкогда мощномъ народѣ, который, согласно Клапроту и В. де С. Мартену, былъ тибетскаго происхожденія» («Въ сердцѣ Азіи. Памиръ, Тибетъ, В. Туркестанъ». Путешествіе Свена Гедина, пер. Ганзена, т. 2, Спб., 1899 г., стр. 84). Обращеніе имени Тохаръ, Тогаръ въ Такла, вопреки Свену Хедину, весьма сомнительно въ устахъ туземцевъ, составившихся изъ смѣшенія племенъ тибетской, иранской, тюркской, главнымъ образомъ, народностей, съ небольшою примѣсью индусовъ и китайцевъ. Вѣрнѣе было бы допустить, что именемъ поглощеннаго песками владѣнія, города или мѣстности было именно Такла, которое довольно близко къ Тухоло, особенно для китайца, почему, слыша это имя на мѣстѣ отъ своихъ хотанскихъ проводниковъ, Сюань Цзанъ изобразилъ его въ видѣ Тухоло, хотя и воздержался отъ признанія песчаной пустыни за первоначальную родину народа Тухоло-Тохаристана или его царскаго дома. Увлекаясь, тоже вѣроятно случайнымъ, сходствомъ имени Напопо съ какимъ-то народцемъ Ναραεі Плинія, В. В. Григорьевъ не только видѣлъ въ Тухоло таримскихъ песковъ тухаровъ, которые «двинулись отсюда на западъ и, перейдя черезъ Памиръ, осѣли въ Бактріанѣ», но утверждалъ: «Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что край былъ извѣстенъ ему (Сюань-Цзану) по источникамъ, о которыхъ мы или не знаемъ еще, или которые до насъ не дошли. Доказательствомъ этому служатъ, какъ упоминаніе его о пребываніи Тохаровъ въ Вост. Туркестанѣ, такъ и названія Чжемодона и Набобо, которыя даетъ онъ какимъ-то владѣніямъ, т.-е. народамъ, жившимъ нѣкогда въ предѣлахъ земель, бывшихъ извѣстными китайцамъ въ его время подъ именами Цзюймо (Нѣмо) и Шаньшань (Леулань) — названія, ни въ какихъ другихъ извѣстныхъ китайскихъ источникахъ не встрѣчающіяся». («Землевѣдѣніе К. Риттера. Восточный или Кит. Туркестанъ». Перевелъ и дополнилъ В. В. Григорьевъ, Спб., 1873 г., вып. 2, стр. 162 и 163). Несомнѣнно, что Сюань Цзанъ былъ очень свѣдущъ въ буддійской религіозной литературѣ, но столь же вѣрно, что ни съ исторіею посѣщенныхъ имъ странъ помимо буддійскихъ легендъ, ни даже съ отдѣлами китайскихъ династійныхъ исторій о западныхъ странахъ знакомъ онъ основательно не былъ, какъ ясно изъ дошедшаго до насъ его сочиненія. Такъ, напр., онъ совершенно ничего не знаетъ о томъ, что Тухоло-Тохаристанъ занималъ земли страны Дахя, подвластной при дин. Хань юечжійцамъ. Поэтому помѣщеніе древняго Напопо въ страну Леулань, именовавшуюся при первоначальномъ ознакомленіи

Китая во время дин. Хань этимъ именемъ, замѣненнымъ вскорѣ при той же династіи именемъ Шаньшань («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 42), принадлежитъ, вѣроятно, не самому Сюань Цзану, а назначеннымъ правительствомъ офиціальнымъ редакторамъ его «Записокъ» о западныхъ странахъ.

По мнѣнію Гренара, il est probable que le voyageur a lu ou entendu dire que les Tokhares étaient venu du pays à l'est du Khotan et qu'ils n'existaient plus dans leur patrie d'origine; en traversant le désert, de son temps completement inhabité, qui sépare Nia du Lob nor, désert où la tradition voulait qu'il y ait eu autrefois plusieurs cités, depuis disparues, il a supposé gratuitement qu'une d'entre elles avait été la patrie des Tokhares (Dutreuil de Rhins, Mission scientifique dans la Haute Asie, deuxième partie, Paris, 1898, p. 27, note 2). Я, однако, предпочитаю объяснить Тухоло у Сюань Цзана въ 930 ли на востокъ отъ Хотана транскрипціею имени *Такла* или слышаннаго имъ отъ хотанскихъ провожатыхъ или отъ населенія ближайшихъ обитаемыхъ мѣстъ имени *тогар*'овъ, какъ именовалось, вѣроятно, уже и тогда населеніе В. Туркестана тибетцами, а, можетъ-быть, и имъ самимъ [1]).

Извѣстіе Страбона о томъ, что асіи (они же асіаны и пасіаны), тохары и сакараулы, отнявшіе у грековъ Бактріану (съ входившей въ составъ греко-бактрійскаго царства Согдіаной), прибыли изъ-за Яксарта, разрушаетъ гипотезу Маркварта о тохарахъ, переселившихся изъ таримскихъ песковъ болѣе южнымъ путемъ, чѣмъ юечжы, и о сакараукахъ-иранцахъ, имя которыхъ оказывается у Страбона совершенно тюркскимъ въ формѣ сакарауловъ, но все это не даетъ права отвергать свѣдѣнія весьма свѣдущаго и сознательно примѣнявшаго къ своимъ источникамъ и предшественникамъ критическій методъ научнаго изслѣдованія писателя, только по противорѣчію съ гипотезами, опирающимися лишь на произвольныя толкованія сохранившихся въ совершенно извращенномъ видѣ двухъ отрывковъ прологовъ Трога Помпея.

Изъ числа изслѣдователей, признававшихъ тохаровъ за особый отъ юечжей народъ, будетъ не лишнимъ привести мнѣніе Вивіенъ де-Сенъ-Мартена: Quant aux Tokhares, leur nom paraît devoir s'appliquer à des peuples montagnards sortis des hautes vallées qui couvrent la Transoxane à l'est, et non à des hordes venues avec les autres Scythes des steppes du Yaxartès et de l'Aral (Etudes de géographie ancienne et d'ethnographie asiatique, Paris, 1850, t. I, p. 253). Основанія заключались въ томъ, что а) toukhâra по-санскритски означаетъ снѣгъ, и это имя издревле примѣнялось индусами, какъ видно изъ ихъ древнихъ поэмъ,

[1]) Въ книгѣ Миньчжула Хутукты, умершаго въ 1839 г., значится между прочимъ, что рѣка Сита (Яркендъ-дарья) „впадаетъ въ Соленое озеро (т. е. въ Лобъ-Норъ) въ *тогарской* странѣ Турфань" („Географія Тибета. Переводъ изъ тибетскаго сочиненія Миньчжулъ-Хутукты В. Васильева", Спб., 1895 г., стр. 5).

къ обитателямъ страны верховій Окса и Инда, и б) существовало имя Тохаристана для страны между Балхомъ и истоками Окса, и имя тахаровъ упомянуто у Плинія, Діонисія Періегета, Птолемея и Амміана Марцеллина (тамъ же, pp. 253 — 254). Но а) уже во время Вивіенъ де-С.-Мартена было выяснено, что Махабарата въ томъ видѣ, какъ она до насъ дошла, содержитъ вставки новаго происхожденія (тамъ же, p. 328, note 1), а потому упоминанія въ Махабаратѣ тухаровъ могли попасть туда не только послѣ завоеваній тохаровъ-юечжей-кушановъ въ Индіи, но и много позднѣе; б) нѣтъ никакихъ указаній на существованіе имени Тохаристанъ ранѣе завоеванія Бактріаны юечжами, упоминанія же у Плинія и другихъ названныхъ авторовъ слишкомъ неопредѣленны и смутны и притомъ исходятъ отъ писателей, жившихъ уже много позже завоеванія Бактріаны юечжами и имѣвшихъ кое-какія свѣдѣнія, подъ именемъ тохаровъ, вѣроятно объ юечжійцахъ, властвовавшихъ въ ихъ время въ Бактріанѣ. Тотъ же Вивьенъ де Сенъ-Мартенъ отвергалъ отождествленіе Да-хя китайцевъ съ Бактріаною; Да-хя, по его мнѣнію, суть Dahae классическихъ писателей «на юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря, на югѣ отъ древняго устья Окса, тамъ, гдѣ восточные географы помѣщали также свой Дахистанъ, котораго имя сохранилось до насъ въ имени Taka, которое носитъ еще понынѣ одно изъ значительнѣйшихъ племенъ этой страны», упоминаемое Бернсомъ въ описаніи его путешествія въ Бухару и пр.; «притомъ же и Чжанъ Кянь высказывалъ ясно, что дахя'сцы находились отъ Шень-ту, т.-е. отъ странъ Синда, въ нѣсколькихъ тысячахъ ли на сѣв.-западъ, и сколь это указаніе ни неопредѣленно, все же оно уводитъ насъ за Бактріану, которой восточная граница была лишь въ сотнѣ лье отъ Инда» (тамъ же, p. 267, т. 2). Однако у Бернса имя извѣстнаго племени туркменовъ читается не така, а теке (по Vambery, Das Türkenvolk, 1885, S. 395, Tekke bedeutet Steinbock), что отъ Dahae очень далеко. Чжанъ Кянь самъ въ Индіи не былъ, а такъ какъ разстоянія китайцы считаютъ между столицами, то нѣсколько тысячъ ли отъ Балха до какой-нибудь столицы Индіи на Гангѣ или Джумнѣ окажется разстояніемъ вѣрнымъ. Такъ какъ по Чжанъ Кяню Аньси, т.-е. парфянское царство, граничило на сѣверѣ съ Лиганью, въ которой Гутшмидъ не безъ основанія узналъ Гирканію (Geschichte Iran's, S. 66), и Яньцаемъ («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 7, и Brosset, p. 425), т.-е. съ аланскими землями, а не съ Дахя и не съ юечжами, то ни Дахя, ни юечжы не находились на восточномъ берегу Каспія. Также склонявшійся къ отождествленію Да-хя съ Dahae В. В. Григорьевъ предпочиталъ Страбону Арріана, по которому будто бы даи помѣщались въ Согдіанѣ и Бактріанѣ («Кабулистанъ и Кафиристанъ», 1867, стр. 782, и «Изслѣдованіе о сакахъ» въ «Трудахъ В. О. И. Р. Археол. Общ.», ч. 16, 1872 г., стр. 149), но изъ его же статьи «Походы Александра Великаго въ Западный Туркестанъ» («Журналъ М. Нар. Пр.»,

1881 г., сентябрь. стр. 38) видно, что въ томъ мѣстѣ Арріана, на которое онъ ссылался, говорится о даяхъ, пришедшихъ съ береговъ Танаиса, т.-е. Яксарта, разумѣется, съ низовьевъ.

Гутшмидъ, отвергавшій (какъ и Марквартъ, Eranšahr, 204, примѣч. 5) тождество Да-хя съ Dahae (Geschichte Iran's, 62, пр. 2), считалъ дахя именемъ нарицательнымъ (ein Appellativum), можетъ быть зендскимъ dahvju — земля, страна (тамъ же, 64). Я думаю, что Гутшмидъ стоялъ въ принципѣ на правильномъ пути, но, конечно, искомое нарицательное имя едва ли могло быть зендскимъ словомъ, значащимъ земля или страна, къ обращенію котораго въ собственное имя народа и страны не указывается никакихъ основаній. Разгадка, кажется мнѣ, заключается въ словѣ *даха*, сохранявшемся до недавняго времени у горныхъ иранцевъ, отчасти же въ долинѣ Заравшана. Это слово даха въ «Матеріалахъ для статистики Туркестанскаго края» (вып. 2, Спб., 1873, стр. 567) объясняется, какъ «отдѣлъ амлякства, соотвѣтствующій волости». Такъ въ сугутскомъ (древній Сугудъ, Согдъ) участкѣ состояло «25 дахъ», въ которыхъ управляли «амини или даха-аксакалы», т.-е. «наши волостные старшины» (тамъ же, стр. 95); также на «даги» (это, конечно, только иная транскрипція даха), дѣлился ягнобскій участокъ, но остальные три участка (тюменя) Когистана, т.-е. нагорья, дѣлились на «сада»; эти три тюменя имѣютъ населеніе значительно каждый большее, чѣмъ Ягнобъ (тамъ же, стр. 80). Также на сада дѣлился Ваханъ: Wakhan formerly contained three «sads» or hundred (i. e. districts), containing 100 houses each (Trotter въ Forsyth's Report of a Mission to Yarkund in 1873, Calcutta, 1875, p. 275). Въ Тарихи-Рашиди встрѣчается именованіе областей или округовъ въ верховьяхъ Аму-дарьи хезареджатомъ, а каждаго округа въ отдѣльности *хезаре* (The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammed - Haidar, transl. by E. Denison Ross, 1895, London, p. 353), «тысяча». Изъ этихъ фактовъ можно заключить, что у иранскаго населенія Заравшана и Аму-дарьи существовало административное и вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, податное и земельное дѣленіе на десятки (отъ dah, 10, на минджанскомъ діалектѣ и теперь, по Шау, см. И. Минаева «Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-дарьи», Спб., 1879 г., стр. 211), сотни и тысячи, даха, сада и хезаре. Начальною, основною общинною единицею была, очевидно, даха, десятокъ. Примемъ теперь въ соображеніе, что отличительною чертою политико-общественнаго положенія населенія древней Бактріаны было, по Чжанъ-Кяню, отсутствіе общаго государя, главы, правительства, такъ что «почти каждый городъ поставляетъ своего правителя», какъ значится въ «Шы-цзи» по переводу Іакинфа («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 8); das Volk besitzt keine Oberfürsten, sondern ab und zu setzten die Städte geringere Häupter ein — переводитъ професс. de Groot (Erānšahr etc., 201); les Ta-hia n'avaient pas un

souverain ou un magistrat principal; chaque ville, chaque bourgade était gouvernée par son magistrat — стоитъ въ соотвѣтственномъ мѣстѣ «Цань-Хань-шу» по Шпехту (Journal asiatique, 1883, t. II, pp. 322—323). Владычество грековъ-чужеземцевъ въ иранскихъ земляхъ опиралось главнымъ образомъ на военныя силы и централизацію. Когда это владычество чужеземцевъ рушилось, не только въ восточныхъ иранскихъ странахъ, какъ Согдіана и Бактріана, но и у западныхъ иранцевъ усиленно проявилось стремленіе къ децентрализаціи, къ обособленію на возможно болѣе мелкія, но самостоятельныя общинно-территоріальныя дѣленія. Парфянамъ удалось, правда, объединить земли западныхъ иранцевъ, но они вынуждены были допустить существованіе многихъ мелкихъ царствъ, признававшихъ верховную власть арзакидскаго царя царей, съ значительной однако самостоятельностью во внутреннихъ дѣлахъ. У мусульманскихъ писателей періодъ арзакидовъ назывался временемъ «мулуки теваифъ», т.-е. родовыхъ или племенныхъ царей, происхожденіе которыхъ объяснялось тѣмъ, что будто бы, по совѣту Аристотеля, Александръ Македонскій раздѣлилъ Иранъ и Аравію на множество мелкихъ и независимыхъ другъ отъ друга царствъ, дабы лишить народы этихъ странъ возможности объединенія съ цѣлью отмстить Руму за завоеваніе Ирана (Modjmel al-Tevarikh въ Journal asiatique, 1841, t. XI, p. 431; Le livre de la création et de l'histoire, de Motahhar ben Tahir al-Maqdist, trad. par Cl. Huart, Paris, 1903, t. III, p. 158, и др). Еще при завоеваніи Согдіаны и Бактріаны Александромъ Македонскимъ положено было начало уничтоженію мѣстной туземной аристократіи, гнѣздившейся въ трудно доступныхъ крѣпостяхъ, овладѣніе которыми отняло у Александра много времени и потребовало большихъ хлопотъ. Вѣроятно, во время дальнѣйшаго греческаго владычества эта опасная для греческихъ царей туземная аристократія была истреблена, такъ что во время удаленія послѣднихъ грековъ изъ Бактріаны у ея населенія не осталось иной организаціи кромѣ даха и сада, ибо находившееся, вѣроятно, въ рукахъ самихъ грековъ управленіе округами (хезаре) и городами едва стало населеніемъ устраиваться по уходѣ грековъ, какъ нагрянули юечжы. Такъ какъ въ 129—128 г. г. до Р. Х. царь юечжей, вѣроятно съ большею частью своего народа, обиталъ на сѣверной сторонѣ Окса, то надо полагать, что юечжи довольствовались отъ иранскаго населенія Бактріаны данью, оставивъ внутреннее управленіе его въ прежнемъ положеніи, т.-е. въ основѣ этого управленія продолжали оставаться даха, сада и хезаре, главы или старшины которыхъ «поставлялись» самимъ населеніемъ. При такихъ обстоятельствахъ возможно, что осѣдлое населеніе подчиненной юечжійцамъ Бактріаны и занимаемая имъ страна получили отъ юечжійцевъ или иныхъ сосѣдей имя даха отъ слова, которымъ именовалась начальная и основная единица ихъ административно-податной и поземельной общинной организаціи. Могло бы также иранское населеніе Бак-

тріаны получить имя даха въ видѣ транскрипціи именованія *дихканъ*, значащаго селянинъ, земледѣлецъ, а также землевладѣлецъ, дворянинъ и т. д. (см. объ этомъ словѣ Le Livre des rois, par Firdousi, trad. par Jules Mohl, t. I, Paris, 1838, Préface, p. VIII, Geschichte der Perser und Araber aus Tabari, von Nöldeke, 1879, S. 440, и др.), какъ зовутся потомки древняго иранскаго населенія въ бассейнѣ Пенджкоры, въ Лемганѣ и пр. въ нынѣшнихъ авганскихъ земляхъ (В. В. Григорьевъ «Кабулистанъ и Кафиристанъ», Спб., 1867 г., стр. 633 и 634), но даха для китайской транскрипціи да-хя несомнѣнно болѣе близко.

По завѣренію Потье, первый знакъ имени юе-чжи значитъ по-китайски луна, второй же — племя, раса, такъ что имя юечжи означаетъ лунная раса, la race lunaire (Journal asiatique, 1839, t. VIII, p. 265). По Клапроту, второй знакъ этого имени у китайскихъ историковъ «очень часто» изображался знакомъ, произносимымъ *ти*, а потому полное имя народа этого есть *да-юе-ти*, что соотвѣтствуетъ имени *массагет*'овъ, т.-е. великихъ готовъ, арійцевъ, а не тибетцевъ, какъ онъ въ началѣ той же книги ошибочно полагалъ (Tableaux historiques de l'Asie, Paris, 1826, p. 288). По словамъ проф. В. П. Васильева, знакъ *юе*, по мнѣнію нѣкоторыхъ китайскихъ ученыхъ, слѣдуетъ читать *жоу*, да сверхъ того тотъ же знакъ сходенъ съ знаками, читаемыми *мао* и *чжоу*; онъ же замѣчалъ, что имя юечжи напоминаетъ названіе рѣки Эчжинэ («Объ отношеніяхъ китайскаго языка къ средне-азіатскимъ» въ «Журн. Мин. Нар. Просв., 1872 г., сент., стр. 114). Kingsmill полагалъ, что истинное древнее имя юе-ти было vidhal (Journal of R. Asiatic Society, 1878, vol. X, p. 291); Terrien de La Couperie (Comptes rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres pendant l'année 1889, t. XVII, Paris, 1890, pp. 343—344) думалъ, что во время династіи Хань имя это произносилось gwet-ti; проф. Шлегель признавалъ древнимъ произношеніемъ get-ti (Marquart's Erānšahr, 1901, 206); синологи эти основывались на произношеніи знаковъ въ нынѣшнихъ южныхъ китайскихъ діалектахъ, но это пока лишь сомнительное предположеніе, которое въ примѣненіи къ практикѣ слишкомъ часто не оправдывалось. Также полагающій, что древнее произношеніе знака юе было get, Биль утверждаетъ въ то же время, что въ китайскомъ переводѣ одной буддійской сутры чрезъ юечжи переведено имя народа vrijjis или vajjans, иначе lichchhavis или litsabyis, обитавшаго во времена Будды въ странѣ Vaisâli и являвшагося, повидимому, народомъ пришлымъ, чужеземнымъ; чтобы объяснить, какимъ образомъ юечжы находились въ Индіи уже во времена Будды, Биль предполагалъ, что во время Кира или Дарія, когда юечжи-массагеты ушли въ Китай, часть ихъ направилась въ Индію (J. of. R. Asiatic Society, 1884, vol. XVI, pp. 254—257).

Такъ какъ въ «Хэу Хань-шу», по удостовѣренію Шпехта (Journal asiatique, 1883, t. II, p. 320), выяснено, что второй знакъ въ имени

юечжи долженъ произносится чжы (tchi), то, въ виду бо́льшей древности и авторитетности этой исторіи младшей династіи Хань, сравнительно съ позднѣйшими компиляторами, на которыхъ основано чтеніе Клапрота, слѣдуетъ произносить имя народа, покорившаго Дахя, юечжы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ, что имя это есть китайская транскрипція имени главной рѣки страны у подножій Наньшаня, которую занимали до нападеній хунновъ юечжы, рѣки, около которой находилось стойбище ихъ царя, а также китайскій городъ Чжаову, построенный по завоеваніи страны этой отъ хунновъ Китаемъ, т.-е. рѣки Ецзинъ или Эчжинъ, какъ она называется и понынѣ. Я полагаю, что имѣются достаточныя данныя, чтобы считать юечжей племенемъ тибетскимъ, но къ какой бы группѣ народностей они ни принадлежали, юечжы легко могли получить отъ сосѣдей имя по мѣстности или рѣкѣ, на которой обитали, и сдѣлаться извѣстными китайцамъ подъ этимъ именемъ. Кореннымъ именемъ юечжей однако, вѣроятно, было имя тохаровъ, потому что имя тохаровъ и Тохаристана появилось на Аму-дарьѣ только послѣ появленія на ней юечжей; въ такомъ случаѣ, въ виду сохранившагося до настоящаго времени у тибетцевъ именованія тогарами населенія таримской низменности, приходится допустить, что юечжы были лишь самой восточной частью тохаровъ. Во всякомъ случаѣ, занимая средину между тюркскими племенами на сѣверѣ и тибетцами на югѣ, тохары должны бы имѣть болѣе или менѣе значительную примѣсь тюркской крови, тогда какъ въ занимавшей болѣе западное положеніе части тохарскаго народа, т.-е. въ населеніи нынѣшняго Вост. Туркестана, присоединилась и примѣсь иранцевъ съ Сыръ-дарьи и Аму-дарьи.

в) Свѣдѣнія объ юечжахъ на Аму-дарьѣ.

Свѣдѣнія объ юечжахъ послѣ поѣздки къ нимъ Чжанъ Кяня, т.-е. позже 128 г. до Р. Х., должны заключаться въ исторіи Старшихъ Ханей до 25 г. послѣ Р. Х., когда династія эта замѣнилась династіею Младшихъ Ханей. Дѣйствительно, въ «Цянь-Хань-шу» есть особая статья «Большой Юечжы». Въ статьѣ этой,—содержанія которой я уже частью касался («Р. Антропол. Журналъ», 1900 г., № 4, стр. 6 и слѣд.), указавъ имѣвшіеся переводы, къ которымъ потомъ прибавился переводъ проф. de Groot въ Erānšahr Маркварта, 1901 г., S. S. 201—202,— помѣщены свѣдѣнія не только о самихъ юечжы, но и о входящей въ составъ ихъ царства странѣ Дахя. Въ ней излагаются, нѣсколько короче, тѣ же свѣдѣнія, какія даны по Чжанъ Кяню въ «Шы-цзи», но есть существенныя добавленія: «Правленіе государства, называемаго Большимъ Юечжы, находится въ городѣ Гяньши» (у Wylie, р. 40, Keen-she, у Шпехта, р. 321, Kien-chi). Царство Б. Юечжы «на югѣ смежно съ Гибинію. Почва, климатъ, вещи, обычаи народа и монета одинаковы съ аньсискими. Находятся одногорбые верблюды. Боль-

шой Юечжы собственно есть кочевое государство (по переводу Шпехта, p. 321, originairement les Youe-tchi étaient nomades). Жители съ своимъ скотомъ переходятъ съ мѣста на мѣсто, въ обыкновеніяхъ сходствуютъ съ хуннами». Далѣе соотвѣтственныя «Шы-цзи» краткія свѣдѣнія о столкновеніяхъ съ хуннами и уходѣ на западъ, гдѣ Юечжы «напалъ на Дахя и покорилъ сіе владѣніе; столицу основалъ по сѣверную сторону рѣки Гуй-шуй. Остальные роды (юечжей), которые по малосилію не въ состояніи были слѣдовать (на западъ съ главною массою народа), засѣли въ южныхъ горахъ (въ Наньшанѣ?) и тангутами (въ подлинникѣ должно быть, какъ у западно-европейскихъ переводчиковъ, «кянами») названы Малымъ Юечжы. Дахя собственно не имѣетъ верховнаго государя, а каждый городъ поставляетъ своего владѣтеля. Народъ слабъ и боится войны, почему и покоренъ нашедшими юечжысцами (тутъ у Wylie, p. 41, добавлено and they (дахя'сцы) presented a united petition to the Chinese envoy, вмѣсто чего у de Groot'a: Alle werden sie mit Befehlen von der Han-dynastie versehen, съ замѣчаніемъ, что эта фраза въ переводѣ Шпехта пропущена, S. 202). Находятся пять Хи-хэу, *которые доставляютъ китайскимъ посланникамъ съѣстные припасы* (далѣе слѣдуетъ перечисленіе этихъ хихэу съ указаніемъ ихъ резиденцій и разстояній отъ мѣстопребыванія намѣстника и отъ китайской пограничной крѣпости Янъ-гуань, въ заключеніе же сказано:) Сіи пять владѣтелей (у Wylie Heih-hows) состоятъ въ зависимости отъ Большого Юечжы» («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 54—56). Подчеркнутой фразы нѣтъ въ переводахъ Wylie, Шпехта и de Groot'a.

Утверждая, что вѣренъ переводъ Шпехта, по которому юечжы первоначально «были кочевниками», переводъ же Wylie — are a wandering nation — неправиленъ, Бойе полагаетъ, что изъ сличенія свѣдѣній «Шы-цзи», законченной въ 91 г. до Р. Х., и «Цянь-Хань-шу», данныя которой имѣютъ въ виду болѣе позднее время, слѣдуетъ заключить, что положеніе юечжей существенно измѣнилось: они уже не кочевники; они занимаютъ теперь города страны Дахя и ихъ кланы раздѣлили между собою ея территорію; царь юечжей пребывалъ прежде на сѣверѣ отъ Окса, теперь столицею юечжей сдѣлалась столица страны Дахя; прежде у юечжей былъ одинъ глава, теперь они раздѣлены на пять княжествъ; прежде на югѣ отъ нихъ находилась Дахя, теперь — Гибинь (Journal asiatique, 1900, t. XV, p. p. 541—542). Мнѣніе это, которое частью высказывалъ уже Шпехтъ (Journal asiatique, 1883, t. II, p. 348), нельзя признать основательнымъ. Хотя и проф. de Groot далъ переводъ, сходный съ переводомъ Шпехта (ursprünglich Waren die Grossen Jueh-ši ein nomadisches Volk), но согласнымъ переводамъ двухъ столь свѣдущихъ синологовъ, какъ Іакинфъ и Wylie, — имѣвшихъ возможность во время долгаго пребыванія въ Китаѣ пользоваться помощью китайскихъ ученыхъ для выясненія точнаго значенія трудныхъ мѣстъ китайскихъ подлинниковъ, — должно быть отдано предпочтеніе, тѣмъ

болѣе, что изъ всего содержанія статьи «Цянь-Хань-шу» ясно, что юечжи не только были во время Чжанъ Кяня, но и остались при династіи Хань кочевниками. Во-первыхъ, совершенно невѣрно утвержденіе Бойе о томъ, что столицею юечжей сдѣлалась столица страны Дахя: столица Дахя при Чжанъ Кянѣ находилась въ городѣ Ланьши, столицею же юечжей «Цянь-Хань-шу» называетъ городъ Кяньши (такъ во всѣхъ переводахъ), который долженъ былъ находиться на сѣверѣ отъ Окса, ибо въ «Цянь-Хань-шу» сказано ниже, что Юечжы, послѣ покоренія Дахя, «столицу основалъ по сѣверную сторону рѣки Гуй-шуй», изъ чего ясно, что столица или «правленіе государства», городъ Гяньши, находилась на сѣверѣ отъ Аму-дарьи. По отсутствію на сѣверномъ берегу Аму-дарьи лѣтнихъ пастбищъ и въ виду умолчанія «Цянь-Хань-шу» о нахожденіи долины Кашка-дарьи въ числѣ подвластныхъ Кангюю вассальныхъ владѣній, слѣдуетъ полагать, что долина эта занята была юечжійцами, и верхняя ея часть, а равно удобныя мѣста Гиссарскаго хребта служили для юечжей лѣтними пастбищами, почему мѣстопребываніе юечжійскаго царя должно было находиться въ долинѣ Кашка-су, и городъ Гяньши соотвѣтствуетъ Кешу или Карши [1]. Неосновательны также увѣренія о занятіи юечжами городовъ страны Дахя и о раздѣленіи между родами юечжей территоріи этой страны, а равно о раздѣленіи юечжей и ихъ земель на пять княжествъ, потому что ничего подобнаго въ «Цянь-Хань-шу» нѣтъ. Всѣ переводы согласны въ свѣдѣніи о существованіи пяти хи-хэу и о нахожденіи ихъ въ зависимости отъ Большого Юечжы, т.-е. конечно отъ юечжійскаго государя. Разногласіе переводчиковъ относительно труднаго мѣста китайскаго подлинника, которое Шпехтъ совсѣмъ пропустилъ, а Іакинфъ передалъ въ значеніи: «доставляютъ китайскимъ посланникамъ съѣстные припасы», должно быть рѣшено въ пользу вѣрности перевода Іакинфа, потому что какъ передача его у Wylie, такъ и переводъ de Groot'a, очевидно, невѣроятны: дахясцы не могли ни обращаться къ какому-либо китайскому посланнику съ какой-либо общей просьбой политическаго содержанія, достойной занесенія въ лѣтописи, послѣ покоренія ихъ юечжійцами, ни исполнять «всѣ повелѣнія» китайскаго правительства, потому что ничего такого не допустили бы покорившіе ихъ юечжійцы. Напротивъ, снабженіе китайскихъ посольствъ съѣстными припасами, проводниками и пр., по просьбамъ ихъ о томъ, со стороны управлявшихъ пограничными округами юечжійскихъ князей, вполнѣ естественно и вѣроятно, такъ что и составители статьи «Цянь-Хань-шу» свѣдѣніи свои объ этихъ хи-хэу, вѣроятно, получили изъ отчетовъ посольствъ. Что это были именно правители пограничныхъ округовъ, чрезъ которые китайскія посольства вступали въ подвластную юечжамъ страну, это подтверждается и

---

[1]) Подробности по этому предмету, къ которому еще возвращусь, будутъ изложены ниже.

пріуроченіями, которыя возможно имъ сдѣлать при помощи свѣдѣній, содержащихся въ «Бэй-шы» и «Вэй-шу», на основаніи которыхъ округа эти или княжества хи-хэу соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ Каратегину, Хиссару, бассейну Кашка-дарьи, Баміану и Кабулу, какъ уже выяснено мною («Р. Антр. Ж.», 1900 г., № 3, стр. 6—14, и 1902 г. № 3, стр. 78, 80 и 81) и будетъ еще дополнено ниже. Всѣ пять хи-хэу оказываются находившимися на сѣверной и южной границахъ; но нельзя сомнѣваться, что существовали пограничные хи-хэу и на западѣ, на границахъ съ парфянами, которые, надо полагать, почему-либо остались неупомянутыми у составителей «Цянь-Хань-шу».

Что касается показанія у юечжей смежности на югѣ съ Гибинью, тогда какъ по Чжанъ Кяню на югѣ лежала Дахя, то въ виду недавняго покоренія дахясцевъ юечжами Чжанъ Кянь описывалъ юечжей и Дахя отдѣльно; напротивъ, въ «Цянь-Хань-шу» описано одно государство «Б. Юечжы», и Дахя является въ составѣ этого государства лишь покореннымъ населеніемъ, а потому границею Б. Юечжы показана на югѣ Гибинь, занимавшая нижнюю и среднюю части бассейна Кабулъ-дарьи, на западѣ же— Аньси, т.-е. парфянское царство. Такъ какъ описаніе имѣетъ въ виду государство Б. Юечжы во всемъ составѣ его территоріи и населенія, то показаніе одинаковости съ аньсійскими вещей и обычаевъ народа должно быть относимо къ большинству населенія, т.-е. къ милліону дахя'сцевъ (или иранцевъ, какъ населеніе Аньси), объ обычаяхъ же самихъ юечжей, численность которыхъ означена лишь въ 400 т. душъ (такъ что милліонъ дахя'сцевъ-иранцевъ, значившійся у Чжанъ Кяня, очевидно, въ эту цифру не могъ входить), говорится ниже, что это кочевой народъ, сходный въ обычаяхъ съ хуннами.

Итакъ, измѣненіе въ положеніи юечжей противъ времени Чжанъ Кяня по свѣдѣніямъ »Цянь-Хань-шу», относящимся слѣдовательно ко времени между 128 г. до Р. Х. и 25 г. послѣ Р. Х., сводится лишь къ тому, что опредѣлилась точнѣе столица юечжей въ г. Гяньши, на сѣверной сторонѣ Аму-дарьи, какъ при Чжанъ-Кянѣ, и къ появленію пограничныхъ юечжійскихъ правителей или хи-хэу. Послѣднее обстоятельство легко объясняется необходимостью для юечжей, кочевавшихъ на сѣверѣ отъ Окса, защищать населеніе покоренной Дахя-Бактріаны и занимаемыя имъ земли на южной сторонѣ Аму-дарьи отъ вторженій и нападеній сосѣдей, въ особенности парфянъ, царь которыхъ Артабанъ умеръ около 123 г. до Р. Х. отъ раны, полученной въ войнѣ съ тохарами. Вслѣдствіе этого на границы, въ потребныя мѣстности, были, вѣроятно, помѣщены юечжійскіе роды съ ихъ старшинами, съ подчиненіемъ послѣднимъ мѣстныхъ иранцевъ и съ отводомъ изъ ихъ земель необходимыхъ для юечжійскихъ воиновъ и ихъ семействъ кочевокъ. Этихъ-то старшинъ китайцы именовали князьями, хи-хэу.

Б. ЮЕЧЖИ-КУШАНЫ.

Въ статьѣ «Большой Юечжы» исторіи второй или младшей династіи Хань,—которая должна заключать въ себѣ, какъ принято для всѣхъ династійныхъ исторій, историческія свѣдѣнія лишь за свое время, т.-е. съ 25 до 220 г. послѣ Р. Х.,—содержится слѣдующее (по переводу Іакинфа въ «Собраніи свѣдѣній», ч. 3, стр. 118 и 119; ср. переводъ Шпехта въ J. asiatique, 1883, t. II, p. 324): «Владѣтель Большаго Юечжы имѣетъ пребываніе въ городѣ Ланьшы. Отселѣ на западъ до Аньси 49 дней пути; на востокъ до мѣстопребыванія правителя (китайскихъ владѣній въ Таримскомъ бассейнѣ) 6.537, до Лояна (столица Китая) 16.370 ли. Народонаселеніе состоитъ изъ 100.000 семействъ, 400.000 душъ; строеваго войска около 100.000 человѣкъ. Когда Домъ Юечжы былъ уничтоженъ хуннами, то онъ переселился въ Дахя, раздѣлился на пять княжескихъ Домовъ: Хюми, Шуанми, Гуйшуанъ, Хисѣ (у Шпехта Hi-thun) и Думи. По прошествіи съ небольшимъ ста лѣтъ, гуйшуанскій князь Кіоцзюкю покорилъ прочихъ четырехъ князей и объявилъ себя государемъ подъ названіемъ гуйшуанскаго. Онъ началъ воевать съ Аньси, покорилъ Гаофу, уничтожилъ Пуду и Гибинь и овладѣлъ землями ихъ. Кіоцзюкю жилъ болѣе 80 лѣтъ. По смерти его сынъ Яньгаочжень получилъ престолъ и еще покорилъ Индію, управленіе которой вручилъ одному изъ своихъ полководцевъ. Съ сего времени Юечжы сдѣлался сильнѣйшимъ и богатѣйшимъ Домомъ. Сосѣдніягосударства называли его гуйшуанскимъ государемъ, но китайскій дворъ удержалъ прежнее ему названіе: Большой Юечжы». Въ слѣдующемъ затѣмъ описаніи владѣнія Гаофу, лежавшаго отъ Б. Юечжы на юго-западѣ и считавшагося большимъ государствомъ, въ которомъ «обыкновенія сходны съ индійскими, жители слабы и покореніе ихъ незатруднительно», «искусны въ торговлѣ и богаты», говорится: «Владѣніе Гаофу попеременно находилось подъ зависимостью другихъ. Его покоряли: Индія, Гибинь и Аньси, когда усиливались, а когда ослабѣвали, то теряли, но никогда еще оно не было подъ зависимостью Большаго Юечжы. Исторія Старшаго Дома Хань увѣряетъ, что Гаофу находилось подъ зависимостью пяти юечжыскихъ князей. Это несправедливо. Оно было подъ зависимостью Аньси, а Юечжы пріобрѣлъ Гаофу съ покореніемъ Аньси».

Число дней пути до Аньси и свѣдѣнія о численности населенія повторяютъ сказанное въ «Цянь-Хань-шу» и, вѣроятно, оттуда заимствованы, причемъ составители «Хэу-Хань-шу» (въ частности отдѣлъ о западныхъ странахъ, по словамъ проф. Хирта, см. China and the Roman Orient, Shangai, 1885, p. 7, написанъ ученымъ Chih) упустили изъ вида, что цифры населенія относились въ исторіи Старшихъ Ханей только къ самимъ юечжійцамъ. Я уже высказывался (см. «Р. А. Ж.», 1900 г. № 4, стр. 7—9),

что сдѣланныя исторіею Младшихъ Ханей,— составители которой писали въ V вѣкѣ послѣ Р. Х., т.-е. болѣе чѣмъ чрезъ два столѣтія послѣ паденія династіи Младшихъ Ханей,—поправки и измѣненія противъ содержащагося въ «Цянь-Хань-шу»,—оконченной въ концѣ I столѣтія послѣ Р. Х. и имѣвшей редакторами ученаго Бань Гу и сестру его, которые кромѣ архивовъ и существовавшей въ ихъ время литературы могли относительно западныхъ странъ пользоваться свѣдѣніями брата ихъ Бань Чао, состоявшаго долго кит. правителемъ таримской части запада, — не могутъ быть почитаемы правильными и заслуживающими довѣрія. Вслѣдствіе этого утвержденіе «Хэу-Хань-шу» о раздѣленіи юечжей на пять княжествъ должно быть отвергнуто, какъ противорѣчащее свѣдѣніямъ «Цянь-Хань-шу» и ни на чемъ не основанное. Это, однако, не мѣшаетъ пользоваться свѣдѣніями «Хэу-Хань-шу», о гуйшуанскомъ князѣ Кіоцзюкю, пріобрѣвшемъ власть надъ всѣми юечжами, о его завоеваніяхъ и о покореніи юечжійцами при сынѣ его Индіи, ибо владычество кушановъ (гуйшуан'овъ въ кит. транскрипціи) за Хиндукушемъ и въ Индіи подтверждается монетными легендами и различными надписями, найденными въ разныхъ мѣстностяхъ, продолженіе же господства ихъ на сѣверѣ отъ Хиндукуша въ бывшей Бактріанѣ послѣ Р. Х. удостовѣряется отрывочными извѣстіями западныхъ писателей и историковъ. Замѣна Гаофу именемъ Думи и утвержденіе, что Гаофу (Кабулъ) завоеванъ юечжійцами впервые при Кіоцзюкю, легко объяснимы тѣмъ, что, въ виду свѣдѣній, конечно времени династіи Младшихъ Ханей, о покореніи, при войнѣ съ парфянами (Аньси), юечжійскимъ Кіоцзюкю Гаофу, редакторы «Хэу-Хань-шу» сдѣлали неосновательное заключеніе, что цянь-ханьское свѣдѣніе о юечжійскомъ хи-хэу Гаофу было ошибочно, ибо Гаофу попалъ въ руки юечжей лишь при Кіоцзюкю. Между тѣмъ легко могло быть, а такъ какъ «Цянь-Хань-шу» называетъ въ числѣ хи-хэу правителя Гаофу, то и дѣйствительно было, что Гаофу былъ подчиненъ юечжійцами во время Старшихъ Ханей, напр., послѣ неудачной войны съ ними Артабана I или при одномъ изъ позднѣйшихъ столкновеній съ парфянами, если Кабулъ находился во власти парфянъ, а не отнятъ у одного изъ слабыхъ греко-индійскихъ царей, и т. п. Исключивъ Гаофу изъ числа пяти княжествъ, составители «Хэу-Хань-шу» помѣстили вмѣсто него Думи. По справедливой догадкѣ Томашека, рѣка Думо, въ десяти ли къ югу отъ которой находилась по «Суйшу» («Собр. свѣдѣній», ч. 3, стр. 203) резиденція владѣнія Шы, нынѣшнаго Шахрисябза, есть нынѣшняя Кашка-дарья (Sogdiana, 1877, S. 21—22). Думи и Думо столь близки, что это, вѣроятно, одно и то же имя, такъ что княжество Думи соотвѣтствовало мѣстности Кашка-дарьи, въ бассейнѣ которой находилось и княжество Гуйшуанъ. Объясненіе кажущагося на первый взглядъ противорѣчія можетъ состоять въ томъ, что по достиженіи гуйшуанскимъ княземъ верховной власти надъ всѣми юечжами - кушанами сохраненіе за областью или кня-

жествомъ Гуйшуанъ прежняго имени было неудобно, и оно замѣнено было именемъ Думи. Это имя одного изъ юечжійскихъ княжествъ-областей Думи какимъ-нибудь образомъ было извѣстно составителямъ «Хэу-Хань-шу» или источнику ихъ свѣдѣній и употреблено было для замѣны Гаофу, дабы достигнуть цифры пяти княжествъ, при чемъ осталось неизвѣстнымъ, что это лишь новое имя для гуйшуанскаго княжества и что число пограничныхъ хи-хэу на дѣлѣ было далеко болѣе пяти.

Такъ какъ по «Цянь-Хань-шу» у юечжей имѣлся государь, съ резиденціею въ г. Гяньши, и извѣстные китайцамъ хи-хэу состояли отъ него въ зависимости, то прекращеніе династіи, происходившей отъ сына убитаго хуннами юечжійскаго царя, и возвышеніе въ цари кушанскаго Кіоцзюкю должны были совершиться послѣ Р. Х. во время династіи Мл. Ханей, ибо въ «Цянь-Хань-шу» объ этихъ событіяхъ не упомянуто, что, несомнѣнно, было бы сдѣлано, если бы это произошло до 25 г. по Р. Х. Овладѣніе царской властью, по прекращеніи династіи, было всего легче для кушанскаго хи-хэу, если онъ имѣлъ резиденцію въ Хоцзо-Хузарѣ, по близости къ юечжійской столицѣ Гяньши на Кашка-дарьѣ, благодаря которой онъ могъ заранѣе пріобрѣсти преобладающее вліяніе на управленіе государствомъ.

Изъ особой статьи «Хэу-Хань-шу» объ Индіи видно, что изъ этой страны присылались въ Китай посольства нѣсколько разъ между 89 и 105 гг. по Р. Х. и два посольства въ 159 и 161 гг. Въ той же статьѣ сказано, что Индія заключаетъ въ себѣ нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ владѣній и что «въ это время всѣ находились подъ зависимостью юечжыскаго государя, который, убивъ индійскаго государя, управленіе Индіею ввѣрилъ своему полководцу» (переводъ Іакинфа въ «Собраніи свѣдѣній», ч. 3, стр. 120). Въ предисловіи къ описанію западныхъ странъ въ той же «Хэу-Хань-шу» подъ 73 г. по Р. Х. упоминается, что въ этомъ году вновь открыто сообщеніе съ западнымъ краемъ, которое было прервано передъ тѣмъ 65 лѣтъ (тамъ же, стр. 102). Въ біографіи китайскаго намѣстника Бань Чао, помѣщенной въ той же «Хэу-Хань-шу», разсказывается между прочимъ о сношеніяхъ его съ юечжійскимъ государемъ въ 84 г. и о неудачномъ походѣ посланнаго послѣднимъ въ 90 г. войска въ 70 т. ч. за Цунлинъ въ подвластныя Китаю земли (Ed. Specht въ Journal asiatique, 1897, t. X, pp. 184—187). По этимъ даннымъ Индія была завоевана юечжійцами до 89—105 гг., а такъ какъ отецъ завоевателя Кіоцзюкю жилъ болѣе 80 лѣтъ и царствовалъ поэтому, вѣроятно, долго, то возвышеніе его въ цари юечжей произошло, конечно задолго до 73 г., съ котораго китайцы возобновили, послѣ 65-лѣтняго перерыва, сношенія съ западомъ и могли получить свѣдѣнія о происходившихъ тамъ событіяхъ. Въ этомъ, видимо, и заключается причина смутности и хронологической неопредѣленности «Хэу-Хань-шу» о началѣ кушанской династіи у юечжей. Не помогаетъ тутъ и

отнесеніе покоренія гуйшуанскимъ княземъ прочихъ четырехъ князей ко времени чрезъ «съ небольшимъ» сто лѣтъ послѣ переселенія юечжей въ Дахя и раздѣленія на пять княжескихъ домовъ, потому что переселеніе юечжей на Аму-дарью совершилось во всякомъ случаѣ ранѣе 129 г., и столѣтіе послѣ этого года приходится на 29 г. до Р. Х., т.-е. на время династіи Старшихъ Ханей, исторія которыхъ ничего не знаетъ о Кіоцзюкю, конечно потому, что у юечжей продолжала еще существовать прежняя династія; раздѣленіе же юечжійскаго царства на пять княжествъ есть не болѣе какъ ошибочное предположеніе или недоразумѣніе редакторовъ «Хэу-Хань-шу» или ихъ источниковъ.

Хотя такимъ образомъ китайскія извѣстія не даютъ точныхъ датъ для времени основанія кушанской династіи и завоеванія Индіи, но они весьма важны, какъ пособіе для повѣрки попытокъ опредѣленія времени царствованія кушанскихъ государей Индіи и нынѣшняго Авганистана, отъ которыхъ сохранились монеты и иные памятники, частію даже съ датами въ видѣ знаковъ или буквъ, имѣющихъ цифровое значеніе. Относительно эры, которой принадлежатъ эти монетныя даты, возможны пока лишь предположенія, изъ которыхъ кажется удачнѣйшимъ новѣйшее, принадлежащее Винсенту Смиту (The Kushan, or Indo-Scythian, Period of Indian History, въ Journal of the R. Asiatic Society, London, 1903, January, pp. 1—64). По его догадкамъ, даты монетъ кушанскихъ царей Канишки, Хувишки и Джушки или Васудевы даютъ года эры Лаукика (Laukika), такъ что дата 5 древнѣйшей изъ имѣющихся монетъ извѣстнаго по надписямъ, а особенно по буддійскимъ легендамъ, царя Канишки соотвѣтствуетъ 129 г. послѣ Р. Х. На этомъ основаніи и сообразно датамъ монетъ Смитъ опредѣляетъ для Хувишки, преемника Канишки, годы царствованія 153—185 послѣ Р. Х., для самаго Канишки намѣчаетъ 125—152 гг., для предшественника Канишки, кушанскаго царя, именуемаго на монетныхъ легендахъ греческаго письма Кадфизесомъ, предполагаетъ годы 85—125, считая его за Яньгаочжени «Хэу-Хань-шу», и относитъ предположительно овладѣніе отцомъ его Кіоцзюкю верховной властью надъ юечжами и его завоеванія къ 45—60 гг. по Р. Хр. (pp. 60, 61). Вѣрны или нѣтъ предположенія В. А. Смита въ своей основѣ, хронологическія его опредѣленія препятствій въ китайскихъ извѣстіяхъ не встрѣчаютъ.

Таримскія владѣнія Китая были потеряны въ началѣ второй половины II вѣка послѣ Р. Х. («Собр. свѣдѣній», ч. 3, стр. 108), причемъ прекратились и политическія сношенія съ западомъ, а съ ними и свѣдѣнія о немъ въ китайскихъ лѣтописяхъ. Изъ сокращенія исторіи династіи Вэй (220—265 гг.) узнаемъ однако, что въ эпоху трехъ царствъ (220—280 гг.) владѣніе Гибинь, а также Дахя, Гаофу и Тяньчжу находились подъ владычествомъ юечжей; затѣмъ, хотя исторія династіи Цзинь (265—420 гг.) не содержитъ особой статьи о кушанахъ—юечжы, но въ одномъ мѣстѣ ея,

въ книгѣ 97, владѣніе Да-Юечжы упоминается, какъ находящееся на югѣ отъ Давани (Ed. Specht въ Journal asiatique, 1883, t. II, p. 327).

Изъ западныхъ свѣдѣній времени кушановъ надо упомянуть о присылкѣ въ Римъ при императорѣ Адріанѣ (117—138 гг. по Р. Х.) посольства отъ царей бактрійскихъ (reges Bactrianorum) съ просьбою о союзѣ и дружбѣ (Act. Spartianus, 21, 14), вѣроятно противъ парфянъ (Tomaschek, Sogdiana, 75). Trebellius Pollio, въ своихъ біографіяхъ императоровъ Валеріана и Авреліана, говоритъ о посольствахъ въ Римъ, за время этихъ императоровъ, отъ бактрійцевъ; конечно, посольства эти должны были имѣть цѣлью союзъ противъ общихъ съ римлянами враговъ, т.-е. персовъ (Histoire du Bas-Empire, par Lebeau, ed. par de S.-Martin, t. III, Paris, 1825, p. 387), а такъ какъ Валеріанъ былъ плѣненъ персами въ 260 г., то вѣроятны вообще враждебныя отношенія между кушанами и персами въ третьей четверти III вѣка, на которую приходятся царствованія сассанидовъ Шапура I (241—272 гг.), Ормизда I (272—273) и Бахрама I (273—276). По Клавдію Мамертину, Panegyr., противъ Бахрама II (276—293) велъ войну братъ его Ормiесъ, т.-е. Ормиздъ, при помощи saccis et ruffis et gellis: тутъ вмѣсто ruffis читаютъ cussis, а потому помогавшими Ормизду оказываются саки (седжестанскіе), кушаны и какіе-то гелы (Marquars's Erānšahr, 36). Vopiscus (Vita Cari [1]), 8), по поводу междоусобій у персовъ, также называлъ саковъ, кушановъ (cussi) и геловъ (Марквартъ, тамъ же). Изданныя Друэномъ серебряныя монеты съ именемъ Пероза, «великаго царя кушановъ», и Томасомъ, а также Кеннингэмомъ монеты Охоромизда, «великаго царя царей кушанскихъ», Марквартъ основательно приписываетъ первыя брату Шапура I Перозу, вторыя же брату Бахрама II Ормизду, возстававшему при помощи саковъ, кушановъ и геловъ, или Хормизду, который впослѣдствіи царствовалъ съ именемъ Хормизда II (302 — 309 гг.), полагая, что эти сассанидскіе принцы чеканили эти монеты въ бытность свою намѣстниками Хорасана, присвоивая себѣ приведенные титулы, хотя въ дѣйствительности надъ кушанами не властвовали (Erānšahr, 48—50). Сирійскій писатель Бардезанъ, жившій во второй половинѣ II вѣка по Р. Х. и въ первой III столѣтія, даетъ свѣдѣнія о положеніи женщинъ между прочимъ у «бактрійцевъ, называемыхъ кашанами» (Collection des historiens de l'Arménie, publiée par Langlois, 1867, t. I, p. 84), изъ чего ясно, что на западъ Азіи проникало не только имя, но даже свѣдѣнія о бытѣ кушановъ, властвовавшихъ въ древней Бактріанѣ. По Амміану Марцеллину (XVI, 9, 4), Шапоръ II въ 356 году зимовалъ въ лагерѣ на границѣ съ хіонитами и евзенами; послѣднее имя теперь читаютъ (Нёльдеке, Марквартъ) cuseni вмѣсто euseni, т.-е. признавая этотъ народъ за кушановъ. Томашекъ сверхъ того усматривалъ еще кушановъ въ

[1]) Императоръ Каръ царствовалъ въ 282—3 гг.

gelanis другого мѣста, гдѣ у Амміана (XVII, 5, 1) говорится о заключеніи Шапоромъ въ 358 г. мира и союза съ хіонитами и геланами (Sogdiana, 92), но такая порча имени мало вѣроятна и скорѣе въ геланахъ можно узнавать народность, давшую свое имя провинціи Гилянъ. Въ хіонитахъ Томашекъ (тамъ же, 93) видѣлъ хунновъ. Въ виду китайскихъ извѣстій о Юебани и Судэ (см. мои «Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ» и пр., 1897 г., стр. 29, а также проф. Хирта Ueber Wolga-Hunnen въ Sitzungsberichte der Bayer. Akademie der Wissenschaften, phil. hist.-Klasse, B. II, 1900, SS. 253, 274) слѣдуетъ полагать, что въ первой половинѣ III вѣка хунны покорили алановъ, а потому дѣйствительно могли распространяться до границъ Персіи и имѣть столкновенія съ сассанидами, а потому хіониты греческихъ писателей, хунайе или хуны сирійскихъ и т. п. могли быть хунны.

Мусульманскіе писатели (Табари, Масуди и др.) и Фирдуси въ «Шахънамэ» разсказываютъ о нашествіи на Персію хакана тюрковъ съ многочисленнымъ войскомъ, объ убіеніи этого хакана и пораженіи его войска въ окрестностяхъ Мерва Бахрамомъ V Гуромъ (который занималъ престолъ съ 420 по 438 г.), и о покореніи затѣмъ страны побѣжденныхъ враговъ съ Балхомъ, при чемъ братъ Бахрама Нарсе назначенъ былъ правителемъ этихъ земель съ опредѣленіемъ границы Персіи по Аму-дарьѣ. Сказанія эти носятъ легендарный и фантастическій характеръ и не подтверждаются никакими извѣстіями современныхъ или позднѣйшихъ западныхъ, армянскихъ, сирійскихъ, китайскихъ и пр. историковъ, но трудно признавать ихъ и за полные вымыслы, не имѣвшіе основанія въ дѣйствительности. Именованіе дѣлавшихъ нашествіе кочевниковъ тюрками должно быть во всякомъ случаѣ отвергнуто, потому что тюрки появляются подъ этимъ именемъ въ исторіи болѣе чѣмъ на сто лѣтъ позднѣе. По мнѣнію Нёльдеке, нашествіе произведено было не турками, а кушанами, какъ видно изъ титула марзбани-кушанъ, который данъ былъ намѣстнику Бахрама Нарсе; онъ полагаетъ, что именно непріязненныя дѣйствія кушановъ побудили Бахрама закончить въ 422 г. начатую по вступленіи его на престолъ войну съ Римомъ поспѣшнымъ миромъ на довольно выгодныхъ для римлянъ условіяхъ, несмотря на нанесенное имъ въ 421 г. пораженіе (Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden etc., Leiden, 1879, SS. 99 Anm., 102, а также Aufsätze zur Persische Geschichte, Leipzig, 1887, S. 105). Д-ръ Марквартъ утверждаетъ, что врагомъ, сдѣлавшимъ нашествіе на Персію и пораженнымъ Бахрамомъ, были хіониты, такъ какъ бой съ этимъ врагомъ произошелъ въ той же мѣстности въ окрестностяхъ Мерва, гдѣ, по Яткари-Зариранъ, Виштаспъ сражался съ хійонами: Wir dürfen daher wohl annehmen, dass die von Bahram besiegten Feinde Chioniten waren, was durch ganze historische Lage nahegelegt wird (Eranšahr, 52). Онъ полагаетъ затѣмъ, что «марзбани-кушанъ» значило Hüter der Mark

gegen Kūšan, ничего болѣе (тамъ же); граница съ кушанами при Бахрамѣ Гурѣ не измѣнилась и оставалась тою же, какая существовала ранѣе и сохранилась до гибели Пероза, т.-е. земли персовъ простирались лишь до Талакана; это подтверждается тѣмъ, что въ спискахъ сирійскихъ (несторіанскихъ) епископовъ, въ которыхъ показывались лишь кафедры въ персидскихъ областяхъ, послѣдними на востокъ значились епископы Мерва, Бадхыза, Мерви-руда; въ спискѣ городовъ Ирана, изданномъ Блоше, Бахраму V приписывается построеніе города Мерви-рота, т.-е возобновленіе его укрѣпленій: такое усиленіе укрѣпленій Мерви-руда показываетъ, что резиденція марзбана оставалась, какъ и прежде, въ Мервѣ; въ томъ же спискѣ сказано, что основателемъ главнаго города Хваризма былъ Нарсе, что понятно лишь при распространеніи предѣловъ марзбанства на сѣверо-западъ (тамъ же, 53). Въ эпической легендѣ, сохранившейся въ рукописи не моложе XIV вѣка и содержащей повѣсть о войнѣ, которую долженъ былъ вести царь Виштаспъ противъ хіонскаго князя Арджаспа, требовавшаго, чтобы Виштаспъ отказался отъ маздеизма и возвратился къ древней вѣрѣ, которую продолжалъ сохранять Арджаспъ, городъ Мервъ дѣйствительно упоминается въ мѣстности, которую Арджаспъ назначилъ для того великаго боя, въ которомъ погибъ полководецъ и братъ Виштаспа Заниръ, отмщенный, однако, своимъ сыномъ (Sitzungsberichte der philol.-philosoph. und histor. Classe der Akademie der Wissenschaften zu München, Jahrgang 1890, Zweiter Band, S. 50). Но только въ мѣстности боя и состоитъ все общее между Бахрамомъ Гуромъ и легендарнымъ Виштаспомъ. Изъ того, что Виштаспъ воевалъ съ княземъ хіонскимъ въ какія-то отдаленныя легендарныя времена, отнюдь не слѣдуетъ, что Бахрамъ Гуръ въ концѣ первой четверти V вѣка послѣ Р. Х. воевалъ съ хіонитами, хотя бы рѣшительный бой произошелъ въ той же мѣстности около Мерва. Весьма вѣроятно, что граница Персіи съ кушанами осталась при Бахрамѣ V безъ измѣненія, въ томъ видѣ, какъ существовала она и затѣмъ до гибели Пероза, что подтверждается списками несторіанскихъ епископовъ, но изъ этого отнюдь нельзя правильно заключить, что нашествіе на Персію сдѣлали и были поражены въ окрестностяхъ Мерва хіониты, а не кушаны. Изъ факта неизмѣненія границъ съ кушанами при Бахрамѣ слѣдуетъ сдѣлать только то заключеніе, что сказанія мусульманскихъ писателей о завоеваніи Бахрамомъ земель кушанскихъ съ Балхомъ и о назначеніи границею между землями персидскими и кушанскими Аму-дарьи представляютъ собою неимѣвшій основанія въ дѣйствительности вымыселъ или преувеличеніе. Хотя мало вѣроятно, чтобы перешедшіе уже въ 375 г. за Донъ хунны, занимаясь на западѣ подчиненіемъ обширныхъ странъ и многочисленныхъ народовъ и утвержденіемъ надъ ними своей власти, сдѣлали около 422 г. большое нашествіе на Персію на востокѣ отъ Каспія къ Мерву, тогда какъ ближе и удобнѣе было имъ совершить такое нашествіе въ Мидію со сто-

роны Кавказа (какъ произведенъ былъ позже набѣгъ, о которомъ сообщалъ Приску римскій посланникъ Ромулъ, см. «Сказанія Приска панійскаго», перев. Дестуниса, въ «Ученыхъ Запискахъ И. Академіи наукъ», кн. VII, вып. I, 1861, стр. 64 и 65), но совершенной невозможности этого нашествія утверждать было бы нельзя, если бы имѣлись хотя какія-либо данныя, подтверждающія, что нашествіе при Бахрамѣ V произвели хунны, т.-е. хіониты. Но никакихъ рѣшительно основаній приписывать это нашествіе хуннамъ не имѣется, тогда какъ, напротивъ, есть причины полагать, что нашествіе сдѣлали кушаны. Эти причины заключаются въ томъ, что по тѣмъ же мусульманскимъ сказаніямъ, которыя являются единственнымъ источникомъ свѣдѣній о нашествіи тюркскаго будто бы хакана на Персію при Бахрамѣ V, послѣдній послѣ убіенія хакана и пораженія тюрковъ вторгается въ земли кушановъ, завоевываетъ часть ихъ, опредѣляетъ границею съ остальными кушанскими землями Аму-дарью и назначаетъ брата своего Нарсе марзбани-кушан'омъ. Если все это или главное отвергать, то нѣтъ причинъ допускать и нашествіе кого бы то ни было, потому что свѣдѣнія объ этомъ нашествіи почерпаются единственно изъ тѣхъ же мусульманскихъ сказаній. Между тѣмъ едва ли эти сказанія были сплошнымъ вымысломъ. Мы знаемъ, что кушаны вели войны съ персами и при предшественникахъ Бахрама V. Весьма поэтому возможно, что въ началѣ царствованія Бахрама, пользуясь войною его съ римлянами или считая силы Бахрама слабыми,—такъ какъ онъ только-что силою овладѣлъ престоломъ и не успѣлъ еще, какъ имѣли кушаны право полагать, утвердить свою власть,—кушанскій царь сдѣлалъ въ персидскіе предѣлы нашествіе и былъ Бахрамомъ разбитъ. Затѣмъ, повидимому, Бахрамъ съ своей стороны вторгся во владѣнія кушановъ, но безъ особыхъ успѣховъ, и война кончилась миромъ съ сохраненіемъ прежней или лишь частію подвинутой на востокъ границы. Значитъ ли марзбанъ «охранитель марки» или Gränzherr, Markgraf, какъ полагалъ Нöльдеке (Geschichte der Perser und Araber, 102), несомнѣнно, что у персовъ существовали въ разное время марзбаны Арменіи, напр., не въ смыслѣ граничащей съ Арменіею области, а въ смыслѣ самой Арменіи, подвластной персамъ, и т. п. Такъ какъ мусульманскія сказанія говорятъ о произведенныхъ въ земляхъ кушановъ завоеваніяхъ и затѣмъ уже о назначеніи Нарсе марзбани-кушан'омъ, то они, несомнѣнно, разумѣли, что Нарсе былъ правителемъ не только прилегавшихъ къ границѣ частей персидскаго Хорасана, но и завоеванныхъ у кушановъ земель до Аму-дарьи. Не трудно также понять, почему въ мусульманскихъ сказаніяхъ царь кушановъ превратился въ хакана тюрковъ. Произошло это отъ того, что арабы при своемъ завоеваніи Тохаристана и Мавераннагра нашли ихъ подвластными уже около столѣтія тюркамъ и съ именемъ кушановъ могли познакомиться лишь по преданіямъ, остатки же властвовавшаго до тюрковъ народа, хайталовъ, были малочисленны и не имѣли большого политическаго

значенія. Вслѣдствіе этого и за отсутствіемъ основательныхъ свѣдѣній объ историческомъ прошломъ Тохаристана и Мавераннагра, властвовавшій въ этихъ странахъ до арабовъ народъ, въ мусульманскихъ сказаніяхъ объ этомъ прошломъ, составленныхъ на основаніи народныхъ преданій и легендъ, обратился въ тюрковъ, и имя кушановъ проскальзывало въ нихъ, напр., у Табари и Фирдуси, весьма рѣдко.

Дальнѣйшія свѣдѣнія о кушанахъ, для удобства выясненія этническихъ отношеній ихъ къ кидаритамъ, необходимо изложить въ связи съ историческими извѣстіями о кидаритахъ.

B. КУШАНЫ-КИДАРИТЫ.

а) Извѣстія армянскихъ, византійскихъ и сирійскихъ историковъ о кушанахъ, уннахъ-кидаритахъ, хепталахъ и уннахъ-ефталитахъ V вѣка.

Сынъ Бахрама V Яздигердъ II (царствовавшій, по Нёльдеке, съ 4 августа 438 г. до 30 іюля 457 г.) большую часть своего царствованія находился въ войнѣ съ кушанами. По «Исторіи Егише Вардапета» (переводъ П. Шаншіева, Тифлисъ, 1853 г.), уже во второмъ году царствованія, собравъ конницу подвластныхъ народовъ въ «области Апаръ (Хорасанъ)», пошелъ онъ «въ страну гунновъ, которую называютъ также землею кушановъ» (въ подлинникѣ «кушанкъ», гдѣ к есть знакъ множественнаго числа, по замѣчанію и переводчика, а потому, хотя Шаншіевъ писалъ вездѣ «кушуны» вмѣсто «кушаны», я помѣщаю послѣднее имя) «и сражался тамъ два года, не сдѣлавъ ничего замѣчательнаго». Замѣняя одинъ составъ милиціи другимъ, «такъ дѣлалъ онъ ежегодно, начиная съ четвертаго года своего царствованія до одиннадцатаго, и велѣлъ построить въ землѣ кушановъ городъ, гдѣ основалъ временную резиденцію». «Царь кушановъ былъ обезсиленъ; Іездигердъ опустошилъ многія его провинціи» (стр. 15, 18 и 19). «Въ началѣ двѣнадцатаго года своего царствованія (449—450 гг.) Іездигердъ собралъ во владѣніяхъ своихъ новыя полчища и съ этимъ послѣднимъ войскомъ двинулся на провинціи Итагаканъ [1]). Царь кушановъ испугался, увидя войска многочисленныя, и такъ какъ онъ не могъ сражаться, не потерпѣвъ непремѣннаго пораженія, то бѣжалъ въ степи не-

[1]) По объясненію переводчика „въ текстѣ стоитъ слово Итагаканъ, которое, по всему вѣроятію, какъ видно изъ послѣдующаго разсказа о кушанахъ, должно быть искаженное переписчиками слово Иптагаканъ или Ептагаканъ, т.-е. Ephtalites“. J. Garrez (Journal asiatique, 1869, t. XIII, p. 174), по венеціанскому изданію 1864 г., читалъ Italakan и видѣлъ въ этомъ древнюю форму имени Талаканъ, считая его первоначальною формою Hetalakan, „городъ или страна хеталовъ“. По Маркварту, Яздигердъ цѣлью похода имѣлъ страну Талаканъ (S. 56).

обозримыя и неприступныя, съ войсками своими, отказавшись вступить въ сраженіе. Іездигердъ, разграбивъ и опустошивъ его провинціи, взялъ множество крѣпостей, множество плѣнныхъ, и съ огромною добычею возвратился въ Персію» (30 и 31). Во время послѣдовавшаго затѣмъ возстанія армянъ, вслѣдствіе попытокъ Яздигерда обратить ихъ изъ христіанъ въ послѣдователей вѣры маговъ, «получено было извѣстіе изъ земли кушановъ, что непріятели сдѣлали вторженіе въ земли персидскія и опустошили нѣсколько провинцій» (81). Повидимому, Яздигердъ выступилъ противъ кушановъ, но «съ востока возвратился онъ пораженнымъ, а не побѣдителемъ» (136). Между тѣмъ, возстаніе въ Арменіи разгорѣлось, и армяне заключили союзный договоръ съ «гуннами», обитавшими на сѣверѣ Кавказа (стр. 129). «На шестнадцатомъ году (453—454) своего царствованія Іездигердъ съ сильнымъ гнѣвомъ пошелъ войною въ страну кушановъ. Онъ перешелъ землю Верканъ и когда достигъ страны Апаръ, то приказалъ въ крѣпости города Ніушапу (нынѣ Нишабуръ) задержать плѣнными (армянскихъ) князей и священниковъ, которыхъ велъ за собою» (235 и 236). Царь кушановъ, по многочисленности персидскаго войска, не могъ дать персамъ большого сраженія и „предпринялъ вести съ ними войну партизанскую. Онъ бросился на аррієргардъ войска Іездигерда, разбилъ его совершенно и безпрестанными стычками съ войскомъ персидскимъ въ ущельяхъ и мѣстахъ опасныхъ такъ обезсилилъ Іездигерда, что онъ поспѣшно возвратился назадъ. Жестоко преслѣдовалъ его царь кушановъ, вошелъ вслѣдъ за нимъ въ Персію, разграбилъ множество провинцій и благополучно возвратился въ свою страну» (237). «Іездигердъ умеръ на девятнадцатомъ году своего царствованія. Два сына его, Ормиздъ и Перозъ, оспаривавшіе другъ у друга тронъ, подняли въ Персіи междоусобную войну... Эта война длилась два года», пока «наставникъ» Пероза Раамъ не напалъ на Ормизда, не разбилъ его и не велѣлъ убить. Для усмиренія албанскаго князя Ваче Перозъ «послалъ огромныя сокровища въ землю хайландуровъ для уплаты многочисленнымъ войскамъ гунновъ». Эти наемныя войска взяли «врата алановъ» (Дербендъ) и разбили Ваче (стр. 332—336).

Эти извѣстія умершаго (по Шаншіеву) въ 480 г. армянскаго прелата, современника событій, имѣвшаго, конечно, возможность получать о нихъ свѣдѣнія отъ своихъ армянскихъ соплеменниковъ, участвовавшихъ въ составѣ милицій Яздигерда, а также отъ князей и священниковъ, содержавшихся въ нишабурской крѣпости, и т. п., могутъ быть дополнены изъ византійскаго историка Приска, извѣстнаго между прочимъ своимъ участіемъ въ посольствѣ къ Аттилѣ въ 448 г. и несомнѣнно пользовавшагося вѣрными свѣдѣніями отъ византійскихъ дипломатовъ и изъ архивовъ. По сохранившимся отрывкамъ его историческаго труда, въ 456 г., когда «римское войско вступило въ Колхиду и дало сраженіе лазамъ», Говазъ, (повидимому, глава этихъ лазовъ) «отправилъ посольства и къ парфамъ, и

къ римлянамъ, но парфскій монархъ, ведя войну съ уннами-кадаритами, отвергъ прибѣгнувшихъ къ нему лазовъ» («Сказанія Приска панійскаго», перев. Г. Дестуниса, 1861, стр. 83 и 84). Въ 464 г. персы требовали, между прочимъ, чрезъ пословъ своихъ, чтобы римляне участвовали въ содержаніи крѣпости Юроипаахъ, лежащей при Вратахъ Каспійскихъ, и говорили, что римляне обязаны помогать персамъ деньгами въ войнѣ «противъ такъ называемыхъ унновъ-кидаритовъ» и что если персы одержатъ побѣду, то римляне будутъ имѣть ту выгоду, что уннамъ не будетъ позволено переходить (для грабежей) въ римскія владѣнія (стр. 89). Въ 9-мъ году царствованія императора Леона, т.-е. въ 465 году, когда отправленъ былъ къ Перозу византійскій посолъ Константій, персидскій государь «находился на границѣ персовъ и унновъ-кидаритовъ. Онъ велъ съ сими уннами войну подъ предлогомъ, что они не платили ему дани, которую древніе цари парфовъ и персовъ на нихъ наложили». Война велась въ это время съ главою унновъ Кунхою, но началась еще при его отцѣ и хотя прерывалась было вслѣдствіе примиренія и выдачи за очень молодого тогда Кунху сестры Пероза, но возобновлена была Кунхою за обманъ со стороны персовъ, ибо обнаружилось, что выданная въ качествѣ сестры Пероза женщина совсѣмъ не была царевною, почему Кунха, выманивъ у Пероза 300 отборныхъ персидскихъ предводителей и офицеровъ для командованія войсками унновъ въ войнѣ ихъ съ сосѣдними народами, всѣхъ ихъ перебилъ или изувѣчилъ. «Константій былъ принятъ Пирозомъ въ Горгѣ: такъ называлось селеніе, гдѣ персы имѣли свой станъ» (стр. 90 и 91). Въ 468 году «пришло изъ Персіи посольство съ извѣстіемъ, что персы одержали побѣду надъ уннами-кидаритами и осаждаютъ городъ ихъ Валаамъ» (стр. 97 и 98).

По сирійскому писателю Іисусу Стилиту, писавшему около 510—515 гг., персидскій царь Пирузъ часто велъ войны съ Kounoié, т.-е. Hounoié (Нöльдеке, Geschichte, 115, предлагалъ читать Kûsânâje d'hinnon Hunnâje, а отождествляющій этотъ народъ съ хіонитами Марквартъ, Erānšahr, 50, читаетъ Xyionayje), и покорилъ было ихъ, присоединивъ къ своему царству многія ихъ провинціи, но потомъ плѣненъ ими; расплатившись за освобожденіе золотомъ, присланнымъ ему императоромъ Зенономъ (занималъ престолъ съ 474 до 491 г., тогда какъ Перозъ царствовалъ, по Нöльдеке, съ 30 іюля 457 или 459 по 23 іюля 484 г.), и обязавшись не нападать болѣе на хунновъ, Пирузъ нарушилъ договоръ и снова былъ разбитъ и плѣненъ; по освобожденіи съ уплатою тридцати навьюченныхъ монетою муловъ, при чемъ до присылки части этого выкупа оставался въ заложникахъ сынъ его Кавадъ, и по принятіи обязательства отнюдь не воевать болѣе съ хуннами, Пирузъ еще разъ нарушилъ договоръ и вторгся въ земли хунновъ, но былъ разбитъ и погибъ, такъ что и трупъ его остался не найденнымъ. Тронъ его занялъ братъ его Балашъ (Abhandlungen für die Kunde des

Morgenlandes, B. VI, № 1, Chronique de Josué le Stylite, écrite vers l'an 515, texte et traduction par M. l'Abbé Paulin Martin, Leipzig, 1876, pp. XV—XVII, XX).

Прокопій, назначенный въ 526 г. совѣтникомъ къ Велисарію, собиравшемуся въ походъ персидскій, въ своей исторіи войнъ римлянъ съ персами, разсказывая кратко и безъ датъ о войнахъ Пероза съ уннами-эфѳалитами, говоритъ, что унны эти «сосѣдятъ съ персами на сѣверѣ, тамъ, гдѣ городъ, называемый Горго, у самой персидской окраины; тутъ между ними и персами часто происходитъ война за границы» («Записки ист.-фи-лол. факультета Спб. университета», ч. I, Спб., 1876 г., «Прокопія Кесарійскаго Исторія войнъ римлянъ съ персами» и пр., пер. С. Дестуниса, стр. 21). По его свѣдѣніямъ, когда, въ сопровожденіи «прибывшаго къ нему отъ царя Зинона посла, по имени Евсевія» (стр. 19 и 25), Перозъ вторгся въ ихъ земли, унны завлекли персидское войско въ горное ущелье и здѣсь поставили его въ необходимость заключить миръ съ клятвеннымъ обѣщаніемъ въ томъ, что «персы никогда не пойдутъ войною на эфѳалитовъ» (стр. 30). Перозъ, однако, нарушилъ клятву, выступилъ «къ лежащему на персидской границѣ городу Горго» (стр. 37) и погибъ въ этой войнѣ съ тридцатью сыновьями своими (стр. 38). На престолъ Персіи возведенъ былъ единственный сынъ Пероза, оставшійся въ живыхъ, Кавадъ. «Персы послѣ того были данниками эфѳалитовъ до тѣхъ поръ, пока Кавадъ, утвердившись въ своей власти, не отказался отъ ежегоднаго платежа дани. Зависимость персовъ отъ сихъ варваровъ продолжалась два года» (стр. 46).

Изъ приведенныхъ извѣстій видно, что цитированные историки употребляли терминъ гунны (Егише), унны (Прискъ, Прокопій), хуны или куны (Іисусъ Столпникъ) въ качествѣ нарицательнаго для означенія совокупности кочевыхъ преимущественно народовъ сѣвера и сѣверо-востока, какъ раньше греки и римляне примѣняли терминъ скифы и потомъ сарматы, а персы—саки. Но тѣ же историки даютъ имѣвшимъ столкновенія съ персами народамъ или народу собственныя имена кушановъ, кидаритовъ, ефталитовъ. Старѣйшій изъ этихъ историковъ Егише (иначе Елисей) даетъ гуннамъ, съ которыми воевалъ Яздигердъ, на сѣверѣ и востокѣ отъ персидскаго Хорасана, имя кушановъ, которымъ, какъ мы знаемъ, со времени династіи Младшихъ Ханей стали именоваться юечжи-тохары; Прискъ, въ своихъ отрывочныхъ извѣстіяхъ съ 456 г. и кончая 468 г., именуетъ восточный народъ, съ которымъ боролись персы при Яздигердѣ (въ 456 г. царствовалъ еще онъ) и затѣмъ при Перозѣ, кидаритами; наконецъ, Прокопій, который едва ли могъ пріобрѣсти свѣдѣнія по этому предмету ранѣе 526 г., называетъ народъ, съ которымъ часто воевали персы, ефталитами, утверждая, что въ войнѣ съ нимъ погибъ Перозъ. При походѣ своемъ на кушановъ въ 454 г., Яздигердъ, по Егише, прошелъ землю Верканъ (Гир-

канію, бассейнъ нынѣшней рѣки Гюргенъ) и затѣмъ уже достигъ восточнаго персидскаго Хорасана; по Приску, Перозъ имѣлъ въ 465 г. станъ свой, гдѣ принялъ посла Константія, въ Горгѣ, на границѣ персовъ съ кидаритами; по Прокопію, Перозъ предъ гибелью своею вторгся въ земли ефталитовъ чрезъ городъ Горго на границѣ между персами и ефталитами, гдѣ часто происходили между ними войны; наконецъ, и по армянскому писателю Лазарю Парбеци, въ походъ свой противъ хепталовъ (въ подлинникѣ *хепталкв*, какъ удостовѣрилъ д-ръ Маркквартъ, Ērānšahr, 61, во французскомъ же переводѣ, которымъ я пользуюсь, Hephthalites), въ которомъ въ 484 г. погибъ, Перозъ выступилъ изъ Vergan, куда послѣ гибели его бѣжали немногіе спасшіеся изъ его войска (Collection des historiens de l'Arménie, publiée par V. Langlois, t. II, Paris, 1869, p. 350). Такимъ образомъ, граница персовъ съ кушанами, кидаритами и ефталитами при Яздигердѣ и Перозѣ находилась одинаково около Веркана, Вергана, Горги, Горго, т.-е. Хирканіи, Гургена. Граница Гирканіи или бассейна Гургена, отъ Каспійскаго моря до верховьевъ Гургена, столь недлинна, что на ней Персія никоимъ образомъ не могла имѣть сосѣдями одновременно такихъ двухъ или трехъ народовъ, изъ которыхъ каждый былъ въ состояніи помѣряться съ нею силами одинъ на одинъ. Вслѣдствіе этого кушаны, кидариты и ефталиты могли быть сосѣдями Персіи на Гургенѣ лишь послѣдовательно, одинъ народъ за другимъ. Но такая замѣна кушановъ послѣ 454 года,—когда Яздигердъ продолжалъ, по Егише, бороться съ ними,— кидаритами, съ которыми, по Приску, персы вели войну уже въ 456 г., а затѣмъ смѣна послѣднихъ ефталитами, въ войнѣ съ которыми, по Прокопію и Лазарю Парбеци, погибъ Перозъ въ 484 г., представляются весьма сомнительными и мало вѣроятными, потому что о нихъ ничего не говорятъ никакіе историки, тогда какъ ни Прискъ, ни Прокопій не могли бы остаться о нихъ въ совершенной неизвѣстности, потому что переходы владычества въ бассейнѣ Аму-дарьи отъ одного народа къ другому и отъ другого къ третьему не могли не сопровождаться войнами или смутами, которыя должны были имѣть значеніе въ успѣхахъ и неудачахъ Персіи, продолжавшей вести съ ними борьбу. Если же принять въ соображеніе, что, какъ увидимъ ниже, китайскія извѣстія объ юечжахъ-кушанахъ кончаются свѣдѣніями о царѣ Кидоло, совершившемъ завоеванія на югѣ отъ Хиндукуша; что имѣются монеты, съ легендами «кидара-кушана», указывающими на существованіе царей, прибавившихъ къ прежнему именованію кушанскаго царства имя *кидара*, быть-можетъ, вслѣдствіе происхожденія ихъ отъ Кидоло-Кидара, и что, по Ѳеофану византійцу, евталиты имя свое получили отъ царя своего Евталана, который побѣдилъ Пероза, — то дѣлается необходимымъ вытекающій изъ вышеизложеннаго выводъ, что кушаны, кидариты и ефталиты суть одинъ и тотъ же народъ, именовавшійся первоначально то-

харами, а затѣмъ принимавшій послѣдовательно имена юечжей, кушановъ, кидаритовъ и ефталитовъ [1]).

б) Относящіяся къ кушанамъ-кидаритамъ китайскія извѣстія.

Въ «Бэй-шы», по переводу о. Іакинфа, имѣются слѣдующія, сходныя съ содержащимися въ «Вэй-шу», по переводу Шпехта, свѣдѣнія: «Владѣтель Большого Юечжы имѣетъ пребываніе въ городѣ Юньланьшы (по завѣренію Шпехта, J. a., 1883, t. II, p. 328, въ «Бэй-шы» значится Ching-kien-chi, а въ «Вэй-шу» Lou-kien-chi), отъ Фудишы [2]) на западѣ, отъ Дай (столица сѣвернаго Китая при династіи Юань-Вэй) въ 14.500 ли. По смежности съ жужаньцами (avec les Jouan-jouan) на сѣверѣ, онъ (les Ta-Yue-tchi) часто терпѣлъ нападенія отъ нихъ, почему перенесъ свой Дворъ далѣе на западъ въ городъ Боло (Po-lo), за 2.100 ли отъ Фудиши. Послѣ сего (этого «послѣ сего» въ «Вэй-шу», по увѣренію Шпехта, нѣтъ) храбрый юечжыскій государь Цидоло перешелъ съ своими войсками черезъ большія горы, напалъ на сѣверную Индію и покорилъ пять государствъ, лежащія отъ Гантоло къ сѣверу» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 172). У Шпехта послѣдній періодъ переведенъ такъ: Leur roi Ki-to-lo, prince brave et guerrier, leva une armée, passa au midi des grandes montagnes, fit une invasion dans l'Inde du nord, et les cinq royaumes au nord de Kan-tho-lo se soumirent à lui (p. 328). Абель Ремюза (N. mélanges asiatiques, t. I, p. 223) считалъ Каньтоло за Кандахаръ, Вивьенъ де С.-Мартенъ за Гандару (Etudes, t. I, p. 272). По Шпехту (p. 328), въ Hai-koue-tchi, на исторической картѣ временъ дин. Юань-Вэй, означены два города съ именемъ Kan-tho-lo, изъ которыхъ одинъ соотвѣтствуетъ Гандарѣ, другой же Кандахару; съ своей стороны Шпехтъ полагаетъ, что вынужденный удалиться на западъ отъ Баміана и пересѣчь на югѣ большія горы Китоло не могъ завоевать Пенджаба, какъ кушаны въ I вѣкѣ послѣ Р. Х., а потому думаетъ, что пять царствъ, подчиненныхъ Кидоло, были расположены на сѣверѣ отъ Кандахара.

---

[1]) Армянскимъ писателямъ имя кидаритовъ осталось, кажется, неизвѣстнымъ. Себеосъ („Исторія императора Иракла“, сочиненіе епископа Себеоса, перев. съ армянскаго К. Патканьяна, Спб., 1862 г., стр. 26, 73—75), сначала употребляетъ терминъ кушаны, говоря о гибели въ сраженіи съ ними Пероза, но позднѣе, въ изложеніи событій начала VII вѣка, имя кушановъ мѣстами замѣняетъ именами хефталитовъ и теталовъ, какъ однозначущими. Это указываетъ, что и у армянскихъ историковъ существовало убѣжденіе, что имена кушановъ и ефталитовъ или теталовъ суть имена одного и того же народа.

[2]) Фудиша описывается въ „Бэй-шы“ и „Вэй-шу“, какъ одно изъ пяти владѣній, соотвѣтствовавшихъ пяти княжествамъ юеяжійскихъ хи-хэу ханьскихъ временъ. Шпехтъ, p. 328, слѣдуя многимъ изъ прежнихъ изслѣдователей, признаетъ Фудиша за Баміанъ по имени столицы этого владѣнія Бомао (Po-mao).

Въ статьѣ «Большой Юечжы» далѣе разсказывается, что въ царствованіе императора Тхай-вуди (424—452 г.г.) торговцы изъ владѣнія Юечжы, находившіеся въ кит. столицѣ, научили производству цвѣтныхъ стеколъ. Разсказъ этотъ никакой связи съ извѣстіями о Кидоло не имѣетъ, а потому я его не привожу. Въ имѣющейся въ тѣхъ же династійныхъ исторіяхъ статьѣ «Малый Юечжы» содержится слѣдующее: «Резиденція Малаго Юечжы въ городѣ Фулэуша. Владѣтель происходитъ отъ сына владѣтеля Кидолу, царствовавшаго въ Большомъ Юечжы. Кидолу (Ki-to-lo), изгнанный хуннами, (у Шпехта: ayant été poursuivi par les Hioung-nou, но, по его замѣчанію, въ компиляціяхъ Т'унъ-тіень и Матуаньлиня вмѣсто «хіунну» стоитъ «жуань-жуань»), ушелъ на западъ, а управленіе резиденціи поручилъ сыну своему (у Шпехта, p. 330: et s'étant retiré dans l'ouest il ordonna à son fils de s'établir dans cette ville de Fou-leou-cha), отъ чего сіе владѣніе и названо Малымъ Юечжы. Оно лежитъ отъ Болу на юго-западѣ, отъ Дай въ 16.600 ли, а прежде находилось между областями Си-Пьхинъ и Чжанъ-ѣ» (т.-е. между нынѣшними Сининомъ и Гань-чжеу, см. «Собр. свѣд.», ч. 3, Геогр. указ., стр. 60 и 97). «Одѣяніе жителей сходно съ тангутскимъ (est le même que celui des Khiang). Употребляютъ золотую и серебряную монету. Перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, слѣдуя за своимъ скотомъ, подобно хуннамъ. Въ десяти ли отъ резиденціи на востокъ есть буддайскій священный обелискъ (une tour), имѣющій 350 шаговъ окружности, 800 футовъ вышины. Отъ основанія сего обелиска до восьмаго года правленія Ву-динъ, 550, считаютъ 842 года» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 175, Шпехтъ, p.p. 329—330, съ добавленіемъ къ концу: C'est ce qu'on nomme la tour du Bouddha, ou la Tour des cent tchang).

Хотя источники, изъ которыхъ почерпнуты приведенныя свѣдѣнія «Бэй-шы» и «Вэй-шу», не пояснены, нѣтъ также въ нихъ никакихъ указаній на время, къ которому относятся изложенныя событія [1]), и многія второстепенныя обстоятельства представляются, какъ увидимъ, сомнительными или по меньшей мѣрѣ неясными, тѣмъ не менѣе весьма важное въ историко-этническомъ отношеніи извѣстіе о сдѣланныхъ царемъ юечжей

[1]) Въ какія ошибки вовлекало это отсутствіе датъ, можно видѣть изъ страннаго заблужденія довольно извѣстнаго (теперь уже покойнаго) синолога Terrien de La Couperie, который считалъ Кидоло жившимъ до Р. Х. По его мнѣнію, позже 129 г. до Р. Х., когда Чжанъ Кянь нашелъ юечжей на берегу Окса, „Kitolo, ихъ глава, устремился на югъ, перешелъ на востокѣ черезъ Хиндукушъ, завоевалъ пять царствъ Гандаріи, страну Пишавера, и учредилъ передовой постъ въ самомъ городѣ Пишаверѣ. Ихъ владѣнія такимъ образомъ увеличились и образовали пять княжествъ, которыя были соединены подъ однимъ скипетромъ къ 40 г. до Р. Х. главой одного изъ этихъ княжествъ, гуйшуанскаго или кушанскаго (у персовъ), Кіо-цзю-кіо“ и т. д. (Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres pendant l'année 1899, 4-ème série, t. XVII, Paris, 1890, p.p. 344—345).

кушановъ Кидоло завоеваніяхъ въ сѣверной Индіи и объ основаніи оставленнымъ имъ въ Фулэуша (Пишаверѣ) сыномъ династіи вѣрно и не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ подтверждается монетами, находимыми въ Авганистанѣ и Пенджабѣ. Въ 1893 г. Кеннингамомъ были изданы двѣ серебряныя монеты, походящія на монеты персидскихъ сассанидовъ, съ изображеніемъ жертвенника огню, съ легендою древними письменами гупта «кидара кушана шахи» и съ тремя знаками, имѣющими, по догадкамъ Кеннингама, значеніе 339, которые онъ предположилъ датою эры сака, начинающейся въ 78 г. послѣ Р. Х., а потому призналъ чеканенными въ 417 г. послѣ Р. Х.; я не вижу, однако почему бы не считать этой даты 339 продолженіемъ датировки, принятой на монетахъ Канишки и его преемниковъ, что было вполнѣ естественно со стороны царей, именующихъ себя кушанами же: въ такомъ случаѣ, ежели притомъ считать первымъ годомъ царствованія Канишки 125 г. по Р. Х., по гипотезѣ В. Смита (см. выше), дата 339 окажется соотвѣтствующею 125+339, т.-е. 464 г. по Р. Х. Кромѣ серебряныхъ есть еще много золотыхъ и мѣдныхъ монетъ, въ которыхъ «слово *кидара*, болѣе или менѣе полное, всегда находится подъ лѣвой рукой (изображеннаго на монетѣ) царя и кажется употреблявшимся, какъ общее династическое имя». Существуютъ еще монеты, гдѣ вмѣсто «кушана» написано «кашана» и т. д. Не вдаваясь въ дальнѣйшія нумизматическія и другія подробности, которыя можно найти у Винсента А. Смита, — свѣдѣніями котораго я преимущественно пользовался (см. его статьи въ Journal of the Asiatic Society of Bengal, vol. LXIII, Part I, 1894, p.p. 181—185, Journal of the R. Asiatic Society of Great Britain, 1897, p. 906),—и въ указываемыхъ имъ источникахъ, я нахожу яснымъ, что добавленіе къ имени царства и народа кушанскаго новаго имени кидара, видимо, тождественнаго съ Кидоло китайскихъ извѣстій, подтверждаетъ и удостовѣряетъ вѣрность послѣднихъ относительно завоеванія кушанскимъ Кидоло или Кидаромъ части сѣверной Индіи, въ которой и основалось царство, управляемое потомствомъ оставленнаго Кидаромъ въ Пурушапурѣ сына, съ именемъ для этой династіи «кушана-кидара». Существованіе для кушановъ на Аму-дарьѣ, воевавшихъ съ Яздигердомъ и Перозомъ, по извѣстіямъ Приска, между 456 и 468 г.г., имени кидаритовъ даетъ достаточное основаніе полагать, что явилось оно сначала у кушановъ на сѣверѣ Хиндукуша, какъ и должно было быть, если оно произошло отъ имени или прозвища Кидоло-Кидара или отъ рода, которому онъ принадлежалъ [1]), ежели Кидоло не былъ потомкомъ Кіоцзюю,

---

[1]) Едва ли можетъ быть признано основательнымъ предположеніе Томашека о томъ, что имя кидаритовъ произошло отъ тюрбановиднаго головнаго убора или отъ имени города Кидара или Кедра въ области Барабъ на нижнемъ Яксартѣ (Sogdiana, 1877 г., S. 93). Томашекъ не могъ указать сколько-нибудь близкаго слова, кромѣ семитическихъ, которыя, конечно, не могутъ имѣть чего-либо общаго съ именами средне-азіатскихъ народовъ; что же касается области Фарабъ

а достигъ власти вслѣдствіе прекращенія или устраненія династіи Кіоцзюкю.

Обращаясь къ свѣдѣніямъ о столицѣ Б. Юечжы,— имя которой въ «Бэй-шы» Іакинфъ прочелъ Юньланьшы, тогда какъ, по Шпехту, это имя въ той же исторіи читается Шинъ-кянь-ши, а въ «Вэй-шу» Лу-кянь-ши,— мы встрѣчаемъ мнѣніе Шпехта, который склоненъ думать, что эти два имени суть лишь болѣе полныя формы именъ Ланьши (въ «Шы-цзи» и въ «Хэу-Хань-шу») и Кяньши (въ «Цянь-Хань-шу»), но всѣ эти четыре имени суть, вѣроятно, лишь болѣе или менѣе удачныя китайскія транскрипціи имени Александрейя, бактрійскаго города, упоминаемаго Стефаномъ-византійцемъ,—транскрипціи, произведенныя изъ уже испорченной пехлевійской формы, въ которой имя Александръ произносилось Аласандаръ, Сикандаръ и т. под.; городъ этотъ, вѣроятно, помѣщался около или на мѣстѣ Балха, который по одному преданію, приводимому Якутомъ, былъ построенъ Александромъ Македонскимъ (Journal asiatique, 1897, t. X, 9-ème série, p.p. 159—161). Съ этимъ мнѣніемъ согласиться, по моему, невозможно, потому что, во-первыхъ, нельзя считать сколько-нибудь вѣроятнымъ, чтобы четыре или пять именованій юечжійскихъ столицъ были транскрипціями одного и того же имени, да притомъ имени, самое существованіе котораго весьма сомнительно; во-вторыхъ, столица Гянь-ши времени Старшихъ Ханей находилась, по всей вѣроятности, на сѣверѣ отъ Аму-дарьи, въ долинѣ Кашка-дарьи, какъ я предполагаю, столица же хэу-ханьскаго времени Ланьши должна быть тождественна съ столицею Дахя и находилась, слѣдовательно, на югѣ отъ Окса. Если считать достовѣрными извѣстія о нападеніяхъ жужаней, вынудившихъ перенести столицу въ Боло, то столица эта должна была бы, до перенесенія въ Боло, находиться на сѣверѣ отъ Аму-дарьи, всего скорѣе въ долинѣ Кашка-дарьи, т.-е. это была цянь-ханьская Гяньши, потому что именно здѣсь вѣроятнѣе могла имѣть мѣсто та «смежность съ жужаньцами на сѣверѣ», вслѣдствіе которой юечжійскій владѣтель «часто терпѣлъ нападенія отъ нихъ», тогда какъ, въ случаѣ нахожденія столицы на югѣ отъ Окса, трудность переправы чрезъ эту рѣку дѣлала безопасною юечжійскую столицу отъ всякихъ неожиданныхъ набѣговъ. Поэтому и въ Боло слѣдовало бы видѣть Балхъ, хотя онъ находился не на западѣ отъ прежней столицы Гяньши, какъ гласили ошибочно китайскія свѣдѣнія, а на югѣ; въ этомъ случаѣ Фудиша, въ 2.100 ли отъ которой лежалъ на западѣ Боло, должна почитаться Бадахшаномъ, какъ полагалъ Гутшмидъ (S. 169), а не Фудиша-Бамiаномъ, какъ, вѣроятно, предполагали ошибочно редакторы «Вэй-шу» и

или Барабъ на Сыръ-дарьѣ съ главнымъ городомъ Кедеръ (см. о ней извѣстія Истахри, Ибнъ-Хаукаля и Макдиси у В. В. Бартольда „Туркестанъ“ и пр., 1900, стр. 177 и 178), то она и Кедеръ сдѣлались извѣстными лишь въ X вѣкѣ, и не имѣется никакихъ данныхъ о какомъ - либо отношеніи ея къ кушанамъ - кидаритамъ.

«Бэй-шы», помѣщая свѣдѣнія о Фудишѣ, въ числѣ пяти владѣній, соотвѣтствующихъ княжествамъ пяти хи-хэу, непосредственно передъ статьей «Б. Юечжы».

Шпехтъ не могъ опредѣлить, гдѣ именно находился городъ Боло, но утверждаетъ, что это не былъ Балхъ, потому что Боло лежалъ на западѣ Фодиши-Баміана, а не на сѣверѣ, какъ Балхъ относительно Баміана (J. asiatique, 1883, t. II, p. 329). По мнѣнію Маркварта, Боло (Po-lo) не Балхъ, потому что Балхъ описанъ въ «Вэй-шу» подъ именемъ Po-či [1]); такъ какъ вл. Фодиша показано только на 100 ли ближе къ Дай, чѣмъ соотвѣтствующее ханьскому Гаофу-Кабулу владѣніе Яньфогѣ, то Боло должно было лежать намного западнѣе или скорѣе сѣверо-западнѣе отъ Фодиша и Кабула, чѣмъ Балхъ, а потому онъ отождествляетъ Боло съ городомъ Балханомъ на древнемъ руслѣ Окса у горъ Малые Балханы на востокѣ отъ Красноводскаго залива, а также съ городомъ Балаамъ, который, по Приску, осаждалъ и взялъ Перозъ (Ērānšahr, S. 55). По мнѣнію Томашека, на котораго Марквартъ сдѣлалъ ссылку, Балаамъ Приска напоминаетъ возвышенность Балджанъ, близъ которой, по Ибнъ-аль-Асиру, лежала столица Харезма на восточномъ или правомъ берегу Окса (Sogdiana, S.S. 93, 112). Догадку относительно того, что имя горы Балджанъ, близъ которой по Ебнъ-Атиру лежала древняя столица Хаваризма, повторяется (se retrouve) въ имени залива и горы Балканъ, которыя упоминаются въ «Путешествіи въ Туркменію Муравьева», высказалъ еще Катрмэръ (Notices et éxtraits des manuscrits de la bibliothèque du roi, t. XIII, Paris, 1838, p. 290), но такъ какъ древній Харезмъ во всякомъ случаѣ занималъ территорію на Аму-дарьѣ въ предѣлахъ нынѣшняго хивинскаго ханства и аму-дарьинскаго округа, отъ которыхъ до Балкановъ очень далеко, то столица Харезма не могла находиться близъ Балкановъ, и гора или возвышенность Балджанъ не имѣетъ съ послѣдними ничего общаго, какъ и Балаамъ Приска. Этотъ Балаамъ можетъ быть скорѣе почитаемъ за Тала-

[1]) Аргументъ этотъ не можетъ быть признанъ основательнымъ, потому что ниже (S. 215) Марквартъ призналъ городъ Боти юань-вэйской же статьи Тухуло („Собр. свѣд.", ч. 3, стр. 176) за Балхъ, объясняя, что Балхъ является въ юань-вэйскихъ свѣдѣніяхъ дважды, первый разъ, какъ столица владѣнія Бочжи, и другой, какъ большой городъ въ Тухуло-Тохаристанѣ, вслѣдствіе политическихъ перемѣнъ или вслѣдствіе различія матеріаловъ, которыми составители описаній пользовались. Если такимъ образомъ существованіе слишкомъ краткаго и безсодержательнаго описанія вл. Бочжи (вотъ оно, по Іакинфу, стр. 170: *„Бочжи.* Бочжиский владѣтель имѣетъ пребываніе въ городѣ Бочжи, отъ Гашени на югѣ, отъ Дай въ 13.320 ли. Много разныхъ плодовъ") не препятствуетъ узнать въ Боти описанія Тухуло Балхъ, то нельзя по причинѣ одного существованія статьи Бочжи отвергать тождество Боло въ статьѣ „Б. Юечжы" съ Балхомъ, ибо свѣдѣнія всѣхъ трехъ статей могли быть получены изъ различныхъ источниковъ разнаго, хотя все-таки юань-вэйскаго, времени.

канъ, какъ предполагалъ де-Гинь (Histoire générale des Huns etc., Paris, 1756, t. I., partie 2, p. 329), по нѣкоторому сходству звуковъ. Во всякомъ случаѣ нельзя допустить чтобы столица кушановъ - кидаритовъ - ефталитовъ когда-либо находилась въ Таликанѣ и вообще многимъ западнѣе Балха, потому что она тогда подвергалась бы опасности при каждой войнѣ съ Персіею, тогда какъ войны съ сассанидами были часты, и персы были далеко болѣе сильные враги, умѣвшіе осаждать и брать даже хорошо укрѣпленные города,—какъ извѣстно изъ историческихъ свѣдѣній о войнахъ ихъ съ римлянами и византійцами,—чѣмъ жужани, которые, по свительству китайцевъ, около 470 г., «умѣютъ грабить только въ полѣ, но осаждать городъ не могутъ». Это было высказано по поводу просьбы хотанцевъ о помощи противъ жужаньскаго войска, которое уже стояло подъ Хотаномъ («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 146). Харезмъ и степи на сѣверъ отъ Мерва и Гургена, вѣроятно, находились подъ владычествомъ кушановъ-ефталитовъ во времена ихъ могущества, а также возможно, что въ случаѣ нашествій сассанидовъ съ огромными силами цари кушановъ искали временнаго убѣжища съ своимъ войскомъ подъ защитою трудно проходимыхъ песковъ своихъ степей, но совершенно невѣроятно, чтобы они переносили свою столицу къ Красноводску или Хивѣ, такъ какъ они скоро потеряли бы свои наиболѣе цѣнныя и населенныя владѣнія въ верховьяхъ Амударьи и на Заравшанѣ.

Въ приведенной выше статьѣ «Бэй-шы» и «Вэй-шу» о вл. Малый Юечжы содержатся явныя несообразности въ фразѣ: «Кидолу, изгнанный *хуннами*, ушелъ на западъ, а управленіе резиденціи поручилъ сыну своему, отъ чего сіе владѣніе и названо Малымъ Юечжы». Въ позднѣйшихъ компиляціяхъ, какъ уже упомянуто, хунны замѣнены жуань-жуанями, вѣроятно въ соотвѣтствіе съ статьей «Большой Юечжы», гдѣ владѣтель терпѣлъ нападенія не отъ хунновъ, а отъ жуань-жуаней, и перенесъ свою столицу «далѣе на западъ» вслѣдствіе этихъ нападеній. Однако, одна замѣна хунновъ жуань-жуанями не устраняетъ другихъ разногласій между двумя статьями. Такъ въ статьѣ «Б. Юечжы» не выражено нисколько, что подвергавшійся нападеніямъ жужаней владѣтель былъ именно Кидоло. Допустимъ, согласно статьѣ «М. Юечжы», что это былъ Кидоло, но тогда, согласно этой же статьѣ, выйдетъ, что завоеваніе сѣверной Индіи съ Пурушапурою было произведено царемъ Кидоло ранѣе нападеній жуань-жуаней, ибо, лишь подвергшись имъ, онъ поручилъ сыну править въ Фулэуша, самъ же ушелъ на западъ, куда именно — объ этомъ статья «М. Юечжы» умалчиваетъ, но по статьѣ «Б. Юечжы» можно думать — въ городъ Боло, свою резиденцію на сѣверѣ Хиндукуша. Далѣе изъ статьи «М. Юечжы» явствуетъ, что имя М. Юечжы владѣніе это получило вслѣдствіе того, что правившая имъ династія происходила отъ сына владѣтеля Б. Юечжы, отдавшаго Фулэуша съ остальными, конечно, землями, покоренными на югѣ

отъ Хиндукуша, этому сыну, тогда какъ самъ Кидоло и потомство его, властвуя на сѣверѣ Хиндукуша, сохранили (все это, конечно, у китайцевъ, которые одни держались этого древняго именованія) за своимъ царствомъ именованіе Б. Юечжы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, статья «М. Юечжы» добавила, что вл. М. Юечжы «прежде находилось между областями Си-пьхинъ и Чжанъ-ѣ», т.-е. въ горахъ Наньшань, между Сининомъ и Гань-чжеу, а это побуждаетъ имѣть въ виду извѣстіе «Цянь-Хань шу» о томъ, что по уходѣ отъ хунновъ главной массы юечжей во II в. до Р. Х. «остальные роды, которые по малосилію не въ состояніи были слѣдовать, засѣли въ южныхъ горахъ и тангутами (кянами, т.-е. тибетцами) названы Малымъ Юечжы» («Собр. свѣдѣній», ч. 3, стр. 55). Это замѣчаніе о прежнемъ нахожденіи М. Юечжы въ Наньшанѣ даетъ, мнѣ кажется, ключъ для выясненія причины несообразностей въ статьѣ «М. Юечжы». Она заключается въ склонности позднѣйшихъ китайскихъ историковъ повторять, до буквальнаго иногда переписыванія, свѣдѣнія древнѣйшихъ династійныхъ исторій, особенно «Шы-цзи» и «Цянь-Хань-шу», вслѣдствіе, вѣроятно, убѣжденія, что лучше и вѣрнѣе о тѣхъ же странахъ и народахъ противъ содержащагося въ древнихъ образцовыхъ исторіяхъ ничего сказать невозможно. Примѣры такихъ, часто весьма неудачныхъ, списываній изъ древнихъ династійныхъ исторій намъ еще встрѣтятся. Въ статьѣ «М. Юечжы» рабское слѣдованіе «Цянь-Хань-шу» вполнѣ ясно: какъ тамъ вслѣдствіе нападеній хунновъ юечжы удаляются на западъ, такъ и здѣсь «Кидолу, изгнанный хуннами, ушелъ на западъ»; какъ въ «Цянь-Хань-шу» послѣ ухода юечжей на западъ оставшіеся роды называются «Малымъ Юечжы», такъ и въ исторіяхъ дин. Юань-Вэй владѣніе оставленнаго царемъ Кидолу въ Фулэуша при уходѣ на западъ сына «названо Малымъ Юечжы»; какъ юечжы ханьскихъ временъ «съ своимъ скотомъ переходятъ съ мѣста на мѣсто, въ обыкновеніяхъ сходствуютъ съ хуннами», такъ и юань-вэйскіе Малые Юечжы «перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, слѣдуя за своимъ скотомъ, подобно хуннамъ». Конечно, выраженныя архаически свѣдѣнія юань-вэйскихъ исторій въ существѣ своемъ вообще должны быть вѣрны, но нельзя не опасаться, что стремленіе ихъ составителей копировать исторію Старшихъ Ханей не отражалось иногда болѣе или менѣе невольнымъ искаженіемъ истины. Такъ юечжы, оставленные съ сыномъ Кидоло въ Фулэуша, несомнѣнно были кушаны, т.-е. б. юечжы, и прибыли съ Кидоло съ Аму-дарьи, съ малыми же юечжами ханьскихъ временъ, оставшимися въ Наньшанѣ, не имѣли въ это время ничего общаго, кромѣ принадлежности нѣкогда къ одному племени, а потому увѣреніе о томъ, что пурушапурскіе малые юечжы прежде находились «между областями Си-пьхинъ и Чжанъ-ѣ», не согласно съ истиною. Да едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что владѣніе сына Кидоло и его потомковъ со столицею въ Фулэуша ни кѣмъ Малымъ Юечжы» не названо, кромѣ составителей юань-вэйскихъ исторій

или ихъ источниковъ, столь же зараженныхъ склонностью къ архаизмамъ. Въ статьѣ «Б. Юечжы» Кидоло подвергается нападеніямъ жужаньцевъ, а не хунновъ, какъ въ статьѣ «М. Юечжы», но на мой взглядъ весьма возможно, что и нападенія жужаней появились у юаньвэйскихъ историковъ лишь вслѣдствіе заимствованій изъ ханьской исторіи. Склоненъ я такъ думать потому, что нахожу весьма мало возможными набѣги жуань-жуаней въ бассейнъ Аму-дарьи. Правда, восточные тюрки, можетъ быть, дѣйствительно совершили въ 689, 701 и 711 г. г. (В. В. Бартольдъ, «Туркестанъ въ эпоху монг. нашествія», ч. 2, 1900 г., стр. 189 и 190),—какъ обнаружено древне-тюркскими памятниками Монголіи, тексты которыхъ, однако, именно въ этихъ мѣстахъ страдаютъ порчею и неясностями,—три похода въ долину Заравшана и Кашка-дарьи, но для тюрковъ набѣги эти были возможны, такъ какъ бассейны Сыръ-дарьи и Аму-дарьи находились еще въ это время въ болѣе или менѣе дѣйствительной зависимости отъ западныхъ тюрковъ, и походы восточныхъ тюрковъ были предпринимаемы немедленно послѣ подчиненій ими западныхъ тюрковъ и, быть можетъ, по просьбамъ иранскаго населенія долины Заравшана о помощи противъ арабовъ, стремившихся въ это время утвердить надъ нимъ свое владычество. Что же касается жуань-жуаней, то ихъ владѣнія въ апогеѣ ихъ могущества «на западѣ простирались до Харашара» только («Бэй-шы» въ переводѣ Іакинфа «Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 209); хотя жужаньцы нѣсколько разъ производили набѣги на усуньскаго владѣтеля,— вынудивъ его переселиться въ Цунлинъ (надо полагать на Нарынъ), вѣроятно, ранѣе 436 г., ибо эти свѣдѣнія должны быть получены отъ кит. посольства этого года («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 162),— и около 470 г., какъ выше приведено, сдѣлали набѣгъ на Хотанъ, но и отъ Нарына, какъ и отъ Хотана до Заравшана и Аму-дарьи разстоянія столь еще велики, что выполненіе жуань-жуанями нашествій на кушановъ весьма сомнительно, тѣмъ болѣе, что кромѣ дальности разстояній походъ ихъ мало вѣроятенъ и потому, что путь ихъ долженъ былъ лежать чрезъ владѣніе Юебань, съ которымъ они находились во враждебныхъ отношеніяхъ со времени четвертаго жужаньскаго хана Датаня (съ 414 до 429 или 430 г., первый же жужаньскій ханъ Шелунь объявилъ себя ханомъ въ 402 г. и умеръ въ 410 г.) и которое въ 449 г. вступало въ союзъ съ юань-вэйскимъ императоромъ Тхай-ву противъ жужаней («Собр. свѣдѣній», ч. 3, стр. 163—165). Серьезныя нападенія жужаней тѣмъ болѣе невѣроятны, что, находясь въ частыхъ и продолжительныхъ войнахъ съ воинственными юань-вэйскими императорами, вторгавшимися въ ихъ земли и наносившими страшныя пораженія («Собр. свѣд.», г. I, стр. 212 и слѣд.), жужани не имѣли возможности отправлять на отдаленный западъ сколько-нибудь значительныя силы, грабительскія же ихъ шайки отнюдь не могли причинять большого вреда, если кушаны

принимали необходимѣйшія мѣры предосторожности противъ набѣговъ кочевниковъ съ сѣвера и востока.

Нападенія ли жужаней были причиною перенесенія столицы кушановъ въ Боло, да и совершилось ли перемѣщеніе кушанской столицы — это, при крайней вообще скудости нашихъ свѣдѣній о событіяхъ въ странѣ кушановъ за все время ихъ существованія, особо важнаго значенія не имѣетъ. Несравненно необходимѣе опредѣленіе времени завоеваній Кидоло въ сѣверной Индіи. Единственная дата въ статьѣ «Б. Юечжы» состоитъ въ упоминаніи о томъ, что ознакомившіе китайцевъ съ производствомъ цвѣтныхъ стеколъ торговцы изъ владѣнія Юечжы заявили о своей готовности приготовлять эти стекла и произвели ихъ выплавку въ царствованіе императора Тхай-ву, который занималъ престолъ съ 424 до 452 г. Къ этому времени съ достовѣрностью можетъ быть относима только часть свѣдѣній статьи «Б. Юечжы», именно производство цвѣтныхъ стеколъ, потому что свѣдѣнія о Кидоло могли быть получены и не отъ помянутыхъ торговцевъ. Несомнѣнно, однако, что свѣдѣнія, содержащіяся въ статьѣ «М Юечжы», относятся къ значительно болѣе позднему времени, такъ какъ современный имъ владѣтель происходилъ отъ сына Кидоло: неуказаніе колѣна даетъ основаніе полагать, что владѣтель этотъ жилъ по крайней мѣрѣ чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ Кидоло. Дата 550 г., данная при опредѣленіи времени построенія ступы въ 10 ли на востокъ отъ Фулэуша, даетъ нѣкоторое основаніе предположить, что извѣстія о «М. Юечжы» взяты «у какого-нибудь буддійскаго путешественника, бывшаго въ Пурушапурѣ, или писавшаго сказаніе свое о хожденіи своемъ туда, въ 550 г.» (В. В. Григорьевъ, «Кабулистанъ и Кафиристанъ», 1867 г., стр. 810), но это предположеніе остается не подтвердившеюся догадкою, такъ какъ до сихъ поръ никакихъ свѣдѣній о путешественникѣ 550 года, кажется, не обнаружено. Изъ китайскихъ буддистовъ, оставившихъ о своихъ путешествіяхъ въ Индію подробныя и сохранившіяся до насъ описанія, старѣйшій Фа-Сянь, около 401 г., прибылъ въ Фулэуша (Fo-lau-sha) послѣ четырехдневнаго пути на югъ изъ Гандары (Kin-to-wai); никакихъ этническихъ и политическихъ свѣдѣній о странахъ Гандарѣ и Фулэуша Фа-Сянь не даетъ, ограничиваясь описаніями буддійскихъ святынь и сообщеніемъ относящихся къ нимъ легендъ; въ странѣ Фулэуша упоминаетъ онъ о ступѣ высотою въ 470 ф., построенной царемъ Канишкой; въ этой же странѣ хранится горшокъ, служившій Буддѣ для собиранія милостыни; нѣкогда юечжійскій царь сдѣлалъ на эту страну нашествіе съ большою арміею, чтобы овладѣть этимъ горшкомъ и увезти его, но ни слонъ, на котораго положенъ былъ горшокъ для увоза, ни нарочно сдѣланная для отвоза горшка колесница не могли двинуться съ мѣста (Travels of Fa-hian and Sung-yun, transl. by S. Beal, London, 1869, p. p. 34—37); впослѣдствіи на островѣ Цейлонѣ Фа-Сянь слышалъ предсказаніе, по которому находящійся въ Гандарѣ гор-

шокъ Будды будетъ лѣтъ черезъ сотню перемѣщенъ въ страну западныхъ юечжей, откуда, тоже лѣтъ черезъ сотню, будетъ перемѣщенъ въ страну Хотанъ и т. д. (тамъ же, pp. 161—164). Такъ какъ въ современной Индіи Фа-Сянь нигдѣ болѣе юечжей не упоминаетъ, то подъ царствомъ «западныхъ юечжей» нечего болѣе разумѣть, кромѣ владѣній юечжей-кушановъ на сѣверѣ отъ Хиндукуша, которыхъ этотъ паломникъ не посѣтилъ, ибо въ передній путь слѣдовалъ чрезъ Хотанъ, Памиръ, Дарелъ, Учанъ въ Гандару, оставивъ кушанское царство въ сторонѣ, на западѣ; обратный же путь въ Китай совершилъ моремъ. О восточномъ или юго-восточномъ, индійскомъ царствѣ юечжей Фа-Сянь ничего не говоритъ, вѣроятно, потому, что его уже не существовало задолго до его путешествія: по надписямъ и монетамъ извѣстно достовѣрно, что еще въ концѣ первой четверти IV вѣка Чандра Гупта (318—345 г.г.) основалъ на Гангѣ могущественную имперію, вѣроятно, изъ восточныхъ владѣній разрушавшагося къ этому времени индо-кушанскаго царства; изъ числа государей, съ которыми, по надписи на аллахабадскомъ столбѣ, Самудра Гупта (около 345—380 г. г.) имѣлъ сношенія, Винсентъ А. Смитъ склоненъ считать тѣхъ, которые носили титулы девапутра и шахи, за кушанскихъ царей Гандары, западнаго Пенджаба и долины Кабулъ-дарьи (Journal of the R. Asiatic Society, 1897, pp. 903—905). Весьма возможно, что ко времени путешествія Фа-Саня, къ началу V вѣка, когда Чандра-Гупта II совершалъ походы съ одной стороны за семь устьевъ Инда и въ страну Ванга (Бенгалъ) съ другой (тамъ же, pp. 7—9), владычество кушановъ на Индѣ и Кабулъ-дарьѣ окончательно пало и изъ бывшихъ владѣній ихъ образовались мелкія царства съ туземными царями, изъ которыхъ Фа-Сянемъ были посѣщены царства Су-хо-то (Сватъ), Гандара (нынѣшній Бунира съ прибрежьемъ Инда и со столицею въ Ундѣ), Фулэуша и На-гѣ (въ нынѣшнемъ округѣ Джелальбада). Китайское посольство, при которомъ состоялъ Сонъ Юнь, нашло въ 520 г. царствующимъ въ Гандарѣ воинственнаго государя, первый изъ двухъ предмѣстниковъ котораго былъ поставленъ въ цари Гандары ѣда'сцами (ефталитами), по завоеваніи ими этой страны; государь этотъ уже три года велъ войну противъ Гибини изъ-за границъ царства; въ 7 ли на юго-востокъ отъ столицы находилась построенная царемъ Канишкой чрезъ 300 лѣтъ послѣ Нирваны ступа, высотою въ 700 футовъ, самая главная изъ находящихся въ странахъ запада (Travels of Fa-hian and Sung-yun, transl. by S. Beal, London, 1869, pp. 197, м. 201—203, а также «Бэй-шы» въ «Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 181). Хотя Сонъ Юнь не назвалъ столицы Гандары, но это, конечно, была Pou-lou-cha-pou-lo, какъ во второй четверти VII вѣка, когда Сюань Цзанъ въ 8—9 ли на юго-востокѣ отъ этой столицы Гандары (Kien-t'o-lo) посѣтилъ огромную ступу, воздвигнутую Канишкой; страна въ его время сильно опустѣла, и въ самой столицѣ, имѣвшей около 40 ли въ окружности, уцѣлѣло населенія не болѣе 1 т. семействъ, царскій же

родъ ея угасъ и царство находилось въ зависимости отъ царя Каписы (Mémoires etc., t. I, pp. 104 et suiv.).

Биль въ 1869 г. готовъ былъ считать гандарскую династію Сонъ Юня за династію, основанную сыномъ Кидоло въ Фулэуша (р. 197), но въ настоящее время можно полагать общепринятымъ, на основаніи надписей, монетъ и отчасти литературныхъ источниковъ, что царь Гандары Сонъ Юня соотвѣтствовалъ царю «бѣлыхъ унновъ» Козмы Индикоплевста, путешествовавшаго въ 522—530 гг., Голласу и царю хуна Михиракулѣ индійскихъ надписей и монетъ. Древнѣйшая индійская надпись, упоминающая хуна, есть бхитарійская (Bhitari) надпись Сканда Гупты, относимая приблизительно къ 470 г. и сообщающая между прочимъ тотъ фактъ, что означенный царь имѣлъ столкновенія съ хуна (joined in close conflict with the Hûnas, см. Corpus Inscriptionum Indicarum, vol. III, Inscriptions of the Early Gupta Kings, by John F. Fleet, Calcutta, 1885, p. 52); мандасорская надпись царя сѣверной Индіи Ясодармана (около 535 г.) утверждаетъ, что царь этотъ выказалъ свою доблесть завоеваніемъ тѣхъ странъ, которыя не смогли покорить вожди хуна, и что Михиракула призналъ свою зависимость отъ Ясодармана; одна изъ надписей въ Гваліорѣ датирована 15-мъ годомъ царствованія Михиракулы, сына Торамаиы; надпись Адитьясены, царя Магадды, упоминаетъ о пораженіи Дамодарою Гупта (около 535 г.) мауxаріевъ, которые сами поразили хуна (Further Observations on the History and Coinage of the Gupta Period, by Vincent A. Smith, въ Journal of the Asiatic Society of Bengal, vol. LXIII, 1894, Part I, pp. 186—187). Д-ръ Р. Хернле намѣтилъ, на основаніи различныхъ данныхъ и предположеній, для царствованія основателя династіи хуна Хираніи 465—490 гг., приписывая ему завоеваніе Пенджаба; Торамана, его сынъ, царствовалъ съ 490 г. до 515 г. и завоевалъ Кашмиръ; наслѣдовавшій ему въ 515 г. сынъ Михирагула былъ около 533 г. разбитъ царемъ Ясоварманой Викрамадитьей и удалился въ Кашмиръ, такъ какъ Гандарою и Пенджабомъ завладѣлъ его родной братъ Праварасена (Some Problems of Ancient Indian History, by Rudolf Hoernle, въ Journal of R. Asiatic Society, 1903, p. 570). [1])

Такъ какъ династія хуна посажена въ Гандарѣ ѣда-ефталитами, то болѣе подробное изложеніе и разсмотрѣніе относящихся сюда китайскихъ свѣдѣній откладываю я до обсужденія извѣстій объ ефталитахъ, при чемъ выскажусь и относительно времени основанія династіи хуна въ Гандарѣ. Возвращаясь къ разсмотрѣнію юань-вэйскихъ описаній Б. Юечжы и М. Юечжы, я остановлюсь теперь на указаніи послѣдняго изъ этихъ описаній

---

[1]) Имя Хираніи взялъ онъ изъ „Раджа-тарангини", гдѣ, въ одномъ изъ сказаній, Михирагула названъ сыномъ Васакулы (Торамана) и внукомъ Хиранія кулы (р. 568).

о томъ, что вл. М. Юечжы «лежитъ отъ Болу на юго-западѣ». Точно также показано находящимся отъ Болу на юго-западѣ владѣніе Гибинь, описаніе котораго помѣщено въ «Бэй-шы» и «Вэй-шу» тотчасъ послѣ статьи «Малый Юечжы»: «Резиденція гибиньскаго владѣнія въ городѣ Шань-цзянь (Chen-kian, по переводу Шпехта, J. asiatique, 1883, t. II, p. 333), отъ Болу на юго-западъ, отъ Дай въ 14200 ли; окружена со всѣхъ сторонъ горами. Сіе владѣніе отъ востока къ западу простирается на 800, отъ сѣвера къ югу на 300 ли. *Земля ровная, климатъ умѣренный. Растутъ разныя деревья и травы, свойственныя теплымъ странамъ. Сѣютъ всякій хлѣбъ. Удобряютъ и огороды, и поля. Земля имѣетъ влажную почву и произращаетъ рисъ; даже зимою ѣдятъ свѣжую зелень. Жители искусны въ рѣзьбѣ и тканьѣ шерстяныхъ издѣлій. Имѣютъ золото, серебро, мѣдь и олово, и дѣлаютъ изъ сихъ металловъ посуду. Въ торговлѣ употребляютъ деньги. Скотъ такой же, какой и въ другихъ владѣніяхъ.* Часто отправляютъ къ Двору посольства съ дарами» («Собраніе свѣдѣній» и пр., ч. 3, стр. 175 и 176). Отмѣченныя мною курсивомъ части этого описанія Гибини являются болѣе или менѣе буквальнымъ повтореніемъ описанія Гибини въ «Цянь-Хань-шу», которое, въ существенномъ, было приведено мною въ «Р. Антрополог. Журналѣ» 1900 г. № 3, стр. 66 и 67, — т.-е. въ описаніи Гибини юань-вэйскіе редакторы обнаружили ту же склонность почти списывать ханьскія описанія, какъ и въ статьѣ «М. Юечжы» и отчасти въ статьѣ «Б. Юечжы». Юань-вэйское описаніе владѣнія Болу, помѣщенное непосредственно предъ статьею «М. Юечжы», мною уже было приводимо («Р. А. Ж.», 1901 г., №№ 3 и 4, стр. 144), при чемъ Болу было признано соотвѣтствующимъ нынѣшнему Гилгиту (тамъ же, стр. 145). Изъ предисловія или вступленія къ свѣдѣніямъ о западныхъ странахъ въ «Бэй-шы» видно, что первыя посольства юань-вэйской династіи были въ западныя страны отправлены при императорѣ Тхай-ву (съ 424 до 452 г.); первое его посольство не пропущено было жужанями, но второе успѣло въ третьемъ году правленія Тхай-янь (436 — 440 гг.), т.-е. въ 438 г., проникнуть до Полоны (Фергана) и Чжеше (Ташкентъ); затѣмъ проѣзду посольствъ сталъ препятствовать владѣтель царства Лянъ (у Наньшаня на древнихъ земляхъ юечжей) Цзюйкюй Мугянь; тогда Тхай-ву объявилъ Мугяню войну и завоевалъ его царство въ пятомъ году правленія Тхай-янь, т.-е. въ 440 г. («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 137 — 140, а также ч. 1, стр. 440). Далѣе, въ свѣдѣніяхъ «Бэй-шы» о владѣніи Шаньшань упоминается, что послѣ завоеванія юаньвэйцами царства Цзюйкюй-Мугяня братъ его Ухой утвердился въ Дунь-хуанѣ и послалъ брата Аньчжеу покорить Шаньшань; тамошній владѣтель Билунъ хотѣлъ было ему покориться, но въ это вр мя «посланники Дома Юань-вэй, возвращавшіеся изъ путешествія въ *Индію* и *Гибинь*, случайно прибыли въ Шаньшань» и посовѣтовали «силу отражать силою». Аньчжеу выну-

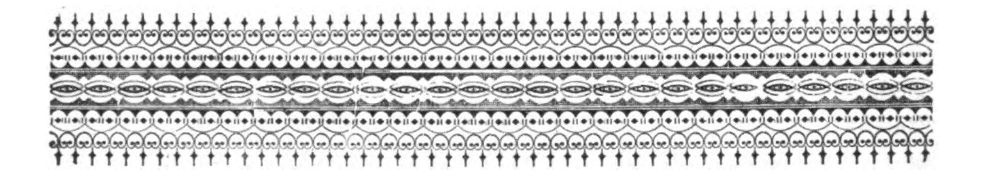
жденъ былъ удалиться безъ успѣха, но «впослѣдствіи Билунъ пришелъ въ страхъ и съ своимъ народомъ бѣжалъ на западъ въ Цюйми» въ третье лѣто правленія Чжень-гюнь, т.-е. въ 443 г. («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 142 — 144). Оставшійся съ частью народа въ Шаньшани сынъ его поддался Аньчжеу, но это вызвало высылку юань-вэйцами войскъ въ Шаньшань и ея покореніе Китаю (тамъ же, стр. 143 и 144). Такимъ образомъ выясняется, что между 440 и 443 годами чрезъ Шаньшань возвращались изъ Гибини и Индіи юань-вэйскіе посланники. Свѣдѣній о другихъ посольствахъ въ Гибинь за юань-вэйское время не имѣется: нѣтъ датъ и о посольствахъ изъ Гибини, за исключеніемъ посольства 452 г., о которомъ, по словамъ профессоровъ Шаванна и Леви (J. asiatique, 1895, t. VI, p. 374) упоминается въ «Вэй-шу», при чемъ они, однако, не указали мѣста и перевода не дали. Нѣтъ въ «Бэй-шы» (и въ «Вэй-шу») и описанія Индіи, за исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ о «Южной Индіи», откуда упоминается посольство въ 500 — 516 гг. («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 176 и 177). Въ вышеупомянутомъ же вступленіи къ свѣдѣніямъ о западныхъ странахъ Бэй-шы» значится: «Вначалѣ было только двѣ дороги, ведущія въ Западный край, впослѣдствіи открыли еще двѣ дороги»; подъ двумя послѣдними разумѣются дороги отъ Яркяна: одна на западъ до Габей, т.-е. до Каратегина, другая же «на юго-западъ 500 и отъ Луковыхъ горъ (Цунлина) на юго-западъ же 1300 ли до Болу» (тамъ же, стр. 140 и 141). Отсюда слѣдуетъ заключить, что путь юань-вэйскаго посольства 442 г. (къ этому году между 440 и 443 слѣдуетъ, кажется, относить точнѣе время возвращенія посланниковъ изъ Гибини и Индіи чрезъ Шаньшань) въ Гибинь и Индію лежалъ чрезъ Болу-Гилгитъ, почему и оріентировка лежавшихъ далѣе на югъ странъ должна была производиться на Болу. Но хотя указаніе въ описаніяхъ М. Юечжы и Гибини на нахожденіе ихъ на юго-западѣ отъ Болу даетъ основаніе полагать, что путь въ эти владѣнія изъ Китая при юань-вэйской династіи лежалъ чрезъ Болу, отсюда еще не слѣдуетъ, что свѣдѣнія объ обоихъ владѣніяхъ получены чрезъ посольство 442 г. Съ достаточной вѣроятностью можно допустить это только относительно Гибини, такъ какъ имѣются несомнѣнныя извѣстія о посольствѣ въ Индію и Гибинь въ это время.

Изъ приведенныхъ выше извѣстій византійскихъ, армянскихъ и пр. историковъ видно, что въ продолженіе царствованій Яздигерда и Пероза съ 439 г. по 484 г. кушаны находились въ войнахъ съ персами, и единственнымъ перерывомъ въ этихъ войнахъ, въ продолженіе котораго могли бы они предпринять дальній походъ за Хиндукушъ, не оставляя въ опасности отъ персидскаго вторженія собственныхъ земель на сѣверѣ отъ Хиндукуша, были нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Яздигерда въ 457 г., когда въ Персіи происходили междоусобія изъ-за престола между Перозомъ и его братомъ, пока черезъ два года не успѣлъ одержать верхъ Перозъ. Такимъ образомъ

завоеваніе пяти царствъ на югѣ отъ Хиндукуша, вѣроятно, произведено кушанскимъ царемъ Кидоло или Кидаромъ около 458 г. Что въ этомъ году царствовалъ Кидаръ, видно изъ того, что еще въ 456 г. Прискъ именовалъ кушановъ, съ которыми воевалъ Яздигердъ, уннами-кидаритами. Вѣроятно, именно этотъ царь Кидаръ и велъ все время царствованія Яздигерда упорную оборону противъ силъ Персіи, пріобрѣвши своимъ мужествомъ такую славу и извѣстность, что народъ его сталъ именоваться народомъ Кидара, кидаритами у византійцевъ. Можно думать, что, несмотря на успѣхъ обороны отъ Яздигерда, Кидаръ не считалъ возможнымъ покорить Персію или прочно овладѣть частію ея, воспользовавшись смутами послѣ смерти Яздигерда, и предпочелъ употребить свои закаленныя въ бояхъ съ персами войска на завоеванія за Хиндукушемъ, чтобы увеличить этимъ свои силы и средства. Возможно также, что по утвержденіи своемъ на престолѣ, желая съ своей стороны воспользоваться нахожденіемъ кушано-кидаритскихъ войскъ и ихъ царя за Хиндукушемъ, Перозъ началъ непріязненныя дѣйствія противъ кушановъ. Это-то нападеніе персовъ (а не хунновъ, какъ значится въ статьѣ «М. Юечжы») и должно было вынудить Кидоло возвратиться поспѣшно изъ-за Хиндукуша на сѣверъ для защиты своихъ коренныхъ владѣній, при чемъ для управленія завоеванными землями оставилъ онъ сына, основавшаго, какъ гласятъ кит. свѣдѣнія, династію, царствовавшую потомъ въ Фулэуша.

Дальнѣйшія свѣдѣнія и объясненія по нѣкоторымъ предметамъ, которые здѣсь не выяснены, даны будутъ ниже, при изложеніи и разсмотрѣніи извѣстій объ ѣда-эфталитахъ.

Н. А. Аристовъ.

КАРАИМЫ.

Антропологическій очеркъ.

Въ 761 году умеръ эксилархъ, князь изгнанниковъ, Соломонъ. Въ виду наслѣдственности этого сана въ семействѣ Бостанаи и въ виду бездѣтности покойнаго эксиларха, званіе это должно было перейти къ старшему племяннику его, Анану бенъ-Давиду. Но антиталмудическій образъ мыслей Анана былъ, повидимому, извѣстенъ ректорамъ (гаонамъ) школъ въ Сурѣ и Бумбадитѣ, и по ихъ проискамъ на эксиларшій престолъ былъ посаженъ младшій братъ Анана, Хананія. Ананъ былъ оклеветанъ передъ халифомъ и заключенъ имъ въ тюрьму. Освободившись изъ нея, Ананъ и его приверженцы, боясь дальнѣйшихъ преслѣдованій, оставили Вавилонію и переселились въ Палестину. Здѣсь они открыто выступили противъ талмуда и избрали Анана своимъ главою. По смерти послѣдняго, его приверженцы сначала называли себя по его имени *ананитами*, но впослѣдствіи стали себя называть *караимами*, отъ еврейскаго *кара* — читать, т. е. людьми, вѣрно читающими и понимающими библію; своихъ противниковъ же они называли раббанитами, т.-е. послѣдователями учителей, отъ *раббъ*—учитель.

Главное ядро караимовъ жило до начала крестовыхъ походовъ въ Палестинѣ. Съ завоеваніемъ же Палестины крестоносцами и съ разрушеніемъ ихъ синагоги, основанной Ананомъ въ Ерусалимѣ, караимы частью выселились на западъ, черезъ Африку въ Испанію, частью же на сѣверъ, черезъ Византію и Кавказъ въ Крымъ. Но между тѣмъ, какъ изъ западныхъ переселенцевъ до нашихъ дней осталась только ничтожная горсть въ 1.000 человѣкъ, живущихъ разбросанно въ Турецкой имперіи, сѣверная вѣтвь насчитываетъ 10.000 человѣкъ, живущихъ въ Россіи, главнымъ образомъ въ Крыму и въ Новороссіи, и около 1.000 человѣкъ въ Галиціи. Въ послѣднюю они попали изъ Виленской губ., куда ихъ вывелъ въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ семействъ, въ концѣ XIV-го столѣтія, литовскій князь Витовтъ послѣ побѣды надъ крымскими татарами.

Около середины прошлаго столѣтія ученый караимъ Авраамъ Самуиловичъ *Фирковичъ* (1786—1874) пытался на основаніи древнихъ надгробныхъ

памятниковъ и старинныхъ рукописей, открытыхъ имъ въ Крыму и на Кавказѣ, доказать, что крымскіе караимы суть потомки тѣхъ древнихъ плѣненныхъ нѣкогда Навуходоносоромъ и Салманасаромъ евреевъ, которые попали въ Крымъ вмѣстѣ съ полчищами Камбиза и Дарія, какъ участники въ походахъ этихъ царей противъ скифовъ. Основавшись здѣсь, они впослѣдствіи примкнули къ караимству и обратили въ свою вѣру хазаръ. Вслѣдствіе численного перевѣса хазаръ, ничтожная горсть древнихъ израильтянъ постепенно растворилась въ этомъ татарскомъ племени, такъ что современные караимы уже не израильтяне, а остатки хазаръ, спасшихся въ Крымъ послѣ разгрома ихъ царства русскими князьями въ X столѣтіи. Но документы Фирковича оказались въ большинствѣ случаевъ поддѣльными, вслѣдствіе чего историческіе выводы, построенные на нихъ, объявлены легендарными.

Нельзя, однако, отказать караимамъ въ томъ, что ихъ физическій обликъ обнаруживаетъ ясные слѣды татарской крови, происхожденіе которыхъ пока съ достовѣрностью установить нельзя. Возможно, что часть крымскихъ хазаръ, бывшихъ раввинистами, впослѣдствіи обратилась въ караимство, но вѣроятнѣе всего болѣе позднее смѣшеніе съ крымскими татарами. Примѣсь татарской крови ясно сказывается и въ антропометрическихъ данныхъ, къ которымъ я теперь и перехожу.

Я измѣрилъ по краткой схемѣ 20 караимовъ и 10 караимокъ. Изслѣдованные мною субъекты находились въ возрастѣ: мужчины—отъ 16 до 72 лѣтъ и женщины—отъ 18 до 50 лѣтъ.

	Ростъ.		Большой размахъ.	
Колебанія.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
146 — 150	—	2	—	1
151 — 155	—	3	1	3
156 — 160	5	3	2	5
161 — 165	7	2	6	1
166 — 170	4	—	6	—
171 — 175	4	—	4	—
176 — 180	—	—	1	—
Min.	156	149	151	150
Max.	175	163	178	163
Средняя.	164,5	156,2	166,8	155,9

Караимы—средняго *роста*; они почти одного роста съ южно-русскими евреями (165) [1]) и на 14 m.m. ниже крымскихъ татаръ (165,9) [2]). Караимки выше южно-русскихъ евреекъ (153,6).

Большой размахъ у караимовъ очень малъ какъ по своей абсолютной величинѣ, такъ и по отношенію его къ росту. Если уже, по мнѣнію

[1]) *S. Weissenberg*. Die südrussischen Juden. „Arch. f. Anthr.“, XXIII.

[2]) *А. Н. Харузинъ*. Татары Гурзуфа. „Дневн. Антр. Отд.“, 1890, стр. 249.

всѣхъ авторовъ, относительную величину большого размаха у евреевъ, равняющуюся по моимъ изслѣдованіямъ 103,0, можно назвать малой, то таковая караимовъ, равняющаяся только 101,5, не имѣетъ себѣ равной въ Европѣ; только арабы, по Топинару, имѣютъ 101,3. Большой размахъ караимовъ въ среднемъ даже меньше ихъ роста, а относительная его величина—99,8—меньше таковой у евреекъ, равняющейся, по Элькинду, 100,9. Изъ всѣхъ измѣренныхъ имѣли большой размахъ:

	Муж.	Жен.
Меньшій роста	5	3
Равный росту	1	1
Большій роста	14	6

Столь характерное явленіе слѣдуетъ исключительно приписать короткости рукъ караимовъ, такъ какъ грудь у нихъ сравнительно хорошаго развитія. Я, къ сожалѣнію, не измѣрялъ ни длины рукъ, ни объема груди, но позволяю себѣ высказать это мнѣніе на основаніи общаго впечатлѣнія. Возможно, что короткія верхнія конечности караимовъ находятся въ извѣстной зависимости отъ ихъ занятія, такъ какъ, будучи почти поголовно торговцами, они мало упражняютъ свои руки, вслѣдствіе чего послѣднія и отстаютъ въ своемъ развитіи.

Величина *горизонтальной окружности головы* караимовъ (549) мало разнится отъ таковой у евреевъ (550) и крымскихъ татаръ (556). У караимокъ она равняется 534, а у евреекъ—536.

Колебанія.	Муж.	Жен.
501 — 525	2	2
526 — 550	10	8
551 — 575	7	—
576 — 600	1	—
Min.	515	520
Max.	580	545
Средняя.	549	534

Форма головы опредѣляется, главнымъ образомъ, изъ размѣровъ *наибольшей длины* и *наибольшей ширины* ея. Какъ показываетъ табличка, колебанія этихъ размѣровъ въ общемъ незначительны. По наибольшей длинѣ черепъ караимовъ можно назвать среднимъ, но по наибольшей ширинѣ широкимъ; онъ шире еврейскаго (151) на 5 m. Эта разница сказывается и на женской головѣ, такъ какъ наибольшая длина у евреекъ равна 176, а наибольшая ширина—145.

	Наибольшая длина.		Наибольшая ширина.	
Колебанія.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
141 — 145	—	—	2	—
146 — 150	—	—	1	7
151 — 155	—	—	7	3
156 — 160	—	—	7	—

Колебанія.	Наибольшая длина. Муж.	Жен.	Наибольшая ширина. Муж.	Жен.
161 — 165	—	—	2	—
166 — 170	—	1	1	—
171 — 175	3	5	—	—
176 — 180	3	4	—	—
181 — 185	5	—	—	—
186 — 190	4	—	—	—
191 — 195	5	—	—	—
Min.	172	170	145	146
Max.	195	180	169	153
Средняя.	184	174	156	149

По *головному указателю* караимы занимаютъ довольно высокое мѣсто, значительно разнясь отъ евреевъ (82,5, еврейки — 82,4) и приближаясь къ крымскимъ татарамъ (85,8). Въ частности головной указатель распредѣляется слѣдующимъ образомъ (по нѣмецкой номенклатурѣ):

Колебанія.	Муж.	Жен.
Долихоцефалы	1	—
Мезоцефалы	0	—
Брахицефалы	9	5
Гипербрахицефалы . .	10	5
Min.	74,4	83,6
Max.	88,5	88,2
Средняя	84,8	85,6

Замѣчательно отсутствіе мезоцефаловъ и явная наклонность къ гипербрахицефаліи. Возможно, что на форму головы караимовъ имѣетъ извѣстное вліяніе долгое лежаніе дѣтей въ татарской колыбели, только въ послѣднее время, съ разселеніемъ караимовъ по Россіи, вышедшей у нихъ изъ общаго употребленія. Этому фактору слѣдуетъ приписать ясное уплощеніе затылка у караимовъ, на что уже обратилъ вниманіе *Иковъ* [1]), касаясь въ своей работѣ о евреяхъ также попутно и караимовъ. Кстати приведу здѣсь данныя Икова. Онъ измѣрилъ 30 караимскихъ череповъ, доставленныхъ Мережковскимъ изъ Чуфутъ-Кале, и свои результаты сравниваетъ съ измѣреніями, добытыми также Мережковскимъ на 20-ти караимахъ въ Крыму. Къ сожалѣнію, онъ сообщаетъ только данныя о головномъ указателѣ, который распредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

	24 черепа взрослыхъ.	20 живыхъ караимовъ.
Долихоцефалы	6,5%	0%
Мезоцефалы	6,5	5,0
Брахицефалы	87,0	95,0
Средняя	83,32	85,33

[1]) *C. Ikow.* Neue Beiträge zur Anthropologie der Juden. „Arch. f. Anthr.“, XV, 369—389.

Что касается до *формы лица* караимовъ, то она у мужчинъ въ большинствѣ случаевъ остроовальная, яйцеобразная, у женщинъ же шире, овальная; очень широкія лица встрѣчаются рѣдко. Выступаніе скуловыхъ дугъ не рѣдко (у 4 муж. и 4 жен.), хотя оно не довольно ясно выражено; но за-то бросается въ глаза отсутствіе округленности лица въ горизонтальномъ направленіи, что дѣлаетъ лица чистыхъ кавказцевъ столь пріятными.

	Длина лица.		Ширина лица.	
Колебанія.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
106 — 110	—	3	—	—
111 — 115	2	1	—	—
116 — 120	4	5	—	—
121 — 125	6	1	—	—
126 — 130	5	—	—	2
131 — 135	3	—	2	4
136 — 140	—	—	7	2
141 — 145	—	—	9	2
146 — 150	—	—	2	—
Min.	112(115)[1]	110	134	128
Max.	135	121	150	143
Средняя.	124	116	141	135

Какъ *длина* (отъ переносицы до подбородка), такъ и *ширина* (наибольшая скуловая) *лица* въ общемъ больше тѣхъ же размѣровъ у евреевъ (длина—119, ширина—138) и евреекъ (длина—110, ширина —130); но, въ виду значительнаго преобладанія длины лица, караимы по *лицевому указателю* болѣе длиннолицы, чѣмъ евреи (86,2, еврейки—84,6).

	Муж.	Жен.
Узколицые до 90,0	14	9
Широколицые выше 90,0 . .	6	1
Min.	80,0(83,3)[2]	79,7
Max.	97,8	93,7
Средняя.	87,9	85,9

Сравнительно большая длина лица обусловливается, повидимому, сравнительно большимъ развитіемъ его средней части, носа, размѣры котораго явствуютъ изъ слѣдующей таблицы. *Носъ* караимовъ длиннѣе носа евреевъ (54) на 4 мил., носъ же караимокъ длиннѣе носа евреекъ (50) на 3 мил. Также и по отношенію длины носа къ длинѣ лица караимы показываютъ большую величину (46,8), чѣмъ евреи (45,4), хотя носовой указатель у евреевъ (63,0) больше, чѣмъ у караимовъ (60,3), что является слѣдствіемъ сравнительно небольшой ширины носа караимовъ.

---

[1]) У даннаго субъекта отсутствуетъ большинство зубовъ; въ скобкахъ — ближайшій minimum.

[2]) У даннаго субъекта отсутствуетъ большинство зубовъ; въ скобкахъ — ближайшій minimum.

Колебанія.	Длина носа. Муж.	Жен.	Межглазничное прост. Муж.	Жен.	Ширина носа. Муж.	Жен.
21 — 25	—	—	1	1	—	—
26 — 30	—	—	7	4	1	4
31 — 35	—	—	10	5	10	5
36 — 40	—	—	2	—	9	1
41 — 45	—	—	—	—	—	—
46 — 50	—	2	—	—	—	—
51 — 55	3	6	—	—	—	—
56 — 60	14	2	—	—	—	—
61 — 65	3	—	—	—	—	—
Min.	51	48	25	24	30	28
Max.	64	58	38	34	40	37
Средняя.	58	53	31	30	35	31

Форма носа у 12 караимовъ и у всѣхъ 10 караимокъ была прямая, у 5-ти караимовъ болѣе или менѣе ясно семитическая, вѣрнѣе искривленная, и у 3-хъ орлиная.

У 7-ми караимовъ и 5-ти караимокъ *глазная щель* имѣла болѣе или менѣе ясно косое направленіе. Какихъ-либо складокъ у внутренняго угла глазъ ни у кого изъ изслѣдованныхъ замѣчено не было..

По *цвѣту* кожи, волосъ и радужной оболочки караимы должны быть причислены къ смуглымъ народностямъ, такъ какъ чистыхъ брюнетовъ среди нихъ около 75%.

Волосы у всѣхъ были гладкіе. Волосы бороды въ большинствѣ случаевъ были чуть свѣтлѣе волосъ на головѣ и часто съ рыжеватымъ оттѣнкомъ. Растительность на лицѣ пробивается рано и въ общемъ обильна. Тѣло часто довольно волосато.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ сопоставлены размѣры караимовъ съ таковыми евреевъ и башкиръ [1]), какъ образца тюркскаго племени; при этомъ я пользуюсь только своими собственными матеріалами, что имѣетъ за собой преимущество однородности методовъ изслѣдованія и наблюденія.

Измѣренія.	Евреи.	Караимы.	Башкиры.	Караимки.	Еврейки.
Ростъ	1651	1645	1661	1562	1536
Большой размахъ	1701	1668	—	1559	—
Большой размахъ: ростъ	103,0	101,5	—	99,8	100,9
Наибольшая длина головы	183	184	182	174	176
„ ширина „	151	156	152	149	145
Головной указатель	82,5	84,8	83,5	85,6	82,4
Горизонт. окружн. головы	550	549	556	534	536
Длина лица (переносица-подбородокъ).	119	124	122	116	110
Ширина лица (наиб. скуловая)	138	141	143	135	130
Лицевой указатель	86,2	87,9	85,3	85,9	84,6

---

1) *S. Weissenberg*. Ein Beitrag zur Anthropologie der Turkvölker. „Zeitschr. f. Ethnol.“, 1892.

Измѣренія.	Евреи.	Караимы.	Башкиры.	Караимки.	Еврейки.
Длина носа	54	58	53	53	50
Межглазничное пространство	31	31	32	30	30
Ширина носа	34	35	35	31	31
Носовой указатель	63,0	60,3	66,0	58,5	62,0
Длина носа: длина лица	45,4	46,8	43,4	45,7	45,4
Семитическій носъ у %	10	25	2	0	6
Косая глазная щель „	16	35	50	50	35
Цвѣтовой типъ: брюнеты %	58	75	85	80	68
„ „ блондины „	10,5	5	3	0	5
„ „ смѣшан. „	28	15	12	20	25
„ „ рыжіе „	3,5	5	0	0	2
Смуглая кожа %	13	50	68	70	30

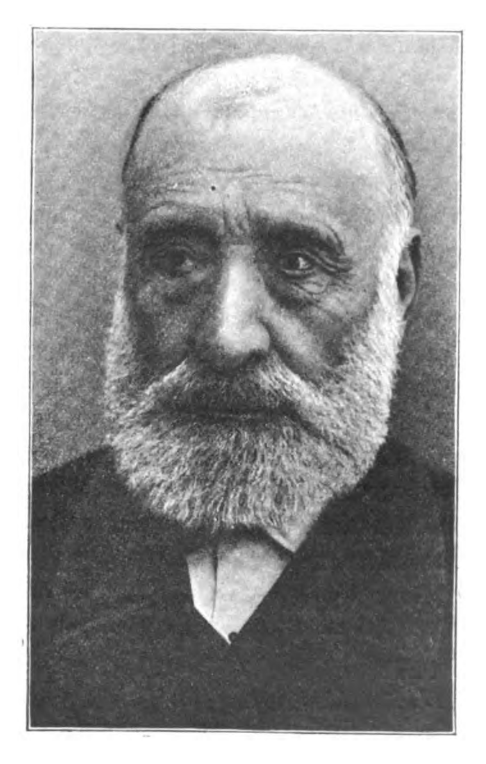

Рис. 1.

Таблица эта позволяетъ намъ прійти къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Караимы занимаютъ приблизительно среднее мѣсто между евреями и башкирами, при чемъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что и башкиры не чистые монголы, а значительно ослабленная вѣтвь послѣднихъ. Къ башкирамъ, вѣрнѣе тюркамъ, караимовъ приближаетъ значительная короткоголовость и общая конфигурація лица, какъ-то: частые косые глаза, нерѣдкое выступаніе скулъ и неуловимое въ числахъ выраженіе лица (рис. 1).

2. Отъ евреевъ караимы отличаются большей короткоголовостью, болѣе узкимъ лицомъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе значительной длины средней его части, носа; по цвѣтовому типу караимы болѣе смуглы, съ преобладающими черными и гладкими волосами, темно-коричневой радужной оболочкой и смуглой кожей (рис. 2).

3. Несмотря на явную примѣсь тюркской крови, которая яснѣе всего выступаетъ въ дѣтскомъ возрастѣ, среди караимовъ нерѣдки и чисто еврейскія лица, при чемъ преобладаетъ грубый еврейскій типъ съ большимъ еврейскимъ носомъ, большимъ ртомъ и толстыми губами. Какъ на общій при-

знакъ, я еще укажу на раннюю и значительную волосатость лица и тѣла, встрѣчающуюся какъ у евреевъ, такъ и у караимовъ. Этотъ признакъ свойственъ, кстати, и другимъ сильно смѣшаннымъ тюркскимъ народностямъ, какъ, напримѣръ, туркамъ (рис. 3).

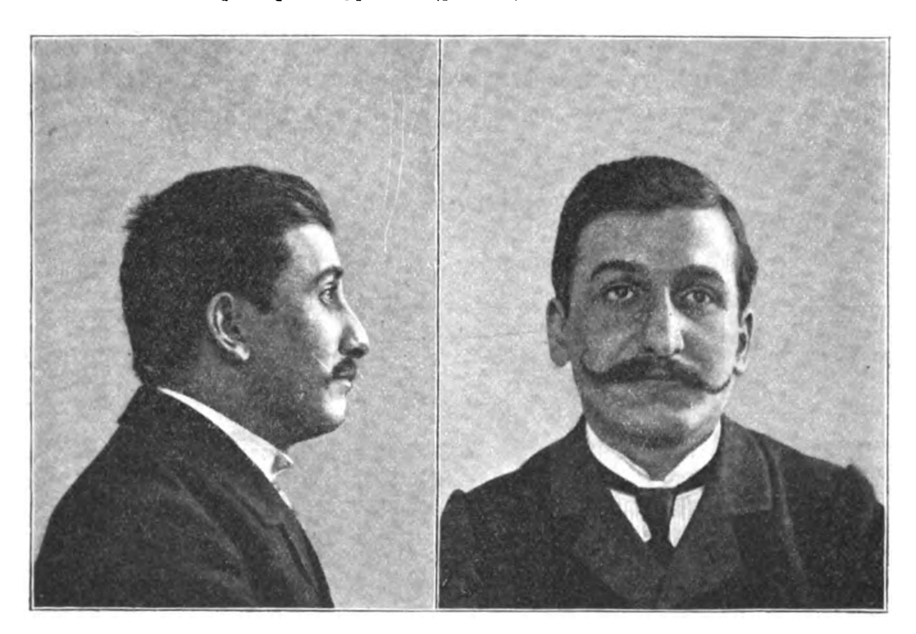

Рис. 2.

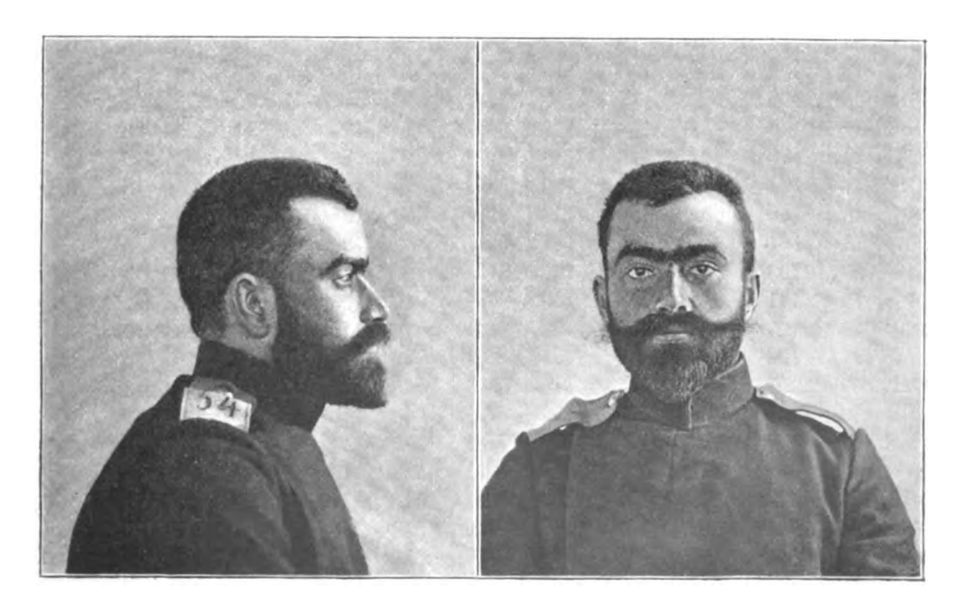

Рис. 3.

4. Если уже изъ предыдущаго явствуетъ, что караимы представляютъ собою помѣсь двухъ народностей, евревъ и татаръ, то для того, чтобы выяснить, что въ образованіи караимской народности принимали участіе и другіе элементы, мнѣ слѣдуетъ только обратить вниманіе на то, что среди нихъ, хотя и рѣдко, встрѣчаются и длинноголовые, и блондины.

Въ заключеніе считаю для себя пріятнымъ долгомъ принести свою искреннюю благодарность елисаветградской караимской общинѣ за ту готовность, съ которой она почти поголовно стала подъ мой циркуль.

Измѣрительные признаки.

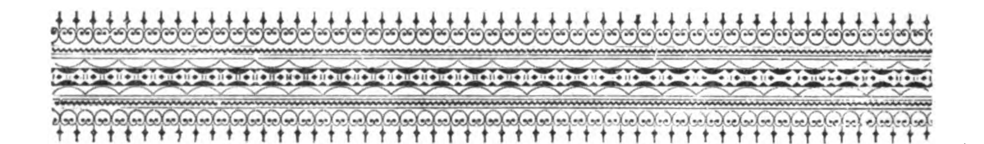
(NN 1—20—караимы, NN I—X—караимки).

№.	Возрастъ.	Ростъ.	Большой размахъ.	Наибольшая Длина голов.	Наибольшая Ширина голов.	Головной указатель.	Горизонт. окружн. головы.	Длина лица.	Ширина лица.	Лицевой указат.	Длина носа.	Межглаз. простран.	Ширина носа.
1	29	168	178	181	158	87,3	555	121	144	84,0	57	29	37
2	61	163	169	182	155	85,2	540	132	143	92,3	64	32	36
3	37	162	165	178	153	85,9	535	118	140	84,3	57	29	35
4	72	157	163	182	157	86,3	550	122	142	85,9	61	38	40
5	27	175	175	194	164	84,5	575	127	147	86,4	58	36	39
6	47	162	163	188	153	81,4	545	133	137	97,1	60	26	33
7	44	159	151	182	158	86,8	550	120	143	83,9	57	30	38
8	27	159	160	188	157	83,5	560	122	141	86,5	57	30	32
9	22	156	160	175	150	85,7	525	117	134	87,3	60	28	32
10	24	164	169	172	145	84,3	515	122	134	91,0	52	35	31
11	43	173	174	195	145	74,4	570	130	145	89,6	57	31	36
12	56	159	161	185	157	84,9	555	112	140	80,0	56	32	37
13	32	173	170	174	151	86,8	530	117	139	84,2	56	31	31
14	39	170	169	176	153	86,9	530	129	141	91,5	54	32	32
15	27	161	163	191	169	88,5	575	125	150	83,3	60	30	32
16	46	166	170	193	159	82,4	560	135	138	97,8	62	31	33
17	63	161	167	188	154	81,9	545	125	143	87,4	59	31	39
18	25	168	174	194	164	84,5	580	130	145	89,6	59	35	39
19	19	171	173	176	153	86,9	540	129	139	92,8	58	25	32
20	16	163	162	186	158	84,9	535	115	137	83.9	51	31	30
I	24	156	152	180	151	83,9	535	117	131	89,3	51	34	37
II	49	155	156	177	148	83,6	540	121	142	85,2	54	30	33
III	33	155	160	175	152	86.8	540	120	140	85,7	54	31	30
IV	37	155	156	170	150	88,2	535	114	143	79,7	50	31	31
V	40	149	151	173	146	84.4	525	110	135	81,5	48	30	29
VI	32	161	163	177	153	86,4	545	119	133	89,5	57	31	31
VII	44	158	160	176	149	84,6	540	118	139	84,9	51	30	30
VIII	19	160	155	173	148	85,5	530	120	128	93.7	58	24	28
IX	18	163	156	172	150	87.2	530	110	130	84.6	53	30	31
X	50	150	150	172	146	84,9	520	110	133	82,7	51	31	31

Описательные признаки.

№.	Форма носа.	Форма лица.	Скулы.	Цвѣтовой типъ.	Цвѣтъ: Радуж. оболочки.	Цвѣтъ: Волосъ.	Цвѣтъ: Кожи.	Направ. глазной щели.	Примѣчанія.
1	прямая.	узков.	нм. выст.	брюн	т.-кор.	т.-кор.	св.	косое.	сынъ. Борода свѣтлѣе.
2	„	ов.	нѣтъ.	„	„	чер.	„	„	отецъ.
3	„	„	„	смѣш.	синій.	„	см.	прям.	сынъ.
4	нм. орл.	узков.	нм. выст.	брюн	с.-кор.	„	„	„	отецъ, братъ 2 (рис. 1).
5	прямая.	широков.	нѣтъ.	„	„	т.-кор.	св.	„	борода свѣтлѣе.
6	нм. семит.	узков.	„	„	„	чер.	„	„	борода съ рыжев. отт.
7	прямая.	ов.	нм. выст.	„	„	„	см.	косое.	—
8	„	„	нѣтъ.	рыж.	т.-кор.	т.-рыж	„	прям.	борода т.-рыжая (рис. 3).
9	нм. семит.	„	„	брюн.	с.-кор.	чер.	св.	„	борода свѣтлѣе.
10	прямая.	„	„	„	т.-кор.	„	см.	косое.	—
11	„	„	„	„	„	т.-кор.	св.	прям.	борода свѣтлѣе.
12	орл.	широков.	„	„	„	чер.	„	„	борода черн. Отс. многихъ зубовъ.
13	„	узков.	„	„	с.-кор.	„	см.	„	братья: борода чер.
14	прямая.	„	„	„	„	„	„	косое.	борода чер.
15	нм. семит.	ов.	„	„	т.-кор	„	„	прям.	борода съ рыж. отт. (рис. 2).
16	прямая.	узков.	„	блонд.	синій.	с.-кор.	св.	„	борода св.-рыжая.
17	семит.	широков.	нм. выст.	смѣш.	„	чер.	см.	косое.	борода свѣтлѣе.
18	прямая.	узков.	нѣтъ.	брюн.	кор.	„	„	„	Борода свѣт. Конч. носа вздернутъ.
19	нм. семит.	„	„	смѣш.	синій.	„	св.	обр. кос.	—
20	прямая.	„	„	брюн.	т.-кор.	„	„	прям.	сынъ IV.
I	„	„	„	„	„	т.-кор.	см.	косое	—
II	„	широков.	нм. выст.	„	„	„	„	прям.	мать.
III	„	ов.	„	„	„	чер.	„	косое.	дочь.
IV	„	широков.	„	„	„	„	св.	прям.	сестры (IV–VI).
V	„	ов.	нѣтъ.	„	„	„	см.	косое.	
VI	„	„	выст.	„	„	„	„	„	
VII	„	„	нѣтъ.	„	„	„	„	прям.	—
VIII	„	узков.	„	смѣш.	„	св-рыж	св.	„	сестры (VIII–IX).
IX	„	широков.	„	„	сѣрый	рыжій.	„	„	
X	„	ов.	„	брюн.	кор.	т.-кор.	см.	косое.	

С. Вайсенбергъ.

Лицевой уголъ якутовъ, тунгусовъ и русскихъ якутянъ.

Теоретическое значеніе, которое придавалось когда-то величинѣ лицевого угла Кампера, въ настоящее время сильно оспаривается какъ по чисто анатомическимъ соображеніямъ [1]), такъ и потому, что вычисленіе этого угла довольно сложно, и достаточно малѣйшей неточности въ одномъ изъ необходимыхъ измѣреній, чтобы измѣнить опредѣляемую величину довольно замѣтнымъ образомъ; если прибавить къ этому неизбѣжныя погрѣшности построенія, то будетъ очевидно, что, даже при самой внимательной работѣ, каждая отдѣльная величина окажется чрезвычайно условной. При выводѣ среднихъ эта условность, однако, сглаживается, такъ какъ мало вѣроятно, чтобы всѣ погрѣшности были односторонни; но даже и въ томъ случаѣ, если бы онѣ оказались однородными, сравненіе среднихъ, полученныхъ при измѣреніи различныхъ этническихъ группъ, все-таки могло бы привести къ выводамъ, вѣрнымъ, если не по абсолютной величинѣ среднихъ, то, по крайней мѣрѣ, по ихъ соотношенію.

Исходя изъ этого взгляда, я не рѣшился оставить безъ разработки тѣхъ данныхъ для опредѣленія величины лицевого угла, которыя были собраны участниками сибиряковской экспедиціи Майновымъ и Геккеромъ относительно 105 русскихъ уроженцевъ Якутской области, 26 метисовъ, 33 якутокъ и 26 тунгусовъ. Пріемы работы у обоихъ наблюдателей были одинаковы и въ точности опредѣлялись указаніями инструкціи Брока. Опыты, производившіеся надъ одними и тѣми же субъектами, показали, что результаты измѣреній оказываются почти тождественными какъ у Майнова, такъ и у Геккера, вслѣдствіе чего сравненіе данныхъ, полученныхъ обоими, вполнѣ возможно.

Графически опредѣливъ величину угла [2]) для каждой особи, я затѣмъ выводилъ среднія сначала по этническимъ группамъ, а затѣмъ по группамъ рослости. Сравненіе получившихся среднихъ даетъ поводъ заключить, что ростъ не оказываетъ сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на величину лице-

---

[1]) *Topinard*. Élém. d'anthropol. générale, p.p. 878,903.

[2]) Само собой разумѣется, что опредѣленный по указанному въ инструкціи способу лицевой уголъ есть въ сущности не уголъ Кампера, а уголъ Жаккара.

вого угла, но раса, повидимому, отражается на этой величинѣ весьма явственно. Распредѣляя всѣхъ измѣренныхъ русскихъ по тѣмъ же сословнымъ и географическимъ группамъ, на какія я ихъ распредѣлялъ въ своихъ прежнихъ работахъ, т.-е. по группамъ возрастающей смѣшанности съ якутами, я получилъ рядъ довольно правильно убывающихъ среднихъ. Полная правильность этого ряда нарушается лишь амгинцами, лицевой уголъ которыхъ оказывается нѣсколько выше, чѣмъ въ ближайшей къ нимъ группѣ олекминскихъ крестьянъ.

Лицевой уголъ метисовъ, измѣренныхъ Н. Л. Геккеромъ, совершенно равенъ лицевому углу амгинцевъ.

Чистые якуты въ величинѣ лицеваго угла нѣсколько уступаютъ метисамъ и совершенно одинаковы съ тунгусами.

Въ общемъ мои среднія, выведенныя изъ данныхъ, получившихся путемъ измѣренія живыхъ особей и графическаго опредѣленія угловъ, мало отличаются отъ среднихъ, полученныхъ *Морганомъ* при измѣреніи разнородныхъ череповъ его коллекціи при помощи изобрѣтеннаго имъ гоніометра [1]).

Напомнимъ здѣсь среднія *Моргана*:

15 европейцевъ	79,8°
20 американцевъ	76,3°
70 негровъ	76,6°

При измѣреніяхъ *Топинара* [2]) среднія оказывались значительно ниже; три серіи европейскихъ череповъ дали у *Топинара* величины: 76,5°, 76,8° и 77,4°; 16 череповъ желтой расы—72,7° и 20 череповъ негровъ—70,3°. При перемѣщеніи вершины изслѣдуемаго угла къ подносовой точкѣ,—что приходится дѣлать при работѣ надъ живыми особями,—величина угла, конечно, оказалась бы выше какъ у Топинара, такъ и у Моргана. За отсутствіемъ въ имѣющейся у меня литературѣ другихъ данныхъ о величинѣ лицевого угла у представителей разныхъ народностей, мнѣ приходится, однако, довольствоваться для сравненія только этими цифрами.

Русскіе Якутской области, якуты, и тунгусы въ среднемъ обладаютъ лицевымъ угломъ слѣдующихъ размѣровъ:

Русскіе (измѣренія И. И. Майнова):			
Горожане » »	10	особей	80°
Казаки » »	9	»	79,2°
Крестьяне Якутск. округа	24	»	78,6°
Крестьяне Олекмин. округа	30	»	77,0°
Амгинцы (измѣренія Н. Л. Геккера)	32	»	77,6°
	105	русскихъ въ среднемъ	78,0°

[1]) *Topinard*. Élém. d'anthrop. générale, p. 869.

[2]) *Ibid.*, p. 870.

Якуты-метисы русской крови (Н. Л. Геккеръ)	26 особей	. . .	77,7°
Якуты (Н. Л. Геккеръ)	139 »	. . .	77,3°
Тунгусы южные (И. И. Майновъ)	15 »	. . .	76,7°
Тунгусы сѣверные (И. И. Майновъ)	11 »	. . .	78,1°
	26 тунгусовъ въ среднемъ	. . .	77,3°

Если принять во вниманіе, что южные и сѣверные тунгусы настолько рѣзко отличаются по росту и по многимъ другимъ признакамъ, что есть основаніе признать ихъ представителями различныхъ по происхожденію расъ, то, пожалуй, правильнѣе будетъ разсматривать обѣ эти группы отдѣльно, и тогда къ чертамъ ихъ различія прибавится еще одна: разница въ величинѣ лицевого угла, болѣе высокаго у малорослыхъ, мало брахицефальныхъ (указатель 81,39) сѣверянъ.

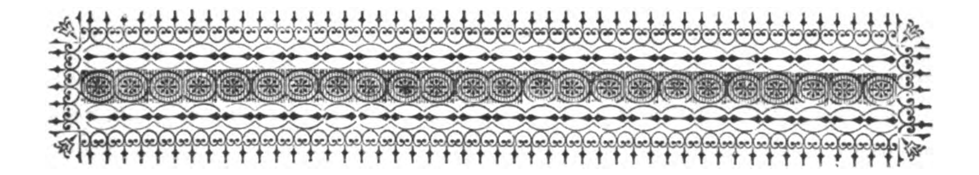
При распредѣленіи особей по росту получаются ряды совершенно неправильные:

	Русскіе.	Якуты.	Тунгусы.
высокіе	77,7°	77,9°	
выше средняго	79,9°	76,8°	76,7° (выше и ниже средняго)
ниже средняго	77,5°	78,2°	
низкаго	76,5°	76,9°	78,1°

Рѣзкое отклоненіе отъ средней для якутовъ-мужчинъ представляетъ средняя 33 женщинъ-якутокъ—78,9°. Отклоненіе это настолько значительно, что я готовъ допустить въ этомъ случаѣ бо́льшую, чѣмъ у мужчинъ, неточность измѣреній, вызванную большею нервностью измѣряемыхъ женщинъ; хотя, съ другой стороны, нельзя не вспомнить, что измѣренныя Н. Л. Геккеромъ якутки обнаружили и другое отклоненіе отъ типа якутовъ-мужчинъ, а именно головной указатель ихъ оказался ниже мужского, такъ что по двумъ этимъ признакамъ якутки менѣе отличаются отъ русскихъ мужчинъ, чѣмъ отъ якутовъ.

Въ виду соображеній, высказанныхъ въ началѣ этой замѣтки, я не рѣшаюсь вдаваться въ болѣе подробный анализъ имѣющихся у меня матеріаловъ о величинѣ лицевого угла и ограничиваюсь сообщеніемъ этихъ немногихъ данныхъ.

И. Майновъ.

Главнѣйшіе пріемы современной антропологической техники.

(Изъ антропологической лабораторіи Юрьевскаго анатомическаго института [1]).

При томъ широкомъ примѣненіи, какое въ настоящее время находятъ измѣрительные методы не только въ изученіи, съ антропологической точки зрѣнія, организма человѣка и его отдѣльныхъ органовъ, но также и въ области біологическихъ наукъ вообще, совершенствованіе нашихъ техническихъ средствъ и пособій, главнымъ образомъ въ смыслѣ разработки возможно точныхъ и удобныхъ въ практическомъ отношеніи пріемовъ измѣрительнаго изслѣдованія, безспорно должно быть признано одною изъ важныхъ задачъ научнаго человѣковѣдѣнія.

Исторія вопроса о типѣ ископаемыхъ расъ человѣка, анатомическія особенности котораго, какъ оказалось въ новѣйшее время, проливаютъ столь неожиданный свѣтъ на генеалогическую эволюцію нашего рода, служитъ однимъ изъ яркихъ свидѣтельствъ всей мощности и плодотворности истинно разумныхъ методовъ измѣренія. Съ другой стороны, достаточно указать на результаты для соціологіи массовыхъ антропологическихъ изслѣдованій цѣлыхъ народовъ и расъ, какія за послѣднее время нашли свое осуществленіе въ цѣломъ рядѣ европейскихъ государствъ; достаточно упомянуть о возрастающихъ плодахъ бертильонажа и другихъ областей практической жизни, а также о роли антропометрическихъ и кефалометрическихъ задачъ въ психологіи и почти во всѣхъ отрасляхъ клинической медицины и патологіи, чтобы освѣтить все научно-практическое значеніе измѣрительныхъ способовъ біологическаго изученія и того арсенала техническихъ приспособленій, отъ устройства и точности которыхъ существенно зависятъ исходъ и успѣхи этихъ измѣреній.

Въ нижеслѣдующемъ очеркѣ, назначенномъ для ознакомленія, въ главныхъ и общихъ чертахъ, съ важнѣйшими средствами практическаго

---

[1]) Изъ курса „Общей антропологіи“, прочитаннаго авторомъ въ 190³/₄ г. на медицинскомъ факультетѣ Юрьевскаго университета.

исполненія антропологическихъ изысканій, я остановлюсь на небольшомъ рядѣ техническихъ нововведеній, улучшеній и усовершенствованій, которыя излагаются и демонстрируются мною моимъ слушателямъ во время лекцій и на практическихъ курсахъ.

При этомъ, однако же, я буду имѣть въ виду прежде всего такіе приборы и пріемы, которые были испытаны мною самимъ, при долговременныхъ, по большей части, опытахъ во время занятій, какъ въ лабораторіи здѣшняго анатомическаго института, такъ и внѣ ея—въ амбулаторіяхъ, въ войсковыхъ частяхъ, на научныхъ экскурсіяхъ, въ различныхъ музеяхъ, и которые, поскольку они оправдались на дѣлѣ, заслуживаютъ быть рекомендованными для примѣненія ихъ въ лабораторіяхъ и во внѣлабораторной обстановкѣ.

Представляя на страницахъ «Русскаго Антропологическаго Журнала» нижеслѣдующее изложеніе, которое, надо замѣтить, отнюдь не имѣетъ въ виду исчерпать собою всю сумму имѣющихся нынѣ въ нашемъ распоряженіи техническихъ методовъ антропологическаго изслѣдованія, а ограничивается требованіями болѣе или менѣе обычной въ данной области науки измѣрительной работы, я надѣюсь этой статьей снять съ себя, хотя бы отчасти, невольную, но давно тяготящую меня вину передъ тѣми моими товарищами, бывшими питомцами нашего университета, которые продолжаютъ обращаться ко мнѣ за указаніями и совѣтами по поводу тѣхъ или иныхъ спеціальныхъ антропологическихъ вопросовъ и которымъ я, къ сожалѣнію, не всегда былъ въ состояніи прійти на помощь такъ, какъ этого требовало дѣло и какъ я самъ того желалъ.

I.

Измѣренія на живомъ человѣкѣ.

Для производства измѣреній на живыхъ, какъ всего тѣла, такъ и его отдѣльныхъ частей (головы, туловища, конечностей, таза) въ томъ видѣ и объемѣ, какъ эти измѣренія указываются программою обычныхъ антропометрическихъ схемъ (напр., разработанной Антропологическимъ Отдѣломъ Общества Любителей Естествознанія), удается достигнуть вполнѣ удовлетворительныхъ, въ практическомъ отношеніи, результатовъ, при посредствѣ слѣдующихъ четырехъ простыхъ приборовъ, разсчитанныхъ прежде всего для условій работы во внѣлабораторной обстановкѣ:

1. *Антропометръ* (по проф. Р. Мартину), служащій главнымъ образомъ для измѣреній большихъ разстояній (величина роста, длина конечностей и пр.) при проекціи ихъ на вертикальную плоскость. Аппаратъ состоитъ (см. рис. 1) изъ четырехъ металлическихъ трубокъ, которыя, будучи соединены вмѣстѣ (при посредствѣ т. наз. штыковой замычки),

образуютъ устойчивую, въ два метра длины, палку, раздѣленную на сантиметры и миллиметры. По гладкой, никелированной поверхности «антропометра» движется цилиндрическая коробка, верхній конецъ которой носитъ горизонтальную, съ заостреннымъ концомъ, передвижную стальную линейку, раздѣленную, въ свою очередь, на миллиметры. Въ коробку прорѣзано окно съ такимъ разсчетомъ, чтобы верхній край вырѣзки точно соотвѣтствовалъ острому концу линейки и указывалъ бы такимъ образомъ, при установленіи этой послѣдней на любую точку поверхности тѣла, высоту данной точки надъ поломъ и вообще надъ тою поверхностью, которая, при данныхъ условіяхъ, служитъ исходнымъ уровнемъ измѣренія.

Антропометръ съ удобствомъ можетъ быть приспособленъ также къ опредѣленію разстояній въ направленіяхъ, перпендикулярныхъ къ длинной оси тѣла (ширины таза, плечъ, длины размаха и пр.). Съ этою цѣлью на верхній его конецъ надѣвается, при посредствѣ особаго кольца, вторая, также раздѣленная на миллиметры, линейка (рис. 1), острый конецъ которой точно совпадаетъ съ началомъ (точкой нуля) второго миллиметроваго дѣленія, имѣющагося на протяженіи верхнихъ двухъ четвертей аппарата. Благодаря такому устройству, антропометръ въ его верхнемъ отдѣлѣ вполнѣ замѣняетъ собою т. наз. скользящій циркуль (glissière, см. ниже), такъ какъ, въ случаѣ надобности, имъ можно воспользоваться также для измѣреній въ области черепа и лица и вообще при опредѣленіи болѣе мелкихъ разстояній.

Разобранный на свои части, антропометръ съ удобствомъ и, благодаря своей прочности, также безъ всякаго риска можетъ быть помѣщенъ въ любой дорожный чемоданъ путешественника.

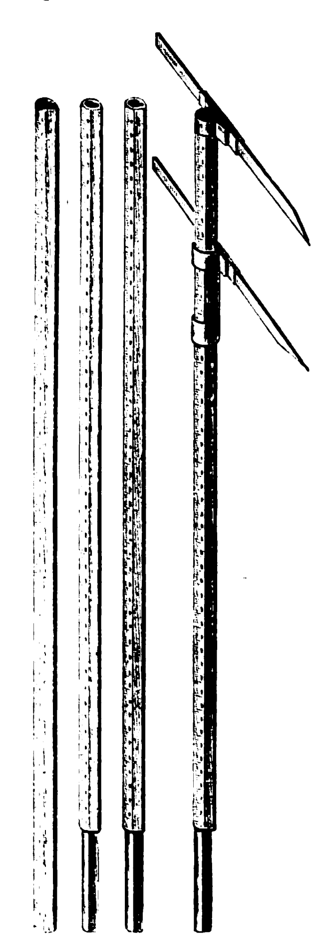

Рис 1. Антропометръ (по проф. R. Martin'у).

2. *Измѣрительная лента* для измѣренія окружностей (груди, конечностей, головы и пр.). Она должна быть сдѣлана изъ никелированной стали, въ 2 метра, съ точнымъ дѣленіемъ на сантиметры и миллиметры. Ленты, изготовленныя изъ другихъ матеріаловъ, напр., изъ клеенки, не пригодны для научныхъ цѣлей и должны быть, по возможности, оставлены.

3. *Толстотный или Боделоковскій циркуль.* Имъ въ антропометріи пользуются главнымъ образомъ при опредѣленіи различныхъ діаметровъ головы и лица. Изготовляется онъ изъ стали, съ закругленными (для измѣренія на живыхъ) или съ заостренными (для краніологическихъ цѣлей) концами. Рис. 2 изображаетъ одинъ изъ современныхъ типовъ толстотнаго циркуля, рекомендованный и пущенный въ обращеніе проф. Martin'омъ. Онъ снабженъ прямолинейною стальною шкалою для непосредственнаго отсчитыванія. Небольшой винтъ, придѣланный справа и снизу, позволяетъ прочно установить вѣтви циркуля, для контроля, въ любомъ положеніи. Шкала, при складыванія циркуля, можетъ быть вынута и помѣщена между обѣими вѣтвями (см. рис. 4).

Размахъ этого циркуля, соотвѣтственно его назначенію, не превышаетъ 30 сантиметровъ, что вполнѣ достаточно, такъ какъ для измѣренія болѣе крупныхъ разстояній (размѣра плечъ, таза и проч.) можно прибѣгать къ помощи антропометра.

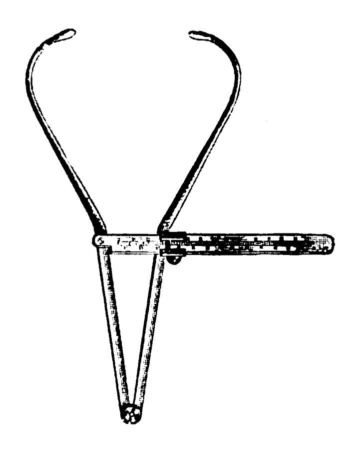

Рис. 2. Толстотный или Боделоковскій циркуль съ прямолинейной шкалой (по проф. R. Martin'у).

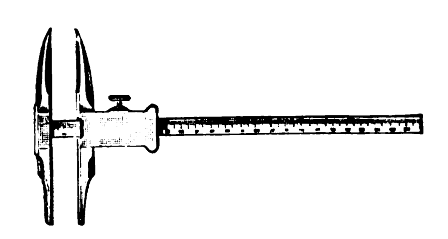

Рис. 3. Скользящій циркуль (по проф. R. Martin'у).

4. *Скользящій циркуль* или *глиссіерка* представляется въ видѣ стальной линейки - масштаба съ двумя вѣтвями, изъ которыхъ одна подвижна, а вторая установлена на нуль. Назначеніе аппарата — измѣреніе разстояній путемъ параллельной вертикальной проекціи ихъ конечныхъ точекъ. Скользящій циркуль R. Martin'a (рис. 3) особенно удобенъ тѣмъ, что къ измѣренію приспособлены *оба* конца вѣтвей циркуля: острый — для скелета, тупой — для поверхности живого тѣла. Съ этою цѣлью линейка снабжена миллиметровымъ дѣленіемъ на *обѣихъ* своихъ поверхностяхъ.

Предназначается этотъ инструментъ для болѣе мелкихъ измѣреній, главнымъ образомъ въ предѣлахъ лица (глазъ, ушная раковина, ротъ и пр.), а также для измѣренія нѣкоторыхъ крупныхъ діаметровъ головы (наибольшая ширина) и вообще для всѣхъ тѣхъ случаевъ, гдѣ употребленіе толстотнаго циркуля сопряжено съ неточностями или неудобствами.

По типу глиссіерки, но въ соединеніи съ транспортиромъ и штативомъ, построенъ изображенный на рис. 8 *гоніометръ*, который также находитъ примѣненіе въ изслѣдованіяхъ надъ живыми, будучи предназначенъ для измѣренія величины различныхъ угловъ (см. ниже).

Въ дорогѣ, на экскурсіяхъ и тому подобныхъ случаяхъ большею частію приходится ограничиваться только вышеописанными инструментами, если, конечно, изслѣдователь не имѣетъ въ виду какихъ-либо особыхъ, спеціальныхъ задачъ, требующихъ и особыхъ инструментовъ. При общемъ антропологическомъ изслѣдованіи больничнаго матеріала въ госпиталяхъ и амбулаторіяхъ, при быстромъ измѣреніи новобранцевъ во время врачебнаго ихъ осмотра и въ другихъ подобныхъ затруднительныхъ условіяхъ врядъ ли часто представится надобность или желаніе прибѣгать еще къ другимъ измѣрительнымъ инструментамъ, помимо перечисленныхъ выше.

По указаніямъ проф. Martin'а, фабрикантъ инструментовъ P. Hermann въ Цюрихѣ [1]) выпускаетъ въ продажу особые *дорожные наборы*, содержащіе въ себѣ всѣ вышеназванные аппараты въ такой упаковкѣ (рис. 4), что ихъ съ большимъ удобствомъ можно брать съ собою также въ дальнія путешествія.

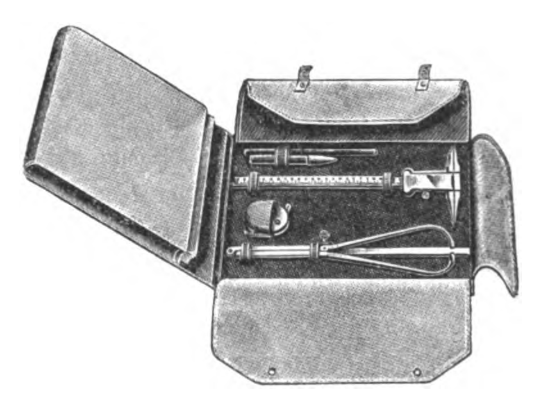

Рис. 4. Дорожный антропометрическій наборъ (по проф. R. Martin'у).

Разсмотрѣнные до сихъ поръ инструменты и приборы сохраняютъ, однако, свое значеніе и въ условіяхъ *лабораторной* работы. Только при измѣреніи длины тѣла и его крупныхъ частей нижній конецъ антропометра прикрѣпляется къ желѣзной массивной подставкѣ, на которую становится подлежащій измѣренію субъектъ и которая гарантируетъ прочное вертикальное положеніе измѣрительнаго стержня. Въ здѣшней (юрьевской) лабораторіи имѣется, кромѣ того, болѣе длинный, въ три слишкомъ метра, деревянный, на желѣзной ножкѣ, приборъ, построенный по тому же принципу, какъ антропометръ (со сплошнымъ миллиметровымъ дѣленіемъ и съ горизонтальными металлическими линейками), и предназначенный мною спеціально для измѣреній въ случаяхъ истиннаго великанскаго (свыше

---

[1]) Указаніе это заимствовано нами изъ „Correspondenzblatt der Deutschen Anthropologischen Gesellschaft", 1903, № 11. Тамъ же отпечатаны рисунки инструментовъ, клише которыхъ проф. R. Martin, по моей просьбѣ, любезно предоставилъ въ распоряженіе типографіи для настоящей статьи.

двухъ метровъ) роста. Въ другихъ же измѣненіяхъ антропометра я до сихъ поръ не встрѣчалъ необходимости. Точно также измѣрительная лента и глиссіерка въ вышеописанномъ ихъ видѣ находятъ успѣшное примѣненіе при всѣхъ измѣрительныхъ операціяхъ, требующихъ большой точности и аккуратности. Единственный изъ перечисленныхъ выше инструментовъ, который, при обычномъ способѣ обращенія съ нимъ, не удовлетворяетъ требованіямъ утонченной техники, это — толстотный циркуль. На особенностяхъ его мы и вынуждены остановиться здѣсь нѣсколько подробнѣе.

Обыкновенный толстотный или Боделоковскій циркуль, обычно употребляемый врачами въ ихъ акушерской практикѣ, представляетъ несомнѣнно большія удобства въ отношеніи извѣстной группы измѣреній, производимыхъ на организмѣ человѣка. Т. наз. стержневой, съ параллельными вѣтвями, циркуль (глиссіерка) въ состояніи замѣнить его лишь въ случаѣ отсутствія въ измѣряемой области выпуклыхъ, закрывающихъ точки измѣренія, поверхностей. При измѣреніи же прямолинейныхъ разстояній внутри полостей (черепа, таза и проч.), а равно и всюду тамъ, гдѣ доступъ къ костному скелету затрудненъ тѣми или иными мягкими частями (кожа, подкожная клѣтчатка, фасціи и пр.), толстотный циркуль является единственно мыслимымъ измѣрительнымъ средствомъ.

Въ отношеніи всего этого врядъ-ли могутъ возникнуть разногласія. Точно также практическое обращеніе съ Боделокомъ и ему подобными инструментами не требуетъ почти никакихъ предосторожностей и понятно всякому. Предполагается, конечно, чтобы суставъ, въ которомъ совершаются движенія вѣтвей циркуля, былъ сдѣланъ аккуратно и въ особенности не страдалъ бы т. наз. мертвымъ ходомъ. Но, установивши головки циркуля на конечные пункты подлежащаго измѣренію разстоянія, мы встрѣчаемся съ главнымъ и единственнымъ существеннымъ затрудненіемъ этой операціи: *какъ опредѣлить съ возможною точностью и выразить въ единицахъ длины размахъ циркуля, разстояніе между концами его вѣтвей?*

Въ этомъ отношеніи, какъ не трудно убѣдиться, мыслимы два случая. Гдѣ дѣло не требуетъ особой точности, гдѣ безъ практическаго ущерба допустимы ошибки въ предѣлахъ половинныхъ или даже цѣлыхъ сантиметровъ, тамъ съ успѣхомъ прибѣгаютъ къ помощи обычныхъ *прямолинейныхъ или полукружныхъ скалъ*, скользящихъ въ особомъ отверстіи правой вѣтви циркуля и непосредственно указывающихъ результатъ измѣренія въ единицахъ длины и даже въ доляхъ такихъ единицъ. Существуютъ еще другія приспособленія, служащія для той же цѣли, а въ новѣйшее время были придуманы для акушерскихъ и судебно-медицинскихъ изслѣдованій циркули съ кругообразными (напр., аппаратъ Toldt'a [1]) или дугообразными шкалами,

[1]) *Toldt.* Ein neuer Messzirkel. „Mittheilungen der Wiener Anthropologischen Gesellschaft“ за 1901-й годъ.

разсчитанными даже на точность въ предѣлахъ одного или нѣсколькихъ миллиметровъ. Въ научной антропометріи этотъ типъ Боделока нынѣ большею частью оставленъ, не столько въ виду его недостаточной точности, сколько по причинѣ неустойчивости главной части циркуля, т.-е. шкалы, которая сравнительно быстро теряетъ свой первоначальный правильный ходъ и дѣлается шаткой. Да и само дѣленіе шкалы всегда является въ изначительно уменьшенномъ масштабѣ, при которомъ доли сантиметра и тѣмъ болѣе миллиметры въ большинствѣ случаевъ не принимаются и не могутъ быть принимаемы во вниманіе. Оказалось значительно выгоднѣе замѣнить шкалы *простыми прямолинейными масштабами* изъ металла или дерева съ точнымъ дѣленіемъ на сантиметры, полсантиметры и миллиметры, какіе имѣются въ каждой анатомической или антропологической лабораторіи.

Всякій, кому часто приходится имѣть дѣло съ краніометрическими и пельвиметрическими измѣреніями, знаетъ цѣну этимъ солиднымъ масштабамъ. Обращеніе съ ними представляетъ лишь то — какъ мы увидимъ, немаловажное — неудобство, что, по наложеніи вѣтвей циркуля на масштабъ, *приходится сначала установить, путемъ визировки, лѣвую головку точно на ноль, а затѣмъ опредѣлить, опять-таки на глазъ, ту точку масштаба, съ которою совпадаетъ правая головка и которая указываетъ конечный результатъ измѣренія*. Подобная, неизбѣжная при этой операціи, двукратная визировка не только крайне кропотлива и затруднительна, но, очевидно, служитъ также источникомъ значительныхъ погрѣшностей. Уже Германъ Велькеръ, со свойственною ему аккуратностью и проникавшею во всѣ детали тщательностью научнаго наблюденія, не могъ не убѣдиться, во время своихъ многочисленныхъ краніологическихъ измѣреній, насколько допущеніе этихъ источниковъ погрѣшностей непримиримо съ достоинствомъ точнаго научнаго метода. Онъ попытался устранить ихъ прикрѣпленіемъ къ лѣвому концу масштаба небольшой пластинки [1]) (Anschlageplättchen) такъ, чтобы правый край ея, стоя у ноля, могъ бы служить опорой головкѣ лѣвой вѣтви циркуля. Это устройство, несомнѣнно‘ должно было значительно облегчить манипуляціи съ Боделокомъ, устраняя очевидный источникъ ошибокъ и являясь такимъ образомъ немаловажнымъ техническимъ усовершенствованіемъ.

Правда, полученіе конечной цифры—результата измѣренія все же требовало внимательной визировки, несмотря на нововведеніе, предложенное Г. Вель-

[1]) „Archiv für Anthropologie“. Bd. I. стр. 97, рис. 36. Чтобы сдѣлать этотъ масштабъ пригоднымъ также для циркулей съ изогнутыми вѣтвями, E. Schmidt приспособилъ къ нему вмѣсто одной пластинки двѣ, такимъ образомъ, чтобы верхняя касалась ноля своимъ правымъ, а нижняя своимъ лѣвымъ краемъ. См. его „Anthropologische Methoden“, 1888, стр. 64, рис. 28.

керомъ. Пластинка Велькера должна была удерживать въ опредѣленномъ положеніи лѣвую вѣтвь циркуля, мѣсто же правой головки на масштабѣ все-таки необходимо опредѣлять на глазъ. При многократномъ повтореніи этой процедуры въ цѣломъ рядѣ слѣдующихъ одно за другимъ измѣреній глазъ, какъ въ томъ мы часто могли убѣждаться, напр., при изслѣдованіи новобранцевъ, сравнительно очень быстро утомляется, при чемъ болѣе или менѣе неточныя отсчитыванія становятся тѣмъ чаще, чѣмъ дольше продолжается процедура измѣреній.

Чтобы устранить всѣ неудобства, сопряженныя съ употребленіемъ толстотнаго циркуля и чтобы безъ труда, но въ то же время съ полною точностью выразить въ единицахъ длины величину размаха его вѣтвей, соотвѣтствующую тому или другому искомому размѣру человѣческаго тѣла, мы приспособили къ обыкновенному миллиметровому масштабу соотвѣтствующій механизмъ, который, отличаясь самъ по себѣ простотою устройства, тѣмъ не менѣе, какъ показалъ многолѣтній опытъ, представляетъ собою существенное улучшеніе практикуемыхъ доселѣ способовъ измѣренія. Основу аппарата[1]), изготовленнаго по моимъ чертежамъ и указаніямъ механикомъ-оптикомъ P. Schulze въ Юрьевѣ, составляетъ металлическій, изъ никелированной мѣди, стержень 17 миллиметровъ ширины и свыше 50 сантиметровъ въ длину, съ точнымъ дѣленіемъ на сантиметры, полсантиметры и миллиметры. Къ лѣвому концу стержня припаяна *пластинка p* (рис. 5), снабженная полулунною вырѣзкою, которая назначена для воспринятія головки лѣвой вѣтви Боделока. Справа отъ этой пластинки по стержню передвигается *скользящая коробка* или *санки h*, съ полулунною вырѣзкою для правой головки Боделока, расположенною какъ разъ на уровнѣ соотвѣтствующей вырѣзки пластинки *p*.

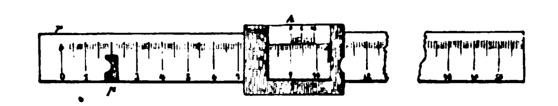

Рис. 5. Вспомогательный аппаратъ для измѣреній толстотнымъ циркулемъ (по автору).

Процедура измѣренія чрезвычайно проста. Установивши головку лѣвой вѣтви плотно въ вырѣзку *p*, достаточно передвинуть санки *h* вправо, пока ихъ вырѣзка не восприметъ правую головку циркуля. Боделокъ теперь

---

[1]) Послужившаго, въ его первоначальной формѣ, предметомъ доклада въ Берлинскомъ Антропологическомъ Обществѣ (ср. „Verhandlungen der Berliner Anthropologischen Gesellschaft", засѣданіе 20-го декабря 1902 г., стр. 463 и слѣд.). Подробное его описаніе и изображеніе рисунками представлены въ „Sitzungs-Berichte der Naturforscher-Gesellschaft bei der Universität Jurjeff-Dorpat", Bd. XIII, Heft 1, стр. 115—122. Отзывъ объ этомъ приборѣ далъ проф. E. Schmidt въ „Jahresberichte über die Fortschritte der Anatomie und Entwicklungsgeschichte" из проф. G. Schwalbe, N. F. Bd. VIII, Abth. III, стр. 764—765.

можетъ быть снятъ съ аппарата [1]): *стрѣлка*, имѣющаяся въ отверстіи коробки, *непосредственно показываетъ результатъ измѣренія*. Окно, прорѣзанное въ стѣнкѣ коробки, имѣетъ особое назначеніе. Его наличность дѣлаетъ всякую визировку и работу на глазъ совершенно излишней, чего бы не было, напр., въ случаѣ положенія конечной точки (или стрѣлки) у края коробки, на мѣстѣ вырѣзки для правой головки циркуля. Такому перемѣщенію стрѣлки влѣво отъ вырѣзки коробки, какъ видно изъ прилагаемаго рисунка, точно соотвѣтствуетъ расположеніе (относительно шкалы масштаба) начальной точки измѣренія или пластинки *p*.

Относительно прочихъ особенностей этого простого устройства мы можемъ ограничиться немногими краткими замѣчаніями. Форма вырѣзокъ, одинаковая съ обѣихъ сторонъ, гарантируетъ прочное положеніе головокъ циркуля. При этомъ концы вѣтвей всегда ложатся одинаковымъ образомъ въ отношеніи точки нуля масштаба, чего нѣтъ при гладкой, безъ вырѣзки, пластинкѣ, предложенной Велькеромъ, которая къ тому же допускаетъ перемѣщенія и соскальзыванія головки. Далѣе, на нашемъ масштабѣ головки обѣихъ вѣтвей устанавливаются точно въ одной и той же плоскости, чѣмъ устраняется неизбѣжное при другихъ условіяхъ косое направленіе головокъ Боделока въ отношеніи къ масштабу и исключаются зависящія отъ этого погрѣшности.

Наличность санокъ дѣлаетъ совершенно излишнимъ столь неудобно прижиманіе къ масштабу циркуля до конца процедуры отсчитыванія. Та-же коробка (санки) механическимъ путемъ устанавливаетъ на мѣсто головку правой вѣтви, устраняя, кромѣ того, благодаря устройству въ ней окна и указанному перемѣщенію стрѣлки, всѣ тѣ неудобства и погрѣшности, которыя неминуемо связаны съ визировкою на глазъ.

Всѣ эти условія, какъ мнѣ кажется, вполнѣ оправдываютъ собою данное устройство [2]). Но слѣдуетъ упомянуть еще о другомъ обстоятельствѣ. Дѣло въ томъ, что въ томъ видѣ, въ какомъ предлагаемый аппаратъ изображенъ на рис. 5, онъ можетъ служить также для *болѣе тонкихъ, чѣмъ на миллиметры, измѣреній*, нерѣдко производимыхъ въ антропологическихъ лабораторіяхъ. Съ этою цѣлью аппаратъ устроенъ такъ, чтобы стрѣлка въ окнѣ коробки, указывающая конечную цифру измѣренія, представлялась *одновременно въ качествѣ точки нуля приспособленнаго тамъ же ноніуса*. Благодаря этому, является возможнымъ отсчитывать, съ одной

[1]) Во время записыванія ассистентомъ найденной цифры освободившійся циркуль можетъ служить для новаго измѣренія. Наличность двухъ Боделоковъ значительно облегчаетъ работу, что весьма желательно, особенно въ затруднительныхъ условіяхъ, какъ въ томъ я убѣдился, напр., при измѣреніи новобранцевъ.

[2]) Чтобы масштабъ былъ пригоденъ также для измѣреній обыкновеннымъ рисовальнымъ циркулемъ, точка нуля шкалы снабжена соотвѣтствующимъ надрѣзомъ *r* (рис. 5).

стороны, цѣлые миллиметры, что для обычныхъ антропометрическихъ изслѣдованій вполнѣ достаточно, съ другой—принимать во вниманіе, въ особыхъ случаяхъ, также десятыя доли миллиметра, руководясь указаніями ноніуса, вырѣзаннаго по верхнему скошенному краю скользящей коробки.

Все въ этомъ отношеніи зависитъ отъ особенностей преслѣдуемой цѣли. Въ остеологіи вообще, а также при измѣреніяхъ черепа, въ большинствѣ случаевъ позволительно ограничиваться цѣлыми миллиметрами. Впрочемъ, нѣкоторые краніологи, въ томъ числѣ покойный R. Virchow, въ извѣстныхъ случаяхъ принимали во вниманіе еще доли миллиметра. Это можно считать за излишнюю тонкость, но слѣдуетъ имѣть въ виду, что, изслѣдуя особо важные объекты, умѣстно соблюдать и особыя мѣры предосторожности. Объ утрировкѣ, въ смыслѣ излишней точности, во всякомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи при тѣхъ изслѣдованіяхъ Г. Велькера, которыя касаются гигроскопіи костной ткани [1]) и которыя показали, что при процессѣ высыханія мацерированнаго черепа и его отдѣльныхъ частей десятыя и еще меньшія доли миллиметра играютъ весьма существенную роль. Не думаемъ, однако, что способъ опредѣленія этихъ мелкихъ величинъ по простому глазомѣру могъ облегчить почтенному ученому его и безъ того нелегкую и кропотливую задачу.

II.

Измѣренія длинныхъ трубчатыхъ костей.

Помимо прямого опредѣленія длины конечностей и ихъ составныхъ частей, въ новѣйшее время получило особое значеніе въ антропологіи измѣреніе *угловъ суставныхъ осей*, а также изображеніе *формы поперечныхъ разрѣзовъ* длинныхъ трубчатыхъ костей, главнымъ образомъ бедра и большой берцовой кости. Для этихъ цѣлей, преслѣдуемыхъ прежде всего въ лабораторіяхъ, существуютъ нѣкоторыя спеціальныя приспособленія, а именно:

1. *Параллелографъ* по Р. Мартину (рис. 6). Подлежащая измѣренію трубчатая кость устанавливается вертикально въ обыкновенный химическій штативъ. Собственно измѣрительный приборъ состоитъ изъ двухъ параллельныхъ, плотно соединенныхъ между собою, вертикальныхъ металлическихъ стержней (S_2 и S_1) съ двумя подвижными горизонтальными иглами (N_2 и N_1), расположенными такимъ образомъ, чтобы остріе верхней иглы, будучи приведено въ соприкосновеніе съ поверхностью кости, стояло какъ разъ надъ центромъ карандаша P, соединеннаго подъ прямымъ угломъ съ

[1]) *Hermann Welcker.* Die Zugehörigkeit eines Unterkiefers zu einem bestimmten Schädel nebst Untersuchungen über sehr auffällige, durch Auftrocknung und Wiederanfeuchtung bedingte Grössen-und Formveränderungen des Knochens. „Archiv für Anthropologie“, 1900, Bd. XXVII, стр. 37 и слѣд.

нижнею иглою N^2. Обводя аппаратомъ оси суставныхъ концовъ (которыя предварительно могутъ быть намѣчены стальною проволокою), нетрудно на подложенномъ листѣ бумаги получить пунктиромъ изображеніе всѣхъ движеній верхней иглы въ видѣ угла, выражающаго собою направленіе линій суставныхъ осей данной кости. Слѣдуетъ лишь обращать вниманіе на то, чтобы иглы при ихъ движеніяхъ плотно соприкасались съ вертикальными стержнями. Величина получающагося на бумагѣ угла можетъ быть измѣрена при помощи обыкновеннаго транспортира. Само собою разумѣется, что тотъ же параллелографъ на практикѣ находитъ еще рядъ другихъ примѣненій, служа для изображенія контуровъ всевозможныхъ частей скелета, напр. черепа (при установкѣ его въ краніофорѣ, см. ниже, рис. 7) и замѣняя собою, такимъ образомъ, столь сложные и дорого стоющіе приборы, какъ діаграфъ Lissauer'а и прочія краніографическія приспособленія.

2. Съ цѣлью спеціальнаго *измѣренія поперечныхъ разрѣзовъ трубчатыхъ костей* на различныхъ ихъ уровняхъ въ настоящее время мы имѣемъ устроенный въ Мюнхенскомъ антропологическомъ институтѣ аппаратъ Michel'я, дающій возможность изобразить и подвергнуть измѣренію всѣ отдѣльные поперечные разрѣзы длинныхъ частей скелета, *не разрѣзая въ дѣйствительности самой кости*. Это послѣднее обстоятельство дѣлаетъ данный аппаратъ особенно цѣннымъ въ отношеніи рѣдкихъ музейскихъ препаратовъ или такихъ, особенно ископаемыхъ, костей, которыя по своей хрупкости и рыхлости не допускаютъ распиливанія на послѣдовательный рядъ параллельныхъ сегментовъ.

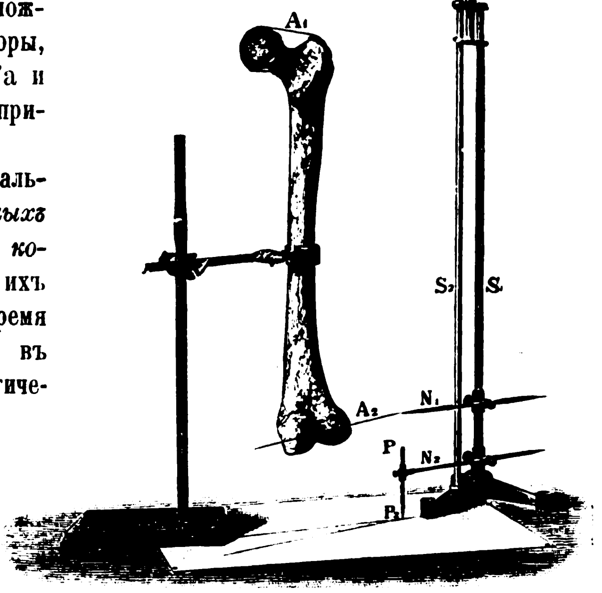

Рис. 6. Параллелографъ проф. R. Martin'а.

«*Остеографъ*» Michel'я основанъ на извѣстномъ принципѣ обыкновеннаго пантографа, употребляемаго, между прочимъ, для увеличенія и уменьшенія рисунковъ. Карандашъ, прикрѣпленный къ одному концу аппарата, повторяя всѣ движенія обводимаго кругомъ кости острія пантографа, наноситъ на бумагу форму изслѣдуемаго поперечнаго разрѣза, который за-

тѣмъ можетъ быть съ удобствомъ измѣренъ путемъ обыкновенныхъ способовъ.

Во время всей процедуры срисовыванія поперечныхъ разрѣзовъ сама кость удерживается въ желаемомъ вертикальномъ положеніи при посредствѣ особо приспособленнаго для данной цѣли металлическаго штатива. Устройство этого прибора [1]) настолько просто и разумно по его идеѣ, обращеніе съ нимъ въ то же время настолько легко и надежно, что введеніе его въ инвентарь антропологическихъ лабораторій обозначаетъ собою серьезное обогащеніе нашихъ техническихъ способовъ изслѣдованія человѣческаго организма [2]).

III.

Измѣренія въ области черепа и головы.

Программа обычныхъ кефалометрическихъ операцій, производимыхъ на живомъ человѣкѣ, выполняется, главнымъ образомъ, при помощи тѣхъ-же инструментовъ и приспособленій (глиссіерка, толстотный циркуль, лента и пр.), которые служатъ и при производствѣ измѣреній въ области туловища и конечностей. При нѣкоторыхъ особыхъ измѣреніяхъ, напр., при опредѣленіи длины вертикальной проекціи головы, т. наз. ушной высоты черепа и пр. приходится, кромѣ того, прибѣгать еще къ посредству антропометра (рис. 1).

Изъ числа кефалометрическихъ операцій, которыя были предложены лишь въ новѣйшее время и потому еще не успѣли завоевать себѣ права полнаго гражданства въ программахъ, заслуживаетъ вниманія *опредѣленіе размѣровъ глазной щели*, которые, какъ извѣстно, подвержены весьма значительнымъ колебаніямъ какъ у различныхъ индивидовъ, такъ и въ зависимости отъ расы, климата и другихъ условій. А. А. Ивановскій предлагаетъ для этой цѣли употребленіе обыкновенныхъ очковъ съ простыми бѣлыми стеклами, на которыхъ легко отмѣтить перомъ длину и ширину глазной щели съ послѣдовательнымъ измѣреніемъ отмѣченныхъ такимъ путемъ разстояній [3]). Такъ какъ, однако, манипуляціи съ перомъ около

[1]) Подробное описаніе и изображеніе рисунками остеографа Michel'я можно найти въ изслѣдованіи изобрѣтателя: Eine neue Methode zur Untersuchung langer Knochen und ihre Anwendung auf das Femur. „Archiv für Anthropologie“, N. F., Bd. I, вып. 2, также отдѣльнымъ изданіемъ, съ 6 табл. и 7 рис. въ текстѣ. Braunschweig, 1903.

[2]) Къ числу приборовъ для измѣреній въ области конечностей можетъ быть отнесенъ, между прочимъ, особый инструментъ, послужившій проф. *П. А. Минакову* при *измѣреніяхъ ногтей* человѣческой руки. Описаніе и изображеніе его можно найти на 31 стр. 2-й книжки „Русскаго Антропологическаго Журнала“ за 1900 г.

[3]) *А. А. Ивановскій.* Къ вопросу о различіяхъ формъ глазной щели. „Труды Антроп. Отд.“, т. XIX, стр. 221.

глаза измѣряемаго субъекта всегда вызываютъ болѣе или менѣе сильныя рефлекторныя движенія со стороны вѣкъ, то я предпочитаю производить эти измѣренія при помощи спеціальнаго измѣрительнаго аппарата, имѣющаго форму очковъ съ нанесеннымъ (надрѣзаннымъ) прямо на стекла, и притомъ какъ въ вертикальномъ, такъ и въ горизонтальномъ направленіи, миллиметровымъ *масштабомъ*; это небольшое осложненіе, позволяющее отсчитывать изслѣдуемые размѣры глаза непосредственно со шкалы прибора, служитъ значительнымъ облегченіемъ данной задачи, гарантируя въ то-же время надлежащую точность результатовъ.

Болѣе спеціальную цѣль преслѣдуетъ также небольшой аппаратъ, устроенный Г. И. Вильга для *измѣренія зубовъ* во всѣхъ трехъ направленіяхъ [1]). Къ сожалѣнію, мы еще не имѣли случая испытать на практикѣ этотъ практичный и, повидимому, недурно придуманный инструментъ.

Обращаясь къ инструментаріуму, предназначенному спеціально для краніологическихъ цѣлей, главнымъ образомъ для изслѣдованія мертвыхъ, скелетированныхъ матеріаловъ, и обогатившемуся за послѣднее время цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе существенныхъ усовершенствованій, мы вынуждены ограничиться указаніемъ лишь на важнѣйшія и наиболѣе цѣнныя въ практическомъ отношеніи приспособленія, съ которыми приходится имѣть дѣло при обычныхъ краніометрическихъ операціяхъ.

1. *Краніофоръ.* Число приспособленій, служащихъ для прочной установки череповъ съ цѣлью производства измѣрительныхъ надъ ними операцій, весьма значительно. Наиболѣе просты по своему устройству, но въ то же время и наиболѣе пригодны для практическихъ цѣлей черепные штативы Waldeyer'а и Martin'а.

Изъ нихъ первый [2]) особенно выгоденъ въ томъ отношеніи, что, захватывая черепъ со стороны большого затылочнаго отверстія, онъ допускаетъ всевозможныя, по любому направленію, перемѣщенія черепа и измѣреніе его, какъ со всѣхъ шести сторонъ, такъ и въ любой краніоскопической горизонтали. Отличается онъ также своею дешевизною ($2^1/_2$ германскихъ марки).

Весьма практиченъ, главнымъ образомъ для демонстративныхъ цѣлей, также *краніофоръ* проф. R. Martin'а [2]), особенности котораго легко усмотрѣть изъ прилагаемаго рис. 7. Онъ также выгодно отличается своею простотою отъ бывшихъ до сихъ поръ въ употребленіи аппаратовъ этого

---

[1]) *Г. И. Вилга.* Зубы въ антропологическомъ отношеніи. „Рус. Антроп. Журн“., 1903, № 2, стр. 49, рис. 10.

[2]) *W. Waldeyer.* Schädelstativ. „Verhandlungen d. Berliner Gesellsch. f. Anthropologie, Ethnologie u. Urgeschichte“ за 1901 г., стр. 267.

[3]) „Correspondenzblatt d. Deutschen Anthropolog. Gesellsch.“ за 1899 г. стр. 131, а также за 1903 г., № 11.

рода. Въ музеяхъ и лабораторіяхъ полезно имѣть въ своемъ распоряженіи нѣсколько штативовъ того или иного типа ихъ устройства.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ краніофоръ выгодно замѣнить т. наз. *штативомъ со щипцами* (Zangenstativ по R. Martin'y), который даетъ возможность, по мѣрѣ надобности, опускать и поднимать уровень черепа, установленнаго къ опредѣленной краніометрической горизонтали (рис. 8, слѣва). Еще въ другихъ случаяхъ въ качествѣ штатива для установки череповъ служитъ краніофоръ, образующій особую составную часть рисовальнаго аппарата или діоптрографа (рис. 9), о которомъ будетъ рѣчь впереди [1]).

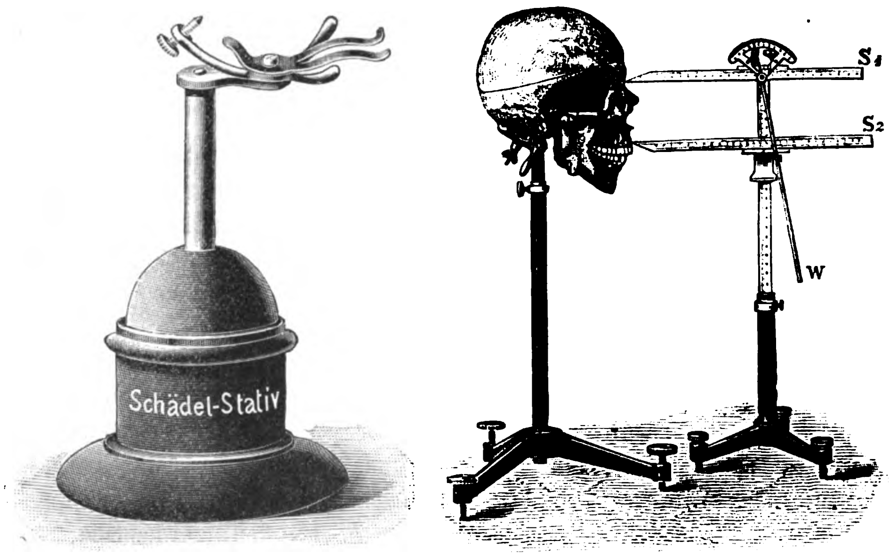

Рис. 7. Демонстраціонный краніофоръ (по проф. R. Martin'y).

Рис. 8. Гоніометръ (по проф. Martin'y).

2. *Гоніометръ* R. Martin'a предназначенъ для измѣренія величины угловъ, какъ на скелетированныхъ черепахъ, такъ и на головѣ живыхъ людей (рис. 8). Главною составною частью этого аппарата, основу котораго образуетъ обыкновенная глиссіерка (ср. рис. 3) съ ввинченнымъ въ массивный штативъ вертикальнымъ стержнемъ и двумя подвижными въ горизонтальномъ направленіи остроконечными линейками S^1 и S^2, является *шкала* со стрѣлкою W, приспособленная къ верхнему концу гоніометра.

---

[1]) Въ каждой сколько-нибудь обставленной антропологической лабораторіи можно найти особые стулья или табуреты, снабженные прочнымъ выдвижнымъ штативомъ (обыкновенно металлическимъ, съ дугообразнымъ „кефалофоромъ"), дающимъ надлежащую опору головѣ изслѣдуемаго субъекта во время производства надъ ней измѣреній. Устроены эти стулья большею частію совершенно по образцу тѣхъ, которыми пользуются фотографы при снимкѣ портретовъ.

Стрѣлка *IV* непосредственно указываетъ на шкалѣ всѣ углы, образуемые, съ одной стороны, линіею соединенія приведенныхъ въ соприкосновеніе съ соотвѣтствующими точками черепа или головы заостренныхъ концовъ линеекъ, съ другой — горизонтальною или вертикальною плоскостью. Этимъ путемъ легко удается измѣрить величину затылочнаго угла, угла профиля лица, т. наз. лобнаго угла, степень отступанія назадъ или выступанія впередъ профиля нижней челюсти и пр. Черепа, въ случаѣ производства подобнаго рода измѣреній, устанавливаются неподвижно при помощи обыкновеннаго краніофора или же, какъ это показываетъ рис. 8, имъ дается опредѣленное положеніе и желаемое направленіе при посредствѣ простого штатива-щипцовъ. До приведенія гоніометра въ дѣйствіе необходимо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предварительно провѣрить направленіе вертикальнаго стержня, что не трудно сдѣлать при содѣйствіи двухъ ватерпасовъ, поставленныхъ между собою подъ прямымъ угломъ [1]).

Говоря объ измѣреніяхъ черепа, мы не можемъ не коснуться, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, методики исполненія особой, но крайне существенной измѣрительной надъ нимъ операціи, именно опредѣленія

3. *Внутричерепной емкости.* Изслѣдованіе этого размѣра требуетъ со стороны наблюдателя нѣкоторой спеціальной подготовки и соблюденія извѣстныхъ особыхъ предосторожностей.

Измѣреніе вмѣстимости или кубажъ полости черепа составляетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ наиболѣе важныхъ операцій, которымъ обычно подвергается черепъ при его изученіи съ антропологической точки зрѣнія [2]). Результатъ кубажа позволяетъ сдѣлать не только опредѣленныя заключенія относительно объема главнѣйшаго содержимаго измѣримой полости, т.-е. головного мозга, но (при посредствѣ особыхъ показателей) даетъ возможность опредѣлить приблизительную величину также и вѣса головного отдѣла нашей центральной нервной системы. Если принять во вниманіе, съ одной стороны, тѣ большія колебанія, которыя обнаруживаетъ количественное развитіе (объемъ, вѣсъ) нашихъ нервныхъ центровъ въ зависимости отъ возраста, пола, племени и прочихъ тому подобныхъ условій и благодаря которымъ только обширные ряды наблюденій могутъ дать достаточно точ-

[1]) Въ числѣ другихъ, придуманныхъ въ новѣйшее время, краніологическихъ приспособленій заслуживаютъ вниманія измѣрительный приборъ Haberer'а (ср. его изслѣдованіе: „Schädel und Skelettheile aus Peking", ч. 1-я) и нѣкоторые усовершенствованные типы *διαγραφα* Lissauer'а. Измѣреніе угловъ на черепѣ можетъ быть производимо также при помощи camera lucida.

[2]) Несмотря на это, въ нѣкоторыхъ краніометрическихъ таблицахъ, опубликованныхъ за послѣднее время, къ сожалѣнію, обойденъ молчаніемъ именно этотъ размѣръ среди прочихъ метрическихъ признаковъ черепа, приведенныхъ полностью.

ные результаты, съ другой — трудность и кропотливость всякаго рода манипуляцій съ нѣжною тканью мозга въ противоположность сравнительной простотѣ обращенія съ костнымъ черепомъ и сравнительно легкой его доступности, то станетъ еще болѣе очевиднымъ научное значеніе данныхъ, обнаруживаемыхъ при посредствѣ кубажа черепной полости.

Само собою разумѣется, что цифры, получаемыя нами путемъ кубажа, могутъ имѣть серьезное значеніе въ только-что указанномъ направленіи всегда лишь при условіи крайней ихъ точности. Въ свою очередь степень точности результатовъ кубажа всецѣло зависитъ отъ точности примѣняемаго метода. Какъ факторы, оказывающіе большое вліяніе на результатъ кубажа, должны быть принимаемы въ разсчетъ: 1) способъ (степень плотности) наполненія черепной полости матеріаломъ, служащимъ для кубажа; 2) способъ послѣдующаго опредѣленія его объема и 3) ближайшія свойства самого измѣрительнаго матеріала. Первые два изъ только-что указанныхъ факторовъ послужили основаніемъ для разработки спеціальной и сложной техники, Несторомъ которой является знаменитый Broca, и также къ накопленію, съ теченіемъ времени, обширной литературы по отдѣльнымъ вопросамъ этой техники [1]). Каждая изъ господствующихъ антропологическихъ школъ (французская, нѣсколько нѣмецкихъ, русская) имѣетъ свою спеціальную технику, особенно же большою распространенностью пользовались и отчасти пользуются еще и теперь техническіе пріемы французской антропологической школы.

Не входя въ ближайшее расмотрѣніе этихъ особыхъ техническихъ пріемовъ, направленныхъ, главнымъ образомъ, къ устраненію первыхъ двухъ изъ вышеуказанныхъ источниковъ ошибокъ наблюденія, мы остановимся здѣсь вкратцѣ на третьемъ факторѣ, касающемся, какъ мы видѣли, физическихъ свойствъ самого матеріала, вводимаго въ черепную полость съ цѣлью опредѣленія ея кубической вмѣстимости.

Упомянутый нами извѣстный французскій антропологъ P. Broca впервые обратилъ вниманіе естествоиспытателей на тѣ ошибки, которыя неизбѣжны въ случаѣ несоблюденія при кубажѣ черепа особыхъ, совершенно спеціальныхъ мѣръ предосторожности. Со свойственною ему проницательностью ума, онъ раньше другихъ убѣдился, что измѣрительный матеріалъ (дробь и т. п.), будучи вводимъ въ полость черепа, долженъ принимать здѣсь извѣстную постоянную для всѣхъ случаевъ густоту, которая, по его мнѣнію (оказавшемуся впослѣдствіи ошибочнымъ), должна представляться максимальною. Изъ числа прежде практиковавшихся подобныхъ матеріаловъ нѣкоторые, какъ, напр.,

[1]) Ср. по этому поводу тщательныя и детальныя работы H. Welcker'a и E. Schmidt'a, помѣщенныя въ „Archiv für Anthropologie"; въ нихъ можно встрѣтить также всѣ необходимыя указанія относительно развитія этой техники, а равно и разборъ важнѣйшихъ, въ особенности болѣе старыхъ литературныхъ источниковъ, посвященныхъ вопросу о кубажѣ черепа.

пшено, горохъ, перловая крупа и проч., оказались, съ этой точки зрѣнія, совершенно не пригодными, такъ какъ они неспособны противостоять сдавливанію, необходимому при наполненіи ими черепа. Въ виду, главнымъ образомъ, этого послѣдняго обстоятельства Broca и прибѣгъ къ обыкновенной свинцовой дроби, оказывающейся въ достаточной мѣрѣ устойчивою противъ сдавливанія. Степень же густоты или плотности матеріала опредѣлялась имъ при помощи контрольнаго, съ облитерировавшимися швами, черепа, подвергнутаго предварительному измѣренію посредствомъ ртути. Возникшая впервые въ умѣ P. Broca мысль замѣните естественные матеріалы, каковы крупа, чечевица и др., искуственными продуктами (дробь), въ высшей степени характерна для математическаго инстинкта этого по истинѣ геніальнаго изслѣдователя и экспериментатора. Ему, помимо этого, принадлежитъ идея измѣренія полости черепа водою — этимъ наиболѣе естественнымъ и теоретически (наравнѣ съ ртутью и другими жидкостями) даже единственно допустимымъ матеріаломъ для измѣренія емкости полостей вообще и полостей съ неправильными стѣнками въ особенности. Однако, попытка наполнить черепъ водою при посредствѣ растяжимаго каучуковаго баллона окончилась для него неудачею.

Убѣдившись, что кубажъ даетъ вполнѣ точные результаты и въ случаѣ несоблюденія условія максимальной плотности при наполненіи измѣрительнаго матеріала, H. Welcker впослѣдствіи выработалъ методъ измѣренія черепа съ помощію просѣяннаго черезъ сито мелкаго зеленаго гороха 5-миллиметроваго калибра. Обращеніе съ этимъ матеріаломъ, вслѣдствіе его малаго удѣльнаго вѣса, не только не утомляетъ изслѣдователя, но и исключаетъ всякую опасность для тѣхъ мало устойчивыхъ и ломкихъ, вслѣдствіе рыхлости ихъ ткани, череповъ, которые оказались бы неспособными вынести давленіе сколько-нибудь значительнаго количества свинцовой дроби. Впослѣдствіи Szombathy и другіе авторы убѣдились, что и обыкновенный, не просѣянный желтый полевой горохъ, при условіи достаточной его сухости, даетъ не менѣе удовлетворительные результаты, чѣмъ методы, предложенные Welcker'омъ [1]) и Broca.

Тѣмъ не менѣе, въ послѣднее время P. Bartels вновь возвратился къ матеріалу, рекомендованному первоначально H. Welcker'омъ, съ тою, однако, разницей, что емкость черепа опредѣляется имъ не путемъ объемнаго измѣренія, а путемъ взвѣшиванія количества зеленаго мелкаго гороха, достаточнаго для наполненія черепной полости. Несомнѣнно, что введеніемъ взвѣшиванія Bartels имѣлъ въ виду устранить одинъ изъ источниковъ погрѣшностей, вытекающихъ изъ двукратнаго опредѣленія объема измѣрительной массы. «Чтобы узнать емкость какого бы то ни было

---

1) „Archiv für Anthropologie", Bd. XVI.

черепа въ кубическихъ сантиметрахъ»,—аргументируетъ авторъ,—«достаточно помножить на коэффиціентъ 1,173 цифру, указывающую вѣсъ того количества гороха, которое необходимо для наполненія полости черепа; произведеніе обѣихъ цифръ будетъ равно числу кубическихъ сантиметровъ воды, соотвѣтствующему емкости даннаго черепа»[1]). Авторъ при этомъ вовсе упускаетъ изъ виду, что при такомъ непостоянномъ (вслѣдствіе вліянія температуры, сырости и пр.) въ его объемѣ веществѣ, съ которымъ имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ, предложенный имъ коэффиціентъ самъ по себѣ открываетъ цѣлый рядъ новыхъ источниковъ погрѣшностей.

Въ современной антропологической техникѣ находятся въ употребленіи почти всѣ тѣ естественные и искусственные матеріалы, главнѣйшіе изъ которыхъ мы только-что перечислили [2]). Одни изслѣдователи производятъ свои измѣренія посредствомъ свинцовой дроби, другіе — съ зеленымъ или полевымъ горохомъ, третьи отдаютъ предпочтеніе пшену или чечевицѣ. Въ интересахъ полноты замѣтимъ еще, что однимъ изъ новѣйшихъ авторовъ рекомендуется для данной цѣли особый искусственный продуктъ, не лишенный, повидимому, извѣстныхъ выгодныхъ сторонъ, это—обыкновенный б и с е р ъ въ видѣ довольно крупныхъ, 5—6 миллиметровъ въ діаметрѣ, стеклянныхъ шариковъ сравнительно небольшого удѣльнаго вѣса [3]). Въ анатомическомъ институтѣ Амстердамскаго университета практикуется въ настоящее время особый, разсчитанный, повидимому, на абсолютную точность измѣреній, способъ черепного кубажа. Каждый, подлежащій этой операціи, черепъ сначала вскрывается обычнымъ горизонтальнымъ разрѣзомъ, отдѣляющимъ черепной сводъ. Затѣмъ всѣ крупныя и мелкія отверстія на основаніи, входъ въ глазницу, устье внутренняго слухового прохода, а также и вдавленія пахіоновыхъ грануляцій и пр. закрываются и заполняются пчелинымъ воскомъ. Оставляется открытымъ лишь затылочное отверстіе. Далѣе, вся внутренняя поверхность черепа, чтобы сдѣлать ее непроницаемой для воды, смазывается горячимъ растворомъ воска въ скипидарѣ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы жидкость, остывъ, оставила на кости тонкій слой твердаго воска, долженствующій облекать равномѣрно всѣ стѣнки черепной полости. Наконецъ, при помощи того же матеріала, тщательно соединяются между собою раздѣленныя распиломъ верхняя и нижняя части черепа. Кубажъ произво-

---

[1]) *P. Bartels.* Ueber eine neue Methode der Capacitätsbestimmung Schädels. „Zeitschrift f. Ethnologie", Sitzung April 1896. „Verhandl.", стр. 256—262.

[2]) Сопоставленіе и критическій обзоръ большинства практикуемыхъ нынѣ способовъ кубажа черепа можно найти въ статьѣ *A. Bocheneck'a*: Kritisches über die neuen Capacitäsbestimmungsmethoden. „Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie", Bd. II, H. 1, стр. 158. 1899.

[3]) *A. v. Török.* Ueber ein neues Verfahren bei Schädelcapacitätsbestimmungen, sowie über eine methodische Untersuchung der Fehler bei Volums-und Gewichtsbestimmungen des Füllmaterials. „Virchow's Archiv", Bd. 159, стр. 248 и 367, за 1899 г.

дится съ помощью воды, которая вводится въ foramen occipitale magnum въ достаточномъ для наполненія полости количествѣ, измѣряемомъ затѣмъ при посредствѣ градированнаго цилиндра [1]). Крупныя неудобства, которыя можно поставить въ укоръ этому методу въ видѣ его кропотливости, необходимости нарушенія цѣлости череповъ и т. п., имѣютъ, конечно, лишь практическое значеніе, не представляя серьезныхъ затрудненій въ смыслѣ научной методики. Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ случаяхъ, напр., при изслѣдованіи ломкихъ череповъ, не допускающихъ распиливанія уже вслѣдствіе рыхлости ихъ стѣнокъ, данный способъ, очевидно, не можетъ найти своего осуществленія.

Матеріаломъ для наполненія полости черепа при кубажѣ служитъ намъ особаго рода вещество, на большія преимущества котораго мы указали еще въ 1896 г. въ одной изъ нашихъ работъ [2]). Оно извѣстно въ продажѣ подъ названіемъ «саго». Этотъ матеріалъ изготовляется на нѣкоторыхъ спеціальныхъ русскихъ заводахъ искусственнымъ путемъ изъ обыкновеннаго картофельнаго крахмала и состоитъ изъ довольно равномѣрной величины (не болѣе 2 mm. въ діаметрѣ) и правильной формы чрезвычайно гладкихъ и твердыхъ зеренъ, имѣющихъ съ настоящимъ ост-индскимъ «саго», помимо нѣкотораго сходства формы, лишь то общее, что они при кипяченіи въ водѣ сильно набухаютъ, становясь при этомъ прозрачными. Отличаясь значительною плотностью, саговыя зерна не хрупки, очень мало гигроскопичны и при треніи другъ о друга не даютъ пыли. Размѣръ саговыхъ зеренъ, употребляемыхъ нами для цѣли кубажа, достигаетъ 2 mm въ діаметрѣ, соотвѣтствуя, такимъ образомъ, калибру того сорта свинцовой дроби, который Broca признавалъ наиболѣе удобнымъ для краніологическихъ измѣреній.

Подъ названіемъ «саго» или «жемчужнаго настоящаго ост-индскаго саго» подразумѣваютъ вещество, добываемое изъ содержащей крахмалъ сердцевины высокихъ перистыхъ варьянтовъ саговой пальмы, чаще всего

---

[1]) *Louis Bolk.* Kraniologische Untersuchung holländischer Schädel. Zugleich ein Beitrag zur Kenntniss der Beziehungen zwischen Form und Capacität des Schädels. „Zeitschrift f. Morphologie u. Anthropologie“, Bd. V, H. I, стр. 159.

[2]) Ueber einige Schädel aus älteren Liven,-Letten- und Estengräbern. Vorläufige Mittheilung. „Sitzungsber. d. Gelehrten Estn. Gesellsch.“, 1896. Засѣданіе 6 марта того же года. По поводу изслѣдуемаго вопроса мы на стр. 42 этой статьи высказываемся приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Тамъ, гдѣ измѣреніе кубической вмѣстимости представлялось вообще выполнимымъ, мы производили его при помощи искусственныхъ саговыхъ зеренъ. Въ противоположность дроби этотъ матеріалъ обладаетъ настолько малымъ удѣльнымъ вѣсомъ, что онъ оказывается пригоднымъ для измѣренія даже наиболѣе ломкихъ и неустойчивыхъ череповъ. Саговыя зерна, въ общемъ, имѣютъ равномѣрную округлую форму и величину, особенно если ихъ пропустить черезъ сито. Ихъ калибръ приблизительно соотвѣтствуетъ размѣру обыкновенной мелкой дроби“.

Metroxylon Sago Rottboell, цвѣтущей всего однажды на 15 году своей жизни. Послѣ отмачиванія саговой массы водою, протиранія ея черезъ особыя сита съ опредѣленной величины отверстіями и по просушкѣ на сковородахъ получаются болѣе или менѣе правильной округлой формы «саговыя» зерна, величиною нѣсколько больше просянаго зерна. Въ отличіе отъ ост-индскаго саго т. наз. искусственный или нѣмецкій саго изготовляется (прежде исключительно въ Германіи и во Франціи, нынѣ же и на многихъ русскихъ фабрикахъ) изъ обыкновенной картофельной муки, которую превращаютъ сначала въ тѣсто, пропускаютъ затѣмъ черезъ сита съ отверстіями правильной формы и равномѣрной величины, и, наконецъ, зерна, получаемыя такимъ путемъ, подвергаютъ въ спеціально къ тому приспособленныхъ печахъ просушкѣ при низкой температурѣ.

Зерна остъиндскаго саго, какъ уже было замѣчено, довольно крупны, свыше 3 mm въ діаметрѣ, притомъ довольно неравномѣрной величины и часто неправильной формы. Для научныхъ цѣлей и въ частности въ краніометріи они не примѣнимы.

Главнѣйшія преимущества этого матеріала, обусловливающія его пригодность для краніометрическихъ цѣлей, суть вкратцѣ слѣдующія:

1. Равномѣрная величина и правильная форма зеренъ. Естественно, что чѣмъ равномѣрнѣе измѣрительный матеріалъ, тѣмъ совершеннѣе онъ выполняетъ собою измѣряемую полость, тѣмъ меньше останется свободныхъ промежуточныхъ пространствъ между его отдѣльными зернами, тѣмъ больше онъ приблизится по своимъ физическимъ свойствамъ къ жидкимъ тѣламъ—ртути и водѣ. Естественные продукты, каковы, напр., пшено, горохъ, чечевица и т. п., бывшіе до сихъ поръ въ употребленіи при кубажѣ черепа, никогда не представляютъ подобной равномѣрности формы и величины ихъ отдѣльныхъ частицъ, какая можетъ быть свойственна искусственнымъ произведеніямъ, напр., дроби, саго и пр.

2. Малый удѣльный вѣсъ саговыхъ зеренъ. Для кубажа черепной полости примѣненіе свинцовой дроби, несмотря на всѣ ея высокія достоинства (правильная форма и равномѣрный калибръ), въ высшей степени затруднительно вслѣдствіе большого удѣльнаго вѣса этого матеріала. Полтора литра дроби представляютъ собою значительную тяжесть, особенно дающую себя чувствовать при повторныхъ манипуляціяхъ съ черепами, наполняемыми дробью для цѣлей ихъ кубажа. Но помимо всего этого, тяжесть дроби ставится въ извѣстныхъ случаяхъ опасностью, угрожающею цѣлости черепныхъ стѣнокъ. Мало-мальски неплотные во швахъ черепа, а тѣмъ болѣе хрупкіе черепа изъ археологическихъ раскопокъ не выдерживаютъ кубажа посредствомъ дроби, такъ что прежнимъ изслѣдователямъ приходилось прибѣгать къ предварительному обвязыванію такихъ черепов крѣпкими кожаными ремнями, чтобы предостеречь ихъ отъ неминуемаго въ случаѣ измѣренія дробью разрушенія. Въ отличіе отъ дроби саговыя зерна

имѣютъ весьма незначительный удѣльный вѣсъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ зернистыхъ матеріаловъ саго является единственнымъ, соединяющимъ равномѣрность величины и правильность формы отдѣльныхъ зеренъ съ достаточно низкимъ, въ смыслѣ удобства краніометрическихъ манипуляцій, удѣльнымъ вѣсомъ. Одной объемной единицѣ свинцовой дроби соотвѣтствуютъ по вѣсу $9^1/_2$ объемныхъ единицъ саго, такъ что саговыя зерна почти въ десять разъ легче обыкновенной дроби. Отсюда и удобства ихъ для кубировки. Саго не только позволяетъ изслѣдователю продолжать работу кубажа, не уставая въ продолженіи долгаго времени, но въ то же время является прекраснымъ суррогатомъ дроби въ случаяхъ измѣренія очень ломкихъ и дефектныхъ, съ разошедшимися швами, череповъ. Мы безъ всякихъ особыхъ затрудненій измѣряли при помощи саговыхъ зеренъ древніе черепа, пролежавшіе въ землѣ болѣе 1000 лѣтъ и настолько ломкіе и рыхлые, что объ измѣреніи ихъ дробью не могло быть и рѣчи.

Такимъ образомъ, главнѣйшія два преимущества предлагаемаго измѣрительнаго матеріала состоятъ: въ большой равномѣрности формы и величины его частицъ и въ значительной его легкости по сравненію съ свинцовою дробью. Отъ бисера, предложеннаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ директоромъ Будапештскаго антропологическаго института проф. A. v. Török'омъ, нашъ измѣрительный матеріалъ весьма выгодно отличается опять-таки своимъ малымъ удѣльнымъ вѣсомъ, а также меньшимъ калибромъ зеренъ: бисеръ, примѣняемый этимъ авторомъ, имѣетъ 5—6 mm въ діаметрѣ (дробь и саго 2 mm); литръ его вѣситъ $1^1/_2$ килограмма; онъ въ $4_{,33}$ раза легче дроби и въ $1_{,74}$ раза тяжелѣе гороха. Саго же не только въ $9^1/_2$ разъ легче дроби, но и болѣе чѣмъ въ 2 раза легче бисера.

Многочисленныя измѣренія, сдѣланныя нами съ помощью предлагаемаго вещества, между прочимъ и при изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ теченіе 1895 и 1896 гг., подъ нашимъ непосредственнымъ руководствомъ, докторомъ Joh. Juergenson'омъ (см. его докторскую диссертацію подъ заглавіемъ: Die Schädel der Domruine zu Jurjew, mit neuen Untersuchungen über den Torus palatinus, Юрьевъ, 1896), убѣдили насъ въ значительной точности тѣхъ результатовъ, которые могутъ быть достигаемы при помощи этого матеріала. Оказалось въ особенности, что, въ случаѣ одинаковости всѣхъ прочихъ условій, дробь и саго даютъ почти тождественныя цифры измѣреній. Для примѣра приводимъ нѣсколько такихъ опытовъ, сдѣланныхъ съ зернами саго на черепахъ различной величины и формы для установленія степени равномѣрности результатовъ кубажа [1]):

---

[1]) Въ нижеслѣдующей таблицѣ имѣются слѣдующія сокращенія: Муж.—мужской, Жен.—женскій, L=длина черепа, B=ширина, H=высота (надъ ухомъ по Virchow'y); HU=величина горизонтальной окружности для общей характеристики величины черепа.

Муж. L 186. B 134. H 117. HU 523.

±5	1500	
	1495	*1397*
	1195	

Жен. L 181. B 134. H 117. HU 507.

±20	1380	
	1380	*1385*
	1400	

Муж. L 185. B 132. H 109. HU 508.

±15	1225	
	1210	*1213*
	1215	

Муж. L 185. B 133. H 112. HU 517.

±0	1360	
	1360	*1360*
	1360	

Муж. L 171. B 126. H 110. HU 489.

±20	1260	
	1240	*1247*
	1240	

Муж. L 187. B 143. H 125. HU 528.

±10	1490	
	1490	*1493*
	1500	

Жен. L 173. B 128. H 99. HU 498.

±5	1290	
	1290	*1292*
	1295	

Муж. L 184. B 137. H 113. HU 519.

±10	1490	
	1490	*1493*
	1500	

Какъ видно изъ этого сопоставленія цифръ, при трехкратномъ повтореніи кубажа каждаго отдѣльнаго черепа почти всегда получалось совпаденіе результатовъ двухъ изъ произведенныхъ измѣреній. Величина максимальнаго колебанія ни разу не превышала 20 куб. сантим. Какъ извѣстно, и дробь не даетъ лучшихъ результатовъ, точность которыхъ всѣми признается вполнѣ достаточною. Надо имѣть въ виду, что даже при непосредственномъ взвѣшиванія мозга колебанія въ 20 или 30 гр. на практикѣ не играють почти никакой роли, такъ какъ подобныя колебанія въ большинствѣ случаевъ объясняются различною степенью наполненія кровеносныхъ и лимфатическихъ сосудовъ мозга, временемъ взвѣшиванія мозга по вынутіи его изъ черепной полости, а также состояніемъ цереброспинальной жидкости въ мозговыхъ полостяхъ. Тѣмъ не менѣе результаты нашихъ взвѣшиваній мозга съ полнымъ правомъ признаются достаточно точными для практическихъ цѣлей. Тоже самое относится и къ емкости черепной полости. «Въ настоящее время»,—писалъ по этому поводу R. Virchow въ одной изъ послѣднихъ статей изъ-подъ его пера [1],—«врядъ ли будетъ неумѣстно указать на то обстоятельство, что вполнѣ безукоризненное, т.-е. математически точное опредѣленіе емкости черепа не можетъ представлять ни малѣйшей практической или теоретической пользы ни для анатома, ни для физіолога

[1] *R. Virchow*, Ueber die Bestimmung der Schädelcapacität. „Virchow's Archiv" 159, стр. 288. 1899 (ср. также его докладъ въ „Zeitschrift f. Ethnologie", 1884. Bd. XVI. „Verhandl. Anthr. Ges.", стр. 290).

или для патолога, ни, наконецъ, для психіатра или для судебной медицины. Вмѣщаетъ ли въ себѣ данный черепъ 2 или 4, или 6 куб. сант. болѣе или менѣе, чѣмъ какой-либо другой черепъ, совершенно безразлично, такъ какъ среди такихъ границъ колеблются ошибки наблюденія. Подобное математически точное измѣреніе могло бы имѣть рѣшающее значеніе развѣ въ какихъ-нибудь особо исключительныхъ опредѣленныхъ случаяхъ, но я долженъ сознаться, что мнѣ такіе случаи неизвѣстны. Вопросъ о черепной емкости представляетъ существенный интересъ лишь при томъ условіи, если уклоненія становятся ясно замѣтными и если они повторяются на извѣстной суммѣ череповъ, въ отношеніи напр. цѣлой расы и т. п.». Кромѣ того, сравнивая данныя нашихъ собственныхъ, сдѣланныхъ при помощи описываемаго метода, измѣреній, о которыхъ было упомянуто выше, съ таковыми же данными другихъ авторовъ, мы могли убѣдиться въ значительно меньшей ошибочности первыхъ по сравненію съ подавляющимъ большинствомъ послѣднихъ. Такъ, напр., опредѣленія P. Broca уклоняются отъ истины на + 62, Schaaffhausen'a на — 47, Weisbach'a на + 54, Barnard Davis'a на + 103, Zuckerkandl'я на + 7 и т. д., причемъ не подлежитъ сомнѣнію, что эти различія между данными тѣхъ и другихъ авторовъ находятся, въ извѣстной степени, въ зависимости отъ природы самого измѣрительнаго матеріала.

Что же касается ближайшаго способа самой манипуляціи кубажа при предлагаемомъ измѣрительномъ матеріалѣ, то онъ мало чѣмъ отличается отъ общепринятыхъ и всѣмъ извѣстныхъ краніометрическихъ пріемовъ, описанія которыхъ можно найти у Broca, Welcker'a, E. Schmidt'a, Joh. v. Ranke, R. Virchow'a и др. Къ числу предосторожностей, соблюдаемыхъ нами при кубажѣ, принадлежитъ безусловное устраненіе всякаго рода умышленнаго давленія на измѣрительную массу при введеніи ея въ полость черепа. Изъ узкаго конца большой, емкостью въ 2 слишкомъ литра, спеціально къ тому приспособленной стеклянной воронки измѣрительный матеріалъ свободно падаетъ черезъ foramen occipitale magnum въ черепную полость, при чемъ лишь въ самомъ началѣ акта кубажа черепъ нѣсколько наклоняютъ впередъ, чтобы способствовать наполненію переднихъ черепныхъ ямъ, а затѣмъ уже черепъ можетъ оставаться въ горизонтальномъ положеніи. Пресловутый «нажиматель» или fuseau, въ свое время игравшій столь видную роль, не находитъ мѣста при кубажѣ посредствомъ саговыхъ зеренъ. Первоначально мы пытались ограничиваться простымъ, безъ дальнѣйшихъ манипуляцій, наполненіемъ черепа саговою массою. Но впослѣдствіи, когда при повѣрочныхъ на crâne étalon'ѣ измѣреніяхъ получаемыя упомянутымъ способомъ цифры оказались ниже истины, мы стали производить краткія, но энергичныя, въ нѣсколько пріемовъ, встряхиванія предварительно наполненнаго черепа; а въ самые послѣдніе моменты кубажа мы обычно слегка ударяемъ 2—3 раза ладонью о боковую стѣнку черепа, чтобы

такимъ путемъ достигнуть болѣе совершеннаго наполненія задней черепной ямы. Съ тѣхъ поръ наши измѣренія, въ смыслѣ точности результатовъ, не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Конечно, вполнѣ наглядное представленіе о степени точности этихъ измѣреній можно составить себѣ только на основаніи контрольныхъ опытовъ при посредствѣ такъ наз. crâne étalon'а извѣстной емкости, опредѣленной разъ навсегда измѣреніемъ его ртутью или водою [1]). Эталоны, употребляемые нами съ указанною цѣлью при нашихъ измѣреніяхъ, соотвѣтствуютъ, съ морфологической точки зрѣнія, черепнымъ типамъ, довольно распространеннымъ въ западныхъ и въ сѣверо-западныхъ областяхъ имперіи. Первый изъ нихъ — эталонъ А — представитель группы мезогипсицефаліи, большой, тяжелый, съ слабо развитыми лобными и теменными буграми и съ широкимъ основаніемъ. Принадлежалъ онъ мужскому, среднихъ лѣтъ, субъекту. Его емкость (=C), при непосредственномъ измѣреніи водою, оказалась равною 1540 к. с. Второй нашъ кранъ-эталонъ — Б — соотвѣтствуетъ мезо-ортоцефалической группѣ; онъ чрезвычайно малыхъ размѣровъ и вѣса, съ сильно выдающимися лобными и теменными буграми и съ ясно выраженными, какъ и на черепѣ А, надбровными дугами, съ умѣренной ширины основаніемъ, съ женскимъ типомъ общей и частной конфигураціи и съ емкостью, равною при опредѣленіи водою 1190 к. с. Производя на этихъ двухъ, столь различныхъ по ихъ формѣ и размѣрамъ (см. ниже) эталонныхъ черепахъ рядъ параллельныхъ опытовъ съ дробью двухмиллиметроваго калибра и съ саговыми зернами вышеописанныхъ свойствъ, мы получили результаты, представляющіеся въ слѣдующемъ видѣ:

Эталонъ А.
Мезогипсицефалія, мужской.
C=*1540*
L=182; B=143; H=125; L:B=$78_{,6}$;
HU=532

Саго			Дробь		
— 0	1540		—20	1520	
—10	1530	*1537*	—20	1520	*1517*
— 0	1540	=—3	—30	1510	—23

Эталонъ А.
Мезоортоцефалія, женскій.
C=*1190*
L=165; B=128; H=106; L:B=$77_{,6}$;
HU=474.

Саго			Дробь		
—10	1180		—10	1180	
—10	1180	*1187*	—10	1180	*1187*
+10	1200	=—3	+10	1200	=—3

[1]) Всѣ наблюдатели согласны въ необходимости провѣрки, отъ времени до времени, метода кубировки на такихъ кранъ-эталонахъ, которые могутъ быть или естественными, но спеціально для данной цѣли приспособленными скелетированными черепами, или же искусственными слѣпками на подобіе тѣхъ, какіе въ настоящее время отливаются изъ бронзы по первоначальнымъ указаніямъ мюнхенскаго антрополога Joh. v. Ranke. Контрольные черепа или кранъ-эталоны,

Настоящіе примѣры позволяютъ убѣдиться, насколько точны результаты измѣренія кранъ-эталоновъ различной формы и величины посредствомъ саговыхъ зеренъ и дроби, если само измѣреніе производится хотя и вполнѣ систематично, по предустановленнымъ правиламъ (см. выше), но съ возможнымъ устраненіемъ всякаго рода излишнихъ манипуляцій, вводящихъ въ опытъ новыя условія и открывающія одновременно съ ними новые источники погрѣшностей. Опытъ показываетъ, что чѣмъ меньше манипуляцій, тѣмъ меньше ошибокъ (H. Welcker). Оставляя въ сторонѣ первыя три измѣренія, давшія, повидимому, чрезмѣрно высокія цифры на эталонѣ А и потому не вошедшія въ нашу таблицу, мы видимъ, что измѣренія саговыми зернами даютъ незначительный минусъ, равный въ среднемъ около 3 к. с. Только въ одномъ случаѣ оказался + въ 10 к. с., но тотъ же + былъ полученъ и съ дробью. Вообще же цифры, получаемыя при томъ и другомъ матеріалѣ, разнятся между собою лишь незначительно, свидѣтельствомъ чему служитъ особенно параллельный опытъ на эталонѣ Б. Почти такіе же результаты отмѣчаетъ и покойный Р. Вирховъ, получивъ при пятикратномъ измѣреніи бронзоваго, по Joh. v. Ranke, кранъ-эталона 3 раза по 1320 к. с. и по разу 1310 и 1312 к. с., т. е. въ среднемъ 1314 к. с., — цифра, почти точно совпадающая съ истинною, такъ какъ тотъ-же бронзовый эталонъ, будучи измѣренъ математически точными методами въ физической лабораторіи Мюнхенскаго университета, оказался имѣющимъ емкость въ 1316,4 к. с. [1]).

При такихъ условіяхъ невольно возникаетъ вопросъ, какое практическое или теоретическое значеніе могутъ имѣть предлагаемые въ новѣйшее время нѣкоторыми авторами сложные спеціальные аппараты для еще болѣе точнаго измѣренія внутричерепной емкости? Какая можетъ быть отъ нихъ практическая польза для науки? На одномъ изъ засѣданій XII-аго международнаго медицинскаго конгресса, имѣвшаго мѣсто въ 1897 г. въ г. Москвѣ, берлинскій профессоръ F. v. Luschan [2]) продемонстрировалъ по-

---

приготовленные по методу, предложенному E. Schmidt'омъ (Archiv für Anthropologie, Bd. XV. Suppl., стр. 62. Ср. того же автора: Anthropologische Methoden. Anleitung zum Beobachten und Sammeln, für Laboratorium und Reise. Leipzig, 1888, стр. 218), вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ точной провѣрки, какъ въ томъ мы могли убѣдиться на основаніи многочисленныхъ опытовъ, сдѣланныхъ во время нашихъ лабораторныхъ занятій со студентами и врачами.

[1]) *R. Virchow.* Ueber die Bestimmung der Schädelcapacität. „Virchow's Archiv", 1899 г., 159, стр. 228.

[2]) *А. А. Ивановскій.* Антропологическая секція XII международнаго медицинскаго конгресса въ Москвѣ 7—14 авг. 1897 г. „Труды Антропол. Отд. Имп. Общ. Люб. Естеств., Антроп. и Этногр.", 1898, XIX. См. также *I. Mies*— Aus den Verhandlungen der anatomisch-anthropologischen Abtheilung des XII internat medic. Congresses in Moskau 19—26 August 1897. „Centralbl. für Anthropol. Ethnol. u. Urgesch.", 1897.

строенный д-ромъ Poll'емъ [1]) измѣрительный аппаратъ, главнѣйшій принципъ котораго состоитъ въ томъ, что въ небольшой каучуковый баллонъ, вводимый черезъ foramen occipitale magnum въ черепную полость, накачивается вода подъ надлежащимъ давленіемъ до тѣхъ поръ, пока растянутая ad maximum стѣнка пузыря не начнетъ выпячиваться въ видѣ прозрачной пленки черезъ различныя мелкія отверстія на основаніи черепа (foramen ovale, foramen lacerum posterius etc). Смыслъ такого аппарата вполнѣ понятенъ; его цѣль — измѣрить полость черепа водою, не закрывая его многочисленныхъ щелей и отверстій. Но уже въ томъ же собраніи антропологовъ Virchow заявилъ, что онъ не чувствуетъ никакой увѣренности въ преимуществахъ «новаго» аппарата, построеннаго д-ромъ Poll'емъ [2]) и провѣреннаго v. Luschan'омъ и Waldeyer'омъ на черепахъ перваго анатомическаго института въ Берлинѣ. Прежніе методы, продолжалъ Virchow, дали ему и Joh. v. Ranke вполнѣ удовлетворительные результаты, такъ что не ощущается никакой особой надобности въ выработкѣ новыхъ способовъ кубажа черепа. Что же касается самихъ измѣреній, произведенныхъ при помощи аппарата Poll'я, то они, по заявленію v. Luschan'а и Waldeyer'а, отличаются довольно высокою степенью точности; ошибки, по опытамъ перваго изъ названныхъ авторовъ, рѣдко превышаютъ 1%. Но, какъ мы видѣли выше, наши собственные опыты съ саговыми зернами дали еще значительно болѣе точныя цифры, при чемъ ошибки наблюденія въ большинствѣ случаевъ далеко не достигли 1%, такъ что и съ точки зрѣнія точности измѣреній аппаратъ Pacha-Poll'я не представляетъ настолько выгодныхъ сторонъ, чтобы его введеніе въ измѣрительно-анатомическую технику могло быть признано насущною потребностью науки. Кубажъ черепа при посредствѣ зернистыхъ матеріаловъ (дроби, саго и пр.) въ обыкновенныхъ условіяхъ вполнѣ способенъ замѣнить собою жидкія измѣрительныя вещества, напр. ртуть и воду, примѣненіе которыхъ, при всѣхъ ихъ теоретическихъ преимуществахъ, связано съ весьма многими и

---

[1]) Ueber einen Apparat zur Bestimmung der Schädelcapacität. „Zeitschr. f. Ethnologie", „Verhandl.", Sitzung 19 December 1896.

[2]) Въ интересахъ возстановленія истины мы вынуждены замѣтить, что идея такого способа кубажа и открытіе самого аппарата принадлежатъ, какъ то можно было бы подумать при незнакомствѣ съ литературою вопроса, не проф. v. Luschan'у или д-ру Poll'ю, а представляютъ собою умственную собственность покойнаго д-ра W i l h e l m F r i e d r i c h P a c h a, ученика и ассистента вѣнскаго психіатра M. Benedikt'а (ср. его трудъ: Kraniometrie und Kephalometrie. Vorlesungen, gehalten in der Wiener allgemeinen Poliklinik von Prof. Dr. Moritz Benedikt. Wien und Leipzig, 1888, стр. 5, гдѣ и изображается на рисункѣ и подробно описывается аппаратъ, придуманный д-ромъ Pacha). Удивительно, что проф. F. v. Luschan ничего не упомянулъ объ этомъ обстоятельствѣ ни въ своемъ докладѣ, ни во время демонстрированія привезеннаго имъ съ этою цѣлью аппарата.

серьезными практическими неудобствами [1]). Опытъ показываетъ, что каждый наблюдатель рано или поздно достигаетъ равномѣрныхъ результатовъ измѣренiй, какого бы основного метода онъ не придерживался. Но для того, чтобы результаты различныхъ авторовъ были между собою сравнимы, необходимо не столько введенiе одного общаго для всѣхъ метода, сколько одинаковое повсюду съ нимъ обращенiе. Введенiе общаго или образцоваго кранъ-эталона не встрѣчаетъ никакихъ принципiальныхъ затрудненiй. Но достижимый этимъ путемъ контроль сохраняетъ свое значанiе только въ отношенiи опредѣленнаго типа формы черепа, именно того его типа, которому соотвѣтствуетъ данный кранъ-эталонъ. Для всѣхъ же прочихъ черепныхъ типовъ эти контрольныя измѣренiя лишены всякаго смысла. Задача, повидимому, въ значительной степени осложняется, благодаря этому послѣднему обстоятельству. Теорiя требуетъ провѣрки данныхъ кубажа, строго говоря, на столькихъ же контрольныхъ черепахъ, сколько существуетъ основныхъ черепныхъ типовъ. На практикѣ, однако же, мы будемъ вынуждены удовлетвориться ограниченнымъ числомъ эталоновъ, соотвѣтственно наиболѣе распространеннымъ или типическимъ варiантамъ формы и размѣровъ человѣческаго черепа.

IV.

Измѣренiе головного мозга.

Всѣ результаты, которые нами добываются путемъ измѣренiй черепа, и, въ частности, верхне-задняго или спинно-мозгового его отдѣла, получаютъ свое окончательное освѣщенiе въ примѣненiи ихъ къ тѣмъ или инымъ особенностямъ единственнаго содержимаго черепной полости — головного мозга. Никѣмъ неоспоримую заслугу Галля [2]) составляетъ не только указанiе, но и доказательство, что внѣшняя форма сводового отдѣла черепа является по существу лишь болѣе или менѣе точнымъ отпечаткомъ или повторенiемъ очертанiй мозговой поверхности. Это морфологическое соотвѣтствiе между формою содержимаго и формою костнаго вмѣстилища и

[1]) Въ рецензiи на одну изъ моихъ прежнихъ работъ, помѣщенной въ «Centralbl. f. Anthrop.“ за 1903 г., стр. 137, анонимный референтъ почему-то находитъ, что я будто бы окончательно отвергаю (verwirft vollständig) методъ Pacha-Poll'я. Этого я, разумѣется, нигдѣ не говорилъ, а доказывалъ лишь, въ согласiи съ личнымъ опытомъ R. Virchow'a и другихъ изслѣдователей, а также на основанiи моихъ собственныхъ по этому предмету опытовъ, что предлагаемый „новый“ способъ никоимъ образомъ не превосходитъ, по степени точности достигаемыхъ имъ результатовъ, другiе существующiе для данной цѣли методы, давно завоевавшiе себѣ право гражданства въ антропологической техникѣ.

[2]) Sur les fonctions du cerveau. Ср. также его изслѣдованiя: Anatomie et physiologie du système nerveux en général et du cerveau en particulier. Paris 1810—1819.

есть тотъ основной анатомическій фактъ, который оправдываетъ, съ научной точки зрѣнія, наши измѣренія на черепѣ, придавая имъ, въ то же время, глубокій философскій смыслъ.

Съ нѣкоторыхъ, не очень давнихъ поръ, однако-же, возникло стремленіе если не окончательно замѣнить, то расширить и провѣрить результаты измѣренія черепа такими данными, которыя представляетъ намъ *непосредственное измѣреніе мозга. Энцефалометрія*, какъ сравнительно новая[1]) отрасль научной антропометріи, нынѣ проходитъ еще лишь начальныя стадіи своего развитія, подвергаясь разработкѣ пока довольно медленно, не только по причинѣ малой доступности необходимыхъ матеріаловъ [2]), а отчасти также вслѣдствіе значительныхъ для обычнаго наблюдателя неудобствъ обращенія съ ними. Я желалъ бы здѣсь указать лишь вообще на значеніе подобныхъ измѣреній и потому ограничусь пока нѣкоторыми краткими замѣчаніями, не вдаваясь ни въ какія

---

[1]) Наши музеи еще и въ настоящее время крайне бѣдны въ отношеніи коллекцій мозговъ различныхъ расъ и народовъ, населяющихъ наше отечество. Выполненію этого пробѣла могли бы, между прочимъ, способствовать и врачи, разсѣянные по окраинамъ Россіи, въ областяхъ распространенія тѣхъ или другихъ инородческихъ племенъ.

[2]) Въ отношеніи степени „новизны“ этого рода наблюденій необходимо, впрочемъ, сдѣлать нѣкоторую оговорку. Обращаясь отъ черепа къ мозгу, изслѣдованіе всецѣло становится опять-таки на основную точку зрѣнія того Галля, которому нѣкоторые, будучи знакомы съ его ученіемъ и съ методикой его изысканій по однимъ лишь слухамъ, все еще продолжаютъ удѣлять нѣчто въ родѣ улыбки сожалѣнія, сами, повидимому, не замѣчая того, какъ всѣ ихъ собственныя „современныя“ представленія о развитіи и распредѣленіи нашихъ мозговыхъ функцій приняли въ послѣднее время, подъ вліяніемъ главнымъ образомъ изысканій Fritsch'a, Hitzig'a, Flechsig'a и другихъ физіологовъ и анатомовъ, рѣшительный оборотъ въ сторону взглядовъ этого по-истинѣ геніальнаго, проникнутаго научнымъ энтузіазмомъ и во всякомъ случаѣ глубоко искренняго и правдиваго изслѣдователя. Если Галль, можетъ-быть, и не дѣлалъ систематическихъ измѣреній въ смыслѣ современной науки и во всеоружіи современной намъ техники (не слѣдуетъ забывать, что главные труды Галля относятся по времени еще къ эпохѣ французской революціи), но онъ всюду, гдѣ только представлялась возможность непосредственнаго анатомическаго контроля, старался провѣрять и провѣрялъ видѣнное имъ на черепѣ также при помощи прямого наблюденія надъ мозгомъ, свидѣтельствомъ чему служатъ многочисленныя изображенія этихъ анатомическихъ наблюденій въ его и съ современной точки зрѣнія превосходномъ атласѣ анатоміи нервной системы. Впрочемъ, Галль дѣлалъ и измѣренія, конечно, гдѣ это казалось ему необходимымъ и насколько это возможно было при научныхъ условіяхъ того времени; но въ противоположность и — скажемъ кстати—въ назиданіе извѣстной школѣ современныхъ намъ изслѣдователей, признающихъ за истину только то, что можетъ быть выражено языкомъ аршина и вершка, Галль придавалъ значеніе и такимъ явленіямъ и морфологическимъ признакамъ, которые не поддавались миллиметровому измѣренію и которые тѣмъ не менѣе улавливалъ его вѣрный, изощренный опытомъ глазъ.

подробности, могущія имѣть интересъ скорѣе всего для изслѣдователей-спеціалистовъ.

1. Съ цѣлью *общаго измѣренія*, осуществимаго при помощи обыкновеннаго краніометрическаго инструментарія, *мозгъ*, по предварительномъ его уплотненіи на мѣстѣ (въ черепной полости, посредствомъ наливанія въ сосуды мозга употребительныхъ для того жидкостей) устанавливается въ особый аппаратъ — *энцефалофоръ*, который былъ устроенъ мною въ 1894 г. (между прочимъ, также для болѣе удобнаго полученія фотографическихъ снимковъ съ мозга). Основу энцефалофора составляетъ вертикальная, на прочной ножкѣ, доска съ гладкою, выкрашенной масляною краскою, поверхностью, снабженная рядомъ длинныхъ, стоящихъ горизонтально, плоскихъ металлическихъ стержней, которые, будучи подвижны въ горизонтальномъ направленіи, допускаютъ въ то же время перемѣщенія на различные уровни вертикальной плоскости. Стержни не только способствуютъ установкѣ мозга въ любой желаемой горизонтали, но удерживаютъ его такъ, чтобы всѣ его поверхности были *одновременно* доступны измѣренію.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ измѣренія должны быть произведены на свѣжихъ мозгахъ, почему-либо подвергавшихся предварительному уплотненію, рекомендуется *подвѣшивать* ихъ въ жидкости, выпуклою поверхностью внизъ, при помощи ленты, прикрѣпленной къ основной артеріи (arteria basilaris [1]).

2. *Энцефалометръ* Д. Н. Зернова служитъ для опредѣленія положенія бороздъ и извилинъ головного мозга по отношенію къ поверхности черепа, а также для измѣренія относительной величины поверхности отдѣльныхъ областей мозга и черепа. Основанъ этотъ приборъ, по существу своему, на принципѣ меридіановъ и параллельныхъ круговъ, примѣняемомъ въ географіи съ цѣлью оріентировки на поверхности земли. Таблицы, cocоставленныя Д. Н. Зерновымъ при помощи энцефалометра, даютъ возможность опредѣлить положеніе любой точки, а также относительные размѣры любыхъ линій и плоскостей на поверхности черепа и мозга. Интересующіеся подробностями найдутъ ихъ въ спеціальныхъ въ данной области изслѣдованіяхъ Д. Н. Зернова, а также въ диссертаціи д-ра Алтухова [2]).

3. *Глубина бороздъ мозговой поверхности* измѣряется нами при помощи небольшого аппарата, состоящаго 1) изъ короткаго, съ миллиметровымъ дѣленіемъ, масштаба 1 миллиметра въ толщину и 3 миллиметровъ

---

[1]) См. по этому поводу указанія, данныя проф. *S. Retzius*'омъ въ его обширномъ трудѣ: Das Menschenhirn. Studien in der makroskopischen Morphologie. Stockholm, 1896.

[2]) *Д. Н. Зерновъ*—Анатомическія основы криминальной теоріи Ломброзо. Актовая рѣчь. Москва, 1896 (издано также, подъ моею редакціей, въ „Biologisches Centralblatt“ 1896, т. XVI, № 8, стр. 305—344), гдѣ можно найти нѣкоторые выводы энцефалометрическихъ таблицъ.

въ ширину, съ слегка закругленными концами, и 2) изъ ⊥-образной (въ разрѣзѣ) надставки, надѣваемой на масштабъ съ такимъ расчетомъ, чтобы ея нижняя, горизонтальная пластинка, по опусканіи масштаба въ глубь борозды, соприкасалась съ поверхностью лежащихъ по обѣ стороны послѣдней извилинъ. Вертикальная часть надставки снабжена стрѣлкою и ноніусомъ для удобнаго и точнаго отсчитыванія результата измѣренія въ цѣлыхъ миллиметрахъ или, по желанію, также въ десятыхъ доляхъ миллиметра. Всѣ части аппарата сдѣланы изъ слоновой кости [1]).

Чтобы сдѣлать изслѣдуемую борозду мозга вполнѣ свободно доступной для проведенія до самаго дна ея масштаба, мы пользуемся спеціально для того устроеннымъ *пинцетомъ* $^1/_3$ миллиметра въ толщину и $^3/_4$ сантиметра въ ширину, который, будучи введенъ въ глубь борозды въ закрытомъ видѣ, въ силу значительной упругости его вѣтвей раздвигаетъ извилины, ограничивающія собою данную борозду [2]). Для этихъ измѣреній рекомендуется подвергнуть мозги предварительной обработкѣ формалиномъ или, еще лучше, алкогольнымъ растворомъ хлористаго цинка, придающимъ мозговой ткани высокую степень упругости.

4. *Длина мозговыхъ бороздъ* въ прежнее время измѣрялась при помощи обыкновенной нитки, намазанной на ея поверхности пчелинымъ воскомъ. Такъ мы и поступали во время первыхъ нашихъ занятій съ мозгомъ. Но позже, въ виду очевидной неточности и примитивности такого способа измѣренія, испытавъ рядъ другихъ приспособленій, мы остановились на простомъ приборѣ, который не только представляетъ большія практическія удобства, но и даетъ вполнѣ удовлетворительные по точности результаты. Это — небольшое, около 2 сант. въ діаметрѣ, металлическое колесо, снабженное по его закругленному краю точнымъ миллиметровымъ дѣленіемъ и поворачивающееся около твердой металлической оси, которая стоитъ въ связи съ деревянною ручкою. Число поворотовъ колеса указываетъ въ миллиметрахъ длину измѣряемой борозды. По принципу этотъ аппаратъ напоминаетъ собою инструментъ [3]), употребляемый и въ краніологіи при измѣреніяхъ длины изогнутыхъ линій.

5. Методика *опредѣленія величины поверхности* мозговыхъ полушарій и ихъ отдѣльныхъ долей и участковъ разработана до сихъ поръ еще крайне недостаточно. Попытки покрывать подлежащія измѣренію поверхности соотвѣтствующимъ кускомъ восченой бумаги, съ послѣдующимъ измѣ-

---

1) Изготовленъ этотъ инструментъ, по моимъ указаніямъ и чертежамъ, въ механической и оптической мастерской Э. Брекса въ Юрьевѣ (цѣна 1 р. 50 к.).

2) Упомянутый пинцетъ (цѣна 80 к.) былъ доставленъ мнѣ, по особому заказу, юрьевскимъ университетскимъ механикомъ А. Гремплеромъ. Изготовляется онъ также съ нанесеннымъ на его поверхность миллиметровымъ масштабомъ.

3) Ср. *E. Schmidt.* Anthropologische Methoden. Leipzig, 1888.

реніемъ полученной на бумагѣ поверхности при помощи планиметра Amsler'a [1]) врядъ ли дадутъ внушающіе большое довѣріе результаты. Мы лично въ этомъ отношеніи отдаемъ предпочтеніе методу *тріангуляціи*, состоящему, какъ извѣстно, въ тщательномъ покрытіи поверхности мозга треугольниками, вырѣзанными изъ бумаги равномѣрной толщины и опредѣленнаго вѣса, при чемъ *изъ вѣса* израсходованнаго количества бумаги (равнаго разницѣ между вѣсомъ всего имѣвшагося запаса треугольниковъ и вѣсомъ оказавшагося неизрасходованнымъ остатка) не трудно высчитать величину соотвѣтствующей поверхности. Этотъ способъ, хотя также не лишенъ нѣкоторыхъ неудобствъ и недостатковъ, имѣетъ, между прочимъ, то существенное преимущество, что при немъ можетъ быть подвергнута измѣренію не одна только свободная поверхность мозга, но также и тѣ обширныя площади мозговой коры, которыя являются погруженными въ глубину бороздъ.

6. *Объемъ мозга* не совпадаетъ, какъ извѣстно, съ емкостью полости черепа, составляя, смотря по возрасту, полу, роду болѣзни и другимъ условіямъ, отъ 80 до 97 % величины своего костнаго вмѣстилища. Объемъ какъ всего мозга, такъ и отдѣльныхъ его частей легко опредѣлить, при погруженіи его въ градированный цилиндръ, по количеству вытѣсненной воды. Однако, при всѣхъ его удобствахъ этотъ способъ на практикѣ мало пригоденъ уже потому, что цилиндры въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ величинѣ мозга, могутъ быть снабжены лишь грубой, съ промежутками въ 20 и болѣе куб. сант., градировкою. Въ современной энцефалометріи объемъ мозга измѣряется инымъ, болѣе точнымъ путемъ, именно *взвѣшиваніемъ его подъ водою*. Объемныя цифры, которыя получаются при этомъ способѣ [2]), въ виду ихъ точности особенно цѣнны еще въ томъ отношеніи, что на основаніи ихъ и величины *абсолютнаго вѣса мозга*, опредѣляемаго обычнымъ взвѣшиваніемъ его въ воздушной средѣ, можетъ быть непосредственно высчитанъ также общій удѣльный вѣсъ мозгового вещества.

7. Для *измѣренія сѣраго и бѣлаго вещества головного мозга* въ отдѣльности былъ выработанъ въ послѣднее время особый, весьма остроумный по своей основной идеѣ, методъ, позволяющій непосредственно опредѣлять взаимоотношеніе между развитіемъ сѣрой коры и развитіемъ бѣлой мозговой массы въ нормальномъ состояніи и въ случаяхъ патологическихъ. Къ сожалѣнію, инструментъ, устроенный для данной цѣли (онъ носитъ названіе «компенсаціонный полюсный планиметръ»), при его новизнѣ еще

[1]) Какъ то дѣлалъ въ новѣйшее время, напр., Л. Вольпинъ (см. его диссертацію: Вѣсовыя данныя о ростѣ головного мозга у дѣтей. Спб, 1902 г., стр. 83 и слѣд.).

[2]) Ср. по этому поводу интересныя изслѣдованія проф. *Louis Bolk'a*—Beziehungen zwischen Hirnvolum und Schädelcapacität, nebst Bemerkungen über das Hirngewicht der Holländer. „Petrus Camper“, Dl. II, Afl. 4.

не могъ быть нами испытанъ личнымъ опытомъ, въ виду чего и не считаемъ умѣстнымъ вдаваться здѣсь въ описаніе подробностей его устройства, отсылая читателя за соотвѣтствующими указаніями къ первоисточнику [1]).

V.

Графическіе способы измѣренія и изображенія антропологическихъ объектовъ.

Съ точки зрѣнія научно - антропометрическихъ задачъ могутъ имѣть значеніе и получить практическое осуществленіе только такіе способы графическаго изображенія, которые съ надлежащей точностью воспроизводятъ взаимоотношенія и разстоянія между собою всѣхъ точекъ изслѣдуемаго объекта такъ, чтобы на получаемомъ рисункѣ можно было-бы сдѣлать любое измѣреніе съ тою-же опредѣленностью, какъ и на самомъ объектѣ. Обыкновенный фотографическій снимокъ, вслѣдствіе присущихъ ему ошибокъ, обусловленныхъ перспективой, не въ состояніи удовлетворить этому основному требованію. За-то геометрическій методъ изображенія, основанный, какъ извѣстно, на принципѣ вертикальной (ортогональной) проекціи всѣхъ отдѣльныхъ точекъ объекта на одну и ту же горизонтальную плоскость, какъ нельзя лучше, пригоденъ для выполненія данныхъ цѣлей антропометріи.

По личному долголѣтнему опыту намъ извѣстны всѣ выгодныя стороны устроеннаго по принципу ортогональной параллельной проекціи *рисовальнаго аппарата Lucae* [2]), оказавшаго и продолжающаго оказывать намъ неоцѣнимыя услуги какъ при антропологическихъ, такъ и при чисто анатомическихъ и зоологическихъ занятіяхъ и изслѣдованіяхъ.

Рис. 9 изображаетъ собою одинъ изъ новѣйшихъ, усовершенствованныхъ типовъ рисовальнаго прибора, впервые введеннаго въ антропологическую технику Lucae. Существенную часть этого аппарата представляетъ *ортоскопъ* или *діоптръ D*, снабженный внутри, въ его нижней части, двумя крестообразно натянутыми *нитями*, по большей части, изъ конскаго волоса. При обведеніи обоъекта, подлежащаго изображенію и помѣщемаго подъ стеклянною пластинкою рисовальнаго столика, ортоскопомъ, центръ послѣдняго долженъ быть установленъ такъ, чтобы мѣсто перекреста нитей, будучи разсмотрѣно черезъ окуляръ діоптра, точно совпадало съ каждою точкою того контура, который требуется изобразить въ данный моментъ.

---

[1]) *Anton*, Gehirnmessung mittelst des Compensations-Polar-Planimeters. „Wiener klinische Wochenschrift“ за 1903 г., № 46.

[2]) Въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ случаяхъ *camera lucida* можетъ оказать существенныя услуги при полученіи проекціонныхъ изображеній черепа и другихъ предметовъ.

Чтобы получить изображеніе точекъ, разсмотрѣнныхъ черезъ ортоскопъ, основаніе его находится или приводится въ соединеніе съ аллюминіевымъ шторхшнабелемъ — *пантографомъ* K съ такимъ расчетомъ, чтобы всѣ движенія діоптра передавались соотвѣтственнымъ образомъ *карандашу* B, который наноситъ находящіяся подъ центромъ ортоскопа точки объекта, въ видѣ непрерывной линіи, прямо на листъ бумаги, приколотый къ правой половинѣ рисовальнаго столика.

Шнурокъ R даетъ возможность руководить карандашомъ, не отрывая глазъ отъ діоптра.

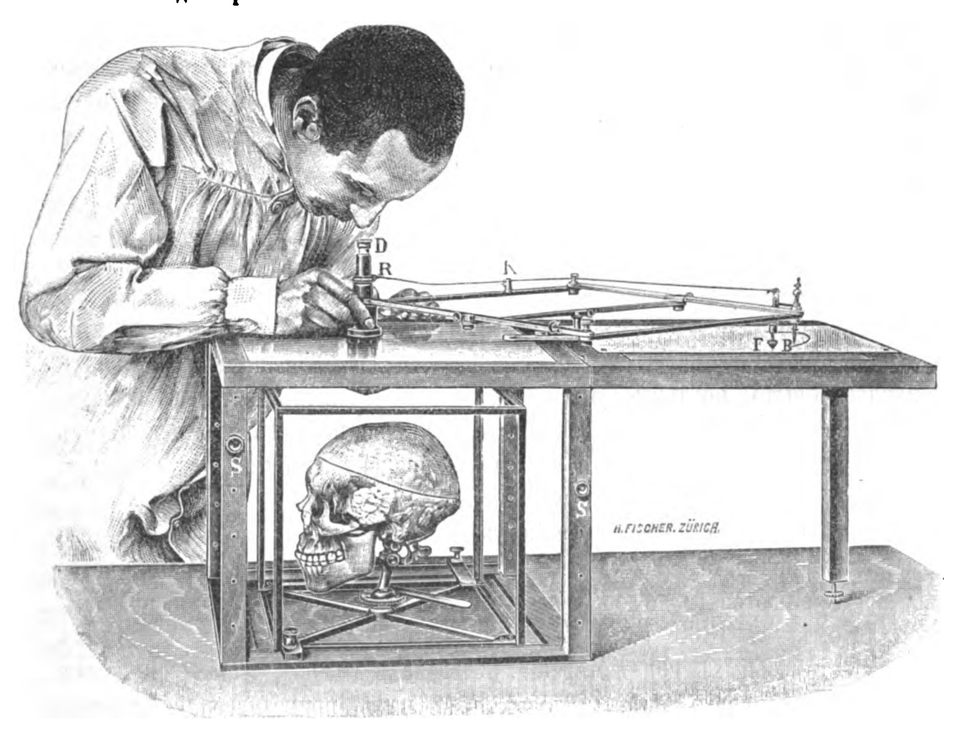

Рис. 9. Видоизмѣненный діоптрографъ и кубическій краніофоръ (по проф. Martin'у).

Подлежащіе срисовыванію предметы и препараты располагаются подъ рисовальнымъ столикомъ или прямо, или же ихъ помѣщаютъ на особой доскѣ (на рисункѣ не обозначена), которая можетъ быть вставлена, при посредствѣ винтовъ S_1 S_1 въ кубическую раму аппарата, на любомъ уровнѣ подъ ортоскопомъ.

Черепа при этомъ удобнѣе всего закрѣпить, какъ это показано на рис. 9, въ *кубическомъ краніофорѣ* R. Martin'a, позволяющемъ разсмотрѣть черепъ со всѣхъ 6 сторонъ и притомъ въ перпендикулярныхъ между собою направленіяхъ простымъ поворачиваніемъ рамки краніофора, не вынимая его ни разу изъ аппарата и не измѣняя, такимъ образомъ, его первона-

чальнаго положенія. Легко усмотрѣть, что получаемыя этимъ путемъ изображенія черепа, исчерпывая всѣ частности его поверхности, дадутъ совершенно наглядное и полное представленіе о его формѣ. Не трудно убѣдиться также, насколько цѣнными подобнаго рода изображенія, будучи сняты по одному общему для всѣхъ случаевъ принципу, должны оказаться для изслѣдователя въ смыслѣ сравненія между собою различныхъ черепныхъ типовъ.

Рисунки при помощи діоптрографа можно сдѣлать или въ натуральную величину, или, смотря по надобности, въ любой степени уменьшенія (и увеличенія, если дѣло идетъ о мелкихъ предметахъ, зародышахъ и т. п.).

Для большого удобства послѣдующаго измѣренія и сравненія выгодно наносить діоптрограммы непосредственно на *миллиметровую бумагу* [1]).

VI.

Выведеніе антропометрическихъ показателей.

Обработка тѣхъ цифровыхъ матеріаловъ, которые являются результатомъ нашихъ измѣреній въ области антропологіи, въ свою очередь требуетъ не только извѣстныхъ со стороны изслѣдователя предосторожностей и личнаго опыта, но также и содѣйствія спеціальныхъ методовъ и научныхъ пособій. Въ числѣ же такихъ пособій на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ имѣть въ виду *таблицы* для выведенія процентныхъ отношеній, или т. наз. *антропометрическихъ показателей*.

Какъ извѣстно, существующія въ прежней литературѣ таблицы этого рода далеко не достаточны съ точки зрѣнія нынѣшнихъ требованій, которыя предъявляются къ подобнымъ пособіямъ. Таблицы, обнародованныя H. Welcker'омъ въ 1868 г. [2]), разсчитаны исключительно въ предѣлахъ цифръ, встрѣчаемыхъ при измѣреніяхъ черепа и головы, и даже въ этихъ скромныхъ границахъ онѣ, какъ въ томъ намъ приходилось убѣждаться неоднократно, далеко не отличаются полностью, заключая въ себѣ лишь наиболѣе часто наблюдаемыя на практикѣ относительныя цифры. Аналогичныя имъ таблицы Broca, переизданныя у насъ покойнымъ А. П. Богдано-

---

[1]) Первый, находившійся въ нашемъ употребленіи, аппаратъ этого рода былъ доставленъ механическою мастерскою Chr. Schroeder'a во Франкфуртѣ на Майнѣ. Представлялъ онъ собою видоизмѣненіе первоначальнаго прибора Lucae, который съ тѣхъ поръ подвергался въ техникѣ еще ряду дальнѣйшихъ преобразованій. Описываемый въ текстѣ аппаратъ, вновь рекомендованный теперь R. Martin'омъ, ничѣмъ, ни по существу, ни въ деталяхъ устройства (за исключеніемъ лишь измѣненій краніофора, составляющаго, однако, только добавочную, вспомогательную часть рисовальнаго прибора) не отличается отъ Schroeder'овскаго аппарата.

[2]) „Archiv für Anthropologie", I.

вымъ, какъ утверждаютъ, болѣе полны по ихъ объему, но онѣ, къ сожалѣнію, мало распространены и крайне трудно доступны изслѣдователямъ.

Въ интересахъ всѣхъ занимающихся антропометрическими наблюденіями, мы не можемъ не отмѣтить здѣсь недавняго появленія въ продажѣ превосходныхъ *таблицъ* проф. *C. M. Fürst'a*, предназначенныхъ спеціально для *выведенія показателей* и притомъ въ объемѣ, исчерпывающемъ собою всѣ размѣры, которые могли бы интересовать насъ при антропологическомъ изслѣдованіи человѣческаго тѣла (напр., отношеніе размаха рукъ къ длинѣ роста, отношеніе къ росту и между собою длины конечностей и различныхъ частей туловища и пр. [1]). Таблицы эти составлены не только крайне тщательно (техническое исполненіе и печатное изданіе ихъ осуществилось, благодаря особой матеріальной субсидіи) въ смыслѣ точности цифровыхъ данныхъ, но представляютъ также особыя удобства въ смыслѣ легкаго съ ними обращенія. Это — въ сущности одна обширная общая таблица, разбитая, однако, въ соотвѣтствіи съ форматомъ книги, на 27 отдѣльныхъ таблицъ, слѣдующихъ одна за другою. Двѣ особыя таблицы (XXVIII-ая и XXIX-ая) имѣютъ спеціальное назначеніе, принимая въ расчетъ также половинные знаменатели. Слѣва надъ каждою таблицей отмѣченъ объемъ встрѣчающихся въ ней цифръ, что, естественно, значительно облегчаетъ процедуру отыскиванія какъ самихъ цифръ, такъ и соотвѣтствующихъ имъ показателей. Настоящую цѣну этому прекрасному пособію могутъ знать, однако, только тѣ, кто, подобно пишущему эти строки, былъ поставленъ, за неимѣніемъ лучшаго средства, въ необходимость самому высчитывать безконечные ряды процентныхъ показателей для многочисленныхъ антропометрическихъ наблюденій. Такой способъ обработки цифровыхъ матеріаловъ, не говоря о постоянно вкрадывающихся ошибкахъ подсчета, не только поглощаетъ массу времени и труда, достойнаго лучшаго примѣненія, но и является жестокимъ испытаніемъ терпѣнія изслѣдователя.

Окидывая взоромъ указанный на предыдущихъ страницахъ небольшой рядъ измѣрительныхъ приспособленій и методовъ, испытанныхъ научно-практическимъ опытомъ и получившихъ въ новѣйшее время тѣ или иныя усовершенствованія, я передаю ихъ въ печать не безъ нѣкоторыхъ сомнѣній и колебаній, замѣчая, сколь многое еще осталось сказать, что заслуживало бы нашего вниманія, и сколь мало то, что могло быть сказано. Современная антропометрія разрослась быстро въ сравнительно короткій промежутокъ времени, и притомъ до такихъ размѣровъ, о которыхъ еще недавно трудно было и мечтать. Изучая человѣка, какъ такового, со всѣми его врожденными, унаслѣдованными и пріобрѣтенными особенностями, свой-

[1]) *Carl M. Fürst.* Indextabellen zum anthropometrischen Gebrauche. Jena, 1902. Цѣна въ переплетѣ 5 герм. марокъ.

ствами и способностями, пытаясь пролить свѣтъ на сущность и значенie его организацiи и стремясь разсѣять тотъ мракъ, который продолжаетъ облекать собою органическую исторiю человѣчества и естественные пути возникновенiя его расъ и породъ, наша наука не останавливается ни передъ какими искусственными предѣлами и преградами. Неудержимо прокладывая себѣ дорогу, она идетъ впередъ, сама опредѣляя свои задачи и сознательно обозначая пути, долженствующiе привести къ преслѣдуемымъ цѣлямъ, какъ бы ни были онѣ далеки и трудно достижимы.

Уже въ ученiи о *расахъ человѣка* и ихъ генеалогическомъ развитiи, которое является одною изъ наиболѣе сложныхъ проблемъ современной антропобiологiи, ярко сказывается вся обширность задачъ, которыя, поскольку онѣ еще не выполнены, ждутъ своего окончательнаго осуществленiя въ будущемъ. Изслѣдованiе тѣхъ органическихъ особенностей и различiй, какiя обнаруживаются въ ряду племенъ и типовъ человѣка, показываетъ, что эти особенности и отличительные признаки сосредоточены не въ области одного только скелета, проявляются не только въ формѣ, размѣрахъ и прочихъ свойствахъ тѣхъ или другихъ органовъ, но выступаютъ съ полною очевидностью также тамъ, гдѣ ихъ прежде не искали: въ количественномъ составѣ крови, въ быстротѣ пульса, въ силѣ мышцъ, въ энергiи обмѣна веществъ, въ высотѣ температуры тѣла, въ остротѣ специальныхъ органовъ чувствъ, въ тонкости и быстротѣ сознательнаго воспрiятiя внѣшнихъ воздѣйствiй и въ цѣломъ рядѣ другихъ анатомо-физiологическихъ условiй, которыя, будучи доступны непосредственному измѣренiю и опредѣленiю, являются въ настоящее время предметомъ особаго вниманiя въ научной антропометрiи.

Но обширныя задачи требуютъ, естественно, и обширныхъ средствъ и силъ къ ихъ осуществленiю. Цѣлые арсеналы антропометрическихъ приборовъ и методовъ открыты для научнаго изслѣдованiя, и быстрые успѣхи современной техники продолжаютъ вносить въ нихъ новыя обогащенiя и усовершенствованiя. Существующiя руководства антропологической методики[1]), во многихъ отношенiяхъ уже существенно устарѣвшiя, лишь отчасти въ состоянiи дать правильное отраженiе нынѣшняго развитiя того сложнаго аппарата измѣрительныхъ пособiй, который находится въ ея распоряженiи. Изложенiе всей этой методики, хотя бы только новѣйшихъ ея усовершенствованiй, къ которому я питаю надежду вернуться въ близкомъ будущемъ и, можетъ быть, въ другомъ мѣстѣ, не входило въ планъ настоящаго краткаго очерка.

---

[1]) Ср., напр., вышедшую почти 20 лѣтъ книгу: *E. Schmidt.* Anthropologische Methoden. Ein Hanbuch für Laboratorium und Reise. Leipzig, 1888.

Указатель нѣкоторыхъ (въ текстѣ не упомянутыхъ) новѣйшихъ работъ по техникѣ антропометріи.

I. Общія методологическія начала.

Telesforo de Aranzadi, Antropometria (Barcelona 1903).

G. Canestrini, Antropologia (Milano 1898).

J. M.'Catell, New anthropometric methods (Proceedings of the Americ. Associat. Advanc. of Science. XLVIII. 357. 1898).

F. Daffner, Das Wachsthum des Menschen. Anthropologische Studie (Leipzig, 2 издан. 1902).

P. H. Eykmann, Ein neues graphisches System für die Anthropologie (Vortrag, gehalten in der Psychiatrischen Anstalt zu Scheveningen 13 August 1902).

G. Fritsch, Die Gestalt des Menschen (Stuttgart 1899).

A. C. Haddon, The anthropometry (Science Progress. January-March 1898).

Wm. W. Hastings, A Manual for physical measurements 1902. Подробное изложеніе антропометрическихъ аппаратовъ и техническихъ пріемовъ, практикуемыхъ въ American Association for the Advancement of Physical training.

O. v. Hovorka, Sollen wir weiter messen? (Centralbl. f. Anthropologie, Ethnol. u. Urgesch. III. 289. 1898).

A. Hrdlička, A few words about anthropometry (Journal of insanity LIII. 521. 1897).

John Mc. Kendrick, Notes on certain physical and physiological measurements and estimates (Journal of anat. and physiol. XXXI. 1897).

R. Martin, Anthropometrisches Instrumentarium (Correspond.-Blatt d. Deutschen Gesellsch. f. Anthropol., Ethnol. u. Urgesch. XXX. 10. 1899).

J. Mies, Ueber Fürst Bismarcks Haupt und die Schädelmesskunst (Verhandl. d. Berlin. Gesellsch. f. Anthropol. 1895, стр. 364).

A. Mochi, L'instituzione di un laboratorio antropometrico nel museo nazionale d'antropologia Firenze (Archivio per l'Antropol. e l'Etnolog. XXXI. 319. 1901).

Charles S. Myers, The future of anthropometry (Journal of the Anthropol. Instit. of Great Britain and Ireland XXXIII. 35—40. 1903).

Ottolenghi, Istruttoria publica e servizio antropometrico in Francia (La scuola positiva 1897, № 47).

G. Paravicini, Proposite di tecnica antropometrica (Milano 1903).

Э. Ю. Петри, Антропологія. Т. I: Основы Антропологіи (СПБ. 1890). Томъ II: Соматическая Антропологія (СПБ. 1895—1897).

L. A. Ray, L'Anthropométrie (Union Med. de Canada XXVI. 324. 1897).

Luis de Hoyos Sainz, Tecnica antropologica y antropologia fisica (Madrid 1899).

Schmidt-Monnard, Ueber den Werth von Körpermaassen zur Beurtheilung des Körperzustandes bei Kindern (Jahrb. f. Kinderheilk. u. phys. Erziehung LII. 50—58. 1900).

C. H. Stratz, Ueber die Anwendung des von G. Fritsch veröffentlichten Messungsschemas in der Anthropologie (Verhandl. d. Berlin. Gesellsch. f. Anthropolog. 900, стр. 36).

Taté, Moyen de fixation des objets de collection (Bullet. et Mém. de la Soc. d'Anthropologie, Paris, 1902, стр. 548). Описаніе простого прибора для установки антропологическихъ музейскихъ препаратовъ и предметовъ.

A. Thomson, On the treatment and utilisation of anthropological data (Knowledge, апрѣль 1899). Ср. по этому поводу также: *de Aranzadi*, Ueber die Analyse

gesammelter Einzelmaasse und Werthe (Centralbl. f. Anthropolog., Ethnolog. u. Urgesch. IV. 3. 129. 1899).

II. Объемъ тѣла.

J. Mies, Ueber die Masse und den Rauminhalt des Menschen mit Ausführung einer Bestimmung des specifischen Gewichts am Lebenden (München. Medic. Wochenschr. 1898 № 44. Centralbl. f. Anthropol., Ethnol. u. Urgesch. IV. 260. 1899).

III. Поверхность тѣла.

J. Bergonié et *C. Sigalas*, Mesure des surfaces du corps de l'homme, méthode et resultats (Compt.-Rend. Soc. Biolog. V. 20. 616. 1898.—La Médicine Moderne IX. 368. 1898).

S. Miva und *Stöltzner*, Bemerkungen über die Bestimmung der Körperoberfläche des Menschen (Zeitschr. f. Biologie XXXVI. 314. 1898).

Roussy, Nouvelle méthode de mensuration directe de la surface de la peau humaine au moyen d'un nouvel appareil; le pelli-planimètre à compteur totalisateur et à surface variable (Compt.-Rend. Soc. Biolog. XXXVI. 375. 1899).

IV. Спирометрія.

P. Robin, Un nouveau spiromètre (Bullet. et Mém. Soc. Anthropol. Paris. 1902. стр. 197). Спирометръ, устроенный по принципу мѣховъ.

V. Пропорціи туловища и конечностей.

P. Berliner, Farbig-plastische Nachbildungen von platyknemischen Tibien sowie von verschiedenen Horizontaldurchschnitten derselben (Verhandl. Berlin. Gesellsch. f. Anthropolog. 1895. 274—278).

Th. Dright, Method of estimating the height from parts of the skeleton (New York Medical Record L. 141. 1896).

G. Fritsch, Die graphische Methode zur Bestimmung der Verhältnisse des menschlichen Körpers (Verhandl. Berlin. Gesellsch. f. Anthropolog. XXXVI. 172—178. 1895).

G. Fritsch, Ueber Gummistempel für anthropologische Messungen (Corresp.-Bl. Deutsch. Gesellsch. f. Anthropolog. XXXIII. 129. 1902). — Gummistempel zur Herstellung von Körperschemata zum Eintragen anthropologischer Messungen (Verhandl. Berlin. Gesellsch. f. Anthropolog. 1902. стр. 262).

E. v. Lange, Skala-Messtabelle. Messapparat für Körpergrösse von Jung und Alt (München, 1896).

VI. Позвоночный столбъ.

C. Ghillini, Nuovo apparecchio per misurare le curvatura della colonna vertebrale. (Bollet. di Scienza Medic. X. 2. 77. 1899).

VII. Кефалометрія и краніометрія.

O. Ammon, Ueber die Wechselbeziehungen des Kopfindex nach deutscher und franzoesischer Methode (Centralbl. f. Anthropol., Ethnol. u. Urgesch. II. 1. 1897).

Anfosso, I Craniogramma (Archivio di psichiatr. XVII. 450. 1896).

M. Benedikt, La cathétométrie dans la craniométrie (L'Intermed. des biolog. I. 539. 1898).

A. Binet, Récherches sur la technique de la mensuration de la tête vivante (L'Année psycholog. VII. 314. 1901).

E. Bloch, Der hohe Gaumen (Zeitschr. f. Ohrenheilk. XLIV. 7—40. 1603). Излагается способъ измѣренія на живыхъ твердаго неба при посредствѣ палятометра Siebenmann'a (Wien. Medic. Wochenschr. 1899).

Buchner, Völkerkunde und Schädelmessung (Beilage z. Allg. Zeitg. 1899. 282).

O. Charnock-Bradley, A method of craniometry for mammals (Proceed. of Royal Phys. Society Edinburgh XV. 43. 1902).

G. Corrado, Intorno ad un craniocefalo-metrografo (Atti XI Congr. Med. int. V. 59. Roma 1895).

G. Corrado, Per la proiezione ortogonale delle norme del cranio (Annal. di nevrolog. XIV. 18. 1896).

P. H. Eykmann, Over een methode van graphische voorstelling der relative schedelmaten van Prof. E. Schmidt (Nederl. Tijdschr. van Geneesk. I. II. 484. 1899).

Luis Vergara Flores, Triangulacioñ del cránio (Actes Soc. Scient. Chili XI. 73. 1901). Описаніе трехконечнаго циркуля для измѣренія череповъ.

Carl M. Fürst, Om rekonstruktion på kranium och ett försök till plastik rekonstruktion (Ymer, 1900, вып. 2, стр. 191—208).

Gray, Cephalometric instruments and cephalograms (Journ. of the Anthropol. Instit. of. Gr.-Brit. and. Irel. XXXI. III. 1901). Предлагаются слѣдующіе инструменты: особый циркуль-глиссіерка, движеніе вѣтвей котораго, во избѣжаніе тренія, происходитъ при посредствѣ двухъ колесиковъ (для измѣренія длины черепа на живыхъ), 2) кефалографъ, устроенный по принципу центральной проекціи, довольно сложный и, повидимому, мало удобный на практикѣ.

Kirchhoff, Die Höhenmessung des Kopfes, besonders die Ohrhöhe (Allg. Zeitschr. f. Psychiatr. LIX. 363. 1903).

N. Krause, Schädel-Capacität (Verhandl. Berlin. Gesellsch. f. Anthropol. XXVIII. 614. 1896).

Krönlein, Ein einfacher Kraniometer (Centralbl. f. Chirurgie XXVI. 1. 1899).

L. Manouvrier, Aperçu de céphalométrie anthropologique (1899). Общій обзоръ антропологическаго значенія различныхъ діаметровъ черепа.

J. Matiegka, O kranioskopické methodě Sergiově. (Pravěk I. 1903).

J. Mies, Methoden, die Schädel-und Gesichtsindices bildlich darzustellen (Verhandl. Berlin. Gesellsch. f. Anthropolog. 1897).

J. Mies, Die Bestimmung der grössten Schädelbreite (Verhandl. Berlin. Gesellsch. f. Anthropolog. XXX. 339. 1898).

L. Moschen, Il metodo naturale in craniologia (Monitore zoolog. italiano 1895 № 105).

B. Neugebauer, Ueber Messung des weichen Gaumens mit Darstellung einer neuen Messungsmethode (Inaug.-Dissert. Königsberg. 1896).

G. Papillault, Sur les angles de la base du crâne (L'Anthropologie XVIII. 243. 1903). Предлагается особый гоніометръ для непосредственнаго измѣренія угла наклоненія тѣла затылочной кости.

M. Pelletier, Sur un nouveau procédé pour obtenir l'indice cubique du crâne. (Bullet. et Mém. de la Soc. Anthropolog. Paris. 1901. стр. 188).

Flinders Petrie, The use of diagrams (Man, June 1902. Ср. статью *Д. Анучина*: Новыя антропометрическія діаграммы. „Русскій Антропол. Журн.“ 1903, № 1).

H. H. Risley, On an improved method of measuring the vertical proportions of the head (Man 1901, стр. 181).

E. Tedeschi, Note e proposite di tecnica antropologica (Atti Soc. Veneto-Trentina di Scienze Natur. IV. 1. 1900). Описываются слѣдующіе приборы: 1) простой краніофоръ, 2) инструментъ для опредѣленія плоскостей черепа, 3) стереографъ-планиметръ, и, кромѣ того, 4) способъ кубажа черепа при посредствѣ горячаго воска и воды.

Arth. Thomson, The Use of Diagrams for Craniometrical purposes (Man 1902, Septembre).

R. Virchow, Ueber die Darstellung und die darauf begründete Messung der Gesichtsbreite (Corresp.-Blatt Deutsch. Gesellsch. F. Anthropol. XXX. 10. 1899).

H. Welcker, Das Profil des menschlichen Schädels mit Röntgenstrahlen am Lebenden dargestellt. (Deutsche Zeitung 2. April 1896.—Corresp.-Blatt Deutsche Gesellsch. f. Anthropol. XXVII. 4. 1896.—Centralbl f. Anthropolog. I. 198. 1896).

Ch. Wiener, Ein neuer Schädelmesser (Abhandl. Naturhist. Verein Karlsruhe XI. 44. 188).

L. Wilser, Geschichte und Bedeutung der Schädelmessung (Verhandl. Naturhist.-Med. Verein Heidelberg VI. 449—470. 1901). Теоретическія разсужденія о значеніи данныхъ краніометрическихъ изслѣдованій.

Zanke, Ueber Messung des Schädelinnenraums (Neurolog. Centralbl. XVI. 488—491, 881—887. 1897).

VIII. Энцефалометрія.

Th. Kaes, Ueber Grosshirnrindenmaasse und über Anordnung der Markfasersysteme in der Rinde des Menschen, zugleich ein Beitrag zur Frage: unterscheidet sich die Rinde des Kulturmenschen von der niederer Rassen in Bezug auf Kaliber, Reichthum und Anordnung der markhaltigen Nervenfasern? (Wiener Medic. Wochenschr. 1895 № 41—42).

J. Mies, Ueber Bestimmung des Gewichts und Volums der Gehirnrinde Vehandl. Deutsch. Naturf. Gesellsch. Lübeck. 1895, стр. 180).

Paponits - Petzÿ, Ein weiterer Beitrag zur Bestimmung des Gehirnvolumens (Neurolog. Centralbl. 1904 № 22). Аппаратъ Paponits'а устроенъ по тому-же принципу, какъ и приборъ

F. Reich'a, Ein Apparat zur Bestimmung des Gehirnvolumens—Cerebrovolumenimeter (Neurolog. Centralbl. 1904 № 18). Измѣреніе производится путемъ погруженія мозга въ воду съ послѣдовательнымъ опредѣленіемъ уровня воды въ особомъ измѣрительномъ цилиндрѣ.

E. A. Spitzka, A study of the Brain of the late Major J. W. Powell (American Anthropologist N. S. V. 585. 1903). Производится ортогональная проекція поверхности мозга и ея отдѣльныхъ участковъ съ цѣлью ихъ измѣренія.

B. B. Stroud, A new Head-rest for the removal of the Human Brain (Proceed. of the Associat. of American Anatomists, thirteenth session, Washington, May 1 and 2, 1900, 5 fig.)

van Valsem, Versuch einer systematischen Methodik der mikroskopisch-anatomischen und anthropologischen Untersuchung des Centralnervensystems. (Amsterdam 1899).

IX. Эстезіометрія.

В. М. Бехтеревъ, Объ измѣненіяхъ мышечной чувствительности при спинной сухоткѣ и другихъ патологическихъ состояніяхъ (Обозрѣніе психіатріи, неврологіи и эксперим. психологіи 1904, стр. 171). Описаніе и изображеніе „міоэстезіометра“, приспособленнаго къ обыкновенному Боделоку.

A. Pollak, Das Auge im Dienste der Anthropometrie (Wiener Medic. Wochenschr. 1899 № 38).

K. Ranke, Ueber die Sehschärfe der Indianer (XXVIII Allg. Versamml. Deutch. Anthropolog. Gesellsch. Lübeck. 1897. Centralbl. f. Anthropolog. II. 340. 1897).

В. Рудинъ, О примѣненіи антропометріи и проч. (Вѣстникъ офталмологіи. XIII. 141. 1896).

A. Stern, Zur ethnographischen Untersuchung des Tastsinnes (Beiträge zur Anthropolog. u. Urgesch. Bayerns XI. 1895).

X. Краніо-церебральная топографія.

D'Antona, Determinazione della topografia cranio-encefalica con un nuovo metodo (La Riforma medica IV. 455. 1891).

Bonomo, Un nuovo metodo per la topografia cranio-cerebrale (XII Congresso della Società italiana di Chirurgia 1897).

Ch. Debierre, La topographie crânio-cérébrale. Un nouveau procédé et un nouvel instrument (Assoc. franç. pour l'avancement des sciences. Paris 1891).

A. Froriep, Zur Kenntniss der Lagebeziehungen zwischen Grosshirn und Schädeldach bei Menschen verschiedener Kopfform. Mit einem Anhang: Darstellung der cranio-cerebralen Topographie (Leipzig 1897).

Garnault, Peut-on tirer de la forme du crâne des conclusions sur les dispositions anatomiques rendant plus ou moins dangéreuses les opérations sur le rocher? (Paris 1895).

L. Gianelli, Nuovo processo di topografia della Scissura di Rolando (Siena 1893).

A. W. Hare, On a method of determining the position of the fissure of Rolando and some other cerebral fissures in the living subject (Journal of anat. and physiol. XVIII. 194. 1884).

L. Heine, Beiträge zur vergleichenden und entwicklungsgeschichtlichen Hirntopographie, zugleich eine stereophotographische Methode zur Lagebestimmung sich deckender Organe (Leipzig 1902).

H. Johnston, A simple form of Rolando meter (Med. Press. Septbr. 2. 1896).

A. Koehler, Ueber die Methode, die Lage und Richtung der Hirnwindungen und Furchen an der Aussenfläche des Kopfes zu bestimmen (Deutsche Zeitschr. f. Chirurgie XXXII. 567. 1891).

Lannelongue et *Mauclaire*, Nouveau procédé pratique de topographie crânio-cérébrale chez les enfants brachycephales et mésaticephales (IX Congr. de Chirurg. Lyon 1894).

G. Rieger, Eine exakte Methode der Kraniographie (Jena, 1895).

C. Rieger, Vorläufige Mittheilung über ein neues kraniographisches Instrumentarium (Sitz.-Ber. d. Physik.-Medic. Gesellsch. Würzburg 1885).

G. Salvi, Un nuovo metodo di topografia della scissurra di Rolando e della scissura di Silvio (Pisa 1895).

W. Waldeyer, Topographie des Gehirns (Deutsche Medic. Wochenschr. 1901 № 26—29).

XI. Уголовная антропометрія (бертильонажъ).

A. Bertillon, Résultats obténus par l'anthropométrie au point de vue de la criminalité (Arch. d'anthropol. crimin. XI. 592. 1896).

G. Buschan, Das Signalement anthropométrique zur Wiedererkennung rückfälliger Verbrecher (Bertillonage) (Archiv f. Strafrecht 1896 II. 1).

J. G. Garson, The metric system of identification (Journ. of the Anthropolog. Instit. of Gr.-Brit. and Irel. XXX. 161. 1900).

Giordano, L'antropometria e l'identificazione dei delinquenti (Il Pensionero ital. VIII. 86. 1898).

H. Gross, Das Hissche Rekonstruktionsverfahren (Arch. f. Kriminalanthropol. VII. 164. 1901). Гисовскій способъ возстановленія мягкихъ частей лица можетъ, по автору, имѣть практическое значеніе въ судебной медицинѣ.

Gruber, Die anthropometrischen Messungen. Ein Mittel zur Wiedererkennung rückfälliger Verbrecher (Zeitschr. f. d. ges. Strafwissensch. XVIII. 1898)

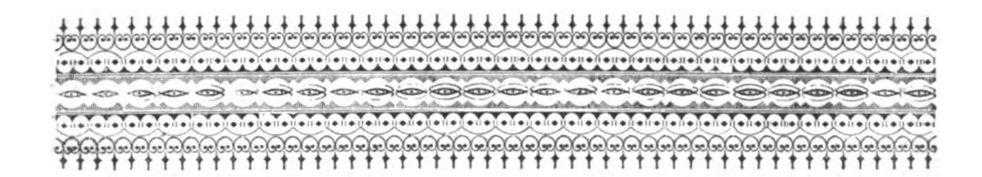
O. Klat, Die Körpermessung der Verbrecher nach Bertillon (Berlin 1902). Излагается практика бертильонажа, съ указаніемъ методики и инструментовъ.

Kosloff, Anwendung der Anthropometrie in den russischen Gefängnissen (Arch. f. Kriminalanthropologie I. 273. 1899).

Levinsohn, Beiträge zur Feststellung der Identität. (Arch. f. Kriminalanthrop. II. 211. 1899).

G. Roscher, Die Anthropometrie in Hamburg (Zeitschr. f. Kriminalänthrop. I. 497. 1897).

Р. Вейнбергъ.

Къ антропологіи малорусскаго населенія Черниговской губерніи.

Антропологическія измѣренія, послужившія матеріаломъ для настоящей статьи, были произведены мною исключительно надъ жителями одного села Спасскаго, Кролевецкаго уѣзда, Черниговской губерніи. Село Спасское расположено верстахъ въ 3-хъ отъ рѣки Сейма и въ 15-ти верстахъ отъ города Кролевца. Большинство измѣренныхъ мною (75%)—казаки, приблизительно четвертую часть составляютъ государственные крестьяне, нѣсколько человѣкъ—бывшіе крѣпостные. По языку и обычаямъ жители села Спасскаго — типичные малороссы. Языкъ нѣсколько отличается отъ южныхъ украинскихъ говоровъ большей твердостью произношенія. По занятіямъ всѣ они болѣе или менѣе зажиточные земледѣльцы, имѣющіе земельную собственность, за исключеніемъ бывшихъ крѣпостныхъ, которые составляютъ въ полномъ смыслѣ слова сельскій пролетаріатъ.

Всего измѣрено мною: мужчинъ—120, женщинъ—40 и дѣтей—26.

Описательные признаки.

Волосы на головѣ, борода, усы, баки. По цвѣту волосъ на головѣ изслѣдованные мною малороссы-мужчины Черниговской губ. распредѣляются такъ:

Съ черными волосами	36	особей	или	30%
„ темнорусыми волосами	38	„	„	31,67%
„ свѣтлорусыми „	44	„	„	36,67%
„ бѣлокурыми „	2	„	„	1,67%
т.-е. темноволосыхъ	74	„	„	61,67%
свѣтловолосыхъ	46	„	„	38,34%

Слѣдовательно, темноволосые значительно преобладаютъ надъ свѣтловолосыми. Къ темноволосымъ я отнесъ одного субъекта съ темно-коричневыми волосами, а къ свѣтловолосымъ—одного съ рыжими волосами. Изъ слѣдующей таблицы видно, что по распредѣленію цвѣта волосъ на головѣ изучаемые малороссы очень близки къ малороссамъ Харьковской губерніи.

		Темно-волосые.	Свѣтло-волосые.
Малороссы Черниговской губ. (120 особ.) мои наблюденія		61,67%	38,34%
Малороссы Харьковской губ.	Н. Гильченко (207)	61%	39%
	А. Красновъ (712)	58, 7%	41, 3%
Малороссы Кіевской губ.	В. Дибольдъ (200)	64, 5%	29, 5%
	Талько-Гринцевичъ (2619)	68, 6%	31, 4%
Малороссы Полтавской губ.	В. Эмме (1.311)	72, 5%	27, 5%
	Н. Гильченко (103)	70%	30%
Кубанскіе казаки	Н. Гильченко (217)	55, 3%	44, 7%
Галицкіе русины	Коперницкій	54, 3%	45, 7%
Русскіе горцы	Майеръ	83, 3%	11, 7%

Въ большинствѣ случаевъ мужчины носятъ длинные волосы. У всѣхъ изслѣдованныхъ мною мужчинъ волосы были мягкіе или средніе, прямые и густые. Плѣшь я нашелъ только у 4-хъ мужчинъ. Курчавыхъ волосъ я вовсе не наблюдалъ, а жесткіе (рѣзко черные) волосы—только у одного 10-лѣтняго мальчика. Бороды, усовъ и бакъ изучаемые малороссы обыкновенно не бреютъ. Большую бороду (свыше 140 mm.) и усы я нашелъ у 6 субъектовъ (5%), среднюю (70—140 mm.)—у 39-ти (32,5%); у 17-ти субъектовъ (изъ 38-ми въ возрастѣ отъ 21-го до 30 лѣтъ) бороды совсѣмъ не было; у остальныхъ 58-ми (48,33%) борода и усы были небольшіе, рѣдкіе. Баки развиты очень слабо. У 58-ми субъектовъ (48,33%) бакъ совсѣмъ не было, у остальныхъ 62-хъ (51,67%) я наблюдалъ въ развитіи бакъ постепенный переходъ отъ большихъ и густыхъ въ крайне ограниченномъ числѣ случаевъ до очень слабыхъ, представлявшихъ нѣсколько короткихъ, тонкихъ, слабо пигментированныхъ волосъ. Окраска усовъ, бороды и бакъ отличается большимъ разнообразіемъ и большей яркостью, чѣмъ цвѣтъ волосъ на головѣ. Это видно изъ слѣдующей таблицы:

Имѣющихъ черные усы, бороду и баки	7	или	5,98%
„ черные и темнорус. съ коричн. и рыж. оттѣнкомъ	25	„	21,37%
„ свѣтлорусые съ рыжеват. оттѣнкомъ	34	„	29,06%
„ бѣлокурые и бѣлокур. съ рыж. оттѣнкомъ	24	„	20,51%
„ рыжіе	27	„	23,08%
т.-е. имѣющихъ темно-окрашенные	32	или	27,35%
„ свѣтло- и ярко-окрашенные	85	„	72,65%

Относительно цвѣта усовъ нужно замѣтить, что за исключеніемъ 7-ми субъектовъ, имѣвшихъ усы черные безъ свѣтлыхъ оттѣнковъ, у всѣхъ остальныхъ они окрашены въ болѣе свѣтлый цвѣтъ, чѣмъ борода и баки. Сопоставляя цвѣтъ волосъ на головѣ съ цвѣтомъ усовъ, бороды и бакъ, находимъ, что темный цвѣтъ волосъ на головѣ сопровождается темной окраской усовъ, бороды и бакъ менѣе, чѣмъ въ половинѣ случаевъ. Это видно изъ слѣдующей таблицы:

Съ темно-окрашенными волосами на головѣ	74	или	61,67%
„ темно-окрашен. бородой, усами и баками	32	„	27,35%
„ свѣтлыми волосами на головѣ	46	„	38,34%
„ свѣтло и ярко-окрашен. бородой, усами и баками	85	„	72,65%

Темная окраска усовъ, бороды и бакъ во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія сопровождается темнымъ цвѣтомъ волосъ на головѣ, но не всегда темными глазами. Только 2 субъекта имѣли черную бороду при свѣтлорусыхъ волосахъ на головѣ, но у одного изъ нихъ усы были бѣлокурые, у другого—рыжіе. Выдѣляя особей съ рѣзко-черными усами, бородой и баками безъ всякихъ свѣтлыхъ или яркихъ оттѣнковъ, получимъ небольшую группу типичныхъ брюнетовъ. Эта группа состоитъ всего изъ 7-ми особей, что при 117-ти наблюденіяхъ составляетъ только 5,98%. Черные усы, борода и баки у всѣхъ 7 особей сопровождаются черными волосами на головѣ и карими глазами. У 5-ти изъ нихъ борода, усы и баки средней длины и густоты; у 2-хъ (28,57%) борода и усы большіе при умѣренныхъ бакахъ. Такимъ образомъ эта маленькая группа замѣтно выдѣляется сравнительно большимъ развитіемъ усовъ, бороды и бакъ, такъ какъ у остальныхъ 110 особей большую бороду и усы я наблюдалъ только въ 4-хъ случаяхъ (3,64%), а среднюю—въ 34-хъ (30,91%). Волосатость остального тѣла, кромѣ лобка и подмышечныхъ впадинъ, у изучаемыхъ малороссовъ очень скудная, у брюнетовъ нѣсколько большая, чѣмъ у блондиновъ.

Глаза. По цвѣту глазъ мужчины распредѣляются такъ:

Съ сѣрыми глазами	71	или	59,2%
„ сѣро-голубыми глазами	12	„	10%
„ сѣрыми съ желтымъ пигментомъ	8	„	6,7%
„ сѣрыми съ каримъ пигментомъ	3	„	2,5%
„ карими	22	„	18,3%
„ темно-карими	4	„	3,3%
т.-е. съ свѣтлыми глазами	91	или	75,8%
„ темными „	29	„	24,2%

Къ свѣтлымъ я отнесъ сѣрые съ желтымъ пигментомъ, къ темнымъ— сѣрые съ каримъ пигментомъ. Изъ слѣдующей таблицы видно, что изслѣ-

		Темные глаза.	Свѣтлые глаза.
Малороссы Черниговской губ.	мои наблюденія (120)	24, 2%	75,8%
Малороссы Кіевской губ.	Дибольдъ (200)	42, 5%	57%
	Талько-Гринцевичъ	25, 4%(?)	59,7%
Малороссы Харьковской губ.	Красновъ (764)	45, 2%	54,7%
	Гильченко (207)	47, 3%	52,7%
Малороссы Полтавской губ.	В. Эмме (1.311)	47,44%	52,55%
	Гильченко (103)	40, 8%	59, 2%
Кубанскіе казаки.	Гильченко (217)	42, 8%	57, 2%

дованные мною малороссы Черниговской губ. замѣтно выдѣляются среди другихъ украинцевъ значительно большимъ преобладаніемъ у нихъ свѣтлыхъ глазъ надъ темными.

Сопоставляя цвѣтъ глазъ съ цвѣтомъ волосъ на головѣ, находимъ преобладаніе особей смѣшаннаго типа—съ темными волосами и свѣтлыми глазами. Это видно изъ слѣдующей таблицы:

Темнаго типа, т.-е. съ темными волосами и глазами	26	или	21,7%
Свѣтлаго типа, т.-е. съ свѣтлыми волосами и глазами	43	„	35,8%
Смѣшаннаго типа съ темными волосами и свѣтлыми глазами	48	„	40%
„ „ съ свѣтлыми волосами и темными глазами	3	„	2,5%

Сравнивая мои наблюденія съ наблюденіями другихъ изслѣдователей,

	Свѣтлый типъ.	Темный типъ.	Смѣшанный типъ.
Малороссы Черниговской губ. (мои наблюд. 120)	35,8%	21,7%	42,5%
Малороссы Кіевской губ. (Талько-Гринцевичъ)	33,1%	20,3%	45,6%
Кубанскіе казаки (Гильченко 217)	34,5%	29,5%	36%
Малороссы Харьковской губ. — Красновъ (742)	26,2%	31,2%	42,6%
Малороссы Харьковской губ. — Гильченко (207)	20,8%	28,5%	50,7%
Галицкіе русины (Коперницкій)	24%	26,2%	49,8%
Малороссы Полтавской губ. — В. Эмме (1.311)	19,1%	39%	41,8%
Малороссы Полтавской губ. — Гильченко (63)	15,8%	31,7%	52,4%

находимъ, что въ распредѣленіи по типамъ малороссы Черниговской губ. ближе всего стоятъ къ малороссамъ Кіевской губерніи.

Прорѣзы глазъ у мужчинъ обыкновенно открытые, горизонтальные. Косые прорѣзы глазъ я наблюдалъ у 4-хъ субъектовъ (3,33%); у 2-хъ они были косые и открытые, у 2-хъ—косые и узкіе. У одного изъ послѣднихъ была ясно замѣтна небольшая складка у внутренняго угла глазъ.

По цвѣту волосъ на головѣ женщины распредѣляются такъ:

Съ черными волосами	8	особ.	или	20%
„ темнорусыми волосами	15	„		37,5%
„ свѣтлорусыми „	15	„		37,5%
„ бѣлокурыми „	2	„		5%
т.-е. съ темными волосами	23	особ.	или	57,5%
„ свѣтлыми „	17	„		42,5%

Глаза у женщинъ преобладаютъ свѣтлые, но далеко не въ такой степени, какъ у мужчинъ. Это видно изъ слѣдующей таблицы:

Съ сѣрыми глазами	21	или	52,5%
„ сѣрыми съ желт. пигментомъ	2	„	5%
„ „ съ каримъ „	4	„	10%
„ карими глазами	11	„	27,5%
„ темнокарими глазами	2	„	5%
т.-е. съ свѣтлыми глазами	23	или	57,5%
„ темными „	17	„	42,5%

У мужчинъ, какъ мы видѣли выше, темные глаза встрѣчаются менѣе, чѣмъ у одной четверти изслѣдованныхъ особей (24,2%), между тѣмъ какъ темноволосыхъ среди мужчинъ большій процентъ, чѣмъ среди женщинъ. Поэтому, несмотря на слишкомъ ограниченное число моихъ наблюденій, есть основаніе признать большее распространеніе темныхъ глазъ среди женщинъ, чѣмъ среди мужчинъ.

Косые прорѣзы глазъ я наблюдалъ у 4-хъ (10%) женщинъ; у 2-хъ они были открытые, у 2-хъ—узкіе. Распредѣленіе женщинъ по типамъ значительно отличается отъ распредѣленія мужчинъ, что, можетъ быть, происходитъ вслѣдствіе слишкомъ ограниченнаго числа моихъ наблюденій.

Свѣтлаго типа	12	или	30%
Темнаго „	12	„	30%
Смѣшаннаго типа	16	„	40%
въ томъ числѣ: съ темными волосами и свѣтлыми глазами	11	„	27,5%
„ свѣтлыми волосами и темными глазами	5	„	12,5%

Мои наблюденія относительно дѣтей ограничиваются всего 26-ю особями. По цвѣту волосъ и глазъ дѣти распредѣляются такъ:

Съ темнорусыми и черными волосами	4	или	15,4%
„ свѣтлорусыми	8	„	30,8%
„ бѣлокурыми	14	„	53,8%
т.-е. съ свѣтлыми волосами	22	или	84,6%
„ „ темными	4	„	15,4%
Съ карими, темнокарими и черными глазами	15	или	57,7%
„ сѣрыми глазами	11	„	42,3%

Отсюда видно, что свѣтловолосыхъ дѣтей въ пять съ половиною разъ больше, чѣмъ темноволосыхъ, между тѣмъ какъ среди взрослыхъ мужчинъ и женщинъ особи съ темными волосами значительно преобладаютъ надъ свѣтловолосыми. Особенно велико число дѣтей съ бѣлокурыми волосами. Изъ 26-ти дѣтей бѣлокурыхъ было 14 (53,8%), а изъ 120-ти взрослыхъ мужчинъ бѣлокурыхъ было два (1,67%), изъ 40 взрослыхъ женщинъ тоже двѣ (5%). Кромѣ того, взрослыхъ мужчинъ съ темными глазами и свѣтлыми волосами на головѣ было только 3 (2,5%), женщинъ—5 (12,5%), а дѣтей—12 (46,15%), при чемъ у дѣтей въ 4-хъ случаяхъ съ свѣтлыми волосами сочетались темнокаріе глаза, а у одной 9-лѣтней дѣвочки—сплошные черные глаза. Эти факты несомнѣнно доказываютъ, что цвѣтъ волосъ на головѣ у изслѣдованныхъ много малороссовъ сильно темнѣетъ съ возрастомъ. Дѣти съ бѣлокурыми или свѣтлорусыми волосами и карими глазами въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ съ годами превращаются въ типичныхъ брюнетовъ. Потемнѣніе волосъ на головѣ, повидимому, продолжается очень долго—даже послѣ тридцати пяти лѣтъ. Я наблюдалъ мужчинъ съ темными волосами:

Въ возрастѣ отъ 21-го до 30 лѣтъ			55,3%
„	21	„ 35 „	56,7%
„	30	„ 63	64,6%
„	40	„ 63	71,7%

Кромѣ цвѣта волосъ и глазъ, я собралъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія, характеризующія внѣшность изучаемыхъ малороссовъ. Мужчины не отличаются красотой тѣлосложенія; они обыкновенно сутуловаты, но сложены крѣпко, съ хорошо развитой мускулатурой, сильны и выносливы. Толстыхъ, съ сильно развитымъ подкожнымъ жировымъ слоемъ, я вовсе не наблюдалъ. Лицо у мужчинъ въ большинствѣ случаевъ производитъ впечатлѣніе широкаго. Расширеніе лица главнымъ образомъ падаетъ на рѣзко выступающія скуловыя дуги. Лобъ—высокій, нѣсколько покатый (57,5%), рѣже высокій и прямой, съ хорошо развитыми надбровными дугами и лобными буграми. Темя—слабо выпуклое, рѣже плосковатое. Затылокъ—равномѣрно округлый, рѣдко плосковатый. Носъ—прямой (87,5%), иногда съ небольшой горбиной (9,17%), гораздо рѣже съ вогнутой спинкой (10%). Орлиный носъ я наблюдалъ только у 3-хъ мужчинъ (2,5%). Обыкновенно носъ рѣзко отграниченъ на бокахъ отъ щекъ, рѣдко (4,17%) незамѣтно сливается съ ними. Подбородокъ—выдающійся (75%), рѣже прямой (25%). Уши—среднія съ слабо загнутой по краю раковиной (82,5%). Въ 12-ти случаяхъ (10%) я наблюдалъ ушную раковину, загнутую только въ верхне-передней части завитка; на всемъ остальномъ протяженіи раковина почти совсѣмъ не была загнута. На завиткѣ уха въ большинствѣ случаевъ (77,5%) наблюдается одинъ (43,33%), рѣже два (34,17%) небольшихъ тупыхъ выступа, обращенныхъ внутрь ушной раковины. Нерѣдко выступы замѣтны только на правомъ ухѣ, между тѣмъ какъ на лѣвомъ ихъ нѣтъ и слѣда. По мнѣнію Дарвина, эти выступы «представляютъ остатки верхушки первоначально поднятаго и заостреннаго кверху уха». Ушная мочка—среднихъ размѣровъ; она большею частію отдѣлена (67,5%); въ 7-ми случаяхъ (5,83%) мочка была приросшая подъ тупымъ угломъ, въ 32-хъ (26,67%)—подъ прямымъ угломъ.

Женщины такъ же, какъ и мужчины, средняго тѣлосложенія; но среди нихъ чаще встрѣчаются худыя особи. Лицо женщинъ отличается большей симметріей и тонкостью очертаній. Большею частію лица женщинъ производятъ впечатлѣніе широкихъ, но у нихъ чаще, чѣмъ у мужчинъ, встрѣчаются овальныя лица, иногда съ тонко и изящно очерченнымъ носомъ и подбородкомъ и тонкими губами. Лобъ у женщинъ прямой, высокій (75%), съ слабо развитыми надбровными дугами, рѣже покатый кзаду (25%). Носъ—прямой (75%), средній или тонкій, рѣже вогнутый и вздернутый (25%); рѣзко отграниченъ на бокахъ отъ щекъ. У трехъ женщинъ (7,5%) я наблюдалъ носъ, слабо отграниченный отъ щекъ, болѣе или менѣе сливающійся съ ними. У двухъ изъ нихъ прорѣзы глазъ были косые. У всѣхъ трехъ пе-

реносье было слабо выпуклое, лицо широкое, скулы выдающіяся. Подбородокъ у женщинъ большею частію выдающійся (87,5%). Уши—среднія; раковина загнута слабо (95%); мочка въ большинствѣ случаевъ отдѣлена (70%); въ 4-хъ случаяхъ (10%) мочка была приросшая подъ тупымъ угломъ, въ 8 (20%)—подъ прямымъ угломъ. Выступы на завиткѣ уха у женщинъ выражены нѣсколько слабѣе, чѣмъ у мужчинъ, но встрѣчаются очень часто (72,5%).

Антропометрическіе признаки.

Средній ростъ мужчинъ по моимъ наблюденіямъ = 1665,61 mm., maximum = 1769 mm., minimum = 1519 mm. Проф. Д. Н. Анучинъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ «О географическомъ распредѣленіи роста мужского населенія Россіи» опредѣляетъ средній ростъ населенія Кролевецкаго уѣзда, Черниговской губ., въ 1632 mm. Такимъ образомъ, разность найденной мною средней величины роста для мужчинъ села Спасскаго, Кролевецкаго уѣзда, и данной проф. Анучинымъ для мужского населенія всего Кролевецкаго уѣзда равна 3,361 cm. Такая значительная разница не можетъ быть объяснена только тѣмъ, что проф. Анучинъ изслѣдовалъ исключительно ростъ особей 21-го года; вѣроятнѣе всего, здѣсь играетъ роль примѣсь болѣе низкорослаго элемента въ населеніи Кролевецкаго уѣзда. По словамъ проф. Анучина, «многія части Задесенья подверглись, особенно въ XVII в., значительной колонизаціи «нахожихъ людей» изъ-за Днѣпра и Сожа, т.-е. бѣлоруссовъ, или, какъ ихъ называютъ здѣсь, «литвиновъ», которые и встрѣчаются въ значительномъ числѣ въ Черниговскомъ, Городнянскомъ, Мглинскомъ, Суражскомъ и Новозыбковскомъ уѣздахъ» и, добавлю отъ себя, Новгородъ-Сѣверскомъ и Кролевецкомъ уѣздахъ. Въ Кролевецкомъ уѣздѣ жители нѣкоторхъ селъ и деревень по берегамъ Десны значительно отличаются отъ остальнаго населенія уѣзда по своему быту и особенно по языку. Есть основаніе думать, что они—потомки бѣлоруссовъ, смѣшавшихся съ малороссами-полѣщуками. Вѣроятно, они и представляютъ болѣе низкорослый элементъ населенія Кролевецкаго уѣзда, потому что, по имѣющимся въ антропологической литературѣ даннымъ, средній ростъ бѣлоруссовъ меньше средняго роста украинцевъ. Село Спасское, въ которомъ я производилъ измѣренія, лежитъ всего въ трехъ верстахъ отъ границы Кролевецкаго уѣзда съ Конотопскимъ. Жители Спасскаго по своему быту и языку почти не отличаются отъ своихъ сосѣдей Конотопскаго уѣзда. Между тѣмъ для Конотопскаго уѣзда проф. Анучинъ опредѣляетъ средній ростъ въ 1649 mm. Сравнивая эту среднюю величину роста съ найденной мною, получимъ разницу въ 1,661 cm. Но средній ростъ мужчинъ села Спасскаго, вполнѣ возмужалыхъ и еще не подвергшихся вліянію старости, въ возрастѣ отъ 31 до 49 лѣтъ включительно (64 особи), по моимъ наблюденіямъ = 1669,72 mm. Сравнивая съ этой

послѣдней величиной средній ростъ новобранцевъ Конотопскаго уѣзда, получимъ нѣсколько большую разницу—въ 2,072 cm., т.-е. на 0,472 cm. превышающую maximum опредѣленной проф. Эрисманомъ для великороссовъ разницы въ пользу вполнѣ взрослыхъ мужчинъ сравнительно съ новобранцами.

Располагая мужчинъ по группамъ, по мѣрѣ увеличенія роста съ промежутками въ 25 mm.

отъ	1519 mm.	до	1545 mm.	особей	4	или	3,33%
„	1546 „	„	1570 „	„	4	„	3,33%
„	1571 „	„	1595 „	„	8	„	6,67%
„	1596 „	„	1620 „	„	6	„	5%
„	1621 „	„	1645 „	„	16	„	13,33%
„	1646 „	„	1670 „	„	22	„	18,33%
„	1671 „	„	1695 „	„	18	„	15%
„	1696 „	„	1720 „	„	23	„	19,17%
„	1721 „	„	1745 „	„	13	„	10,83%
„	1746 „	„	1769 „	„	6	„	5%

мы, если бы изобразили эти данныя о ростѣ графически, то получили бы неправильную кривую съ двумя вершинами. Низшая вершина соотвѣтствовала бы величинамъ роста отъ 1645 до 1670 mm., а высшая—отъ 1695 до 1720 mm. Отъ высшей вершины кривая должна падать круто, указывая на быстрое увеличеніе роста до maximum'a, а отъ низшей она должна спускаться зигзагами, указывая на болѣе медленное паденіе роста до minimum'a. Неправильность кривой въ значительной степени объясняется слишкомъ ограниченнымъ числомъ моихъ измѣреній. Двѣ довольно ясно выраженныя вершины, повидимому, указываютъ на преобладаніе среди изучаемыхъ малороссовъ двухъ типовъ роста: одного—высокаго и другого—значительно ниже перваго, болѣе или менѣе близкаго къ среднему росту, найденному для всѣхъ измѣренныхъ мною мужчинъ.

Раздѣляя мужчинъ по величинѣ роста на четыре группы,

высокаго роста (1700 mm. и выше)	38	или	31,67%
выше средняго (1650 — 1699)	39	„	32,5%
ниже средняго (1600 — 1649)	26	„	21,67%
малаго роста (ниже 1600 mm.)	17	„	14,17%

находимъ, что почти двѣ трети (64,17%) измѣренныхъ особей имѣютъ ростъ выше средняго и высокій.

Опредѣляя средній ростъ мужчинъ различнаго возраста,

	Число особей.	Средній ростъ.
отъ 21 года до 30 лѣтъ	38	1663,03 mm.
„ 31 „ „ 49 „	64	1669,72 mm.
„ 50 „ „ 63 „	18	1656,44 mm.

находимъ, что наибольшій средній ростъ имѣютъ особи, достигшія полной возмужалости. Этотъ средній ростъ (1669,72 mm.) и нужно считать наиболѣе близкимъ къ истинному росту «средняго индивидуума» изучаемаго населенія. Нѣсколько меньшій средній ростъ 38-ми особей въ возрастѣ отъ 21 г. до 30 лѣтъ въ достаточной степени объясняется тѣмъ, что ростъ нѣкоторыхъ изъ нихъ еще не былъ вполнѣ законченъ. Въ значительно меньшемъ среднемъ ростѣ 18-ти особей въ возрастѣ отъ 50 до 63 лѣтъ можно видѣть проявленіе старческаго увяданія организма.

Многіе изслѣдователи указываютъ на связь, существующую между цвѣтомъ волосъ и глазъ и величиной роста. Раздѣляя малороссовъ на три группы по типу и четыре группы по росту, получимъ слѣдующую таблицу:

	Темный типъ.	Свѣтлый типъ.	Смѣшанный типъ.
Высокій ростъ (1700 mm. и выше)	10 особ. или 40%	12 или 27,91%	16 или 31,37%
Выше средняго (1650 — 1699)	7 „ „ 28%	14 „ 32,56%	18 „ 35,29%
Ниже средняго (1600 — 1649)	5 „ „ 20%	8 „ 18,6%	13 „ 25,49%
Малый ростъ (ниже 1600 mm.)	3 „ „ 12%	9 „ 20,93%	4 „ 7,84%
Число особей	25	43	51
Средній ростъ.	1671,96 mm.	1658,95 mm.	1669,63 mm.

Отсюда видно, что наибольшій ростъ имѣютъ представители темнаго типа (1671,96 mm.), затѣмъ слѣдуетъ смѣшанный типъ (1669,63 mm.), и наименьшій ростъ имѣютъ представители свѣтлаго типа (1658,95 mm.). Наибольшій процентъ высокорослыхъ (40%) даетъ темный типъ, наименьшій (27,91)—свѣтлый типъ, давая въ то же время наибольшій процентъ низкорослыхъ (20,93%).

Найденный мною для малороссовъ села Спасскаго средній ростъ (1665,61 mm.) очень близокъ къ среднему росту малороссовъ Кіевской губ., измѣренныхъ Талько-Грипцевичемъ (1667 mm.) и В. Дибольдомъ (1669,45 mm.), и значительно меньше средняго роста кубанскихъ казаковъ (1700,8 mm.), измѣренныхъ Н. Гильченко.

Средній ростъ женщинъ, по моимъ наблюденіямъ, равенъ 1551,95 mm.; слѣдовательно, онъ меньше роста мужчинъ на 11,37 сант., или на 6,824% мужского роста; maximum = 1652 mm., minimum = 1445 mm.

Сравнивая средній ростъ малорусскихъ женщинъ села Спасскаго съ среднимъ ростомъ женщинъ другихъ народностей,

				Средній ростъ.
Женщины с. Спасскаго		(мои наблюденія	особей) 40	1551,95 mm.
Украинки	Тальско-Гринцевичъ		„ 647	1548 „
Подляшанки	Тальско-Гринцевичъ		„ 22	1507 „
Бѣлорусски	Тальско-Гринцевичъ		„ 141	1523 „
Литвино-латышки	Тальско-Гринцевичъ		„ 107	1526 „
Русскія женщины (фабр.)	Эрисманъ		„ 36200	1532 „
Привислянскія польки	Элькиндъ		„ 149	1533 „
Шляхтянки	Люблинской губ.	Олеxновичъ	„ 36	1604 „
Мѣщанки	Люблинской губ.	Олеxновичъ	„ 61	1530 „
Крестьянки	Люблинской губ.	Олеxновичъ	„ 105	1520 „
Галицкія польки	Майеръ		„ 190	1533 „
Русинки	Майеръ		„ —	1528 „
Литовскія женщины	Бреннзонъ		„ 40	1548,62 „
Латышскія женщины	Веберъ		„ 40	1563 „
Нѣмки	Вейсбахъ		„ 11	1544,8 „

находимъ, что онъ меньше роста шляхтянокъ и латышскихъ женщинъ, но больше роста остальныхъ полекъ, подляшанокъ, русинокъ, нѣмокъ, литвино-латышекъ, бѣлорусскихъ, русскихъ и литовскихъ женщинъ и украинокъ и наиболѣе близокъ къ среднему росту украинокъ и литовскихъ женщинъ. Такимъ образомъ, въ населеніи с. Спасскаго значительному среднему росту мужчинъ (1665,61 mm.) соотвѣтствуетъ и сравнительно большой средній ростъ женщинъ (1551,95 mm.).

Опредѣляя отдѣльно средній ростъ темнаго, свѣтлаго и смѣшаннаго типа измѣренныхъ мною женщинъ, я нашелъ почти такую же связь между типомъ и величиной роста, какъ и у мужчинъ. Наибольшій средній ростъ имѣютъ особи темнаго типа (1565,42 mm.), значительно меньшій (1548,06 mm.)—смѣшаннаго типа, наименьшій (1543,67 mm.) имѣютъ особи свѣтлаго типа. Здѣсь только средній ростъ особей смѣшаннаго типа ближе къ росту свѣтлаго типа, а у мужчинъ—къ росту темнаго типа.

Переходя къ размѣрамъ головы, разсмотримъ ихъ сначала у мужчинъ, а потомъ у женщинъ.

Средняя величина горизонтальной окружности головы мужчинъ равна 548,883 mm.; maximum=585 mm., minimum=502 mm. Эта средняя величина меньше, чѣмъ у малороссовъ Кіевской губ. В. Дибольда (563 mm.), кубанскихъ казаковъ Н. Гильченко (550,5 mm.), привислянскихъ поляковъ Элькинда (560 mm.), поляковъ Люблинской губ. Дзержинскаго (553,03 mm.), бѣлоруссовъ Н. Янчука (552,88 mm.) и бѣлоруссовъ Слуцкаго у., Минской губ., А. Рождественскаго (554 mm.), и больше, чѣмъ у малороссовъ Кіевской губ. Талько-Гринцевича (546 mm.), галицкихъ поляковъ Майера и Коперницкаго (543,3 mm.) и русиновъ (546,3 mm.).

Раздѣляя мужчинъ по величинѣ горизонтальной окружности головы на три группы:

горизонт. окружн. головы	малая	(до 550 mm.)	особ. 62	или 51,67%
„ „ „	средняя	(550 — 560 „)	„ 36	„ 30%
„ „ „	большая	(выше 560 „)	„ 22	„ 18,33%

находимъ наибольшій процентъ малыхъ размѣровъ этой величины. Размѣры горизонтальной окружности, близкіе къ общей средней величинѣ ея (548,883 mm.), отъ 541 до 560 mm., встрѣчаются чаще остальныхъ.

Отъ	502 до 510	mm.	особей	1	или	0,83%
„	511 „ 520	„	„	1	„	0,83%
„	521 „ 530	„	„	6	„	5%
„	531 „ 540	„	„	27	„	22,5%
„	541 „ 550	„	„	33	„	27,5%
„	551 „ 560	„	„	30	„	25%
„	561 „ 570	„	„	14	„	11,67%
„	571 „ 580	„	„	7	„	5,83%
„	581 „ 585	„	„	1	„	0,83%

О возрастномъ измѣненіи горизонтальной окружности головы даетъ представленіе слѣдующая табличка:

			Средняя гор. окружн. головы.
отъ 5 до 13 лѣтъ	особей	26	510,692 mm.
„ 21 „ 30 „	„	38	547,08 „
„ 31 „ 40 „	„	36	547,694 „
„ 41 „ 49 „	„	28	550,571 „
„ 50 „ 63 „	„	18	552,444 „

Отношеніе горизонтальной окружности головы къ росту=32,95. Оно меньше, чѣмъ у привислянскихъ поляковъ Элькинда (34,35) и малороссовъ Дибольда (33,7), больше, чѣмъ у кубанскихъ казаковъ Гильченко (32,3), и очень близко къ этому отношенію у малороссовъ Талько-Гринцевича (32,7).

Продольная дуга (отъ переносья до затылочнаго бугра) въ среднемъ равна 334,73 mm.; она больше, чѣмъ у кубанскихъ казаковъ Гильченко (327,8 mm.), бѣлоруссовъ Янчука (326,29 mm.), и меньше, чѣмъ у малороссовъ Дибольда (346,75 mm.) и привислянскихъ поляковъ Элькинда (343 mm.). Наиболѣе часто встрѣчаются размѣры продольной дуги, близкіе къ средней величинѣ ея.

Отъ	291 до 300	mm.	особей	1	или	0,83%
„	301 „ 310	„	„	3	„	2,5%
„	311 „ 320	„	„	13	„	10,83%
„	321 „ 330	„	„	27	„	22,5%
„	331 „ 340	„	„	38	„	31,67%
„	341 „ 350	„	„	16	„	13,33%
„	351 „ 364	„	„	22	„	18,33%

Отношеніе продольной дуги къ горизонтальной окружности въ среднемъ = 60,98; maximum = 65,29, minimum = 56,83.

Поперечная дуга (отъ верхняго края козелка уха до той же точки противоположной стороны въ вертикальной плоскости) въ среднемъ равна 331,81 mm.; она больше, чѣмъ у кубанскихъ казаковъ (326,1 mm.), и меньше, чѣмъ у малороссовъ Дибольда (366,62 mm.) и привислянскихъ поляковъ Элькинда (352 mm.).

Изъ слѣдующей таблицы видно,

отъ	305	до	310	mm.	особей	4	или	3,33%
„	311	„	320	„	„	12	„	10%
„	321	„	330	„	„	37	„	30,83%
„	331	„	340	„	„	43	„	35,83%
„	341	„	350	„	„	21	„	17,5%
„	351	„	356	„	„	3	„	2,5%

что величины поперечной дуги двухъ третей всѣхъ особей находятся въ узкихъ предѣлахъ отъ 321 до 340 mm., уклоняясь отъ общей средней (331,81 mm.) приблизительно на одинъ сантиметръ въ ту и другую сторону. Отношеніе поперечной дуги къ горизонтальной окружности головы въ среднемъ равно 60,45; оно больше, чѣмъ у кубанскихъ казаковъ (59,2), и меньше, чѣмъ у привислянскихъ поляковъ (62,92). Колебанія этого размѣра у отдѣльныхъ особей заключены въ узкихъ предѣлахъ отъ 57,55 до 64,61.

Наибольшій продольный діаметръ въ среднемъ равенъ 182,1 mm.; онъ меньше, чѣмъ у кубанскихъ казаковъ Гильченко (184,5 mm.), чѣмъ у малороссовъ Дибольда (183,75 mm.), малороссовъ Талько-Гринцевича (184,2 mm.), бѣлоруссовъ Минской губ. А. Рождественскаго (185 mm.) и привислянскихъ поляковъ Элькинда (185 mm.), и больше, чѣмъ у галицкихъ поляковъ Коперницкаго (180,5 mm.); ближе всего онъ стоитъ къ среднему наиб. продольн. діаметру русиновъ Коперницкаго (182,3 mm.). Располагая величины наибольшаго продольнаго діаметра по группамъ съ промежутками въ 5 mm.,

отъ	168	до	175	mm.	особей	16	или	13,33%
„	176	„	180	„	„	26	„	21,67%
„	181	„	185	„	„	43	„	35,83%
„	186	„	190	„	„	27	„	22,5%
„	191	„	195	„	„	4	„	3,33%
„	196	„	200	„	„	4	„	3,33%

находимъ, что величины, близкія къ общей средней (182,1 mm.), встрѣчаются чаще прочихъ. Измѣненіе наибольшаго продольнаго діаметра въ зависимости отъ возраста можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

								Средняя наиб. продольн. діаметра.
отъ	5	до	13	лѣтъ	особей	26		171,23 mm.
„	21	„	30	„	„	38		181,05 „
„	31	„	40	„	„	36		181,9 „
„	41	„	49	„	„	28		182,68 „
„	50	„	63	„	„	18		183,78 „

Наибольшій поперечный діаметръ въ среднемъ равенъ 155,9 mm.; онъ больше, чѣмъ у кубанскихъ казаковъ Гильченко (151,6 mm.), малороссовъ Талько-Гринцевича (153,3 mm.), бѣлоруссовъ А. Рождественскаго (151 mm.), привислянскихъ поляковъ Элькинда (150 mm.), и очень близокъ къ средней величинѣ этого размѣра у малороссовъ Дибольда (155,37 mm.). Располагая величины наибольшаго поперечнаго діаметра по группамъ съ промежутками въ 5 mm.,

отъ	144	до	150 mm.	особей	13	или	10,83%
„	151	„	155 „	„	48	„	40%
„	156	„	160 „	„	35	„	29,17%
„	161	„	165 „	„	19	„	15,83%
„	166	„	171 „	„	5	„	4,17%

находимъ, что этотъ діаметръ болѣе двухъ третей всѣхъ измѣренныхъ особей находится въ узкихъ предѣлахъ отъ 151 до 160 mm., уклоняясь приблизительно на 5 mm. въ ту и другую сторону отъ общей средней величины его (155,9 mm.). Въ зависимости отъ возраста наибольшій поперечный діаметръ измѣняется слѣдующимъ образомъ:

							Средняя наиб. поперечн. діаметра.
отъ	5	до	13	лѣтъ	особей	26	148,31 mm.
„	21	„	30	„	„	38	155,97 „
„	31	„	40	„	„	36	154,7 „
„	41	„	49	„	„	28	156,64 „
„	50	„	63	„	„	18	157,06 „

Головной указатель. По моимъ наблюденіямъ, средняя величина головного указателя малороссовъ-мужчинъ с. Спасскаго равна 85,61, что означаетъ крайнюю степень брахицефаліи. Сопоставляя этотъ головной указатель съ указателемъ другихъ украинцевъ и родственныхъ имъ народностей, находимъ, что изъ нихъ только у сѣверныхъ славянъ головной указатель (85,7) нѣсколько больше, чѣмъ у измѣренныхъ мною малороссовъ; далѣе ближе всего къ послѣднимъ по головному указателю стоятъ русинскіе горцы Майера и Коперницкаго (85) и малороссы Кіевской губ. Дибольда (84,53).

	Головной указатель.
Малороссы с. Спасскаго, Черниг. губ., мои наблюденія	85,61
„ Кіевской губ., Дибольдъ	84,53
„ „ „ Талько-Гринцевичъ	83,2
Кубанскіе казаки, Гильченко	82,1
Бѣлоруссы Смоленской губ., Эйхгольцъ	81,05
„ Минской губ., Рождественскій	81,5
Великороссы Московской губ.. проф. Анучинъ	82,66
„ Рязанской губ., Воробьевъ	81,48
Поляки Люблинской губ., Дзержинскій	82,67
Привислянскіе поляки, Элькиндъ	80,85
Галицкіе „ Коперницкій	84,4
Русины „	83,3
Русинскіе горцы, Майеръ и Коперницкій	85
Чехи, Велькеръ	84,2
„ Вейсбахъ	83,6
Сербо-кроаты, Вейсбахъ.	84
Сѣверные славяне, Вейсбахъ	85,7

Раздѣляя измѣренныхъ мною малороссовъ по величинѣ головного указателя на группы по схемѣ проф. Брока,

Настоящіе долихоцефалы	(до 75)				
Субдолихоцефалы	(отъ 75,01 до 77,77)	особ.	1	или	0,83%
Мезатицефалы	(„ 77,78 „ 80,00)	„	3	„	2,5%
Суббрахицефалы	(„ 80,01 „ 83,33)	„	31	„	25,83%
Настоящіе брахицефалы	(„ 83,34 и выше)	„	85	„	70,83%

находимъ 70,83% настоящихъ брахицефаловъ, только 2,5% мезатицефаловъ, 0,83% субдолихоцефаловъ и совершенное отсутствіе настоящихъ долихоцефаловъ.

Изъ слѣдующей таблицы видно,

	Долихоцефалы.	Мезатицефалы.	Брахицефалы.
Малороссы Черниг. г., мои наблюденія .	0,83%	2,5%	96,66%
„ Кіевск. г. { Дибольдъ . . .	8,5%	16%	75,5%
„ Кіевск. г. { Талько-Гринцев.	3,6%	19,4%	76,9%
Кубанскіе казаки, Гильченко	9,8%	21,3%	68,8%
Бѣлоруссы, Эйхгольцъ	10%	18%	72%
„ Рождественскій	19%	19%	62%
„ Янчукъ	19%	24%	57%
Русины, ... Коперницкій	8,2%	15,8%	75,9%
Галицкіе поляки, „	5%	10,9%	83%
Привислянскіе поляки, Элькиндъ	18,14%	24,34%	57,54%

что изъ всѣхъ приведенныхъ въ ней народностей измѣренные мною малороссы даютъ наибольшій процентъ брахицефаловъ.

По наблюденіямъ нѣкоторыхъ авторовъ (проф. Д. Н. Анучинъ, Вейсбахъ и др.), долихоцефалія чаще комбинируется съ высокимъ ростомъ, а брахицефалія—съ низкимъ. Это въ нѣкоторой степени подтверждается и моими наблюденіями. Изъ слѣдующей таблицы видно,

		Субдолихоцефалы.	Мезатицефалы.	Суббрахицефалы.	Брахицефалы.	Средній головн. указател.
Высокій ростъ (1700 mm. и выше) особ.	38	—	1 или 2,63%	12—31,58%	25—65,79%	85.28
Выше средняго (1650—1699 mm.) „	39	—	1 „ 2,56%	11—28,20%	27—69,23%	85,90
Ниже средняго (1600—1649 mm.) „	26	—	—	4—15,38%	22—84,62%	86,02
Малый ростъ (ниже 1600 mm.) „	17	1—5,88%	1 „ 5,88%	4—23,53%	11—64,71%	85,03
Высокорослые (1650 mm. и выше) особ.	77	—	2 „ 2,60%	23—29,87%	52—67,53%	85,59
Низкорослые (ниже 1650 mm.) „	43	1—2,33%	1 „ 2,33%	8—18,60%	33—76,74%	85,63

что наибольшій процентъ суббрахицефаловъ (31,58%) даетъ высокій ростъ, а крайнихъ брахицефаловъ—ростъ ниже средняго (84,62%). Средняя величина головного указателя возрастаетъ отъ высокаго роста до ниже-средняго включительно и падаетъ у особей малаго роста.

Среднія величины головного указателя для разныхъ возрастныхъ группъ я нашелъ слѣдующія:

	Средній головной указатель.
отъ 5 до 13 лѣтъ особей 26	86,61
„ 21 „ 30 „ „ 38	86,15
„ 31 „ 40 „ „ 36	85,02
„ 41 „ 49 „ „ 28	85,73
„ 50 „ 63 „ „ 18	85,46

Ушной діаметръ въ среднемъ равенъ 134,39 mm,; онъ больше, чѣмъ у кубанскихъ казаковъ (131,3 mm.) и привислянскихъ поляковъ (133 mm.).

Малый ушной діаметръ (до 136 mm.) имѣли 79 особей или 65,83%,
Средній „ „ (отъ 137 до 145 mm.) „ 41 „ „ 34,17%.

У кубанскихъ казаковъ Гильченко нашелъ еще большее преобладаніе малыхъ размѣровъ ушного діаметра (81,97%). Отношеніе ушного діаметра къ наибольшему поперечному діаметру=86,20. У кубанскихъ казаковъ эта величина=86,8.

Средняя величина наименьшаго лобного діаметра у измѣренныхъ мною малороссовъ (122,03 mm.) больше, чѣмъ у малороссовъ Дибольда (114,7 mm.), Талько-Гринцевича (113,3 mm.) и кубанскихъ казаковъ Гильченко (106 mm.) Отъ minimum'a (111 mm.) до maximum'a (136 mm.) величины наименьшаго лобного діаметра распредѣляются такъ:

отъ	111	до	115	mm.	особей	15	или	12,5%
„	116	„	120	„	„	26	„	21,67%
„	121	„	125	„	„	51	„	42,5%
„	126	„	130	„	„	22	„	18,33%
„	131	„	136	„	„	6	„	5%.

Малый наименьшій лобный діаметръ	(до 107 mm.)	имѣли	—
Средній „ „ „	(отъ 107 до 116 mm.)	„	15 или 12,5%
Большой „ „ „	(116 mm. и выше)	„	105 „ 87,5%;

отсюда видимъ отсутствіе малыхъ размѣровъ и преобладаніе большихъ.

Лобный указатель (отношеніе наименьшаго лобного діаметра къ наибольш. поперечному діаметру) въ среднемъ равенъ 78,28, т.-е. значительно больше, чѣмъ у малороссовъ Дибольда и Талько-Гринцевича (73) и кубанскихъ казаковъ Гильченко (69,9). Раздѣляя на группы по величинѣ лобного указателя,

Узкій	лобъ	(до 70)	особей	—
Умѣренный	„	(70 — 76)	„	32 или 26,67%
Широкій	„	(76 и больше)	„	88 „ 73,33%

находимъ почти три четверти широколобыхъ. Между тѣмъ, по наблюденіямъ Талько-Гринцевича, у малороссовъ Кіевской губ. чаще всего встрѣчаются лбы умѣренные (58%), потомъ—узкіе (39%) и рѣже всего—широкіе (2%). У кубанскихъ казаковъ Гильченко тоже преобладаютъ лбы умѣренные (50,8%) и совсѣмъ отсутствуютъ широкіе. Большая величина наименьшаго лобного діаметра у измѣренныхъ мною малороссовъ, повидимому, находится въ зависимости отъ большой величины ихъ наибольшого поперечнаго діаметра. Какъ видно изъ слѣдующей таблицы, между этими величинами головы наблюдается прямое соотношеніе:

	Наибольш. поперечн. діаметръ.	Наименьш. лобный діаметръ.
Малороссы Черниг. губ., мои наблюденія	155,9 mm.	122,03 mm.
„ Кіевск. „ { Дибольдъ	155,37 „	114,7 „
„ Кіевск. „ { Талько-Гринцевичъ	153,3 „	113,3 „
Кубанскіе казаки, Гильченко	151,6 „	106 „

Величина головы (ростъ—высота подъ почвой нижняго края подбородка) въ среднемъ равна 215,55 mm.; maximum=236 mm., mi-

nimum=186 mm. Варіаціи величины головы отъ minimum'а до maximum'а можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

отъ	186	до	190	mm.	особей	1	или	0,83%
„	191	„	195	„	„	4	„	3,33%
„	196	„	200	„	„	9	„	7,5%
„	201	„	205	„	„	8	„	6,67%
„	206	„	210	„	„	12	„	10%
„	211	„	215	„	„	27	„	22,5%
„	216	„	220	„	„	20	„	16,67%
„	221	„	225	„	„	15	„	12,5%
„	226	„	230	„	„	10	„	8,33%
„	231	„	236	„	„	14	„	11,67%

Сопоставляя величину головы съ ростомъ,

			Средняя величина головы.
Высокій ростъ (1700 mm. и выше)	особ.	38	221,632 mm.
Выше средняго (1650 — 1699)	„	39	212,72 „
Ниже средняго (1600 — 1649)	„	26	213 „
Малаго роста (ниже 1600 mm.)	„	17	212,35 „
Высокорослые (1650 mm. и выше)	„	77	217,12 „
Низкорослые (ниже 1650 mm.)	„	43	212,744 „

находимъ, что высокорослые имѣютъ большую величину головы, чѣмъ низкорослые. Отношеніе величины головы къ росту варіируетъ въ предѣлахъ отъ 11,12 до 14,48 и въ среднемъ равно 12,94.

Высота черепа (ростъ—высота подъ почвой слухового отверстія) въ среднемъ равна 122,583 mm., т.-е. нѣсколько меньше, чѣмъ у кубанскихъ казаковъ Гильченко (125,5 mm.), малороссовъ Харьковской губерніи Эркерта (125 mm.), и значительно меньше, чѣмъ у малороссовъ Кіевской губ. Дибольда (131 mm.). Отъ minimum'а (106 mm.) до maximum'а (143 mm.) наблюдаются слѣдующія варіаціи высоты черепа:

отъ	106	до	110	mm.	особей	7	или	5,83%
„	111	„	115	„	„	17	„	14,17%
„	116	„	120	„	„	25	„	20,83%
„	121	„	125	„	„	24	„	20%
„	126	„	130	„	„	27	„	22,5%
„	131	„	135	„	„	15	„	12,5%
„	136	„	140	„	„	3	„	2,5%
„	141	„	143	„	„	2	„	1,67%

Отношеніе высоты черепа къ величинѣ головы въ среднемъ равно 56,87; maximum=67,18, minimum=49,31. Этотъ minimum встрѣчается только одинъ разъ; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ отношеніе высоты черепа къ величинѣ головы больше 50-ти, а преобладаютъ величины, близкія къ средней.

Слѣдовательно, у изучаемыхъ малороссовъ высота черепа немного больше половины величины головы, т.-е. разстоянія по вертикали отъ нижняго края подбородка до макушки головы. Отношеніе высоты черепа къ наибольшей длинѣ его (высотный указатель) въ среднемъ равно 67,32,—къ ширинѣ (высотно-широтный указатель)=78,63. Столь малыя величины высотнаго и высотно-широтнаго указателя указываютъ на низкіе и низко-широкіе черепа изучаемыхъ малороссовъ. У кубанскихъ казаковъ г. Гильченко нашелъ «громадное преобладаніе низкихъ и низко-широкихъ череповъ». У малороссовъ Кіевской губ. Дибольда высотный указатель=71,2, высотно-широтный = 84,3. У малороссовъ Харьковской губ. Эркерта высотный указатель = 67,6, высотно-широтный=84. «Слѣдовательно,—замѣчаетъ г. Гильченко,—и на основаніи изслѣдованій В. Дибольба и Эркерта, получается одинъ и тотъ же результатъ: 1) высота черепа у малороссовъ—малыхъ размѣровъ и 2) низкіе черепа преобладаютъ среди украинцевъ». Мои наблюденія вполнѣ подтверждаютъ заключеніе г. Гильченко.

Горизонтальная окружность головы у женщинъ въ среднемъ равна 530,375 mm. (у мужчинъ—548,883 mm.); она меньше, чѣмъ у привислянскихъ полекъ Элькинда (544 mm.), шляхтянокъ Люблинской губ. Олехновича (545,3 mm.), полекъ-мѣщанокъ (530,9 mm.) и крестьянокъ (532,4 mm.), галицкихъ полекъ (531 mm.), русинокъ (535 mm.), и больше, чѣмъ у украинокъ Талько-Гринцевича (528 mm.).

Изъ слѣдующей таблицы видно,

отъ	507	до	515	mm.	особей	4	или	10%
„	516	„	520	„	„	3	„	7,5%
„	521	„	525	„	„	6	„	15%
„	526	„	530	„	„	5	„	12,5%
„	531	„	535	„	„	8	„	20%
„	536	„	540	„	„	8	„	20%
„	541	„	545	„	„	2	„	5%
„	546	„	553	„	„	4	„	10%

что чаще встрѣчаются размѣры горизонтальной окружности головы, большіе средней величины ея. Отношеніе горизонтальной окружности головы къ росту въ среднемъ=34,17, нѣсколько меньше, чѣмъ у привислянскихъ полекъ (35,45).

Поперечная дуга у женщинъ въ среднемъ = 316,75 mm. (у мужчинъ—331,81 mm.); она меньше, чѣмъ у привислянскихъ полекъ (340 mm.). Maximum = 336 mm., minimum = 298 mm. По величинѣ поперечной дуги женщины распредѣляются такъ:

отъ	298	до	310	mm.	особей	10	или	25%
„	311	„	320	„	„	17	„	42,5%
„	321	„	330	„	„	8	„	20%
„	331	„	336	„	„	5	„	12,5%

Отношеніе поперечной дуги къ горизонтальной окружности въ среднемъ = 59,72 (у мужчинъ — 60,45); оно меньше, чѣмъ у привислянскихъ полекъ (62,48). Maximum = 62,57, minimum = 56,63.

Наибольшій продольный діаметръ у женщинъ въ среднемъ равенъ 175,025 mm. (у мужчинъ—182,1 mm.); онъ меньше, чѣмъ у привислянскихъ полекъ (177 mm.), бѣлоруссокъ Минск. г. (177,58 mm.), русинокъ (177,9 mm.), украинокъ (177,5 mm.). Большая часть особей (57,5%) имѣетъ размѣры наибольшого продольнаго діаметра, большіе общей средней величины его.

отъ	166	до	170	mm.	особей	9	или	22,5%
„	171	„	175	„	„	8	„	20%
„	176	„	180	„	„	20	„	50%
„	181	„	184	„	„	3	„	7,5%

Наибольшій поперечный діаметръ у женщинъ въ среднемъ равенъ 146,35 mm. (у мужчинъ—155,9 mm.); онъ больше, чѣмъ у привислянскихъ полекъ (144 mm.), галицкихъ полекъ (145,9 mm.) и бѣлоруссокъ Минской губ. (146 mm.), и меньше, чѣмъ у русинокъ (146,5 mm.) и украинокъ (148,1 mm.). Отъ minimum'а (133 mm.) до maximum'а (155 mm.) величины наибольшого поперечнаго діаметра располагаются слѣдующимъ образомъ:

отъ	133	до	140	mm.	особей	5	или	12,5%
„	141	„	145	„	„	10	„	25%
„	146	„	150	„	„	19	„	47,5%
„	151	„	155	„	„	6	„	15%

Средній головной указатель женщинъ равенъ 83,62; онъ больше, чѣмъ у привислянскихъ полекъ (81,35), галицкихъ полекъ (81,4), русинокъ (82,4), бѣлоруссокъ Слуцкаго у., Минской г. (82,27), и меньше, чѣмъ у шляхтянокъ (84,4) и мѣщанокъ (84,1) Люблинской губ. и подляшанокъ (83,7). Раздѣляя женщинъ по величинѣ головного указателя на группы по схемѣ проф. Брока,

Настоящіе долихоцефалы	(до 75)	особей	—	
Субдолихоцефалы	(отъ 75,01 до 77,77)	„	2 или	5%
Мезатицефалы	(„ 77,78 „ 80,00)	„	2 „	5%
Суббрахицефалы	(„ 80,01 „ 83,33)	„	12 „	30%
Настоящіе брахицефалы	(„ 83,34 и выше)	„	24 „	60%

находимъ преобладаніе крайнихъ брахицефаловъ; затѣмъ слѣдуютъ суббрахицефалы; рѣдко встрѣчаются мезатицефалы и субдолихоцефалы, а настоящіе долихоцефалы совершенно отсутствуютъ. Сравнивая головной указатель женщинъ съ указателемъ мужчинъ,

	Субдолихоцефалы.	Мезатицефалы.	Суббрахицефалы.	Брахицефалы.
Женщины	5%	5%	30%	60%
Мужчины	0,83%	2,5%	25,83%	70,83%

находимъ, что мужчины болѣе короткоголовы, чѣмъ женщины. Средній головной указатель мужчинъ (85,61) почти на 2 единицы больше указателя женщинъ (83,62).

Ушной діаметръ у женщинъ въ среднемъ равенъ 128,3 mm., меньше, чѣмъ у мужчинъ (134,39 mm.), но размѣры ушного діаметра относительно наибольшого поперечнаго діаметра у женщинъ больше (87,67), чѣмъ у мужчинъ (86,20). Чаще встрѣчаются величины ушного діаметра, близкія къ средней величинѣ его.

Отъ 121	до	125 mm.	особей	10	или	25%
„ 126	„	130 „	„	19	„	47,5%
„ 131	„	136 „	„	11	„	27,5%

Наименьшій лобный діаметръ у женщинъ въ среднемъ равенъ 115,275 mm. (у мужчинъ—122,03 mm.). Maximum=125 mm., minimum=107 mm. Малые размѣры наименьшаго лобного діаметра, какъ видно изъ слѣдующей таблицы,

Малый наименьшій лобный діаметръ	(до 107 mm.)	особей	—		
Средній „ „ „	(отъ 107 до 116 mm.)	„	20	или	50%
Большой „ „ „	(„ 116 mm. и выше)	„	20	„	50%

вовсе не встрѣчаются, средніе—встрѣчаются такъ же часто, какъ и большіе. Разсматривая отношеніе наименьшаго лобного діаметра къ наибольшему поперечному,

Узкій лобъ лобный указатель	(до 70)	особей	—		
Умѣренный „ „ „	(отъ 70 до 76)	„	6	или	15%
Широкій „ „ „	(76 и больше)	„	34	„	85%

находимъ полное преобладаніе особей съ широкимъ лбомъ и отсутствіе узколобыхъ. Въ этомъ отношеніи женщины представляютъ полную аналогію съ мужчинами. Средняя величина лобного указателя у женщинъ (78,77) нѣсколько больше, чѣмъ у мужчинъ (78,28).

Величина головы у женщинъ въ среднемъ равна 202,575 mm. (у мужчинъ—215,55 mm.); maximum=230 mm., minimum=184 mm. Средняя величина головы у высокорослыхъ женщинъ такъ же, какъ и у мужчинъ,

	Средняя величина головы.
Высокорослыя (1550 mm. и выше) особей 23	205,826 mm.
Низкорослыя (ниже 1550 mm.) „ 17	198,176 „

больше, чѣмъ у низкорослыхъ. Отношеніе величины головы къ росту у женщинъ=13,05, нѣсколько больше, чѣмъ у мужчинъ (12,94).

Высота черепа у женщинъ въ среднемъ=115,975 mm. (у мужчинъ — 122,593 mm.); maximum = 131 mm., minimum = 98 mm. Отношеніе высоты черепа къ величинѣ головы у женщинъ (57,25) немного больше, чѣмъ у мужчинъ (56,87). Отношеніе высоты черепа къ наибольшей длинѣ его (высотный указатель) у женщинъ = 66,26 (у мужчинъ — 67,32), — къ наибольшей ширинѣ (высотно-широтный указатель) = 79,24 (у мужчинъ--78,63). Слѣдовательно, женщины имѣютъ низкіе и низко-широкіе черепа и въ этомъ отношеніи представляютъ полную аналогію съ мужчинами.

Длина лица (полная—отъ начала роста волосъ на лбу до средины края подбородка) въ среднемъ равна у мужчинъ 181,15 mm.; она больше, чѣмъ у кубанскихъ казаковъ Гильченко (176,8 mm.), малороссовъ Харьковской губ. Эркерта (174,9 mm.), малороссовъ Дибольда (178,78 mm.) и привислянскихъ поляковъ Элькинда (179 mm.), и меньше, чѣмъ у бѣлоруссовъ Слуцкаго у., Минской губ. Рождественскаго (183 mm.). Maximum = 205 mm., minimum = 165 mm. Какъ видно изъ слѣдующей таблицы, размѣры длины лица, близкіе къ средней величинѣ его, встрѣчаются чаще прочихъ.

Отъ	165	до	170	mm.	особей	14	или	11,67%
„	171	„	175	„	„	23	„	19,17%
„	176	„	180	„	„	16	„	13,33%
„	181	„	185	„	„	31	„	25,83%
„	186	„	190	„	„	18	„	15%
„	191	„	195	„	„	11	„	9,17%
„	196	„	200	„	„	1	„	0,83%
„	201	„	205	„	„	6	„	5%

Сопоставляя длину лица съ ростомъ,

		Средняя длина лица.
Высокій ростъ (1700 mm. и выше) особей	38	185,158 mm.
Выше средняго (1650 — 1699 mm.) „	39	179,513 „
Ниже средняго (1600 — 1649 „) „	26	178,577 „
Малый ростъ (ниже 1600 „) „	17	179,882 „
Высокорослые (1650 mm. и выше) „	77	182,298 „
Низкорослые (ниже 1650 mm.) „	43	179,093 „

находимъ, что высокорослые имѣютъ большую длину лица, чѣмъ низкорослые. Въ зависимости отъ возраста длина лица измѣняется слѣдующимъ образомъ:

								Средняя длина лица.
отъ	5	до	13	лѣтъ	особей	26		152,77 mm.
„	21	„	30	„	„	38		179,816 „
„	31	„	40	„	„	36		182,694 „
„	41	„	49	„	„	28		181,93 „
„	50	„	63	„	„	18		179,67 „

Отношеніе длины лица къ росту равно 10,87; оно немного больше, чѣмъ у малороссовъ Дибольда (10,6), малороссовъ Харьковской губ. Эркерта (10,6), кубанскихъ казаковъ Гильченко (10,4), и меньше, чѣмъ у привислянскихъ поляковъ (10,97). Отношеніе длины лица къ величинѣ головы въ среднемъ равно 84,04; maximum=97,93, minimum=74,78.

Наибольшая ширина лица мужчинъ (между скуловыми дугами, ближе къ ушамъ) въ среднемъ равна 140,875 mm.; она больше, чѣмъ у малороссовъ Дибольда (132,38), бѣлоруссовъ Рождественскаго (138 mm.), привислянскихъ поляковъ (138 mm.), меньше, чѣмъ у малороссовъ Харьковской губ. Эркерта (141,42 mm.), и почти равна наибольшей ширинѣ лица кубанскихъ казаковъ Гильченко (140,9 mm.). Чаще всего встрѣчаются размѣры наибольшей ширины лица, близкіе къ средней величинѣ ея.

Отъ	128	до	135	mm.	особей	14	или	11,67%
„	136	„	140	„	„	42	„	35%
„	141	„	145	„	„	45	„	37,5%
„	146	„	153	„	„	19	„	15,83%

Для различныхъ возрастныхъ группъ я нашелъ слѣдующія величины наибольшей ширины лица:

							Средняя наиб. ширина лица.
отъ	5	до	13	лѣтъ	особей	26	121,5 mm.
„	21	„	30	„	„	38	140,632 „
„	31	„	40	„	„	36	140,139 „
„	41	„	49	„	„	28	142,071 „
„	50	„	63	„	„	18	141 „

Лицевой указатель (отношеніе наибольшей ширины лица къ длинѣ его) въ среднемъ=77,77; онъ больше, чѣмъ у малороссовъ Дибольда (74), привислянскихъ поляковъ Элькинда (76,82), и меньше, чѣмъ у кубанскихъ казаковъ (79,6), малороссовъ Харьковской губ. Эркерта (80,8) и бѣлоруссовъ Янчука (79,06). Чаще всего встрѣчаются величины лицевого указателя, близкія къ средней величинѣ его.

Лицевой указатель	отъ	65,82	до	70	особ.	3	или	2,5%
„ „	„	70,01	„	75	„	24	„	20%
„ „	„	75,01	„	80	„	53	„	44,17%
„ „	„	80,01	„	85	„	35	„	29,17%
„ „	„	85,01	„	89,22	„	5	„	4,17%

Раздѣляя мужчинъ по величинѣ лицевого указателя на три группы,

Длинныя лица	(лицевой указатель до 73)	особ. 17	или	14,17%
Овальныя „	(„ „ отъ 73,01 до 82)	„ 88	„	73,33%
Круглыя или скуластыя	(„ „ „ 82,01 и выше)	„ 15	„	12,5%

находимъ значительное преобладаніе особей съ овальными лицами.

Верхняя ширина лица (между наружными краями глазницъ) въ среднемъ равна у мужчинъ 100,242 mm.; она нѣсколько меньше, чѣмъ у привислянскихъ поляковъ (100 mm.). Отъ minimum'а (91 mm.) до maximum'а (112 mm.) величины верхней ширины лица распредѣляются такъ:

отъ	91	до	95 mm.	особей	15	или	12,5%
„	96	„	100 „	„	41	„	34,17%
„	101	„	105 „	„	53	„	44,17%
„	106	„	112 „	„	11	„	9,17%

Отношеніе верхней ширины лица къ наибольшей ширинѣ его варіируетъ въ предѣлахъ отъ 65,94 до 77,14 и въ среднемъ равно 71,16.

Нижняя ширина лица (между углами нижней челюсти) значительно больше верхней; средняя равна 109,2 mm.; она меньше, чѣмъ у малороссовъ Дибольда (115,05 mm.) и малороссовъ Харьковской губерніи Эркерта (110,26 mm.), больше, чѣмъ у привислянскихъ поляковъ (102 mm.), и почти равна нижней ширинѣ лица кубанскихъ казаковъ (109 mm.). Какъ видно изъ слѣдующей таблицы,

Нижняя ширина лица малыхъ размѣр.	(до 108 mm.)	особ. 46	или	38,33%
„ „ „ среднихъ „	(отъ 108 до 114 mm.)	„ 48	„	40%
„ „ „ большихъ „	(„ 114 mm. и выше)	„ 26	„	21,67%

средніе и малые размѣры нижней ширины лица значительно преобладаютъ надъ большими. У кубанскихъ казаковъ Гильченко наблюдалъ 44,26% малыхъ размѣровъ нижней ширины лица, 39,24% среднихъ и только 16,39% большихъ размѣровъ. Отношеніе нижней ширины лица къ длинѣ лица, по моимъ наблюденіямъ, =60,28. У кубанскихъ казаковъ это отношеніе = 61,6, у малороссовъ Харьковской губ. = 63,04, у малороссовъ Кіевской губ.=64,3.

Отношеніе нижней ширины лица къ наибольшей ширинѣ его, по моимъ наблюденіямъ, = 77,52. То же отношеніе у кубанскихъ казаковъ = 77,3, у малороссовъ Харьковской губ. = 77,9, у малороссовъ Кіевской губ.=86,6.

Отношеніе нижней ширины лица къ наибольшему поперечному діаметру, по моимъ наблюденіямъ, =70,04. У кубанскихъ казаковъ то же от-

ношеніе=71,90, у малороссовъ Харьковской губ. = 74,10, у малороссовъ Кіевской губ.=74.00.

Такимъ образомъ и по абсолютнымъ, и по относительнымъ размѣрамъ нижней ширины лица измѣренные мною малороссы с. Спасскаго ближе всего стоятъ къ кубанскимъ казакамъ.

Разстояніе отъ переносья до альвеолярнаго края въ среднемъ равно 62,992 mm. Чаще всего встрѣчаются размѣры этого разстоянія, близкіе къ средней величинѣ его.

Разстояніе отъ перен. до альвеол. края	отъ	54	до	60	mm.	особ.	31	или	25,83%
„ „ „ „ „	„	61	„	65	„	„	55	„	45,83%
„ „ „ „ „	„	66	„	70	„	„	30	„	25%
„ „ „ „ „	„	71	„	74	„	„	4	„	3,33%

Длина носа (разстояніе отъ переносья до подносовой точки) въ среднемъ равна 48,833 mm.; она почти равна средней длинѣ носа кубанскихъ казаковъ (49 mm.) и меньше, чѣмъ у малороссовъ Кіевской губ. Дибольда (57,55 mm.), малороссовъ Харьковской губ. Эркерта (51,2 mm.), бѣлоруссовъ Минской губ. Рождественскаго (52 mm.) и привислянскихъ поляковъ (52,5 mm.). Какъ видно изъ слѣдующей таблицы,

Малая длина носа	(до 50 mm.)	особ.	67	или	55,83%
Средняя „ „	(50—55 „)	„	52	„	43,33%
Большая „ „	(56 mm. и выше)	„	1	„	0,83%

у измѣренныхъ мною малороссовъ преобладаетъ малая длина носа, хотя довольно часто встрѣчается и средняя, а большая встрѣчается очень рѣдко. По длинѣ носа къ нимъ близки кубанскіе казаки. У послѣднихъ г. Гильченко наблюдалъ:

Малый носъ у	39 особ.	63,9%
Средній „ „	20 „	32,8%
Большой „ „	2 „	3,3%

Отношеніе длины носа къ длинѣ лица тоже скорѣе приближаетъ малороссовъ с. Спасскаго къ кубанскимъ казакамъ, чѣмъ къ малороссамъ Кіевской и Харьковской губ. По моимъ наблюденіямъ, это отношеніе въ среднемъ равно 26,96. У кубанскихъ казаковъ оно равно 27,7, у малороссовъ Харьковской губ.—29,3, у малороссовъ Кіевской губ.—32,2.

Ширина носа въ среднемъ равна 34,983 mm.; она больше, чѣмъ у кубанскихъ казаковъ (34,1 mm.) и привислянскихъ поляковъ (33 mm.), и меньше, чѣмъ у малороссовъ Харьковской губ. Эркерта (35,37 mm.) и малороссовъ Кіевской губ. Дибольда (36,89 mm.). Размѣры ширины носа, близкіе къ средней величинѣ ея, преобладаютъ надъ прочими.

Ширина носа	отъ	29	до	32	mm.	особ.	22	или	18,33%
„ „	„	33	„	36	„	„	64	„	53,33%
„ „	„	37	„	40	„	„	30	„	25%
„ „	„	41	„	46	„	„	4	„	3,33%

Носовой указатель (отношеніе ширины носа къ длинѣ его). Средняя величина носового указателя, по моимъ наблюденіямъ, равна 71,64; она больше, чѣмъ у малороссовъ Дибольда (64,1), кубанскихъ казаковъ (69,6), малороссовъ Харьковской губ. Эркерта (69,8) и привислянскихъ поляковъ (63,26). Варіаціи носового указателя отъ minimum'а (53,45) до maximum'а (90,91) можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

отъ 53,45	до 60	особей	6	или	5%
„ 60,01	„ 65	„	12	„	10%
„ 65,01	„ 70	„	35	„	29,17%
„ 70,01	„ 75	„	32	„	26,67%
„ 75,01	„ 80	„	20	„	16,67%
„ 80,01	„ 85	„	10	„	8,33%
„ 85,01	„ 90,91	„	5	„	4,17%

Раздѣляя измѣренныхъ мною малороссовъ на группы узконосыхъ и широконосыхъ и сравнивая ихъ въ этомъ отношеніи съ кубанскими казаками Гильченко и малороссами Харьковской губ. Эркерта и Кіевской губ. Дибольда,

	Лепторины. Нос. указ. до 69.	Мезорины. 69,1—81,3.	Платирины. 81,4 и выше.
Малороссы Черниг. г., мои набл.	48 или 40%	60 или 50%	12 или 10%
Кубанскіе казаки, Гильченко	27 „ 44,26%	30 „ 49,18%	4 „ 6,55%
Малороссы Харьк. губ., Эркертъ	39 „ 48,75%	40 „ 50%	1 „ 1,25%
„ Кіевск. „ Дибольдъ	155 „ 77,5%	39 „ 19,5%	6 „ 3%

находимъ, что по носовому указателю они ближе стоятъ къ кубанскимъ казакамъ, чѣмъ къ малороссамъ Харьковской, а въ особенности Кіевской губ.

Ширина переносья (между внутренними углами глазъ) въ среднемъ равна 31,525 mm; она меньше, чѣмъ у кубанскихъ казаковъ (32,8 mm.), малороссовъ Харьковской губ. Эркерта (33,29 mm.) и малороссовъ Кіевской губ. Дибольда (34,15 mm.).

Малую ширину переносья	(до 32 mm.)	имѣли	60	особ.	или	50%
Среднюю „ „	(32—34 „)	„	49	„	„	40,83%
Большую „ „	(35 mm. и выше)	„	11	„	„	9,17%

У кубанскихъ казаковъ г. Гильченко наблюдалъ:

Малую ширину переносья у	17	особ.	или	27,87%
Среднюю „ „ „	30	„	„	49,18%
Большую „ „ „	14	„	„	23%

Слѣдовательно, у кубанскихъ казаковъ абсолютныя величины ширины переносья больше, чѣмъ у малороссовъ с. Спасскаго. Отношеніе ширины переносья къ ширинѣ носа, по моимъ наблюденіямъ, равно 90,12; оно

меньше, чѣмъ у малороссовъ Кіевской губ. (92,5), Харьковской губ. (94) и кубанскихъ казаковъ (96,2). Изъ слѣдующей таблицы видно,

	Малор. Черниг. губ., мои наблюденія.	Малор. Харьк. губ., Эркертъ.	Малор. Кіевск. губ., Дибольдъ.	Кубанскіе казаки, Гильченко.
Ширина переносья больше ширины носа . . .	11 или 9,17%	8 или 10%	38 или 19%	19 или 31,14%
Ширина переносья равна ширинѣ носа.	12 „ 10%	13 „ 16,25%	17 „ 8,5%	3 „ 4,92%
Ширина переносья меньше ширины носа . . .	97 „ 80,83%	59 „ 73,75%	145 „ 72,5%	39 „ 63,93%

что малороссы Черниговской губ. по соотношенію величинъ ширины переносья и ширины носа ближе стоятъ къ малороссамъ Харьковской и Кіевской губ., чѣмъ къ кубанскимъ казакамъ. У кубанскихъ казаковъ ширина переносья чаще, чѣмъ у другихъ малороссовъ, превышаетъ ширину носа, что, по мнѣнію Гильченко, указываетъ на большую примѣсь у нихъ инородческаго элемента, по всей вѣроятности, тюркскаго. Сравнивая отношеніе ширины переносья съ другими размѣрами у малороссовъ,

	Отнош. ширины переносья къ росту.	Отнош. ширины переносья къ полн. длинѣ лица.	Отнош. шир. переносья къ наиб. ширинѣ лица.
Малороссы Черниг. г., мои наблюд.	1,89	17,4	22,38
Кубанскіе казаки, Гильченко . . .	1,93	18,5	23,28
Малороссы Харьк. губ., Эркертъ .	2,02	19,03	23,5
„ Кіевск. „ Дибольдъ	2,04	19,1	25,8

находимъ, что эти величины у измѣренныхъ мною малороссовъ меньше, чѣмъ у другихъ украинцевъ, и что онѣ ближе всего стоятъ къ соотвѣтствующимъ величинамъ кубанскихъ казаковъ.

Нижняя треть лица (разстояніе отъ подносовой точки до средины подбородка), по моимъ наблюденіямъ, въ среднемъ = 72,125 mm.; она больше, чѣмъ у кубанскихъ казаковъ (68,8 mm.), малороссовъ Дибольда (67,7 mm.) и малороссовъ Эркерта (66,24 mm.). Maximum = 85 mm., minimum = 61 mm. Слѣдующая таблица показываетъ,

Нижняя треть лица малыхъ размѣровъ	(до 68 mm.)	особ.	33 или	27,5%
„ „ „ среднихъ „	(69—72 „)	„	30 „	25%
„ „ „ большихъ „	(73 mm. и выше)	„	57 „	47,5%

что у измѣренныхъ мною малороссовъ есть очевидная склонность къ большимъ размѣрамъ нижней трети лица. У кубанскихъ казаковъ Гильченко нашелъ, напротивъ, склонность къ малымъ размѣрамъ нижней трети лица. Отношеніе нижней трети лица къ длинѣ лица, по моимъ наблюденіямъ, въ

среднемъ = 39,81. У кубанскихъ казаковъ это отношеніе = 38,9, у малороссовъ Харьковской губ.=37,8, у малороссовъ Кіевской губ.=37,8.

Длина уха въ среднемъ равна 61,417 mm. Maximum=72 mm., minimum = 52 mm. У кубанскихъ казаковъ Гильченко нашелъ длину праваго уха=60,7 mm., лѣваго=58 mm. Я измѣрялъ только длину лѣваго уха. Чаще всего встрѣчаются размѣры длины уха, близкіе къ средней величинѣ ея.

Длина	уха	отъ	52	до	55	mm.	особ.	4	или	3,33%
„	„	„	56	„	60	„	„	49	„	40,83%
„	„	„	61	„	65	„	„	48	„	40%
„	„	„	66	„	70	„	„	18	„	15%
„	„	„	71	„	72	„	„	1	„	0,83%

Ширина уха въ среднемъ равна 33,542 mm.; maximum = 39 mm., minimum = 29 mm. Нижеслѣдующая таблица показываетъ варіаціи этого размѣра отъ minimum'а до maximum'а:

отъ	29	до	30	mm.	особей	6	или	5%
„	31	„	32	„	„	34	„	28,33%
„	33	„	34	„	„	44	„	36,67%
„	35	„	36	„	„	24	„	20%
„	37	„	39	„	„	12	„	10%

Отношеніе ширины уха къ его длинѣ въ среднемъ=54,61.

Длина лица у женщинъ въ среднемъ=168,7 mm. (у мужчинъ—181,15 mm.); она меньше, чѣмъ у бѣлорусскихъ женщинъ Минской губ., измѣренныхъ А. Рождественскимъ (170,9 mm.), и больше, чѣмъ у привислянскихъ полекъ Элькинда (165 mm.). Отъ minimum'а (153 mm.) до maximum'а (187 mm.) длина лица у женщинъ варіируетъ слѣдующимъ образомъ:

отъ	153	до	160	mm.	особей	5	или	12,5%
„	161	„	165	„	„	7	„	17,5%
„	166	„	170	„	„	13	„	32,5%
„	171	„	175	„	„	7	„	17,5%
„	176	„	180	„	„	5	„	12,5%
„	181	„	187	„	„	3	„	7,5%

Сопоставляя длину лица женщинъ съ ростомъ,

	Средняя длина лица.
Высокорослыя (1550 mm. и выше) особ. 23	168,782 mm.
Низкорослыя (ниже 1550 mm.) „ 17	168,588 „

находимъ, что средняя длина лица высокорослыхъ на очень малую величину превышаетъ этотъ размѣръ низкорослыхъ.

Отношеніе длины лица къ росту у женщинъ (10,87) равно соотвѣтствующей величинѣ мужчинъ. У привислянскихъ полекъ это отношеніе = 10,75. Отношеніе длины лица къ величинѣ головы у женщинъ (83,28) нѣсколько меньше, чѣмъ у мужчинъ (84,04).

Наибольшая ширина лица женщинъ въ среднемъ равна 131,75 mm. (у мужчинъ—140,875 mm.); она больше, чѣмъ у привислянскихъ полекъ (129 mm.), галицкихъ полекъ (129,7 mm.) и русинокъ (120,1 mm.), и меньше, чѣмъ у полекъ-мѣщанокъ (133,1 mm.) и крестьянокъ (133,3 mm.) Люблинской губ. (Олехновичъ) и украинокъ (132 mm.) (Талько-Гринцевича). Варіаціи ширины лица отъ minimum'а (121 mm.) до maximum'а (138 mm.) показываетъ слѣдующая таблица:

отъ	121	до	125	mm.	особей	1	или	2,5%
„	126	„	130	„	„	14	„	35%
„	131	„	135	„	„	14	„	35%
„	136	„	138	„	„	11	„	27,5%

Лицевой указатель женщинъ въ среднемъ=78,1 (у мужчинъ—77,77); онъ меньше, чѣмъ у привислянскихъ полекъ (78,34). Maximum=89,61, minimum=70,35. Величины лицевого указателя, близкія къ средней величинѣ его, преобладаютъ надъ прочими.

Лицевой указатель	отъ	70,35	до	75	особей	4	или 10%
„ „	„	75,01	„	80	„	22	„ 55%
„ „	„	80,01	„	85	„	12	„ 30%
„ „	„	85,01	„	89,61	„	2	„ 5%

Раздѣляя женщинъ по величинѣ лицевого указателя на три группы,

Длинныя лица	(лицев. указат.	до 73)	особей	3	или 7,5%
Овальныя „	(„ „	73,01—82)	„	32	„ 80%
Круглыя или скуластыя лица	(„ „	82,01 и выше)	„	5	„ 12,5%

находимъ такъ же, какъ и у мужчинъ, значительное преобладаніе особей съ овальными лицами.

Верхняя ширина лица у женщинъ въ среднемъ равна 96,275 mm. (у мужчинъ—100,242 mm.); она нѣсколько меньше, чѣмъ у привислянскихъ полекъ (97 mm.). Какъ видно изъ слѣдующей таблицы,

Верхняя ширина лица	отъ	88	до	90	mm.	особ.	5	или 12,5%
„ „ „	„	91	„	95	„	„	9	„ 22,5%
„ „ „	„	96	„	100	„	„	20	„ 50%
„ „ „	„	101	„	105	„	„	6	„ 15%

чаще всего встрѣчаются размѣры верхней ширины лица, близкіе къ средней величинѣ ея. Отношеніе верхней ширины лица къ наибольшей ширинѣ его варіируетъ въ предѣлахъ отъ 67,64 до 79,34 и въ среднемъ равно 73,07 (у мужчинъ—71,16).

Нижняя ширина лица у женщинъ, какъ и мужчинъ, больше верхней. Средняя = 99,025 mm. (у мужчинъ—109,2 mm.). У привислян-

скихъ полекъ нижняя ширина лица=96,5 mm. Отъ minimum'a (88 mm.) до maximum'a (112 mm.) величины нижней ширины лица располагаются такъ:

отъ	88	до	90	mm.	особей	3	или	7,5%
„	91	„	95	„	„	9	„	22,5%
„	96	„	100	„	„	12	„	30%
„	101	„	105	„	„	10	„	25%
„	106	„	112	„	„	6	„	15%

Отношеніе нижней ширины лица къ наибольшей ширинѣ его у женщинъ варіируетъ въ предѣлахъ отъ 65,21 до 82,57 и въ среднемъ равно 75,16 (у мужчинъ—77,52).

Разстояніе отъ переносья до альвеолярнаго края у женщинъ въ среднемъ равно 59,4 mm. (у мужчинъ—62,992 mm.). Чаще всего встрѣчаются размѣры этого разстоянія, близкіе къ средней величинѣ его.

Отъ	53	до	55	mm.	особей	6	или	15%
„	56	„	60	„	„	18	„	45%
„	61	„	65	„	„	14	„	35%
„	66	„	68	„	„	2	„	5%

Длина носа у женщинъ въ среднемъ=45,35 mm. (у мужчинъ—48,833 mm.); она значительно меньше, чѣмъ у привислянскихъ полекъ (49 mm.). Отъ minimum'a (40 mm.) до maximum'a (50 mm.) величины длины носа располагаются такъ:

отъ	40	до	42	mm.	особей	9	или	22,5%
„	43	„	44	„	„	5	„	12,5%
„	45	„	46	„	„	11	„	27,5%
„	47	„	48	„	„	9	„	22,5%
„	49	„	50	„	„	6	„	15%

Отношеніе длины носа къ длинѣ лица у женщинъ въ среднемъ равно 26,88 (у мужчинъ—26,96).

Ширина носа у женщинъ въ среднемъ=32,475 mm. (у мужчинъ—34,983 mm.); она больше, чѣмъ у привислянскихъ полекъ (30 mm.). Нижеслѣдующая таблица показываетъ варіаціи ширины носа отъ minimum'a (25 mm.) до maximum'a (37 mm.):

Отъ	25	до	27	mm.	особей	1	или	2,5%
„	28	„	29	„	„	3	„	7,5%
„	30	„	31	„	„	10	„	25%
„	32	„	33	„	„	8	„	20%
„	34	„	35	„	„	14	„	35%
„	36	„	37	„	„	4	„	10%

Носовой указатель женщинъ въ среднемъ = 71,61 (у мужчинъ — 71,64); онъ значительно больше, чѣмъ у привислянскихъ полекъ

(60,91). Расположеніе величинъ носового указателя отъ minimuma 58,14) до maximum'a (90,24) видно изъ слѣдующей таблицы:

отъ 58,14	до	65	особей	6	или	15%
„ 65,01	„	70	„	10	„	25%
„ 70,01	„	75	„	12	„	30%
„ 75,01	„	80	„	6	„	15%
„ 80,01	„	85	„	4	„	10%
„ 85,01	„	90,24	„	2	„	5%

Раздѣляя женщинъ на группы узконосыхъ и широконосыхъ,

	Женщины.	Мужчины.
Лепторины (до 69)	особ. 15 или 37,5%	особ. 48 или 40%
Мезорины (69,1 — 81,3)	„ 20 „ 50%	„ 60 „ 50%
Платирины (81,4 и выше)	„ 5 „ 12,5%	„ 12 „ 10%

находимъ въ этомъ отношеніи полную аналогію ихъ съ мужчинами.

Ширина переносья у женщинъ въ среднемъ равна 30,075 mm. (у мужчинъ—31,525 mm.); она меньше, чѣмъ у привислянскихъ полекъ (31 mm.). По ширинѣ переносья женщины, какъ видно изъ слѣдующей таблицы,

	Женщины.	Мужчины.
Малая ширина переносья (до 31 mm.)	особ. 32 или 80%	особ. 60 или 50%
Средняя „ „ (32—34 mm.)	„ 7 „ 17,5%	„ 49 „ 40,83%
Большая „ „ (35 mm. и выше)	„ 1 „ 2,5%	„ 11 „ 9,17%

значительно отличаются отъ мужчинъ гораздо большимъ преобладаніемъ малыхъ размѣровъ ширины переносья, меньшимъ числомъ среднихъ размѣровъ и незначительнымъ—большихъ. Сравнивая ширину переносья съ шириной носа у отдѣльныхъ особей,

	Женщины.	Мужчины.
Ширина переносья больше ширины носа	особ. 5 или 12,5%	особ. 11 или 9,17%
„ „ равна ширинѣ „	„ 6 „ 15%	„ 12 „ 10%
„ „ меньше ширины „	„ 29 „ 72,5%	„ 97 „ 80,83%

находимъ въ этомъ отношеніи у женщинъ близкое сходство съ мужчинами. Сопоставляя относительныя величины ширины переносья женщинъ и мужчинъ,

	Женщины.	Мужчины.
Отношеніе ширины переносья къ росту	1,93	1,89
„ „ „ „ ширинѣ носа . . .	92,61	90,12
„ „ „ „ длинѣ лица. . . .	17,83	17,4
„ „ „ „ наибольш шир. лица	22,33	22,38

находимъ, что у женщинъ эти величины нѣсколько больше, чѣмъ у мужчинъ, но очень близки къ соотвѣтствующимъ величинамъ послѣднихъ.

Нижняя треть лица (разстояніе отъ подносовой точки до средины подбородка) у женщинъ въ среднемъ равна 65,125 mm. (у мужчинъ — 72,125 mm.); maximum = 78 mm., minimum = 56 mm. Какъ видно изъ слѣдующей таблицы,

	Женщины.	Мужчины.
Нижняя треть лица малыхъ размѣр. (до 68 mm.)	особ. 32 или 80%	особ. 33 или 27,5%
„ „ „ среднихъ „ (69 — 72 mm.)	„ 6 „ 15%	„ 30 „ 25%
„ „ „ большихъ „ (73 mm. и выше)	„ 2 „ 5%	„ 57 „ 47,5%

у женщинъ значительно преобладаютъ малые размѣры нижней трети лица, а у мужчинъ—большіе. Отношеніе нижней трети лица къ длинѣ лица у женщинъ = 38,6 (у мужчинъ — 39,81).

Длина уха у женщинъ въ среднемъ равна 59,075 mm. (у мужчинъ — 61,417 mm.). Maximum = 71 mm., minimum = 51 mm. Чаще всего встрѣчаются размѣры длины уха, близкіе къ средней величинѣ ея.

Длина уха отъ	51	до	55	mm.	особ.	6	или	15%
„ „ „	56	„	60	„	„	19	„	47,5%
„ „ „	61	„	65	„	„	12	„	30%
„ „ „	66	„	71	„	„	3	„	7,5%

Ширина уха у женщинъ въ среднемъ = 32,325 mm. (у мужчинъ — 33,542 mm.). Слѣдующая таблица показываетъ варіаціи ширины уха отъ minimum'а до maximum'а:

Ширина уха отъ	28	до	29	mm.	особ.	3	или	7,5%
„ „ „	30	„	31	„	„	12	„	30%
„ „ „	32	„	33	„	„	14	„	35%
„ „ „	34	„	35	„	„	10	„	25%
„ „ „	36	„	37	„	„	1	„	2.5%

Отношеніе ширины уха къ длинѣ его у женщинъ = 54,72 (у мужчинъ—54,61).

На основаніи описанныхъ антропологическихъ данныхъ можно дать слѣдующую физическую характеристику малороссовъ с. Спасскаго, Кролевецкаго у., Черниговской губ. Темный цвѣтъ волосъ на головѣ какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ значительно преобладаетъ надъ свѣтлымъ. По цвѣту волосъ на головѣ малороссы с. Спасскаго очень близки къ малороссамъ Харьковской и Кіевской губ. Свѣтлые глаза (преимущественно сѣрые) у мужчинъ встрѣчаются гораздо чаще (75,8%), чѣмъ у всѣхъ другихъ украинцевъ, относительно которыхъ извѣстны антропологическія наблюденія въ этомъ отношеніи. У женщинъ свѣтлые глаза тоже преобладаютъ надъ темными, но въ значительно меньшей степени (57,5%), чѣмъ

у мужчинъ. Распредѣленіе цвѣта глазъ среди женщинъ почти совпадаетъ съ распредѣленіемъ его среди малороссовъ Кіевской губ. (Дибольдъ) и кубанскихъ казаковъ (Гильченко). Смѣшанный типъ преобладаетъ надъ темнымъ и свѣтлымъ, взятыми отдѣльно. Свѣтлый типъ выраженъ сильнѣе, чѣмъ темный. Въ распредѣленіи по типамъ малороссы с. Спасскаго приближаются къ малороссамъ Кіевской губ. (Талько-Гринцевичъ) и кубанскимъ казакамъ (Гильченко).

Борода и усы у малороссовъ с. Спасскаго въ большинствѣ случаевъ небольшіе, рѣдкіе. Большіе усы и бороды встрѣчаются очень рѣдко (5%), средніе—довольно часто (32,5%). Баки выражены очень слабо. Почти у половины всѣхъ изслѣдованныхъ мною мужчинъ (48,33%) бакъ совсѣмъ не было; очень рѣдко встрѣчались особи съ большими густыми баками. Цвѣтъ волосъ на бородѣ, усахъ и бакахъ въ большинствѣ случаевъ (72,65%) свѣтлый — отъ свѣтло-русаго и бѣлокураго съ рыжеватымъ оттѣнкомъ до ярко-рыжаго.

Мужчины обладаютъ преимущественно ростомъ выше средняго и высокимъ. По общей средней величинѣ роста они стоятъ очень близко къ малороссамъ Кіевской губ. Наибольшій ростъ имѣютъ особи темнаго типа, наименьшій — особи свѣтлаго типа. Женщины замѣтно выдѣляются среди женщинъ родственныхъ народностей своимъ сравнительно высокимъ ростомъ и очень близки по величинѣ средняго роста къ украинкамъ, измѣреннымъ Талько-Гринцевичемъ.

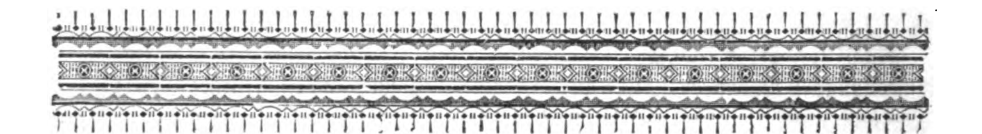
Горизонтальная окружность головы у мужчинъ чаще встрѣчается малыхъ размѣровъ (51,67%). По абсолютной и относительной (относительно роста) величинѣ горизонтальной окружности головы малороссы с. Спасскаго очень близки къ кубанскимъ казакамъ и малороссамъ Кіевской губ. (Талько-Гринцевичъ). Абсолютная величина горизонтальной окружности головы у женщинъ значительно меньше, чѣмъ у мужчинъ, а относительная—больше, чѣмъ у мужчинъ. По формѣ головы малороссы с. Спасскаго представляютъ собою крайнихъ брахицефаловъ. Головной указатель ихъ (85,61) очень близокъ къ указателю сѣверныхъ славянъ (85,7) (Вейсбахъ) и русинскихъ горцевъ (85) (Майеръ и Коперницкій), а изъ украинцевъ ближе всего къ указателю малороссовъ Кіевской губ. (84,53) (Дибольдъ). Женщины тоже короткоголовы, но въ значительно меньшей степени, чѣмъ мужчины. Головной указатель женщинъ = 83,62. У привислянскихъ поляковъ Элькиндъ, напротивъ, констатируетъ большую брахицефалію женщинъ въ сравненіи съ мужчинами, но, по его словамъ, «большая брахицефалія у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ одной и той же народности, требуетъ еще дальнѣйшаго подтвержденія, особенно, въ виду того, что другіе авторы получили противоположные результаты».

При крайней брахицефаліи малороссы с. Спасскаго рѣзко выдѣляются среди другихъ украинцевъ слишкомъ широкимъ лбомъ. Средняя величина

наименьшаго лобнаго діаметра мужчинъ равна 122,03 mm. Абсолютная величина наименьшаго лобнаго діаметра у женщинъ значительно меньше (115,275 mm.), но относительная (относ. наиб. поперечн. діам.) (78,77)— нѣсколько больше, чѣмъ у мужчинъ (78,28).

По строенію лица, по его абсолютнымъ и относительнымъ размѣрамъ, изслѣдованные мною малороссы ближе всего стоятъ къ кубанскимъ казакамъ. Только по относительной ширинѣ переносья (относительно ширины носа) они ближе къ малороссамъ Харьковской и Кіевской губ., чѣмъ къ кубанскимъ казакамъ. Длина лица у нихъ малая. Лобъ, т.-е. верхняя треть лица, небольшихъ размѣровъ. Еще меньше носъ, т.-е. средняя треть лица. Нижняя треть лица (разстояніе отъ подносовой точки до средины подбородка), напротивъ, значительныхъ размѣровъ. Женщины въ строеніи лица, при значительно меньшихъ абсолютныхъ размѣрахъ его, по относительнымъ размѣрамъ представляютъ почти полную аналогію съ мужчинами.

Ѳ. Бѣлодѣдъ.

Малороссы Волынской губерніи.

Въ 1902 г. мнѣ удалось въ с. Пульмо, Владиміро - Волынскаго у., произвести антропометрическія измѣренія 48 малороссовъ-мужчинъ, въ возрастѣ 18 — 64 лѣтъ. Настоящая статья имѣетъ цѣлью сообщить нѣкоторые результаты этихъ изслѣдованій.

Малороссъ Владиміро-Волынскаго у. производитъ впечатлѣніе человѣка средняго по тѣлосложенію, но крѣпкаго, сильнаго, съ хорошо развитой мускулатурой. По цвѣту волосъ на головѣ чаще наблюдались темнорусые (27 суб. или 56%), нежели свѣтлорусые (21 суб. или 44%). Такое же преобладаніе темнорусыхъ надъ свѣтлорусыми констатировано и другими изслѣдователями малороссовъ. Совершенно обратное наблюдается въ цвѣтѣ усовъ: свѣтлорусые усы изъ 48 изслѣдованныхъ мною человѣкъ имѣли 40 суб. (83%), а темнорусые—только 4 суб. (8%). Что касается цвѣта глазъ, то онъ у большинства волынскихъ малороссовъ, въ противоположность цвѣту волосъ, имѣетъ свѣтлые, а не темные оттѣнки: голубой цвѣтъ — у 30 особей (63%), свѣтлокарій — у 10 (21%) и карій — у 8 (17%). Подраздѣляя изслѣдованныхъ малороссовъ по цвѣту волосъ и глазъ на три типа: свѣтлый, темный и смѣшанный, мы находимъ больше всего представителей свѣтлаго типа (41, 7%), а темнаго и смѣшаннаго—поровну (29,2%).

Ростъ. Въ своемъ извѣстномъ трудѣ: «О географическомъ распредѣленіи роста мужскаго населенія Россіи по даннымъ о всеобщей воинской повинности въ Имперіи за 1874—1883 гг.» проф. Д. Н. Анучинъ опредѣляетъ средній ростъ населенія Волынской губ. въ 1643 mm. Результаты моихъ измѣреній оказываются довольно близкими къ этой величинѣ. Среди измѣренныхъ мною малороссовъ ростъ колеблется въ предѣлахъ отъ 1520 до 1800 mm., давая среднюю величину въ 1657 mm. При распредѣленіи цифръ по категоріямъ роста Брока, находимъ, что низкимъ ростомъ обладаютъ 8 суб., ростомъ ниже средняго — 10, выше средняго — 22 и высокимъ— 8 суб., т.-е. высокорослыхъ въ общемъ на 25% болѣе, нежели низкорослыхъ.

Горизонтальная окружность головы измѣренныхъ мною особей имѣетъ среднюю величину въ 551 mm.; maximum — 580, а mini-

mum—530 mm.; %-ное отношеніе къ росту—33,2% (max.—36,84, min.—31,32).

Поперечная дуга равна въ среднемъ 333,44 mm. Эта величина сильно колеблется въ ту и другую сторону: max.—350, min.—290 mm., разность—60 mm.; %-ное отношеніе поперечной дуги къ росту—20,12, къ горизонтальной окружности—60,49.

Продольная дуга (отъ переносья до затылочнаго бугра) имѣетъ въ среднемъ величину = 330 mm.; min.—315, max.—350 mm.; %-ное отношеніе къ росту—19,9, къ горизонтальной окружности головы—50,9.

Продольный діаметръ головы малороссовъ Волынской губ. варьируетъ въ предѣлахъ отъ 177 до 203 mm. Наибольшее число субъектовъ имѣетъ продольный діаметръ между 185—190 mm.; въ этихъ предѣлахъ лежитъ и общая средняя, равная 185,5 mm.; %-ное отношеніе діаметра къ росту—11, 2%.

Наибольшій поперечный діаметръ колеблется отъ 143 до 158 mm.; наибольшее число субъектовъ имѣетъ поперечный діаметръ между 145—150 mm. Здѣсь лежитъ и средняя его, равная 148,3 mm. Отношеніе этого діаметра къ росту равно 8,95.

Головной указатель варьируетъ отъ 71,9 до 87,6; наибольшее число особей имѣетъ головной указатель отъ 75,5 до 80; въ этихъ предѣлахъ лежитъ и средняя головного указателя, равная 79,78.

Располагая измѣренныхъ особей по головному указателю, слѣдуя схемѣ проф. Брока, находимъ, что

Долихоцефаловъ	было	2	суб.	или	4, 2%
Субдолихоцефаловъ	„	13	„	„	27, 1%
Мезатицефаловъ	„	16	„	„	33, 3%
Суббрахицефаловъ	„	13	„	„	27, 1%
Брахицефаловъ	„	4	„	„	8, 3%

Изъ этой таблицы видно, что малороссы Волынской губ., при незначительномъ числѣ долихоцефаловъ и брахицефаловъ, дали болѣе всего мезатицефаловъ, при одиноковомъ числѣ субдолихоцефаловъ и суббрахицефаловъ.

Зависимость головного указателя отъ цвѣта волосъ на головѣ на полученномъ мною матеріалѣ такова:

	Крайніе долихоцефалы.	Субдолихоцефалы.	Среднеголовые.	Суббрахицефалы.	Крайніе брахицефалы.
Темноволосые. .	2	7	9	7	2
Свѣтловолосые .	—	6	7	6	2

Ушной діаметръ въ среднемъ равенъ 143,52 mm., имѣя maximum = 155 mm., a minimum = 129 mm.; %-ное отношеніе къ росту—

8,6%; %-ное отношеніе къ наибольшему поперечному діаметру, т.-е. ушной показатель — 96,77%.

Наименьшій лобный діаметръ въ среднемъ равенъ 103, 27 mm., колеблясь въ предѣлахъ между 94 — 117 mm.; %-ное отношеніе къ росту = 6,1; лобный указатель, т.-е. отношеніе наибольшаго лобнаго діаметра къ наибольшему поперечному діаметру равно 69,63.

Лицевая линія или полная длина лица (отъ начала роста волосъ на лбу до середины края подбородка) равна въ среднемъ 181,6 mm. Индивидуальные размѣры ея варьируютъ въ предѣлахъ отъ 165 mm. до 200 mm. Считая лицевую линію до 184 mm. за малую, отъ 184 до 194 mm. — среднихъ размѣровъ, а выше 194 mm. — большихъ азмѣровъ, находимъ, что изъ нашихъ малороссовъ малую лицевую линію имѣли 29 суб., среднюю—16 и большую—3 суб.; %-ное отношеніе лицевой линіи къ росту — 10,9%.

Верхняя треть лица (лобъ) у измѣренныхъ мною особей равняется 60,7 mm. (min. — 48, max. — 76 mm.). Считая величину лба до 66 mm. малой, отъ 66 до 70 mm. — средней и выше 70 mm. — большой, получимъ, что малый лобъ имѣли 34 суб., средній—10 и большой --4 суб. Взятая по отношенію къ росту, верхняя треть лица равняется 3,66, а по отношенію къ лицевой линіи — 33,43.

Средняя треть лица (носъ). Подъ длиною носа или средней трети лица подразумѣвается разстояніе отъ переносья до подносовой точки, а подъ шириной носа — наибольшая ширина въ носовыхъ крыльяхъ. Средняя величина длины носа у нашихъ малороссовъ равна 55,02 mm. (min. — 47, max. — 61 mm.); отношеніе длины носа къ росту — 3,32%, ко всей лицевой линіи — 30,3, ко лбу — 90,64, къ нижней трети лица — 80,99. Считая абсолютныя величины до 50 mm. малыми размѣрами, отъ 50 до 56 mm. — средними и выше 56 mm. — большими, находимъ, что носъ малаго размѣра имѣли 11 суб., средняго — 25 и большаго — 12 суб., т.-е. преобладаетъ носъ среднихъ размѣровъ.

Ширина носа равна въ среднемъ 35,65 mm.; min. —28, max. —42 mm

Носовой указатель, т.-е. отношеніе ширины носа къ его длинѣ равно 66,76. При подраздѣленіи на группы узконосыхъ (менѣе 70), средненосыхъ (отъ 70 до 84,9) и ширококоносыхъ (отъ 85), лепторинами оказываются 33 суб. или 68,75% и мезоринами — 15 суб. или 31,25%; платирины совсѣмъ отсутствуютъ.

Межглазничное пространство равно въ среднемъ 29,77 mm. (min. — 25, max. — 37 mm.). Принимая размѣры межглазничнаго пространства до 31 mm. — за малые, отъ 31 до 34 mm. — за средніе и выше 34 mm. — за большіе, находимъ малые размѣры у 35 суб., средніе—у 5 и большіе—у 8; слѣдовательно, чаще всего встрѣчается узкое ежглазничное пространство.

Нижняя треть лица (разстояніе отъ подносовой точки до подбородочной) равна въ среднемъ 67,93 mm. (min.— 57, max.— 78 mm.). Распредѣляя индивидуальныя величины нижней трети лица по группамъ и принимая величину до 68 mm.— за малую, отъ 68 до 73 mm.— за среднюю и выше 73 mm.— за большую, находимъ малую величину у 22 суб., среднюю — у 15 и большую — у 11 суб. Взятая по отношенію къ росту, нижняя треть лица составляетъ 4,09% его.

Наибольшая ширина лица измѣрялась между наиболѣе выдающимися точками скуловыхъ дугъ. Измѣренная такимъ образомъ, она равна въ среднемъ 136,58 mm. (min.— 132 mm., max.— 154 mm.). Отношеніе наиб. ширины лица къ лицевой линіи (лицевой указатель) равно 75,21.

Верхняя ширина лица, измѣренная между наружными краями глазницъ, равна въ среднемъ 118,34 mm. (min.— 104, max.— 131 mm.).

Нижняя ширина лица, измѣренная между углами нижней челюсти, равна въ среднемъ 108,77 mm., имѣя maximum 126 mm., а minimum—99 mm. Принимая разстояніе между углами нижней челюсти до 107 mm. за малое, отъ 108 до 114 mm.— за среднее и выше 115 mm.— за большое, находимъ, что нижнюю ширцну лица малыхъ размѣровъ имѣютъ 19 суб., среднихъ — 22 и большихъ — 7 суб. Отношеніе нижней ширины лица ко всей лицевой линіи равно 59,89, къ наибольшему поперечному діаметру — 73,4, къ наименьшему лобному діаметру — 105,32.

Длина уха (измѣрялось скользящимъ циркулемъ только правое ухо) равна въ среднемъ 61,17 mm. (min.— 50, max.— 71 mm.).

Что касается ширины уха (праваго), то въ среднемъ она=33,27 mm., варьируя отъ 38 до 29 mm. Отношеніе ширины уха къ длинѣ его — 54,39.

Длина руки непосредственно не измѣрялась, а получена вычитаніемъ разстоянія отъ пола нижняго конца вытянутаго средняго пальца руки изъ разстоянія отъ пола верхнеплечевого отростка. Во всѣхъ случаяхъ измѣрялась только правая рука. Полученная величина длины руки въ среднемъ = 749,89 mm. (min.— 660, max.— 960 mm.). Отношеніе къ росту— 45,26.

Что касается отдѣльныхъ частей верхней конечности, то

а) Плечо, полученное вычитаніемъ разстоянія отъ пола epicondylus'a изъ разстоянія отъ пола верхнеплечевого отростка, въ среднемъ = 317,81 mm. (min.— 265, max.— 430 mm.); отношеніе ко всей конечности — 42,38, отношеніе къ росту — 19,12%.

b) Предплечіе, полученное вычитаніемъ разстоянія отъ пола шиловиднаго отростка лучевой кости изъ разстоянія отъ пола epicondylus'a, въ среднемъ = 240,1 mm. (min.— 200, max.— 315 mm.); отношеніе къ росту—14,48, ко всей верхней конечности—32,02, къ длинѣ плеча—75,55.

c) **Кисть** получена вычитаніемъ разстоянія отъ пола нижняго конца вытянутаго средняго пальца руки (правой) изъ разстоянія отъ пола шиловиднаго отростка лучевой кости; въ среднемъ она = 176,88 mm. (min. — 100, max. — 215 mm.); отношеніе къ росту — 10,67, къ длинѣ руки — 22,12, къ плечевой части — 55,65, къ предплечью — 73,67.

Длина ноги. За величину нижней конечности принималось разстояніе отъ пола верхняго края большаго вертела. Измѣрялась всегда правая конечность; средняя длина ея — 903,33 mm. (min. — 800, max. — 980); отношеніе къ росту — 54,51.

Изъ отдѣльныхъ частей нижней конечности

a) **Бедро** получено вычитаніемъ разстоянія отъ пола линіи колѣннаго сустава изъ разстоянія отъ пола большаго вертела; въ среднемъ оно равно 473,44 mm. (min. — 400, max. — 550 mm.); отношеніе къ росту — 28,51, ко всей длинѣ ноги — 52,41.

b) **Голень** (разность между высотой сочленовной линіи колѣннаго сустава и внутренней лодыжки) равняется въ среднемъ 371,19 mm. (min. — 306, max. — 420 mm.); отношеніе къ росту — 22,4, къ длинѣ нижней конечности — 41,09, къ длинѣ бедра — 78,4.

c) **Высота лодыжки** въ среднемъ равна 58,29 mm. (min. — 45, max. — 70 mm.); отношеніе къ росту — 3,52, къ нижней конечности — 6,45.

d) **Ступня** въ среднемъ равна 257,71 mm. (min. — 230, max. — 290 mm.); отношеніе къ росту — 15,55, къ нижней конечности — 28,53. При этомъ нелишне отмѣтить, что изъ 48 изслѣдованныхъ субъектовъ двое имѣли второй палецъ длиннѣе перваго.

Объемъ груди у измѣренныхъ мною малороссовъ равенъ въ среднемъ 890,63 mm., достигая maximum'а въ 1010 mm., а minimum'а — въ 840 mm. Отношеніе объема груди къ росту — 53,75.

О высотѣ надъ поломъ нѣкоторыхъ точекъ даетъ представленіе слѣдующая таблица:

Высота надъ поломъ.	Minimum.	Maximum.	Разность.	Среднее.	Отношеніе къ росту.
Слуховаго отверстія	1380	1650	270	1522,71	91,89
Нижняго края подбородка.	1290	1565	275	1439,69	86,88
Вырѣзки грудины	1225	1470	245	1338,12	80,76
Сосковъ.	1100	1300	200	1199,89	72,41
Пупка.	870	1040	170	974,69	58,82

Дѣлая сводку вышеприведенныхъ данныхъ и присоединяя къ нимъ нѣкоторыя другія данныя изъ моихъ наблюденій, можно охарактеризовать физическій типъ волынскихъ малороссовъ слѣдующимъ образомъ: по цвѣту

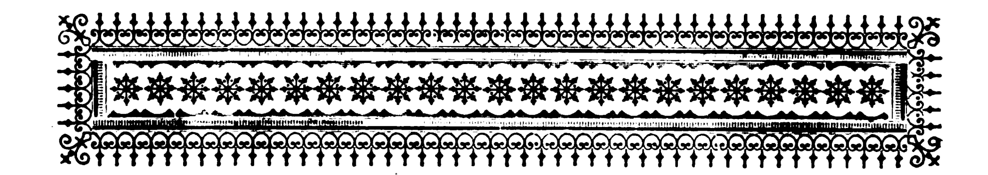
волосъ на головѣ среди нихъ нѣсколько больше темнорусыхъ (56%), нежели свѣтлорусыхъ (44%); усы гораздо свѣтлѣе волосъ на головѣ,—свѣтлорусые усы изъ всего числа изслѣдованныхъ имѣли 83%; какъ усы, такъ и борода появляются сравнительно поздно; цвѣтъ глазъ, по большей части, свѣтлыхъ оттѣнковъ (кареглазыхъ всего 17%); типъ по цвѣту волосъ и глазъ у большинства свѣтлый (41,7%); смѣшанный и темный типы встрѣчаются поровну (по 29,2%). Лобъ чаще встрѣчается прямой и высокій. Лобные бугры и надбровные дуги развиты у большинства слабо. Брови преобладаютъ небольшія, рѣсницы — среднія. Темя какъ въ продольномъ, такъ и въ поперечномъ направленіи имѣетъ преимущественно выпуклую форму. Теменные бугры развиты слабо, сглажены. Затылокъ почти всегда равномѣрно округлый. Лицо чаще всего бываетъ округлымъ и короткимъ. Носъ — довольно большой величины; спинка его въ большинствѣ случаевъ прямая, средней ширины и рѣзко отграничена на бокахъ отъ щекъ. Губы— средней величины и умѣренной толщины. Подбородокъ — у большинства прямой. Уши, по большей части, средней величины; ушная раковина загнута по краю равномѣрно; мочка у 26-ти особей была приросшая, а у 22-хъ отдѣлена. Зубы у большинства плотные; очень много гнилыхъ зубовъ, преимущественно на нижней челюсти; двойныхъ и лишнихъ зубовъ совсѣмъ не наблюдалось. По росту среди волынскихъ малороссовъ высокорослыхъ на 25% болѣе, нежели низкорослыхъ; по средней величинѣ его они — выше средняго роста. Горизонтальная окружность головы — среднихъ размѣровъ, а продольная и поперечная дуги — малыхъ. По головному указателю волынскіе малороссы являются довольно сильно смѣшанными: среди нихъ 31,3% долихоцефаловъ, 33,3% мезоцефаловъ и 35,4% брахицефаловъ. По среднему лицевому указателю малороссы должны быть отнесены къ лептопрозопамъ, а по носовому — къ лепторинамъ. Окружность груди развита хорошо и значительно въ среднемъ превышаетъ половину роста, составляя 53,75% его. Руки (45,26% роста) и ноги (54,51% роста)—длинны. По антропологической классификаціи А. А. Ивановскаго *) изслѣдованные мною малороссы Волынской губ. входятъ въ славянскую группу, обнаруживая сходство III-ей степени съ малороссами вообще и бѣлоруссами, если имѣть въ виду антропологическую характеристику послѣднихъ на основаніи суммарныхъ о нихъ данныхъ.

А. Кожуховъ.

---

*) А. А. Ивановскій. Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи. „Труды Антроп. Отд.“, т. XXII.

Замѣтки по антропологіи волжскихъ инородцевъ.

I. Казанскіе татары.

Зимою 1891 года среди квартировавшаго въ Кіевѣ войска находилось много инородцевъ, чѣмъ я и воспользовался и, благодаря любезности мѣстнаго военнаго начальства, могъ изслѣдовать антропологически нѣкоторыхъ изъ солдатъ, въ особенности казанскихъ татаръ и чувашей. Къ сожалѣнію, лишь черезъ много лѣтъ я могъ взяться за обработку собранныхъ мною матеріаловъ. Въ настоящемъ очеркѣ мы ограничимся лишь описаніемъ казанскихъ татаръ, въ другомъ—чувашей. Несмотря на незначительное число наблюденій и на ограниченную программу изслѣдованій, наша скромная работа, надѣемся, подвинетъ сколько-нибудь впередъ антропологическое изученіе волжскихъ народностей.

Казанскіе татары принадлежатъ къ той многочисленной тюркско-татарской, антропологически весьма смѣшанной, вѣтви, которая заселяетъ сѣверную и центральную Азію и востокъ Европы. Часто случается, что только одинъ общій языкъ (тюркскій) соединяетъ народности, чуждыя по происхожденію, почему весьма трудно найти общія антропологическія черты для характеристики каждой изъ группъ. Мы разсмотримъ дѣленіе татаръ по ихъ территоріальному распространенію.

Къ первой сибирской группѣ татаръ, менѣе численной, составляющей 70,000 населенія, принадлежатъ: 1) алтайскіе, занимающіе районъ Алтая и его предгорья, уѣзды: Ачинскій и Минусинскій, Енисейской г., и Маріинскій, Бійскій и Кузнецкій Томской г. Они образовались изъ енисейцевъ, самоѣдовъ и финно-угровъ, смѣшавшихся съ разными тюркскими и монгольскими племенами, и распадаются на абаканскихъ, кузнецкихъ, черневыхъ или лѣсныхъ, чулымскихъ, собственно алтайскихъ и т. д., и 2) западносибирскіе татары, образовавшіеся изъ татаръ—основателей сибирскаго царства, ногайцевъ и казаковъ, прибывшихъ въ XV и XVI вв. на Тоболъ и Иртышъ вмѣстѣ съ киргизами и переселившихся въ Сибирь послѣ покоренія Россіей Казанскаго царства.

Вторая европейская группа, болѣе значительная, распадается на 5 подраздѣленій, составившихся, благодаря разнымъ историческимъ вліяніямъ

и переселеніямъ. Къ нимъ относятся: 1) астраханскіе татары, представляющіе смѣсь татаръ Золотой орды съ казаками, какъ равно кундуровскихъ, ногайцевъ-карагачинцевъ, прибывшихъ съ Кавказа. 2) Крымскіе татары, происходящіе отъ тюрковъ и отуреченныхъ потомковъ разноплеменнаго населенія южной части полуострова, остатковъ Ногайской орды и Крымскаго ханства. Они дѣлятся на степныхъ, настоящихъ татаръ-тюрковъ, горцевъ и прибрежныхъ (смѣсь кипчаковъ, хазаровъ, генуэзцевъ, грековъ, готовъ, сельджуковъ и т. д.). 3) Татары литовскіе и польскіе, изъ привилегированнаго класса, дворяне, потомки отчасти дагестанцевъ (тюрковъ), а остальное большинство населенія, по историческимъ даннымъ, принадлежало къ заволжскимъ, а въ особенности къ задонскому или ордынскому племенамъ: къ буджакамъ, едессанцамъ, черемисамъ и липкамъ ногайскаго происхожденія, слѣдовательно, помѣси монгольской и финской крови. Литовско-польскіе татары поселились въ Литвѣ въ XIII в. и живутъ въ губерніяхъ: Виленской, Минской, Гродненской, Ковенской, Волынской и Плоцкой. 4) Кавказскіе татары сложились изъ разныхъ элементовъ: древнихъ алановъ, аваровъ, хазаровъ, печенѣговъ, перемѣшанныхъ съ кипчаками, ногайцами, лезгинами и особенно съ иранцами; распадаются на: a) татарскихъ горцевъ или горныхъ кабардинцевъ, b) кабардинцевъ или жителей долинъ, c) татаръ дагестанскихъ или кумыковъ и ногайцевъ и d) татаръ азербейджанскихъ. 5) Казанскіе татары, которые являются предметомъ настоящаго очерка, состоятъ изъ потомковъ кипчаковъ Золотой орды, перемѣшанныхъ съ древними болгарами, финнами и т. д. Всѣхъ ихъ считается свыше 1,200,000. Больше половины, свыше 600 тысячъ, живетъ въ Казанской г.; остальные—въ Самарской, Уфимской, Симбирской, Вятской, Саратовской, Пензенской, Нижегородской, Пермской, Оренбургской, Тамбовской и Рязанской (касимовскіе—потомки татаръ Касимовскаго царства). Кромѣ того, нѣсколько тысячъ ихъ разсѣяно по всей Россіи, какъ ресторанная прислуга, старьевщики, купцы и рабочіе. Бывшее Казанское царство занимало среднее теченіе Волги отъ предѣловъ Нижегородской области къ сѣверу до земли Пермской и Вятской и на югъ до границъ Шибанской и Киргизъ-Кайсацкой орды. Въ составъ его населенія входили, кромѣ татаръ, черемисы, мордва, чуваши, вотяки, мещеряки и башкиры. Оно возросло на мѣстѣ существовавшаго нѣкогда Болгарскаго царства, которое въ XIII в. было покорено татарами, не измѣнившими внутренняго порядка. Напротивъ, сами татары-кочевники, подпавшіе вліянію болгаро-магометанской культуры, стали жить осѣдло и наложили свой отпечатокъ на самихъ болгарахъ. Въ XIV в., послѣ упадка Золотой орды, болгарская территорія дѣлается предметомъ притязанія сосѣдей, и тогда начинается усиленное вліяніе русскихъ князей, особенно со временъ Василія Дмитріевича кн. Суздальскаго. При его преемникѣ кн. Васильѣ Васильевичѣ одинъ изъ хановъ Золотой орды, Магметъ, побилъ русскихъ въ 1399 г. и основалъ новый городъ

Казань, въ который вызвалъ колонистовъ изъ Золотой орды, Астрахани, Азова и Крыма, и явился такимъ образомъ основателемъ Казанскаго царства; существованіе послѣдняго продолжалось лишь неполныхъ полтораста лѣтъ, и послѣ безпрерывныхъ войнъ съ русскими князьями Казань была покорена въ 1552 г., а затѣмъ присоединены и другія области, входившія въ составъ Казанскаго царства.

Нынѣ казанскіе татары живутъ въ Казанской г., по преимуществу въ уѣздахъ: Казанскомъ, Малмадышскомъ, Тетюшскомъ, Чистопольскомъ и Лаишевскомъ, гдѣ ихъ считается, крещенныхъ и некрещенныхъ, 688,650. Въ Уфимской г. они живутъ главнымъ образомъ въ уѣздахъ: Мензелинскомъ, Белебеевскомъ и Уфимскомъ. Въ 1899 г. русскихъ въ означенной губ. числилось 1,070,872, а башкиръ, татаръ и мещеряковъ—1,200,194 [1]).

Извѣстный французскій антропологъ I. Deniker относитъ татаръ въ своей классификаціи къ XVI антропологической группѣ, названной имъ «eurasien» въ виду того, что ея представители живутъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, хотя имѣютъ очень мало общихъ антропологическихъ чертъ. Къ группѣ «eurasien» г. Deniker причисляетъ: 1) угорскую расу, преобладающую между восточными финнами (остяками, пермяками и черемисами) и ихъ разновидность, енисейскую, метисированную среди самоѣдовъ и якутовъ, 2) татарскую, или туранскую расу (touranienne) или т. наз. тюркско-татарскую. Типъ чистый, встрѣчающійся среди киргизовъ и астраханскихъ татаръ, въ другихъ этническихъ группахъ ослабленъ помѣсью съ монголо-тунгузскою расою (якуты), угорскою (чуваши) и ассирійскою (туркмены, тюрки османскіе) [2]).

Въ виду такой помѣси невозможно найти общаго типа для описанія татаръ. Физическій обликъ волжскихъ татаръ характеризуется круглоголовостью осѣдлыхъ казанскихъ, среднеголовостью кочующихъ, при продолговатыхъ лицахъ и выдающемся носѣ [3]).

Казанскіе татары въ общемъ по настоящее время были мало изслѣдованы, кромѣ одной отрасли ихъ—касимовскихъ татаръ (Рязанской г.), изслѣдованныхъ въ числѣ 33 Бензенгромъ [4]). При изслѣдованіи мы пользовались очень краткой инструкціей, которая состояла изъ наблюденій цвѣта покрововъ: кожи, волосъ и глазъ, и изъ измѣреній: роста, высоты въ сидячемъ положеніи и на колѣняхъ, измѣренія длины и ширины черепа, наименьшей ширины лба и ширины затылка, горизонтальной окружности, наибольшей ширины лица и длины его, формы лица и носа.

---

[1]) „Энциклоп. словарь Брокгауза и Ефрона“, т. XXXV (стр. 90—96).

[2]) *I. Deniker*. Les races et les peuples de la terre, стр. 429—430.

[3]) Diction. des scinces anthropol., стр. 1035—1036.

[4]) Диссертація д-ра *А. А. Сухарева*: „Казанскіе татары“ вышла позже составленія авторомъ настоящей статьи. *Ред.*

Всѣхъ изслѣдованныхъ нами казанскихъ татаръ было 70, изъ нихъ изъ Казанской г.—9, а именно изъ уѣздовъ: Казанскаго—2, Чебоксарскаго—5 и Свіяжскаго—2, большинство же, 61, происходило изъ Уфимской г. и уѣзда. Всѣ изслѣдованные принадлежали къ сельскому осѣдлому земледѣльческому населенію. По возрасту они распредѣлялись:

Годы.	Число наблюденій.
21	58
22	8
23	2
24	2

Большинство изслѣдованныхъ (58 или 82,86%) принадлежали къ призывному возрасту.

Средній ростъ казанскихъ татаръ - 161,76 сант., колеблясь между min.—153 сант. и max.—176 сант., съ разницею въ 23 сант.; при этомъ средній ростъ у татаръ Казанской г. — 160,11 сант., Уфимской г. —162 сант. Сопоставляя для сравненія средній ростъ у разныхъ татаръ, тюрковъ и финновъ [1]), мы видимъ, что, по нашимъ изслѣдованіямъ, татары Казанской г. почти на 2 сант. уступаютъ ростомъ (160,11 сант.) татарамъ Уфимской г. (162 сант.), а въ среднемъ казанскіе татары имѣютъ одинаковый ростъ (161,76 сант.) съ касимовскими по Бензенгру (161,74 сант.), уступая на 2 — 13 сант. разнымъ группамъ татаръ, сибирскимъ (164,75 — 175,50 сант.) и европейскимъ (162,5—171,27 сант.), разнымъ киргизамъ (162,9—166,9 сант.) и башкирамъ (164,1—170 сант.); на 3—11 сант. уступаютъ по росту западнымъ или прибалтійскимъ финнамъ (165,34—173,6 сант.), не превышая восточныхъ: вотяковъ (162,03 сант.) и пермяковъ (161,68 сант.) и лишь на 7 сант. превышая вогуловъ (154,20 сант.). Казанскіе татары весьма немногимъ (до 3 сант.) уступаютъ въ ростѣ нѣкоторымъ изъ монгольскихъ народовъ (162,2—164,24 сант), кромѣ равныхъ имъ по росту халхасцевъ (161,08) и отъ 1 до 6 сант. разнымъ славянскимъ (162,4 — 166,9 сант.). Казанскіе татары въ особенности уступаютъ болѣе высокому росту великоруссовъ. То же самое отмѣтилъ проф. Д. Н. Анучинъ [2]) относительно призывныхъ въ мѣстности, изъ которой происходили и наши изслѣдованные. Средній ростъ призывныхъ Уфимскаго у. былъ 163 сант., Казанской г., Казанскаго у.—162,6 сант., Чебоксарскаго—162,1 сант. и Свіяжскаго — 164,6 сант. Болѣе высокій средній ростъ этихъ уѣздовъ находится въ зависимости отъ высокорослости великорусскаго населенія этихъ уѣздовъ. Проф. Анучинъ отмѣчаетъ, что низкорослость инородческаго

---

[1]) См. *А. А. Ивановскій*. Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи. Москва, 1904 г., стр. 59—66.

[2]) *Д. Н. Анучинъ*. О географ. распред. роста мужск. насел. Россіи, стр. 175 и 180.

населенія восточныхъ губерній (финскихъ и татарскихъ племенъ) понижаетъ общій средній ростъ населенія; напримѣръ, въ Симбирской г. русскіе занимаютъ южную окраину, охвативъ массу инородцевъ съ юга, почему ростъ въ этихъ уѣздахъ въ среднемъ 165 сант., между тѣмъ какъ въ другихъ уѣздахъ онъ едва достигаетъ 163 сант. Такую же полосу, отдѣляющую высокорослое русское населеніе отъ низкорослаго, инородческаго, авторъ проводитъ въ ѣздахъ Тамбовской, Саратовской и Пензенской губ.

Слѣдующая таблица указываетъ, сколько изъ числа изслѣдованныхъ татаръ приходится на каждую мѣру роста:

Ростъ въ сант.	Казан. г. (9 суб.).	Уфим. г. (61 суб.).	Всѣхъ (70 суб.).	Ростъ въ сант.	Казан. г.	Уфим. г.	Всѣхъ.
153	—	1	1	165	—	7	7
4	1	7	8	6	—	6	6
5	—	4	4	7	1	3	4
6	1	3	4	8	—	2	2
7	1	3	4	9	1	3	4
8	1	2	3	170	—	6	6
9	2	1	3	1	—	6	6
162	1	1	2	3	—	2	2
4	—	3	3	6	—	1	1

Наибольшія числа приходятся на ростъ въ 154, 165, 166, 170 и 171 сант. Изъ этого заключаемъ, что нѣтъ преобладающей цифры между мѣрами роста, а рядомъ со случаями низкаго роста встрѣчается и болѣе высокій.

По отдѣльнымъ разрядамъ роста изслѣдованные нами татары распредѣляются:

Ростъ въ сант.	Казан. г.	Уфим. г.	Всѣхъ.	
	въ абсолютн. числахъ.			въ %.
150—159 низкій . . .	6	21	27	38,57
160—169 умѣренный .	3	25	28	40,00
170—179 высокій . .	—	15	15	21,43

Изъ послѣдней таблицы заключаемъ, что у казанскихъ татаръ одинаково часто встрѣчается какъ ростъ умѣренный (40%), такъ и низкій (38,57%), и почти въ два раза рѣже высокій (21,43%).

Для болѣе нагляднаго представленія о распредѣленіи роста собираемъ всѣ размѣры его въ двѣ главныя группы, причисляя къ первой людей низкаго роста (имѣющихъ ростъ ниже 160 сант.), а ко второй — высокаго

роста (выше 169 сант.), оставшееся же число людей умѣреннаго роста распредѣляемъ между первыми двумя категоріями роста:

Ростъ въ сант.	Казан. г.	Уфим. г.	Всѣхъ.	Казан. г.	Уфим. г.	Всѣхъ.
	въ абсолютныхъ числахъ.			въ %.		
Низкій	7	37	44	77,78	60.65	62,86
Высокій	2	24	26	22,22	39,34	37,14

Изъ приведеннаго мы видимъ, что въ общемъ низкій ростъ въ $1^2/_3$ раза преобладаетъ надъ высокимъ.

Размѣры туловища, вмѣстѣ съ головой, въ сидячемъ положеніи, у казанскихъ татаръ по сравненію съ другими народами, изслѣдованными нами, представлены въ слѣдующей таблицѣ:

	Число субъектовъ.	Ростъ (въ сант.).	Высота въ сидячемъ положеніи.	Отнош. ея къ росту.	Высота на колѣняхъ.	Отнош. ея къ росту.	Длина ногъ.	Отнош. ея къ росту.	Длина бедра.	Отнош. ея къ росту.	Длина голѣни.	Отнош. ея къ росту.
Татары Казанской г.	9	160,11	86,11	53,78	120,67	75,36	74,0	46,22	34,56	21,59	39,44	24,63
„ Уфимской г. .	61	162	87,69	54,13	122,62	75,69	74,31	45,87	34,93	21,56	39,38	24,31
Казанскіе татары всѣ	70	161,76	87,48	54,08	122,37	75,65	74,28	45,92	34,89	21,57	39,39	24,35
Великоруссы семейскіе	175	166,9	88,8	52,7	123,2	73,8	78,1	46,8	34,4	20,6	43,7	26,2
Украинцы.	1055	166,7	86,2	51,7	124,5	74,6	80,5	48,3	38,3	22,9	42,2	25,4
Подоляне.	251	166,4	86,4	51,9	123,3	74,1	80,0	48,1	36,9	22,2	43,1	25,9
Бѣлоруссы	961	162,2	85	52,2	122,3	74,8	77,2	47,6	37,1	22,4	40,1	25,2
Подляшане	25	161,7	83,6	51,7	120,5	74,5	78,1	48,4	36,9	22,8	41,2	25,6
Русскіе горцы (Коперницкій)	187	166,6	87,9	52,2	123,9	74,1	77,3	47,8	36,1	21,9	41,2	25,9
Литвино-латыши . .	476	164,4	86,5	52,6	123,7	75,2	77,9	47,3	37,2	22,5	40,7	24,8
Украинская шляхта.	113	170,06	86,6	50,9	126,9	74	83,4	49,0	40,3	23,7	43,1	25,3
Евреи литовскіе . .	69	161,9	85,1	52,6	120,6	74,4	76,8	47,4	35,5	21,9	41,3	25,5
„ украинскіе . .	438	162,5	83,7	51,4	122	75	78,8	48,4	38,3	23,5	40,5	24,9
Халхасцы	36	161,08	84,33	52,35	120,83	74,3º	76,75	47,65	36,50	22,66	40,25	24,99
Буряты	544	163,12	85,64	52,50	121,62	74,55	77,48	47,49	35,98	22,C6	41,50	25,43
Тунгусы	45	163,82	85,67	52,29	122.09	74,53	78,15	47,70	36,42	22,22	41,73	25,48
Сѣверные китайцы .	49	164,24	85,77	52,29	123,31	75,07	78,47	47,78	37,54	22,86	40,93	24,92

Такимъ образомъ казанскіе татары отличаются абсолютною, а еще больше относительною длиною туловища отъ всѣхъ приведенныхъ народовъ, при наиболѣе короткихъ ногахъ и довольно соразмѣрныхъ отношеніяхъ между длиною бедра и голени. Относительною длиною туловища они отъ 2 до 3% роста превосходятъ разные европейскіе и азіатскіе народы и имѣютъ на столько же короче ноги. Казанскіе татары имѣютъ болѣе короткія бедра отъ 0,40—2,50% роста и на столько же болѣе длинныя голени, нежели другія приведенныя нами народности, кромѣ великоруссовъ семейскихъ, превышающихъ татаръ длиною голени на 2% и уступающихъ имъ болѣе короткимъ бедромъ на 1% роста.

Цвѣтъ кожи мы опредѣляли на закрытыхъ частяхъ тѣла подъ мышкою и различали: свѣтлый, или бѣлый и темный; въ послѣднемъ мы различали два оттѣнка: смуглый и желтоватый.

Цвѣтъ кожи у нашихъ татаръ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

Цвѣтъ кожи.	Казанскихъ татаръ.			Казанскихъ татаръ.		
	Казан. г. (9 суб.).	Уфим. г. (6 суб.).	Всѣхъ (70 суб.	Казанск. г.	Уфимск. г.	Всѣхъ.
	въ абсолютныхъ числахъ			въ %.		
Бѣлая или свѣтлая .	2	22	24	22,22	36,06	34,28
Смуглая } темная.	6 } 7	21 } 39	27 } 46	66,67 } 77,78	34,43 } 63,94	38,57 } 65,71
Желтоватая } темная.	1	18	19	11,11	29,51	27,14

Такимъ образомъ кожа у казанскихъ татаръ въ $^2/_3$ всѣхъ наблюденій темная (65,71%) и чаще со смуглымъ оттѣнкомъ (38,57%), нежели съ желтоватымъ (27,14%), и въ $^1/_3$ бѣлая или свѣтлая (34,28%).

Нижеслѣдующая таблица даетъ представленіе о распредѣленіи у казанскихъ татаръ различныхъ оттѣнковъ волосъ (при чемъ я пользуюсь подраздѣленіемъ, принятымъ мною въ моихъ прежнихъ работахъ):

	Казанской губ. (9 суб.).	Уфимской губ. (61 суб.).	Всѣхъ. (70 суб.).	Казанской губ.	Уфимской губ.	Всѣхъ.
	въ абсолютныхъ числахъ.			въ %.		
Блондины.	2	4	6	22,22	6,56	8,57
Темные блондины.	2	10	12	22,22	16,39	17.14
Свѣтлые шатены .	—	10	10	—	16,39	14,28
Шатены	—	13	13	—	21,31	18,57
Темные шатены. .	2	7	9	22,22	11,47	12,86
Брюнеты.	2	10	12	22,22	16,39	17,14
Черные.	1	7	8	11,11	11,47	11,43
Свѣтлые	4	31	35	44,44	50,82	50,00
Черные.	5	30	35	55,55	49,18	50,00

Характернымъ признакомъ цвѣта волосъ у татаръ является отсутствіе одного какого-нибудь преобладающаго цвѣта, — у нихъ разные цвѣта и оттѣнки волосъ представляются разсѣянными. Это смѣшаніе выступаетъ не менѣе рѣзко при раздѣленіи волосъ на свѣтлые и темные: причисливши къ первой группѣ волосы блондиновъ, темныхъ блондиновъ и свѣтлыхъ шатеновъ, а ко второй—темныхъ шатеновъ, брюнетовъ и черныхъ, а среднихъ шатеновъ раздѣливши поровну между обѣими группами, получимъ у татаръ какъ первыхъ, такъ и вторыхъ поровну (по 50%), чего мы не встрѣчали при изслѣдованіи другихъ народовъ; такъ, напр., свѣтлые волосы

встрѣчались у великороссовъ семейскихъ въ 91,5%, украинцевъ — 63,6%, подолянъ — 77,1%, бѣлоруссовъ — 76,7%, подляшанъ — 80,3%, литвино-латышей — 83,6%; преобладающіе же черные волосы: у евреевъ украинскихъ — 60,3% и литовскихъ — 59,4%, русскихъ горцевъ (Коперницкаго) — 88,3%, русскихъ галицкихъ (Майера) — 57,9% и 68,3% и, наконецъ, у халхасцевъ, бурятъ, тунгусовъ и китайцевъ по 100%. Вездѣ одинъ изъ цвѣтовъ, свѣтлый или темный, являлся преобладающимъ.

Если мы теперь соберемъ разные оттѣнки волосъ въ 4 главныя группы и рядомъ съ ними сопоставимъ другія изслѣдованныя нами народности, то получимъ:

	Число особей.	Въ абсол. числахъ.				Въ процентахъ.			
		Блондины.	Шатены.	Брюнеты.	Черные.	Блондины.	Шатены.	Брюнеты.	Черные.
Татары Казанской губ. . .	9	4	2	2	1	44,44	22,22	22,22	11,11
„ Уфимской губ. . .	61	14	30	10	7	22,95	49,18	16,39	11,47
Казанскіе татары всѣ . . .	70	18	32	12	8	25,71	45,71	17,14	11,43
Великоруссы семейскіе. . .	212	125	85	1	1	59,0	40.1	0,4	0.4
Украинцы.	2619	849	1487	250	33	32,4	56,8	9,6	1,2
Подоляне	251	98	135	16	2	39,0	53,8	6,4	0,8
Бѣлоруссы.	961	380	524	51	6	39,4	54,5	5.3	0,6
Подляшане.	25	5	17	3	—	20	68	12	—
Русскіе галицкіе (Майеръ).	1337	427	453	270	187	31,9	34,0	20,1	14,0
„ горцы (Коперницкій).	187	10	121	55	1	5,3	64.7	29,4	0.5
Поляки (Майеръ)	2835	1284	1033	369	149	45,3	36,4	13,0	5,2
Литвино-латыши.	476	236	209	30	1	49,6	43,9	6,3	0,2

Изъ таблицы видимъ, что распредѣленіемъ цвѣта волосъ казанскіе татары менѣе отличаются отъ другихъ народовъ, нежели мы это замѣчали при болѣе детальномъ разсмотрѣніи разныхъ оттѣнковъ цвѣта волосъ и ихъ главнаго подраздѣленія на свѣтлые и темные. Самыми частыми у нихъ бываютъ шатены (45,71%) и почти на половину рѣже блондины (25,71%); лишь изрѣдка попадаются брюнеты (17,14%) и черные (11,43%). Волосы у казанскихъ татаръ по наружному виду хотя и довольно толстые, но мягкіе, чѣмъ отличаются отъ болѣе тонкихъ волосъ великоруссовъ семейскихъ, украинцевъ, въ особенности бѣлоруссовъ и литвино-латышей и болѣе твердыхъ волосъ азіатскихъ народовъ (халхасцевъ, бурятъ, тунгусовъ, сѣверныхъ китайцевъ). Волосы по своему расположенію на головѣ не отличаются густотою и особенною прочностью, — послѣдняя у казанскихъ татаръ меньше, чѣмъ у другихъ народовъ, изслѣдованныхъ нами. Кудрявые волосы не были ни разу отмѣчены нами. Лицо и тѣло татаръ покрыто умѣренною растительностью.

Въ слѣдующей таблицѣ мы представляемъ цвѣтъ глазъ съ разными оттѣнками у изслѣдованныхъ нами татаръ:

Глаза.	Казанской губ. (9 суб.).	Уфимской губ. (61 суб.).	Всѣхъ (70 суб.).	Казанской губ.	Уфимской губ.	Всѣхъ.
	въ абсолютныхъ числахъ.			въ %.		
Свѣтло-голубые. .	1	6	7	11,11	9,84	10,00
Темно-голубые . .	—	1	1	—	1,64	1,43
Свѣтло-сѣро-голуб.	—	2	2	—	3,28	2,86
Сѣро-голубые . .	—	1	1	—	1,64	1,43
Темно-сѣро-голуб .	1	1	2	11,11	1,64	2,86
Свѣтло-зеленые. .	—	3	3	—	4,92	4,28
Зеленые	—	3	3	—	4,92	4,28
Темно-зеленые. . .	—	1	1	—	1,64	1,43
Сѣро-зеленые. . .	1	2	3	11,11	3,28	4,28
Свѣтло-каріе. . .	—	6	6	—	9,84	8,57
Каріе.	—	9	9	—	14,75	12,86
Темно-каріе. . . .	4	11	15	44,44	18,03	21,43
Свѣтло-зел.-каріе .	1	11	12	11,11	18,03	17,14
Зелено-каріе . . .	1	4	5	11,11	6,55	7,14

Собравши разсѣянныя числа разныхъ оттѣнковъ глазъ въ 4 главныя группы и сопоставивши съ ними для сравненія цвѣтъ глазъ у другихъ народовъ, получимъ:

	Абсолют. числа.				Въ процентахъ.			
	Голубые.	Зеленые.	Сѣрые.	Каріе.	Голубые.	Зеленые.	Сѣрые.	Каріе.
Татары Казанской губ.	2	1	—	6	22,22	11,11	—	66,66
„ Уфимской губ.	11	9	—	41	18,04	14,75	—	67,21
„ всѣ.	13	10	—	47	18,58	14,27	—	67,14
Великоруссы семейскіе.	114	23	43	32	53,8	10,9	20,2	15,0
Украинцы.	1284	399	246	690	49,0	15,2	9,4	26,3
Подоляне.	99	48	8	96	3,94	19,1	3,2	38,2
Бѣлоруссы	400	315	38	208	41,6	32,7	4,7	20,7
Подляшане	11	9	—	5	44	36	—	20
Русскіе горцы (Коперницкій). .	10	65	14	100	5,3	34,6	7,4	53,1
„ галицкіе (Майеръ). .	256	306	266	528	18,9	22,5	19,6	39,0
Литвино-латыши.	223	171	12	60	48,1	36,8	4,8	10,3
Пермяки (Маліевъ)	44	1	42	14	44	1	42	14
Вотяки (онъ же).	50	2	17	31	50	2	17	31
Башкиры (Никольскій) *). . . .	1	—	13	27	2,43	—	31,71	65,85

*) Никольскій распредѣляетъ у башкиръ цвѣтъ глазъ слѣдующимъ образомъ: сплошнаго сѣраго — 1,1%, сплошнаго голубого — 1,2%, съ радіальными штрихами — 31,3%, сплошные каріе — 59,2%, рѣзко-чернаго — 2,7% и зеленоватаго цвѣта — 1,6%.

У казанскихъ татаръ глаза чаще всего чисто-каріе, составляющіе 42,86%, а въ соединеніи съ другими цвѣтами — 67,14%; на чистые голубые и въ соединеніи съ сѣрыми приходится 18,58%, и зеленые въ соединеніи съ сѣрыми — 14,27%; чисто сѣрыхъ глазъ у нихъ не встрѣчалось. Казанскіе татары съ преобладающими у $^2/_3$ карими глазами могутъ быть поставлены рядомъ лишь съ башкирами (65,85% и 61,9%) и отчасти евреями (54,5% — 58,4%), русскими горцами, у которыхъ, при преобладающихъ карихъ (53,1%), часто встрѣчаются зеленые (34,6%), русскими, галицкими, у которыхъ при частыхъ карихъ (39%) нерѣдко появляются и другіе цвѣта (18,9% — 22,5%), и подолянами, у которыхъ одинаково часто съ карими (38,2%) наблюдаются и голубые (39,4%); у другихъ же, приведенныхъ въ послѣдней таблицѣ, народовъ преобладаютъ голубые глаза.

Приведя разсѣянныя числа къ двумъ группамъ — глазъ свѣтлыхъ и темныхъ, и причисляя къ первой глаза голубые, зеленые и сѣрые съ разными оттѣнками за исключеніемъ темныхъ, а ко второй — каріе глаза съ разными оттѣнками, кромѣ свѣтло-карихъ, и темные оттѣнки другихъ цвѣтовъ, которые раздѣляемъ между двумя категоріями цвѣтовъ глазъ, получимъ:

	Абсолют. числа.		Въ процентахъ.	
	Свѣтлые.	Темные.	Свѣтлые.	Темные.
Татары Казанской губ.	2	7	22,22	77,77
„ Уфимской губ.	21	40	34,43	65,57
„ всѣ	23	47	32,86	67,14
Великоруссы семейскіе	168	44	79,2	20,7
Украинцы	1953	666	74,5	25,4
Подоляне	164	87	65,3	34,7
Бѣлоруссы	717	244	74,6	25,4
Подляшане	21	4	84	16
Русскіе горцы (Коперницкій)	102	86	54,2	45,7
„ галицкіе (Майеръ)	824	532	60,8	39,2
Литвино-латыши	410	66	86,1	13,9
Евреи украинскіе	378	491	43,4	56,5
„ литовскіе	29	49	42	57,9
„ галицкіе I (Майеръ)	376	450	45,5	54,5
„ „ II (онъ же)	49	69	41,5	58,4

Изъ послѣдней таблицы видно, что преобладаніе темнаго цвѣта глазъ надъ свѣтлымъ становится еще замѣтнѣе у казанскихъ татаръ.

Для изученія дальнѣйшихъ отношеній между цвѣтомъ кожи, волосъ и глазъ у казанскихъ татаръ, мы разсмотримъ сначала соотношеніе цвѣта глазъ и волосъ, принимая два главныхъ типа волосъ — свѣтлые и темные:

Глаза.	Волосы.	Казанской губ.	Уфимской губ.	Всѣхъ.	Казанской губ.	Уфимской губ.	Всѣхъ.
		въ абсол. числахъ.			въ %.		
Голубые.	Свѣтлые. .	2	7	9	22,22	11,47	12,86
	Темные . .	—	4	4	—	6,56	5,71
Зеленые.	Свѣтлые. .	1	4	5	11,11	6,56	7,14
	Темные. .	—	5	5	—	8,20	7,14
Каріе. .	Свѣтлые. .	1	12	13	11,11	19,67	18,57
	Темные . .	5	29	34	55,55	47,54	48,57

Почти въ половинѣ всѣхъ случаевъ у татаръ наблюдаются каріе глаза съ темными волосами (48,57%) и гораздо рѣже каріе глаза съ свѣтлыми (18,57%) и голубые съ свѣтлыми волосами (12,86%).

Переходимъ теперь къ соединенію цвѣтовъ кожи и волосъ, по которымъ мы раздѣлили изслѣдуемыхъ на три группы: 1) блондиновъ, къ которымъ причислили лицъ съ свѣтлыми глазами (голубые, зеленые и сѣрые) и волосами (блондины и свѣтлые шатены), 2) брюнетовъ — съ карими глазами разныхъ оттѣнковъ, темныхъ шатеновъ, брюнетовъ и съ черными волосами и 3) смѣшанная группа — полубрюнеты — свѣтлые глаза въ соединеніи съ темными волосами и, наоборотъ, каріе глаза съ свѣтлыми волосами.

	Казанской губ.	Уфимской губ.	Всѣхъ.	Казанской губ.	Уфимской губ.	Всѣхъ.
	въ абсол. числахъ.			въ %.		
Блондиновъ. . . .	3	11	14	33,33	18,03	20,00
Брюнетовъ. . . .	5	29	34	55,55	47,54	48,57
Полубрюнетовъ. .	1	21	22	11,11	34,43	31,43

Изъ приведеннаго мы видимъ, что у нашихъ татаръ, аналогично соединенію цвѣтовъ въ предыдущей таблицѣ, выступаетъ всего рѣзче типъ брюнетовъ (48,57%), при чемъ полубрюнеты встрѣчаются чаще (31,43), нежели блондины (20%).

Соединяя два главные типа (блондиновъ и брюнетовъ) съ оттѣнками цвѣтовъ кожи, а полубрюнетовъ раздѣляя между двумя вышеупомянутыми типами, получимъ:

	Цвѣтъ кожи.	Казанской губ.	Уфимской губ.	Всѣхъ.	Казанской губ.	Уфимской губ.	Всѣхъ.
		въ абсол. числахъ.			въ %.		
У блондиновъ.	Темный. . . .	1	10	11	11,11	16,39	15,71
	Желтоватый. } темн.	2 } 2	6 } 11	8 } 13	22,22 } 22,22	9,84 } 18,04	11,43 } 18,57
	Смуглый . .	—	5	5	—	8,20	7,14
У брюнетовъ.	Бѣлый. . . .	1	10	11	11,11	16,39	15,71
	Желтоватый. } темн.	4 } 5	12 } 30	16 } 35	44,44 } 55,55	19,67 } 49,18	22,86 } 50,00
	Смуглый . .	1	18	19	11,11	29,51	27,14

Наконецъ, разсмотримъ распредѣленіе цвѣтовъ кожи, волосъ и глазъ въ совокупности, причисляя къ свѣтлому типу особей съ кожею, волосами и глазами свѣтлыми (голубые, зеленые и сѣрые), къ темному—съ кожею, волосами и глазами темными (каріе) и къ третьему, смѣшанному типу—соединеніе цвѣтовъ свѣтлыхъ съ темными.

Кожа.	Глаза.	Волосы.	Казанск. губ.	Уфимск. губ.	Всѣхъ.	Казанск. губ.	Уфимск. губ.	Всѣхъ.
			въ абсолютныхъ числахъ.			въ %.		
Свѣтлая.	Свѣтлые.	Свѣтлые.	1	6	7	11,11	9,84	10,00
		Темные	—	2	2	—	3,28	2,86
		Индифферентные.	—	3	3	—	4,92	4,28
	ные.	Свѣтлые.	—	5	5	—	8.20	7,14
		Темные	—	3	3	—	4,92	4,28
		Индифферентные. .	1	4	5	11,11	6,56	7,14
Темная.	Тем	Свѣтые	1	7	8	11,11	11,47	11,43
		Темные	4	16	20	44,44	26,22	28,57
		Индифферентные. .	—	4	4	—	6,56	5,71
	Свѣтл.	Свѣтлые	2	5	7	22,22	8,20	10,00
		Темные	—	1	1	—	1,63	1,43
		Индифферентные. .	—	5	5	—	8,20	7,14

Разсматривая эту таблицу, мы замѣчаемъ, что у татаръ чистый темный типъ является чаще другихъ (28,57%), чистый свѣтлый—въ 10% и такъ же часто встрѣчаются и два смѣшанные: одинъ—съ преобладающими темными элементами, съ кожею и глазами темными и волосами свѣтлыми (11,43%), а другой—болѣе свѣтлый, лишь съ темною кожею (10%). Подраздѣляя смѣшанный типъ на три группы, въ первой изъ нихъ, если включить сюда темные и одинъ индифферентный или свѣтлый, находимъ 22,85%, во второй (два свѣтлые и одинъ темный или индифферентный)—24,28% и въ третьей (по одному свѣтлому, темному и индифферентному)—14,30%. Изъ этого разбора отдѣльныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ какъ чистыхъ, такъ равно и смѣшаннаго типовъ, мы приходимъ къ такому же заключенію, какъ и въ предыдущихъ таблицахъ, а именно, что у татаръ по преимуществу распространенъ смѣшанный типъ, но въ отдѣльныхъ цвѣтахъ кожи, волосъ и глазъ преобладаютъ темные элементы надъ свѣтлыми.

О размѣрахъ черепа и лица у казанскихъ татаръ, по сравненію съ разными другими народами, даетъ представленіе слѣдующая таблица:

		Народности.	Длина.	Ширина.	Горизонтальн. окружность.	Головной указатель.	Ширина лба.	Отнош. ея къ наиб. длинѣ черепа.	Ширина затылка.	Отн. ея къ наиб. длинѣ черепа.	Длина лица.	Отн. ея къ наиб. длинѣ черепа.	Наиб. ширина лица.	Отн. ея къ длинѣ черепа.	Лицевой указатель.
Тюрки.	Казанск. татары.	Казанской г. . . .	186	154	543	82,72	107	57,27	146	78,30	130	69,70	118	63,67	90,95
		Уфимской „ . . .	185	150	550	80,87	105	56,37	143	77,16	126	68,18	117	63,28	92,83
		Тѣ и другіе	186	150	544	82,08	105	56,38	143	77,34	127	8,20	117	63,35	92,89
		Касимов. (Бензенгръ).	184	153	561	83,12	111	60,34	—	—	—	—	—	—	—
	Кавказск. татары.	Кабардин. (Вырубовъ)	185	156	555	83,85	107	57,47	—	—	—	—	—	—	—
		„ (Шантръ) .	194	159	573	84,54	116	56,04	—	—	.	—	—	—	—
		Горцы (Вырубовъ) . .	187	156	560	83,32	109	58,91	—	—	—	—	—	—	—
		„ (Эркертъ) . . .	191	155	—	81,10	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Крымскіе татары.	Южнобережн. Гурзуфа (Харузинъ)	183	157	556	86,08	111	60,89	—	—	—	—	—	—	—
		Южнобережн. Судака (Лыжинъ)	187	155	553	82,60	116	56,04	—	—	—	—	—	—	—
		Степные бахчисарайскіе (онъ же) . . .	190	147	565	77,37	114	60,00	—	—	—	—	—	—	—
		Степные ѳеодосійскіе (онъ же)	188	153	575	81,38	117	62,24	—	—	—	—	—	—	—
		Степные перекопскіе (онъ же)	191	152	576	79,58	117	61,22	—	—	—	—	—	—	—
		Степные мелитопольскіе (онъ же) . . .	192	155	575	80,73	114	59,22	—	—	—	—	—	—	—
	Сибир. татар.	Черневые (Ядринцевъ).	188	149	572	79,49	107	57,05	—	—	126	67,18	—	—	—
		Алтайцы (онъ же) . .	181	156	567	86,35	106	58,69	—	—	123	68,27	—	—	—
		Телеуты (онъ же) . . .	189	147	568	78,09	105	55,47	—	—	129	68,20	—	—	—
		Киргизы Букеевской орды (Харузинъ)	187	161	570	86,28	106	56,51	—	—	127	68,31	—	—	—
		Киргизы Большой орды (Поярковъ)	183	153	569	83,26	116	63,14	—	—	126	68,73	—	—	—
		Киргизы Средней орды (Ивановскій)	177	158	551	89,39	109	61,89	—	—	—	—	—	—	—
		Киргизы Малой орды (Уйфальви)	184	161	561	87,52	—	—	—	—	128	69,74	—	—	—
		Башкиры (Никольскій) . . .	182	150	563	83,5	113	61,96	—	—	130	71,35	141	77,39	92,20
		„ (Назаровъ)	185	153	563	82,51	—	—	—	—	119	64,21	144	77,71	82,64
		„ (Маліевъ)	186	152	561	82,2	—	—	—	—	114	61,19	142	76,22	80,28
		„ (Уйфальви)	190	160	569	87,75	—	—	—	—	131	69,18	—	—	—
		„ (Вайсенбергъ) . .	182	152	556	83,5	—	—	—	—	122	67,03	—	—	—
		Якуты (Геккеръ)	190	158	—	83,11	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Финны.		Вепсы (Уйфальви)	184	153	561	83,34	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		Эсты (Грубе)	191	151	551	79,38	126	66,1	130	68,4	132	69,1	132	69,1	106,4
		Ливы (Вальдгауеръ)	190	152	552	80,00	110	57,9	130	68,4	117	61,6	117	61,6	98,3
		Пермяки (Маліевъ)	180	148	556	82,50	101	56,4	—	—	112	62,2	112	62,2	80,6
		Вотяки (онъ же)	184	149	554	81,78	99	54	—	—	117	75,5	139	75,7	83,9
		Вогулы (онъ же)	191	148	566	77,82	109	56,8	—	—	—	—	—	—	—
		Тавасты (Ретціусъ)	186	153	562	82,25	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		Карелы (онъ же)	184	150	558	82,52	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Евреи.		Евреи украинскіе (Тал.-Грынцевичъ)	185	154	550	82,9	108	57,9	140	75,3	127	68,6	119	63,9	93,2
		Евреи литовскіе (онъ же) .	187	153	551	81,7	107	57,1	136	72,7	118	62,8	137	72,8	86,1
		Евреи галицкіе (Коперницкій)	184	154	543	83,5	119	65,0	137	74,8	124	67,3	121	61	94,8

	Народности.	Длина.	Ширина.	Горизонтальн. окружность.	Головной указатель.	Ширина лба.	Отн. ея къ наиб. длинѣ черепа.	Ширина затылка.	Отн. ея къ наиб. длинѣ черепа.	Длина лица.	Отн. ея къ наиб. длинѣ черепа.	Наиб. ширина лица.	Отн. ея къ длинѣ черепа.	Лицевой указатель.
Славяне.	Великоруссы семейскіе (Тал.-Грынцевичъ)	188	154	558	83,1	109	58,5	135	72	131	69,8	121	64,2	92
	Украинцы (онъ же).	184	154	546	83,2	113	61,1	139	75,2	129	70	132	70,2	97,7
	Подоляне (онъ же)	185	152	539	82,1	109	58,4	138	74,6	126	67,9	119	64,5	100,4
	Галицкіе русскіе (Коперницкій)	183	153	548	83,3	120	65,4	138	75	127	68	123	67,8	100,2
	Русскіе горцы (онъ же) . .	183	153	548	83,6	109	59	135	73,7	127	67,3	139	67,3	91
	Бѣлоруссы (Тал.-Грынцевичъ)	183	152	544	83,2	109	59,7	138	75,3	130	63,4	119	64,7	91,6
	Подляшане (онъ же). . . .	185	151	546	81,8	109	58,9	151	82	122	64,2	118	64,2	97,4
	Литвино-латыши (онъ же) .	188	152	548	80,6	109	57,6	133	71,3	133	63,4	119	63,4	89,8
	Поляки (Коперницкій) . . .	181	152	543	84,4	121	67,2	136	75,5	123	68,3	122	68,3	101,6
Монгол. и монголоидн.	Халхасцы (Тал.-Грынцевичъ).	190	155	559	81,88	110	58,38	137	72,19	138	72,67	150	79,24	92,32
	Буряты (онъ же)	187	160	564	85,66	112	59,72	144	76,99	137	73,02	153	81,59	89,50
	Тарбагат. торгоуты (Ивановскій).	188	159	573	84,68	119	51	—	—	135	71,5	158	84	84,1
	Тунгусы (Тал.-Грынцевичъ).	189	156	573	82,23	109	57,85	142	74,14	131	69,51	153	80,93	85,89
	Сѣверные китайцы (онъ же).	183	154	554	84,10	108	59,02	132	72,10	132	72,1	122	66,6	92,2

Казанскіе татары, слѣдовательно, отличаются значительно меньшими размѣрами головы (въ особенности горизонтальной окружности) отъ наиболѣе близкихъ къ нимъ по происхожденію касимовскихъ татаръ на 17 mm., отъ разныхъ татаръ—на 10—30 mm., киргизовъ и башкиръ—на 7—27 mm., финновъ — на 7 — 21 mm.; въ особенности меньшими размѣрами ширины черепа (на 4—10 mm.) и горизонтальной окружности (на 10—30 mm.) отличаются они отъ разныхъ монгольскихъ племенъ; по размѣрамъ черепа казанскіе татары стоятъ ближе всего къ славянамъ.

Переходя къ болѣе подробному описанію отдѣльныхъ частей черепа, находимъ, что длина его (наибольшій передне-задній діаметръ) колеблется у казанскихъ татаръ между 171 и 200 mm. слѣдующимъ образомъ:

	Казан. губ.	Уфим. губ.	Всѣхъ.	
	въ абсолютн. числахъ			въ %.
Отъ 170—175	1	4	5	7,14
„ 176—180	—	6	6	8,57
„ 181—185	4	16	20	28,57
„ 186—190	1	21	22	31,43
„ 191—195	—	10	10	14,28
„ 196—200	3	4	7	10,00

Чаще всего длина черепа приходится на размѣры въ 186—190 (31,43%) и 181—185 (28,57%) и рѣже въ 191—195 mm. (14,28%) и 196—200 mm. (10%). Длина черепа въ процентахъ роста у казанскихъ татаръ равна 11,49% и мало разнится отъ отношеній, приводимыхъ для другихъ народовъ, а именно: у великоруссовъ семейскихъ—11,2%, украинцевъ—11%, литвино-латышей—11,4%, бѣлоруссовъ—11,2%, подолянъ—11,1%, подляшанъ—11,4%, латышей (Веберъ)—11,2%, эстовъ (Грубе)—11,6%, ливовъ (Вальдгауеръ) — 10,9%, башкиръ — 11,1%, халхасцевъ — 11,75%, бурятъ — 11,45% и тунгусовъ—11,54%.

Ширина черепа (наибольшій широтный діаметръ) у казанскихъ татаръ (min. — 138 и max. — 165 mm.) имѣетъ слѣдующіе размѣры:

	Казан. губ.	Уфим. губ.	Всѣхъ.	
	въ абсолютн. числахъ.			въ %.
138 — 140.	—	3	3	4,28
141 — 145.	—	7	7	10,00
146 — 150.	1	26	27	38,57
151 — 155.	6	18	24	34,28
156 — 160.	2	5	7	10,00
161 — 165.	—	2	2	2,86

Такимъ образомъ чаще всего встрѣчаются размѣры въ 146 — 150 (38,57%) и 151—155 mm. (34,28%) и рѣже въ 141—145 и 156—160 mm. (по 10%).

По среднему головному указателю казанскіе татары короткоголовы (82,08), при чемъ татары Уфимской губ. имѣютъ большее предрасположеніе къ длинноголовости (80,87), нежели татары Казанской г. (82,72). По головному указателю наши татары близко стоятъ къ касимовскимъ (83,12), кавказскимъ (81,10 — 84,54), нѣкоторымъ изъ финскихъ народностей: пермякамъ (82,50), вотякамъ (81,78), тавастамъ (82,25), вепсамъ (83,34), кареламъ (81,52), многимъ башкирамъ (82,2 — 83,5), евреямъ (81,7 — 83,5), якутамъ (83,11), славянамъ (80,6 — 83,6), халхасцамъ (81,88) и тунгусамъ (82,23), уступая болѣе короткоголовымъ крымскимъ татарамъ, южно-бережникамъ Гурзуфа (86,08), киргизамъ разныхъ ордъ (83,26 — 89,39) и многимъ народамъ монгольской росы: бурятамъ (85,66), тарбагатайскимъ торгоутамъ (84,68) и сѣвернымъ китайцамъ (84,10) и изъ славянъ полякамъ (84,4) и болѣе длинноголовымъ крымскимъ степнымъ татарамъ (81,38 — 77,37) и нѣкоторымъ изъ финновъ: вогуламъ (77,82) и изъ западныхъ—эстамъ (79,38) и ливамъ (80,00).

Числа встрѣчающихся головныхъ указателей у казанскихъ татаръ (min.—73,71, max.—94,97) идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Головные указатели.	Сколько разъ. Казанск. губ.	Уфимской губ.	Всѣхъ.	Головные указатели.	Сколько разъ. Казанск. губ.	Уфимской губ.	Всѣхъ.	Головные указатели.	Сколько разъ. Казанск. губ.	Уфимской губ.	Всѣхъ.
74	—	1	1	79	1	7	8	84	3	2	5
75	—	1	1	80	—	9	9	85	—	3	3
76	—	3	3	81	1	13	14	86	2	1	3
77	—	5	5	82	—	7	7	87	1	2	3
78	1	3	4	83	—	3	3	95	—	1	1

Чаще всего головные указатели приходятся на 81, а затѣмъ—на 80, 79, 82, 77 и 84.

При болѣе крупномъ подраздѣленіи, а именно на пять группъ, получаемъ слѣдующее распредѣленіе:

	Абсолютныя числа. Казанск. губ.	Уфимской губ.	Всѣхъ.	Въ процентахъ. Казанск. губ.	Уфимской губ.	Всѣхъ.
Наст. длинноголовые (до 74).	—	1	1	—	1,64	1,43
Поддлинноголовые (75—77).	1	12	13	11,11	19,67	18.57
Всѣ длинноголовые.	1	13	14	11,11	23,31	20
Среднеголовые (78—80)	1	23	24	11,11	37,70	34,28
Подкороткоголовые (81—84).	4	19	23	44,44	31,15	32,86
Наст. короткоголовые (85 и бол.). . .	3	6	9	33,33	9,84	12,86
Всѣ короткоголовые.	7	25	32	77,77	40,99	45,72

Приведенная таблица указываетъ на очень сильную смѣшанность казанскихъ татаръ по головному указателю,—среди нихъ есть представители всѣхъ пяти группъ послѣдняго, но въ общемъ число короткоголовыхъ превышаетъ болѣе, чѣмъ въ два раза, число длинноголовыхъ.

Размѣры горизонтальной окружности колеблются между 505 и 580 mm., съ разницею въ 75 mm. Отдѣльныя числа ихъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Казан. губ.	Уфим. губ.	Всѣхъ.		Казан. губ.	Уфим. губ.	Всѣхъ.
505—510	—	1	1	546—550	2	10	12
511—515	—	1	1	551—555	—	7	7
520—525	1	6	7	556—560	1	1	2
526—530	—	6	6	561—565	—	3	3
531—535	—	5	5	566—570	1	4	5
536—540	2	10	12	571—575	1	—	1
541—545	1	6	7	576—580	—	1	1

Самыми частыми размѣрами являются 536—540 и 546—550 mm.

Ширина лба у нашихъ татаръ колеблется между 95 и 115 mm. (въ среднемъ она равна 104,83 mm.), относительная же—между 51,56 и 62,64 (въ среднемъ—56,38). По сравненію съ другими народностями казанскіе татары отличаются наименьшими размѣрами ширины лба, какъ абсолютными, такъ и относительными, за исключеніемъ вотяковъ и пермяковъ, обладающихъ еще болѣе узкими лбами.

Распредѣляя отдѣльныя числа лобныхъ указателей въ особыя группы и относя къ узкимъ лбамъ такіе, которыхъ указатель не достигаетъ 60, къ умѣреннымъ—отъ 60 до 69 и къ широкимъ—отъ 70 и выше, получимъ:

	Абсолютныя числа.			Въ процентахъ.		
	Казанск. губ.	Уфимской губ.	Всѣ.	Казанск. губ.	Уфимской губ.	Всѣ.
Узкіе	8	57	65	89	93	93
Умѣренные	1	4	5	11	7	7
Широкіе	—	—	—	—	—	—

Слѣдовательно, казанскіе татары характеризуются по преимуществу узкими лбами (92,86%).

Ширина затылка въ абсолютныхъ числахъ колеблется между 132 и 161 mm., а по отношенію къ длинѣ черепа—между 71,50 и 84,48. Отдѣльныя числа послѣдняго отношенія, или затылочнаго указателя, мы подраздѣляемъ на 3 группы, причисляя къ первой узкіе затылки, съ указателемъ до 69, ко второй — умѣренные отъ 70 до 79 и къ третьей — широкіе отъ 80 и выше.

	Абсолютныя числа.			Въ процентахъ.		
	Казанск. губ.	Уфимской губ.	Всѣ.	Казанск. губ.	Уфимской губ.	Всѣ.
Узкіе	—	—	—	—	—	—
Умѣренные	4	50	54	44	82	77
Широкіе	5	11	16	56	18	23

Затылки у казанскихъ татаръ чаще всего умѣренные (77%); затылочный указатель больше лобнаго въ среднемъ на 20,96.

Суммируя вышеприведенныя краніологическія данныя, можно высказать слѣдующія положенія:

1) Черепъ ихъ меньше развитъ въ горизонтальной окружности, нежели у многихъ тюркскихъ племенъ; онъ меньше развитъ въ горизонтальной окружности и въ длину, нежели у финновъ, и меньше развитъ во всѣхъ

трехъ измѣреніяхъ, нежели у многихъ монгольскихъ племенъ; ближе всего онъ стоитъ къ славянскимъ черепамъ.

2) По головному указателю татары подкороткоголовы и своею подкороткоголовостью мало отличаются отъ многихъ татаръ, финновъ, башкиръ и евреевъ, уступая нѣсколько болѣе короткоголовымъ славянамъ, а въ особенности монгольскимъ племенамъ и еще больше киргизамъ.

3) Своимъ узкимъ лбомъ они мало отличаются отъ многихъ финновъ и евреевъ, больше — отъ другихъ татаръ, славянъ, монгольскихъ племенъ и въ особенности отъ башкиръ. Размѣрами затылка они мало превосходятъ другіе народы, кромѣ финновъ (ливовъ и эстовъ).

Длина лица*) у татаръ, при min.—114 и max.—141 mm., колеблется въ слѣдующихъ предѣлахъ:

Длина лица въ mm.	Сколько разъ.			Длина лица въ mm.	Сколько разъ.		
	Казанской г.	Уфимской г.	Всѣхъ.		Казанской г.	Уфимской г.	Всѣхъ.
114—120	—	10	10	131—135	4	9	13
121—125	1	16	17	136—140	—	2	2
126—130	4	23	27	141	—	1	1

Самыми частыми размѣрами лица бываютъ отъ 126 до 130 mm., потомъ — 121 до 125 mm., 131—135 mm. и, наконецъ, отъ 114 до 120 mm.

Лицевые указатели колеблются у казанскихъ татаръ между min.— 80,14 и max.— 105,22 и представляются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Лицевые указатели.	Сколько разъ.			Лицевые указатели.	Сколько разъ.			Лицевые указатели.	Сколько разъ.			Лицевые указатели.	Сколько разъ.		
	Казанской г.	Уфимской г.	Всѣхъ.		Казанской г.	Уфимской г.	Всѣхъ.		Казанской г.	Уфимской г.	Всѣхъ.		Казанской г.	Уфимской г.	Всѣхъ.
80	—	1	1	89	1	2	3	94	1	8	9	99	—	1	1
82	—	1	1	90	—	4	4	95	1	1	2	100	—	2	2
86	1	3	4	91	—	3	3	96	1	3	4	101	—	2	2
87	2	3	5	92	1	5	6	97	—	2	2	102	—	3	3
88	—	7	7	93	1	5	6	98	—	4	4	105	—	1	1

Изъ приведеннаго видимъ, что числа не концентрируются около извѣстныхъ указателей, а разсѣяны около многихъ; наиболѣе ихъ группируется подлѣ указателей 94, 88, 92, 93 и 87.

*) Длину лица мы измѣряли отъ надпереносья до нижняго края подбородка; въ изслѣдованіяхъ же другихъ авторовъ, гдѣ не было этого измѣренія, мы опредѣляли данный размѣръ вычитаніемъ верхней трети лица изъ длины лицевой линіи.

Подраздѣляя всѣхъ изслѣдованныхъ мною татаръ на двѣ категоріи—хамэпрозоповъ (съ указателемъ 90 и ниже) и лептопрозоповъ (выше 90), находимъ:

	Абсолют. числа.		Въ процентахъ.	
	Хамэпрозопы.	Лептопрозопы.	Хамэпрозопы.	Лептопрозопы.
Татары Казанской губ. . . .	4	5	44,44	55,55
„ Уфимской губ. . . .	22	39	36,06	63,93
„ тѣ и другіе	26	44	37,14	62,86
Евреи украинскіе	154	284	35,2	64,8
„ литовскіе.	46	23	66,7	33,3
Великоруссы семейскіе. . . .	105	113	48,2	51,8
Украинцы.	96	959	9	91
Подоляне	64	187	25,5	74,4
Русскіе горцы (Коперницкій) .	94	94	50	50
Бѣлоруссы.	374	687	38,9	61,1
Подляшане	5	20	20	80
Литвино-латыши.	238	238	50	50
Сѣверные китайцы.	39	15	72,2	27,8

Такимъ образомъ, число лептопрозоповъ среди казанскихъ татаръ значительно превосходитъ число хамэпрозоповъ, и по процентному отношенію тѣхъ и другихъ они ближе всего стоятъ изъ приведенныхъ въ таблицѣ народностей, съ одной стороны, къ бѣлоруссамъ, а съ другой — къ украинскимъ евреямъ.

О взаимныхъ соотношеніяхъ между формою лица и формою головы казанскихъ татаръ даетъ представленіе слѣдующая таблица:

		Абсолют. числа.		Въ процентахъ.	
		Хамэпрозопы.	Лептопрозопы.	Хамэпрозопы.	Лептопрозопы.
Казан. татары.	Короткоголовые.	19	13	27,14	18,58
	Среднеголовые	3	21	4,28	30
	Длинноголовые	4	10	5,72	14,28
Великор. семейскіе.	Короткоголовые.	69	74	33,8	36,3
	Среднеголовые	23	25	11,3	12,3
	Длинноголовые	6	7	2,9	3,4
Сѣвер. китайцы.	Короткоголовые.	31	10	57,4	18,5
	Среднеголовые	8	3	14,8	5,5
	Длинноголовые	—	2	—	3,7

Самымъ частымъ соединеніемъ у казанскихъ татаръ является типъ черепа короткоголовый съ широкимъ лицомъ (27,14%) и нѣсколько рѣже при узкомъ, т.-е. болѣе удлиненномъ лицѣ черепъ короткоголовый (18,58%) или же длинноголовый (14,28%). У великоруссовъ-семейскихъ преимущественно встрѣчается типъ короткоголовый при вытянутомъ лицѣ (36,3%) и кругломъ (33,8%), а у сѣверныхъ китайцевъ—короткоголовый, широколицый (57,4%).

Оканчивая со строеніемъ лица, мы приводимъ еще въ особой таблицѣ форму встрѣчающихся у изслѣдованныхъ нами казанскихъ татаръ носовъ, изъ которыхъ мы различали: прямые, вздернутые, горбатые и плоскіе.

	Абсол. числа.				Въ процент.			
	Прямые.	Вздернутые.	Горбатые.	Плоскіе.	Прямые.	Вздернутые.	Горбатые.	Плоскіе.
Татары Казанской губ.	6	1	1	1	67	11	11	11
„ Уфимской губ.	29	17	2	13	48	28	3	21
„ тѣ и другіе	35	18	3	14	50	26	4	20
Евреи украинскіе	252	21	115	50	58	5	26	11
„ литовскіе	38	3	15	13	55	4	22	19
„ галицкіе	442	230	49	21	60	6	31	3
Великоруссы семейскіе	94	88	8	22	44	42	4	10
Украинцы	679	111	144	121	64	11	14	11
Пололяне	145	56	16	34	58	22	6	14
Русскіе галицкіе (Коперн.)	617	132	56	101	68	14	6	12
„ горцы (онъ же)	130	45	13	—	69	24	7	—
Бѣлоруссы	533	194	124	110	56	20	13	11
Литвино-латыши	292	72	58	54	61	15	12	11
Подляшане	14	1	8	2	56	4	32	8
Поляки	768	213	74	86	67	19	6	8
Халхасцы	5	2	2	27	14	6	5	75
Буряты	74	30	21	24	16	7	5	72
Тунгусы	11	—	—	32	26	—	—	74
Сѣверные китайцы	9	9	—	36	17	17	—	66

Такимъ образомъ наиболѣе характерная форма носа казанскихъ татаръ — прямая (50%); рѣже встрѣчается вздернутый носъ (25,71%) и еще рѣже плоскій (20%).

На основаніи вышеприведенныхъ данныхъ можно сдѣлать слѣдующую общую антропологическую характеристику казанскихъ татаръ:

1. Ростъ ихъ низкій.

2. Туловище длинное, при короткихъ ногахъ.

3. Цвѣтъ кожи и глазъ по преимуществу темный; волосы же бываютъ какъ темные, такъ и свѣтлые.

4. Размѣры черепа небольшіе; хотя по головному указателю они являются значительно смѣшанными, но все-таки преобладаютъ коротко—и среднеголовыя особи.

5. Лобъ по большей части узкій, затылокъ—умѣренный.

6. Лицо узкое, болѣе развито въ длину.

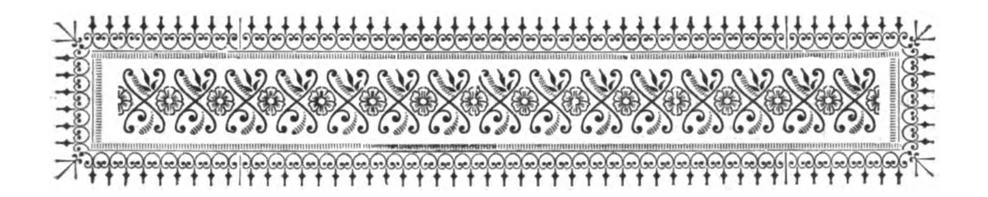
7. Носъ прямой.

Изъ всего сказаннаго мы заключаемъ, что характеристическою антропологическою особенностью казанскихъ татаръ является помѣсь ихъ типовъ. Эта помѣсь, выступающая довольно рѣзко, проявляется, во-первыхъ, въ размѣрахъ роста,—на-ряду съ низкимъ и умѣреннымъ ростомъ нерѣдко встрѣчается и высокій; далѣе, въ цвѣтѣ волосъ и глазъ,—при доминирующемъ числѣ шатеновъ встрѣчаются блондины и черноволосые, а при преобладающемъ каремъ цвѣтѣ глазъ часто наблюдаются и свѣтлые оттѣнки; въ общемъ по цвѣту кожи, волосъ и глазъ преобладаетъ смѣшанный типъ, въ которомъ темные оттѣнки берутъ верхъ надъ свѣтлыми. Еще болѣе рѣзко эта помѣсь проявляется въ строеніи черепа и лица, что особенно замѣтно въ распредѣленіи головныхъ и лицевыхъ указателей. Внимательно вглядываясь въ антропологическія данныя о казанскихъ татарахъ, можно констатировать существованіе среди нихъ, по крайней мѣрѣ, двухъ типовъ: одинъ изъ нихъ, болѣе распространенный,—темный, съ преобладающею брахицефалическою формою головы, съ лицомъ чаще удлиненнымъ и рѣже круглымъ, и другой—свѣтлый, среднеголовый, съ наклонностью къ длинноголовости, съ лицомъ чаще круглымъ.

Ю. Талько-Грынцевичъ.

Троицкосавскъ,
Забайкальской области.

О взаимоотношенiи черепныхъ дугъ и хордъ.

I.

Темой настоящей работы служитъ выясненiе взаимоотношенiй черепныхъ дугъ и хордъ въ зависимости, во-первыхъ, отъ принадлежности къ извѣстному племени, во-вторыхъ, отъ величины головнаго указателя, въ-третьихъ, отъ величины высотно-длиннотнаго указателя. Кромѣ того, также будутъ разсмотрѣны отношенiя дугъ и хордъ у деформированныхъ череповъ изъ Керчи, Кавказа и Америки (типы Ancon и Aymara).

На каждомъ черепѣ брались слѣдующiе размѣры: 1) наибольшiй продольный дiаметръ, 2) наибольшiй широтный, 3) высотный, 4) вертикальная дуга отъ nasion до opistion, 5) дiаметръ отъ nasion до opistion, 6) лобная часть вертикальной дуги (лобная дуга), 7) лобный дiаметръ [1]) отъ nasion до bregma, 8) темянная дуга, 9) темянной дiаметръ отъ bregma до lambda, 10) затылочная дуга, 11) затылочный дiаметръ отъ lambda до opistion, 12) лобно-темянная дуга отъ nasion до lambda, 13) лобно-темянной дiаметръ между тѣми же точками, 14) темянно-затылочная дуга отъ bregma до opistion и 15) темянно-затылочный дiаметръ между тѣми же точками. Размѣры 4, 6, 8, 10, 12 и 14 брались метрической лентой, размѣры 1, 2, 3, 5, 13 и 15 — толстотнымъ циркулемъ и размѣры 7, 9 11 — скользящимъ циркулемъ. Отношенiя брались такiя: 1) головной указатель, 2) высотно-длиннотный, 3) отношенiе дiаметра отъ nasion до opistion къ вертикальной дугѣ, 4) лобный указатель (отношенiе лобнаго дiаметра къ лобной дугѣ), 5 темянной (отношенiе соотвѣтствующаго дiаметра къ дугѣ), 6) затылочный, 7) лобно-темянной и 8) темянно-затылочный.

Черепа измѣрялись въ антропологическомъ музеѣ Московскаго университета; всего измѣрено 679 череповъ.

Въ первой части настоящей статьи мы будемъ разсматривать взаимоотношенiе черепныхъ дугъ и хордъ только въ зависимости отъ величинъ головного и высотно-длиннотнаго указателей и у деформированныхъ чере-

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ изложенiи хорда вездѣ называется дiаметромъ.

повъ. Кромѣ того, коснемся также и нѣкоторыхъ другихъ общихъ выводовъ. Что же касается зависимости отъ принадлежности къ извѣстному племени, то это будетъ темой второй части нашей статьи.

Переходимъ теперь къ числовымъ даннымъ вышеуказанныхъ отношеній и ихъ объясненію. Предѣлы индивидуальныхъ колебаній слѣдующіе:

Лобный указатель колеблется въ предѣлахъ . . .	80,01—92,00
Темянной	81,01—96,00
Затылочный	73,01—90,00
Лобно-темянной	57,01—78,00
Темянно-затылочный	53,01—73,00
Отнош. діаметра отъ nas. до opist. къ верт. дугѣ .	32,01—44,00

Предѣлы колебаній среднихъ величинъ тѣхъ же отношеній такіе:

Лобный указатель колеблется въ предѣлахъ . . .	85,56—89,17
Темянной	87,75—90,85
Затылочный	78,08—82,79
Лобно-темянной	67,33—71,47
Темянно-затылочный	58,81—65,12
Отнош. діаметр. отъ nas. до opist. къ вертик. дугѣ .	36,02—38,09

Какъ видно изъ предѣловъ колебаній среднихъ величинъ, наиболѣе постояннымъ является отношеніе діаметра отъ nasion до opistion къ вертикальный дугѣ; далѣе слѣдуетъ указать темянной, потомъ лобный, затылочный и лобно-темянной; наименѣе постояненъ указатель темянно-затылочный.

Что касается антропологическаго значенія этихъ отношеній, то нужно замѣтить слѣдующее: изъ геометріи извѣстно, что чѣмъ болѣе дуга приближается къ хордѣ, тѣмъ болѣе близки ихъ численныя величины и тѣмъ болѣе уменьшается численная величина дуги. Слѣдовательно, отношеніе хорды къ дугѣ въ этомъ случаѣ должно увеличиваться. Придавая этому положенію антропологическое значеніе, находимъ, что, чѣмъ болѣе поката или плоска извѣстная дуга, тѣмъ больше будетъ отношеніе, и обратно. Напримѣръ, выпуклая лобная часть дастъ отношеніе или указатель 80,00—82,00 и т. п., болѣе же покатая дастъ 90,00 и т. п., и такъ по отношенію ко всѣмъ другимъ указателямъ; наименьшее значеніе это правило имѣетъ только для отношенія діаметра отъ nas. до opistion къ вертикальной дугѣ. То обстоятельство, что хорда (діаметръ) увеличивается или уменьшается, оставаясь по направленію прямой линіей, тогда какъ дуга, увеличиваясь или уменьшаясь, получаетъ бо́льшую или меньшую кривизну, позволяетъ намъ обращать вниманіе главнымъ образомъ только на измѣненіе дугъ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію взаимоотношенія хордъ и дугъ въ зависимости отъ величинъ головного и высотнаго указателя, обратимъ наше вниманіе на таблицу среднихъ величинъ вертикальной дуги и дугъ лобной, темянной и затылочной, выведенныхъ для каждаго отдѣльнаго

племени [1]). Располагаемъ теперь всѣ племена по возрастанію величины вертикальной дуги и беремъ разность между лобной и темянной дугами, лобной и затылочной, и темянной и затылочной. Далѣе суммируемъ эти разности у первыхъ 11 племенъ (съ размѣрами вертикальной дуги 355—363) [2]) и у послѣднихъ 11 (соотвѣтствующіе размѣры — 364 — 376) [3]).

Племена.	Верт. дуга.	I Лобная.	II Темян.	III Затыл.	I—II.	I—III.	II—III.
Орочены	355	127	116	113	11	14	3
Башкиры	356	124	117	114	7	10	3
Теленгеты	356	126	118	112	8	14	6
Абхазцы	357	127	117	112	10	15	5
Киргизы	357	125	118	113	7	12	5
Поляки	359	124	122	112	2	12	10
Калмыки	361	126	119	116	7	10	3
Вогулы	362	128	120	118	8	10	2
Шапсуги	362	127	121	114	6	13	7
Буряты	363	128	121	114	7	14	7
Торгоуты	363	127	120	117	7	10	3
				Всего	80	134	54
Турки	364	124	123	116	1	8	7
Цыгане	364	126	125	113	1	13	12
Кург. Пет. губ.	364	125	125	114	0	11	11
Нѣмцы	365	127	122	116	5	11	6
Сойоты	366	129	118	119	11	10	—1
Эсты	370	128	124	119	4	9	5
Китайцы	370	127	130	113	—3	14	17
Финны	371	131	122	118	9	13	4
Болгары	371	125	128	117	—3	8	11
Дунганы	372	128	125	119	3	9	6
Натухайцы	376	130	126	120	4	10	6
				Всего	32	116	84

На основаніи этой таблицы можно сдѣлать такой выводъ: чѣмъ менѣе вертикальная дуга, тѣмъ болѣе разница между лобной и темянной дугами; то же выражено и по отношенію къ разницѣ между лобной и заты-

[1]) Всѣ изслѣдованные нами черепа, за исключеніемъ деформированныхъ, относятся къ 22 различнымъ племенамъ (110 изъ всего числа череповъ составляютъ группу курганныхъ череповъ Петербургской г.).

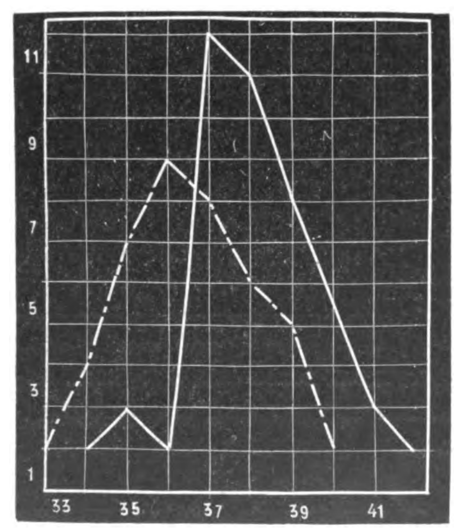
[2]) Относящіяся сюда племена—брахицефалы или суббрахицефалы, за исключеніемъ шапсуговъ (мезоцефалы) и вогуловъ (субдолихоцефалы).

[3]) Относящіяся сюда племена—мезоцефалы и субдолихоцефалы, за исключеніемъ дунганъ и нѣмцевъ (суббрахицефалы) и сойотовъ (брахицефалы).

лочной дугами, но только въ слабой степени (въ первомъ случаѣ имѣемъ 80 и 32, а во второмъ—134 и 116). Что касается разницы между темянной и затылочной дугами, то съ возрастаніемъ вертикальной дуги разница это увеличивается (имѣемъ 54 и 84). У народностей, склонныхъ къ брахицефаліи, разница между лобной и темянной дугами и между первой и затылочной болѣе, а между темянной и затылочной менѣе, чѣмъ у народностей, склонныхъ къ долихоцефаліи, такъ какъ первымъ свойственны меньшіе размѣры вертикальной дуги, а вторымъ — большіе. У послѣднихъ же, слѣдовательно, разница между лобной и другими дугами сглаживается (въ двухъ случаяхъ мы имѣемъ даже большую темянную дугу, чѣмъ лобную, именно у болгаръ и китайцевъ), а между темянной и затылочной увеличивается.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію взаимоотношенія черепныхъ дугъ и хордъ въ зависимости отъ величины головнаго указателя. Для изслѣдованія этого вопроса мы взяли 35 череповъ съ сильно выраженной брахицефаліей и то же количество череповъ съ сильно выраженной долихоцефаліей. Раздѣляя всѣ черепа по указателю отношенія діаметра отъ nasion до opistion къ вертикальной дугѣ на двѣ группы, имѣемъ:

	Указ. 33,01 — 38,00		38,01 — 43,00	
	Абсол. колич.	%	Абсол. кол.	%
Брахицефалы	15	42,9	20	57,1
Долихоцефалы . . .	25	71,4	10	28,6

Діагр. 1. Отношеніе діаметра отъ nasion до opistion къ вертикальной дугѣ.

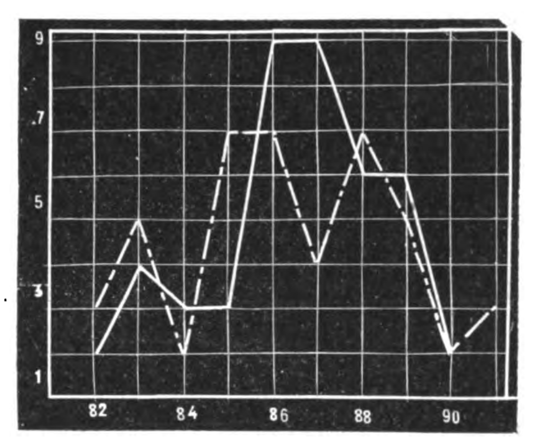
Отсюда мы можемъ заключить, что большая часть брахицефаличныхъ череповъ ($^4/_7$) падаетъ на вторую группу, а большая часть долихоцефаличныхъ ($^5/_7$)—на первую. Слѣдовательно, у брахицефаловъ мы видимъ ясно выраженную тенденцію къ болѣе высокимъ указателямъ (меньшей вертикальной дугѣ), у долихоцефаловъ—обратное явленіе (см. 1-ю діаграмму [1]). Такой же выводъ мы сдѣлали выше на основаніи и другихъ данныхъ.

Переходя къ лобному указателю и поступая аналогичнымъ образомъ, получаемъ табличку:

[1]) Непрерывная кривая — брахицефалы, прерывающаяся — долихоцефалы (для діаграммъ №№ 1 — 6); на абсциссахъ — указатели, на ординатахъ — количество череповъ.

	Указ. 82,01 — 87,00		87,01 — 92,00	
	Абсол. колич.	%	Абсол. кол.	%
Брахицефалы	16	45,7	19	54,4
Долихоцефалы . . .	19	54,4	16	45,7

Здѣсь мы видимъ обратное отношеніе между долихо- и брахицефалами, хотя не особенно рѣзко выраженное. Это позволяетъ намъ сдѣлать такой выводъ: брахицефаламъ свойственны болѣе высокіе показатели (болѣе плоская лобная дуга), долихоцефаламъ — обратно. Признакъ этотъ выраженъ, новторяемъ, очень не рѣзко.

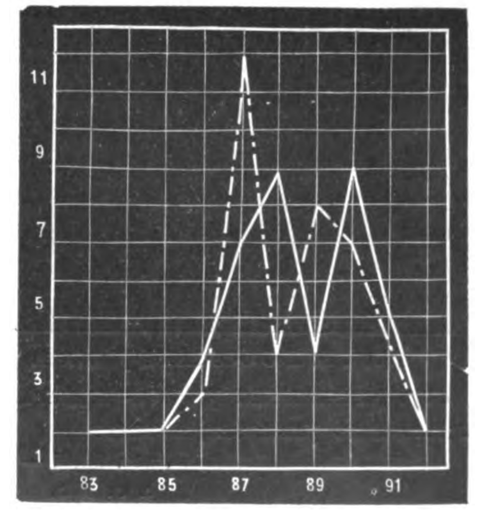

Діагр. 2. Лобный указатель.

Располагая на двѣ группы по величинѣ темянного указателя, получаемъ:

	Указ. 83,10 — 88,00		88,01 — 93,00	
	абс. кол.	%	абс. кол.	%
Брахицефалы	11	31,4	24	68,6
Долихоцефалы	12	40,0	21	60,0

Здѣсь мы также видимъ у брахицефаловъ тенденцію къ высокимъ указателямъ (плоскому темени), у долихоцефаловъ—обратно.

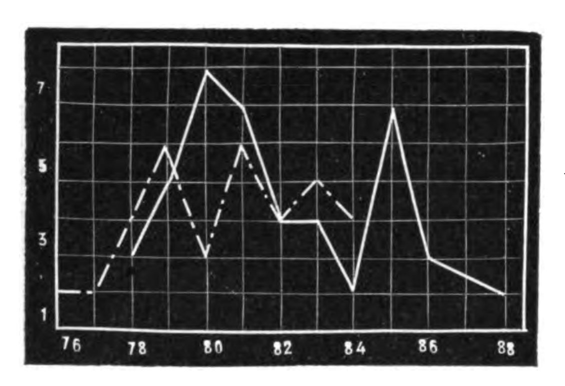

Діагр. 3. Темянной указатель.

Поступая такъ же по отношенію къ величинѣ затылочнаго указателя, имѣемъ:

	Указ. 75,01 — 82,00		82,01 — 89,00	
	абс. кол.	%	абс. кол.	%
Брахицефалы	19	54,2	16	45,8
Долихоцефалы	22	62,7	13	37,3

Изъ таблички мы не можемъ сдѣлать опредѣленнаго вывода, такъ какъ большій процентъ, какъ у брахицефаловъ, такъ и долихоцефаловъ, падаетъ на первую группу, но если обратимъ вниманіе на діаграмму затылочнаго указателя, сдѣланную на основаніи таблицы рядового расположенія, то увидимъ и здѣсь, что линія брахицефаловъ простирается далѣе въ сторону высокихъ указателей (меньшей кривизны затылочной дуги), чѣмъ линія, соотвѣтствующая долихоцефаламъ.

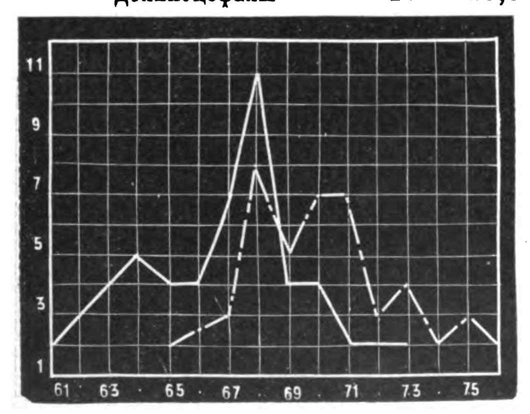

Діагр. 4. Затылочный указатель.

Таблица рядового расположенія лобно-темянного указателя даетъ намъ такіе результаты:

	Указ. 61,01 — 69,00 абс. кол.	%	69,01 — 77,00 абс. кол.	%
Брахицефалы	27	77	8	23,01
Долихоцефалы	10	28,6	25	71,4

Здѣсь вполнѣ ясенъ выводъ: у брахицефаловъ почти втрое большій процентъ падаетъ на первую группу, а у долихоцефаловъ — на вторую; слѣдовательно, лобно-темянная часть является у первыхъ болѣе округлой (переходъ лобной дуги въ темянную болѣе рѣзокъ).

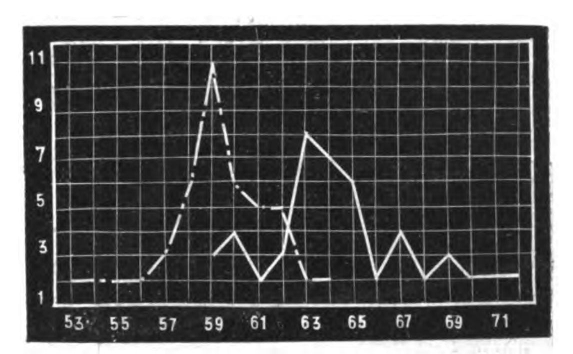
Діагр. 5. Лобно-темянной указатель.

Обращаясь къ результатамъ послѣдней таблицы рядового расположенія у брахи- и долихоцефаловъ, именно таблицы темянно-затылочнаго указателя, имѣемъ:

	Указ. 53,01 — 63,00 абс. кол.	%	63,01 — 73,00 абс. кол.	%
Брахицефалы	8	22,8	27	77,2
Долихоцефалы	33	94,2	2	5,8

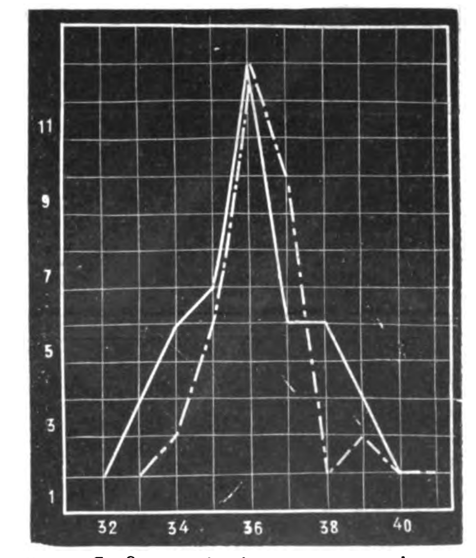
Вліяніе головного указателя здѣсь очень ясно: у брахицефаловъ ясно видно преобладаніе высокихъ указателей (меньшая кривизна темянно-затылочной дуги), долихоцефаламъ свойственно обратное явленіе.

Суммируя полученные выводы, касающіеся вліянія головного указателя на взаимоотношеніе черепныхъ дугъ и хордъ, получаемъ: у брахицефаловъ мы имѣемъ меньшую вертикальную дугу, большую кривизну лобно-темянной дуги и меньшую кривизну темянно-затылочной; эти признаки выражены рѣзко; менѣе рѣзко выражена тенденція къ высокимъ указателямъ лобнымъ, темяннымъ и затылочнымъ (уменьшенію кривизны соотвѣтствующихъ дугъ); у долихоцефаловъ наблюдается обратное явленіе. Все сказанное о вліяніи головного указателя на взаимоотношеніи черепныхъ дугъ и хордъ находитъ себѣ подтвержденіе въ діаграммахъ, сдѣланныхъ на основаніи таблицъ рядового расположенія.

Діагр. 6. Темянно-затылочный указатель.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію вопроса о вліяніи высотно - длиннотнаго указателя на взаимоотношеніе тѣхъ же элементовъ черепа. Для изслѣдованія мы взяли также 35 черепов съ указателемъ ниже 71,99 и 35 съ указателемъ выше 75. Вліянія высоты черепа на размѣры вертикальной дуги не обнаружено. Здѣсь мы имѣемъ такую табличку:

Діагр. 7. Отношеніе діаметра отъ nasion до opistion къ вертикальной дугѣ [1]).

	Указ. 32,01 — 38,00		38,01 — 44,00	
	абс. кол.	%	абс. кол.	%
Хамэцефалы	29	83,0	6	17,0
Гипсицефалы	29	83,0	6	17,0

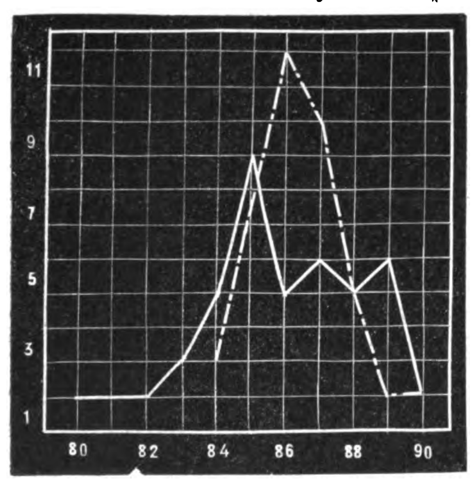
т.-е. мы видимъ, что какъ у хамэцефаловъ, такъ и у гипсицефаловъ падаютъ на каждую группу одни и тѣ же проценты.

[1]) На діаграммахъ 7 — 12 непрерывная линія — хамэцефалы, прерывающаяся — гипсицефалы.

Переходя къ таблицѣ рядового расположенія лобнаго указателя у гипси- и хамэцефаловъ, получаемъ такіе результаты:

	Указ. 80,01 — 86,00 абс. кол.	%	86,01 — 92,00 абс. кол.	%
Хамэцефалы	16	45,8	19	54,2
Гипсицефалы	9	25,7	26	74,3

Здѣсь наблюдается у гипсицефаловъ ясная тенденція къ болѣе высокимъ указателямъ: почти 3/4 череповъ падаетъ на вторую группу; если же примемъ во вниманіе такой фактъ (изъ таблицы рядового расположенія), что остальные 25,7% падаютъ у гипсицефаловъ на указатели 84,01 — 86,00, а на болѣе низкіе указатели не падаетъ ни одного процента, тогда какъ у хамэцефаловъ на указатели 80,01 — 84,00 падаетъ 11,5%, то тенденція къ большей уплощенности лобной дуги у гипсицефаловъ становится совершенно ясной.

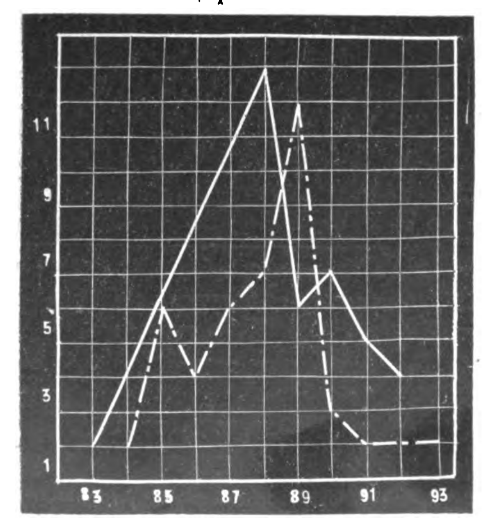

Діагр. 8. Лобный указатель.

Переходя къ таблицѣ расположенія темяннного указателя, имѣемъ слѣд.:

	Указ. 83,01 — 88,00 абс. кол.	%	88,01 — 93,00 абс. кол.	%
Хамэцефалы	1	2,9	34	97,1
Гипсицефалы	14	40,0	21	60,0

Здѣсь рѣзко выступаетъ фактъ большей уплощенности темянной дуги у хамэцефаловъ по сравненію съ гипсицефалами, у которыхъ распредѣленіе процента въ таковомъ видѣ, какъ это показано выше, не позволяетъ сдѣлать точнаго вывода. Если же мы разобьемъ нашу табличку на три группы, то получимъ:

Діагр. 9. Темянной указатель.

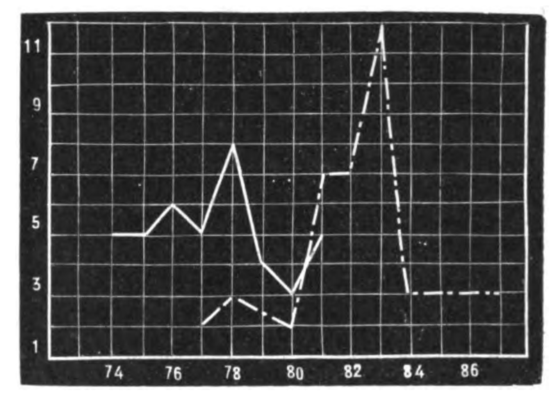
	Указ. 82,01—87,00 абс. кол.	%	87,01—91,00 абс. кол.	%	91,01—96,00 абс. кол.	%
Хамэцефалы	1	2,9	25	71,5	9	25,6
Гипсицефалы	9	25,6	24	68,6	2	5,8

У гипсицефаловъ, слѣдовательно, ясна тенденція къ болѣе низкимъ указателямъ (большей кривизнѣ темянной дуги).

Результаты рядового расположенія затылочнаго указателя такіе:

	Указ. 73,01 — 81,00 абс. кол.	%	81,01 — 89,00 абс. кол.	%
Хамэцефалы	31	88,6	4	11,4
Гипсицефалы	4	11,4	31	88,6

Такимъ образомъ хамэцефаламъ свойственны низкіе затылочные указатели (большая кривизна затылочной дуги), гипсицефаламъ—высокіе (большая уплощенность той же дуги).

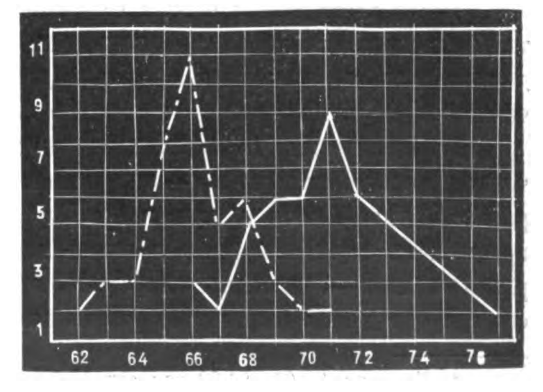

Діагр. 10. Затылочный указатель.

Таблица рядового расположенія лобно-темянного указателя даетъ слѣдующее:

	Указ. 62,01 — 70,00 абс. кол.	%	70,01 — 78,00 абс. кол.	%
Хамэцефалы	12	34,3	23	65,7
Гипсицефалы	33	94,2	2	5,8

Изъ этой таблички мы ясно видимъ, что хамэцефаламъ свойственны высокіе указатели, т.-е. уплощенная лобно-темянная дуга, а гипсицефаламъ — низкіе, т. - е. большая кривизна той же дуги.

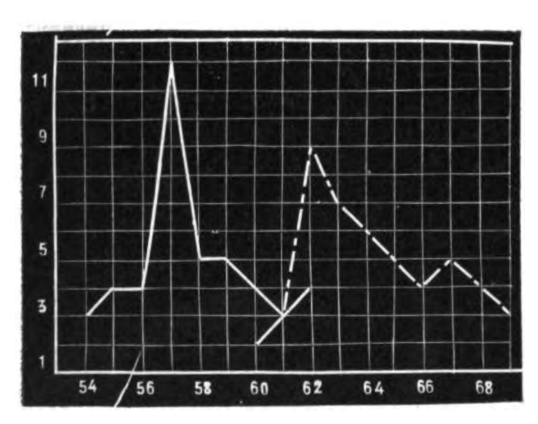

Діагр. 11. Лобно-темянной указатель.

Переходя къ таблицѣ рядового расположенія темянно-затылочнаго указателя, имѣемъ такіе результаты:

	Указ. 54,01 — 62,00 абс. кол.	%	62,01 — 70,00 абс. кол.	%
Хамэцефалы	32	91,5	3	8,5
Гипсицефалы	3	8,5	32	91,5

Здѣсь вполнѣ ясенъ выводъ: хамэцефаламъ свойственна большая кривизна темянно-затылочной дуги (болѣе высокіе указатели), гипсицефаламъ—большая уплощенность той же дуги (болѣе низкіе указатели).

Діагр. 12. Темянно-затылочный указатель.

Сводя всѣ полученные результаты, касающіеся вліянія высотно-длиннотнаго указателя на взаимоотношеніе черепныхъ дугъ и хордъ, получаемъ: вліянія высоты черепа на вертикальную дугу (на отношеніе діаметра отъ nasion до opistion къ вертикальной дугѣ) не обнаружено, на остальные же изслѣдуемые элементы вліяніе высоты черепа бо̀льшее, чѣмъ вліяніе брахи- и долихоцефаліи. У гипсицефаловъ мы имѣемъ большую уплощенность затылочной дуги, большую кривизну лобно-темянной и уплощенную темянно-затылочную; признаки эти выражены рѣзко; менѣе рѣзко выражена тенденція къ высокимъ лобнымъ указателямъ и низкимъ темяннымъ (уплощенной лобной дугѣ и болѣе выпуклому темяни). У хамэцефаловъ мы имѣемъ обратныя явленія со слѣдующими особенностями: 1) рѣзко выступаетъ также фактъ большей уплощенности темянной дуги и 2) нельзя опредѣленно констатировать тенденцію къ большей кривизнѣ лобной дуги, благодаря равномѣрному распредѣленію процентовъ въ обѣихъ группахъ[1]).

Послѣ разсмотрѣнія вліяній головного и высотно-длиннотнаго указателей на взаимоотношеніе черепныхъ дугъ и хордъ, переходимъ къ изслѣдованію тѣхъ же элементовъ въ ихъ взаимоотношеніи у деформированныхъ череповъ.

Въ изслѣдованныхъ нами деформированныхъ черепахъ мы имѣемъ четыре рода деформаціи: это—керченскіе и кавказскіе макрокефалы и американскіе типа Ancon и Aymara[2]). Перваго рода деформація достигалась наложеніемъ двухъ или трехъ повязокъ или дощечекъ; одна повязка, шириной около 2—3 дюймовъ, шла черезъ лобъ и затылокъ вокругъ головы; спереди она давила главнымъ образомъ на лобные бугры, а сзади проходила

[1]) На указ. 80.01—84,00 падаетъ 11,5%, на указ. 84.01—88,00 падаетъ 60% и на указ. 88,01—92,00 падаетъ 28,5,—таково будетъ распредѣленіе процентовъ при дѣленіи на три группы.

[2]) Описаніе различнаго рода деформацій сдѣлано по статьѣ *проф. Д. Н. Анучино:* „О деформированныхъ черепахъ, найденныхъ въ Россіи“ (керченскіе и кавказскіе макрокефалы), и по „Человѣку“ *I. Ранке* (черепа типа Aymara).

нѣсколько выше затылочнаго бугра; вторая повязка налагалась перпендикулярно къ первой черезъ темя вдоль вѣнечнаго шва или же тотчасъ же за bregma и третья—также поперекъ, нѣсколько выше lambda, поперекъ задней части стрѣльчатаго шва. Можетъ-быть, поперечныя повязки соединялись еще продольной вдоль стрѣльчатаго шва. У керченскихъ череповъ, по Д. Н. Анучину, лобная дуга немногимъ больше лобной хорды, темянная же и затылочная дуги значительно превышаютъ длину соотвѣтственныхъ хордъ. Лобная хорда—самая длинная (въ среднемъ на 7 черепахъ 126 mm.), средняя длина темянной хорды—102, затылочной—106 mm.

Деформація кавказскихъ череповъ достигалась наложеніемъ двухъ новязóкъ, горизонтальной и поперечной, при чемъ послѣдняя сдавливала не лобную часть черепа, какъ у керченскихъ макрокефаловъ, а темя; повязки употреблялись болѣе широкія. Черепа типа Аymara отличаются большей длиной и меньшей высотой, чѣмъ керченскіе, что зависитъ отъ болѣе долихоцефальной первоначальной ихъ формы и болѣе крѣпкаго затягиванія повязокъ или дощечекъ. По Ранке («Человѣкъ»), голову младенца помѣщали между двухъ дощечекъ, находящихся другъ къ другу подъ острымъ угломъ и забинтовывали ее между этими дощечками.

Черепа типа Ancon получались, вѣроятно, главнымъ образомъ наложеніемъ и крѣпкимъ забинтовываніемъ продольныхъ повязокъ и одной поперечной, ближе къ lambda, отчего сильно развивались боковыя части черепа, развитіе затылка же, очевидно, задерживалось наложеніемъ особыхъ бинтовъ.

Изслѣдованные мною черепа распредѣляются такъ: керченскихъ—16 [1]), кавказскихъ—11, Аymara—1, Ancon—7 и, кромѣ того, одинъ черепъ съ Малайскаго архипелага. Считаю нужнымъ сдѣлать слѣдующую оговорку: наибольшій продольный діаметръ здѣсь брался мной такъ же, какъ и у нормальныхъ череповъ, т.-е. одна ножка циркуля помѣщалась на glabella, другая же—на затылочной кости для того, чтобы было возможно сравненіе между нормальными и деформированными черепами, хотя у послѣднихъ часто наибольшій продольный діаметръ имѣетъ свои конечныя точки—одну ниже glabella, другую—выше lambda. Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ указателей.

Относительно головного указателя наибольшую особенность выказываютъ черепа типа Ancon. Наибольшій поперечный діаметръ у нихъ нерѣдко превышаетъ наибольшій продольный, при чемъ, очевидно, головной указатель у нихъ принимаетъ величину больше 100. Самый высокій указатель наблюдался у нихъ = 125. У другихъ группъ особыхъ отступленій

---

[1]) Сюда же отнесены: одинъ черепъ изъ области Войска Донскою, одинъ—изъ Инкермана, одинъ—изъ Гугушей и два—изъ Херсонеса. Всѣхъ череповъ было взято 36.

отъ обычныхъ величинъ головного указателя не найдено. Самый низкій указатель у одного керченскаго черепа, — онъ равнялся 64,60 и у одного кавказскаго (69,76).

Высотно-длиннотный указатель колеблется у деформированныхъ череповъ въ предѣлахъ 66,49 — 96,36, причемъ наиболѣе высокіе указатели мы встрѣчаемъ у кавказскихъ череповъ, что вполнѣ понятно, такъ какъ при деформаціи у нихъ играла роль главнымъ образомъ горизонтальная повязка, и черепъ росъ въ высоту. Благодаря послѣднему, многіе деформированные черепа этого типа имѣютъ форму конуса.

Указатель отношенія діаметра отъ nasion до opistion къ вертикальной дугѣ у нормальныхъ череповъ колеблется въ предѣлахъ 32,01 — 44,00, у деформированныхъ же — въ предѣлахъ 30,46 — 47,64. Послѣдній указатель мы встрѣчаемъ у одного американскаго черепа типа Ancon, первый же — у кавказскаго. Громадное большинство череповъ по отношенію къ этому указателю ничѣмъ не отличается отъ нормальныхъ.

У нормальныхъ череповъ колебанія лобнаго указателя такія: 80,01 — 92,00. Какъ уже было отмѣчено ранѣе, лобная дуга у деформированныхъ череповъ керченскаго типа приближается по величинѣ къ лобному діаметру, т.-е. указатель приближается къ 100. У изслѣдованныхъ нами деформированныхъ череповъ онъ колеблется въ предѣлахъ 85,97—98,40; слѣдовательно, деформація здѣсь имѣетъ очень большое значеніе, именно здѣсь совсѣмъ не встрѣчается указателей 80,01 — 85,96, которые не рѣдки среди нормальныхъ череповъ; наоборотъ, у нормальныхъ череповъ очень рѣдки указатели выше 90,00, здѣсь же, у деформированныхъ череповъ, громадное большинство имѣетъ указателя выше 90,00 (26 череповъ изъ 32, [1]) т.-е. больше 75%).

У нормальныхъ череповъ темянной указатель колеблется въ предѣлахъ 82,01 — 96,00, у деформированныхъ же — 75,18 — 91,37. У послѣднихъ мы видимъ, что колебанія происходятъ между меньшими величинами указателей, т.-е. темя становится выпуклымъ въ большей степени, чѣмъ у нормальныхъ череповъ. Какъ и слѣдовало ожидать, у группы Ancon, при отсутствіи поперечныхъ повязокъ черезъ bregma, указатель колеблется въ болѣе нормальныхъ предѣлахъ 81,10 — 91,37; у керченскихъ же и кавказскихъ череповъ, гдѣ дѣйствовали повязки черезъ bregma, колебанія совершаются въ предѣлахъ 75,18 — 90,26, т.-е. темянная дуга принимаетъ большую кривизну, что особенно рѣзко видно на черепахъ, имѣющихъ указатели до 82,00 (26%).

---

[1]) Выше было указано число изслѣдованныхъ деформированныхъ череповъ равнымъ 36, но изъ этого числа дѣйствительно деформированныхъ было 32, остальные же четыре черепа были только найдены вмѣстѣ съ деформированными черепами кавказскаго и керченскаго типа.

У нормальныхъ череповъ колебанія затылочнаго указателя — 73,01 — 90,00, у деформированныхъ же — 79,33 — 93,21, при чемъ у группы Ancon эти колебанія происходятъ въ предѣлахъ 79,33 — 89,08, у другихъ же двухъ группъ (керченской и кавказской) — въ предѣлахъ 83,19 — 93,21. Послѣднія двѣ группы, слѣдовательно, выдѣляются болѣе уплощенной затылочной дугой, что объясняется задерживающимъ вліяніемъ горизонтальной повязки, тогда какъ у группы Ancon эта повязка, вѣроятно, отсутствовала.

Предѣлы колебанія лобно-темяннаго указателя у нормальныхъ череповъ равны 57,01 — 78,00, у деформированныхъ—61,45 — 74,59. Колебанія послѣднихъ входятъ въ числа колебаній первыхъ. Это, на первый взглядъ, странное явленіе имѣетъ такое объясненіе: у деформированныхъ череповъ мы встрѣчаемъ maximum-лобный указатель (плоская лобная дуга) и minimum-темянной указатель (наибольшая кривизна темянной дуги). У нормальныхъ же череповъ мы часто имѣемъ обратныя отношенія: minimum-лобный указатель, maximum-темянной указатель. Суммируясь, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, эти условія даютъ одни и тѣ же результаты, съ той разницей, что наиболѣе отдаленная отъ діаметра точка дуги у нормальныхъ череповъ лежитъ впереди bregma, а у деформированныхъ — позади. Кромѣ того, у нормальныхъ череповъ, такъ какъ они развиваются безъ задерживающихъ ростъ вліяній, предѣлы колебаній въ данномъ случаѣ больше.

Предѣлы колебаній темянно-затылочнаго указателя у нормальныхъ череповъ 53,01 — 73,00, у деформированныхъ же они равняются 52,40— — 68,29. Изъ этихъ чиселъ мы видимъ, что у деформированныхъ череповъ наблюдается перемѣщеніе предѣловъ колебаній въ сторону меньшихъ величинъ, т.-е. въ сторону большей кривизны темянно-затылочной дуги.

Суммируя отдѣльныя замѣчанія, мы можемъ сказать, что вліяніе деформаціи заключается въ слѣдующемъ: лобная дуга у керченской и кавказской группъ уплощается и приближается по величинѣ къ лобному діаметру; темянная дуга у тѣхъ же группъ получаетъ большую кривизну въ сравненіи съ нормальныыи черепами; у группы Ancon форма ея приближается къ формѣ ея у нормальныхъ череповъ. Затылочная дуга у керченской и кавказской группъ получаетъ большую уплощенность; въ меньшей степени это относится къ группѣ Ancon, хотя по сравненію съ нормально развивающимися черепами также замѣчается уплощенность. Лобно-темянная дуга по указателямъ не отличается отъ нормальныхъ череповъ, но выпуклость ея замѣчается не впереди bregma, а позади ея (у керченской и кавказской группъ). Темянно-затылочная дуга отличается большей по сравненію съ нормальными черепами кривизной. Отсюда мы видимъ, что вліяніе деформаціи на взаимоотношеніе изслѣдуемыхъ нами элементовъ отразилось главнымъ образомъ на керченской и кавказской группахъ и въ меньшей

степени на группѣ Ancon. Это происходитъ потому, что деформація типа Ancon вліяла главнымъ образомъ на развитіе боковыхъ частей черепа, изслѣдованіе которыхъ не входило въ поставленную нами задачу.

II.

Въ первой части нашей статьи мы разсмотрѣли вліяніе, которое оказывается тѣми или иными величинами головного и высотно-длиннотнаго указателей на взаимоотношеніе черепныхъ дугъ и хордъ. Теперь мы займемся разсмотрѣніемъ племенныхъ различій, которыя представляютъ тѣ же элементы. Но прежде чѣмъ это сдѣлать, нужно рѣшить вопросъ о методѣ, о томъ, что должно брать за исходную точку для выясненія подобныхъ различій. Поясннмъ это примѣромъ. Положимъ, что мы имѣемъ племя, средній головной указатель котораго болѣе 83,34, т.-е. громадное большинство индивидовъ этого племени принадлежатъ къ брахицефаламъ; другіе указатели, за исключеніемъ низкихъ теменного и лобно-теменного, принадлежатъ также къ высокимъ. Какой изъ этихъ указателей можно считать типичнымъ для даннаго племени? Справляемся съ нашимъ выводомъ относительно вліянія брахицефаліи на взаимоотношеніе черепныхъ дугъ и хордъ и находимъ, что всѣ изслѣдуемые нами указатели и должны быть такими на основаніи нашего вывода, за исключеніемъ теменного, который у насъ низокъ. Такая величина его можетъ имѣть два объясненія: первое — преобладающее вліяніе гипсицефаліи, если племя относится къ высокоголовымъ (см. ниже таблицу I b), и второе—исключительно племенная особенность, если племя относится къ низкоголовымъ (см. «теменная дуга у низкоголовыхъ брахицефаловъ» въ табл. I а). Изъ указаннаго примѣра видно, что за исходную точку нашихъ разсужденій мы беремъ ту или иную величину головного указателя, а указатели, величина которыхъ можетъ найти себѣ объясненіе во вліяніи величины головного указателя, мы не считаемъ типичными. Хотя такая исходная точка несомнѣнно условна (почему, напр., не брать за таковую величину высотно-длиннотнаго указателя), но эта условность уже твердо узаконена въ антропологіи многочисленными классификаціями, и мы не считаемъ нужнымъ дѣлать отступленіе отъ этого правила. По отношенію къ изслѣдуемому нами вопросу въ каждомъ племени перекрещиваются три вліянія: вліяніе головного указателя, высотно-длиннотнаго и племенное. Первыя два нерѣдко противоположны (см. напр., табл. I а, дуга затылочная, лобно-теменная и теменно-затылочная) и, такъ сказать, вступаютъ въ борьбу другъ съ другомъ, которая можетъ закончиться какъ преобладаніемъ какого-нибудь одного вліянія, такъ и сведеніемъ указателя къ средней величинѣ, что уже составляетъ извѣстное племенное отличіе. Исходя изъ всего вышесказаннаго, мы будемъ различать племенные признаки (отличія) трехъ родовъ: къ первому относятся отличія, совершенно независимыя отъ вліянія величинъ головного и вы-

сотно-длиннотнаго указателей, напр., если у низкоголовыхъ брахицефаловъ мы встрѣтимъ низкій темянной указатель (см. табл. I a); къ признакамъ второго рода мы причисляемъ тѣ отличія, которыя могутъ быть выведены изъ преобладающаго вліянія величины высотно-длинотнаго указателя, представляющаго уже самъ по себѣ важный племенной признакъ; наконецъ, къ признакамъ третьяго рода мы будемъ относить такія отличія, которыя хотя и будутъ зависѣть отъ вліянія величины головного указателя, но въ то же время будутъ рѣзко выдѣляться по сравненію со всѣми другими племенами.

Предлагаемыя ниже таблицы составлены на основаніи выводовъ, сдѣланныхъ въ первой части пашей статьи; знакъ — означ етъ, что относительно даннаго элемента не было сдѣлано никакого вывода. Въ лѣвыхъ частяхъ каждой таблицы помѣщены указатели, величина которыхъ представляетъ функцію величины высотно-длиннотнаго указателя, а въ правыхъ— функцію величины головного указателя. Изъ таблицъ этихъ видно, гдѣ вліянія головного и высотно-длиннотнаго указателей дѣйствуютъ въ одномъ направленіи и гдѣ они противуположны; на ихъ же основаніи производится и классификація признаковъ.

I Табл.

A		B	
Низкоголовые брахицефалы.		*Высокоголовые брахицефалы.*	
——	высокіе указатели	——	высокіе указ.
Лобная дуга.			
——	высокіе указатели	высокіе указ.	высокіе указ.
Темянная дуга.			
высокіе ук.	высокіе указатели	низкіе указ.	высокіе указ.
Затылочная дуга.			
низкіе ук.	высокіе указатели	высокіе указ.	высокіе указ.
Лобно-темянная дуга.			
высокіе ук.	низкіе указатели	низкіе указ.	низкіе указ.
Темянно-затылочная дуга.			
низкіе ук.	высокіе указатели	высокіе указ.	высокіе указ.

II. табл.

A		B	
Низкоголовые долихоцефалы.		*Высокоголоые долихоцефалы.*	
——	низкіе указатели	——	низкіе указат.
Лобная дуга.			
——	низкіе указатели	высокіе указ.	низкіе указат.
Темянная дуга.			
высокіе ук.	низкіе указатели	низкіе указ.	низкіе указат.
Затылочная дуга.			
низкіе указ.	низкіе указатели	высок. указ.	низкіе указат.
Лобно-темянная дуга.			
высокіе указ.	высокіе указатели	низкіе указ.	высокіе указ.
Темянно-затылочная дуга.			
низкіе указ.	низкіе указатели	высок. указ.	низкіе указат.

Въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ дѣлить указатели не на двѣ группы, какъ въ таблицахъ I и II, а на три (аналогично дѣленію череповъ по головному указателю на брахи-, мезо- и долихоцефаловъ), вслѣдствіе чего наиболѣе важными для опредѣленія племенныхъ различій будутъ крайнія группы; напр., если на группу низкихъ указателей не падаетъ ни одного процента, на группу среднихъ 58%, а на группу высокихъ 42% (см. калмыки, лобный указатель), то ясно, что средняя группа ближе къ группѣ высокихъ указателей, чѣмъ къ группѣ низкихъ; отсюда же слѣдуетъ, что племя съ такимъ распредѣленіемъ указателей можно отнести къ племенамъ съ высокими указателями. Всего нами изслѣдовано 643 черепа (въ это число не вошли деформированные), относящіеся къ 22 этнологическимъ группамъ, которыя мы ниже описываемъ въ порядкѣ возрастанія брахицефаліи. Указатели дѣлятся нами на три категоріи такъ:

III табл.

	Низкіе указ.	Средніе указ.	Высокіе указ.
Отношеніе діаметра отъ nas. до opistion къ вертик. дугѣ	32,01—36,00	36,01—40,00	40,01—44,00
Лобный . . . . . указатель	80,01—84,00	84,01—88,00	88,01—92,00
Темянной. . . . . »	82,01-87,00	87,01—91,00	91,01—96,00
Затылочный. . . . »	73,01—79,00	79,01—84,00	84,01—90,00
Лобно-темянной . . »	57,01—65,00	65,01—72,00	72,01—78,00
Темянно-затылочный »	53,01—60,00	60,01—66,00	66,01—73,00

Въ основу такого дѣленія было положено равенство группъ; въ первыхъ двухъ рядахъ равны всѣ группы; у темяннаго, затылочнаго и темянно-затылочнаго равны крайнія группы, а средняя группа единицей меньше; неравенство же группъ у указателя лобно-темяннаго (первая группа содержитъ 8 единицъ, вторая — 7 и третья — 6) объясняется тѣмъ, что, несмотря на такое дѣленіе, изъ всѣхъ череповъ (643) на первую группу приходится 28 (низкіе указатели очень рѣдки), тогда какъ на третью—81, т.-е. почти втрое большее число. Раздѣливъ же на три равныя группы по 7 единицъ въ каждой, получимъ еще большее неравенство: въ первой группѣ тогда будетъ 10 череповъ, а въ третьей—143. Это обстоятельство въ связи съ тѣмъ, что на указатели 59,01 — 61,00 не падаетъ ни одного черепа, и заставило насъ принять вышеуказанное дѣленіе. Переходимъ теперь къ описанію отдѣльныхъ племенъ и выясненію племенныхъ отличій. Для величинъ головного и высотно-длиннотнаго указателя мы будемъ брать выведенныя нами среднія данныя, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ мы будемъ руководиться составленными нами таблицами рядового расположенія.

1. Натухайцы. Количество измѣренныхъ череповъ—17. Головной указатель — 75,24, высотно-длиннотный — 73,51, т.-е. по первому указа-

телю они—субдолихоцефалы, по второму стоятъ между гипси- и хамэцефалами. Интересующіе насъ указатели распредѣляются у нихъ такимъ образомъ:

	Низкіе ук. %	Средніе ук. %	Высокіе ук. %
Отнош. діам. отъ nas. до ор. къ вертик. дугѣ	24	76	—
Лобный . . . . . указатель	18	64	18
Темянной. . . . . »	12	71	17
Затылочный. . . . »	12	88	—
Лобно-темянной . . »	—	82	18
Темянно-затылочный »	24	76	—

Племенныхъ признаковъ 1-го рода нѣтъ: мы видимъ здѣсь почти полное согласованіе съ таблицей II, говоримъ «почти» на томъ основаніи, что въ темянномъ указателѣ замѣтна тенденція къ болѣе высокимъ величинамъ (въ группѣ высокихъ указателей — 17%, въ группѣ низкихъ — 12%), но она выражена такъ слабо, что опредѣленнаго вывода на ней основать нельзя.

Племенныхъ признаковъ 2-го рода также выведено быть не можетъ, если мы примемъ во вниманіе величину высотно-длиннотнаго указателя — 73,51; это же замѣчаніе въ равной степени относится и ко всѣмъ другимъ племенамъ, указатели которыхъ (высотно-длиннотные) находятся въ предѣлахъ 72,00—75,00, такъ что мы, во избѣжаніе повтореній, въ дальнѣйшемъ изложеніи къ этому возвращаться не будемъ.

Признаковъ 3-го рода также нѣтъ, что мы можемъ видѣть изъ сравненія натухайцевъ съ другими племенами по ниже приложенной общей таблицѣ.

2. Турки. Количество череповъ — 33. Головной указатель — 76,12, высотно длиннотный — 72,21. Указатели распредѣляются такъ:

	Низкіе ук. %	Средніе ук. %	Высокіе ук. %
Отнош. діам. отъ nas. до ор. къ вертик. дугѣ	39	55	6
Лобный . . . . . указатель	—	15	85
Темянной. . . . . »	36	58	6
Затылочный. . . . »	15	49	36
Лобно-темянной . . »	—	61	39
Темянно-затылочный »	57	43	—

Къ признакамъ 1-го рода относятся: высокіе лобный указатель и затылочны (послѣднее выражено менѣе рѣзко). О томъ или иномъ значеніи указателей было уже сказано въ первой части статьи.

Признаковъ 2-го рода нѣтъ.

Къ признакамъ 3-го рода относятся: низкій темянной указатель (на 1-ую группу падаетъ 36% — самый большой процентъ по сравненію съ другими племенами, см. общую таблицу), высокій лобно-темянной (39% на третью группу; также самый большой процентъ въ этой группѣ по сравненію съ другими) и низкій темянно-затылочный (57% на 1-ую группу; больше нихъ даютъ процентъ только вогулы — 76%).

Интересно отмѣтить, что и въ изслѣдованныхъ нами признакахъ турки выказываютъ часто сходство съ болгарами; то же было отмѣчено по отношенію ко многимъ другимъ признакамъ А. А. Ивановскимъ [1]), А. П. Богдановымъ [2]) и другими антропологами.

3. Финны. Количество череповъ—13. Головной указатель — 76,54, высотно-длиннотный — 69,74. Остальные указатели распредѣляются такъ:

	Низкіе ук. %	Средніе ук. %	Высокіе ук. %
Отнош. діам. отъ nas. до op. къ вертик. дугѣ	23	77	—
Лобный . . . . . указатель	23	62	15
Темянной. . . . . »	8	54	38
Затылочный. . . . »	30	70	—
Лобно-темянной . . »	—	85	15
Темянно-затылочный »	46	54	—

Признаковъ 1-го рода нѣтъ.

Къ признакамъ 2-го рода относится высокій темянной указатель (на 3-ю группу — 38, на 1-ую группу — 8), что объясняется, какъ слѣдствіе хамэцефаліи.

Къ признакамъ 3-го рода можно отнести тенденцію къ болѣе низкимъ лобнымъ указателямъ, хотя, если мы сравнимъ съ процентомъ, падающимъ въ этомъ же случаѣ на 3-ю группу, разница будетъ не велика; но, если будемъ сравнивать проценты, падающіе на первую группу у всѣхъ племенъ, то найдемъ, что только финны и нѣмцы даютъ 23%, остальные даютъ меньше, и у шести племенъ нѣтъ даже подобнаго процента на первую группу (см. общую таблицу). Фактъ этотъ имѣетъ интересъ и съ другой стороны. У Ранке во II-мъ томѣ «Человѣка» высказывается предположеніе, что у народовъ болѣе культурныхъ наблюдается болѣе выпуклый лобъ. Предположеніе это, на нашъ взглядъ, получаетъ нѣкоторое доказательство въ томъ, что у двухъ болѣе культурныхъ изъ изслѣдованныхъ нами народ-

---

[1]) *А. А. Ивановскій.* Туркмены и турки по краніометрическимъ изслѣдованіямъ. „Дневн. Антроп. Отд.“, 1891 г., вып. III.

[2]) *А. П. Богдановъ.* Черепа болгаръ. „Антроп. Выст.“, т. III, стр. 371.

ностей мы встрѣчаемъ именно самый большой процентъ по сравненію съ другими въ первой группѣ.

4. **Вогулы**. Количество череповъ—25. Головной указатель—77,09, высотно-длиннотный — 69,56. Остальные указатели распредѣляются такъ:

	Низкіе ук. %	Средніе ук. %	Высокіе ук. %
Отнош. діам. отъ nas. до ор. къ вертик. дугѣ	28	72	—
Лобный . . . . . указатель	8	68	24
Темянной. . . . . »	4	80	16
Затылочный. . . . »	60	36	4
Лобно-темянной . . »	—	76	24
Темянно-затылочный »	76	24	—

Къ признакамъ 1-го рода относится высокій лобный указатель (на 1-ую группу — 8%, на третью — 24%).

Къ признакамъ 2-го рода относится высокій темянной указатель (1-я группа — 4%, третья группа — 16%).

Къ признакамъ 3-го рода относятся низкіе указатели затылочный и темянно-затылочный (на 1-ую группу—60% и 76%; такой процентъ на 1-ую группу по отношенію къ затылочному указателю встрѣчается только у торгоутовъ, а по отношенію къ темянно-затылочному вогулы составляютъ своего рода unicum, такъ какъ слѣдующій по величинѣ процентъ мы встрѣчаемъ у турокъ и тамъ онъ равенъ 57, т.-е. у вогуловъ на 19 болѣе).

5. **Эсты**. Количество череповъ — 30. Головной указатель — 77,16, высотно-длиннотный — 73,10. Указатели распредѣляются такъ:

	Низкіе ук. %	Средніе ук. %	Высокіе ук. %
Отнош. діам. отъ nas. до ор. къ вертик. дугѣ	37	60	3
Лобный . . . . . указатель	10	83	7
Темянной. . . . . »	13	74	13
Затылочный. . . . »	23	67	10
Лобно-темянной . . »	3	90	7
Темянно-затылочный »	40	60	—

Признаковъ 1-го и 2-го рода нѣтъ; признаки 3-го рода тоже отсутствуютъ, за исключеніемъ того, что на третью группу лобный указатель даетъ 7% — самый меньшій процентъ по сравненію съ другими народностями (только еще у нѣмцевъ тотъ же процентъ).

6. Болгары. Количество череповъ—21. Головной указатель—77,55, высотно-длиннотный — 73,23. Остальные указатели распредѣляются такъ:

	Низкіе ук. %	Средніе ук. %	Высокіе ук. %
Отнош. діам. отъ nas. до ор. къ вертик. дугѣ	24	71	5
Лобный . . . . . указатель	—	48	52
Темянной. . . . . »	33	53	14
Затылочный. . . . »	15	52	33
Лобно-темянной . . »	—	71	29
Темянно-затылочный »	43	57	—

Признаки 1-го рода: высокій лобный и высокій затылочный (выражено не рѣзко) указатели.

Признаковъ 2-го рода нѣтъ.

Къ признакамъ 3-го рода относятся: большой процентъ, даваемый темяннымъ указателемъ на 1-ую группу (только у турокъ больше—36%), и большой процентъ, даваемый на третью группу лобно-темяннымъ указателемъ (такой же процентъ даютъ еще калмыки, а большій встрѣчаемъ только у турокъ — 39%).

Переходя къ племенамъ мезоцефаличнымъ, мы не въ состояніи сохранить дѣленіе признаковъ на отдѣльные роды, такъ какъ у насъ здѣсь отсутствуетъ исходная точка такого дѣленія: здѣсь пересѣкаются оба вліянія какъ долихоцефаліи, такъ и брахицефаліи.

7. Китайцы. Количество череповъ — 10. Головной указатель — 78,18, высотно-длиннотный — 78,18 (одинаковъ по величинѣ съ первымъ). Остальные указатели распредѣляются такъ:

	Низкіе ук. %	Средніе ук. %	Высокіе ук. %
Отнош. діам. отъ nas. до ор. къ вертик. дугѣ	30	70	—
Лобный . . . . . указатель	10	60	30
Темянной. . . . . »	20	80	—
Затылочный. . . . »	10	60	30
Лобно-темянной . . »	20	80	—
Темянно-затылочный »	20	70	10

Въ виду вышеуказаннаго замѣчанія мы здѣсь ограничимся указаніемъ на племенныя отличія, но не будемъ раздѣлять по родамъ признаковъ: народность эта по отношенію къ темянному указателю не даетъ ни одного процента на 3-ю группу, тогда какъ всѣ другія даютъ опредѣленный процентъ, а на 1-ую группу падаетъ 20% — довольно значительная величина по сравненію съ другими народностями; по отношенію къ лобно-темянному указателю также выступаетъ ихъ отличіе: среди другихъ они даютъ са-

мый большій процентъ на 1-ую группу и 0%—на 3-ю, тогда какъ изъ 22 изслѣдованныхъ народностей 12 не даютъ ни одного процента на 1-ую группу.

8. Шапсуги. Количество череповъ - 36. Головной указатель—78,99, высотно-длиннотный — 75,42. Остальные указатели распредѣляются такъ:

	Низкіе ук. %	Средніе ук. %	Высокіе ук. %
Отнош. діам. отъ nas. до ор. къ вертик. дугѣ	8	81	11
Лобный . . . . . указатель	3	83	14
Темянной. . . . . »	11	72	17
Затылочный. . . . »	17	66	17
Лобно-темянной . . »	3	83	14
Темянно-затылочный »	6	75	19

Типичную племенную особенность мы находимъ у шапсуговъ только по отношенію къ темянно-затылочному указателю; именно, это будетъ его высокая величина: на 1-ую группу падаетъ 6% (только абхазцы даютъ меньшій процентъ), а на 3-ю — 19% (12 народностей на эту группу не даютъ ни одного процента, и только опять абхазцы даютъ большій процентъ).

9. Цыгане. Количество череповъ—33. Головной указатель—79,29, высотно-длиннотный — 74,93. Остальные указатели распредѣляются такъ:

	Низкіе ук. %	Средніе ук. %	Высокіе ук. %
Отнош. діам. отъ nas. до ор. къ вертик. дугѣ	33	61	6
Лобный . . . . . указатель	—	79	21
Темянной. . . . . »	15	79	6
Затылочный. . . . »	15	67	18
Лобно-темянной . . »	3	82	15
Темянно-затылочный »	24	70	6

Племенное отличіе — высокіе лобные указатели (на 1-ую группу — 0%, на 3-ю — 21%).

10. Курганные черепа Петербургской губерніи. Количество череповъ—110. Головной указатель—79,48, высотно-длиннотный — 74,93. Остальные указатели распредѣляются такъ:

	Низкіе ук. %	Средніе ук. %	Высокіе ук. %
Отнош. діам. отъ nas. до ор. къ вертик. дугѣ	31	65	4
Лобный . . . . . указатель	7	74	19
Темянной. . . . . »	29	67	4
Затылочный. . . . »	11	69	20
Лобно-темянной . . »	5	90	5
Темянно-затылочный »	25	72	3

Въ виду того, что группа эта не представляетъ одно этнографическое цѣлое, а состоитъ изъ череповъ, принадлежащихъ къ различнымъ народностямъ и разнымъ временамъ (приблизительно съ VIII вѣка по Р. Х. до XI в.), мы не можемъ говорить здѣсь о племенныхъ отличіяхъ, а только объ особенностяхъ этой группы древнихъ череповъ по сравненію съ черепными особенностями современныхъ народностей. Такой особенностью череповъ курганнаго населенія будутъ низкіе темяпные указатели (на 1-ую группу—29, на 3-ю—4%). Изъ череповъ современныхъ народностей этой же особенностью отличаются черепа китайцевъ и дунганъ (китайцы-мусульмане), черепа турокъ и болгаръ (на близость этихъ народностей мы указывали въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ) и черепа поляковъ. Сопоставленіе это можетъ имѣть нѣкоторое значеніе при изслѣдованіи вопроса о томъ, къ какой расѣ принадлежали народности, создавшіе курганы на сѣверо-западѣ Россіи.

II. Дунганы. Количество череповъ—11. Головной указатель — 80,54, высотно-длиннотный — 76,02. Остальные указатели распредѣляются такъ:

	Низкіе ук. %	Средніе ук. %	Высокіе ук. %
Отн. діам. отъ nas. до ор. къ вертик. дугѣ	36	64	—
Лобный указатель	9	82	9
Темянной	27	64	9
Затылочный	27	73	—
Лобно-темянной	—	100	—
Темянно-затылочный	27	73	—

Признаки 1 рода: низкіе затылочные и темянно-затылочные указатели.
Признаки 2 рода: низкій темянной указатель.
Признаки 3 рода отсутствуютъ.

12. Калмыки. Количество череповъ — 31. Головной указатель — 80,56, высотно-длиннотный — 70,70. Остальные указатели распредѣляются такъ:

	Низкіе ук. %	Средніе ук. %	Высокіе ук. %
Отн. діам. отъ nas. до ор. къ вертик. дугѣ	29	68	3
Лобный указатель	—	58	42
Темянной	3	77	20
Затылочный	39	48	13
Лобно-темянной	—	71	29
Темянно-затылочный	52	48	—

Признаки 1 рода отсутствуютъ.

Признаки 2 рода: низкіе затылочный и темянно-затылочный указатели и высокій лобно-темянной.

Къ признакамъ 3 рода можно отнести высокій процентъ, даваемый лобнымъ указателемъ на III группу.

13. Поляки. Количество череповъ — 23. Головной указатель — 80,63, высотно-длиннотный — 73,30. Остальные указатели распредѣляются такъ:

	Низкіе ук. %	Средніе ук. %	Высокіе ук. %
Отн. діам. отъ nas. до op. къ вертик. дугѣ	26	65	9
Лобный указатель . .	8	70	22
Темянной	17	78	5
Затылочный	17	66	17
Лобно-темянной . . .	4	92	4
Темянно-затылочный .	30	70	—

Къ признакамъ 1 рода относятся низкій темянно-затылочный указатель и низкій также темянной.

Признаки 2 и 3 рода отсутствуютъ.

14. Нѣмцы. Количество череповъ — 13. Головной указатель — 81,04, высотно-длиннотный — 73,51. Остальные указатели распредѣляются такъ:

	Низкіе ук. %	Средніе ук. %	Высокіе ук. %
Отн. діам. отъ nas. до op. къ вертик. дугѣ	25	75	—
Лобный указатель . .	23	70	7
Темянной	8	77	15
Затылочный	23	70	7
Лобно-темянной . . .	—	100	—
Темянно-затылочный .	38	62	—

Признаки 1-го рода: низкій лобный указатель, низкій затылочный и низкій темянно-затылочный указатели.

Признаковъ 2 и 3 рода нѣтъ.

15. Башкиры. Количество череповъ — 14. Головной указатель — 82,15, высотно-длиннотный — 72,62. Остальные указатели распредѣляются такъ:

	Низкіе ук. %	Средніе ук. %	Высокіе ук. %
Отн. діам. отъ nas. до op. къ вертик. дугѣ	36	64	—
Лобный указатель . .	14	64	22
Темянной	—	86	14
Затылочный	29	57	14
Лобно-темянной . . .	—	86	14
Темянно-затылочный .	22	71	7

Признаки 1 рода: тенденція къ низкимъ указателямъ затылочнымъ и темянно-затылочнымъ и высокіе лобно-темянные указатели.

Признаковъ 2 и 3 рода нѣтъ.

16. Буряты. Количество череповъ — 18. Головной указатель — — 83,17, высотно-длиннотный — 72,76. Остальные указатели распредѣляются такъ:

	Низкіе ук. %	Средніе ук. %	Высокіе ук. %
Отн. діам. отъ nas. до ор. къ вертик. дугѣ	17	72	11
Лобный указатель . .	—	61	39
Темянной	—	83	17
Затылочный	28	67	5
Лобно-темянной . . .	—	89	11
Темянно-затылочный .	22	72	6

Признаки 1 рода: низкіе затылочные и темянно-затылочные указатели и высокіе лобно-темянные.

Признаковъ 2 рода нѣтъ.

Изъ признаковъ 3-го рода рельефно выдѣляются высокіе лобные указатели.

17. Абхазцы. Количество череповъ — 57. Головной указатель — — 83,54, высотно-длиннотный — 78,16. Остальные указатели распредѣляются такъ:

	Низкіе ук. %	Средніе ук. %	Высокіе ук. %
Отн. діам. отъ nas. до ор. къ вертик. дугѣ	16	75	9
Лобный указатель . .	8	71	21
Темянной	9	72	19
Затылочный	11	74	15
Лобно-темянной . . .	18	80	2
Темянно-затылочный .	2	70	28

Признаковъ 1 и 2 рода нѣтъ.

Признаки 3 рода: низкій лобно - темянной указатель (на I - ю группу — 18%, больше даютъ только китайцы — 20%) и высокій темянно-затылочный.

18. Киргизы. Количество череповъ — 30. Головной указатель — — 83,88, высотно-длиннотный — 69,13. Остальные указатели распредѣляются такъ:

	Низкіе ук. %	Средніе ук. %	Высокіе ук. %
Отн. діам. отъ nas. до ор. къ вертик. дугѣ	13	77	10
Лобный указатель . .	3	77	20
Темянной	10	73	17
Затылочный	33	54	13
Лобно-темянной . . .	3	87	10
Темянно-затылочный .	27	73	—

Признаковъ 1 рода нѣтъ.

Признаки 2 рода: низкіе затылочный и темянно-затылочный указатели и высокій лобно-темянной (выражено слабо).

Признаковъ 3 рода нѣтъ.

19. Сойоты. Количество череповъ — 10. Головной указатель—84,06, высотно длиннотный — 72,81. Остальные указатели распредѣляются такъ:

	Низкіе ук. %	Средніе ук. %	Высокіе ук. %
Отн. діам. отъ nas. до ор. къ вертит. дугѣ	20	80	—
Лобный указатель . .	10	80	10
Темянной	—	40	60
Затылочный	30	70	—
Лобно-темянной . . .	—	80	20
Темянно-затылочный .	10	80	10

Признаки 1 рода: низкій затылочный указатель и высокій лобно-темянной.

Признаковъ 2 рода нѣтъ.

Къ признакамъ 3 рода относится очень высокій темянной указатель (на III группу падаетъ 60% — самый большой процентъ по сравненію съ другими народностями).

20. Орочены. Количество череповъ — 11. Головной указатель — — 84,13, высотно-длиннотный — 74,04. Остальные указатели распредѣляются такъ:

	Низкіе ук. %	Средніе ук. %	Высокіе ук. %
Отн. діам. отъ nas. до ор. къ вертик. дугѣ	11	78	11
Лобный указатель . .	9	82	9
Темянной	—	73	27
Затылочный	36	55	9
Лобно-темянной . . .	9	73	18
Темянно-затылочный .	9	82	9

Признаки 1 рода: низкій затылочный указатель и высокій лобно-темянной (выражено не рѣзко).

Признаковъ 2 рода нѣтъ.

Признаки 3-го рода: высокій темянной указатель (вмѣстѣ съ башкирами, бурятами, сойотами и торгоутами — все монгольскія племена — орочены не даютъ ни одного процента на I группу).

21. Торгоуты. Количество череповъ — 10. Головной указатель — — 84,63, высотно-длиннотный — 67,83. Остальные указатели распредѣляются такъ:

	Низкіе ук. %	Средніе ук. %	Высокіе ук. %
Отн. діам. отъ nas. до ор. къ вертик. дугѣ	40	50	10
Лобный указатель . .	—	60	40
Темянной	—	70	30
Затылочный	60	40	—
Лобно-темянной . . .	—	90	10
Темянно-затылочный .	50	50	—

Признаковъ 1 рода нѣтъ.

Признаки 2 рода: низкіе указатели затылочный и темянно-затылочный и высокій лобно-темянной (выражено слабо).

Къ признакамъ 3 рода относятся высокіе указатели лобный (0% на I группу, 40% на III) и темянной (0% на I группу и 30% на III).

22. Теленгеты. Количество череповъ — 87. Головной указатель— — 85,38, высотно-длиннотный — 74,13. Остальные указатели распредѣляются такъ:

	Низкіе ук. %	Средніе ук. %	Высокіе ук. %
Отн. діам. отъ nas. до ор. къ вертик. дугѣ	23	59	18
Лобный указатель . .	3	53	44
Темянной	11	69	20
Затылочный	15	62	23
Лобно-темянной . . .	5	84	11
Темянно-затылочный .	8	79	13

Къ признакамъ 1 рода относится слабо выраженная тенденція лобнотемянного указателя къ высокимъ величинамъ.

Признаковъ 2 рода нѣтъ.

Къ признакамъ 3 рода относится высокій лобный указатель (на III группу приходится 44%, больше только у турокъ и болгаръ).

Теленгетами мы и заканчиваемъ наше изслѣдованіе. Каждая народность, за исключеніемъ эстовъ, получила соотвѣтствующую характеристику

со стороны поставленной нами задачи. Дѣлать какіе-нибудь общіе выводы мы не будемъ, и значеніе второй части нашей работы мы видимъ въ томъ, что она даетъ новый матеріалъ для установленія антропологической классификаціи. Даже по тѣмъ признакамъ, которые мы изслѣдовали, видно антропологическое родство нѣкоторыхъ народностей. Приведемъ два примѣра. Для большей ясности введемъ такое обозначеніе: будемъ обозначать низкіе указатели арабскими цифрами, высокіе—римскими, а родъ признаковъ—маленькой цифрой. Вводя подобное обозначеніе, получаемъ:

низкій лобный указатель	2
высокій » »	II
низкій темянной »	3
высокій » »	III
низкій затылочный »	4
высокій » »	IV
низкій лобно-темянной указатель	5
высокій » »	V
низкій темянно-затылочный указатель. . .	6
высокій » » . .	VI

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что на мысль такого обозначенія насъ навелъ буквенный методъ А. А. Ивановскаго, употребленный имъ въ его антропологической классификаціи населенія Россіи ¹).

Если мы встрѣчаемъ обозначеніе 6^2, то это будетъ значить, что у изслѣдуемой народности низкій темянно-затылочный указатель существуетъ, какъ признакъ второго рода. Пользуясь такимъ обозначеніемъ, сравнимъ турокъ съ болгарами и монгольскія племена Сибири съ вогулами. Получаемъ такія формулы:

Турки	II^1	3^3	IV^1	V^3	6^3
Болгары	II^1	3^3	IV^1	V^3	—

Антропологическое родство этихъ двухъ группъ становится вполнѣ яснымъ. Также оно ясно и у монгольскихъ племенъ съ вогулами; здѣсь мы имѣемъ:

Вогулы	II^1	III^2	4^3	—	6^3	финское племя.
Торгоуты	II^3	III^3	4^2	—	6^2	монгольскія племена.
Калмыки	II^3	—	4^2	V^2	6^2	
Буряты	II^1	—	4^1	V^1	6^1	
Башкиры	—	—	4^1	V^1	6^1	
Киргизы	—	—	4^2	V^2	6^2	
Сойоты	—	III^3	4^1	V^1	—	
Орочены	—	III^3	4^1	V^1	—	
Теленгеты	II^3	—	—	V^1	—	

---

¹) *А. А. Ивановскій.* Объ атнропологическомъ составѣ населенія Россіи. „Тр. Антроп. Отд.“ т. XXII.

Общая таблица распредѣленія процентовъ по группамъ.

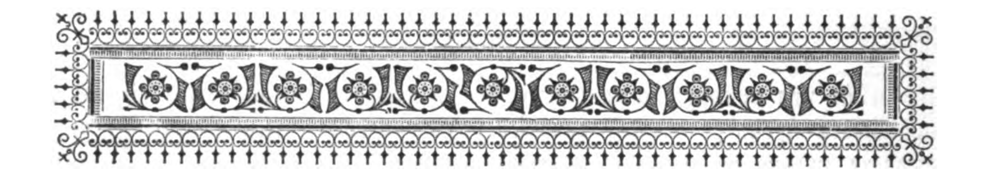
ПЛЕМЕНА.	Отнош. діам. отъ nas. до ор. къ вертик. дугѣ.			Лобный указатель.			Темянной указатель.			Затылочн. указатель.			Лобно-темян. указатель.			Темянно-затылочн. указатель.		
	низк.	средн.	высок.	низк.	средн.	высок.	низк.	средн.	высок.	низк.	средн.	высок.	низк.	средн.	высок.	низк.	средн.	высок.
Натухайцы	24	76	—	18	64	18	12	71	17	12	88	—	—	82	18	24	76	—
Турки	39	55	6	—	15	85	36	58	6	15	49	36	—	61	39	57	43	—
Финны	23	77	—	23	62	15	8	54	38	30	70	—	—	85	15	46	54	—
Вогулы	28	72	—	8	68	24	4	80	16	60	36	4	—	76	24	76	24	—
Эсты	37	60	3	10	83	7	13	74	13	23	67	10	3	90	7	40	60	—
Болгары	24	71	5	—	48	52	33	53	14	15	52	33	—	71	29	43	57	—
Китайцы	30	70	—	10	60	30	20	80	—	10	60	30	20	80	—	20	70	10
Шапсуги	8	81	11	3	83	14	11	72	17	17	66	17	3	83	14	6	75	19
Цыгане	33	61	6	—	79	21	15	79	6	15	67	18	3	82	15	24	70	6
Кург. Петерб. губ.	31	65	4	7	74	19	29	67	4	11	69	20	5	90	5	25	72	3
Дунганы	36	64	—	9	82	9	27	64	9	27	73	—	—	100	—	27	73	—
Калмыки	29	68	3	—	58	42	3	77	20	39	48	13	—	71	29	52	48	—
Поляки	26	65	9	8	70	22	17	78	5	17	66	17	4	92	4	30	70	—
Нѣмцы	25	75	—	23	70	7	8	77	15	23	70	7	—	100	—	38	62	—
Башкиры	36	64	—	14	64	22	—	86	14	29	57	14	—	86	14	22	71	7
Буряты	17	72	11	—	61	39	—	83	17	28	67	5	—	89	11	22	72	6
Абхазцы	16	75	9	8	71	21	9	72	19	11	74	15	18	80	2	2	70	28
Киргизы	13	77	10	3	77	20	1	73	17	33	54	13	3	87	10	27	73	—
Сойоты	20	80	—	10	80	10	—	40	60	30	70	—	—	80	20	10	80	10
Орочены	11	78	11	9	82	9	—	73	27	36	55	9	9	73	18	9	82	9
Торгоуты	40	50	10	—	60	40	—	70	30	60	40	—	—	90	10	50	50	—
Теленгеты	23	59	18	3	53	44	11	69	20	15	62	23	5	84	11	8	79	13

Оба эти примѣра намъ кажутся очень убѣдительными. Сравненію здѣсь не можетъ препятствовать различный родъ признака, такъ какъ родъ указываетъ только на существующую зависимость (или отсутствіе ея) извѣстнаго признака отъ величинъ головного или высотно-длиннотнаго указателей, которые сами по себѣ представляютъ важное племенное отличіе. Дѣленіемъ признаковъ на три рода намъ хотѣлось ярче подчеркнуть вышеуказанную зависимость; поэтому признакъ перваго рода у одной народности вполнѣ сравнимъ съ такимъ же признакомъ, но третьяго рода, у другой.

Когда мы опредѣляли признаки отдѣльныхъ народностей, то, какъ можно было видѣть, мы исключили изъ разсмотрѣнія указатель отношенія діаметра отъ nasion до opistion къ вертикальной дугѣ. Сдѣлано это было нами по двумъ причинамъ: во-первыхъ, на этотъ указатель не было обнаружено вліянія величины высотно-длиннотнаго указателя; во-вторыхъ, онъ рѣзко отличается отъ другихъ указателей тѣмъ, что вертикальная дуга представляетъ больше $^3/_4$ окружности, тогда какъ величины остальныхъ дугъ, вошедшихъ въ составъ указателей, значительно меньше, вслѣдствіе чего въ этомъ случаѣ зависимость между хордой и дугой гораздо сложнѣе. Поэтому мы считаемъ болѣе удобнымъ и правильнымъ дать замѣчанія, касающіяся этого указателя отдѣльно. На первую группу всѣ народности даютъ извѣстный процентъ: болѣе 25% мы встрѣчаемъ у турокъ (39%), вогуловъ (28%), эстовъ (37%), китайцевъ (30%), цыганъ (33%), курганныхъ череповъ Петербургской губ. (31%), дунганъ (36%), калмыковъ (29%), поляковъ (26%), башкировъ (36%), и торгоутовъ (40%). На третью группу восемь народностей не даютъ ни одного процента; поэтому за предѣльный процентъ мы будемъ считать 10%; больше 10% даютъ шапсуги (11%), буряты (11%), орочены (11%) и теленгеты (18%). Строить на подобномъ распредѣленіи процентовъ какіе-либо выводы мы признаемъ совершенно невозможнымъ и поэтому ограничиваемся здѣсь констатированіемъ факта. Прилагаемъ къ статьѣ общую таблицу распредѣленія процентовъ по группамъ для того, чтобы было яснымъ, какимъ образомъ опредѣлялись нами признаки третьяго рода.

Въ заключеніе считаемъ своимъ долгомъ выразить благодарность глубокоуважаемымъ *Д. Н. Анучину* и *А. А. Ивановскому* за тѣ цѣнные совѣты и указанія, которые мы отъ нихъ получили во время нашей работы.

Н. Вологинъ.

Изъ иностранной литературы.

Гигіена и вырожденіе.

(Gruber — Führt die Hygiene zur Entartung der Rasse? „Münchener Medizinische Wochenschrift“, 1903, №№ 40, 41; Kossmann — Hygiene und Zuchtwahl. Ibid, 1903, № 45; Bleuler — Führen die Fortschritte der Medizin zur Entartung der Rasse? Ibid, 1904, № 7).

Способствуетъ ли гигіена вырожденію расы? Не кажется ли парадоксальнымъ подобный вопросъ? Въ самомъ дѣлѣ, гигіена и вырожденіе — понятія, какъ будто исключающія другъ друга: тамъ—цѣль оздоровленія, созиданія лучшаго, совершеннѣйшаго типа; здѣсь — процессъ угасанія, вымиранія. Тѣмъ не менѣе вопросъ о соотношеніяхъ между гигіеной индивидуума и гигіеной расы, о взаимодѣйствіи той и другой въ цѣляхъ борьбы съ возможнымъ вырожденіемъ данной расы, въ цѣляхъ содѣйствія болѣе благопріятному ея физическому преуспѣянію — этотъ вопросъ не новъ. Его касались — прямо или косвенно—многіе мыслители еще задолго до появленія теоріи Дарвина. Принципъ естественнаго отбора, давшій теорію борьбы за существованіе, въ ряду своихъ многообразныхъ послѣдствій оказалъ большое вліяніе и на медицину, а въ особенности на гигіену, которая выдѣлила особую отрасль — расовую гигіену. Изученію этой послѣдней посвящены въ настоящее время спеціальные журналы и рядъ самостоятельныхъ работъ, среди которыхъ не послѣднее мѣсто занимаетъ работа мюнхенскаго профессора Грубера, познакомить съ которой является задачей настоящей статьи.

Поставленный выше вопросъ рѣшался положительно нѣкоторыми учеными, видѣвшими въ гигіеническихъ мѣропріятіяхъ лишь средство для поддержанія жизни слабыхъ, нестойкихъ индивидовъ, что, по ихъ мнѣнію, вредно отражается на благосостояніи цѣлой расы, понижая сопротивляемость послѣдней внѣшнимъ вреднымъ агентамъ. Далѣе, эти ученые старались доказать, что усиленная дѣтская смертность, заблаговременно устраняя менѣе приспособленные къ труду за существованіе элементы, благопріятно вліяла на смертность старшихъ возрастовъ; они настаивали также на существованіи антагонизма между

частотою туберкулеза среди взрослыхъ и высотою дѣтской смертности. При болѣе внимательномъ изслѣдованіи эти выводы оказались поспѣшными, встрѣчающимися лишь въ видѣ исключенія. Свои возраженія Груберъ строитъ на двухъ рядахъ фактовъ—санитарной статистики и антропометріи.

Данныя о смертности, собранныя въ различныхъ странахъ, въ разныя времена, неопровержимо доказываютъ, что, независимо отъ различій въ климатѣ и другихъ условій, вездѣ наблюдается одно и то же: высокая смертность среди взрослыхъ при высокой же дѣтской смертности, при пониженіи же послѣдней—соотвѣтственное паденіе и первой. Избирательное дѣйствіе отбора въ упомянутомъ смыслѣ совершенно не имѣетъ здѣсь мѣста. Среди эскимосовъ Гренландіи, слѣдовательно, въ полярномъ климатѣ, гдѣ дѣтей умираетъ въ полтора раза больше, нежели въ умѣренной Даніи, и взрослое населеніе даетъ смертность въ 3—4 раза большую. Въ 60—70-хъ годахъ прошлаго столѣтія сѣверная Норвегія дала наименьшую дѣтскую смертность, южная Кроатія—наибольшую, и, вопреки теоріи, смертность высшихъ возрастовъ за то же время въ Кроатіи въ 2—3 раза выше, чѣмъ въ Норвегіи. Къ подобному же результату приводятъ и данныя 1881—90 гг. для Саксоніи, Баваріи, Россіи, съ одной стороны, и Швейцаріи и Норвегіи же, съ другой. Прогрессъ и распространеніе гигіеническихъ знаній, улучшеніе условій существованія, а не гибель грудныхъ и малолѣтнихъ дѣтей, благодаря суровому закону естественнаго отбора, сохраняетъ жизнь многимъ и многимъ взрослымъ индивидуумамъ. Въ населеніи Берлина, по таблицамъ Каспера, изъ 1000 одновременно родившихся послѣ 20-ти лѣтъ были живы 866 богатыхъ и 566 бѣдныхъ, послѣ 60-ти лѣтъ—398 богатыхъ и 172 бѣдныхъ особей. Въ Женевѣ въ теченіе 300 лѣтъ дѣтская смертность понизилась больше, чѣмъ на половину, и соотвѣтственно этому значительно повысилось число лицъ старшаго возраста: такъ, во 2-й половинѣ 16-го столѣтія только 41 изъ 1000 новорожденныхъ достигали 70-ти лѣтъ, въ срединѣ же 19-го столѣтія — 238 изъ 1000.

Что физическое благосостояніе взрослаго населенія не находится ни въ какой зависимости отъ большей или меньшей смертности въ дѣтскомъ возрастѣ, весьма убѣдительно доказываютъ соотношенія между количествомъ умершихъ дѣтей, рожденныхъ въ бракѣ и внѣ брака, и числомъ годныхъ къ военной службѣ призывныхъ той и другой категоріи. Какъ извѣстно, смертность среди внѣбрачныхъ дѣтей весьма велика. Такъ, въ 1881 — 90 гг. въ Берлинѣ ежегодно умирало на первомъ году жизни 247 изъ 1000 родившихся въ бракѣ и 425 изъ 1000 внѣбрачныхъ; несмотря на такую высокую дѣтскую смертность среди послѣднихъ, призывные внѣбрачные дали 50,5% годныхъ къ военной службѣ противъ 49,1% родившихся въ бракѣ, т.-е. разница такъ мала, что она оставляетъ почти на одномъ и томъ же уровнѣ физическое развитіе призывныхъ обѣихъ категорій.

Всѣ эти сопоставленія, число которыхъ у Грубера значительно больше, приводятъ его къ заключенію, что, отвергая цѣлесообразность гигіеническихъ

мѣръ, приходится остановиться на одномъ изъ двухъ слѣдующихъ положеній: или отборъ слабыхъ индивидуумовъ еще недостаточно великъ даже при усиленной дѣтской смертности, или же на высокую смертность населенія вліяютъ причины, которыя столь могущественны, что съ ними не въ состояніи бороться даже самые стойкіе индивидуумы.

Такимъ образомъ, вѣра сторонниковъ естественнаго отбора въ спасительное значеніе дѣтской смертности, какъ средства для улучшенія человѣческой породы, оказывается совершенно несостоятельною. Это объясняется, по мнѣнію Грубера, тѣмъ, что подобная вѣра въ основѣ своей опирается на предположеніяхъ, большею частью ошибочныхъ.

Не всегда физически отсталые, слабые являются таковыми отъ рожденія. Несравненно чаще эти недочеты имѣютъ своимъ источникомъ не пробѣлы эмбріональнаго развитія, но исключительно неблагопріятныя внѣшнія условія. Въ пользу этого краснорѣчиво говоритъ тотъ общеизвѣстный фактъ, что недолговѣчность, анемія, рахитъ, золотуха являются привилегіей дѣтей неимущихъ, необезпеченныхъ классовъ. Другимъ яркимъ примѣромъ служитъ туберкулезъ, присутствіе котораго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ констатируется почти поголовно среди особей старше 30-ти лѣтъ. Бываетъ, слѣдовательно, время, когда организмъ самъ въ состояніи побѣдить проникшаго въ него паразита; въ другихъ же случаяхъ тотъ же организмъ, ослабленный болѣзнями, недостаточнымъ питаніемъ, чрезмѣрной работой, гибнетъ отъ туберкулеза, при отсутствіи новой инфекціи, но при наличности стараго, до того безвреднаго очага, получившаго, подъ вліяніемъ этихъ отрицательныхъ агентовъ, роковой толчекъ для своего развитія, и здѣсь уже нѣтъ мѣста для естественнаго отбора индивидуумовъ, не приспособленныхъ къ борьбѣ за существованіе.

Рядомъ съ этимъ Груберъ настаиваетъ на ненаучности рѣзкаго дѣленія организмовъ на совершенные и несовершенные. Такого дѣленія въ природѣ не бываетъ, какъ и не встрѣчается идеально нормальнаго человѣка. Безконечная градація ведетъ отъ истощеннаго, вырожденнаго человѣка къ человѣку, полному силъ, котораго мы считаемъ нормальнымъ, но и для него, самаго крѣпкаго и стойкаго, существуетъ максимумъ вредныхъ факторовъ, предъ которымъ его сила сопротивленія оказывается недостаточною. Такъ удается сломить невоспріимчивость къ извѣстному инфекціонному началу, повышая дозу послѣдняго.

Разъ не существуетъ ни абсолютно слабыхъ, обреченныхъ на гибель индивидуумовъ, ни исключительно сильныхъ, стойкихъ, то совершенно ложнымъ является утвержденіе, что послѣдніе не нуждаются въ защитѣ со стороны гигіены. За примѣромъ ходить недалеко. Алкоголизмъ, правда, уничтожаетъ несовершенныхъ субъектовъ, но онъ же непрерывно создаетъ новые ряды ихъ, и на этомъ пути Vollwertige наравнѣ съ Minderwertige требуютъ заботливаго ухода и наблюденія за собою.

Подводя итогъ сказанному, Груберъ приходитъ къ выводу, что внѣшніе вредные факторы, противъ которыхъ организмъ постоянно долженъ защищаться, являются не стимулами естественнаго отбора, но «зломъ, постигающимъ расу, стоящую на болѣе низкомъ уровнѣ, сравнительно съ тѣмъ, котораго она могла бы въ дѣйствительности достигнуть, соотвѣтственно своимъ внутреннимъ задаткамъ». Отсюда проистекаетъ его настойчивый заключительный призывъ къ возможно болѣе широкому примѣненію требованій гигіены, преслѣдующей не только пользу отдѣльныхъ индивидовъ, но и благо цѣлаго, благо народа, расы.

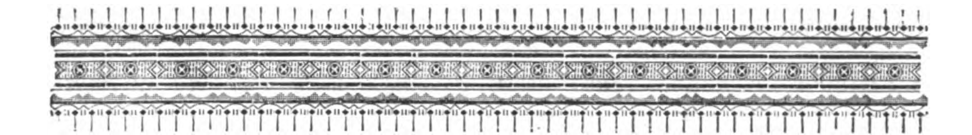
Груберъ въ своей статьѣ почти совсѣмъ не коснулся собственно медицины и вліянія ея успѣховъ въ тѣхъ же цѣляхъ, т.-е. въ цѣляхъ сохраненія или вырожденія расы, между тѣмъ въ этомъ отношеніи нѣкоторые изъ его оппонентовъ не вполнѣ раздѣляютъ его оптимизмъ. «Успѣхи гигіены»,—говоритъ Bleuler,—«обслуживаютъ болѣе или менѣе всѣхъ индивидуумовъ и тѣмъ самымъ поднимаютъ уровень расы, успѣхи же медицины помогаютъ только слабымъ и должны поэтому понизить уровень ея». Опираясь на такія явленія, какъ наклонность къ узкому тазу, къ грыжамъ, предрасположеніе къ туберкулезу, къ психическимъ заболѣваніямъ, названный авторъ доказываетъ, что медицина, благодаря своимъ терапевтическимъ и профилактическимъ пріемамъ, усиливаетъ передачу этихъ особенностей путемъ наслѣдственности и дѣлаетъ ихъ болѣе стойкими и частыми. Отсюда возникаетъ опасность для современныхъ цивилизованныхъ народовъ пасть подъ тяжестью собственныхъ слабостей, если искусственной защитѣ слабыхъ не будетъ поставленъ противовѣсъ въ видѣ искуственнаго отбора. Эта опасность наступаетъ лишь теперь, такъ какъ медицина прошлаго приносила больше вреда, нежели пользы, и очередной задачей является въ настоящее время изысканіе мѣръ для предотвращенія грозящаго вырожденія. Среди этихъ мѣръ, по мнѣнію Bleuler'a, едва ли можно придумать иную, кромѣ той, которая дала бы возможность воспрепятствовать размноженію слабыхъ индивидуумовъ.

Аналогичнымъ образомъ выражается и Kossmann, такъ же предписывающій въ извѣстныхъ случаяхъ Eheverbot, но значительно ограничивающій примѣненіе такой мѣры замѣчаніемъ, что опасность вырожденія расы этимъ путемъ совершенно отсутствуетъ, если предоставить естественному отбору свободное теченіе: при такомъ условіи менѣе стойкое потомство довольно скоро погибнетъ въ борьбѣ за существованіе. Лишь тамъ, гдѣ само государство допускаетъ существованіе такихъ факторовъ, благодаря которымъ слабыя, отсталыя поколѣнія остаются побѣдителями при соревнованіи съ болѣе сильными, болѣе способными, тамъ можетъ наступить вырожденіе расы, но тутъ, естественно, вина лежитъ уже не на сторонѣ гигіены или терапіи, но на сторонѣ государственныхъ учрежденій.

Вопросъ о предѣлахъ дѣйствія и средствахъ примѣненія требованій гигіены въ цѣляхъ народнаго благосостоянія логически приводитъ къ необходимости

содѣйствія со стороны общества и государства, и намъ кажется, что разногласіе цитированныхъ авторовъ во взглядахъ на возможное вырожденіе расы зависитъ отъ недостаточнаго разграниченія вліянія прирожденныхъ особенностей и пріобрѣтенныхъ свойствъ. Если въ борьбѣ съ первыми люди науки остаются, къ сожалѣнію, безсильными, то противъ послѣднихъ гигіенисты, врачи, общественные дѣятели, вооруженные богатымъ арсеналомъ научныхъ истинъ, въ состояніи повести побѣдоносную борьбу и не только для устраненія отрицательныхъ внѣшнихъ условій, ухудшающихъ человѣческую породу, но и для возможнаго парализованія результатовъ порочной наслѣдственности: залогомъ этой борьбы будетъ не вырожденіе расы, но ея преуспѣяніе.

А. Элькиндъ.

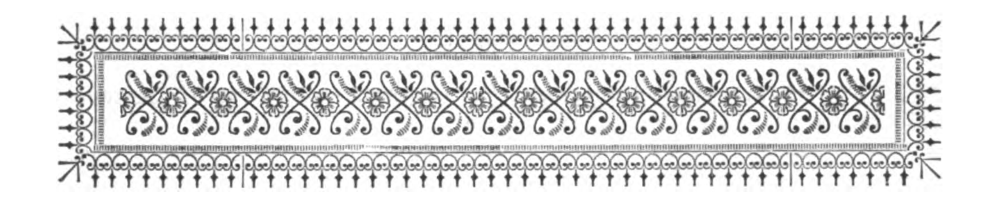
Некрологъ.

К. Е. фонъ-Уйфальви. 31 января н. ст. 1904 года скончался во Флоренціи извѣстный лингвистъ, антропологъ и этнографъ Карлъ Евгеній фонъ-Уйфальви. По происхожденію венгерецъ, онъ родился въ Вѣнѣ, въ 1842 году, и по полученіи военнаго образованія, служилъ нѣкоторое время офицеромъ, но скоро вышелъ въ отставку и сталъ слушать лекціи въ Боннскомъ университетѣ. Въ 1868 г. онъ поступилъ преподавателемъ въ Императорскій лицей въ Версалѣ и въ 1870 г. получилъ степень доктора философіи. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ жилъ въ Парижѣ, гдѣ преподавалъ въ университетѣ географію и исторію Центральной Азіи и Востока. Предметомъ ученыхъ занятій его были сперва главнымъ образомъ языки: венгерскій, финнскіе, средне-азіатскіе. Въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія имъ были изданы сочиненія: „La Hongrie, son histoire, sa langue et sa littérature", 1872; „Recherches sur le tableau ethnographique de la Bible", 1873; „La migration des peuples et particulièrement celle des Touraniens", 1873; „Principes de phonétique dans la langue finnoise", 1876; „Eléments de grammaire magyare", 1876; „Grammaire finnoise", 1876. Въ это время онъ началъ, однако, интересоваться и антропологіей, слушалъ лекціи Брока и занимался практически въ его лабораторіи, и въ 1876 г. получилъ командировку (mission) отъ французскаго министерства народнаго просвѣщенія на два года въ Россію, Сибирь и Среднюю Азію. Изъ этого путешествія имъ были вывезены обширныя этнографическія коллекціи, которыя дали матеріалъ для цѣлой выставки въ 1878—79 гг. въ Парижѣ. Научные матеріалы, собранные въ продолженіе этого путешествія, были затѣмъ имъ обработаны въ обширномъ сочиненіи: „Expédition scientifique française en Russe, en Sibérie et dans le Tourkestan", въ 6 томахъ. Сюда вошли и результаты его антропологическихъ наблюденій надъ приуральскими и туркестанскими народностями. Въ 1880 г. онъ отправился во второе свое путешествіе въ Азію, на этотъ разъ въ сѣверную Индію, Кашмиръ и Малый Тибетъ, откуда вывезъ также интересныя этнографическія коллекціи и многія наблюденія, обработанныя имъ въ нѣсколькихъ статьяхъ и въ сочиненіи: „Aus dem westlichen Himalaja", 1884. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ путешествій и послѣдующаго изученія явился также трудъ: „Les Aryens au Nord et au Sud

de l'Hindou - Kouch", 1896. Позже Уйфальви посвятилъ себя главнымъ образомъ изслѣдованіямъ въ области «исторической антропологіи» и тѣсно связанной съ ней генеалогіи. Въ 1899 г. появилась въ „Archiv für Anthropologie" его работа: „Anthropologische Betrachtungen über die Porträtköpfe auf den griechisch-baktrischen und indo-skythischen Münzen", въ которой онъ воспользовался изображеніями на монетахъ для выясненія физическихъ типовъ греко-бактрійскихъ и индо-скиѳскихъ царей. Дальнѣйшими работами его въ этомъ направленіи были: „Iconographie et anthropologie irano-indienne", въ „L'Anthropologie", 1900—1903; „Anthropologische Betrachtungen über die Porträtmünzen der Diadochen und Epigonen" (въ „Archiv für Anthropologie", 1902); „Le type physique d'Alexandre le Grand, d'après les auteurs de l'antiquité et les documents iconographiques", 1902, съ цвѣтными гравюрами и многими рисунками въ текстѣ; „Die Ptolemäer. Ein Beitrag zur historischen Anthropologie", въ „Archiv für Anthropologie", 1904 (H. 2), тоже съ нѣсколькими таблицами и съ рисунками въ текстѣ. Всѣ эти работы потребовали многихъ лѣтъ разысканій въ исторической, художественной и нумизматической литературѣ и въ различныхъ музеяхъ.

Въ послѣдніе годы Уйфальви поселился во Флоренціи, гдѣ и скончался послѣ продолжительной болѣзни. Онъ былъ членомъ Венгерской академіи наукъ и многихъ антропологическихъ и географическихъ Обществъ.

Д. Анучинъ.

Критика и библіографія.

А. Соколовскій. Человѣковѣдѣніе. Основы антропологіи и этнографіи. Переводъ съ 2-го нѣмецкаго изданія, подъ редакціей Л. Я. Штернберга. Приложеніе къ „Вѣстнику и Библіотекѣ Самообразованія“, февраль 1904.

Что журналъ, посвященный дѣлу самообразованія, долженъ отвести извѣстное мѣсто человѣковѣдѣнію — это само собою разумѣется; что какъ у насъ, такъ и въ европейской литературѣ трудно найти такое сочиненіе по вопросу о человѣковѣдѣніи, которое могло бы быть рекомендовано для чтенія въ цѣляхъ самообразованія — это также вѣрно. Тѣмъ не менѣе ни эти, ни какія-либо другія соображенія не могутъ оправдать появленія русскаго перевода книжки Соколовскаго. Содержаніе этой книжки сводится къ ряду фактическихъ позаимствованій изъ очень къ тому же ограниченнаго числа источниковъ съ своеобразнымъ и ничѣмъ не оправдываемымъ расположеніемъ матеріала (особенно во 2-й части книги); мѣстами позаимствованія изъ литературныхъ источниковъ сцементованы добавленіями «отъ себя», — добавленіями, полными грубыхъ промаховъ и элементарныхъ ошибокъ, какъ въ области собственно антропологическихъ вопросовъ, такъ и въ областяхъ анатоміи, эмбріологіи, частью и народовѣдѣнія. Для того, чтобы оцѣнка труда г. Соколовскаго (въ переводѣ подъ редакціей Л. Я. Штернберга) была достаточно полною, необходимо еще указать на наличность цѣлаго ряда рискованныхъ и сомнительныхъ выводовъ, ряда сужденій, въ устахъ человѣка науки прямо наивныхъ и т. п. А чтобы послѣднія слова, при ихъ опредѣленности, не казались голословными, ниже мы постараемся сдѣлать рядъ указаній на страницы перевода, дающія намъ право на только-что поставленный діагнозъ.

Вся книга г. Соколовскаго дѣлится на двѣ части — соматическо-антропологическую и этнографическо-антропологическую. Первая часть посвящена эмбріологіи, анатоміи и сравнительной анатоміи человѣка, положенію человѣка въ природѣ, половому диморфизму, вопросамъ пропорціональности и эстетики человѣческаго тѣла; двѣ заключительныя главы посвящены изученію кожи, волосъ и глазъ и ученію о черепѣ. Общіе вопросы антропологіи трактуются авторомъ очень сжато. Мѣстами авторъ какъ бы предполагаетъ въ читателѣ хорошій запасъ знаній по анатоміи и эмбріологіи, мѣстами же онъ какъ бы обращается къ совершенно несвѣдущему читателю. Ради краткости изложенія авторъ не всегда удобопонятенъ, напр., при изложеніи эмбріологическихъ данныхъ

(стр. 11 — 15 рус. перев.), въ главѣ, посвященной сравнительной анатоміи, особенно на стр. 27 — 29 и т. д. Не все въ этихъ главахъ обстоитъ благополучно и съ фактической стороны. Такъ, авторъ (или переводчикъ?) утверждаетъ, что кожные покровы развиваются изъ *средняго* зародышеваго листка (стр. 12), что заднія конечности обезьянъ «по своему строенію заслуживаютъ названія заднихъ *рукъ*» (стр. 18) и т. д. Описательнымъ признакамъ авторъ придаетъ очень большое значеніе и сѣтуетъ даже на антропологовъ, будто бы они изъ-за измѣрительныхъ данныхъ почти всецѣло игнорируютъ данныя описательныя; измѣрительныхъ же признаковъ и цифръ вообще авторъ не любитъ (или боится?) до такой степени, что, говоря о черепѣ, едва упоминаетъ лишь о существованіи долихо-мезо-и брахицефальныхъ формъ, безъ указанія ихъ отграниченія другъ отъ друга, безъ всякихъ указаній на составляющіе ихъ діаметры. Вопросу о ростѣ не посвящено никакихъ особыхъ замѣчаній. Впрочемъ, едва ли и самъ авторъ имѣетъ достаточно точное понятіе о значеніи и важности этого антропологическаго признака, такъ какъ, опредѣливъ (во второй уже части книги) средній ростъ папуасовъ (стр. 95) въ 1537 mm., онъ прибавляетъ: «слѣдовательно, папуасы принадлежатъ къ народамъ *средняго* (?) роста». Измѣрительные признаки, помимо измѣреній на черепѣ, игнорированы окончательно.

Крупные ошибки и промахи первой части книги Соколовскаго принадлежатъ главнымъ образомъ ему самому (кое-что, можетъ быть, и переводчику); въ общемъ эта часть книги крѣпко проникнута книгою Ранке о человѣкѣ. Въ остальной же антропологической литературѣ г. Соколовскій сильно, повидимому, не свѣдущъ, не свѣдущъ до такой степени, что, при очевидно недостаточно внимательномъ чтеніи и книги Ранке, онъ ставитъ въ заслугу этому автору опредѣленіе формъ черепа не по измѣрительнымъ даннымъ, а по общему впечатлѣнію, производимому черепами въ различныхъ нормахъ (методъ Sergi) (см. стр. 85). «*На основаніи этого метода*, говоритъ далѣе г. Соколовскій, *Ранке* устанавливаетъ два главные и 4 *побочные* типа» (типы Kollmann'а) (стр. 86). Послѣ этого умолчаніе въ главѣ объ историческомъ ходѣ развитія знаній по антропологіи о существованіи Парижскаго Антропологическаго Общества, равно какъ и русскихъ Обществъ составляетъ уже мелочи, едва заслуживающія упоминанія.

Второй отдѣлъ книги—этнографическо-антропологическій—содержитъ описаніе отдѣльныхъ народовъ какъ съ физической, такъ и съ этнографической стороны. Этому отдѣлу предпосылается глава о задачахъ антропологіи, содержащая главнымъ образомъ совѣты собирать спиртовые препараты мозговъ, кожи и т. п., а при классификаціи расъ «меньше опираться на анатомическія основы и цифры, но больше принимать во вниманіе климатическія, геологическія и прочія условія» (стр. 87 — 88); тутъ же дается обѣщаніе построить антропологію расъ на этно-біологической основѣ. Что это за этно-біологическая основа, г. Соколовскій не опредѣляетъ, но можно понять изъ его словъ, что «біологическій» на его языкѣ равняется «климатическій» + «геологическій» + «географическій» и т. д. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ отбрасываетъ, впрочемъ, всѣ остальныя основы и держится въ описаніи исключительно географическаго (топографическаго) принципа, благодаря чему народы описываются нерѣдко въ самомъ неожиданномъ сосѣдствѣ. Авторъ не ограничивается возможно болѣе обстоятельнымъ описаніемъ крупныхъ вѣтвей человѣческаго рода въ тѣхъ или другихъ болѣе типичныхъ ихъ представителяхъ, но претендуетъ обхватить если не всѣ, то очень многія человѣческія группы; и все это дѣлается на

протяженіи 10—11 печатныхъ листовъ. Естественно, что въ результатѣ получается пестрый калейдоскопъ отдѣльныхъ описаній, ничѣмъ не связанныхъ между собой. Вопросъ о томъ, какова же степень родства человѣческихъ группъ между собой, остается безъ всякаго освѣщенія. Въ этнологической части приводятся характеристики въ описательныхъ признакахъ—характеристики, не всегда достаточно яркія и не всегда точныя. Изъ измѣрительныхъ признаковъ упоминается (не всегда) о ростѣ, да кое-гдѣ лишь попадаются упоминанія: форма головы долихо-(брахи)-цефальная — и только. Этнографическая часть производитъ впечатлѣніе выхваченныхъ изъ двухъ-трехъ сочиненій данныхъ, набросанныхъ безъ системы и безъ плана. Существуетъ также глава, посвященная доисторическому человѣку, съ краткими и въ большинствѣ устарѣвшими свѣдѣніями, съ ссылками на авторовъ сомнительной компетенціи и т. п и, наконецъ, небольшое заключеніе съ хорошими словами о низшемъ нашемъ братѣ. И вторая часть книги, какъ и первая, не свободна отъ очень крупныхъ промаховъ и ошибокъ. Нѣкоторыя ошибки были уже нами указаны; позволимъ себѣ привести на-удачу, безъ особаго выбора, еще нѣсколько перловъ творенія г. Соколовскаго: «Кретинизмъ — не патологическое измѣненіе въ развитіи мозга, а прежде всего слишкомъ раннее заростаніе черепныхъ швовъ» (стр. 60). Вообще глава объ уродствахъ чрезвычайно темно изложена, задержки развитія путаются съ извращеніями типа и т. п. (см. стр. 58 — 62). «Труды Г. фонъ-Шадова и Павла Брока, при всей тщательности обработки, даютъ такую спутанную массу чиселъ и размѣровъ, что они не приводятъ къ какому-либо опредѣленному выводу» (стр. 48, рѣчь идетъ о пропорціяхъ тѣла съ эстетической точки; при чемъ тутъ Broca, предоставляю судить читателямъ). «У культурныхъ народовъ наблюдается качественное, у первобытныхъ — количественное развитіе органовъ» (стр. 53). «Характеръ полинезійцевъ чрезвычайно страстный и чувственный и этими чертами можно объяснить ихъ сильную склонность къ жестокости» (стр. 107). Подобнаго рода наивныхъ и сомнительныхъ характеристикъ можно указать, сколько угодно. «По духовнымъ свойствамъ малайцы стоятъ ниже меланезійцевъ (!); ихъ духовное развитіе задерживается страшной кровожадностью» (стр. 122). Причина развитія проституціи лежитъ въ сильной ихъ чувственности (ib). «Гдѣ человѣкъ живетъ въ особенно суровыхъ климатическихъ условіяхъ, онъ не только не старается увеличить запасъ своей одежды, но скорѣе совсѣмъ ее сбрасываетъ» (sic!) (стр. 135). По отношенію къ пищѣ китаецъ — существо всеядное, или пантофагъ» (стр. 201). «*Всѣ* тюрко-татарскія племена исповѣдуютъ магометанство» (стр. 210). Персы составляютъ осѣдлое, земледѣльческое населеніе Ирана; *теперь они называются таджиками* (стр. 184). «Японцы и корейцы принадлежатъ къ урало-алтайской вѣтви монгольской расы» (стр. 204). «Изъ финно-угорскихъ племенъ самымъ значительнымъ народомъ являются лапландцы» (стр. 296). «Многочисленные финскіе элементы разсѣяны среди русскихъ и совершенно смѣшались съ ними. *Ближайшими* родственниками ихъ въ Европѣ являются мадьяры или венгры и *турки*» (стр. 297). Такія выписки можно было бы продолжать, сколько угодно.

Намъ не пришлось познакомиться съ нѣмецкимъ подлинникомъ книги г. Соколовскаго, да послѣ чтенія ея въ переводѣ не имѣемъ къ тому ни малѣйшей охоты, такъ что для насъ останется тайною, въ какой мѣрѣ неумѣлый и несвѣдущій переводчикъ и редакторъ изданія усугубили ошибки автора. Слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться, что текстъ автора очень нравится редактору перевода, такъ какъ всего лишь въ одномъ мѣстѣ мы видимъ небольшое редак-

ціонное замѣчаніе объ ошибкѣ автора, во всемъ же остальномъ редакторъ изданія санкціонируетъ изложеніе г. Соколовскаго.

Такая плохая книжка, какъ «Человѣковѣдѣніе» Соколовскаго, въ переводѣ подъ редакціей Л. Я. Штернберга, не стоила бы, конечно, чтобы объ ней такъ много говорилось. Но она вышла подъ знаменемъ «Вѣстника и Библіотеки Самообразованія» — изданія молодого, но пользующагося довѣріемъ русской читающей публики. Многіе, слѣдовательно, изъ читателей этого почтеннаго органа, жаждущихъ знанія, но не имѣющихъ возможности составить себѣ въ интересующемъ ихъ вопросѣ самостоятельныя сужденія, взявъ въ руки книжку г. Соколовскаго, могутъ въ самомъ дѣлѣ думать, что они знакомятся съ основами человѣковѣдѣнія. Странной же наукой можетъ оказаться въ глазахъ ихъ человѣковѣдѣніе!

В. В. Воробьевъ.

А. А. Сухаревъ. Казанскіе татары. Опытъ этнографическаго и медико-антропологическаго изслѣдованія. Дисс. на ст. д-ра медицины. Спб., 1904. Стр. 195 in—8.

Антропологическая литература до послѣдняго времени была очень бѣдна данными о казанскихъ татарахъ. Въ диссертаціи д-ра Сухарева физическій типъ ихъ впервые характеризуется на основаніи подробныхъ антропометрическихъ измѣреній. Всего авторомъ изслѣдовано 137 муж. и 80 жен.; кромѣ этого, авторъ воспользовался изъ книгъ рекрутскихъ присутствій данными о ростѣ 8695 новобранцевъ-татаръ. Не останавливаясь въ настоящей замѣткѣ на интересныхъ этнографическихъ данныхъ, собранныхъ авторомъ въ теченіе многолѣтней службы, въ качествѣ земскаго врача Казанскаго уѣзда, познакомимся съ результатами собственно антропологическаго изслѣдованія казанскихъ татаръ, сначала мужчинъ, а затѣмъ женщинъ. Тѣлосложеніе мужчинъ въ большинствѣ случаевъ (55%)—крѣпкое, среднее—у 41% и слабое—только у 4%. Большая часть изслѣдованныхъ (87,1%) была средней упитанности; худощавыхъ—12,1%, толстыхъ — 0,8%. Бѣловато-розоватый (съ легкимъ желтоватымъ оттѣнкомъ) цвѣтъ кожи наблюдался у 25%, смуглый—у 13%, желтовато-смуглый – у 58% и темно-смуглый—у 4%. Волосы на головѣ брѣются; авторъ не встрѣчалъ ихъ длиннѣе $1^1/_2$ сант.; у 48% они были средней густоты, у 29%—очень густые и у 23%—рѣдкіе; свѣтлорусыхъ наблюдалось 4%, темнорусыхъ—36% и черноволосыхъ—60%; рыжій цвѣтъ волосъ встрѣченъ только у 2 суб. Угловое размѣщеніе волосъ на лбу наблюдалось въ 72%, а круговое—въ 28%. Волосы начинаютъ сѣдѣть съ 40—45 лѣтъ; послѣ 50 л. у громаднаго большинства они—сѣдые. Дугообразную форму бровей имѣли 82%, прямую—14% и S—образную—4%. Борода начинаетъ пробиваться съ 22-лѣтняго возраста; у 67% она была широкая, у 33%—заостренная; густыхъ бородъ было 16%, средней густоты—24% и рѣдкихъ (жидкихъ)—60%. Усы появляются ранѣе бороды; субъекты старше 23 лѣтъ всѣ были съ усами; послѣдніе свѣтлѣе волосъ головы встрѣчены у 87%, одинаковаго съ ними цвѣта—у 10% и темнѣе—у 3%. Волосатость тѣла въ общемъ скудная; лобокъ и подмышки искусственно очищаются отъ волосъ. Темно-карій цвѣтъ глазъ имѣли 19,84%, свѣтло-карій—34,91%, темно-сѣрый—3,17%, темно-голубой—1,58%, свѣтло-голубой—26,19%, свѣтло-сѣрый—7,14% и зеленоватый—7,14%. Глазная щель у большинства (49%) раскрыта широко, у 37%—средне и у 14%—узко; косое положеніе глазной щели наблюдалось въ 21%; миндалевидную

форму глазной щели имѣли 65%, веретенообразную—33% и кругловатую—2%; средняя длина глазной щели—28,63 mm., а ширина—8,2 mm. Корень носа былъ очень плоскій въ 9%, плосковатый—въ 59% и неплоскій—въ 32%; высокій корень—83%, невысокій—17%; спинка носа у 31% была толстая, у 69%—тонкая; у 43% ее можно назвать прямой, у 20%—вогнутой, у 9%—выпуклой, у 18%—волнистой и у 10%—горбатой; кончикъ носа былъ вздернутъ у 24%, опущенъ—у 19% и горизонталенъ—у 57%. Ноздри круглой формы оказались у 12%, овальной—у 79% и кругловато-овальной—у 9%; широкихъ ноздрей было 52% и узкихъ—48; направленіе осей у 8%—параллельное, у 56%—подъ острымъ угломъ и у 36%—подъ тупымъ. Крылья носа у 14%—толсты, у 67%—средней толщины и у 19%—тонки; оттопыренными, раздувающимися они были у 23%, слегка оттопыренными—у 69% и прижатыми, ровными—у 8%. У 57,7% носъ былъ рѣзко отграниченъ отъ щекъ, у 40%—не рѣзко и у 2,3% незамѣтно сливался съ ними. Средняя длина носа—51,9 mm. (min.—40, max.—60 mm.), по отношенію къ длинѣ лица—28,42%; ширина носа между крыльями его въ среднемъ равна 35,2% (min.—30, max.—41 mm.); носовой указатель—67,82. Губы у 12% всѣхъ изслѣдованныхъ были тонкія, у 59%—средней толщины и у 29%—толстыя; отвислыхъ губъ было 9,5%, крѣпкихъ—90,5%. Зубы у большинства (71%)—средней величины, у 19%—маленькіе и у 10%—крупные; у 28% они были бѣлаго цвѣта, у 23%—желтаго и 46%—бѣловато-желтоватаго; у 69,5% они прилегали плотно другъ къ другу, у 35,5%—не плотно; правильное замыканіе зубовъ наблюдалось у 85%, отвѣсное—у 9% и открытое—у 2%. Уши у большинства—оттопыренныя; преобладающая форма ихъ овальная—70,5%, четыреугольной (угловатой) формы—18,5% и широко-овальной—11%; косое стояніе раковины наблюдалось у 43%, прямое—у 57%; у 35% раковина была загнута равномѣрно, у 65%—слабо; ушная мочка была вся отдѣлена у 24%, отдѣлена на-половину—у 18%, вся приросшая—у 40% и приросшая подъ угломъ—у 18%; средняя длина уха—63,6 mm. (min.—56, max.—73), ширина—32,7 mm. (min.—25, max.—52); модуль уха—48,15, физіономическій указатель—51,42. Средній ростъ казанскихъ татаръ—1638 mm.; у 23% онъ—низкій, у 20%—ниже средняго, у 27%—выше средняго и у 21%—высокій. Наибольшій продольный діаметръ головы равенъ въ среднемъ 185,9 mm. (min.—160, max.—200), наибольшій поперечный—151,3 mm. (min.—130, max.—165), головной указатель—81,40 (min.—73,33, max.—95,00); долихоцефаловъ (до 73,9)—4%, мезоцефаловъ (75,9—79,9)—30%, брахицефаловъ (80,0—84,9)—51%, гипербрахицефаловъ (85,0—89,9)—12% и ультрабрахицефаловъ (90,0 и выше)—3%. Величина головы (отъ макушки до подбородка), равная въ среднемъ 223,4 mm., составляетъ 13,63% роста; высота головы—130,7 mm. по отношенію къ наибольшей длинѣ головы—70,30. Горизонтальная окружность головы равна въ среднемъ 554,5 mm. (min.—513, max.—585), по отношенію къ росту—33,99%; поперечная дуга—345,8 mm. (min.—315, max.—375), по отношенію къ горизонтальной окружности—62,36. Полная длина лица—182,6 mm. (min.—156, max.—201), по отношенію къ росту—11,1; наибольшая ширина его—141 mm. (min.—123, max.—158); по среднему лицевому указателю (85,49) лицо казанскихъ татаръ хамэпрозопическое. Длина туловища (отъ вырѣзки рукоятки грудной кости до верхняго края лоннаго сращенія) равна въ среднемъ 502 mm., а по отношенію къ росту—30,75%; ширина плечъ—333 mm. (min.—286, max.—375), по отношенію къ росту—

20,32. Окружность груди—898 mm., т.-е. превышаетъ половину роста въ среднемъ на 87 mm.; отношеніе ея къ росту—55,32, Средняя длина всей руки—754 mm. (46% роста), длина плеча—318 mm. (19,53% роста и 43,48% всей длины руки); длина предплечія—253 (15,44% роста и 33,55% всей длины руки), длина кости—183 mm. (11,11% роста и 24,27% всей длины руки). Средняя длина ноги (отъ большого вертела)—858 mm. (min.—750, max.—986), по отношенію къ росту—52,33; длина бедра—391 mm., по отношенію къ росту—23,86, ко всей длинѣ ноги—45,5; длина голени—414 mm., по отношенію къ росту—25,3; длина стопы—256 mm. (min.—215, max.—284), по отношенію къ росту—15,6; ширина стопы—97 mm. (min.—82, max.—115), по отношенію къ росту—5,9; отношеніе ширины ступни къ длинѣ ея—34%.

О женщинахъ-татаркахъ заимствуемъ у автора слѣдующія данныя. Бѣловато-розоватый цвѣтъ кожи наблюдался у нихъ въ 24%, бѣловато-желтоватый—въ 19%, смуглый—въ 18%, темно-смуглый—въ 4% и смуглый съ желтоватымъ оттѣнкомъ—въ 35%. Цвѣтъ волосъ въ большинствѣ случаевъ—черный (54%), съ темно-русыми волосами—42% и съ свѣтло-русыми—4%. Глаза у 49% представляются открытыми, широкими, у 42%—средними и у 9%—узкими; глазная щель была горизонтальной въ 73%, наружный уголъ приподнятъ въ 19% и внутренній уголъ былъ выше наружнаго въ 8%; форма глазъ у 61% встрѣчена миндалевидная, у 34%—веретенообразная и у 5%—кругловатая; монгольская складка ясно выраженной оказалась у 13% и слабо—у 17%; темно-карій цвѣтъ глазъ наблюдался у 53%, свѣтло-карій—у 27%, темно-голубой—у 1%, свѣтло-голубой—у 9%, свѣтло-сѣрый—у 3% и зеленоватый—у 7%. Средняя длина носа татарокъ—48,2 mm. (min.—42, max.—56), ширина—31 mm. (min.—26, max.—38), носовой указатель—64,52. Бѣлые зубы составляли 74,5%, желтые—25,5%; красящихъ зубы было 40%; величина зубовъ у большинства (58%)—средняя, рѣже встрѣчаются маленькіе зубы (39%) и очень рѣдко—крупные (3%); у 94% замыканіе зубовъ было правильное, у 6%—неправильное. Длина уха—59,98 mm., ширина—33,19, физіономическій указатель—55,33; ушная мочка была отдѣлена у 33%, приросшей на половину—у 25%, вся приросшая—у 30% и приросшая подъ угломъ—у 12%; ушная раковина равномѣрно загнута по краю у 30% и слабо загнута—70%. Средній ростъ татарокъ—1522 mm.; головной указатель—82,42 (min.—74,87, max.—89,28); при распредѣленіи на группы (по Таренецкому) долихоцефалическихъ головъ оказалось 1%, мезоцефалическихъ—22, брахицефалическихъ—52 и гипербрахицефалическихъ—25%. Абсолютная величина головы равна въ среднемъ 190 mm., по отношенію къ росту—12,62; высота черепа—122,4 mm. (по отношенію къ росту—8,04), высотный указатель—68,34. Горизонтальная окружность головы—542,8 mm. (min.—510, max.—580), по отношенію къ росту—35,66; поперечная дуга—354,9 mm. (min.—310, max.—380); отношеніе поперечной дуги къ горизонтальной окружности—65,58. Полная длина лица—171 mm. (min.—158, max.—195), по отношенію къ росту—11,1; наибольшая ширина лица—133,7 mm. (min.—120, max.—146), по отношенію къ росту—8,7. Длина руки татарокъ—697 mm., по отношенію къ росту—44,61; длина плеча—297, по отношенію къ росту—19,52, ко всей длинѣ руки—43,59; длина предплечья—222, относительная къ росту—14,58 и къ длинѣ всей руки—32,69; длина кисти—180, относительная къ росту—11,16, къ длинѣ всей руки—26,51. Длина ноги (отъ trochanter major)—790 mm.,

относительная—51,38; длина стопы—228 mm (къ росту—14,9), ширина ея—88 mm.; отношеніе ширины стопы къ длинѣ—38,1.

Разсмотрѣвъ подробно различные антропометрическіе признаки казанскихъ татаръ, авторъ въ заключеніе выдѣляетъ тѣ изъ нихъ, которые, по его мнѣнію, являются наиболѣе характерными для типа изученной имъ народности. Въ концѣ книги авторомъ приложена таблица индивидуальныхъ антропометрическихъ величинъ.

Ал. Ивановскій.

J. Talko-Hryncewicz. Karaimi v. Karaici Litewscy. Zarys antropologo-etnologiczny. Krakow, 1903.

Антропологическая литература о караимахъ отличается до настоящаго времени крайнею скудостью, въ виду чего нельзя не привѣтствовать появленія работы извѣстнаго антрополога Ю. Талько-Грынцевича, посвященной изученію этой весьма еще мало изслѣдованной группы населенія Россіи. Антропологическому очерку предпослано небольшое историческое введеніе, составленное, повидимому, на основаніи аналогичной статьи въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Ефрона (полут. 27, стр. 426 и слѣд.). Опуская это введеніе, мы обратимся къ изложенію важнѣйшихъ антропологическихъ данныхъ Ю. Талько-Грынцевича о караимахъ.

Авторомъ изслѣдованы въ 1902 г. въ гг. Вильнѣ и Трокахъ 86 мужчинъ въ возрастѣ отъ 15-ти до 77 лѣтъ, при чемъ до 30-ти лѣтъ—45,35% (39 суб.), отъ 31-го г. до 50-ти л.—33,72% (29 суб.) и старше 50-ти л.—20,93% или 18 субъектовъ. Измѣренія производились по инструкціи Антропологической коммиссіи Краковской Академіи Наукъ.

Ростъ караимовъ равенъ въ среднемъ 1622 mm. и является довольно близкимъ къ величинѣ роста литовскихъ (1619 mm.), украинскихъ (1625 mm.), галиційскихъ (1623 mm.), кубинскихъ (1616 mm.—1622 mm.), баварскихъ (1620 mm.), бѣлорусскихъ (1617 mm.) и прибалтійскихъ (1627 mm.) евреевъ; изъ прочихъ группъ еврейскаго населенія однѣ, какъ, напр., польскіе (1610 mm.) ниже ихъ ростомъ, другія, какъ, напр., южно-русскіе (1648 mm.) и часть кавказскихъ (1630—1644 mm.)—выше. Еще болѣе уступаютъ въ ростѣ литовскіе караимы крымскимъ татарамъ (1635 — 1713 mm.), за исключеніемъ ѳеодосійскихъ (1625 mm.). Ростъ крымскихъ караимовъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ авторомъ, не отличается отъ роста ихъ литовскихъ единовѣрцевъ. Преобладаніе низкаго роста надъ высокимъ среди изслѣдованныхъ караимовъ можно еще видѣть при дѣленіи ихъ на группы роста, при чемъ оказывается, что на 62,65% средняго роста (160—169 сант.) наблюдается 21,68% низкаго и только 15,66% высокаго.

По величинѣ туловища [1]) (837 mm. или 51,62) и нижнихъ конечностей (785 mm. или 48,38) литовскіе караимы обнаруживаютъ большое сходство съ украинскими евреями (837 mm. или 51,4 и 788 mm. или 48,4); по сравненію же съ литовскими (851 mm. или 52,6 и 768 mm. или 47,4) они обладаютъ болѣе короткимъ туловищемъ и болѣе длинными ногами.

Окружность груди — какъ абсолютная (868 mm.; min. — 740, max. — 1060 mm.), такъ и относительная (53,85)—дала среди литовскихъ караимовъ

[1]) За величину туловища Ю. Талько-Грынцевичъ принимаетъ высоту темени надъ поломъ при сидячемъ положеніи субъекта; длина же нижнихъ конечностей представляетъ разность между цѣлымъ ростомъ и этой величиной.

весьма благопріятные результаты, приближающіе ихъ къ наилучше развитымъ южно-русскимъ евреямъ Вайсенберга (885 mm. и 53,6) и ставящіе ихъ выше забайкальскихъ великоруссовъ, изслѣдованныхъ авторомъ, и кубанскихъ казаковъ, по даннымъ Гильченко: у тѣхъ и другихъ окружность груди превышаетъ половину роста на 47,5 mm. и 44,4 mm., у караимовъ же эта разница составляетъ 51 mm.

Вслѣдъ за ростомъ и окружностью груди караимовъ авторъ переходитъ къ характеристикѣ цвѣта волосъ, глазъ и кожи. И волосы, и глаза у нихъ въ подавляющемъ количествѣ темной окраски: свѣтловолосыхъ только 9 субъектовъ или 10,5%, всѣ остальные — темноволосые разныхъ оттѣнковъ; разница между числомъ свѣтлоглазыхъ и темноглазыхъ особей хотя и не столь велика, тѣмъ не менѣе остается все-таки весьма значительною: первыхъ лишь 23 или 26,7% при 63 или 73,2% послѣднихъ. Во взаимныхъ сочетаніяхъ цвѣта волосъ и глазъ преобладающимъ является среди караимовъ темный типъ, наблюдавшійся у 63 суб. или 73,2% и оставляющій за собою евреевъ литовскихъ (50,7%), украинскихъ (52,5%), привислянскихъ (57,9%); изъ остальныхъ 26,8% — 5,8% свѣтлаго типа и 21% смѣшаннаго. Ю. Талько-Грынцевичъ принимаетъ во вниманіе при дѣленіи на типы, кромѣ волосъ и глазъ, еще и окраску кожи, опредѣляемую имъ на внутренней поверхности плеча: въ такомъ случаѣ для свѣтлаго типа не оказывается ни одного представителя, темный же падаетъ до 34,9%, оставаясь однако значительно выше, чѣмъ у литовскихъ (10,1%), украинскихъ (13,1%) и галиційскихъ евреевъ (24,7% и 15,2%).

Не касаясь другихъ подробностей, относящихся къ окраскѣ волосъ, глазъ, кожи караимовъ, обратимся къ разсмотрѣнію размѣровъ головы и лица, слѣдуя порядку изложенія автора. Ширина головы караимовъ (152,43 mm.) мало отличается отъ таковой же у евреевъ; напротивъ, длина (188,23 mm.) превосходитъ послѣднихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ mm. на 4. Обратныя отношенія имѣютъ мѣсто сравнительно съ крымскими татарами, ширина головы которыхъ, большею частію, нѣсколько превышаетъ этотъ размѣръ для караимовъ, между тѣмъ какъ длина, за немногими исключеніями, довольно близка между тѣми и другими. Горизонтальная окружность головы караимовъ (563,96 mm.) по своимъ размѣрамъ занимаетъ приблизительно среднее мѣсто, съ одной стороны, между евреями различныхъ странъ, а, съ другой, между татарами разныхъ частей Крыма, болѣе приближаясь къ послѣднимъ.

Головной указатель литовскихъ караимовъ, равный 80,98, не только значительно ниже 30-ти изслѣдованныхъ К. Н. Иковымъ череповъ крымскихъ караимовъ (83,3), но, за исключеніемъ бѣлорусскихъ (80,9) и боснійскихъ евреевъ (80,1), остается ниже всѣхъ прочихъ изслѣдованныхъ группъ еврейскаго населенія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оказывается весьма близкимъ къ татарамъ Гурзуфа и другихъ частей Крыма. Преобладающимъ типомъ головного указателя среди литовскихъ караимовъ является брахицефальный (56,98%: брахиц.+субрах.), но, въ виду сравнительно малой средней величины указателя, и длинноголовый типъ выражается 16,28% (долихоц. + субдолих.), — числомъ, значительно превышающимъ количество длинноголовыхъ для русскихъ и западно-европейскихъ евреевъ, за исключеніемъ Англіи, гдѣ среди евреевъ, по Джекобсу, длинноголовость встрѣчается въ 28,3% и 17% случаевъ [1]).

---

[1]) Отмѣтимъ здѣсь, что авторъ, цитируя измѣренія Дыбовскаго, приводитъ ошибочную группировку ихъ по нормамъ головного указателя: вмѣсто 19,4%

Изъ другихъ размѣровъ головы Ю. Талько-Грынцевичъ опредѣлилъ ширину лба и затылка. Величина перваго размѣра и абсолютно (110,71 mm.), и относительно (къ длинѣ черепа: 58,81) выше, нежели у литовскихъ и украинскихъ евреевъ, и ниже сравнительно съ галиційскими, а также и сравнительно съ большинствомъ различныхъ группъ татарскаго населенія. Ширина затылка какъ по абсолютнымъ размѣрамъ (144,84 mm.), такъ и по относительнымъ (къ длинѣ черепа: 77,23) оказывается значительнѣе соотвѣтственныхъ данныхъ для евреевъ литовскихъ, украинскихъ и галиційскихъ.

Описаніе лица караимовъ авторъ начинаетъ съ его длины и ширины. Средняя величина первой (отъ корня носа до подбородочной точки), равная 133,7 mm., лишь немного уступаетъ литовскимъ евреямъ (136,5 mm.) и превышаетъ какъ украинскихъ, такъ и галиційскихъ; относительная же величина, выраженная въ сотыхъ доляхъ длины черепа (70,53), является наибольшею. Наибольшая ширина лица литовскихъ караимовъ составляетъ въ среднемъ 116,28 mm. и довольно близка къ литовскимъ (117,6 mm.) и украинскимъ евреямъ (118,5 mm.), но уступаетъ прочимъ группамъ еврейскаго населенія. Ея отношеніе къ длинѣ лица или лицевой указатель караимовъ (86,98), также почти совпадающій съ литовскими евреями (86,1), оказывается наименьшимъ сравнительно съ украинскими и галиційскими евреями. Дѣленіе караимовъ на хамэпрозоповъ и лептопрозоповъ обнаруживаетъ, что среди нихъ преобладаютъ широкія лица (72,09%) въ большей степени, чѣмъ среди литовскихъ евреевъ (66,7%), а въ особенности, чѣмъ среди украинскихъ (35,2%). При описательной же характеристикѣ формы лица оказывается, что караимы, какъ и евреи литовскіе и украинскіе, отличаются, главнымъ образомъ, продолговатымъ и длиннымъ лицомъ, между тѣмъ какъ галиційскіе обладаютъ преимущественно круглымъ лицомъ.

Изъ отдѣльныхъ частей лица Ю. Талько-Грынцевичъ останавливается прежде всего на величинѣ глазной щели. За отсутствіемъ соотвѣтствующихъ матеріаловъ авторъ сравниваетъ эти данныя для караимовъ съ изслѣдованными имъ же сибирскими инородцами — халхасцами, бурятами и тунгузами. Это сравненіе приводитъ къ заключенію, что литовскіе караимы и по абсолютнымъ размѣрамъ длины (31,67 mm.) и ширины (10,19 mm.), и по взаимнымъ отношеніямъ этихъ размѣровъ (32,17) имѣютъ глаза замѣтно большіе, нежели упомянутые инородцы. Измѣренія носа караимовъ, при длинѣ въ 53,15 mm. и ширинѣ въ 33,96 mm., дали указатель, равный 59,59, при чемъ группировка на лепто-, мезо- и платириновъ показала значительное преобладаніе среди караимовъ первой группы (74,42%) и весьма малое количество послѣдней (3,49%). Горбатый носъ наблюдался авторомъ болѣе, нежели въ половинѣ (51,16%) изслѣдованныхъ особей.

Таковы главные результаты изслѣдованія Ю. Талько-Грынцевича о литовскихъ караимахъ. По нѣкоторымъ признакамъ послѣдніе приближаются довольно сильно къ евреямъ, по другимъ — отчасти также и къ татарамъ. Тѣмъ не менѣе въ своемъ заключеніи авторъ приходитъ къ убѣжденію въ значительной однородности караимовъ и въ отсутствіи среди нихъ той двойственности типа,

---

длинноголовыхъ должно быть 5,97%; вмѣсто 53,7% короткоголовыхъ — 82,09%. На эту ошибку мы указываемъ въ своей работѣ объ евреяхъ. Благодаря такой ошибкѣ, авторъ дѣлаетъ неправильное предположеніе о большей близости литовскихъ караимовъ по головному указателю къ минскимъ евреямъ, чѣмъ къ прочимъ группамъ еврейскаго населенія.

которую онъ приписываетъ евреямъ, упуская при этомъ изъ виду констатированную К. Н. Иковымъ высокую степень брахицефаліи на черепахъ крымскихъ караимовъ.

А. Элькиндъ.

Д-ръ Д. І. Орбели. Сванетія. Зобъ и кретинизмъ. Спб., 1904 г. Изд. „Вѣстника душевныхъ болѣзней“.

Книга заключаетъ въ себѣ пять главъ: 1) «Свѣдѣнія о Сванетіи», 2) «Мое путешествіе», 3) «Зобъ и кретинизмъ», 4) «Кретинизмъ» и 5) «Кретинизмъ въ Сванетіи». Авторъ—психіатръ и съ точки зрѣнія врача-психіатра изучаетъ Сванетію. Спеціальной задачѣ онъ предпослалъ «въ немногихъ словахъ все то, что до сихъ поръ написано о Сванетіи». Далеко не вся литература о Сванетіи исчерпана авторомъ, но то, что онъ предпосылаетъ спеціальной части своей книги, можетъ удовлетворить читателя изъ врачей-психіатровъ. Переходя къ изложенію своихъ наблюденій въ области зоба и кретинизма, онъ опредѣляетъ, что такое зобъ и кретинизмъ. На передней части шеи человѣка, впереди и по бокамъ дыхательнаго горла, лежитъ особенная железа—щитовидная, состоящая изъ двухъ боковыхъ долекъ, расположенныхъ по бокамъ гортани, и одной средней, соединяющей эти боковыя части. Какое значеніе этой подковообразной железы для общей экономіи организма—вырабатываетъ ли она самостоятельные полезные соки, или парализуетъ вырабатывающіеся въ организмѣ вредные продукты,—трудно сказать. Однако, въ экономіи организма она играетъ немаловажную роль, такъ какъ полное удаленіе ея изъ организма создаетъ худосочіе и серьезную болѣзнь—зобную кахексію. Въ иныхъ случаяхъ можетъ происходить патологическое разращеніе щитовидной железы, и такое медленное увеличеніе ея безъ воспалительныхъ явленій носитъ названіе зоба (проф. В. И. Разумовскій). Величина зоба можетъ быть очень разнообразна—отъ величины грецкаго орѣха до величины головы взрослаго человѣка. Быстро развивающійся зобъ оказываетъ угрожающее смертельной опасностью воздѣйствіе на организмъ; при эндемическомъ зобѣ болѣзнь ничѣмъ рѣзкимъ не отражается на организмѣ. Зобъ можетъ появляться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ повально, и тогда онъ носитъ названіе эндемическаго зоба; является онъ и одиночно, и тогда носитъ названіе спорадическаго зоба. Эндемическій зобъ всегда стоитъ въ связи съ кретинизмомъ. Замѣчено,—и это вполнѣ подтвердилось въ Сванетіи,—что зобатые до нѣкоторой степени представляютъ пришибленность и легкую дефективность умственныхъ силъ. Они обладаютъ слабою иниціативой, недостаточной энергіей, не любятъ долго останавливаться на одномъ предметѣ. Кретины не всегда представляютъ крайнюю степень идіотіи,—въ большинствѣ случаевъ у нихъ идіотія легкая, скорѣе тупоуміе. По поводу отношеній кретинизма къ зобу существуютъ различныя мнѣнія; такъ, Сохе заявляетъ, что родившіеся съ зобомъ носятъ въ себѣ тупоуміе, Кнольцъ говоритъ, что тупоуміе принадлежитъ исключительно эндемическому зобу.

Кретинизмъ появляется почти всегда въ горахъ; наблюдали, рѣже, на плоскостяхъ. Онъ изученъ въ Альпахъ, Пиринеяхъ, Балканахъ и проч. Жители этихъ замкнутыхъ ущелій роднились между собою, жили одной пищею, водою, климатическими условіями и были всѣ, какъ одинъ. Путемъ суммировки наслѣдственностью качествъ, добрыхъ и дурныхъ, эти замкнутые роды шли по пути особому, который въ крайней степени и далъ кретинизмъ. Однако,

извѣстныя долины дѣйствуютъ специфически на порожденія зоба и кретинизма, а другія—нѣтъ. Почему это,—такъ и остается невыясненнымъ. Словомъ, въ нѣкоторыхъ долинахъ большихъ горъ міра есть нѣчто, что даетъ кретинизмъ безъ зоба, зобъ безъ кретинизма и кретинизмъ и зобъ. Наслѣдственность въ кретинизмѣ не играетъ существенной роли. Кретинизмъ исчезалъ изъ семьи при переселеніи изъ кретиногенной мѣстности при бракахъ съ лицами здоровыми.

По изслѣдованію д-ра Орбели число зобатыхъ по отношенію ко всему населенію Сванетіи составляетъ 4%; количество кретиновъ къ числу зобатыхъ составляетъ 5%. Сваны приписываютъ эту болѣзнь водѣ, поэтому изъ рѣкъ не пьютъ, пользуясь родниками. Зобатые и кретины въ Сванетіи представляютъ аномалію зубовъ: рѣзцы, какъ верхніе, такъ и нижніе, далеко отстоятъ другъ отъ друга. Кретины роста ниже соотвѣтствующаго ихъ возрасту. Размѣры черепа ниже нормы. Часто они ходятъ, согнувшись или бокомъ. Лицо—уродливо, ротъ — полуоткрытый. Ѣдятъ много, спятъ долго. Ослабленная реакція слуха доходитъ иногда до глухоты. Большинство кретиновъ имѣетъ представленія о своей личности, семьѣ и селѣ, знаетъ домашніе предметы, различаетъ и понимаетъ значеніе денегъ, понимаетъ общеупотребительныя въ Сванетіи грузинскія слова, исполняетъ несложныя порученія. Число зобатыхъ и кретиновъ больше въ тѣхъ котловинахъ, которыя представляютъ узкія замкнутыя ущелья съ затхлымъ, насыщеннымъ парами воздухомъ, безъ обмѣна и безъ тяги. Что касается причины болѣзни, то общій народный говоръ указываетъ на воду, какъ на источникъ болѣзни. «Съ этимъ мнѣніемъ вѣковаго опыта народа нельзя не считаться»,—говоритъ д-ръ Орбели.

А. Хахановъ.

R. Martin. Wandtafeln für den Unterricht in Anthropologie, Ethnographie und Geographie. Zürich.

Отсутствіе научныхъ пособій при преподаваніи антропологіи и сопредѣльныхъ областей знанія (этнографіи, географіи) давно признано, какъ существенный пробѣлъ въ педагогическо-научной литературѣ. Съ этой точки зрѣнія нельзя не привѣтствовать появленія въ свѣтъ указаннаго въ заголовкѣ блестящаго изданія, представляющаго въ видѣ прекрасно, въ художественно-техническомъ отношеніи, исполненныхъ хромофототипическихъ изображеній всѣ главнѣйшіе расовые типы и варіанты человѣческаго рода. Каждая изъ 32-хъ таблицъ, отпечатанныхъ въ форматѣ 88 : 62 сантиметровъ, сопровождается пояснительнымъ текстомъ, дающимъ какъ бы сжатую монографію даннаго типа съ указаніемъ существующей по нему главнѣйшей литературы. Воспроизведеніе самихъ типовъ послѣдовало по оригинальнымъ снимкамъ, сдѣланнымъ частью самимъ авторомъ, частью рядомъ извѣстныхъ ученыхъ путешественниковъ (Sarasin, Hamy, v. Luschan, Ehrenreich и проч.). Насколько мнѣ извѣстно, это—первый въ научной литературѣ опытъ художественнаго изображенія представителей отдѣльныхъ человѣческихъ расъ съ спеціальнымъ назначеніемъ для цѣлей и надобностей преподаванія этнологіи, антропологіи и географіи. Слѣдуетъ отдать справедливость, что воспроизведенные въ этомъ атласѣ варіанты подобраны большею частью весьма удачно (см. приложенный при семъ типъ яванки) и даютъ вполнѣ наглядное представленіе о характерныхъ особенностяхъ отдѣльныхъ естественныхъ группъ человѣчества. Осуществленіе изданія обошлось не безъ крупныхъ матеріальныхъ жертвъ со стороны проф. Martin'а, сдѣлавшаго громадныя усилія

для того, чтобы его трудъ достигъ настоящаго своего совершенства. Упрекъ, который мнѣ пришлось сдѣлать автору въ отношеніи того, что таблицы при искусственномъ освѣщеніи, будучи повѣшены въ аудиторіи, сильно отражаютъ свѣтъ и тѣмъ самымъ становятся невидимы съ боковыхъ скамеекъ аудиторіи, оказался, по объясненію проф. Martin'a, обусловленнымъ лишь трудностями примѣненія въ хромофототипіи матоваго лака, которыя и до сихъ поръ не удалось преодолѣть окончательно. Во всѣхъ же остальныхъ отношеніяхъ изданіе удовлетворяетъ, какъ мнѣ кажется, всѣмъ справедливымъ требованіямъ, которыя можно предъявить. Мы можемъ только пожелать труду проф. Martin'a того успѣха, котораго онъ несомнѣнно, на мой взглядъ, заслуживаетъ. Особенно же желательнымъ представляется возможно широкое распространеніе этого прекраснаго, образцоваго учебнаго пособія въ нашихъ музеяхъ, университетскихъ лабораторіяхъ и аудиторіяхъ, а также въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, чтобы оно могло служить поощреніемъ къ изученію человѣковѣдѣнія и дальнѣйшимъ толчкомъ къ популяризаціи антропологическихъ и антропо-географическихъ знаній.

Р. Вейнбергъ.

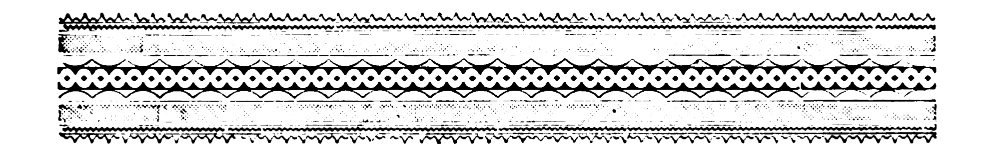
H. Strauch. Eine Methode farbiger Konservierung frischer Leichenteile für die Zwecke der somatischen Anthropologie. „Zeitschrift für Ethnologie“, 1904, Heft V.

Чтобы сохранить отъ высыханія и гніенія отдѣльныя части тѣла и органы, какъ-то: мозги, печень, легкія, сердце, почки и т. д., обыкновенно ихъ кладутъ въ извѣстныя жидкости, а именно издавна примѣняли алкоголь, растворъ хлоралъ-гидрата и т. д. Къ сожалѣнію, въ этихъ растворахъ препараты теряли то частью, то совсѣмъ свою окраску, дѣлаясь постепенно сѣровато-желтыми. Въ послѣднее время стремятся достигнуть того, чтобы консервируемые препараты сохраняли свой натуральный цвѣтъ, по возможности, на продолжительное время. Въ этомъ направленіи работали: Мельниковъ-Разведенковъ, Jores, Kaiserling, Puppe, Pick и др. Препараты кладутся ими въ растворъ формалина, при чемъ гемоглобинъ крови (красящее вещество) переходитъ въ гематитъ; послѣ того препаратъ кладется на короткое время въ алкоголь, а затѣмъ—въ особенно крѣпкіе щелочные растворы (Kali acet., поваренную соль, сѣрнокислый натръ); при этомъ цвѣтъ (кислаго) гематита, благодаря формалину, превратившійся въ сѣровато-коричневый, дѣлается ярко-краснымъ, естественнымъ, отъ перехода гематина отъ кислой въ щелочную реакцію. Цвѣтъ этотъ сохраняется долго и хорошо, что и можно видѣть на многочисленныхъ препаратахъ коллекціи

Вирхова въ патологическомъ музеѣ. Проф. судебной медицины въ Эдинбургѣ Harvey Littlejohn дѣлалъ попытки сохранить эту натуральную окраску у препаратовъ частей тѣла, консервируемыхъ въ «сухомъ» видѣ. «Сухой» способъ сохраненія состоитъ въ томъ, что препаратъ, лежавшій нѣкоторое время въ алкоголѣ, помѣщается въ стеклянный, непроницаемый для воздуха сосудъ, на днѣ котораго кладется слой ваты, пропитанный алкоголемъ. Littlejohn видоизмѣнилъ этотъ способъ въ томъ отношеніи, что, обработавъ свои препараты по вышеописанному способу Kaiserling'a, Puppe и др., помѣщалъ ихъ въ стеклянный, недоступный для воздуха, сосудъ, на днѣ котораго клалъ вату, пропитанную слабыми растворами формалина. Главнымъ затрудненіемъ служило то, что иногда, вслѣдствіе перемѣны температуры или по другимъ причинамъ, на стѣнкахъ стекляннаго сосуда осаждалась вода изъ воднаго раствора формалина, и, благодаря этому, препараты становились плохо видимы. Тогда онъ сталъ пропитывать вату (на днѣ сосуда) кромѣ формалина еще и чистымъ глицериномъ, который такъ жадно поглощаетъ воду. Обработанные такимъ способомъ препараты, по сообщенію Littlejohn'a, сохранили прекрасно въ теченіе пяти лѣтъ и свою окраску, и свои характерныя особенности. Strauch провѣрилъ способъ Littlejohn'a и пришелъ къ тому выводу, что способъ «сухого» сохраненія въ общемъ ниже способа сохраненія въ жидкости; но «сухой» способъ особенно хорошъ для препаратовъ кожи и подкожно-жирнаго слоя. По мнѣнію Strauch'a, этотъ способъ консервированія имѣетъ большое значеніе для цѣлей соматической антропологіи,— благодаря ему, возможно составить цѣлую серію головъ различныхъ расъ, съ сохраненіемъ натуральнаго цвѣта кожи. Затѣмъ хорошо можно сохранить татуировку на кожѣ, усиленное разрастаніе волосъ, характерныя морщины и складки на кожѣ, искуственныя уродства на губахъ, носу и ушныхъ раковинахъ т. д. *К. Бари.*

Hans Virchow. Die Verwendung von Abgüssen bei der Herstellung von Skelettpräparaten. „Zeitschrift für Ethnologie", 1903, Heft V.

Очень многое, что можно отмѣтить на отдѣльныхъ костяхъ, теряетъ въ своей отчетливости, когда онѣ соединены вмѣстѣ въ скелетѣ. Изъ этого не слѣдуетъ, что нужно пренебрегать составленіемъ костей въ цѣлый скелетъ, такъ какъ многое, въ свою очередь, выясняется только изъ соединенія костей. Поэтому необходимо или подробно изслѣдовать отдѣльныя кости и затѣмъ ихъ соединять въ цѣлое, или приготовлять формы костей и затѣмъ соединять эти слѣпки вмѣстѣ, а кости сохранять несобранными. Первый способъ мало примѣнимъ, такъ какъ опытъ показалъ, что разные наблюдатели и въ разное время находятъ на объектахъ тѣ или другіе признаки, на которые раньше не обращалось вниманія; поэтому слѣдуетъ остановиться на второмъ способѣ. Между отдѣльными костями и цѣлымъ скелетомъ есть еще переходная ступень, а именно комбинаціи двухъ, трехъ и болѣе костей въ одномъ кускѣ. Эта комбинація указываетъ на многое болѣе отчетливо, чѣмъ это видно на отдѣльныхъ, изолированныхъ костяхъ, и чего иногда совершенно уже не видно на цѣломъ скелетѣ. Можетъ быть, нѣкоторымъ покажется этотъ методъ неудобнымъ, кропотливымъ и дорого стоющимъ. Конечно, съ этимъ можно согласиться, если сравнивать его съ обычно примѣняемымъ, а именно съ насаживаніемъ костей на проволоку, какъ это дѣлается служителями и препараторами институтовъ; но надо принять во вниманіе, что многіе вопросы могутъ быть разрѣшены только на скелетахъ, собранныхъ не этимъ примитивнымъ способомъ. *К. Бари.*

Извѣстія и замѣтки.

Музей антропологіи и этнографіи имени Императора Петра Великаго при Императорской Академіи Наукъ послѣ двухъ съ половиной лѣтъ открылъ для публики впервые свои двери 14 января текущаго года. Открытіе музея предполагалось въ разные сроки. По случаю 200-лѣтняго юбилея Петербурга музей, по Высочайшему повелѣнію, получилъ имя своего Великаго Основателя. Сперва хотѣли музей открыть къ юбилейнымъ днямъ, затѣмъ—осенью, но нижній залъ не былъ выставленъ. Наконецъ, печатаніе широко задуманнаго каталога задержало открытіе музея до января. Музей въ настоящее время, за свое почти 200-лѣтнее существованіе, въ разныхъ формахъ, подъ разными названіями и въ разныхъ помѣщеніяхъ, занимаетъ два этажа, раздѣленныхъ на 4 свѣтлыхъ и высокихъ зала. Вестибюль отведенъ подъ буддійскую иконопись (древнюю и современную), занятъ муміями и сравнительной витриной съ деньгами разныхъ народовъ. Нижній этажъ (новое помѣщеніе) отданъ Сибири, Кавказу, В. Россіи (инородческія племена) и Ю. и С. Америкѣ. Завѣдуетъ этимъ отдѣломъ Л. Я. Штернбергъ. Верхній отдѣлъ связанъ съ вестибюлемъ предметами буддійскаго культа. Первая зала отдана подъ культурные буддійскіе народы востока. Здѣсь мы видимъ какъ монголовъ-кочевниковъ, такъ и монголовъ, образовавшихъ великія государства Востока. Помѣщены въ порядкѣ: буряты, монголы, Японія, Китай, Корея, Индо-Китай, Сіамъ и, наконецъ, Индія. Индія является какъ бы переходнымъ, связующимъ звеномъ между культурными народами вообще и полукультурными и дикими народами Индонезіи и Океаніи. Въ этомъ послѣднемъ залѣ помѣщена также и Африка. Культурнымъ Востокомъ завѣдуетъ Б. Ѳ. Адлеръ, Индонезіей, Океаніей и Африкой—г-жа Е. Л. Петри. Во главѣ музея по-прежнему стоитъ извѣстный лингвистъ-тюркологъ В. В. Радловъ. Коллекціи размѣщены научно. Инвентарь музея только отчасти новый. Верхній этажъ обмеблированъ старой деревянной мебелью, между которой пріятно выдѣляется мебель изъ старой кунсткамеры временъ Елисаветы Петровны. Нижній весь уставленъ желѣзными шкафами работы Артура Коппеля. Шкафы, однако, тяжелы и неуклюжи. Разстановка коллекцій носитъ слѣды тѣсноты. Такъ, для Китая, Индіи, Индо-Китая, монголовъ и бурятъ слѣдовало бы отвести еще столько же мѣста. Океанія и Африка, напротивъ, разставлены въ расчетѣ на будущій ростъ. Очень свободно разставлены также коллекціи нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ. Каталогъ, снабженный въ началѣ каждаго отдѣла и даже народа пояснительнымъ текстомъ, составленъ слишкомъ сухо, если принять во вниманіе развитіе массы, для которой каталогъ главнымъ образомъ предназначался. Кромѣ того, онъ непріятно пестритъ опечатками и носитъ ясные слѣды вредной и ненужной поспѣшности. Тѣмъ не менѣе идея каталога въ той формѣ, въ какой онъ, очевидно, задуманъ, очень симпатична и желательна. Второе изданіе, будемъ надѣяться, будетъ болѣе аккуратнымъ и продуманнымъ. Такимъ образомъ, музей съ своими этнографическими коллекціями и своимъ

каталогомъ, являющимся своебразнымъ учебникомъ по этнографіи, служитъ крупнымъ научнымъ центромъ русской этнографіи. Къ сожалѣнію, въ этомъ музеѣ общей этнографіи не выставлены вовсе славяне, культурные финны и русское населеніе имперіи. Для послѣднихъ не хватило мѣста, и коллекціи эти ютятся въ неприглядномъ помѣщеніи антропологическаго музея на дворѣ Академіи. Онѣ недоступны для публики и отчасти даже сложены въ сундуки. Тѣмъ не менѣе, онѣ являются цѣннымъ сравнительнымъ матеріаломъ. Созданіемъ спеціальнаго Русскаго музея Александра III-го академическій музей поставленъ въ необходимость направить всѣ свои силы и планы на расширеніе коллекцій изъ нерусскихъ странъ. Имѣющіяся же уже коллекціи являются только научнымъ матеріаломъ, безъ котораго *этнологъ* не можетъ обойтись. Въ его настоящемъ видѣ музей приноситъ большую пользу Петербургу. Къ сожалѣнію, тѣснота не даетъ ему возможности расти и стать центральнымъ, научнымъ хранилищемъ этнографіи, на что онъ имѣлъ бы полное право, какъ созданіе Великаго Петра.

Положеніе о преміи имени потомственнаго почетнаго гражданина Льва Петровича Кузнецова при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

1. При Императорскомъ Томскомъ университетѣ учреждается премія изъ процентныхъ денегъ съ капитала въ 24.441 руб. 25 коп., завѣщанныхъ потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Л. П. Кузнецовымъ и хранящихся въ числѣ спеціальныхъ средствъ. Императорскаго Томскаго университета.

2. Согласно волѣ завѣщателя, премія выдается за лучшія печатныя на русскомъ языкѣ сочиненія по исторіи, антропологіи и соціологіи Сибири.

Примѣчаніе. Къ сочиненіямъ по соціологіи Сибири относятся всѣ сочиненія, посвященныя изслѣдованію общественныхъ явленій въ жизни сибирскаго населенія.

Если сочиненіе историческаго содержанія написано на основаніи необнародованнаго сырого матеріала, то желательно, чтобы, по возможности, важнѣйшіе изъ этихъ матеріаловъ въ рукописи или въ печатномъ видѣ были приложены къ сочиненію.

3. Къ конкурсу допускаются сочиненія, вышедшія въ свѣтъ не ранѣе, какъ за пять лѣтъ до присужденія преміи.

4. Размѣръ преміи опредѣляется—полный въ 1.500 руб. и половинный—въ 700 руб.

5. Если въ назначенный срокъ премія не будетъ присуждена, то накопившіеся проценты присоединяются къ капиталу.

6. Премія присуждается черезъ каждые два года. При присужденіи преміи соблюдается слѣдующая очередь: одинъ разъ присуждается премія за сочиненіе по исторіи Сибири, другой разъ — за сочиненіе по антропологіи или соціологіи Сибири; первое присужденіе преміи состоится 22-го октября 1902 года за сочиненіе по исторіи Сибири, въ слѣдующій срокъ, т.-е. 22-го октября 1904 года, премія будетъ присуждена за сочиненіе по антропологіи или соціологіи Сибири и т. д.

7. Лица, желающія конкурировать на соисканіе преміи, должны представить свои сочиненія къ количествѣ не менѣе 10 экземпляровъ въ Совѣтъ Императорскаго Томскаго университета не позже, какъ за годъ до присужденія преміи.

8. Каждый разъ за два года до присужденія преміи Совѣтомъ Императорскаго Томскаго университета избирается коммиссія по присужденію преміи изъ 5 человѣкъ.

Примѣчаніе. Предсѣдателя коммиссія избираетъ изъ своей среды сама.

9. Коммиссія, ознакомившись съ содержаніемъ конкурирующихъ на премію сочиненій, распредѣляетъ ихъ между своими членами для написанія подробныхъ рецензій; написаніе такихъ рецензій можетъ быть поручено и ученымъ, не принадлежащимъ къ составу коммиссіи. Рецензіи печатаются въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Томскаго университета».

10. Рецензіи должны быть представлены къ 1-му сентября.

11. По полученіи рецензій коммиссія постановляетъ свое рѣшеніе о присужденіи преміи.

12. Постановленіе коммисіи, въ формѣ подробнаго отчета, утверждается Совѣтомъ Императорскаго Томскаго университета. Этотъ отчетъ читается на публичномъ актѣ университета 22-го октября и печатается въ «Извѣстіяхъ Университета».

13. Рецензенты могутъ быть награждаемы медалями, по постановленію Совѣта Императорскаго Томскаго университета.

14. Краткій отчетъ о присужденіи преміи, а равно извѣщеніе о слѣдующемъ срокѣ ея присужденія публикуются во всеобщее свѣдѣніе въ столичныхъ и сибирскихъ газетахъ; кромѣ того, объявленія эти разсылаются въ ученыя учрежденія и высшія учебныя заведенія.

15. Расходы по изготовленію медалей для рецензентовъ, по напечатанію рецензій и отчета о присужденіи преміи, а также по публикаціи объявленій о преміи относятся на счетъ остатковъ процентныхъ денегъ съ завѣщаннаго Л. И. Кузнецовымъ капитала, за вычетомъ стоимости преміи. Могущій и послѣ этого оказаться излишекъ присоединяется къ капиталу.

16. Въ случаѣ значительнаго увеличенія капитала отъ присоединенія накопившихся, согласно §§ 15 и 5, процентовъ Совѣту Императорскаго Томскаго университета предоставляется право увеличить число премій или сократить промежутки между присужденіями премій.

Капиталъ имени проф. Рудольфа Вирхова, находящійся послѣ смерти знаменитаго ученаго въ распоряженіи Берлинскаго Общества Антропологіи, Этнологіи и Первобытной Исторіи, достигъ въ 1904 г. суммы въ 316.800 герман. марокъ. Изъ процентовъ съ этого капитала Общество выдаетъ пособія для изслѣдованій въ области антропологіи, этнологіи, археологіи, сравнительнаго языковѣдѣнія и медицинской географіи.

Путешествіе проф. Клаача въ Австралію. Извѣстный антропологъ проф. Klaatsch предпринялъ въ текущемъ 1904 году путешествіе въ Австралію съ цѣлью антропологическаго изслѣдованія возможно большаго числа туземцевъ.

Статистика евреевъ. По подсчету, произведеному Обществомъ еврейской статистики, наибольшее количество евреевъ живетъ въ Европейской Россіи, а именно 5.082,000 человѣкъ. Далѣе слѣдуетъ Австро-Венгрія—1.994,000 чел., за нею Соединенные Штаты—1.136,000 чел., потомъ Германія—590,000 чел., Румынія — 269,000, Афганистанъ — 184,000, Англія — 179,000, Марокко—150,000, Нидерланды—104,000, Франція—86,000, Турція—82,000, Палестина—78,000, Кавказъ—58,000, Алжиръ—57,000, Абиссинія—50,000, Италія—47,000, Тунисъ—45,000, Персія—35,000, Сибирь—34,000, Южная Африка—30,000, Болгарія—28,000, Египетъ—25,000, Индія—22,000, Аравія—20,000, Канада—16,000, Швейцарія—13,000, Бельгія—12,000, Греція—8,400; въ остальныхъ странахъ меньше. Все количество евреевъ на земномъ шарѣ выражается въ круглой цифрѣ 11,000,000 человѣкъ.

Журналъ „Archiv für Rassen- und Gesellschafts-Biologie“. Послѣ преобразованія „Archiv für Anthropologie“, издаваемаго нынѣ подъ общею редак-

цiею проф. Ранке и Тиленiуса, антропологическая литература обогатилась рядомъ новыхъ перiодическихъ изданiй, посвященныхъ изслѣдованiю человѣка, его расъ и его бiологической природы. Къ изданiямъ этого рода въ текущемъ году присоединился еще спецiальный журналъ „Archiv für Rassen- und Gesellschafts-Biologie", выходящiй 6 разъ въ годъ подъ редакцiей д-ра A. Ploetz'а въ Берлинѣ и извѣстнаго бiолога, проф. L. Plate. Журналъ ставитъ своею задачею изученiе сущности расы и общества, ихъ взаимоотношенiй и бiологическихъ условiй ихъ сохраненiя и развитiя, а также изслѣдованiе основныхъ задачъ эволюцiонизма, при чемъ особое вниманiе обращено на значенiе гигiеническихъ условiй для жизни расы и общества (племенная и соцiальная гигiена), которыя до сихъ поръ оставались совершенно не выясненными.

Русское Антропологическое Общество при Петербургскомъ университетѣ вступило въ текущемъ 1904 году въ 17 годъ своего существованiя. Кончина его предсѣдателя, прив.-доцента Д. А. Коропчевскаго, повлекла за собой перемѣны во всемъ личномъ составѣ администрацiи Общества. На мѣсто покойнаго предсѣдателемъ былъ избранъ проф. анатомiи Петербургскаго университета Н. М. Малiевъ, товарищемъ предсѣдателя остался попрежнему М. Н. Нижегородцевъ, и на мѣсто отказавшагося секретаря Д. А. Клеменца былъ выбранъ Б. Θ. Адлеръ. Въ члены совѣта были избраны на годъ: Е. М. Чепурковскiй, кн. Путятинъ, В. Θ. Маляревскiй, Д. А. Клеменцъ, Н. М. Могилянскiй и А. П. Сутугинъ. Въ обновленномъ своемъ составѣ Общество имѣло въ текущемъ весеннемъ полугодiи два засѣданiя совѣта (19 янв. и 12 марта) и три засѣданiя съ докладами (30 янв., 19 марта и 13 мая). Дѣла Общества въ настоящее время представляются въ слѣдующемъ видѣ: изданiя Общества не выходили съ 1901 г.; отъ университета Общество не пользовалось субсидiей послѣднiе два года; денежные рессурсы сильно истощились; число членовъ Общества увеличилось только на 5.

Первое засѣданiе Общества было посвящено памяти Д. А. Коропчевскаго. *Д. А. Клеменцъ* подѣлился со слушателями «воспоминанiями о Д. А. Коропчевскомъ». *Н. М. Могилянскiй* говорилъ «о научной дѣятельности Д. А. Коропчевскаго», остановившись подробнѣе на разборѣ не оконченной печатанiемъ диссертацiи покойнаго. *Е. М. Чепурковскiй* сдѣлалъ докладъ на тему: «Къ вопросу о наслѣдованiи формы головы». Въ этомъ же засѣданiи, по случаю смерти Н. К. Михайловскаго, г. Клеменцъ посвятилъ прочувствованную рѣчь памяти покойнаго публициста-соцiолога и указалъ на значенiе его работъ въ антропологiи. Въ заключенiе были произведены выборы вышеупомянутыхъ лицъ.

Второе засѣданiе 19 марта было исключительно посвящено докладу проф. *И. А. Бодуэна-де-Куртенэ.* Докладъ касался очень интереснаго вопроса, именно «постепеннаго человѣченiя языка въ области произношенiя, въ связи съ антропологiей». Будучи лингвистомъ-фонетикомъ, г. Бодуэнъ долго занимался вопросами, касающимися антропологической стороны этого предмета. На основанiи своихъ сравнительно-лингвистическихъ изслѣдованiй онъ доказывалъ, что, при постепенномъ выпрямленiи человѣческаго организма, при переходѣ изъ животнаго и дикаго состоянiя, человѣкъ переносилъ центры своей рѣчевой дѣятельности изъ болѣе глубокихъ частей своего голосового аппарата впередъ, въ область зубную и язычную. При постепенномъ упражненiи языка, послѣднiй изъ заостреннаго постепенно прiобрѣталъ мясистую, округлую форму. Изъ болѣе прогрессивныхъ языковъ исчезли придыханiя, т.-е. звуки гортанные и т. д. Въ связи съ антропологическими данными докладъ этотъ являлся рядомъ

блестящихъ гипотезъ въ данномъ направленіи. Онъ вызвалъ рядъ возраженій и возбудилъ оживленный обмѣнъ мыслей.

Въ третьемъ засѣданіи 13-го мая былъ прочитанъ докладъ *Л. Я. Штернберга* о культѣ «инау» у сахалинскихъ айновъ. Г. Штернбергъ говорилъ вообще о религіяхъ первобытныхъ народовъ; затѣмъ онъ познакомилъ слушателей съ загадочнымъ народомъ айновъ и съ его культомъ. Остановившись подробнѣе на культѣ «инау», онъ перечислилъ существовавшія до сихъ поръ мнѣнія насчетъ этого загадочнаго пучка стружекъ. Зибольдъ видѣлъ въ нихъ видоизмѣненные японскіе гохеи, Бэрдъ и Батчелоръ—простыя жертвы божеству, д-ръ Добротворскій—остатки каннибализма, именно, зарубки на «инау» являлись въ его глазахъ распоротыми животами; такъ какъ форма «инау» ясно напоминаетъ формы человѣческаго тѣла, то эти зарубки указываютъ на распоротые животы, именно человѣка, принесеннаго божеству въ жертву. Докладчикъ опровергалъ всѣ эти предположенія, основываясь на собственыхъ разспросахъ. Во время своего пребыванія на Сахалинѣ онъ узналъ отъ старика-айна, что «инау» называется «икойтоку-айну», т.-е. ораторъ. Самое слово «инау» значитъ «древесный языкъ». Форма стружекъ напоминаетъ также языкъ, формы цѣльнаго «инау»—человѣка. Такимъ образомъ, путемъ сравненій и разспросовъ, докладчику удалось узнать, что «инау» не жертва, а только посредникъ, ораторъ, ходатай и защитникъ айна передъ божествомъ. Это—культъ языка, какъ существуютъ культы фаллоса, головы, зубовъ, волосъ и т. д. Казавшійся совершенно изолированнымъ и непонятнымъ культъ «инау» является, такимъ образомъ, имѣющимъ аналогіи въ другихъ подобныхъ же культахъ. Въ этомъ докладчикъ почерпаетъ новую увѣренность, что для существованія сходныхъ духовныхъ и матеріальныхъ культуръ въ разныхъ мѣстахъ земного шара нѣтъ необходимости принимать занесеніе и передачу ихъ путемъ заимствованій, — онѣ могутъ зарождаться, создаваться и гибнуть совершенно независимо другъ отъ друга.

Послѣ доклада были выбраны 13 дѣйствительныхъ членовъ, 16 членовъ-сотрудниковъ и 8 почетныхъ членовъ (послѣдніе par acclamation). Въ почетные члены выбраны: проф. Д. Н. Анучинъ (Москва), проф. Карлъ Пирсонъ (Лондонъ), проф. Эмиль Шмидтъ (Іена), проф. Іоганнъ Ранке (Мюнхенъ), проф. Рихардъ Андрэ (Мюнхенъ), проф. Шарль Манувріэ (Парижъ) и проф. Фридрихъ Ратцель (Лейпцигъ).

Въ текущемъ полугодіи выдано 3 открытыхъ листа, при чемъ отъ Общества въ первый разъ поѣдетъ для антропологическихъ работъ въ Костромскую губ. женщина Г. Н. Жакова. Кромѣ г-жи Жаковой, студентъ Д. Т. Яновичъ будетъ продолжать свои работы въ Кареліи и окончившій университетъ П. М. Раздольскій будетъ работать у сѣверныхъ башкировъ. Коллекціи, библіотека и денежныя средства Общества постепенно увеличиваются.

Антропологическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія. Въ весеннемъ полугодіи 1904 г. состоялись два засѣданія Отдѣла (28-го февраля и 14-го апрѣля), въ которыхъ были доложены 4 сообщенія: *Н. А. Вологина* — О взаимоотношеніяхъ черепныхъ дугъ и хордъ, *А. Н. Джавахова* — Къ антропологіи карталинцевъ, *А. А. Ивановскаго* — Опытъ антропологической классификаціи населенія Россіи и *Д. П. Косоротова* — О ритуальныхъ поврежденіяхъ у скопцовъ.

Труды Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Томъ XVIII, вып. 1—3, подъ редакціей Д. Н. Анучина, Н. В. Гильченко и А. А. Ивановскаго. Москва, 1897 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: Анатолій Петровичъ Богдановъ (съ портретомъ).—*А. Г. Рождественскій*—Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы (съ 5-ю графич. таблицами).—*Н. В. Гильченко*—Матеріалы для антропологіи Кавказа. Кубанскіе казаки.—*А. Д. Элькиндъ*—Привислинскіе поляки.—*Н. А. Янчукъ*—Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о литовскихъ татарахъ. — *А. А. Арутиновъ*—Къ антропологіи кавказскаго племени удинъ.—*Н. П. Константиновъ-Щипунинъ* — Къ краніологіи древняго населенія Костромской губ. — *Д. Н. Анучинъ*—Е. А. Покровскій, К. Н. Иковъ и А. М. Раевская (некрологи.)—Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Томъ XIX, подъ редакціей Д. Н. Анучина и А. А. Ивановскаго. Москва, 1899 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: *Р. Л. Вейнбергъ*—О строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ (съ 20 рис.).—*М. И. Лутохинъ*—Историческій обзоръ литературы о расовыхъ отличіяхъ таза.—*П. А. Минаковъ*—Новыя данныя по изслѣдованію волосъ изъ древнихъ могилъ и отъ мумій (съ 1 раскраш. табл.).—*П. А. Минаковъ*—Ненормальная волосатость (съ 3 рис.).—*В. В. Воробьевъ*—Матеріалы къ антропологіи великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губ. (съ 9 діаграм.),—*В. И. Васильевъ*—Размѣры черепа и лица по отношенію къ возрасту и росту у учащихся въ школахъ Серпуховскаго у., Московской губ. (съ 4 діаграм.).—*Н. В. Гильченко*—Вѣсъ головного мозга и нѣкоторыхъ его частей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію.—*А. А. Ивановскій* — Къ вопросу о различіяхъ формъ глазной щели. — *П. А. Минаковъ* — О формѣ и цвѣтѣ волосъ изъ кургановъ Ср. Россіи.—*А. Д. Элькиндъ*—О черепныхъ типахъ проф. Серджи въ связи съ черепнымъ указателемъ (съ 4 діагр.). — *А. Д. Элькиндъ* — Замѣтка о черепахъ изъ еврейскихъ катакомбъ въ Римѣ (съ 1 рис.).—*Д. Н. Анучинъ*—Памяти Г. Д. Филимонова и Г. де-Мортиллье.—*А. А. Ивановскій*—Секція антропологіи XII-го международнаго съѣзда врачей (съ 6 рис.). — Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Томъ XX: В. В. Воробьевъ — **Наружное ухо человѣка. Москва, 1901 г. Цѣна 3 руб.**

Томъ XXI: А. Д. Элькиндъ—Евреи (сравнительно-антропологическое изслѣдованіе, преимущественно надъ польскими евреями). **Съ 6 діагр. и 70 рис. въ текстѣ. Москва, 1903 г. Цѣна 4 руб.**

Томъ XXII: А. А. Ивановскій—Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи. Москва, 1904 г. Цѣна 3 руб.

Русскій Антропологическій Журналъ

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. **Д. Н. Анучина.**

подъ редакціей
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

1904 г., №№ 3 и 4.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Москва, Пятницкая ул., с. д.
1905.

Годъ 5-й. Кн. XIX—XX.

Русскій Антропологическій Журналъ

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

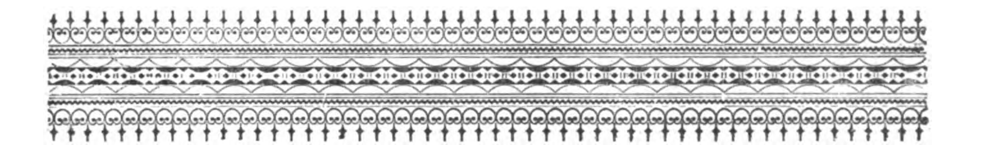
1904 г., №№ 3 и 4.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Москва, Пятницкая ул., с. д.
1905.

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Гербертъ Спенсеръ (1820—1903) и предтечи дарвинизма.

I.

Условія наслѣдственности и приспособленія опредѣляютъ природу личности, со всѣми ея особенностями, преимуществами и недостатками. Этого не слѣдуетъ забывать, говоря о Гербертѣ Спенсерѣ, какъ о человѣкѣ и мыслителѣ. Усопшій философъ, какъ чистокровный отпрыскъ великобританской расы, въ своей генеалогіи стоялъ почти особнякомъ среди умственныхъ вождей викторіанской эпохи, которые всѣ—съ Карлейлемъ во главѣ—были шотландскаго происхожденія. Любопытно также, что психическій типъ матери почти не отразился на Спенсерѣ. Ей онъ обязанъ развѣ своимъ нѣжнымъ физическимъ сложеніемъ. Отецъ Спенсера, педагогъ по профессіи, обладалъ самостоятельнымъ умомъ, всюду раскрывавшимъ причину явленій, — черта, столь характерная и для сына. Въ сильной діалектикѣ, свойственной аргументаціи автора «Системы», ясно сказывается наслѣдіе отца, педагогическіе взгляды котораго возродились въ «Искусствѣ воспитанія».

Въ раннемъ дѣтствѣ Спенсеръ своимъ слабымъ здоровьемъ внушалъ опасенія. Его школьное воспитаніе подвигалось медленно. На седьмомъ лишь году онъ усвоилъ искусство грамоты. Лѣниваго, невнимательнаго ребенка, ненавидѣвшаго заучиваніе, любившаго стоять на своемъ, считали умственно отсталымъ, неспособнымъ... Но вдали отъ школьной рутины его природныя способности росли вольготно. Рисованіе съ натуры, составленіе гербаріевъ, коллекцій жуковъ и бабочекъ, руководимые отцомъ физическіе и химическіе опыты давали обильную пищу юному, пытливому уму.

Въ 1833 г. Гербертъ, достигнувъ 13-лѣтняго возраста и окрѣпши нравственно и тѣлесно, перешелъ на воспитаніе къ священнику Ѳомѣ Спенсеру, который приходился ему роднымъ дядей. Это былъ человѣкъ съ сильнымъ, безпристрастнымъ умомъ и съ независимымъ характеромъ, принимавшій дѣятельное участіе въ возникшемъ тогда демократическомъ движеніи чартистовъ. Отношенія между учителемъ и ученикомъ не оставляли желать

лучшаго. Но когда, спустя три года, Ѳома Спенсеръ пожелалъ опредѣлить племянника въ университетъ, Гербертъ рѣшительно возсталъ противъ его замысла. До него дошли, вѣроятно, кое-какіе слухи о тогдашнихъ академическихъ порядкахъ, которые ему должны были показаться далеко не привлекательными. Сверхъ того, ему не далась грамматика греческой и латинской рѣчи. Его мозгъ рѣшительно отказывался отъ механическаго заучиванія правилъ и исключеній. Его сердце не лежало къ классицизму. Во всемъ онъ улавливалъ общія начала и логическія основы, а въ области математики и механики въ немъ уже тогда проявлялись недюжинныя способности.

Это преобладаніе въ Спенсерѣ практическаго и техническаго направленія ума стало положительно очевиднымъ, когда 17-лѣтній юноша, пробывши 3 мѣсяца въ качествѣ учителя начальной школы, совершенно неожиданно для всѣхъ, поступилъ на должность инженера при постройкѣ желѣзнодорожной линіи Лондонъ-Бирмингэмъ. Цѣлыхъ полтора года онъ велъ провѣрку машинъ, изготовлялъ планы, чертилъ карты, и, кромѣ обычныхъ обязанностей инженера, ему былъ порученъ надзоръ за строительными работами по линіи. Возникла необходимость озаботиться расширеніемъ запаса математическихъ знаній. Какъ результатъ самостоятельныхъ опытовъ, молодой инженеръ выпустилъ рядъ статей по спеціальнымъ техническимъ вопросамъ. Къ тому же времени относится одно изъ изобрѣтеній Спенсера — инструментъ, подъ названіемъ велосиметра, назначенный для опредѣленія скорости локомотивовъ. Позже, въ 1846 г., онъ выработалъ проектъ новаго типа пильной и стругальной машины, которая даже была патентована, но, насколько извѣстно, не нашла практическаго осуществленія.

Въ то время должность инженера при желѣзной дорогѣ принадлежала къ наименѣе надежнымъ и плохо обезпеченнымъ. Приходилось подумать о чемъ-нибудь болѣе опредѣленномъ. Въ періоды тѣхъ продолжительныхъ перерывовъ своей служебной дѣятельности, которые вызывались постоянными кризисами и крахами тогдашнихъ желѣзнодорожныхъ предпріятій, Спенсеръ, пользуясь изобиліемъ свободнаго времени, успѣлъ значительно расширить и углубить свои знанія, и такимъ путемъ было положено основаніе той обширной эрудиціи, которой впослѣдствіи оказалась проникнутой «система синтетической философіи». Съ особеннымъ усердіемъ онъ изучалъ ботанику, рисовалъ перомъ съ натуры, разрабатывалъ вопросы техники, лѣпилъ бюсты. Обстоятельства сложились такъ, что къ 1844 г. Спенсеръ вновь очутился въ излюбленной роли инженера, которую онъ окончательно сложилъ съ себя въ 1846 г., рѣшивъ испытать счастье въ качествѣ журналиста.

Первые шаги казались успѣшными. Уже въ слѣдующемъ, 1847 г., Гербертъ Спенсеръ выступаетъ однимъ изъ редакторовъ еженедѣльнаго финансово-экономическаго журнала «Economist». Къ 1850 г. ему удалось выпустить въ свѣтъ свой первый крупный трудъ по философіи общества — «Social Statics». Это изслѣдованіе обратило на себя вниманіе. Ему же до

тѣхъ поръ почти неизвѣстный авторъ обязанъ знакомствомъ съ Гексли, Тиндалемъ, Джономъ Стюартомъ Миллемъ. Спустя два года послѣ обнародованія «Social Statics», Спенсеръ забросилъ журналистику.

Назрѣли въ немъ проблемы эволюціонизма.

Содержаніе и объемъ этихъ проблемъ намѣчены въ знаменитомъ «Проспектѣ», выпущенномъ въ 1860 году.

Планъ Спенсера заключался въ томъ, чтобы на почвѣ закона эволюціи создать обширную философскую систему, долженствовавшую объединять собою всѣ отрасли знанія въ одно всеобъемлющее міровозрѣніе. Этотъ гигантскій трудъ, который по окончательному расчету, подробно изложенному въ 33 пунктахъ «Проспекта», долженъ былъ обнимать собою десять томовъ, Спенсеръ, со свойственнымъ ему оптимизмомъ, первоначально предполагалъ исполнить въ двадцать лѣтъ. Но когда въ ноябрѣ 1896 г. вышелъ въ свѣтъ третій томъ «Соціологіи» — единственный еще недостававшій отдѣлъ въ «Системѣ синтетической философіи», — то оказалось, что вмѣсто двухъ десятковъ лѣтъ на эту колоссальную задачу пошло безъ малаго четыре десятка. Спенсеръ слишкомъ довѣрялъ своей физической выносливости. Въ 1853 г. умственное переутомленіе, оставшееся послѣ «Основъ психологіи», кончилось тяжелымъ нервнымъ разстройствомъ, отъ котораго Спенсеру уже не пришлось поправиться. У него съ тѣхъ поръ развилась упорная безсонница, и этотъ роковой недугъ дѣлалъ его временами неспособнымъ къ творческой работѣ.

Въ довершеніе всего матеріальная сторона изданія уже вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ первыхъ выпусковъ «First Principles» оказалась далеко не обезпеченной. «Психологія» за девять лѣтъ разошлась въ количествѣ 500 экземпляровъ... Нѣсколько лучшую участь имѣли «Social Statics», но выпускать эту книгу вторымъ изданіемъ все-же представлялось большимъ рискомъ. «Воспитаніе», отпечатанное въ 1861 г. всего въ 500 экземплярахъ, расходилось крайне слабо. Желая, съ своей стороны, хоть сколько-нибудь распространить свое изслѣдованіе среди педагоговъ, Спенсеръ рѣшилъ разослать нѣкоторое количество экземпляровъ, въ дешевыхъ переплетахъ, желающимъ, по первому требованію. Поступило всего двѣнадцать заявленій. Являясь въ одномъ лицѣ авторомъ и издателемъ, — все изданіе предполагалось выпустить по подпискѣ, — Спенсеръ отъ своихъ изданій не только не получалъ никакихъ доходовъ, но и терпѣлъ большіе убытки, которые въ 1867 г., послѣ обнародованія «Началъ Біологіи», выразились круглою цифрою въ 24.000 германскихъ марокъ, а убытки отъ изданія «Описательной Соціологіи», благодаря безучастному отношенію публики, достигли слишкомъ 80.000 марокъ. Стюартъ Милль и другіе друзья поспѣшили заявить о своей готовности нести всю матеріальную отвѣтственность за начатое изданіе. Но Спенсеръ, отклонивъ ихъ помощь, объявилъ въ циркулярѣ, разосланномъ подписчикамъ, о наступившей необходимости прекратить печатаніе дальнѣй-

шихъ выпусковъ. Въ этотъ критическій моментъ профессоръ Эдвардъ Ливингстонъ Яуменъ, много способствовавшій популяризаціи Спенсера въ Соединенныхъ Штатахъ, собралъ подпискою 7.000 долларовъ и предложилъ ихъ въ такой деликатной формѣ, что Спенсеръ въ концѣ-концовъ принялъ эту сумму, назначивъ ее на подготовку и научную разработку матеріаловъ по соціологіи, для чего, какъ оказалось, необходимо было постоянное содѣйствіе трехъ ученыхъ секретарей. Начиная съ 1875 г., когда имя Спенсера получило уже обширную извѣстность, въ матеріальномъ положеніи философа стала наступать перемѣна къ лучшему.

Самостоятельность мышленія и необычайная твердость въ осуществленіи намѣченныхъ задачъ — коренныя черты Герберта Спенсера. Это — типъ практическаго философа. Въ немъ рѣзко выдается склонность къ научному спору, какъ наслѣдіе его родичей-пуританцевъ. Его изложеніе, отличаясь вообще большою подробностью, мѣстами нѣсколько растянуто — особенность, раздѣляемая большинствомъ писателей англосаксонской крови. Какъ натурфилософъ, Спенсеръ широко пользовался результатами спеціальныхъ отраслей науки. Въ отличіе отъ Дарвина, этого опытнаго и всесторонняго наблюдателя-натуралиста, онъ выступалъ въ качествѣ самостоятельнаго изслѣдователя лишь въ области ботаники и техники: свои «Основы Біологіи» онъ подвергалъ предварительной редакціи со стороны Гексли, какъ спеціалиста-анатома и біолога. Съ другой стороны, обширность эрудиціи рѣзко отличаетъ автора «Системы» отъ Конта, допускающаго грубыя неточности въ элементарныхъ вопросахъ біологіи.

Скромность въ признаніи предѣловъ познаваемости, по замѣчанію одного изъ историковъ англійскаго позитивизма, столь же замѣчательна въ характерѣ Спенсера, сколь несокрушима была смѣлость его положеній въ области познаваемаго.

II.

Въ предисловіи къ первому изданію «Происхожденія видовъ», вышедшему въ ноябрѣ 1859 г., Дарвинъ въ числѣ своихъ предшественниковъ называетъ также Герберта Спенсера.

Обстоятельство это имѣетъ свою исторію...

Въ мартовской тетради журнала «Leader» за 1852 г. появилась небольшая статья, подъ заглавіемъ «The Development Hypothesis» (Гипотеза развитія), въ которой Спенсеръ сопоставляетъ теорію творенія съ теоріей эволюціи, и въ результатѣ этого сравненія, основаннаго на эмбріологическихъ и другихъ данныхъ, онъ въ концѣ-концовъ приходитъ къ заключенію, что т. наз. *виды непостоянны* и что они *подвержены измѣненіямъ*, которыя, по его мнѣнію, зависятъ отъ условій среды.

Эту статью имѣлъ въ виду Дарвинъ, упоминая о Спенсерѣ въ предисловіи къ «Происхожденію видовъ». Попытку Спенсера онъ называетъ удачной и сухо признаетъ всю убѣдительность его доводовъ.

Но этимъ и ограничивается то, что мы слышимъ о Спенсерѣ въ знаменитой книгѣ Дарвина... Въ читателѣ остается впечатлѣніе, что *до Дарвина*, точнѣе до обнародованія «Происхожденія видовъ», Спенсеръ по вопросу объ эволюціи организмовъ не заявлялъ печатно никакихъ существенно новыхъ мыслей, кромѣ тѣхъ общихъ положеній, на которыя ссылается Дарвинъ и которыя, какъ извѣстно, подкрѣпляютъ лишь прежнія гипотезы Ламарка и Исидора Сентъ-Илера. «Principles of Biology», т.-е. то сочиненіе, въ которомъ обычный читатель встрѣчается съ біологическимъ міровозрѣніемъ Спенсера, появилось въ печати первымъ изданіемъ въ 1867 г., значитъ, спустя восемь лѣтъ *послѣ* книги Дарвина. Отсюда естественно могло возникнуть *мнѣніе, что эволюціонизмъ Спенсера развился какъ бы на почвѣ дарвинизма*. Тэнъ говоритъ о Спенсерѣ, какъ объ ученикѣ Дарвина, распространившемъ начала дарвинизма и на другія явленія природы и общественной жизни.

Но на самомъ дѣлѣ отношенія между философіей Дарвина и Спенсера представляются въ совершенно иномъ свѣтѣ. Стоитъ только вспомнить, какимъ образомъ въ Спенсерѣ пробудилась идея эволюціи, какъ она въ немъ росла и упрочилась и въ какой формѣ она вылилась въ эпоху, предшествовавшую дарвинизму въ собственномъ смыслѣ этого слова. Достаточно одного того, что много раньше «Происхожденія видовъ» существовалъ въ печати рядъ работъ Спенсера, посвященныхъ біологическому эволюціонизму, но оставшихся неизвѣстными какъ Тэну, такъ, повидимому, и самому Дарвину. Въ этихъ своихъ изслѣдованіяхъ, о которыхъ Дарвинъ въ 1859 г. не оговаривается ни полсловомъ, хотя они были обнародованы въ періодъ между 1852 и 1857 г.г., Спенсеръ не только выступаетъ убѣжденнымъ защитникомъ эволюціонной мысли, но и *приводитъ положительныя данныя для объясненія загадки происхожденія видовъ*. Въ нихъ, въ этихъ замѣчательныхъ въ исторіи философіи трактатахъ до-Дарвиновой эпохи, и скрываются основы и корни того ученія Спенсера, которое позже получило болѣе совершенное, высшее выраженіе въ «Principles of Biology». Въ нихъ Спенсеръ еще свободенъ отъ вліянія дарвинизма, ибо таковаго къ тому времени еще не существовало.

Однажды, въ 1839 г., въ бытность свою желѣзнодорожнымъ инженеромъ, Спенсеръ, наблюдая за земляными работами, случайно наткнулся на остатки какихъ-то ископаемыхъ. Находка эта заставила его заняться геологіей. Онъ познакомился съ «Началами» сэра Чарльза Ляйэля и въ изложеніи знаменитаго геолога впервые обратилъ вниманіе на идею эволюціи органическаго міра.

Сама мысль, впрочемъ, въ то время уже не была новостью. Гёте въ Германіи, Э. Жоффруа Сентъ-Илеръ во Франціи и Эразмъ Дарвинъ (дѣдъ автора «Происхожденія видовъ») въ Англіи почти одновременно—въ 1749—1795 г.г. — высказались за возможность возникновенія однихъ ви-

довъ изъ другихъ. Но взгляды эти въ то время не имѣли успѣха. Жанъ Ламаркъ вновь обратилъ всеобще вниманіе на вопросъ эволюціи организмовъ, выступая въ своей «Философской зоологіи» съ гипотезой, что всѣ виды, не исключая человѣка, произошли отъ другихъ видовъ. По его мнѣнію, виды животнаго царства непостоянны и измѣнчивы во времени, а причину измѣняемости онъ видѣлъ въ непосредственномъ воздѣйствіи жизненныхъ условій и въ употребленіи или неупотребленіи органовъ, которые обладаютъ свойствомъ приспособляться ко всевозможнымъ измѣненіямъ этихъ условій.

Глубокое впечатлѣніе на Спенсера произвели эмбріологическія открытія Вольфа и Бэра, давшія рѣшительный толчокъ развитію въ немъ эволюціонной мысли.

Еще задолго до Гете тотъ самый Каспаръ Фридрихъ Вольфъ, которому принадлежитъ открытіе метаморфоза растеній, выяснилъ съ полною убѣдительностью, что какъ растительные, такъ и животные организмы и ихъ отдѣльные органы зарождаются не въ той окончательной формѣ, которая свойственна имъ во взросломъ состояніи, а *развиваются путемъ постепеннаго преобразованія изъ болѣе простыхъ, однородныхъ зачатковъ*. Онъ убѣдился, что главнѣйшія системы органовъ появляются первоначально каждая въ видѣ листа или пластинки, которая постепенно превращается въ полуцилиндръ и, въ концѣ-концовъ, принимаетъ форму *трубки*. Мало того: *органы животнаго организма развиваются одинъ за другимъ въ совершенно опредѣленномъ порядкѣ*. «Получается такое впечатлѣніе»,—пишетъ К. Ф. Вольфъ,—«какъ будто бы *въ различные періоды и въ нѣсколько пріемовъ по очереди* образуются по одному и тому же типу (т.-е. по типу трубки) различныя системы, изъ которыхъ впослѣдствіи составляется организмъ животнаго. Системы эти кажутся сходными между собою, хотя онѣ по существу весьма различны. Раньше всѣхъ остальныхъ системъ закладывается и принимаетъ опредѣленную, своеобразную форму нервная система. Вслѣдъ за нею образуется по тому же типу то мясистое вещество, которое составляетъ главную массу зародыша. Затѣмъ возникаетъ сосудистая система, а за нею, въ видѣ четвертой системы, зарождается пищеварительный каналъ, который, развиваясь по тому же основному типу, вполнѣ уподобляется первымъ тремъ системамъ, какъ законченное, замкнутое цѣлое».

Въ этихъ замѣчательныхъ положеніяхъ, выражающихъ собою сущность новаго *эволюціоннаго* ученія Каспара Фридриха Вольфа, уже вполнѣ ясно обрисовывается принципъ *дифференціаціи* и перехода однородныхъ явленій въ состояніе разнородности. Въ силу принципа дифференцировки только и становится мыслимымъ развитіе столь сложныхъ, по своей формѣ, органовъ взрослаго организма изъ ряда простыхъ зачатковъ, обладающихъ первоначально одними и тѣми же свойствами. Господствовавшая до Вольфа

теорія творенія допускала, что зародышъ съ самаго начала содержитъ въ себѣ, въ малыхъ размѣрахъ, все будущее животное со всѣми его органами въ ихъ окончательной формѣ. Мысль же о метаморфозѣ считалась чѣмъ-то неслыханнымъ.

У Вольфа законъ дифференцировки или совершенствованія является, однако, въ общемъ еще гипотезой, основанной пока лишь на процессѣ развитія одного органа (именно кишечника) и перенесенной путемъ аналогіи и обобщенія на всѣ остальныя системы органовъ. Окончательная разработка этой гипотезы выпала на долю нашего академика Карла Эрнста фонъ-Бэра, которому въ результатѣ многолѣтнихъ работъ удалось съ удивительною точностью выяснить возникновеніе зародышевыхъ листковъ и ходъ ихъ преобразованія въ отдѣльные органы животнаго организма. К. Э. фонъ-Бэръ не сомнѣвался, что тѣ же начала, которыя лежатъ въ основѣ развитія индивидуальнаго зародыша, должны имѣть значеніе, какъ общій законъ эволюціи, и поэтому онъ считалъ себя въ правѣ высказать, въ видѣ общей истины, то положеніе, что *сущность органическаго развитія сводится къ переходу состоянія однородности въ состояніе разнородности.*

Законъ Бэра, съ которымъ Спенсеръ познакомился около 1850 года, послужилъ исходною точкою всего дальнѣйшаго развитія его эволюціонной теоріи.

Спенсеръ убѣдился, что въ той формулировкѣ закона зародышеваго развитія, которая этому закону была дана Бэромъ, выражено одно изъ основныхъ условій эволюціи — *начало дифференціаціи.* Ему уже тогда стало ясно, что какъ дифференціація, такъ и самый законъ эволюціи должны играть роль основныхъ началъ во всевозможныхъ другихъ областяхъ органическаго и неорганическаго міра, въ предѣлахъ общественной жизни, науки и духовной дѣятельности, особенно же въ *процессѣ происхожденія видовъ.*

О такомъ своемъ убѣжденіи Спенсеръ впервые заявилъ въ той замѣчательной по ея содержанію журнальной статьѣ, подъ заглавіемъ «The Development Hypothesis», которая вышла въ свѣтъ за *семь лѣтъ до обнародованія Дарвиномъ «Происхожденія видовъ».*

Спенсеръ доказываетъ здѣсь прежде всего, что виды обязаны своимъ происхожденіемъ естественному *развитію.* Немыслимымъ ему уже тогда казалось допустить, чтобы каждый изъ тѣхъ «десяти милліоновъ видовъ», на которые распадается міръ организмовъ, былъ созданъ отдѣльно, самъ по себѣ, непосредственно, какъ результатъ особаго творческаго акта. Развитіе одного вида изъ другого и происхожденіе всѣхъ существующихъ видовъ изъ одного общаго корня онъ считалъ гораздо болѣе правдоподобнымъ. Впрочемъ, Спенсеръ тутъ же ссылается на факты. Въ пользу того, что виды со-временемъ претерпѣваютъ измѣненія, онъ приводитъ данныя изъ жизни культурныхъ растеній, домашнихъ животныхъ и различныхъ расъ и по-

родъ человѣка. Ему извѣстно, что потомки однихъ и тѣхъ же производителей часто гораздо болѣе расходятся между собою, чѣмъ представители различныхъ видовъ. Съ другой стороны, между видами, родами и разновидностями трудно провести строгую границу. Это также говоритъ за измѣнчивость видовъ. Кромѣ того, Спенсеръ указываетъ на тѣ измѣненія, которыя происходятъ въ нашихъ органахъ въ зависимости отъ степени ихъ жизнедѣятельности; онъ отмѣчаетъ послѣдствія односторонняго развитія отдѣльныхъ органовъ подъ вліяніемъ привычныхъ движеній въ томъ смыслѣ, какъ это наблюдалось уже Ламаркомъ. Спенсеру въ это время уже были извѣстны тѣ замѣчательныя эмбріологическія явленія, открытіе которыхъ связано съ именемъ К. Ф. Вольфа и К. Э. фонъ-Бэра: на нихъ онъ также ссылается въ доказательство того, что весь міръ организмовъ возникаетъ путемъ постепенныхъ измѣненій и преобразованій.

Но гдѣ *причины* этихъ измѣненій?

Спенсеръ на это отвѣчаетъ вполнѣ опредѣленно въ той же статьѣ. По его мнѣнію, *измѣненія внѣшнихъ условій* совершенно удовлетворительно объясняютъ всѣ тѣ явленія измѣнчивости видовъ, какія мы наблюдаемъ въ животномъ и растительномъ царствѣ. Если,—продолжаетъ Спенсеръ,—перенести животное въ новыя условія жизни, то тотчасъ же начинаютъ развиваться опредѣленныя *измѣненія структуры его органовъ*. Измѣненія эти имѣютъ цѣлью *приспособленіе даннаго организма къ условіямъ новой среды*. А сами жизненныя условія въ высшей степени непостоянны, измѣняясь въ зависимости отъ астрономическихъ, геологическихъ и метеорологическихъ процессовъ, дѣйствующихъ хотя и крайне медленно, но за-то безпрерывно въ теченіе длинныхъ періодовъ времени.

Такимъ образомъ, въ этомъ замѣчательномъ очеркѣ Спенсеръ впервые развиваетъ вполнѣ обоснованную *гипотезу происхожденія однихъ видовъ изъ другихъ на эволюціонныхъ началахъ*. Орудіями эволюціи въ этой гипотезѣ являются: измѣнчивость структуры, непостоянство условій среды и приспособляемость организмовъ ко всевозможнымъ измѣненіямъ этихъ условій.

Эмбріологическая теорія Бэра здѣсь пока еще не находитъ прямого приложенія. Но несомнѣнно, что Спенсеръ уже въ то время былъ вполнѣ убѣжденъ въ ея глубокомъ значеніи. Осенью того же 1852 г., въ которомъ вышла «Гипотеза развитія», Спенсеръ въ статьѣ о «Философіи слога» сознательно и открыто примѣняетъ эту теорію къ проблемѣ развитія рѣчи и письма. «Разнородность» въ смыслѣ Бэра,—заключаетъ онъ,—характерна для совершенствованія рѣчи въ той же степени, какъ она свойственна вообще высшимъ произведеніямъ природы и человѣческаго духа. Признакомъ высшаго развитія служитъ не состояніе однородности, а разнородность частей, составляющихъ данное явленіе (дифференціація) и въ то же время ихъ взаимная зависимость (интеграція). Законъ дифференцировки и интеграціи

Спенсеръ пытается ввести въ область *психической жизни*. Въ «Art of Education» онъ въ 1854 г. доказываетъ, что и *воспитаніе* подвержено общимъ законамъ эволюціи или развитія; оно должно итти шагъ за шагомъ, начиная съ простѣйшаго и кончая наиболѣе сложнымъ. Какъ всѣ другія явленія природы подлежатъ постепенному росту и усовершенствованію, такъ и *умъ* человѣка прогрессивно измѣняется въ смыслѣ перехода изъ состоянія однородности въ состояніе разнородности.

Вторая половина 1855 г. и весь 1856 г. обозначаютъ собою періодъ переутомленія, покоя и отдыха творческихъ силъ. Это явилось какъ бы реакціей послѣ того чрезмѣрнаго умственнаго напряженія, котораго потребовала обработка перваго изданія «Principles of Psychology». Но уже начало 1857 г. принесло съ собою новый подъемъ силъ, и въ теченіе этого одного года проблема о происхожденіи видовъ была доведена Спенсеромъ до той ея формы, къ которой ему впослѣдствіи (т.-е. послѣ обнародованія теоріи Дарвина) не осталось прибавить что-либо, съ его точки зрѣнія, существенно новое.

Необходимо было послѣ установленія въ общихъ чертахъ тѣхъ основныхъ началъ, отъ которыхъ зависитъ процессъ эволюціи органовъ, выяснить *сущность* этихъ началъ и ихъ біологическое значеніе.

Спенсеръ остановился прежде всего на дѣйствіи окружающихъ условій. Въ статьѣ о «законахъ и причинахъ прогресса», вышедшей въ апрѣлѣ 1857 г., онъ пытается показать, какой могущественный факторъ представляетъ изъ себя *среда* и какъ сильно и разносторонне отзываются ея условія на жизни животныхъ и растеній. Представимъ себѣ,—пишетъ Спенсеръ,—всѣ разнообразныя послѣдствія для фауны и флоры одного такого событія, какъ поднятіе земной коры, которое связало бы острова Остъиндскаго архипелага между собою и съ Австраліей въ одинъ общій материкъ: мѣста, бывшія прежде покрытыя болотами и водою, представятся сушею; болотныя растенія погибнутъ, и вмѣстѣ съ ними исчезнутъ всѣ животныя, которымъ они служили единственною пищею; измѣнятся также температура и климатъ; мѣстности, бывшія до тѣхъ поръ въ одинаковыхъ географическихъ условіяхъ, теперь будутъ рѣзко отличаться, такъ что близкія между собою животныя или растительныя породы сразу окажутся подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ условій, между тѣмъ какъ другія породы, которыя до этой катастрофы были отдѣлены другъ отъ друга цѣлыми океанами, непосредственно столкнутся между собою; травоядныя животныя внезапно окажутся въ сообществѣ опасныхъ хищниковъ: они вынуждены будутъ измѣнить свои привычки, чтобы успѣшно защищаться или спастись бѣгствомъ, и эти новыя привычки, въ свою очередь, отзовутся на структурѣ организма.

На такомъ конкретномъ примѣрѣ Спенсеръ поясняетъ т.-наз. *законъ усугубленія дѣйствій*, который говоритъ, что каждая сила влечетъ за

собою не одно измѣненіе, а цѣлую сумму измѣненій, каждая причина—совокупность дѣйствій. Ясно, что, благодаря этому закону, внѣшняя среда получаетъ глубокое значеніе въ процессѣ возникновенія новыхъ видовъ и породъ.

Но разъ внѣшнія условія непостоянны, организмы должны обладать особыми свойствами, въ силу которыхъ они могли бы приспособиться къ измѣненіямъ среды. Въ чемъ заключаются эти свойства? По какимъ законамъ совершается это непрерывное приспособленіе? И въ какомъ видѣ процессъ приспособленія отзывается на самомъ организмѣ?

По мнѣнію Спенсера, которое было высказано имъ въ томъ же 1857 г. въ статьѣ, носящей характерное заглавіе «The ultimate Laws of Physiology», частицы какой бы то ни было однородной органической матеріи относятся крайне различно къ воздѣйствію внѣшнихъ силъ, а потому это воздѣйствіе отражается на частицы въ весьма неодинаковой степени. Отсюда—естественное непостоянство частицъ однородныхъ веществъ. А это непостоянство, въ свою очередь, служитъ причиною ихъ крайне легкой *видоизмѣняемости подъ вліяніемъ внѣшнихъ воздѣйствій*. Способность къ видоизмѣненію — характерный признакъ органическихъ матерій и организмовъ. Видоизмѣняясь, организмы пріобрѣтаютъ способность существовать въ наступившихъ новыхъ условіяхъ. Подъ вліяніемъ воздѣйствій среды они претерпѣваютъ рядъ *функціональныхъ приспособленій*. И всѣ функціональныя приспособленія отличаются особымъ свойствомъ: они передаются, въ силу закона наслѣдственности, на потомковъ.

Спенсеръ уже тогда особенно ударялъ на фактѣ *наслѣдственности приспособленій*. Ему представлялось не подлежащимъ сомнѣнію, что, благодаря наслѣдственной передачѣ, эти приспособленія постепенно все болѣе *упрочиваются и усугубляются въ потомствѣ*, находящемся подъ дѣйствіемъ тѣхъ же жизненныхъ условій. Въ результатѣ же медленнаго, но постояннаго процесса приспособленія съ теченіемъ времени должны возникать все болѣе сложные и болѣе дифференцированные типы организмовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Спенсеръ въ то время уже вполнѣ ясно сознавалъ, что, на-ряду съ условіями среды, въ процессѣ происхожденія видовъ должны имѣть огромное значеніе тѣ начала дифференціаціи, на которыя указываютъ эмбріологическія открытія Вольфа и Бэра. Если, аргументируетъ Спенсеръ, присмотримся къ ходу развитія индивидуальнаго организма, то это развитіе, этотъ процессъ совершенствованія, которому организмъ подверженъ съ момента зачатія до наступленія взрослаго возраста, представляется какъ постепенный переходъ однородности его строенія въ состояніе разнородности. То же самое имѣетъ мѣсто въ жизни *всей* природы, въ совокупности всѣхъ жизненныхъ проявленій. Данныя палеонтологіи, на которыя при этомъ ссылается Спенсеръ, показываютъ, что нынѣ существующія животныя и растенія представляютъ бо̀льшую разнородность, чѣмъ фауна

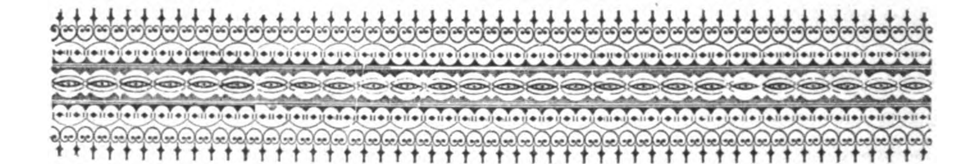
и флора прежнихъ геологическихъ эпохъ. Такъ, напр., среди позвоночныхъ мы первоначально находимъ рыбъ, какъ наиболѣе однородныхъ въ своемъ строеніи представителей этого типа организмовъ. Въ послѣдующія эпохи наступаетъ дифференцировка: появляются пресмыкающіяся, гады, птицы, наконецъ, млекопитающія. Чѣмъ позже организмы выступаютъ на арену эволюціи, тѣмъ разнороднѣе, сложнѣе становится ихъ строеніе. Это подтверждается также на млекопитающихъ: сумчатыя, какъ наиболѣе низкій типъ, старше всѣхъ остальныхъ въ своей генеалогіи; высшимъ, по своей организаціи, представителемъ млекопитающихъ является человѣкъ, который выступаетъ въ эволюціи позже всѣхъ прочихъ организмовъ.

Законъ дифференціаціи, какъ мы видѣли, признавался Спенсеромъ уже въ срединѣ 50-хъ годовъ, какъ одно изъ основныхъ началъ эволюціи органическихъ видовъ.

Но еще въ 1857 г., въ статьѣ о «трансцедептальной физіологіи», опубликованной въ октябрьскомъ выпускѣ «National Review», Спенсеръ существенно расширяетъ предѣлы дѣйствія дифференцирующаго начала, доказывая, что принципъ дифференціаціи въ эволюціи всегда идетъ рука объ руку съ принципомъ *интеграціи*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видѣ общей истины, онъ высказываетъ положеніе, что всякое состояніе однородности повсюду представляется одновременно, какъ состояніе *непостояннаго равновѣсія*. Это положеніе, которое впослѣдствіи сыграло столь многозначительную роль въ «Началахъ Біологіи», нашло опредѣленное отраженіе и сознательную оцѣнку уже въ ту сравнительно раннюю эпоху философіи Спенсера.

Не менѣе, чѣмъ за два года до обнародованія «Происхожденія видовъ», въ періодъ времени отъ 1852 до 1857 г., теорія эволюціи организмовъ, ихъ видовъ, породъ и разновидностей представлялась въ философіи Спенсера вполнѣ законченной и обоснованной по существу. Его мысли, изложенныя въ краткихъ журнальныхъ статьяхъ псевдонимнымъ авторомъ, тогда остались почти незамѣченными. Но уже въ то время теорія эволюціи въ философіи Спенсера обнимала собою всѣ тѣ начала и истины, которыя впослѣдствіи легли въ основу дарвинизма. «Естественный отборъ» въ 1859 г. не могъ быть большою неожиданностью для Спенсера, послѣ того, какъ та же мысль, въ иныхъ лишь выраженіяхъ, была выдвинута имъ еще въ срединѣ 50-хъ годовъ для *объясненія* загадки происхожденія видовъ. Впрочемъ, авторъ системы синтетической философіи всегда охотно и открыто признавалъ заслуги своего знаменитаго земляка, вполнѣ раздѣлявшаго его увѣренность во всеобъемлющемъ значеніи эволюціоннаго начала.

Г. Вейнбергъ.

Финны Финляндіи.

Въ настоящей статьѣ я намѣренъ вкратцѣ изложить результаты моихъ антропологическихъ изслѣдованій надъ финнами Финляндіи. Свои изслѣдованія я производилъ въ г. Выборгѣ и его окрестностяхъ. Рабочее населеніе, въ которомъ я, главнымъ образомъ, черпалъ свои наблюденія,— по большей части пришлое: тутъ собираются представители со всѣхъ концовъ Финляндіи — отъ Торнео до С.-Михеля.

Измѣрено мной 283 человѣка, а обработано только 250 человѣкъ (150 муж. и 100 жен.), въ возрастѣ отъ 20 до 50 лѣтъ; остальные 33 человѣка пришлось оставить въ цѣляхъ сохраненія однородности матеріала: тутъ были лица старше 50 и моложе 20 лѣтъ [1]).

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію антропологическаго матеріала, я считаю необходимымъ сказать, хотя бы нѣсколько словъ, о прошломъ обитателей Финляндіи. Древняя исторія финновъ принадлежитъ къ числу самыхъ трудныхъ этническихъ загадокъ, которую тщетно старались разгадать Ретціусъ, Кастренъ, Шёгренъ, Альквистъ, Европеусъ, Бэръ, Веске, Богдановъ и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта разгадка необходима: въ ней лежитъ отвѣтъ о прошломъ не только населенія Финляндіи, но и Россіи, а, можетъ-быть, даже всей Европы. Этому вопросу посвящена огромная литература. Въ настоящей статьѣ я не имѣю возможности останавливаться на ней подробно, а коснусь ея только постольку, поскольку это необходимо для нашихъ чисто-антропологическихъ цѣлей.

Являются ли финны коренными обитателями Суоми или они появились здѣсь позднѣе, уже въ историческую эпоху, и что собственно должно понимать подъ словомъ «финны», — вотъ вопросы, на которые необходимо прежде всего отвѣтить. Начнемъ съ послѣдняго вопроса: что должно понимать подъ словомъ «финны»? Этотъ вопросъ, который можетъ показаться съ перваго взгляда страннымъ, имѣетъ огромное значеніе. Въ немъ — главнѣйшія противорѣчія всей литературы о финнахъ. Одни авторы подъ этимъ

[1]) Этимъ обстоятельствомъ объясняется и нѣкоторая разница въ цифрахъ съ моимъ предварительнымъ подсчетомъ, опубликованнымъ въ изслѣдованіи *А. А. Ивановскаго*: „Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи“.

словомъ подразумѣваютъ «собственно финновъ» или западныхъ финновъ, жителей Финляндіи, другіе этимъ именемъ обозначаютъ финскую семью народовъ, финское племя, чаще называемое «финно-угорскимъ». Ясно, какъ различны должны быть выводы въ томъ и другомъ случаѣ, особенно если принять во вниманіе, что и понятіе «финно-угры», въ свою очередь, крайне неопредѣленное. «Семейство финское, — говоритъ проф. Богдановъ, — заключаетъ въ себѣ народы съ самыми противоположными краніологическими свойствами: здѣсь встрѣчаемъ мы и короткоголовыхъ, и длинноголовыхъ... Не составляетъ ли, — спрашиваетъ онъ, — семейство финское смѣси различныхъ племенъ, имѣющихъ различное происхожденіе и слившихся только въ бытовомъ и этническомъ отношеніи?»

Какіе же народы входятъ въ составъ этой финно-угорской семьи? Есть нѣсколько классификацій: Гартмана, Ф. Мюллера, Оск. Пешеля, Кастрена, Бэра и др. Наиболѣе полными и близкими другъ къ другу являются двѣ послѣднія — Кастрена и Бэра.

По Кастрену:

Финское семейство:
- I Угорскіе финны . .
  - a. Остяки.
  - b. Вогулы.
  - c. Венгерцы.
- II Волжскіе финны . .
  - a. Черемисы.
  - b. Мордва.
- III Пермская вѣтвь . .
  - a. Пермяки.
  - b. Зыряне.
  - c. Вотяки.
- IV Финская вѣтвь . .
  - a. Карелы.
  - b. Емь.
  - c. Вотъ.
  - d. Эсты и ливы.

По Бэру «финское семейство» раздѣляется:

- I Западные финскіе народы.
  - 1. Лопари.
  - 2. Финны.
    - a. Емь.
    - b. Карелы.
    - c. Ижорцы.
  - 3. Воть.
  - 4. Эсты.
  - 5. Ливы.
- II Восточные финны.
  - 1. Зыряне.
  - 2. Пермяки.
  - 3. Вотяки.
  - 4. Вогулы.
  - 5. Остяки.
- III Волжскіе финны.
  - 1. Мордва.
  - 2. Черемисы.
  - 3. Чуваши.
  - 4. Венгры.

Одного взгляда на эти таблицы достаточно, чтобы видѣть, какъ осторожно слѣдуетъ обращаться съ этой группой и какъ необходимъ самый серьезный пересмотръ ея.

Насколько мнѣ извѣстно, только одинъ Retzius считалъ финновъ аборигенами Европы; всѣ другіе авторы согласно утверждаютъ, что это — пришлый элементъ; разногласія только въ томъ, откуда они появились, гдѣ и когда поселились и въ какихъ отношеніяхъ были къ другимъ племенамъ, населявшимъ Восточную Европу.

Кастренъ искалъ прародину «финскихъ народовъ» у подножій Алтая. «Финскіе языки, — писалъ онъ въ письмѣ къ Европеусу, — болѣе или менѣе сродни съ языками всѣхъ народовъ, живущихъ въ Алтайскихъ горахъ или отсюда вышедшихъ. Изъ этого сродства языковъ можно вывести положительное заключеніе, что финны нѣкогда жили на Алтаѣ». То же говоритъ и В. Н. Майновъ: «По даннымъ языка, а также и по находкамъ, сдѣланнымъ въ разное время въ курганахъ чудскихъ и могильникахъ, видно, что было время, когда всѣ нынѣшніе финны жили гдѣ-то у подошвы Алтая». Ратцель говоритъ, что «въ области средней Оби и Барабинской степи слѣдуетъ изъ лингвистическихъ соображеній искать первичную родину мадьяръ». Путь, которымъ шли финскіе народы изъ Азіи въ Европу, по этимъ авторамъ, лежалъ черезъ Уралъ, вѣрнѣе всего въ его сѣверной части, а оттуда уже «финно-угры» разбрелись по всей Восточной Европѣ (и, можетъ быть, даже до самыхъ Альпъ), пока не были разъединены и оттѣснены новыми пришельцами — славянами. Другого взгляда держится Европеусъ. Считая утвержденіе Альквиста о томъ, что «происхожденіе финновъ и всего финско-венгерскаго племени изъ Алтая есть аксіома», ошибочнымъ, онъ думаетъ, что «скорѣе можно полагать, что предки финско-венгерскаго племени пришли на сѣверъ черезъ среднюю и западную Европу или, вѣрнѣе, черезъ Турцію, Италію, Францію, сѣверную Германію и Скандинавію». Въ основѣ утвержденія Европеуса лежитъ взглядъ его о долихоцефаліи финскихъ череповъ, находки которыхъ были встрѣчаемы около Босфора, во Франціи, Бельгіи, Помераніи и южной части Швеціи. Главная мысль, которую старается доказать авторъ, та, что «на великомъ пространствѣ русско-финско-скандинавскаго сѣвера нѣкогда господствовало сильное племя угровъ, и что не финны были вытѣснены русскими изъ средней и сѣверной Россіи, но венгры добровольно переселились оттуда въ Паннонію, чтобы овладѣть наслѣдствомъ короля Аттилы, прадѣда Альмуса, главнаго ихъ воеводы на походѣ съ сѣвера». Примиряющимъ въ этомъ отношеніи будетъ мнѣніе проф. Ключевскаго, который говоритъ, что «взаимное отношеніе славянъ и финновъ не оставило памятниковъ ни завоевательныхъ нашествій, ни оборонительныхъ возстаній. Славянскіе переселенцы не вторгались въ край финновъ крупными массами, а какъ-бы просачивались тонкими струями, занимая обширныя пространства, какія оставались между разбросанными финскими поселками».

Какъ бы то ни было, очевидно, что уже въ IV в., а не въ VI, какъ думаетъ большинство авторовъ, финскіе народы населяли Восточную Европу, по крайней мѣрѣ ея сѣверъ, и были въ числѣ другихъ народовъ покорены готами. Затѣмъ они были постепенно оттѣсняемы славянами на западъ въ мѣста своего теперешняго обитанія, куда они пришли около конца VII-го или начала VIII-го столѣтія[1]).

Была ли уже населена страна — нынѣшняя Финляндія — до прибытія туда настоящихъ своихъ обитателей? На основаніи многихъ данныхъ приходится отвѣчать утвердительно. Во всякомъ случаѣ только населеніе здѣсь появилось позднѣе эпохи полированнаго камня, такъ какъ до этой эпохи, по словамъ Реклю, «страны, извѣстныя подъ именемъ Финляндіи, были необитаемы по причинѣ повсемѣстнаго распространенія льдовъ». Кто же были предшественниками финновъ? Точныхъ указаній на это нѣтъ; большинство авторовъ ограничивается указаніемъ на то, что это были не лопари, не финны, не скандинавы, не славяне... Было бы ошибочно думать, что тогда, въ моментъ перваго заселенія Финляндіи, существовалъ финскій народъ — финны — въ современномъ значеніи этого слова. Это были маленькія народности, чуждыя и враждебныя другъ другу. Появлялись они, повидимому, небольшими группами и притомъ въ извѣстной послѣдовательности. Первыми пришли лопари. Какъ широко было разселеніе и вліяніе лопарей, — опять вопросъ, о которомъ можно много спорить. Одни говорятъ, что они занимали только сѣверную Финляндію; другіе — что лопари были распространены по всей Финляндіи, но только оставались тамъ очень недолго; третьи, какъ, напр., Штейндаль, думаютъ, что лопари занимали нѣкогда всю сѣверную Европу до самыхъ Альпъ, но что это были другіе, не нынѣшніе лопари, которыхъ, согласно Вирхову, должно считать деградированнымъ племенемъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ физическихъ условій. За лопарями пришли емь, карелы, воть, эсты и др. Враждуя между собой, эти народности поддерживали сношенія больше съ иноземцами, чѣмъ другъ съ другомъ. Среди этихъ иноземныхъ вліяній прежде всего должно отмѣтить скандинавское вліяніе, которое должно быть отнесено, по словамъ Реклю, къ очень раннимъ періодамъ; затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о германскомъ вліяніи, которое нѣкоторые авторы считаютъ очень значительнымъ. Вотъ что, напр., говоритъ Ратцель: «Большое число древнихъ германскихъ словъ, заимствованныхъ финскимъ языкомъ, свидѣтельствуетъ, что было такое время, когда, задолго до соприкосновенія со шведами, финны подверглись вліянію финскихъ сосѣдей». Позднѣе начинается вліяніе шведовъ и славянъ, — вліяніе, поддерживаемое, главнымъ образомъ, опустошительными войнами.

[1]) Подъ словомъ „финны“ я разумѣю здѣсь, конечно, западныхъ финновъ нынѣшнихъ обитателей Финляндіи.

Эти войны, общность враговъ и другія историческія событія постепенно сближали различныя группы финскаго народа, пока, наконецъ, въ 1323 г., вмѣстѣ съ установленіемъ политическихъ границъ, не была провозглашена единая финская народность, единая, конечно, только въ политическомъ смыслѣ. На самомъ дѣлѣ сліяніе шло очень медленно, — такъ еще въ XVI ст. таваcты не разъ дѣлали опустошительные набѣги на земли кареловъ, которые, конечно, отвѣчали тѣмъ-же. Время дѣлало свое дѣло. Мало-по-малу вражда остывала, различія сглаживались. Но слѣды смѣшаннаго состава сохранились и понынѣ. Единая въ политическомъ смыслѣ финская народность состоитъ изъ нѣсколькихъ группъ: тавастовъ, кареловъ, саволаксовъ, эстероботнійцевъ и мн. др. Чаще всего финновъ раздѣляютъ только на тавастовъ и кареловъ, считая остальныя группы за продукты смѣшенія. Такъ, Гартманъ считаетъ саволаксовъ помѣсью тавастовъ и кареловъ, съ преобладаніемъ послѣднихъ; Г. Ретціусъ считаетъ саволаксовъ помѣсью кареловъ съ русскими и т. д. Если прибавить значительный процентъ шведовъ, нѣмцевъ и русскихъ, вѣковое общеніе съ которыми не могло не оставить замѣтныхъ слѣдовъ, будетъ ясно, что современное населеніе Финляндіи представляетъ довольно сложную смѣсь, состоящую изъ нѣсколькихъ родственныхъ и чуждыхъ народностей. Границы распространенія тавастовъ и кареловъ точно не опредѣлены. Въ общихъ чертахъ ихъ можно намѣтить такъ: тавасты занимаютъ западную часть Финляндіи, главнымъ образомъ, бассейнъ Нейпе, именно юго-западную часть Вазасской губ., всю Або-Бьернборгскую, Тавастгусскую и Нюландскую; карелы занимаютъ, главнымъ образомъ, бассейны Ладоги и Саймы, а также сосѣднія губ. Архангельскую, Олонецкую и Новгородскую.

По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, населеніе Финляндіи подраздѣляется такимъ образомъ:

Финновъ (тавасты и карелы) . .	2,169,000.
Шведовъ чистыхъ.	341,500.
Русскихъ „	7,000.
Нѣмцевъ „	1,790.
Лапландцевъ „	1,150.
Цыганъ „	1,551.

Всего два съ половиной милліона человѣкъ.

При антропологической характеристикѣ финновъ необходимо считаться со всѣми вышеизложенными вліяніями, подъ которыми создалась финская народность. Особенно нужно быть осмотрительнымъ при раздѣленіи финновъ на составныя группы. Пока не будутъ изучены болѣе или менѣе полно всѣ народности, входящія въ составъ «финновъ», такое раздѣленіе всегда будетъ произвольнымъ. Очень нужно быть осторожнымъ и при раздѣленіи на тавастовъ и кареловъ, разница между которыми, по общему признанію,

скорѣе психическаго, чѣмъ физическаго свойства, тѣмъ болѣе, что основаніемъ для раздѣленія служитъ только указаніе на мѣсто жительства субъекта. При шаткости границъ между тавастами и карелами едва ли это можетъ быть очень убѣдительнымъ.

Чтобы избѣжать указанныхъ недостатковъ, я буду свой антропометрическій матеріалъ разсматривать параллельно въ двухъ направленіяхъ. Въ виду смѣшаннаго состава (по губерніямъ) моихъ наблюденій, сначала я буду говорить о финнахъ вообще, а потомъ, въ видѣ провѣрочнаго опыта, буду разбивать на тавастовъ и кареловъ, чтобы опредѣлить, насколько эти группы являются обособленными и насколько онѣ вліяютъ на антропологическую характеристику финновъ вообще, при чемъ, при раздѣленіи на тавастовъ и кареловъ, я принужденъ руководствоваться тѣми же шаткими данными о распредѣленіи по губерніямъ, правда, провѣренными опросомъ, насколько это было для меня возможнымъ по условіямъ работы. Къ сожалѣнію, число измѣренныхъ тавастовъ и кареловъ у меня не одинаково: первыхъ — 50 муж. и 38 жен., вторыхъ — 100 муж. и 62 жен.

Начнемъ съ описательныхъ признаковъ; именно разсмотримъ цвѣтъ волосъ и глазъ. Какъ расположились мои наблюденія по **цвѣту волосъ**, видно изъ табл. 1-ой: у мужчинъ — 39% свѣтлыхъ волосъ и 61% темныхъ, при чемъ наибольшее число наблюденій падаетъ на цвѣтъ темно-

Табл. 1.

	Финны.				Карелы.				Тавасты.			
	муж.		жен.		муж.		жен.		муж.		жен.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Бѣлокурый . .	12	8,00	11	11,00	8	8,00	5	8,06	4	8,00	6	15,78
Свѣтло-русый .	40	26,67	29	29,00	25	25,00	17	27,42	15	30,00	12	31,56
Рыжій	7	4,66	—	—	2	2,00	—	—	5	10,00	—	—
Темно-русый .	63	42,00	47	47,00	43	43,00	32	51,61	20	40,00	15	39,48
Черный. . . .	28	18,67	13	13,00	22	22,00	8	12,90	6	12,00	5	13,16
Свѣтлый . . .	59	39,33	40	40,00	35	35,00	22	35,48	24	48,00	18	47,36
Темный. . . .	91	60,67	60	60,00	65	65,00	40	64,52	26	52,00	20	52,64

русый, именно 42%, настоящихъ бѣлокурыхъ — 8%, черноволосыхъ — 18% и свѣтло-русыхъ — 27%. У женщинъ на свѣтлые волоса падаетъ 40%, на темные — 60%; слѣдуетъ отмѣтить еще присутствіе у мужчинъ 5% рыжихъ волосъ, которые совершенно отсутствуютъ у женщинъ.

Переходя къ разсмотрѣнію **цвѣта глазъ**, я долженъ оговориться, что цвѣтъ глазъ отмѣчался мной нѣсколько отлично отъ инструкціи Антропологическаго Отдѣла Общ. Люб. Ест., Антр. и Этногр., именно, въ виду обилія у финновъ синихъ глазъ различныхъ оттѣнковъ, я ввелъ рубрики «свѣтло-синихъ» и «темно-синихъ» глазъ, изъ которыхъ первые отнесъ

къ свѣтлому типу, а вторые, сопровождаемые почти всегда темнымъ цвѣтомъ волосъ, — къ темному типу. Изъ табл. 2-ой видно, что у мужчинъ наибольшій $^0/_0$ наблюденій падаетъ на свѣтло-синіе глаза (31$^0/_0$), затѣмъ слѣдуютъ темно-синіе (23$^0/_0$), т.-е. синій цвѣтъ даетъ всего 54$^0/_0$. Необхо-

Табл. 2.

	Финны.				Карелы.				Тавасты.			
	муж.		жен.		муж.		жен.		муж.		жен.	
	Абс.	$^0/_0$	Абс.	$^0/_0$	Абс.	$^0/_0$	Абс.	$^0/_0$	Абс.	$^0/_0$	Абс.	$^0/_0$
Голубые . . .	26	17,33	23	23,00	16	16,00	11	17,74	10	20,00	12	31,57
Свѣтло-синіе .	47	31,33	14	14,00	29	29,00	10	16.12	18	36.00	4	10,52
Сѣрые	21	14,00	25	25,00	14	14,00	17	27,42	7	14,00	8	21,05
Зеленые . . .	4	2,66	3	3,00	2	2,00	1	1,61	2	4,00	2	5,26
Темно-синіе . .	34	22,67	22	22,00	24	24,00	13	20,96	10	20,00	9	23,68
Свѣтло-каріе .	9	6,00	5	5,00	7	7,00	4	6,45	2	4,00	1	2,63
Темно-каріе . .	9	6,00	6	6,00	8	8,00	4	6,45	1	2,00	2	5,26
Черные	—	—	2	2,00	—	—	2	3,22	—	—	—	—
Свѣтлые . . .	98	65,33	65	65,00	61	61,00	39	62,90	37	74,00	26	68,42
Темные	52	34,67	35	35,00	39	39,00	23	37,09	13	26,00	12	31,57

димо отмѣтить присутствіе (3$^0/_0$) зеленыхъ глазъ и полное отсутствіе черныхъ. При дѣленіи на основныя группы имѣемъ 65$^0/_0$ свѣтлыхъ глазъ и 35$^0/_0$ темныхъ. У женщинъ наибольшій $^0/_0$ даютъ сѣрые глаза (25$^0/_0$), голубые — 23$^0/_0$, а синіе — только 14$^0/_0$; есть чисто-черные глаза (2$^0/_0$); всего — 65$^0/_0$ свѣтлыхъ и 35$^0/_0$ темныхъ глазъ.

По типамъ цвѣтности мои наблюденія расположатся такъ (табл. 3):

Табл. 3.

		Абсолют. числа.				Проценты.		
		Число наб.	Свѣтлый.	Темный.	Смѣшан.	Свѣтлый.	Темный.	Смѣшан.
Финны.	Муж.	150	58	51	41	38,67	34,00	27,33
	Жен.	100	35	32	33	35,00	32,00	33,00
Карелы.	Муж.	100	34	38	28	34,00	38,00	28,00
	Жен.	62	19	22	21	30,65	35,48	33,87
Тавасты.	Муж.	50	24	13	13	48,00	26,00	26,00
	Жен.	38	16	10	12	42,10	26,33	31,57

И у мужчинъ, и у женщинъ наибольшее число наблюденій падаетъ на свѣтлый типъ — 39$^0/_0$ у муж. и 35$^0/_0$ у жен.; темный типъ даетъ 34$^0/_0$ у муж. и 32$^0/_0$ у жен.; смѣшанный — 27$^0/_0$ у муж. и 33$^0/_0$ у жен., т.-е. у мужчинъ темный типъ нѣсколько преобладаетъ надъ смѣшаннымъ, а у

женщинъ онъ на 1°/₀ меньше смѣшаннаго, что указываетъ на склонность женщинъ къ болѣе свѣтлому типу. Но въ общемъ цифры отдѣльныхъ типовъ очень близки между собой, и установить доминирующее вліяніе того или другого типа очень трудно. Конечно, нѣкоторый перевѣсъ свѣтлаго типа даетъ право думать о вліяніи свѣтлыхъ оттѣнковъ, но въ то же время должно констатировать почти одинаковое вліяніе и темныхъ элементовъ и значительный °/₀ смѣшенія того и другого. Все это ясно указываетъ на смѣшанный характеръ современнаго населенія Финляндіи. Теперь отмѣтимъ еще присутствіе рыжеволосаго типа. Какъ упоминалось, рыжій цвѣтъ волосъ даетъ 5°/₀ наблюденій, — процентъ не настолько ничтожный, чтобы его можно было не замѣтить, тѣмъ болѣе, что на этотъ фактъ не разъ обращалось вниманіе. Рыжій цвѣтъ волосъ, сопровождаемый зелеными глазами, служитъ, по Топинару, признакомъ древней расы, простиравшейся съ дальняго востока до береговъ Рейна. Кромѣ того, есть указанія, что за Алтаемъ жили въ древнія времена народы, отличавшіеся рыжими волосами и зелеными глазами, и что эти народы встрѣчались потомъ въ восточной и западной Европѣ. Д-ръ Елисѣевъ также отмѣчаетъ этотъ фактъ для финновъ и указываетъ, что этотъ рыжеволосый типъ часто встрѣчается между скандинавами-нѣмцами и русскими. Много рыжеволосыхъ также среди вотяковъ и зырянъ Архангельской губ.

Прежде чѣмъ опредѣлять, какой изъ составныхъ группъ финскаго народа болѣе присущъ этотъ типъ, разсмотримъ цвѣтность тавастовъ и кареловъ вообще. Изъ табл. 1-ой видно, что у кареловъ-мужчинъ наибольшій °/₀ наблюденій (43°/₀) падаетъ на темнорусый цвѣтъ волосъ, на свѣтлорусый — 25°/₀, на черный — 22°/₀ и бѣлокурый — 8°/₀, — ясное преобладаніе темныхъ оттѣнковъ, именно 35°/₀ свѣтлаго и 65°/₀ темнаго. Отмѣтимъ еще 2°/₀ рыжихъ волосъ. У женщинъ тоже преобладаніе темнаго цвѣта: 35°/₀ свѣтлаго и 64,5°/₀ темнаго. У тавастовъ-мужчинъ наибольшій °/₀ наблюденій также падаетъ на темно-русый цвѣтъ (40°/₀), при незначительномъ °/₀ крайнихъ цвѣтовъ: бѣлокураго — 8°/₀, чернаго — 12°/₀. Но здѣсь довольно значителенъ °/₀ волосъ свѣтло-русыхъ (30°/₀) и рыжихъ (10°/₀). При основномъ подраздѣленіи имѣемъ 47°/₀ свѣтлыхъ и 52°/₀ темныхъ волосъ, у женщинъ — 47°/₀ свѣтлыхъ, 53°/₀ темныхъ волосъ. Слѣдовательно, тавасты, какъ мужчины, такъ и женщины, имѣютъ въ своей средѣ значительно большее число свѣтловолосыхъ, нежели карелы. Табл. 2-ая даетъ представленіе о цвѣтѣ глазъ. У кареловъ-мужчинъ наибольшее число наблюденій падаетъ на цвѣта свѣтло-синій (29°/₀) и темно-синій (24°/₀), а всего 61°/₀ свѣтлыхъ и 39°/₀ темныхъ глазъ. Кромѣ того, разсматривая эту таблицу, легко замѣтить, что и эти 39°/₀ темнаго цвѣта далеко не являются «темными» въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ состоятъ изъ 24°/₀ темно-синихъ глазъ, 7°/₀ свѣтло-карихъ, и только 8°/₀ принадлежатъ темно-каримъ глазамъ; черные отсутствуютъ совершенно. У женщинъ наибольшій °/₀

2*

наблюденій дали сѣрые глаза (24%) и темно-синіе (21%), — преобладаетъ также свѣтлый типъ—63% при 37% темнаго. У таваcтовъ-мужчинъ такъ же, какъ и у кареловъ, наибольшій % наблюденій даютъ свѣтло-синіе глаза (36%), а темно-синіе даютъ одинаковое число наблюденій съ голубыми глазами (20%), а не превосходятъ послѣдніе, какъ это мы видѣли у кареловъ, гдѣ на 24% темно-синихъ только 16% голубыхъ глазъ. Вообще темные цвѣта у тавастовъ выражены слабо: свѣтло-карихъ — 4%, темно-карихъ — 2%, черныхъ нѣтъ совсѣмъ. При группировкѣ на основные цвѣта имѣемъ 74% свѣтлыхъ и 26% темныхъ глазъ. У женщинъ наибольшее число наблюденій падаетъ на голубые глаза (31,5%), сѣрые же даютъ только 21%, всего — 68% свѣтлыхъ и 32% темныхъ глазъ.

По типамъ цвѣтности картина такова (табл. 3): у карелъ-мужчинъ свѣтлаго типа — 34%, темнаго — 38% и смѣшаннаго — 28%; у женщинъ свѣтлаго—31%, темнаго—32% и смѣшаннаго — 37%. У тавастовъ-мужчинъ свѣтлаго — 48%, темнаго и смѣшаннаго по 26%; у женщинъ свѣтлаго — 42, темнаго — 31,5% и смѣшаннаго — 26%, т.-е. тавасты, какъ мужчины, такъ и женщины, оказываются значительно свѣтлѣе кареловъ. Теперь нѣсколько словъ о рыжеволосомъ типѣ. Какъ мы уже видѣли, рыжихъ волосъ у карелъ 2%, а у тавастовъ — 10%, зеленыхъ глазъ у карелъ — 2%, у тавастовъ—4%. Очевидно, что рыжеволосымъ типомъ болѣе богаты тавасты. Какъ же разсматривать этотъ типъ? Какъ примѣсь чуждаго рыжеволосаго элемента къ бѣлокурому, какъ типичному для финновъ? Или считать его вообще присущимъ нѣкоторымъ народамъ финно-угорской группы и въ частности тавастамъ? Для окончательнаго рѣшенія въ ту или другую сторону у насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ, но нѣтъ ничего невѣроятнаго, что этотъ типъ присущъ финно-угорскимъ народамъ, и что тавасты сумѣли сохранить его во время всего своего огромнаго пути отъ подножій Алтая до береговъ Финскаго залива.

Теперь посмотримъ, насколько мои данныя о типахъ цвѣтности совпадаютъ съ данными о финнахъ другихъ авторовъ, а также насколько близки мои финны съ другими народами финно-угорской семьи.

Большинство авторовъ относитъ финновъ къ т. наз. «бѣлокурой расѣ», хотя всѣ согласно указываютъ на значительную примѣсь темныхъ элементовъ. Что касается характеристикъ — отдѣльно — кареловъ и тавастовъ, то онѣ сводятся болѣе или менѣе къ слѣдующимъ: тавасты — ядро народнаго типа — имѣютъ синіе глаза, — отъ блѣдно-голубого до темно-синяго и свѣтлорусые или льняные волосы; карелы имѣютъ сѣровато-синіе или каріе глаза и темно-русые волосы. Обращаясь къ цифрамъ, мы найдемъ большее разнообразіе. Такъ, д-ръ Елисѣевъ считаетъ финновъ болѣе свѣтловолосыми. По его изслѣдованіямъ, свѣтлые волосы даютъ 92%, а темные — только 8%. Но его цифры едва ли можно считать вѣрными, тѣмъ болѣе, что онъ самъ оговаривается, что его цифра темноволосаго типа скорѣе мала, чѣмъ

велика. При группировкѣ по типамъ цвѣтности Елисѣевъ даетъ такія цифры: свѣтлаго — 87,5%, темнаго — 12,5%. Также значительно свѣтлѣе оказываются финны-тавасты Ретціуса: у нихъ — 88% свѣтлаго типа, 8% смѣшаннаго и 4% темнаго. При сравненіи съ другими народностями финно-угорской семьи, мои финны ближе всего подходятъ къ вогуламъ (46% св., 31% смѣш., 23% тем.) и вотякамъ (31% св., 42 см. и 27 тем.) Маліева и лопарямъ Кельсіева (35% св., 52 см., 13 тем.). Только у этихъ народовъ въ сравненіи съ моими финнами очень значителенъ % смѣшаннаго типа. Зыряне, мордва, ливы, остяки, башкиры, пермяки, самоѣды, черемисы, чуваши, эсты — всѣ слишкомъ темны въ сравненіи съ финнами, которые, такимъ образомъ, стоятъ довольно одиноко въ этой родственной семьѣ. Больше общаго у нихъ съ восточными сосѣдями — славянами. Мои финны очень близки къ бѣлоруссамъ Рождественскаго (40, 37, 23), великоруссамъ Тверской губ. Галая (40, 32, 28), малоруссамъ Черниговской губ. Бѣлодѣда (36, 42, 22). [1]) Изъ этого сравненія видно, что какъ финны, такъ и ихъ сосѣди не даютъ въ настоящее время рѣзкихъ различій въ типахъ цвѣтности. Но есть основаніе предполагать, что у всѣхъ у нихъ темная окраска есть уже вторичный признакъ, чуждый имъ, что можно заключить по огромному преобладанію у всѣхъ этихъ народовъ свѣтлыхъ глазъ надъ темными волосами. Откуда взялся этотъ темный элементъ, какому народу принадлежалъ онъ, — сказать трудно. Можетъ быть, это былъ аборигенный народъ Вост. Европы, вліяніе котораго и сказалось и на финнахъ, и на славянахъ.

Разсматривать зависимость цвѣтности отъ возраста я не буду. Она представлена на табл. 4-й. Изъ этой таблицы видно, что въ каждомъ типѣ

Табл. 4.

Возрастъ.	Мужчины.						Женщины.					
	Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.		Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
20 — 25	15	25,86	10	19,60	6	14,63	15	42,85	10	31,25	8	24,25
26 — 30	8	13,79	8	15,69	6	14,63	5	14,29	6	18,75	4	12,12
31 — 35	7	12,07	7	13,73	7	17,08	6	17,15	4	12,50	1	3,03
36 — 40	6	10,35	7	13,73	8	19,51	3	8,57	2	6,25	5	15,15
41 — 45	7	12,07	13	25,49	10	24,39	3	8,57	6	18,75	11	33,33
46 — 50	15	25,86	6	11,76	4	9,76	3	8,57	4	12,50	4	12,12
	58		51		41		35		32		33	

колебанія слишкомъ значительны, чтобы установить какую-нибудь правильную зависимость.

[1]) Всѣ цифровыя данныя заимствованы мною изъ труда *А. А. Ивановскаго:* „Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи“.

Переходя къ измѣрительнымъ признакамъ, начнемъ съ роста. Средній ростъ муж.—1666 mm., при амплитудѣ въ 275 mm. (между 1550 и 1825), которая составляетъ 15% максимальной величины и 16,5% средняго роста. На табл. 5-й ростъ расположенъ по нормамъ Брока. Низкій

Табл. 5.

		Число набл.	Minimum.	Maximum.	Разность.	Средняя.	Абсолют. чис.						Проценты.					
							Малый.	Н.-средн.	В.-средн.	Высокій.	Низкій.	Высокій.	Малый.	Н.-средн.	В.-средн.	Высокій.	Низкій.	Высокій.
Финны.	Муж.	150	1550	1825	275	1665,7	21	40	47	42	61	89	14,00	26,67	31,33	28,00	40,67	59,33
	Жен.	100	1440	1625	225	1544,9	—	44	35	21	44	56	—	44,00	35,00	21,00	44,00	56,00
Карелы.	Муж.	100	1550	1825	275	1657,94	19	28	29	24	47	53	19,00	28,00	29,00	24,00	47,00	53,00
	Жен.	62	1440	1665	225	1547,72	—	27	22	13	27	35	—	43,55	35,48	20,97	43,55	56,45
Тавасты.	Муж.	50	1570	1820	250	1681,54	2	12	18	18	14	36	4,00	24,00	36,00	36,00	28,00	72,00
	Жен.	38	1450	1630	180	1540,50	—	17	13	8	17	21	—	44,74	34,21	21,05	44,74	55,26

ростъ даетъ 41%, высокій — 59%. Средній ростъ женщинъ — 1545 mm., при min. 1440 и max. 1665; слѣд., разность = 225 mm., т.-е. 14% средняго роста. На низкій ростъ [1] падаетъ 44%, на высокій — 56%. Средній ростъ карелъ-муж. — 1558 mm., при амплитудѣ колебаній въ 275 mm. Малый ростъ даетъ 47%, высокій — 53%. У женщинъ средній ростъ — 1548 mm., при разности въ 222 mm. Низкій ростъ даетъ 43,5%, высокій—56%. У тавастовъ-муж. средній ростъ—1681,5 mm., при колебаніи въ 250 mm. Низкій ростъ даетъ 28%, высокій — 72%. Сравнивая эти послѣднія цифры съ данными, найденными для кареловъ, видимъ, что тавасты-муж. значительно высокорослѣе: ихъ средняя роста превосходитъ среднюю кареловъ на 23 mm. У жен.-тавастокъ средній ростъ — 1540,5 mm., при амплитудѣ колебанія въ 180 mm.; на низкій ростъ падаетъ 45%, на высокій — 55%. Сравнивая съ ростомъ карельскихъ женщинъ, видно, что онѣ нѣсколько превосходятъ тавастокъ. Средняя этихъ послѣднихъ уступаетъ на 7,5 mm. Разсматривать подробно, изъ какихъ индивидуальныхъ величинъ сложились наши среднія, я не буду. Видѣть это можно изъ табл. 6-й (для мужчинъ) и 7-й (для женщинъ), гдѣ всѣ величины роста расположены въ ряды съ интервалами въ 10, 20 и 40 mm.

[1]) Ростъ женщинъ я считалъ: малый—до 1400 mm., ниже средняго—1401—1530, выше средняго—1531—1580 и высокій—1581 и бол.

Табл. 6.

	Ряды черезъ 10 mm.		Ряды черезъ 20 mm.		Ряды черезъ 40 mm.	
	Абс.	%	Абс	%	Абс.	%
1550 — 1560	6	4,00				
1561 — 1570	3	2,00	9	6,00	14	9,34
1571 — 1580	1	0,66				
1581 — 1590	4	2,66	5	3,34		
1591 — 1600	7	4,66				
1601 — 1610	9	6,00	16	10,67	34	22,67
1611 — 1620	10	6,66				
1621 — 1630	8	5,33	18	12,00		
1631 — 1640	7	4,66				
1641 — 1650	6	4,00	13	8,67	33	21,00
1651 — 1660	14	9,33				
1661 — 1670	6	4,00	20	13,33		
1671 — 1680	12	8,00				
1681 — 1690	11	7,33	23	15,33	34	22,67
1691 — 1700	4	2,66				
1701 — 1710	7	4,66	11	7,34		
1711 — 1720	11	7,33				
1721 — 1730	6	4,00	17	11,33	28	18,76
1731 — 1740	6	4,00				
1741 — 1750	5	3,33	11	7,33		
1751 — 1760	1	0,66				
1761 — 1770	3	2,00	4	2,67	4	2,67
1771 — 1780	—	—				
1781 — 1790	—	—	—	—		
1791 — 1800	1	0,66				
1801 — 1810	—	—	1	—	3	2,00
1811 — 1820	1	0,66				
1821 — 1825	1	0,66	2	1,34		

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію зависимости роста отъ цвѣтности. У мужчинъ средняя ариѳметическая для свѣтлаго типа — 1672, для темнаго — 1662 и для смѣшаннаго — 1661 mm. Слѣдовательно, самыми высокорослыми являются представители свѣтлаго типа, затѣмъ идутъ — темнаго и, наконецъ, смѣшаннаго. Еще убѣдительнѣе это доказываетъ намъ табл. 8-я, гдѣ по цвѣтности разсматривается ростъ, разбитый по нормамъ Брока. Тутъ легко видѣть, какъ въ свѣтломъ типѣ постепенно увеличивается % наблюденій отъ малаго роста (12%) къ высокому (31%), тогда какъ въ двухъ другихъ типахъ наибольшій % наблюденій даетъ ростъ выше средняго. У женщинъ картина нѣсколько иная: самымъ высокимъ ростомъ обладаетъ темный типъ (средн. ариѳм. — 1553 mm.), затѣмъ идетъ свѣтлый (1548) и, наконецъ, смѣшанный (1534). Всѣ эти среднія для отдѣльныхъ типовъ цвѣтности отстоятъ очень недалеко отъ средняго роста, который, какъ уже говорилось, равняется 1545 mm. Разбирать индивидуальныя колебанія роста по цвѣтности въ этой краткой статьѣ я также не имѣю возможности; перейдемъ прямо къ тавастамъ и кареламъ. Нагляд-

Табл. 7.

	Ряды чрезъ 10 mm.		Ряды чрезъ 20 mm.		Ряды чрезъ 40 mm.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1440—1450	3	3.00	4	4.00		
1451—1460	1	1.00			12	12 00
1461—1470	4	4.00	8	8.00		
1471—1480	4	4.00				
1481—1490	5	5.00	10	10.00		
1491—1500	5	5.00			28	28.00
1501—1510	6	6.00	18	18.00		
1511—1520	12	12.00				
1521—1530	4	4.00	8	8.00		
1531—1540	4	4.00			23	23.00
1541—1550	10	10.00	15	15.00		
1551—1560	5	5.00				
1561—1570	13	13.00	16	16.00		
1571—1580	3	3.00			20	20.00
1581—1590	3	3.00	4	4.00		
1591—1600	1	1.00				
1601—1610	7	7.00	10	10.00		
1611—1620	3	3.00			13	13.00
1621—1630	2	2.00	3	3.00		
1631—1640	1	1.00				
1641—1650	—	—	4	4.00		
1651—1665	4	4.00				

Табл. 8.

	Мужчины.						Женщины.					
	Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.		Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Малый	7	12,07	7	13,73	7	17,07						
Ниже средн. .	17	29,31	12	23,53	11	26,83	15	42,86	11	34,38	18	54,85
Выше средн. .	16	27,59	19	37,26	12	29,27	12	34,28	15	46,87	8	24,24
Высокій . . .	18	31,03	13	25,49	11	26,83	8	22,86	6	18,75	7	21,21
Низкій. . . .	24	41,38	19	37,26	18	43,90	15	42,86	11	34,38	18	54.55
Высокій . . .	34	58,62	32	62,74	23	56,10	8	56,24	21	65,62	15	45,45
Средняя .	1672		1662		1661		1548		1553		1534	

ную зависимость роста отъ цвѣтности можно видѣть на табл. 9-й, гдѣ для каждаго изъ типовъ цвѣтности ростъ подраздѣленъ по нормамъ Брока. Начнемъ съ тавастовъ. У мужчинъ въ свѣтломъ типѣ картина такова: малый ростъ даетъ 4% наблюденій, н. средняго — 29%, в. средняго — также 29%, высокій — 37,5%, т.-е. числа наблюденій послѣдовательно увеличиваются отъ малаго роста къ высокому. Средняя для

этого типа — 1684 mm. Въ темномъ типѣ: малый ростъ и н. средняго даютъ по 8%, в. средняго — 46% и высокій — 38%. Слѣдовательно, здѣсь ростъ также долженъ быть признанъ высокимъ; за это говоритъ и незначительный % наблюденій, падающій на ростъ низкій и ниже средняго и почти одинаковое количество наблюденій, падающихъ на двѣ слѣдующія рубрики. Средняя вполнѣ подтверждаетъ это,—она равняется 1683 mm. Въ смѣшанномъ типѣ наибольшій % наблюденій даетъ ростъ выше средняго (38%); ниже средняго и высокій даютъ по 31%; малый ростъ отсутствуетъ совсѣмъ. Средняя равняется 1674 mm. Что же мы можемъ заключить изъ анализа этой таблицы? Во-первыхъ, то, что самыми высокими будутъ тавасты свѣтлаго типа, затѣмъ идутъ темнаго и, наконецъ, смѣшаннаго; во-вторыхъ, что эти типы у тавастовъ не равноцѣнны: преобладающимъ является свѣтлый типъ, хотя процентъ темнаго и смѣшаннаго типа также значителенъ. У женщинъ самымъ высокимъ ростомъ

Табл. 9.

		Карелы.						Тавасты.					
		Свѣтлый.		Темный.		Смѣшанн.		Свѣтлый.		Темный.		Смѣшанн.	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Малый	Муж.	6	17,64	6	15,78	7	25,00	1	4,17	1	7,69	—	—
	Жен.												
Н.-средн.	Муж.	10	29,42	11	28,95	7	25,00	7	29,16	1	7,69	4	30,76
	Жен.	8	42,12	7	31,81	12	57,12	7	43,75	4	40,00	6	50,00
В.-средн.	Муж.	9	26,46	13	34,21	7	25,00	7	29,16	6	46,14	5	38,46
	Жен.	7	36,85	9	40,90	6	28,56	5	31,25	6	60,00	2	16,66
Высокій.	Муж.	9	26,46	8	21,05	7	25,00	9	37,50	5	38,45	4	30,76
	Жен.	4	21,06	6	27,27	3	14,28	4	25,00	—	—	4	33,32
Средняя.	Муж.	1663,5		1655		1655		1684		1683,38		1674	
	Жен.	1553		1560.5		1529		1541.5		1536		1542.5	

обладаетъ смѣшанный типъ (средняя — 1542,5), затѣмъ свѣтлый (1541,5) и, наконецъ, темный (1536 mm.). У муж.-кареловъ въ свѣтломъ типѣ maximum наблюденій падаетъ на ростъ н.-средняго (29%), на малый — 18%, и на в.—средняго и высокій — по 26%. Средняя равняется 1663,5 mm. Въ темномъ типѣ наибольшій % наблюденій даетъ ростъ в.-средняго (34%); малый даетъ 16%, н.-средняго — 29% и высокій — 21%; средняя — 1655 mm. Въ смѣшанномъ типѣ на всѣ рубрики роста падаетъ по 25% общаго числа наблюденій. Значитъ, самымъ высокимъ ростомъ и здѣсь обладаетъ свѣтлый типъ. У жен.-карелокъ самымъ высокимъ ростомъ обладаютъ представительницы темнаго типа (средняя — 1560,5 mm.), затѣмъ свѣтлаго (1553 mm.) и, наконецъ, смѣ-

шаннаго, съ очень малой средней въ 1529 mm. Значитъ, здѣсь высокорослость сопутствуетъ темному типу, тогда какъ у тавастокъ — свѣтлому. На предыдущей таблицѣ мы видѣли, что у финскихъ женщинъ вообще высокорослымъ является темный типъ. Теперь намъ ясно, что это явленіе обусловлено значительнымъ присутствіемъ, вѣрнѣе, преобладаніемъ карелокъ (62 противъ 38).

Изъ сопоставленія всѣхъ данныхъ о мужчинахъ мы видимъ, что самые высокіе элементы финской народности принадлежатъ къ свѣтлому типу, причемъ этотъ послѣдній многочисленнѣе и значительно выше ростомъ у тавастовъ, чѣмъ у кареловъ. Кромѣ того, какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ ростъ типовъ темнаго и смѣшаннаго не особенно рѣзко отличается отъ свѣтлаго, а это, въ связи съ близкими цифрами, падающими на каждый изъ типовъ цвѣтности, говоритъ еще разъ за смѣшанный характеръ какъ обѣихъ этихъ группъ, такъ, конечно, и всей народности.

Теперь нѣсколько словъ о ростѣ женщинъ сравнительно съ ростомъ мужчинъ. Какъ извѣстно, ростъ женщинъ меньше роста мужчинъ, и въ среднемъ разница эта достигаетъ до 12 сант. (по Топинару). Посмотримъ, каковы эти отношенія у насъ. Средній ростъ муж. — 1666 mm., жен. — 1545 mm., разница — 121 mm. (т.-е. равна теоретической). Значитъ, финскія женщины не представляютъ исключенія изъ общаго правила. При дѣленіи на тавастовъ и кареловъ зависимость будетъ такова: у кареловъ средній ростъ мужчинъ — 1658 mm., у женщинъ — 1548 mm., разность — 110 mm.; у тавастовъ средній ростъ мужчинъ — 1681,5 mm., женщинъ — 1540,5 mm., разность — 141 mm. Слѣдовательно, у кареловъ, гдѣ ростъ мужчинъ долженъ быть обозначенъ не особенно высокимъ въ рубрикахъ роста, женщины менѣе отличаются отъ мужчинъ, чѣмъ у тавастовъ, гдѣ ростъ мужчинъ значительно выше.

Намъ остается разсмотрѣть еще зависимость роста отъ возраста. На каждый возрастъ падаетъ слишкомъ незначительное число наблюденій, и мы наши наблюденія разобьемъ по пятилѣтіямъ и десятилѣтіямъ (табл. 10). Мы видимъ картину правильнаго паденія роста съ возрастомъ — отъ 1716 mm. въ первомъ десятилѣтіи до 1647 въ послѣднемъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что съ увеличеніемъ возраста амплитуда колебанія роста постепенно уменьшается: въ возрастѣ отъ 20 — 30 лѣтъ она равна 255 mm., въ 40 — 50 лѣтъ она опускается до 185 mm.

При расположеніи по пятилѣтіямъ роста женщинъ, картина получается довольно неправильная: въ возрастѣ 20 — 25 лѣтъ средняя роста — 1553 mm.; 26 — 30 л. — 1548; 36 — 40 л. — 1554 mm.; 41 — 45 л. — 1528 и 46 — 50 л. — 1542 mm. При расположеніи по десятилѣтіямъ наблюдается опять вполнѣ правильная картина паденія роста съ возрастомъ: 1-е десятилѣтіе — 1551 mm., 2-е — 1547 и 3-е — 1533 mm.

Табл. 10.

Мужчины.						Женщины.				
Возрастъ.	Чис. наб.	Min.	Max.	Разн.	Средняя.	Чис. наб.	Min.	Max.	Разн.	Средняя.
20--25	31	1585	1825	220	1702.5	33	1470	1665	195	1553
26—30	22	1570	1800	230	1689.5	15	1440	1665	225	1548
31—35	21	1550	1770	220	1656	11	1490	1585	95	1542
36—40	21	1580	1770	190	1646	10	1460	1660	200	1554
41—45	30	1555	1720	165	1642	20	1450	1615	165	1528.5
46—50	25	1570	1740	170	1652	11	1465	1610	155	1542
20—30	53	1570	1825	255	1716	48	1440	1665	225	1551
31—40	42	1550	1800	250	1651	21	1460	1660	200	1547
41—50	55	1555	1740	185	1647	31	1450	1615	165	1533

Посмотримъ, какова картина у кареловъ и тавастовъ отдѣльно. Въ виду слишкомъ незначительнаго числа наблюденій я и здѣсь не буду разсматривать колебанія роста для каждаго года отдѣльно. Возьмемъ табл. 11, гдѣ ростъ расположенъ по 5 и 10-лѣтіямъ. У тавастовъ-мужчинъ самымъ высокимъ ростомъ обладаетъ возрастъ отъ 20—25 лѣтъ—1724 mm, затѣмъ ростъ постепенно понижается—1693, 1669, 1663; въ возрастѣ 41—45 л. неожиданно поднимается до 1683 mm. и въ 46—50 л. снова падаетъ до 1645,5 mm. По десятилѣтіямъ—вполнѣ правильное пониженіе съ увеличеніемъ возраста: въ 1-е десятилѣтіе средній ростъ—1715, во 2-е—1666 и въ 3-е—1663 mm. Съ паденіемъ роста падаетъ и амплитуда колебаній съ 210 до 150 mm. У жен.-тавастокъ картина другая: 1-е десятилѣтіе имѣетъ въ среднемъ ростъ—1542 mm., 2-е—1545 и 3-е—1533 mm., т.-е. наибольшаго развитія ростъ достигаетъ въ возрастѣ отъ 31 до 40 лѣтъ. Кромѣ того, здѣсь наблюдается слѣдующее явленіе; наибольшему росту (въ десятилѣтіе отъ 31 до 40 л.) соотвѣтствуетъ наименьшая амплитуда колебанія, т.-е. обратное тому, что мы видѣли у мужчинъ.

У муж.-кареловъ картина такая же, какъ и у тавастовъ: наибольшимъ ростомъ (1689 mm.) обладаетъ возрастъ отъ 20—25 л.; затѣмъ идетъ постепенное пониженіе—1685, 1650, 1634 и 1627; въ послѣднее пятилѣтіе нѣсколько поднимается—1656 mm. По десятилѣтіямъ цифры средняго роста таковы: 1688,5; 1642,5 и 1642. У женщинъ-карелокъ также наблюдается постепенное паденіе роста съ увеличеніемъ возраста: 1-е десятилѣтіе имѣетъ въ среднемъ ростъ 1560 mm., 2-е—1549 и 3-е—1533.

Слѣдовательно, картина постепеннаго паденія роста съ увеличеніемъ возраста, какую мы констатировали для финновъ вообще, повторилась при разложеніи на двѣ составляющія народности и должна быть признана до-

Табл. 11.

	Карелы.							Тавасты.					
	Возрастъ.	Чис. наб.	Min.	Max.	Разн.	Сумма.	Средняя.	Чис. наб.	Min.	Max.	Разн.	Сумма.	Средняя.
Мужчины	20—25	19	1655	1825	170	32084	1680,63	12	1660	1820	160	20685	1723,75
Женщины		17	1470	1665	195	26395	1552,64	16	1485	1630	145	24859	1553,68
Мужчины	26—30	17	1570	1800	230	28705	1688,52	5	1610	1680	70	8465	1693,00
Женщины		9	1440	1665	225	14155	1572,77	6	1465	1560	90	9065	1510,80
Мужчины	31—35	14	1550	1770	220	23100	1650,00	7	1600	1735	135	11685	1669,23
Женщины		6	1505	1580	75	9245	1540,83	5	1490	1585	85	7715	1543,00
Мужчины	36—40	12	1580	1695	115	19605	1633,75	9	1610	1770	160	14965	1662,74
Женщины		8	1460	1660	200	12436	1554,50	2	1480	1620	140	3100	1550,00
Мужчины	41—45	22	1555	1720	165	35852	1627,36	8	1630	1720	90	13464	1693,00
Женщины		11	1450	1615	165	16770	1524,54	9	1450	1615	165	13800	1533,33
Мужчины	46—50	16	1570	1740	170	26498	1656,12	9	1570	1700	130	14810	1645,55
Женщины		11	1465	1610	145	16958	1541,81	—	—	—	—	—	—
Мужчины	20—30	36	1570	1825	255	60789	1688,58	17	1610	1820	210	29150	1714,71
Женщины		26	1440	1665	225	40550	1559,61	22	1465	1630	165	33924	1542,00
Мужчины	31—40	26	1550	1800	250	42705	1542,50	16	1600	1770	170	26650	1665,62
Женщины		14	1460	1660	200	21681	1548,64	7	1430	1620	140	10815	1545,00
Мужчины	41—50	38	1555	1740	185	62400	1642,11	17	1570	1720	150	28274	1663,17
Женщины		22	1450	1615	165	33728	1533,09	9	1450	1615	165	13800	1533,33

вольно постоянной и характерной. Но чѣмъ объяснить эту картину? Чѣмъ объяснить такую высокорослость пятилѣтія отъ 20—25 лѣтъ, когда, собственно, ростъ еще не заканчиваетъ своего развитія, и такое пониженіе роста въ послѣднее пятилѣтіе отъ 45—50 лѣтъ? Ростъ финновъ въ 20—25 лѣтъ въ среднемъ—1702,5, въ 45—50 лѣтъ—1652 mm., т.-е. пониженіе выражается въ 50,5 mm. Старческое самопониженіе роста тутъ не можетъ быть принято въ расчетъ,—оно ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ достигать размѣровъ въ 5 сант. Можетъ-быть, это—вліяніе фабрики? Многіе изъ изслѣдованныхъ мной—фабричные. Къ сожалѣнію, я ничего не знаю ни о родѣ ихъ занятій, ни о продолжительности пребыванія ихъ на фабрикѣ.

О ростѣ финновъ писалось, вѣрнѣе, упоминалось довольно часто, и мнѣнія, по большей части, расходятся кореннымъ образомъ. Главная причина—въ различіи точекъ зрѣнія. Одни авторы, какъ я уже имѣлъ случай сказать, подъ словомъ «финны» подразумѣваютъ всѣ финскія, вѣрнѣе, «финно-угорскія» народности, а другіе—только «западныхъ финновъ». Но и тамъ, гдѣ такого различія въ точкахъ зрѣнія нѣтъ, мнѣнія все-таки не сходятся очень близко. Ограничусь только наиболѣе характерными примѣрами. Ростъ моихъ финновъ, съ средней въ 1666 mm., должно назвать «выше средняго», понимая подъ «среднимъ», согласно Топинару, ростъ въ 1650 mm.; отдѣльно ростъ кареловъ равняется 1658 mm., таваstовъ—1681,5 mm. Сначала сравнимъ эти цифры съ ростомъ родственныхъ народностей «финно-угорской» группы, а затѣмъ и съ ростомъ сосѣдей. З. Топеліусъ говоритъ, что, между финнами чаще всего встрѣчается средній ростъ». По словамъ д-ра Елисѣева, «въ общемъ финнъ средняго роста и не переходитъ его; средняя скорѣе ниже, чѣмъ выше». По его цифрамъ, карелъ выше таваста: средній ростъ для перваго—1670 mm., для второго—1632 mm. Финны-тавасты (по Ретціусу) имѣютъ въ среднемъ ростъ—1679 mm.; финны сѣв. Финляндіи (по Sommier)—1727 mm., карелы Финляндіи (по Ретціусу)—1720, эсты (по Грубе)—1643, вотяки (по Маліеву)—1619, зыряне (по Налимову)—1628, лопари (по Sommier)—1578, мордва (по Майнову)—1643, черемисы (Маліевъ)—1615, вогулы (Рождественскій)—1583, остяки (по Чугунову)—1595. Изъ этого сопоставленія видно, что мои финны уступаютъ ростомъ только финнамъ сѣв. Финляндіи (Sommier) и кареламъ Финляндіи (Retzius'а), но тутъ дѣло можетъ быть объяснено случайнымъ подборомъ, что, при незначительномъ числѣ наблюденій, весьма возможно (первый имѣлъ 11 человѣкъ, второй—28). Что касается остальныхъ (родственныхъ) народностей, то мои финны значительно высокорослѣе ихъ. Больше сходства съ восточными сосѣдями. Вотъ для сравненія нѣсколько цифръ: великоруссы Новгородской губ. (Крумбмиллеръ)—1661 mm., Тверской (Галай)—1660, болгары (Weisbach) 1680, малороссы Харьковской губ. (Эркертъ)—1645, Черниговской губ.

(Бѣлодѣдъ) — 1666, поляки Варшавской губ. (Элькиндъ) — 1640, бѣлоруссы (Эйхгольцъ) — 1652 [1]). Ближе всего ростъ моихъ финновъ подходитъ къ великоруссамъ Новгородской губ. и малороссамъ Черниговской.

Что касается роста женщинъ, то данныхъ для сравненія значительно меньше: финки-тавастки (по Ретціусу) — 1552, зырянки (по Налимову) — 1538, мордвинки (по Майнову) — 1546, черемиски (по Маліеву) — 1523, остячки (по Sommier) — 1441, бѣлорусски (Рождественскій) — 1539, великорусски Рязанской губ. (Воробьевъ) — 1530, Тверской (Галай) — 1528, малорусски Воронежской (Кожуховъ) — 1529. Сравнивая съ этими данными ростъ нашихъ финнокъ съ средней въ 1545 mm., видимъ, что онѣ обладаютъ очень значительнымъ ростомъ и уступаютъ только финкамъ Ретціуса.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію головного указателя (табл. 12).

Табл. 12.

		Число наблюд.	Minimum.	Maximum.	Разность.	Средняя.	Абсолют. числа.								Проценты.							
							Долихоцеф.	Субдолихоц.	Мезоцефал.	Суббрахиц.	Брахицеф.	Долихоцеф.	Мезоцефал.	Брахицеф.	Долихоцеф.	Субдолихоц.	Мезоцеф.	Суббрахиц.	Брахицеф.	Долихоцеф.	Мезоцефал.	Брахицеф.
Финны.	Муж.	150	69,00	89,00	20,53	80,42	14	18	37	51	30	32	37	81	9,33	12,00	24,67	34,00	20,00	21,33	24,67	54,00
	Жен.	100	73,19	90,58	17,39	81,87	4	3	22	43	28	7	22	71	4,00	3,00	22,00	43,00	28,00	7,00	22,00	71,00
Карелы.	Муж.	100	69,00	89,53	20,53	80 90	8	9	26	31	26	17	26	57	8,00	9,00	26,00	31,00	26,00	17,00	26,00	57,00
	Муж.	62	73,19	89,77	16,58	81,62	3	3	17	21	18	6	17	39	4,84	4,84	27,42	33,87	29,03	9,68	27,42	62,90
Тавасты.	Жен.	50	72,28	89,01	16,73	79,48	6	9	11	20	4	15	11	24	12,00	18,00	22,00	40,00	8,00	30,00	22,00	48,00
	Жен.	38	74,47	90,58	16,11	82,27	1	—	5	22	10	1	5	32	2,63	—	13,16	57,89	26,32	2,63	13,16	84,21

Среднее ариѳметическое мужчинъ равно 80,42, т.-е. мои финны являются суббрахицефалами или — при соединеніи крайнихъ группъ — брахицефалами, хотя, конечно, не высокими; амплитуда колебанія — 20,53, т.-е. составляетъ 24,04% максимальной величины (89,53). Такіе значительные размѣры колебаній головного указателя служатъ еще новымъ показателемъ смѣшанности современнаго населенія Финляндіи. Наша амплитуда колебаній почти въ $2^1/_2$ раза превышаетъ тотъ предѣлъ колебаній, какой допускаетъ Брока для чистыхъ расъ. Долихоцефаловъ среди мужчинъ — 21%, мезоцефаловъ — 25% и брахицефаловъ — 54%. Средній головной указатель женщинъ равняется 81,87; размѣръ колебаній — 17,39, или 19,3% макси-

---

[1]) Среднія цифры какъ этого размѣра, такъ и другихъ, разсматриваемыхъ ниже, заимствованы изъ вышеуказаннаго труда А. А. Ивановскаго.

мальной величины, т.-е. женщины представляютъ ту же картину смѣшенія, какъ мужчины, нѣсколько только болѣе компактную. Распредѣленіе по нормамъ Брока подтверждаетъ это и подчеркиваетъ большую брахицефаличность женщинъ: долихоцефаловъ среди нихъ—7%, мезоцефаловъ—22% и брахицефа- ловъ — 71%.

Не разсматривая индивидуальныхъ колебаній, попробуемъ выяснить, насколько смѣшанный характеръ головнаго указателя зависитъ отъ состава моихъ финновъ изъ тавастовъ и кареловъ, другими словами, посмотримъ, насколько раздѣленіе па эти двѣ группы приблизитъ нашъ матеріалъ къ наиболѣе чистому виду. Сначала разсмотримъ карелъ. По среднему головному указателю (80,90) мужчины являются брахицефалами, вѣрнѣе, суббрахицефалами, нѣсколько большими, чѣмъ финны вообще; разность колебаній (min.—69,00, max.—89,53)—20,53, т.-е. карелы сохраняютъ полностью тотъ смѣшанный характеръ, какой мы наблюдали у финновъ до раздѣленія. При дѣленіи на три основныхъ группы Брока имѣемъ: долихоцефаловъ— 17%, мезоцефаловъ — 26% и брахицефаловъ — 57%. Средній головной указатель тавастовъ-мужчинъ равняется 79,48, т.-е. тавасты принадлежатъ къ типичнымъ мезоцефаламъ; амплитуда колебанія — 18,7% maximum'а,—значитъ, тавасты являются также конгломератомъ нѣсколькихъ этническихъ элементовъ, хотя и болѣе компактнымъ, чѣмъ карелы. Долихоцефаловъ среди нихъ — 30%, мезоцефаловъ — 22% и брахицефаловъ — 48%. Нѣкоторый перевѣсъ долихоцефаловъ надъ мезоцефалами ясно говоритъ за большую длинноголовость тавастовъ въ сравненіи съ карелами.

У женщинъ картина обратная: тавастки являются болѣе короткоголовыми (82,27), чѣмъ карелки (81,62). Это особенно ярко выступаетъ при группировкѣ по нормамъ Брока: среди карелокъ долихоцефаловъ — 10%, мезоцефаловъ—27% и брахицефаловъ — 63%; среди тавастокъ долихоцефаловъ—3%, мезоцефаловъ—13% и брахицефаловъ—84%.

Вопросъ о головномъ указателѣ финновъ дебатировался въ антропологической литературѣ, какъ извѣстно, неоднократно. Одни авторы утверждали, что финны-долихоцефалы нѣкогда занимали всю Вост. Европу и что къ нимъ должно быть отнесено курганное племя Россіи, а, можетъ-быть, и всей Европы; другіе, оспаривая это мнѣніе, полагали, что курганное племя принадлежитъ славянамъ или, вѣрнѣе, варяго-руссамъ, а финны—короткоголовый народъ—близкіе родственники монголовъ, есть пришлый элементъ и т. д. Измѣреній надъ живыми финнами произведено пока очень мало; ихъ мы находимъ только у Retzius'а и Елисѣева. У послѣдняго цифры приведены въ редукціи на черепъ. По Retzius'у, карелы Финляндіи имѣютъ въ среднемъ головной указатель равнымъ 81,19, тавасты-мужчины—82,26, женщины—83,28,—цифры, нѣсколько отличныя отъ моихъ, особенно по отношенію къ тавастамъ: у меня они болѣе длинноголовы,

чѣмъ карелы, а у Retzius'a—наоборотъ. Измѣреній надъ финскими черепами гораздо больше. Здѣсь мы имѣемъ прежде всего финскіе черепа изъ анатомическаго музея Королевскаго института въ Стокгольмѣ (Гус. Ретціуса), черепа изъ анатомическаго музея Гельсингфорскаго университета, черепа, собранные и обработанные гг. Hällsten'омъ, Weymarn'омъ и Kyrklund'омъ, а также много измѣреній единичныхъ черепов. Цифры головного указателя очень разнообразны: Ретціусъ даетъ 83,62, Гартманъ для тавастовъ—отъ 77 до 89, для кареловъ—отъ 69 до 90, Велькеръ—76,00, Вирховъ—80,3, Елисѣевъ—80,5—84,00. По этимъ цифрамъ можно считать финновъ и долихоцефалами, и брахицефалами. Если мои данныя ради однородности также привести къ редукціи на черепъ (вычитаніемъ 2 единицъ), то мы будемъ имѣть въ среднемъ для финновъ вообще 78,42, а отдѣльно для кареловъ—78,99 и для тавастовъ—77,48, т.-е. карелы будутъ мезоцефалами, а тавасты отойдутъ къ субдолихоцефаліи. Этотъ выводъ нельзя считать неожиданнымъ. Хотя большинство авторовъ и относитъ финновъ къ брахицефаламъ, однако всѣ согласно констатируютъ среди нихъ значительный процентъ длинноголовости, который иногда спускается, какъ это мы видимъ у Велькера, даже до 76,00; словомъ, отрицать долихоцефалію у финновъ можно только въ пылу полемики, точно такъ же, какъ и настаивать на доминирующемъ ея вліяніи.

Посмотримъ, каковы размѣры головы у другихъ народовъ финно-угорской семьи: вогулы—77,91, вотяки—81,94, пермяки—82,20, зыряне—87,20, лопари—84,00, латыши—80,50, остяки—79,26, черемисы—79,05, мордва—83,26, эсты—79,26, мадьяры—84,40. Изъ сопоставленія этихъ цифръ видно, что долихоцефалія присуща въ нѣкоторыхъ размѣрахъ всѣмъ этимъ народамъ, которые должны быть отнесены къ субрахицефаламъ или къ невысокимъ брахицефаламъ. Выяснить вопросъ о томъ, является ли долихоцефалія пріобрѣтенной финнами отъ другой, можетъ-быть, доисторической аборигенной расы, или она вообще свойственна финскому семейству, нельзя въ нѣсколькихъ словахъ. Для этого, прежде всего, должны быть изучены всѣ финно-угрскіе народы, а также всѣ ихъ сосѣди, какъ настоящіе, такъ особенно и прежніе. До сихъ поръ мы только знаемъ, что большинство древнѣйшихъ череповъ Европы, и въ частности Россіи, длинноголовы, но кому они принадлежатъ, до сихъ поръ остается загадкой. Большинство авторовъ вмѣстѣ съ проф. А. Богдановымъ признаетъ такое послѣдовательное замѣщеніе племенъ: сначала жило длинноголовое курганное племя, древнѣйшее туземное и не финское, затѣмъ явились финны, начавшіе селиться между первобытнымъ племенемъ и вытѣснять его, наконецъ, третье—славянское—народонаселеніе подвергло той же участи финское племя, т.-е. вытѣснило его и стерло.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію зависимости головного указателя отъ цвѣтности, возраста и роста. Какъ головной указатель распредѣляется

Табл. 13.

	Мужчины.						Женщины.					
	Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.		Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс	%	Абс.	%
Долихоцеф. .	2	3,45	7	13,73	5	12,20	2	5,72	1	3,12	1	3,03
Субдолихоц.	7	12,07	7	13,73	4	9,76	1	2,86	1	3,12	1	3,03
Мезоцефалы.	15	25,86	13	25,49	9	21,95	6	17,14	7	21,88	9	27,28
Суббрахиц. .	23	39,65	11	21,56	17	41,46	20	57,14	13	40,63	10	30,30
Брахицеф. .	11	18,97	13	25,49	6	14,63	6	17,14	10	31,25	12	36,36
Долихоцеф. .	9	15,52	14	27,46	9	21,96	3	8,58	2	6,24	2	6,06
Мезоцеф. .	15	25,86	13	25,49	9	21,95	6	17,14	7	21,88	9	27,28
Брахицеф. .	34	58,62	24	47,05	23	56,09	26	74,28	23	71,88	22	66,66
Средняя . .	80.71		80.26		80.24		81.52		81.95		81.25	

по цвѣтности, можно видѣть изъ табл. 13-ой. У мужчинъ свѣтлый типъ даетъ долихоцефаловъ 15,5%, мезоцефаловъ — 26% и брахицефаловъ — 59%; темный—долихоцефаловъ—27%, мезоцефаловъ—25% и брахицефаловъ—47%; смѣшанный—долихоцефаловъ—22%, мезоцефаловъ—22% и брахицефаловъ—56%, т.-е. во всѣхъ типахъ наибольшій процентъ наблюденій падаетъ на брахицефалію, при чемъ большій процентъ даетъ свѣтлый типъ; понятно, что онъ дастъ и наибольшую величину въ среднемъ: свѣтлый—80,71, темный—80,26 и смѣшанный—80,24. У женщинъ картина такова: въ среднемъ свѣтлый типъ даетъ 81,52, темный—81,95, смѣшанный—81,25. Слѣдовательно, женщины болѣе короткоголовы, чѣмъ мужчины, при чемъ самый высокій указатель даетъ темный типъ. Въ табл. 13-ой прежде всего бросаются въ глаза близкія величины указателей для отдѣльныхъ типовъ цвѣтности. Трудно установить какую-нибудь зависимость головнаго указателя отъ цвѣтности. Посмотримъ, можетъ-быть, дѣло будетъ яснѣе, если разсматривать головной указатель отдѣльно у кареловъ и тавастовъ. У мужч.-кареловъ (табл. 14) цифры таковы: въ свѣтломъ типѣ долихоцефаловъ—12%, мезоцефаловъ—23% и брахицефаловъ—65%; въ темномъ долихоцефаловъ—21%, мезоцефаловъ—26% и брахицефаловъ—53%; въ смѣшанномъ долихоцефаловъ—18%, мезоцефаловъ—28% и брахицефаловъ—54%; въ среднемъ свѣтлый типъ—81,26, темный—80,77 и смѣшанный—80,67, т.-е. наиболѣе брахицефаличнымъ является свѣтлый типъ, а долихоцефаличнымъ—смѣшанный. У мужч.-тавастовъ въ свѣтломъ типѣ цифры идутъ послѣдовательно такъ: 21%, 29% и 50,00% (въ среднемъ—79,94); въ темномъ: 46%, 23% и 31% (въ среднемъ—78,80); въ смѣшанномъ: 31%, 8% и 61% (въ среднемъ—79,32). Слѣдовательно, здѣсь также наиболѣе короткоголовымъ является свѣтлый типъ, но наиболѣе длинноголовый здѣсь — темный типъ. У женщинъ-карелокъ въ среднемъ свѣтлый типъ имѣетъ 80,80, темный — 82,06 и смѣшанный — 80,96,—картина обратная той, какую мы видѣли у мужчинъ, именно наиболѣе длин-

Табл. 14.

		Карелы.						Тавасты.					
		Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.		Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Долихоцеф. .	Муж.	1	2,94	4	10,52	3	10,71	1	4,17	3	23,07	2	15,38
	Жен.	2	10,53	—	—	1	4,76	—	—	1	10,00	—	—
Субдолихоц.	Муж.	3	8,82	4	10,52	2	7,14	4	16,66	3	23,07	2	15,38
	Жен.	1	5,26	1	4,54	1	4,76	—	—	—	—	—	—
Мезоцефал.	Муж.	8	23,52	10	26,32	8	28,56	7	29,16	3	23,07	1	7,69
	Жен.	4	21,06	6	27,27	7	33,33	2	12,50	1	10,00	2	16,66
Субрахиц.	Муж.	12	35,28	9	23,68	10	35,71	11	45,83	2	15,38	7	53,83
	Жен.	9	47,37	8	36,36	4	19,05	11	68,75	5	50,00	6	50,00
Брахицеф.	Муж.	10	29,42	11	28,95	5	17,85	1	4,17	2	15,38	1	7,69
	Жен.	3	15,79	7	31,81	8	38,10	3	18,75	3	30,00	4	33,32
Долихоцеф.	Муж.	4	11,76	8	21,05	5	17,85	5	20,83	6	46,14	4	30,76
	Жен.	3	15,79	1	4,54	2	9,52	—	—	1	10,00	—	—
Мезоцеф.	Муж.	8	23,52	10	26,32	8	28,56	7	29,16	3	23,07	1	7,69
	Жен.	4	11,76	6	27,27	7	33,33	2	12,50	1	10,00	2	16,66
Брахицеф.	Муж.	22	64,70	20	52,64	15	53,56	12	50,00	4	30,76	8	61,42
	Жен.	12	63,18	15	68,17	12	57,12	14	87,50	8	80,00	10	83,32
Средняя.	Муж.	—	81,26	—	80,77	—	80,67	—	79,94	—	78,80	—	79,32
	Жен.	—	80,80	—	82,06	—	80,96	—	82,36	—	81,73	—	82,74

ноголовымъ является свѣтлый типъ, а короткоголовымъ — темный. У тавастокъ свѣтлый типъ—82,36, темный—81,73 и смѣшанный—82,74, т.-е. наиболѣе долихоцефаличнымъ, какъ и у мужчинъ, является темный типъ, но наиболѣе брахицефаличный—смѣшанный.

Табл. 15.

		20—25		26—30		31—35		36—40		41—45		46—50	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Мужчины.	Долихоцефалы	—	—	1	4,54	2	9,52	6	28,57	2	6,67	3	12,00
	Субдолихоц.	2	6,45	3	13,64	2	9,52	1	4,76	5	16,67	5	20,00
	Мезоцефалы .	9	29,03	6	27,27	4	19,05	5	23,81	10	33,33	3	12,00
	Субрахицеф.	13	41,94	5	22,73	9	42,86	5	23,81	9	30,00	10	40,00
	Брахицефалы	7	22.58	7	31,82	4	19,05	4	19,15	4	13,33	4	16,00
Женщины.	Долихоцефалы	1	3,03	1	6,67	—	—	2	20,00	—	—	—	—
	Субдулихоц.	1	3,03	—	—	—	—	—		1	5,00	1	9,09
	Мезоцефалы.	9	27,28	3	20,00	1	9,09	3	30,00	5	25,00	1	9,09
	Суббрахицеф.	15	45,45	7	46,66	6	54,55	2	20,00	9	45,00	4	36,36
	Брахицефалы.	7	21,21	4	26,67	4	36,36	3	30,00	5	25,00	5	45,46

На табл. 15-ой показана зависимость головного укатателя отъ возраста. У мужчинъ въ 1-мъ пятилѣтіи наибольшій процентъ даютъ суббрахицефалы (42%), во 2-мъ — брахицефалы (32%), въ 3-мъ — суббрахицефалы (43%), въ 4-мъ—долихоцефалы (28%), въ 5-мъ—мезоцефалы (33%) и въ 6-мъ—опять суббрахицефалы (40%). Провести строгую зависимость нельзя,—картина, какъ видимъ, довольно неопредѣленная. Можно только отмѣтить полное отсутствіе долихоцефаліи въ возрастѣ отъ 20—25 лѣтъ и почти постепенное увеличеніе ея съ повышеніемъ возраста. У женщинъ картина обратная: долихоцефалія чаще наблюдается въ молодомъ возрастѣ и совершенно отсутствуетъ въ послѣднемъ десятилѣтіи и, наоборотъ, % брахицефаліи постепенно увеличивается съ возрастомъ. Та же неопредѣленность наблюдается и при разсмотрѣніи отдѣльно для кареловъ и тавастовъ.

Табл. 16.

	Мужчины.								Женщины.							
	Малый.		Ниже средн.		Выше средн.		Высокій.		Малый.		Ниже средн.		Выше средн.		Высокій.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Долихоцефалы.	1	4,76	5	12,50	5	10,64	3	7,14	—	—	1	2,27	2	5,71	1	4,76
Субдолихоцеф.	2	9,53	8	20.00	4	8,51	4	9,52	—	—	2	4,55	1	2,86	—	—
Мезоцефалы. .	7	33,33	6	15,00	8	17,02	16	38,10	—	—	7	15,91	8	22,86	7	33,33
Суббрахицефал.	7	33,33	14	35,00	17	36,17	13	30,95	—	—	18	40,91	16	45,71	9	42,86
Брахицефалы .	4	19,05	7	17,50	13	27,66	6	14,29	—	—	16	36,36	8	22,86	4	19,05
Средняя . .	80,72		79,86		81,08		80,11		—		82,67		81,56		80,71	

О зависимости головного указателя отъ роста даетъ представленіе табл. 16-ая. У мужчинъ малаго роста—14% долихоцефаловъ, 33% мезоцефаловъ и 52% брахицефаловъ (въ среднемъ—80,72); ростъ ниже средняго даетъ 32,5% долихоцефаловъ, 15% мезоцефаловъ и 52,5% брахицефаловъ (въ среднемъ — 79,86); выше средняго — 19% долихоцефаловъ, 17%—мезоцефаловъ и 64%—брахицефаловъ (въ среднемъ—81,08); высокій ростъ—17% долихоцефаловъ, 38%—мезоцефаловъ и 45%—брахицефаловъ (въ среднемъ—80,11). Слѣдовательно, колебанія по росту очень незначительны. Но во всякомъ случаѣ очень характернымъ является тотъ фактъ, что наименьшій показатель даетъ ростъ ниже средняго, а наибольшій—ростъ выше средняго, а крайнія группы роста занимаютъ среднее мѣсто. Соединяя въ двѣ группы, высокаго и низкаго роста, мы получимъ для перваго—80,62, для второго—80,15, т.-е. цифры весьма близкія. Это даетъ намъ право, въ связи съ прочими признаками, утверждать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ чистой расой и установить для современнаго населенія Финляндіи два типа—высокорослаго брахицефала и низкорослаго брахицефала, при чемъ высокорослый брахицефалъ обладалъ, повидимому,

свѣтлымъ цвѣтомъ волосъ и глазъ, а низкорослый былъ значительно темнѣе. Кромѣ того, есть полное основаніе предполагать и присутствіе долихоцефальнаго производителя (14%), который, повидимому, былъ невысокъ ростомъ (ниже средняго) и имѣлъ темный цвѣтъ волосъ и глазъ.

У женщинъ картина болѣе опредѣленная. Тутъ мы видимъ постепенное пониженіе головного указателя съ увеличеніемъ роста. Малаго роста, какъ уже упоминалось, не наблюдается среди моихъ финнокъ; ростъ ниже средняго даетъ средній головной указатель—82,67, выше средняго—81,56, высокій—80,71, т.-е. мы видимъ здѣсь склонность высокаго роста къ долихоцефаліи, на что не разъ указывалось другими авторами (Анучинъ, Вейсбахъ и др.).

Не останавливаясь на подробномъ разсмотрѣніи наибольшаго продольнаго и наибольшаго поперечнаго діаметровъ, я укажу здѣсь только на отношеніе ихъ къ росту. Изъ табл. 17-ой мы видимъ, что абсолютныя величины наибольшаго продольнаго діаметра постепенно увеличиваются съ повышеніемъ роста (отъ 187,5 у малаго роста до 191,8 у

Табл. 17.

Наибольшій продольный діаметръ по росту.

Ростъ.	Мужчины. Число наблюден. Абс.	Мужчины. Число наблюден. %.	Мужчины. Абсолют. средняя.	Мужчины. Относит. средняя.	Женщины. Число наблюден. Абс.	Женщины. Число наблюден. %.	Женщины. Абсолют. средняя.	Женщины. Относит. средняя.
Малый	21	14,00	187,5	11,88	—	—	—	—
Ниже средняго	40	26,67	188,9	11,62	44	44,00	183,7	11,96
Выше средняго	47	31,33	190,2	11,40	35	35,00	181,1	11,63
Высокій. . . .	42	28,00	191,8	11,07	21	21,00	184,2	11,37
Низкій . .	61	40.67	188,4	11,70	44	44,00	183,7	11,96
Высокій. .	89	59,33	191,3	11,23	56	56,00	182.4	11,53

Наибольшій поперечный діаметръ по росту.

Ростъ.	Мужчины. Число наблюден. Абс.	Мужчины. Число наблюден. %.	Мужчины. Абсолют. средняя.	Мужчины. Относит. средняя.	Женщины. Число наблюден. Абс.	Женщины. Число наблюден. %.	Женщины. Абсолют. средняя.	Женщины. Относит. средняя.
Малый	21	14.00	151,2	9,54	—	—	—	—
Ниже средняго	40	26.67	150.09	9.28	44	44,00	148,0	9,88
Выше средняго	47	31,33	154.5	9.23	35	35.00	147,7	9,46
Высокій. . . .	42	28,00	153,5	8,85	21	21,00	148,6	9,17
Низкій . .	61	40.67	151,01	9,37	44	44.00	148	9,88
Высокій. .	89	59,33	154,1	9,05	56	56,00	148	9,36

высокаго), а относительныя величины также постепенно уменьшаются (отъ 11,88 до 11,07). Почти та же картина и у женщинъ; у нихъ правильность нарушается только абсолютной величиной наибольшаго продольнаго діаметра въ ростѣ выше средняго (ниже средняго—183,7, выше средняго—181,1 и высокій—184,2). Та же зависимость наблюдается и у наибольшаго поперечнаго діаметра, хотя здѣсь встрѣчается уклоненіе въ ростѣ выше средняго, у котораго наибольшій поперечный діаметръ мужчинъ выше слѣдующей группы, а у женщинъ—ниже предыдущей группы. Относительныя величины и здѣсь сохраняютъ полную послѣдовательность.

Посмотримъ, какова зависимость головного указателя отъ роста отдѣльно у кареловъ и тавастовъ (табл. 18). У мужч.-кареловъ въ среднемъ цифры

Табл. 18.

		Карелы.								Таваcты.							
		Малый.		Ниже средн.		Выше средн.		Высокій.		Малый.		Ниже средн.		Выше средн.		Высокій.	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Мужчины.	Долихоцефалы	1	5,26	4	14,28	1	3,45	2	8,33	—	—	1	8,33	4	22,22	1	5,55
	Субдолицефал.	2	10,52	5	17,84	1	3,45	1	4,16	—	—	3	25,00	3	16,66	3	16,66
	Мезоцефалы. .	5	26,31	6	21,42	5	17,93	10	41,66	2	100,00	—	—	3	16,66	6	33,32
	Суббрахицеф..	7	36,84	8	28,56	10	35,86	6	25,00	—	—	6	50,00	7	38,88	7	38,88
	Брахицефалы.	4	24,04	5	17,84	12	41,36	5	20,83	—	—	2	16,66	1	5,55	1	5,55
	Средняя. .	80,80		79,60		82,56		80,50		79,89		80,46		78,68		79,58	
Женщины.	Долихоцефалы	—	—	1	3,70	1	4,54	1	7,69	—	—	—	—	1	7,69	—	—
	Субдолихоцеф.	—	—	2	7,41	1	4,54	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Мезоцефалы. .	—	—	4	14,82	7	31,81	6	46.14	—	—	3	17,64	1	7,69	1	12,50
	Суббрахицеф..	—	—	8	29.64	10	45.45	3	23,07	—	—	10	58.82	6	46,14	6	75,00
	Брахицефалы.	—	—	12	44.44	3	13,64	3	23.07	—	—	4	23,53	5	38,48	1	12,50
	Средняя. .	—		83,32		80,81		80,27		—		82,24		82,84		81,41	

таковы: для малаго роста—80,80, ниже средняго—79,60, выше средняго—82,56 и для высокаго—80,50, т.-е. можно отмѣтить нѣкоторую склонность высокаго роста къ большей брахицефаліи, что является нѣкоторымъ исключеніемъ и было, между прочимъ, констатировано д-ромъ Воробьевымъ для великоруссовъ Рязанской губ. У тавастовъ средній головной указатель при маломъ ростѣ—79,89, ниже средняго—80,46, выше средняго—78,68 и въ высокомъ—79,58, т.-е. ,наоборотъ, видимъ, что высокому росту болѣе свойственна долихоцефалія. Но въ общемъ цифры такъ близки, что почти полностью повторяютъ прежнюю картину. Женщины также не представляютъ замѣтныхъ исключеній изъ того, что мы видѣли у финнокъ вообще.

Переходя къ размѣрамъ лица, я остановлюсь прежде всего па полной лицевой линіи (табл. 19). Средняя величина у мужчинъ—183,42 или

Табл. 19.

		Чис. наблюд.	Minimum.	Maximum.	Разность.	Средняя.	Абс. числа.			Проценты.		
							Малая [1].	Средняя.	Большая.	Малая.	Средняя.	Большая.
Финны.	Мужчины. . .	150	160	202	42	183,42	14	72	64	9,33	48,00	42,66
	Женщины . .	100	146	192	46	171,66	48	45	7	48,00	45,00	7,00
Карелы.	Мужчины. . .	100	162	202	42	183,36	11	48	41	11,00	48,00	41,00
	Женщины . .	62	146	190	44	171,16	31	27	4	50,00	43,55	6,38
Таvасты.	Мужчины. . .	50	160	200	40	183,54	3	24	23	6,00	48,00	26,00
	Женщины . .	38	154	192	38	172,47	17	18	3	44,74	47,36	7,89

11,01% средняго роста, при чемъ размѣры колебанія довольно значительны— отъ 160 до 202 mm. Средняя величина у женщинъ—171,66 или 11,11% средняго роста. Разница между мужчинами и женщинами (половая разница) равняется 11,76 mm., которую слѣдуетъ признать очень небольшой. Отдѣльно для кареловъ — 183,36 у мужчинъ и 171,16 у женщинъ; у тавастовъ — 183,54 у мужчинъ и 172,47 у женщинъ,—величины, какъ видимъ, очень близкія, и только едва замѣтно лицо таваста длиннѣе лица карела. У женщинъ эта разница замѣтна болѣе. Если длина лица въ 182,6 mm. у великоруссовъ можетъ «льстить національному чувству, давая лишній поводъ къ опроверженію сложившагося о насъ въ Европѣ мнѣнія и проведенія болѣе рѣзкой черты различія между нами и татарами», то величина въ 183,42 mm. даетъ большее право финнамъ опровергать мнѣніе о близкомъ родствѣ ихъ съ тюрками и монголами.

Большинство авторовъ признаетъ финновъ длиннолицыми; только одни считаютъ наиболѣе длиннолицыми кареловъ, а другіе — тавастовъ. Такъ, Ретціусъ для карела даетъ 189 mm., а для таваста — только 176 mm. Д-ръ Елисѣевъ, наоборотъ, считаетъ лицо таваста значительно длиннѣе карела. Вотъ еще нѣсколько цифръ для сравненія: вогулы—177, вотяки— 177, лопари—181, латыши—185, зыряне—192, мордва—189, пермяки— 173, остяки—181, бѣлоруссы—186, великоруссы—182 и малоруссы—180. Значитъ, мои финны являются значительно длиннолицыми, какъ среди своихъ сородичей, такъ и среди своихъ восточныхъ сосѣдей—славянъ.

Не останавливаясь на индивидуальныхъ колебаніяхъ лицевой линіи, перейдемъ къ зависимости ея отъ роста (табл. 20). Для малаго роста абсо-

[1]) По нормамъ А. А. Ивановскаго.

Табл. 20.

		Малый.		Ниже средн.		Выше средн.		Высокій.	
		Абс.	%.	Абс.	%.	Абс.	%.	Абс.	%.
Мужчины.	Малая . . .	3	14,29	5	12,50	5	10,64	1	2,38
	Средняя . .	13	61,90	20	50,00	21	44,68	18	42,86
	Большая . .	5	23,81	15	37,50	21	44,68	23	54,76
Женщины.	Малая . . .	—	—	24	54,55	19	54,28	5	23,81
	Средняя . .	—	—	18	40,90	15	42,86	12	57,14
	Большая . .	—	—	2	4,55	1	2,86	4	19,05

лютная длина лица—180,09, для ниже средняго—182,00, выше средняго—184,00 и высокаго — 185,78, т.-е. абсолютная длина лица постепенно, вполнѣ правильно увеличивается съ повышеніемъ роста. То же и у женщинъ: при ростѣ ниже средняго—169,81, выше средняго — 171,03 и при высокомъ—176,57. Относительная величина даетъ обратную картину (табл. 21): для малаго роста — 11,40, ниже средняго — 11,19, выше средняго—

Табл. 21.

Ростъ.	Мужчины.			Женщины.		
	Число наблюд.	Абсолют. длина.	Относит. длина.	Число наблюд.	Абсолют. длина.	Относит. длина.
Малый.	21	180.09	11,40	—	—	—
Ниже средняго. .	40	182.00	11.19	44	169,81	11,33
Выше средняго. .	47	184.00	10.98	35	171.03	10.98
Высокій	42	185.78	10,70	21	176.57	10.89
Низкій.	61	181.34	11.26	44	169.81	11.33
Высокій	89	184.84	10,81	56	173.11	10,95

10,98 и для высокаго 10,70; у женщинъ: для роста ниже средняго—11,33, выше средняго — 10,97 и для высокаго — 10,89, т.-е. съ увеличеніемъ роста относительная величина падаетъ. Это вполнѣ подтверждаетъ выводы А. Г. Рождественскаго о соотношеніи роста и величины головы въ вертикальной проекціи.

По типамъ цвѣтности колебанія лицевой линіи таковы (табл. 22): свѣтлый типъ мужчинъ (средняя) — 184,91, темный — 181,69, смѣшанный—183,46; у женщинъ: свѣтлый типъ—175,14, темный—169,68, смѣшанный—169,76. Преобладающая величина свѣтлаго типа можетъ быть объяснена значительной высокорослостью этого типа, чего нельзя сказать о смѣшанномъ типѣ у мужчинъ, который, какъ мы видѣли, уступаетъ въ ростѣ темному типу. То же исключеніе наблюдается и въ относительныхъ величинахъ длины лица: свѣтлый –11,06, темный—10,93 и смѣшанный—

Табл. 22.

	Мужчины.						Женщины.					
	Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.		Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Малая	3	5,17	6	11,76	5	12,19	11	31,43	19	59,38	18	54,55
Средняя	26	44,83	26	50,98	20	48,78	20	57,14	10	31,25	15	45,45
Большая	29	50,00	19	37,26	16	39,03	4	11,43	3	9,37	—	—
Средняя	184,91		181,69		183,46		175,14		169,68		169,76	

11,04. Останавливаться на зависимости длины лица отъ возраста я не буду; она представлена на табл. 23-ей.

Табл. 23.

	Мужчины.			Женщины.		
	Чис. наб.	Сумма.	Средня.	Чис. наб.	Сумма.	Средня.
20—25	31	5706	184,06	33	5700	172,72
26—30	22	4048	184,00	15	2590	172,66
31—35	21	3855	183.57	11	1928	175,27
36—40	21	3806	181,24	10	1726	172,60
41—45	30	5486	182,20	20	3392	169,60
46—50	25	4612	184,48	11	1830	166,36
20—30	53	9754	184,04	48	8290	172,70
31—40	42	7661	182,40	21	3654	174,00
41—50	55	10098	183,60	31	5222	168,45

Лицевой указатель (табл. 24) равенъ въ среднемъ у мужчинъ — 76,79, у женщинъ — 77,14, т.-е. лицо женщинъ нѣсколько шире лица мужчинъ. У мужч.-кареловъ средній лицевой указатель — 76,56, у женщинъ—77,15, у мужч.-тавастовъ—77,27, у женщинъ—77,12. Найденныя цифры вполнѣ соотвѣтствуютъ литературнымъ даннымъ. Большинство авторовъ, отмѣчая нѣкоторую скуластость финновъ вообще, согласно утверждаютъ, что тавасты отличаются наиболѣе широкимъ лицомъ, тогда какъ лицо карела болѣе овально. Къ сожалѣнію, большинство авторовъ не приводитъ цифръ. Единственныя цифровыя данныя (Ретціуса) показываютъ для карела — 73,66, для таваста — 79,41. Приведу нѣсколько цифръ для сравненія: вогулы—75,77, вотяки—78,70, зыряне—76,45, остяки—79,60, пермяки — 81,00, бѣлоруссы — 76,22, великоруссы — 76,73, малоруссы — 78,12. Изъ этого сравненія видно, что если мои финны (мезопрозопы) и обнаруживаютъ нѣкоторую склонность къ широколицости, однако не больше, чѣмъ ихъ восточные сосѣди.

Табл. 24.

		Число наблюденій.	Minimum.	Maximum.	Разность.	Средняя.	Абс. числа.			Проценты		
							Малый до 70,00.	Средній 70,01—80,00.	Большой 80,01 и бол.	Малый.	Средній.	Больш.
Финны.	Мужчины.	150	65,65	90,12	24,47	76,79	7	112	31	4,66	74,67	20,67
	Женщины.	100	68,78	89,04	20,29	77,14	2	77	21	2,00	77,00	21,00
Карелы	Мужчины.	100	65,65	88,89	23,24	76,56	5	77	18	5,00	77,00	18,00
	Женщины.	62	69,15	89,04	19,89	77,15	1	49	12	1,61	79,04	19,35
Тавасты.	Мужчины.	50	68,36	90,12	21,76	77,27	2	35	13	4,00	70,00	26,00
	Женщины.	38	68,75	87,01	18,26	77,12	1	28	9	2,63	73,63	23,73

Посмотримъ теперь, какова зависимость между лицевымъ указателемъ и головнымъ. Малый лицевой указатель чаще всего (57%) встрѣчается у мезоцефаловъ и совершенно отсутствуетъ у долихоцефаловъ; средній (52%) и большой (64,5%) указатели чаще наблюдаются у брахицефаловъ, т.-е. замѣтна значительная склонность короткоголовыхъ къ хамэпрозопіи, хотя имъ присуща въ значительной степени и лептопрозопія. Почти та же картина и у женщинъ. По типамъ цвѣтности рѣзкой разницы лицевой указатель не обнаруживаетъ (табл. 25): для свѣтлаго типа—76,25, для темнаго—77,63

Табл. 25.

	Мужчины.						Женщины.					
	Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.		Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Лептопрозопы .	2	3.45	1	1.96	4	9.76	1	2.86	1	3.12	—	—
Мезопрозопы . .	48	82.76	35	70.59	28	68.29	28	80.00	25	78.13	24	72.72
Хамэпрозопы . .	8	13.79	14	27.45	9	21.95	6	17.14	6	18.75	9	27.28
Средняя . .	—	76.25	—	77.63	—	76.77	—	76.08	—	77.40	—	77.99

и смѣшаннаго—76,77, т.-е. самыми широколицыми оказываются представители темнаго типа; у женщинъ: свѣтлый типъ—76,08, темный—77,40 и смѣшанный—77,99; слѣдовательно, у женщинъ хамэпрозопія болѣе свойственна смѣшанному типу и менѣе всего свѣтлому. Не останавливаясь на зависимости лицевого указателя отъ возраста (она представлена на табл. 26-ой), я скажу еще нѣсколько словъ о соотношеніи его съ ростомъ. Изъ

Табл. 26.

		20—25		26—30		31—35		36—40		31—45		46—50	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Мужчины.	Лептопрозопы	1	3,23	—	—	2	9,52	2	9,52	2	6,67	—	—
	Мезопрозопы.	25	80,64	20	90,91	14	66,67	11	52,38	22	73,33	20	80,00
	Хамэпрозопы.	5	16,13	2	9,09	5	23,81	8	38,10	6	20,00	5	20,00
Женщины.	Лептопрозопы	—	—	1	6,67	1	9,09	—	—	—	—	—	—
	Мезопрозопы.	26	78,79	12	80,00	10	90,91	7	70,00	14	70,00	8	72,73
	Хамэпрозопы.	7	21,21	2	13,33	—	—	3	30,00	6	30,00	3	27,27

табл. 27-ой видно, что малый лицевой указатель даетъ 9,5% въ низкомъ ростѣ, 7,5%—въ ростѣ ниже средняго и по 2% въ ростѣ выше средняго

Табл. 27.

		Малый.		Ниже средн.		Выше средн.		Высокій.	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Мужчины.	Лептопрозопы .	2	9,52	3	7,50	1	2,12	1	2,38
	Мезопрозопы. .	17	80,96	23	57,50	37	78,72	35	83,33
	Хамэпрозопы. .	2	9,52	14	35,00	7	19,15	6	14,29
Женщины.	Лептопрозопы .	—	—	1	2,27	—	—	1	4,76
	Мезопрозопы. .	—	—	33	75,00	27	77,14	17	80,95
	Хамэпрозопы. .	—	—	11	22,73	8	22,86	3	14,29

и высокомъ; средній лицевой указатель даетъ 81% въ маломъ ростѣ и 83% въ высокомъ; наконецъ, большой лицевой указатель—9,5% въ маломъ ростѣ и 14% въ высокомъ, т.-е. низкому росту болѣе свойственна лептопрозопія, а высокому—хамэпрозопія, что вполнѣ сходится съ выводами д-ра Воробьева, который констатировалъ «возрастаніе съ увеличеніемъ роста абсолютныхъ и убываніе относительныхъ величинъ всѣхъ главнѣйшихъ измѣреній черепа и лица». Обращая вниманіе въ табл. 27-ой на огромный процентъ въ низкомъ ростѣ мезопрозоповъ и одинаковое съ лептопрозопами количество хамэпрозоповъ, можно смѣло сказать, что низкому росту далеко не чужда широколицость. У женщинъ, какъ видно изъ таблицы, наблюдаются обратныя отношенія: лептопрозоповъ болѣе въ высокомъ ростѣ, а хамэпрозоповъ въ маломъ; но значительный процентъ мезопрозоповъ въ высокомъ ростѣ нѣсколько возстановляетъ обычную картину.

Носовой указатель (табл. 28) равенъ въ среднемъ у мужчинъ—66,67, у женщинъ—66,66. Такимъ образомъ, женщины показываютъ по носовому указателю полное сходство съ мужчинами. Отдѣльно для ка-

Табл. 28.

		Число набл.	Minimum.	Maximum.	Разность.	Средняя.	Абс. числа			Проценты.		
							Малый.	Средний.	Большой	Малый.	Средний.	Большой
Финны.	Мужчины .	150	46,66	100,00	53,34	66,67	101	43	6	67,33	28,67	4,00
	Женщины.	100	45,72	90,90	45,18	66,66	71	28	1	71,00	28,00	1,00
Карелы.	Мужчины .	100	46,66	100,00	53,34	65,27	75	22	3	75,00	22,00	3,00
	Женщины.	62	51,85	90,90	39,05	67,38	40	21	1	64,52	33,87	1,61
Тавасты.	Мужчины .	50	48,57	91,67	43,10	69,41	26	21	3	52,00	42,00	6,00
	Женщины.	38	45,72	83,72	38,10	65,48	31	7	—	81,58	18,42	—

реловъ и тавастовъ цифры получаются такія: у кареловъ-мужчинъ—65,27, у женщинъ—67,38; у тавастовъ-мужчинъ—69,41, у женщинъ—65,48, т.-е. карелы-мужчины оказываются болѣе узконосы, чѣмъ тавасты, у женщинъ—наоборотъ. Слѣдовательно, мои финны должны быть отнесены къ узконосымъ народамъ (по классификаціи А. А. Ивановскаго, какъ имѣющіе отъ 50 до 74%,—у меня 67% лепториновъ). Этотъ выводъ не противорѣчитъ литературнымъ даннымъ. Финская миѳологія, искусство и большинство ученыхъ описываютъ носъ финна длиннымъ и довольно правильнымъ, но отмѣчается рѣзкая разница между карелами и тавастами: первымъ приписываютъ носъ прямой, длинный и красивый, а вторымъ—неправильный, широкій, а, по Гартману, даже съ приподнятымъ кверху концомъ (курносый). Къ сожалѣнію, ни одинъ авторъ не приводитъ цифровыхъ данныхъ, и вездѣ приходится вѣрить на слово. Единственная величина дана д-ромъ Елисѣевымъ и то въ такой неопредѣленной формѣ: «носовой указатель финновъ вывелъ равнымъ въ среднемъ около 70» (цифра довольно близкая къ моей). Сравнивая носовой указатель моихъ финновъ съ другими народностями, легко видѣть, что они не представляютъ никакого исключенія какъ среди сородичей, такъ и среди своихъ сосѣдей: бѣлоруссы — 69,26, великоруссы—68,23, малоруссы— 67,77, мордва — 66,70, зыряне — 64,73, латыши—63,78, остяки—74,13.

Не останавливаясь на отношеніи носового указателя къ цвѣтности (табл. 29), возрасту (табл. 30) и росту (табл. 31), я только кратко укажу, что лепторины обладаютъ большой брахицефаліей (53% у мужчинъ и 73% у женщинъ), среднимъ лицевымъ указателемъ (мезопрозоповъ — 79% у мужчинъ и 83% у женщинъ) и, повидимому, болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ

Табл. 29.

	Мужчины.						Женщины.					
	Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.		Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Малый	38	65,52	34	66,67	29	70,73	27	77,14	19	59,37	25	75,76
Среднiй.	18	31,03	15	29,41	10	24,39	7	20,00	13	40,63	8	24,24
Большой	2	3,45	2	3,92	2	4,88	1	2,86	—	—	—	—
Средняя.	—	66,61	—	67,47	—	65,75	—	65,83	—	68,29	—	65,97

Табл. 30.

		20 — 25.		26 — 30.		31 — 35.		36 — 40.		41 — 40.		46 — 50.	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Мужчины.	Малый . . .	22	70,97	13	59,09	16	76,19	14	66,67	20	66,67	16	64,00
	Среднiй. . .	8	25,80	9	40,91	5	23,81	6	28,57	8	26.66	7	28,00
	Большой . .	1	3,23	—	—	—	—	1	4,76	2	6,67	2	8,00
Женщины	Малый . . .	26	78,79	12	80,00	8	72,73	6	60,00	15	75,00	4	36,36
	Среднiй. . .	7	21,21	3	20,00	3	27,27	4	40,00	4	20,00	7	63.64
	Большой . .	—	—	—	—	—	—	—	—	1	5,00	—	—

Табл. 31.

		Мужчины.								Женщины.							
		Ма ый		Ниже средн.		Выше средн.		Высокiй.		Малый.		Ниже сред".		Выше средн.		Высокiй.	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Финны.	Малый . . .	17	80,95	27	67,50	29	61,70	28	66,67	—	—	34	77,27	22	62,86	15	71,43
	Среднiй . .	4	19.05	10	25,00	15	31.92	14	33,33	—	—	9	20,46	13	37,14	6	28,57
	Большой . .	—	—	3	7,50	3	6,38	—	—	—	—	1	2,27	—	—	—	—
Карелы.	Малый. . .	16	84,19	19	67,83	21	75,17	19	79 17	—	—	19	71,53	13	59,09	8	61,42
	Среднiй. . .	3	15,79	7	25,00	7	24,13	5	20,83	—	—	7	25,94	9	40,90	5	38,45
	Большой. .	—	—	2	7,14	1	3,45	—	—	--	—	1	3,70	—	—	—	—
Тавасты.	Малый. . .	1	50,00	8	66,66	8	44,43	9	49,98	—	—	15	88,23	9	69,21	7	87,50
	Среднiй. . .	1	50.00	3	25,00	8	44,43	9	49,98	—	—	2	11,76	4	30,76	1	12,50
	Большой . .	—	—	1	8,33	2	11,10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

волосъ и глазъ. Наоборотъ, болѣе широконосые субъекты являются болѣе широколицыми и принадлежатъ къ болѣе темному типу.

Послѣ бѣглаго обзора главнѣйшихъ антропологическихъ признаковъ я постараюсь кратко нарисовать преобладающiй, такъ сказать, среднiй типъ

современнаго финна. Выше я не разъ подчеркивалъ большую смѣшанность современнаго населенія Финляндіи, и потому понятно, что этотъ средній типъ выраженъ у нихъ не рѣзко опредѣленными, а сглаживающимися, легкими чертами. Типъ этотъ характеризуется русыми волосами (то свѣтлаго, то темнаго оттѣнка), свѣтлыми глазами (чаще всего свѣтло-синими), ростомъ выше средняго или даже, можно сказать, высокимъ, умѣренной брахицефаліей (суббрахицефалы), мезопрозопіей и лепториніей. Приблизительно также должны быть охарактеризованы и женщины: онѣ имѣютъ русые волосы нѣсколько болѣе свѣтлаго оттѣнка, чѣмъ мужчины; свѣтлые глаза (чаще всего сѣраго и голубого цвѣта); роста выше средняго; имѣютъ нѣсколько большую, чѣмъ мужчины, брахицефалію и мезопрозопію и нѣсколько меньшую лепторинію.

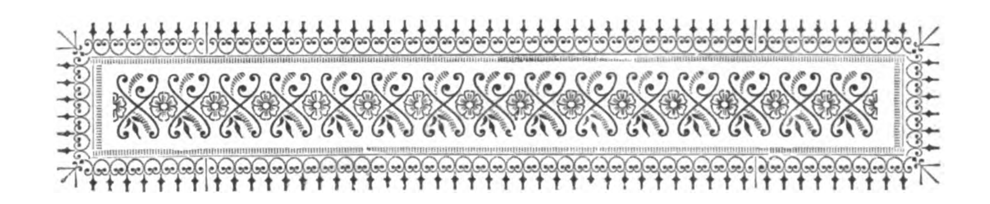
Если этотъ средній типъ, безусловно сложный, множественный, разбить на составныя части, насколько это позволяетъ мой матеріалъ, то мы получимъ слѣдующія группы: во-первыхъ, высокорослаго брахицефала съ свѣтлыми волосами и глазами, съ длиннымъ лицомъ лептопрозопа и лепторина; во-вторыхъ, темнаго типа брахицефала, роста средняго, съ широкимъ лицомъ и носомъ; въ-третьихъ, коротколицаго долихоцефала темнаго типа, роста ниже средняго, съ довольно узкимъ носомъ, и, наконецъ, слѣдуетъ еще отмѣтить (5%) низкорослаго, рыжеволосаго брахицефала, съ довольно широкимъ лицомъ и носомъ. Не разбирая подробно эти намѣчающіяся группы, посмотримъ, какъ онѣ распредѣлятся при раздѣленіи нашего матерьяла на кареловъ и тавастовъ.

Первыхъ, на основаніи моихъ данныхъ, можно охарактеризовать, какъ темнорусыхъ, свѣтлоглазыхъ брахицефаловъ, выше средняго роста, среднелицыхъ и узконосыхъ; кромѣ того, для нихъ слѣдуетъ еще отмѣтить низкорослыхъ брахицефаловъ (47%) съ темными волосами и свѣтлыми глазами (смѣшаннаго типа), мезопрозоповъ и лепториновъ. Среднимъ типомъ для таваста является высокорослый брахицефалъ съ свѣтлыми глазами и волосами, съ довольно массивнымъ лицомъ и носомъ; кромѣ того, наблюдается высокорослый долихоцефалъ темнаго типа, среднелицый и средненосый и низкорослый, рыжеволосый брахицефалъ съ довольно широкимъ лицомъ и носомъ.

Изъ этой краткой характеристики мы можемъ сдѣлать, во-первыхъ, тотъ выводъ, что современное населеніе Финляндіи по своему физическому типу представляетъ довольно пеструю картину безъ ясныхъ, опредѣленныхъ контуровъ, во-вторыхъ, что дѣленіе на кареловъ и тавастовъ, представляющихъ нѣкоторое различіе, не прибавляетъ этой картинѣ опредѣленности, а оставляетъ то же впечатлѣніе крупно-кристаллической смѣси, которая заставляетъ предполагать присутствіе еще другихъ, можетъ-быть, многихъ этническихъ группъ, которыя также участвовали въ созданіи типа современнаго финна. Я не буду разбираться во всѣхъ тѣхъ факторахъ, подъ

вліяніемъ которыхъ складывался этотъ множественный типъ,—это завело бы насъ слишкомъ далеко. Признавая для финновъ характернымъ типъ высокорослаго, свѣтловолосаго и свѣтлоглазаго брахицефала, мы могли бы, согласно большинству авторовъ, средне-рослаго, темноволосаго брахицефала искать среди вліяній восточныхъ сосѣдей-славянъ, а низко-рослаго долихоцефала темнаго типа искать въ той длинноголовой расѣ, которая, можетъ-быть, была предшественницей финновъ въ Вост. Европѣ и т. д.; все-таки мы не смогли бы теперь придать должную опредѣленность нашей картинѣ, расчленить ее на всѣ составныя части. Это будетъ возможнымъ только тогда, когда подробно будутъ изучены всѣ народности, входящія въ составъ единаго, въ политическомъ смыслѣ, финскаго народа, когда будетъ тщательно пересмотрѣна и твердо установлена финно-угорская семья народовъ и подробно изучены всѣ ея сосѣди.

А. Колмогоровъ.

О формахъ Apertura pyriformis и ихъ географическомъ распространеніи.

Края грушевиднаго отверстія на черепахъ не всегда бываютъ одинаковы у различныхъ народностей. Топинаръ, изслѣдовавъ различные черепа, устанавливаетъ четыре формы Apertura pyriformis. Первая форма, которую онъ называетъ классической, свойственна черепамъ европейскихъ народовъ и въ особенности басковъ. Отличительныя черты ея заключаются въ томъ, что она похожа на перевернутыя карточныя черви, средняя часть которыхъ и стороны основанія образованы изъ spina и incisura nasalis; край ея, образуя основаніе для fossa nasalis, на всемъ протяженіи острый.

Вторая форма Apertura pyriformis имѣетъ нижній край тупой и круглый, при уменьшающемся spina nasalis извнутри наружу. Острые края удаляются въ обѣ стороны; на мѣстѣ же ихъ прежняго распространенія образуется родъ платформы. Эту форму Топинаръ находитъ свойственной африканскимъ неграмъ.

Иногда боковой край Apertura pyriformis въ нижней своей части раздвояется на двѣ губы, образуя пространство на-подобіе треугольниковъ, которое служитъ продолженіемъ бокового края грушевиднаго отверстія. Въ иныхъ случаяхъ оно едва замѣтно, въ другихъ получаетъ развитіе и занимаетъ мѣсто между fossa nasalis и передней частью верхней челюсти. Топинаръ замѣтилъ такія поперечныя продолженія у полинезійскихъ и меланезійскихъ череповъ.

Четвертая форма Apertura pyriformis, по Топинару, заключается въ слѣдующемъ: нижняя плоскость носовой полости наклонена впередъ, и вмѣстѣ съ плоскостью fossa nasalis и передней плоскостью верхней челюсти онѣ образуютъ родъ кривой плоскости на-подобіе того, какъ у человѣкоподобныхъ обезьянъ. Топинаръ различаетъ въ этой формѣ два случая: въ первомъ наклонъ — умѣренный, во второмъ — болѣе сильный. Работая надъ высшими и низшими расами, Топинаръ пришелъ къ слѣдующему выводу: острая форма носового отверстія ствойственна почти всѣмъ бѣлымъ расамъ; въ противоположность высшимъ у низшихъ расъ встрѣчается дѣленіе ниж-

няго края на двѣ и даже на три губы, сглаживаніе переднихъ губъ и ихъ исчезаніе; это и есть признакъ низшаго характера, встрѣчающійся у негровъ и болѣе или менѣе напоминающій соотвѣтствующее образованіе у большей части обезьянъ.

У европейскихъ череповъ съ выраженнымъ прогнатизмомъ было замѣчено, что нижній край носового отверстія сильно сглаживается, и съ каждой стороны появляется по двѣ губы, которыя образуютъ fossae praenasales. Эта особенность, а также и другія, свойственныя, по Топинару, низшимъ расамъ, встрѣчаемыя и среди европейскаго населенія, были объясняемы нѣкоторыми нѣмецкими авторами атавизмомъ.

У древне-баварскаго населенія Ранке нашелъ низшій признакъ очень рѣдкимъ, у современнаго же населенія сѣверо-восточной Баваріи онъ очень частъ. На основаніи этого Ранке заключаетъ, что fossae praenasales теряютъ свое значеніе, какъ признакъ низшей расы.

Колльманъ высказывается противъ такого заключенія. Онъ различаетъ два главныхъ черепныхъ типа, изъ которыхъ одинъ представляется съ узкимъ лептопрозопическимъ лицомъ, съ мало выраженной скуластостью, круглымъ отверстіемъ широко открытыхъ глазничныхъ впадинъ, высокимъ носовымъ хребтомъ и длиннымъ узкимъ носомъ; второй типъ — съ болѣе широкими, чѣмъ высокими, глазничными впадинами, съ широкимъ и короткимъ носомъ, съ сильно выступающими скулами и съ вполнѣ широкимъ хамэпрозопическимъ лицевымъ черепомъ. Колльманъ замѣтилъ, что у послѣдняго типа чаще бываетъ обезьяноподобные признаки, чѣмъ у перваго (т.-е. съ высокимъ лицомъ), и одинъ изъ этихъ признаковъ есть форма носового отверстія, какъ по отношенію къ ея высотѣ, такъ и существованію fossa praenasalis. Поэтому, замѣчаетъ онъ, обезьяноподобные признаки не могутъ быть мѣрой культурнаго развитія; fossae praenasales суть питекоидный признакъ, встрѣчаются ли онѣ у негровъ или у нѣмцевъ средней Германіи.

Мингазини, объясняя различіе каждаго обезьяноподобнаго признака путемъ ихъ развитія, высказывается противъ ихъ филогенетическаго значенія. Онъ такъ же, какъ и Топинаръ, различаетъ четыре формы Apertura pyriformis, при чемъ каждой формѣ даетъ соотвѣтствующее названіе.

Первая форма, имѣющая со всѣхъ сторонъ острый край и обыкновенная для европейскихъ череповъ, заслуживаетъ, по его мнѣнію, названія forma antropina.

Вторую форму — forma infantilis — онъ находитъ сходной съ встрѣчаемой на черепахъ дѣтскаго возраста. Для этой формы характерны слѣдующія образованія: боковые края Apertura pyriformis—острые и въ большинствѣ случаевъ въ верхней части довольно близки другъ къ другу, въ нижней же, напротивъ, удаляясь, они переходятъ въ слегка притупленный и немного выгнутый впередъ въ этомъ возрастѣ нижній край Apertura pyriformis.

Когда ко всему этому прибавить незначительное образованіе spina nasalis anterior и косое направленіе processus alveolaris верхнечелюстной кости къ плоскому базису fossa nasalis, это и есть характерное образованіе Apertura pyriformis въ дѣтскомъ возрастѣ. Разница, которая отличаетъ forma infantilis взрослыхъ отъ дѣтей, состоитъ только въ болѣе сильномъ ея развитіи и въ болѣе косомъ положеніи processus alveolaris верхнечелюстной кости. Образуется forma infantilis у взрослыхъ вслѣдствіе недоразвитія части кости, ограничивающей Apertura pyriformis снизу.

Иногда случается, какъ замѣтилъ Мингазини, что край, долженствующій ограничить Apertura pyriformis снизу, нѣсколько отступаетъ назадъ и вмѣсто того, чтобы слиться съ боковымъ краемъ, продолжается на задней сторонѣ concha inferior; между тѣмъ боковой край Apertura pyriformis направляется самостоятельно, пока не сольется съ spina nasalis anterior: ясно, что имѣется форма истинной ямочки fossa praenasalis, ограниченной двумя острыми краями; чѣмъ выше они поднимаются, тѣмъ глубже ямочки. Такая Apertura pyriformis составляетъ третью форму и носитъ названіе fossa praenasalis. Эту особенность Топинаръ нашелъ у низшихъ меланезійскихъ череповъ, при чемъ глубина fossa praenasalis въ одномъ случаѣ достигала до одного сантиметра и допускала введеніе указательнаго пальца.

По мнѣнію Мингазини, послѣдняя форма носового отверстія есть не что иное, какъ видоизмѣненіе forma antropina путемъ раздѣленія нижняго ограничивающаго края на два, что легко объясняетъ тотъ фактъ, что эту форму Ранке нашелъ болѣе частой у современнаго населенія сѣверо-восточной Баваріи, чѣмъ у древнихъ баварцевъ. Четвертой формѣ Мингазини заимствуетъ у Sergi названіе clivus nasoalveolaris (предпочитая названію «обезьяній желобъ» Топинара), у которой отсутствіе или атрофія spina nasalis anterior заставляетъ ее приближаться къ подобному образованію у гориллы. [1])

Работа Thomas Dwight'a [2]) касается только одного изъ признаковъ, а именно fossa praenasalis. По его мнѣнію, fossa praenasalis ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть признакомъ обезьяноподобнымъ, а встрѣчается чаще у людей и иногда достигаетъ очень высокаго развитія; наибольшее же приближеніе къ ней находятъ не у обезьянъ, а у морского тюленя. Не считая этотъ признакъ ни регрессивнымъ, ни прогрессивнымъ, онъ относитъ его къ случайнымъ, вызваннымъ родствомъ между далеко отстоящими животными, на-подобіе родства между конечностями ихтіозавра и плавательными перьями кита, вызваннаго однородностью внѣшнихъ дѣйствій.

---

[1]) *Dr. G. Mingazzini.* Ueber die verschidenen Formen der Apertura pyriformis. „Archiv für Anthropologie", 1891.

[2]) *Thomas Dwight.* Fossa praenasalis. „Archiv für Anthropologie", 1892.

Въ настоящей статьѣ я постараюсь изложить то, что мнѣ пришлось замѣтить при просмотрѣ коллекцій череповъ Антропологическаго музея Московскаго университета.

Даже при бѣгломъ взглядѣ на черепа, взятые изъ далеко удаленныхъ другъ отъ друга мѣстностей и принадлежащихъ къ различнымъ племенамъ, можно замѣтить довольно значительныя варіаціи нижняго края Apertura pyriformis. Отъ остраго края, ограничивающаго со всѣхъ сторонъ носовое отверстіе, при сильно развитомъ spina nasalis anterior, черезъ цѣлый рядъ промежуточныхъ формъ можно перейти къ далеко удаленной формѣ Apertura pyriformis съ полнымъ отсутствіемъ spina nasalis anterior и нижняго ограничивающаго края, каковой замѣняется желобомъ, образующимся на днѣ носовой полости и, при сильно выраженномъ прогнатизмѣ, продолжающимся на переднюю часть верхней челюсти къ зубнымъ ячейкамъ. Изъ цѣлаго ряда такихъ формъ можно выдѣлить тѣмъ не менѣе слѣдующіе пять типовъ [1]).

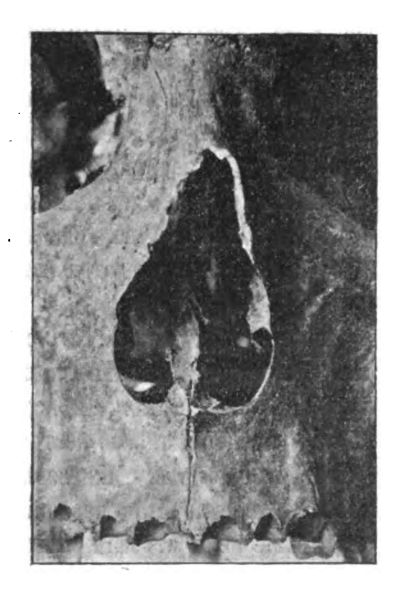

Рис. 1. Forma antropina (черепъ вырытъ во дворѣ Московскаго университета).

1-й типъ. Forma antropina имѣетъ видъ перевернутыхъ карточныхъ червей съ острымъ краемъ на всемъ ея протяженіи и сильно развитымъ spina nasalis anterior, иногда выступающимъ далеко наружу (рис. 1).

2-й типъ. Forma infantilis имѣетъ ту характерную особенность, что нижній край Apertura pyriformis всегда бываетъ притупленъ и закругленъ. Общій же видъ носового отверстія при этой формѣ сильно варьируетъ въ зависимости отъ большаго или меньшаго развитія spina nasalis. Онъ или приближается, при сильномъ развитіи spina, къ формѣ карточныхъ червей, имѣя при этомъ большое сходство съ forma antropina (рис. 2), или же имѣетъ, при недоразвитіи spina nasalis, форму треугольника (рис. 3), основаніемъ котораго служитъ тупой и притупленный край, отграничивающій нижнюю плоскость носовой полости отъ наружной передней части верхней челюсти, при чемъ въ первомъ случаѣ образуется со дна носовой полости уступъ, опредѣляющій форму носового отверстія снаружи, во

---

[1]) Названія первыхъ четырехъ типовъ взяты изъ вышеуказанной работы Mingazzini.

второмъ этого уступа нѣтъ, и нижній край Apertura pyriformis лежитъ непосредственно на переднемъ краѣ нижней носовой плоскости. Первая варіація formae infantilis приближается по типу, какъ упомянуто выше, къ f. antropina, различіе состоитъ въ тупомъ и притупленномъ нижнемъ краѣ носового отверстія; она встрѣчается у субъектовъ съ вполнѣ развитымъ черепнымъ скелетомъ, тогда какъ вторая варіація f. infantilis имѣется на черепахъ, не вышедшихъ еще изъ дѣтскаго возраста, или же на черепахъ, не имѣющихъ достаточной массивности костей, повидимому, женскихъ.

3-й типъ. Fossae praenasales имѣютъ форму полулунныхъ ямочекъ, ограниченныхъ двумя губами, идущими одна отъ spina nasalis anterior по

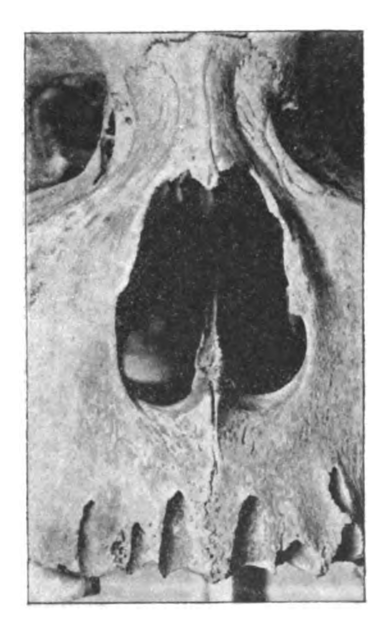

Рис. 2. Forma infantilis, близкая къ формѣ antropina (черепъ калмыка Астраханской губ.).

Рис. 3. Forma infantilis, характерная для дѣтскихъ череповъ (ороченскій черепъ).

дну носовой полости къ внутреннему краю носового отростка верхней челюсти, другая направляется отъ бокового края Aper. pyrif. нѣсколько книзу и впередъ и, дугообразно изгибаясь, соединяется съ spina nasalis anterior, ограничивая такимъ образомъ съ первой губой ямочное образованіе полулунной формы (рис. 4 и 5). Губы бываютъ различной высоты и болѣе или менѣе округлены. Иногда онѣ рѣзко ограничиваютъ полулунныя ямочки, иногда же настолько сглаживаются, что представляютъ только чуть замѣтные слѣды ихъ прежняго направленія, и ямочныя углубленія могутъ быть замѣчены только наощупь. Просматривая многочисленные черепа съ fossa praenasalis древняго населенія Россіи, а также черепа австралійцевъ и жи-

телей Зондскаго архипелага, нельзя не найти нѣкотораго разнообразія въ формахъ fossa praenasalis среди тѣхъ и другихъ. Можно было наблюдать въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при сглаживаніи какой-либо одной губы и при закругленности или полномъ развитіи другой, переходныя формы къ f. infantilis и f. antropina. У европейскихъ племенъ нижняя губа, при незначительной глубинѣ fossa praenasalis, является нерѣдко сильно сглаженной, тогда какъ вторая, имѣя большое развитіе, ясно ограничиваетъ нижнюю часть носового отверстія, имѣя при этомъ большое сход-

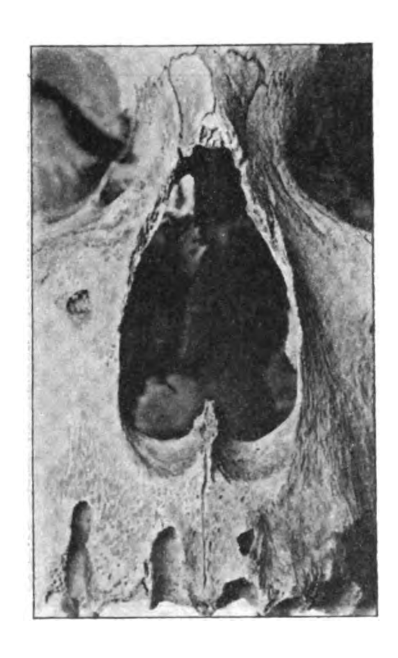

Рис. 4. Fossa praenasalis съ рѣзко ограничивающими губами (нѣмецкій черепъ изъ м. Biberstein около Берлина).

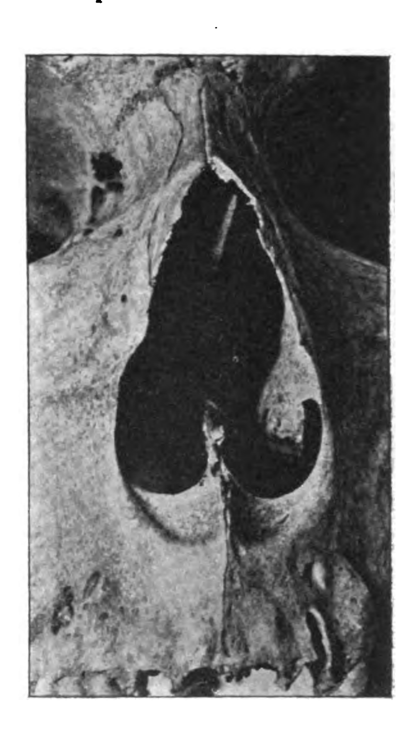

Рис. 5. Fossa praenasalis съ нѣсколько округленными нижними губами (черепъ киргиза изъ г. Орска).

ство съ острымъ краемъ f. antropina. Мингазини считаетъ даже fossa praenasalis за частный случай formae antropinae, но, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, fossa praenasalis имѣетъ большее сходство съ четвертымъ типомъ (clivus nasoalveolaris) носового отверстія, чѣмъ съ f. antropina.

У племенъ азіатскихъ, а еще болѣе австралійскихъ въ общемъ fossae praenasales встрѣчаются въ формахъ, болѣе рѣзко выраженныхъ, при большей глубинѣ, съ рѣзко ограниченными губами, чѣмъ у европейскихъ череповъ. Крайнюю степень развитія предносовыхъ ямокъ имѣетъ одинъ черепъ съ Сандвичевыхъ островов. Обѣ fossae развиты неодинаково:

	Правая.	Лѣвая.
Ширина (спереди назадъ)	11 mm.	16 mm.
Длина	14 „	25,5 „
Глубина	1 „	5,5 „
Окружность	42 „	84 „

Лѣвая значительно превосходитъ правую. Губы у обѣихъ fossae praenasales имѣютъ заостренные края, за исключеніемъ небольшого пространства спереди, гдѣ онѣ нѣсколько закруглены.

Обѣ fossae заходятъ на внутренюю сторону носового отростка верхней челюсти, направляясь къ concha inferior. Лѣвая fossa praenasalis поднимается значительно выше и оканчивается приблизительно на уровнѣ foramina infraorbitalia. На днѣ обѣихъ fossae praenasales имѣется сѣть небольшихъ желобковъ, оставленныхъ въ видѣ знаковъ кровеносными сосудами, соприкасавшимися съ костью въ данномъ мѣстѣ.

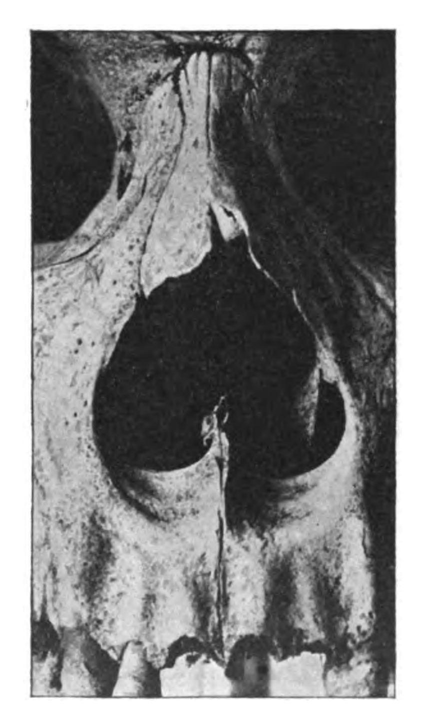

Рис. 6. Переходная форма отъ fossa praenasalis къ clivus nasoalveolaris; губы настолько сглажены, что едва замѣтны; съ лѣвой стороны замѣтны слѣды трехъ губъ, съ правой третья губа замѣтна неясно (черепъ теленгета).

При сильномъ развитіи въ глубину fossa praenasalis и при большемъ или меньшемъ сглаживаніи губъ, ограничивающихъ эти углубленія, мы будемъ имѣть на черепѣ признакъ, переходный къ четвертому типу Apertura pyriformis — clivus nasoalveolaris (рис. 6). Топинаръ различаетъ два вида желоба. Мингазини, не указывая различій въ данной формѣ, сохраняетъ общее названіе clivus nasoalveolaris, данное Sergi, такъ что становится не совсѣмъ яснымъ, обѣ ли формы обезьяньяго желоба по Топинару онъ соединяетъ подъ общимъ именемъ clivus или какую-либу одну изъ нихъ. При просмотрѣ коллекцій череповъ Антропологическаго музея Московскаго университета, можно было замѣтить двѣ различныя формы желоба, ведущаго изъ носовой полости къ альвеолярнымъ ячейкамъ. Одна форма, довольно круто спускаясь изъ носовой полости наружу, имѣетъ въ удаленной части возвышеніе, раздѣляющее нижнюю плоскость носовой полости отъ желоба и обусловливающее крутизну послѣдняго. Обособленность

этой формы заставляетъ выдѣлить ее съ самостоятельный типъ подъ названіемъ clivus nasoalveolaris (рис. 7).

Вторая форма желоба рѣзко отличается отъ первой полнымъ отсутствіемъ возвышенія, создающаго преграду между внутренней носовой полостью и наружнымъ склономъ, а потому имѣетъ болѣе пологій скатъ, и нижняя плоскость носовой полости непосредственно переходитъ въ желобъ, который, при отсутствіи или атрофіи spina nasalis anterior, представляетъ поразительное сходство съ подобнымъ же образованіемъ у гориллы или орангутанга. Обособленное положеніе, какое занимаетъ эта форма

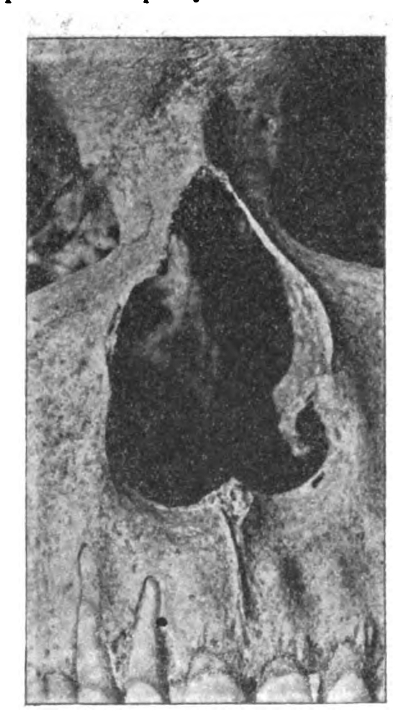

Рис. 7. Clivus nasoalveolaris (черепъ изъ кургана около ст. Павловой, Оренбургской губ).

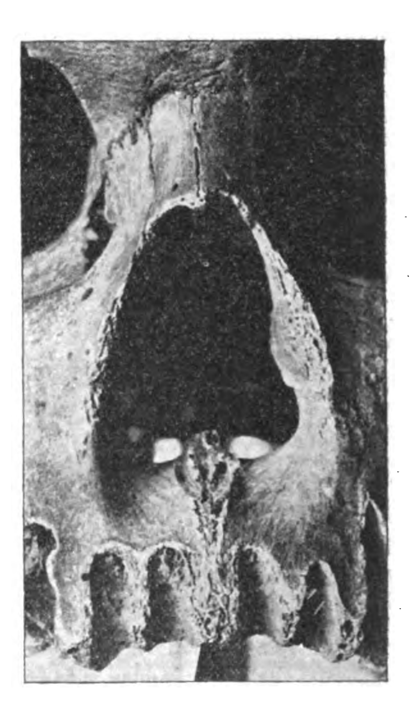

Рис. 8. Обезьяній желобъ (черепъ туземца Нов. Каледоніи).

по отношенію къ остальнымъ типамъ, а также тотъ фактъ, что она, рѣдко встрѣчаясь на материкахъ, за исключеніемъ Австраліи, довольно обыкновенна на островахъ Океаніи,—все это заставляетъ выдѣлить ее изъ остальныхъ типовъ въ самостоятельный пятый типъ и оставить характерное названіе, данное Топинаромъ, — «обезьяній желобъ» (рис. 8).

Всѣ вышеупомянутыя формы съ ихъ характерными особенностями были найдены на черепахъ просмотрѣнныхъ мною коллекцій. Преобладающее количество череповъ относится къ мѣстностямъ, находящимся въ предѣлахъ Россійской имперіи, и только 211 принадлежатъ къ западной и

и южной Европѣ и 40—странамъ Новаго Свѣта. Изъ приводимой ниже таблицы видно, изъ какихъ мѣстностей взяты черепа, въ какомъ количествѣ и какъ часто встрѣчены у нихъ различныя формы Apertura pyriformis.

Табл. 1.

Названія мѣстностей.	Число череповъ.	% различныхъ формъ.					
		Forma antropina.	Forma infantilis.	Fossa praenasalis.	Clivus nasoalveolaris.	Обезьяній желобъ.	Forma non antropina.
Архангел., Вологод. и Вятск. губ.	23	96	—	4	—	—	4
Петербургская губ.	348	95,7	1,7	2	0,6	—	4,3
Эстлянд., Лифлянд. и Курлянд. губ.	41	95	5	—	—	—	5
Тамбов., Симбир., Саратов., Самар., Тульск., Орлов., Пензен. и Калужск. губ.	65	93,9	1,5	1,5	3,1	—	6,1
Новгородская губ.	76	89,9	—	6,5	3,6	—	10,1
Москов., Тверск., Владимір., Нижегород., Костром., Смолен. и Рязан. губ.	661	89,7	3	4,1	3,2	—	10,3
Курск. и Харьков. губ.	30	86,7	3,3	10	—	—	13,3
Западн. и Южн. Европа. . . .	211	86,7	2,8	8,1	1,9	0,5	13,3
Казанская губ	65	83,1	—	7,7	9,2	—	16,9
Уфим., Пермск. и Оренбургск. губ.	122	80	3,3	12,6	4,1	—	20
Финляндія.	14	79	—	14	7	—	21
Кіев., Полтав., Черниговъ., Минская и Могилев. губ	292	78,4	6,2	8,9	6,2	0,3	21,6
Средняя Азія.	280	75	8,9	12,2	3,9	—	25
Астраханская губ.	76	73,6	5,3	5,3	15,8	—	26,4
Америка.	11	63,6	9,1	9,1	18,2	—	36,4
Урало-алтайскія племена . . .	337	51,3	11,3	18,7	14,0	4,7	48,7
Ява, Нов. Британія, Нов. Каледонія, Нов. Гвинея, Сандвич. о-ва, малайцы, папуасы. . .	29	3,4	6,9	6,9	13,8	69,0	96,5

Въ вышеприведенной таблицѣ мѣстности расположены въ нисходящемъ порядкѣ по проценту forma antropina. Нетрудно замѣтить, что наибольшее распространеніе f. antropina свойственно губерніямъ, расположеннымъ на сѣверо-западѣ Евр. Россіи, за исключеніемъ Финляндіи; нѣсколько меньшій процентъ встрѣчается въ центральныхъ губерніяхъ и въ западной и южной Европѣ; затѣмъ, по мѣрѣ удаленія къ югу и востоку въ предѣлахъ Евр. Россіи, процентъ f. antropina все болѣе и болѣе понижается; еще болѣе онъ понижается въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ, въ Астраханской губ. и въ мѣстностяхъ, заселенныхъ урало-алтайскими племенами. Американскіе черепа имѣютъ средній процентъ f. antropina между средне-азіатскими и урало-алтайскими племенами, и всего менѣе встрѣчается f. antropina на островахъ азіатско-австралійскаго средиземнаго моря, на материкѣ Австраліи и Сандвичевыхъ островахъ.

Forma infantilis въ предѣлахъ Россіи наиболѣе часто встрѣчается на черепахъ урало-алтайскихъ племенъ и средне-азіатскихъ, всего рѣже— въ центральныхъ губерніяхъ Евр. Россіи и въ Петербургской, и совершенно не было ея встрѣчено въ Казанской и Новгородской] губ., Финляндіи, въ Вологодской, Архангельской и Вятской губ. Замѣчается уменьшеніе и исчезаніе этой формы по сѣверо-западному направленію.

Fossa praenasalis, противоположно forma antropina, имѣетъ склонность увеличиваться отъ европейскихъ племенъ къ средне-азіатскимъ. У австралійцевъ и жителей Великаго океана появленіе ея также составляетъ нерѣдкость. Въ предѣлахъ Россіи замѣтно исчезаніе fossa praenasalis отъ востока къ западу. Возьмемъ для примѣра мѣстности, лежащія приблизительно на одной широтѣ и расположенныя въ восточно-западномъ направленіи. У урало-алтайскихъ племенъ на 337 череповъ fos. praenasalis составляетъ 18,7%; въ Уфимской, Пермской и Оренбургской губ., лежащихъ на западѣ отъ первыхъ, изъ 122 чер. на нее приходится 12,6%; въ Новгородской губ. изъ 76 чер. fos. praenasalis составляетъ 6,5%, въ Петербургской—изъ 348 чер. только 2% и, наконецъ, въ Прибалтійскомъ краѣ изъ 41 чер. ни одного случая съ fossa praenasalis обнаружено не было. Если принять, что монгольская раса имѣетъ большій процентъ распространенія fossa praenasalis въ сравненіи съ европейскими племенами, то такое уменьшеніе fossa praenasalis отъ востока къ западу можно объяснить вліяніемъ монгольскаго нашествія, потому что среди древнихъ череповъ Россіи могло попасть значительное количество монгольскихъ. На западѣ, въ прибалтійскихъ губерніяхъ, fossa praenasalis исчезаетъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Ранке не нашелъ этой особенности у древняго населенія Баваріи, лежащей еще далѣе на западѣ. Такимъ образомъ примѣнить объясненіе присутствія fossa praenasalis у современнаго населенія средней Германіи атавизмомъ, какъ то дѣлаетъ германская школа, для древняго населенія Россіи едва ли возможно.

Clivus nasoalveolaris встрѣчается гораздо рѣже въ сравненіи съ fossa praenasalis (139 случаевъ clivus nasoalveolaris противъ 213 fossa praenasalis изъ общаго числа 2681 чер.), но такъ же, какъ и у послѣдней, замѣчается правильность уменьшенія числа случаевъ этой формы отъ востока къ западу, что видно изъ сопоставленія урало-алтайскихъ племенъ съ Уфимской, Пермской и Оренбургской, съ Новгородской и съ Петербургской губ., гдѣ процентъ понижается по мѣрѣ удаленія къ западу отъ 14 къ 4,1; 3,6 и 0,6%. Въ Прибалтійскомъ краѣ, сѣверныхъ губерніяхъ, въ Курской и Харьковской губ. clivus nasoalveolaris совершенно обнаружено не было.

О географическомъ распространеніи обезьяньяго желоба сказать что-либо положительное трудно, такъ какъ форма эта въ просмотрѣнныхъ мною коллекціяхъ встрѣчалась сравнительно рѣдко.

Табл. 2.

	Общее число череповъ.	Обезьяній желобъ.	Clivus nasoalveolaris.
Жит. о. Явы, Нов. Брит., Нов. Каледон,,Нов.Гвинеи, Сандвич. остр.и др.	29	20	4
Орочены.	19	6	2
Неизвѣстной мѣстн. Вост. Сибири. . .	6	3	1
Остяки.	5	1	—
Лопари.	4	1	—
Болгары	31	1	—
Курганы Полтавской губ.	41	1	2
Вогулы.	61	1	2
Айны.	6	1	5
Теленгеты.	98	3	18

Изъ табл. 2-й видно, насколько часто встрѣчается обезьяній желобъ въ сравненіи съ clivus nasoalveolaris. Въ однихъ племенахъ замѣтно преобладаніе на сторонѣ обезьяньяго желоба, въ другихъ — обратно, на сторонѣ clivus nasoalveolaris.

Возвращаемся къ 1-ой таблицѣ и разбиваемъ весь собранный матеріалъ на отдѣльныя группы такимъ образомъ, что въ I группу войдутъ мѣстности, въ которыхъ процентъ forma antropina найденъ не менѣе 85,01, во II—отъ 75,01 до 85%, въ III—отъ 50,01 до 75% и въ IV—менѣе 25,01%; въ такомъ случаѣ процентъ найденныхъ различныхъ формъ носового отверстія по группамъ распредѣлится слѣдующимъ образомъ:

Табл. 3.

Формы Aperturae pyriformis.	I группа.		II груп.		III груп.		IV груп.		Общее число череповъ.
	Число череповъ.	%	Число череповъ.	%	Число череповъ.	%	Число череповъ.	%	
Forma antropina.	1325	91,1	391	79,3	446	63,4	1	3,4	2163
Forma infantilis.	36	2,5	22	4,5	68	9,6	2	6,9	128
Fossa praenasalis.	61	4,2	48	9,7	102	14,5	2	6,9	213
Clivus nasoalveolaris.	32	2,19	31	6,3	72	10,2	4	13,8	139
Обезьяній желобъ.	1	0,01	1	0,2	16	2,3	20	69,0	38
Общее число череповъ	1455	—	493	—	704	—	29	—	2681

Изъ таблицы видно, что процентъ forma antropina постепенно понижается по мѣрѣ перехода изъ одной группы въ другую; другія же формы носового отверстія измѣняются не одинаково. Clivus nasoalveolaris и обезьяній желобъ увеличиваются въ противовѣсъ уменьшенію f. antropina, чѣмъ подтверждаютъ полную противоположность своего распространенія. Forma infantilis и fossa praenasalis занимаютъ среднее мѣсто: съ одной стороны, въ первыхъ трехъ группахъ, увеличиваясь противоположно forma antropina, онѣ имѣютъ сходство съ clivus nasoalveolaris и обезьяньимъ жело-

бомъ, съ другой—при одинаковомъ процентѣ въ IV группѣ и при нѣкоторомъ пониженiи въ сравненiи съ предшествующей, имѣютъ большее сходство съ forma antropina. Такимъ образомъ всѣ формы въ большей или меньшей степени встрѣчаются въ процентахъ, дополняющихъ другъ друга. Замѣтенъ антагонизмъ между формой antropina, съ одной стороны, и формой infantilis, fossa praenasalis, clivus nasoalveolaris и обезьяньимъ желобомъ—съ другой; но такой антагонизмъ у послѣднихъ формъ выраженъ не въ равной степени: всего менѣе, какъ мы увидимъ впослѣдствiи, онъ замѣтенъ въ формѣ infantilis, немногимъ болѣе у fossa praenasalis, а у clivus nasoalveolaris и еще болѣе у обезьяньяго желоба онъ выраженъ очень сильно. Общее свойство всѣхъ послѣднихъ формъ—исчезать отъ востока къ западу въ предѣлахъ Россiи—дѣлаетъ возможнымъ соединить каждый ихъ процентъ, указывающiй на степень частоты данной формы, въ одинъ общiй, который можно видѣть въ табл. 1-ой, подъ рубрикой формы «non antropina». Такое соединенiе показываетъ, что наибольшiй процентъ формъ «non antropina» имѣютъ мѣстности, заселенныя урало-алтайскими племенами (48,7%); по мѣрѣ того, какъ мы переходимъ далѣе къ западу, во 1) черезъ губернiи Уфимскую, Пермскую, Оренбургскую, во 2) Казанскую, въ 3) Московскую и окружающiя ея губернiи, въ 4) Новгородскую къ Петербургской, частота упомянутыхъ формъ уменьшается черезъ 20%; 16,9; 10,1% къ 4,3% для Петербургской губ.

Въ Астраханской (26,4%) и въ Кiевской съ окружающими ее губернiями (21,6%) замѣчается чрезмѣрное повышенiе частоты формъ «non antropina», легко объяснимое значительной примѣсью монгольскихъ череповъ. Упомянутыя мѣстности носятъ наибольшiе слѣды влiянiя монгольскаго нашествiя. Кiевъ въ 1240 г. подвергся разгрому Батыя, а сосѣднiя мѣстности, составляющiя современную Кiевскую и окружающiя ее губернiи, были пунктомъ временной остановки полчищъ Батыя, двигавшихся въ Венгрiю и Трансильванiю. Это обстоятельство не могло не повлiять на увеличенiе монгольскихъ череповъ среди древняго населенiя Россiи, и нѣтъ ничего удивительнаго, что среди коллекцiи кiевскихъ череповъ часть ихъ принадлежитъ къ монгольскимъ. Астраханская губ., съ 1380 по 1554 г. находившаяся подъ властью хановъ Золотой орды, а позднѣе Астраханскаго царства, не могла также не имѣть въ значительной степени среди древняго населенiя монгольскихъ череповъ.

Московская съ окружающими ее губернiями и Казанская также подверглись въ довольно сильной степени влiянiю монгольскаго ига. Въ ихъ предѣлахъ было основано татарами два царства: одно — Касимовское въ началѣ XV вѣка, находившееся въ предѣлахъ нынѣшней Рязанской губ., другое—Казанское, существовавшее съ 1438 по 1552 г., столицей котораго былъ городъ Казань. Но въ этихъ мѣстностяхъ незамѣтно самостоятельныхъ центровъ сгущенiя процента формъ «non antropina», какъ въ Кiевской

и въ Астраханской губ., быть-можетъ, вслѣдствіе растворенія особенностей монгольскихъ племенъ въ массѣ русскаго населенія или же вслѣдствіе большей ослабленности монгольскаго нашествія, совершенно исчезавшаго на сѣверѣ. Вслѣдствіе той или иной причины частота формъ «non antropina» въ данныхъ мѣстностяхъ подчинена общему уменьшенію ея отъ востока къ западу. Но нельзя сказать, чтобы временная осѣдлость монголовъ около центра Московскаго государства и Казанскаго царства не оставила послѣ себя слѣдовъ на распространеніи формъ Apertura pyriformis, выразившихся въ пониженіи процента частоты «non antropina» къ югу и къ сѣверу отъ временной осѣдлости монголовъ. На югѣ Тамбовская, Симбирская, Саратовская и т. д. губерніи имѣютъ процентъ формъ «non antropina» 6,1 противъ 10,3% для Московской и окружающихъ ее губерній и противъ 16,9% для Казанской; на сѣверѣ противъ тѣхъ же чиселъ Архангельская, Вологодская и Вятская губ. имѣютъ частоту, выразившуюся только 4%.

Большая часть коллекцій череповъ Антропологическаго музея Московскаго университета имѣетъ только обозначеніе мѣстности, откуда были взяты черепа, и у сравнительно небольшой части имѣются указанія на принадлежность череповъ тому или иному племени. Присоединяя къ послѣднимъ еще черепа, просмотрѣнныя Мингазини въ музеяхъ Анатомическаго, Психіатрическаго и Антропологическаго институтовъ въ Римѣ, будемъ имѣть цѣлый рядъ разныхъ племенъ и народовъ, расположенныхъ по степени частоты встрѣчаемой среди нихъ forma antropina.

Табл. 4.

Названіе племенъ и народовъ. *)	% частоты.					
	Число череповъ.	Forma antropina.	Forma infantilis.	Fossa praenasalis	Clivus nasoalveolaris.	Обезьяній желобъ.
Иранцы	10	90	—	10	—	—
Евреи	16	87,5	—	19,5	—	—
Запад. и южн. Европа	126	87,3	3,9	7,2	0,8	0,8
Цыгане	43	85,9	2,4	4,7	7	—
Итальянцы душ.-больн. (М.)	141	83,7	4,2	6,4	5,7	—
Швейцарцы (М.)	23	78,3	—	21,7	—	—
Австрійцы (М.)	65	76,9	3,1	12,3	7,7	—
Итальянцы-преступники (М.)	69	75,4	8,7	15,9	—	—
Китайцы, дунгане, корейцы	40	75	5	12,5	7,5	—
Итальянцы (М)	273	74	9,9	8,4	7,7	—
Финское племя	109	67,9	10,1	15,6	0,9	5,5
Африканскіе (М.)	29	65,5	6,9	27,6	—	—
Монгольское племя	170	61,2	7,7	8,2	18,8	4,1
Тюрко-татарское племя	186	43	14	28,5	14,5	—
Папуасы (М.)	6	33,3	50	—	16,7	—
Американцы (М.)	38	31,6	18,4	23,7	2,63	—

*) Буква М въ скобкахъ послѣ названія народности показываетъ, что данныя заимствованы у Mingazzini.

Для болѣе удобнаго разсмотрѣнія степени частоты различныхъ формъ Apertura pyriformis по племенамъ, разобьемъ только-что приведенный матеріалъ по группамъ, сходнымъ съ 3-й таблицей, за исключеніемъ IV-ой группы, которая теперь будетъ заключать въ себѣ племена, имѣющія forma antropina не менѣе 25,01 % и не болѣе 50%; племенъ, имѣющихъ forma antropina менѣе 25%, совершенно не встрѣчается, почему и нѣтъ группы, соотвѣтствующей IV-ой группѣ 3-й таблицы.

Табл. 5.

Формы Aperturae pyriformis.	I группа.		II группа.		III группа.		IV группа.		Общее число череповъ.
	Число череповъ.	%	Число череповъ.	%	Число череповъ.	%	Число череповъ.	%	
Forma antropina.	170	87,1	268	79,3	399	68,7	94	40,9	931
Forma infantilis.	6	3,1	16	4,7	53	9,1	36	15,6	111
Fossa praenasalis.	14	7,2	38	11,3	62	10,7	62	27	176
Clivus nasoalveolaris. . .	4	2,1	16	4,7	54	9,3	38	16,5	112
Обезьяній желобъ.	1	0,5	—	—	13	2,2	—	—	14
Общее число череповъ. . .	195	—	338	—	581	—	230	—	1344

При указанномъ распредѣленіи матеріала въ табл. 5-ой, мы встрѣчаемся съ той же особенностью формъ Apertura pyriformis, какъ и въ 3-ей таблицѣ, т.-е. противоположно уменьшенію forma antropina частота остальныхъ формъ Apertura pyriformis увеличивается. Въ III-ей группѣ fossa praenasalis имѣетъ небольшое уменьшеніе процента (10,7%) при сравненіи со II-ой (11,3%), легко объяснимое значительнымъ присутствіемъ въ этой группѣ (273 чер. изъ 581) итальянскихъ череповъ, имѣющихъ процентъ fossa praenasalis (8,4%) меньшій, чѣмъ у финскаго племени (15,6%) или у африканскихъ череповъ (27,6%). Обезьяній желобъ, хотя и обнаруживаетъ групповое увеличеніе — 0,5% для I-ой и 2,2% для III-ей группъ, но совершенно отсутствуетъ во II-ой и IV-ой группахъ, что объясняется для II-ой группы присутствіемъ подавляющаго количества европейскихъ череповъ (298 изъ общаго числа 338), которымъ обезьяній желобъ свойственъ въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ (см. 3-ью табл.— 0,01% изъ 1.455 чер.); отсутствіе же обезьяньяго желоба въ IV-ой группѣ можно объяснить тѣмъ, что папуасскіе черепа, входящіе въ составъ этой группы и которые должны бы были имѣть извѣстный процентъ обезьяняго желоба, были изслѣдованы Мингазини, который не дѣлаетъ различія между clivus nasoalveolaris и обезьяньимъ желобомъ.

На основаніи таблицы, показывающей распредѣленіе различныхъ формъ Apertura pyriformis по племенамъ, можно вывести слѣдующія заключенія: forma antropina свойственна преимущественно европейскимъ племенамъ,

встрѣчаясь среди нихъ въ количествѣ 75%; у внѣевропейскихъ племенъ forma antropina встрѣчается въ значительно меньшей степени и тѣмъ меньше, чѣмъ племя далѣе удалено отъ материка Европы. Монгольскія племена имѣютъ около половины череповъ съ forma antropina, причемъ на ея количество, повидимому, оказываетъ существенное вліяніе степень брахицефаліи племени: чѣмъ болѣе выражена брахицефалія, тѣмъ меньшій процентъ череповъ наблюдается съ формою antropina.

Forma infantilis, противоположно f. antropina, всего болѣе выражена у племенъ, далеко удаленныхъ отъ Европы, — папуасовъ и американцевъ; затѣмъ слѣдуютъ монгольскія племена, у которыхъ на 10 череповъ обязательно встрѣчается одинъ черепъ съ «дѣтской формой»; изъ европейскихъ народовъ къ послѣднимъ въ значительной степени приближаются итальянцы.

Fossa praenasalis имѣетъ большее разнообразіе въ распространеніи среди племенъ и народовъ, но и здѣсь мы должны отмѣтить maximum частоты у тюрко-татарскаго племени, африканскихъ череповъ и американцевъ.

Clivus nasoalveolaris имѣетъ распространеніе болѣе ограниченное, чѣмъ другія формы Apertura pyriformis, и, если сравнительно рѣдко онъ попадается у европейцевъ, то значительную частоту пріобрѣтаетъ по мѣрѣ того, какъ forma antropina уступаетъ свое мѣсто другимъ видамъ формъ носового отверстія.

Интересную зависимость между отдѣльными формами Apertura pyriformis можно прослѣдить въ таблицѣ краніологическихъ индексовъ — по головному, носовому и лицевому показателямъ, найденнымъ на черепахъ разныхъ племенъ и разныхъ мѣстностей.

Табл. 6.

	Головной указ.	Носовой указ.	Лицевой указ.	Число череповъ.
Forma antropina.	79,96	47,81	50,98	239
Forma infantilis..	79,74	48,43	52,22	130
Fossa praenasalis.	81,27	46,99	52,48	224
Clivus nasoalveolaris.	81,98	48,22	52,28	150
Обезьяній желобъ.	77,51	49,99	51,16	38
Черепа съ обезьяноподобными признаками.	80,84	48,10	52,26	542

Формѣ antropina соотвѣтствуютъ черепа болѣе длиннноголовые, съ болѣе узкимъ носомъ и узкимъ лицомъ въ сравненіи съ черепами, имѣющими другія формы Apertura pyriformis. Головной показатель въ формѣ antropina имѣетъ большую величину, чѣмъ слѣдовало бы ожидать. Въ дѣйствительности онъ долженъ быть менѣе, т.-е. болѣе долихоцефалическій,

чѣмъ указанный въ таблицѣ, такъ какъ 79,96 есть средній показатель изъ 239 наблюденій, изъ которыхъ болѣе половины (130 чер.) принадлежатъ черепамъ монгольской расы и изъ череповъ монгольской расы 77 принадлежатъ тюрко-татарскому племени, имѣющему крайнія степени брахицефаліи. Этотъ фактъ, само собою разумѣется, не могъ не повліять извѣстнымъ образомъ на увеличеніе головного показателя, свойственнаго формѣ antropina. Отсюда становится яснымъ сходство forma antropina по головному показателю съ черепами, имѣющими обезьяноподобные признаки. Но это сходство ни болѣе, ни менѣе, какъ чисто внѣшнее, такъ какъ, если мы будемъ сравнивать далѣе носовой, лицевой показатели, прогнатизмъ лицевого скелета, то найдемъ несходство, выраженное въ довольно рѣзкихъ формахъ.

Если мы примемъ во вниманіе справедливость доводовъ, что головной показатель, характеризующій черепа съ формой antropina, въ таблицѣ болѣе брахицефаличенъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ у европейскихъ народовъ, то головной показатель у формы infantilis не долженъ существенно отличаться отъ перваго, а выражать довольно близкое съ нимъ сходство. Бóльшее развитіе носа въ ширину и болѣе широкое лицо, вслѣдствіе развитія скуловыхъ дугъ,— вотъ характерные отличительные признаки формы infantilis отъ формы antropina.

Въ первыхъ двухъ формахъ мы видѣли близкое сходство головныхъ показателей; приступая къ характеристикѣ fossa praenasalis, мы имѣемъ дѣло съ брахицефалическимъ черепомъ съ сильно развитыми скуловыми дугами, короткимъ лицемъ и узкимъ носомъ. Если по головному и лицевому показателямъ эта форма имѣетъ рѣзкое отличіе отъ формы antropina, то по носовому обѣ формы довольно близки другъ къ другу.

Clivus nasoalveolaris по головному и лицевому показателямъ близко стоитъ къ fossa praenasalis, чѣмъ отличается отъ формы antropina; по носовому онъ имѣетъ отличіе вслѣдствіе развитія носа болѣе въ ширину, чѣмъ въ высоту, и это отличіе дѣлаетъ еще болѣе рѣзкой границу, отдѣляющую clivus nasoalveolaris отъ forma antropina.

Черепа съ обезьяньимъ желобомъ имѣютъ крайнюю степень долихоцефаліи, съ чрезвычайно развитымъ въ ширину носовымъ отверстіемъ и узкимъ лицомъ.

Сравнивая индексы череповъ формы antropina съ формой infantilis, получаемъ разности 0,22, 0,62 и 1,24, которыя будутъ до извѣстной степени показывать сходство и отдаленность взятыхъ индексовъ. Произведя такимъ образомъ сравненія каждой формы со всѣми другими, получимъ цѣлый рядъ разностей, приведенныхъ въ табл. 7-ой (нули обозначаютъ, какая форма Apertura pyriformis сравнивается съ остальными). Меньшія разности должны показывать нѣкоторую близость, бóльшія же — отдаленность и несходство краніологическихъ индексовъ. При сравненіи одной какой-либо формы съ другой, должны получиться три разности; напр.,

Табл. 7.

	Forma antropina.	Forma infantilis.	Forma praenasalis.	Clivus naso-alveolaris.	Обезьяній желобъ.
Головной указатель.	0,00	0,22	1,31	2,02	2,45
Носовой „	0,00	0,62	0,82	0,41	2,18
Лицевой „	0,00	1,24	1,50	1,30	0,18
Сумма разностей.	—	2,08	3,63	3,73	4,81
Головной указатель.	0,22	0,00	1,53	2,24	2,23
Носовой „	0,62	0,00	1,44	0,21	1,56
Лицевой „	1,24	0,00	0,26	0,06	1,06
Сумма разностей.	2,08	—	3,23	2,51	4,85
Головной указатель.	1,31	1,53	0,00	0,71	3,76
Носовой „	0,82	1,44	0,00	1,23	3,00
Лицевой „	1,50	0,26	0,00	0,20	1,32
Сумма разностей.	3,63	3,23	—	2,14	8,08
Головной указатель.	2,02	2,24	0,71	0,00	4,47
Носовой „	0,41	0,21	1,23	0,00	1,77
Лицевой „	1,30	0,06	0,20	0,00	1,12
Сумма разностей.	3,73	2,51	2,14	—	7,36
Головной указатель.	2,45	2,23	3,76	4,47	0,00
Носовой „	2,18	1,56	3,00	1,77	0,00
Лицевой „	0,18	1,06	1,32	1,12	0,00
Сумма разностей.	4,81	4,85	8,08	7,36	—

сравнивая форму antropina съ формой infantilis, мы найдемъ разности 0,22, 0,62, 1,24, которыя указываютъ на приближенность и удаленность головного, носового и лицевого показателей у сравниваемыхъ формъ. Сумма этихъ разностей (2,08) дастъ намъ число, характеризующее сходство между сравниваемыми формами. Найдя такимъ образомъ разности и ихъ суммы, мы получимъ десять разныхъ чиселъ, выражающихъ большее или меньшее сходство между показателями всѣхъ формъ Apertura pyriformis.

Числа выражаютъ сходство	между	и
2,08	for. antropina	for. infantilis
2,14	fossa praenas.	clivus nasoalv.
2,51	for. infantilis	clivus nasoalv.
3,23	for. infantilis	fossa praenas.
3,63	for. antropina	fossa praenas.
3,73	for. antropina	clivus nasoalv.
4,81	for. antropina	обезьяній желобъ.
4,85	for. infantilis	обезьяній желобъ.
7,36	clivus nasoalv.	обезьяній желобъ.
8,08	fossa praenas.	обезьяній желобъ.

Просматривая найденныя и размѣщенныя въ восходящемъ порядкѣ числа, можно видѣть, что съ формой, обыкновенно встрѣчаемой среди европейскаго населенія, большое сравнительное сходство составляетъ «дѣтская форма» носового отверстія. Обѣ формы образуютъ какъ бы само-

стоятельную группу съ мезоцефалическимъ показателемъ, съ увеличивающимся въ ширину носовымъ отверстіемъ и съ сильно замѣтнымъ измѣненіемъ лицевого скелета отъ длиннаго и узкаго къ короткому и болѣе широкому.

Второе по порядку число — 2,14 — соотвѣтствуетъ сходству между fossa praenasalis и clivus nasoalveolaris. Это какъ бы вторая группа, отличающаяся отъ первой всего только на 0,06 сходства; но если мы возьмемъ двѣ формы изъ той и другой группы, то разность будетъ во много разъ больше; этотъ фактъ еще болѣе указываетъ на нѣкоторую обособленность упомянутыхъ группъ. Вторая группа характеризуется брахицефалическими черепами съ сильно увеличивающимися въ ширину носовыми отверстіями и съ довольно устойчивымъ лицевымъ скелетомъ.

При просмотрѣ слѣдующихъ четырехъ чиселъ мы найдемъ постепенно увеличивающееся несходство между сравниваемыми формами, относящимися къ упомянутымъ двумъ группамъ, при чемъ оказывается, что forma infantilis имѣетъ большее сходство съ clivus nasoalveolaris, чѣмъ съ fossa praenasalis, а форма antropina ближе стоитъ къ fossa praenasalis, чѣмъ къ clivus nasoalveolaris.

Переходя теперь къ сравненію обезьяньяго желоба съ другими формами, нельзя не замѣтить рѣзкаго различія въ полученномъ рядѣ чиселъ: изъ первыхъ четырехъ формъ самое большое несходство между формой antropina и clivus nasoalveolaris, выражаемое числомъ 3,73; при сравненіи формы antropina съ обезьяньимъ желобомъ получается еще болѣе рѣзкое несходство, достигающее до 4,81; другія формы обнаруживаютъ еще бо́льшія различія съ обезьяньимъ желобомъ, имѣющія свой maximum при сравненіи обезьяньяго желоба съ fossa praenasalis. Такое сравненіе указываетъ на нѣкоторую обособленность обезьяньяго желоба, вызванную, быть-можетъ, изолированнымъ положеніемъ племенъ, имѣющихъ данную особенность и живущихъ на островахъ Великаго океана.

Угловыя измѣренія съ цѣлью выясненія прогнатизма череповъ съ разными формами Apertura pyriformis были произведены надъ 183 экземплярами. Брался лицевой уголъ Клокэ и ячеисто-челюстной. Уголъ Клокэ измѣрялся въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Точками приложенія служили центръ ушного отверстія, альвеолярный отростокъ и точка, лежащая нѣсколько выше надпереносья (а не самое надпереносье, какъ у угла Клокэ), чтобы избѣгнуть уменьшенія прогнатизма вслѣдствіе большого развитія у нѣкоторыхъ индивидуумовъ надбровныхъ дугъ и лобныхъ пазухъ. Точками приложенія для опредѣленія ячеисто-челюстного угла были: середина ушного отверстія, альвеолярный отростокъ и точка, лежащая на продолженіи crista nasalis во внутреннюю носовую полость; эта точка легко опредѣляется плоскостью, граничащей часть crista nasalis, находящуюся внутри носовой полости, отъ наружной, и находится на пересѣченіи плоскости съ crista nasalis.

Измѣренія ячеисто-челюстного угла способствуютъ выясненію прогнатизма части верхней челюсти, выступающей впередъ изъ-за носового отверстія. Spina nasalis anterior верхней точкой приложенія для этого угла не могла быть вслѣдствіе уменьшенія прогнатизма измѣряемой части при чрезмѣрномъ развитіи spina у нѣкоторыхъ индивидуумовъ.

Полученные результаты угловыхъ измѣреній можно видѣть изъ 8-ой таблицы.

Табл. 8.

	Разныя племена.				Теленгеты.				Всѣ черепа.			
	Число черепов.	Лицевой уголъ.	Ячеисто-челюстной уголъ.	Высота ячеис.-челюстной части въ mm.	Число черепов.	Лицевой уголъ.	Ячеисто-челюстной уголъ.	Высота ячеис.-челюстной части въ mm.	Число черепов.	Лицевой уголъ.	Ячеисто-челюстной уголъ.	Высота ячеис.-челюстной части въ mm.
Forma antropina. . .	17	65°28′	53°39′	15,9	25	67°5′	57°7′	15,7	42	66°16′	55°23′	15,8
Forma infantilis . . .	11	64°	51°42′	15	17	68°6′	55°42′	16,1	28	66°	53°42′	15,5
Fossa praenasalis . .	37	62°30′	51°6′	16,8	30	64°30′	53°30′	16,3	67	63°30′	52°18′	16,5
Clivus nasoalveolaris.	17	61°24′	51°	16	12	64°35′	50°	15,3	29	62°59′	50°30′	15,6
Обезьяній желобъ. .	15	64°12′	45°36′	14,2	2	67°	46°	13,5	17	65°36′	45°48′	13,8

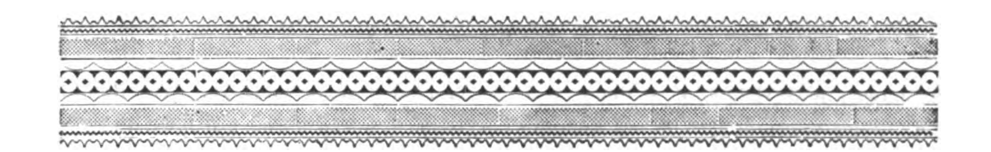
Наибольшій лицевой уголъ свойственъ черепамъ съ формой antropina; близкій къ нему, но нѣсколько меньшій встрѣчается на черепахъ съ формой infantilis, за исключеніемъ теленгетовъ, у которыхъ онъ превышаетъ на одинъ градусъ уголъ первой формы. Среди череповъ теленгетовъ съ формой infantilis находилось нѣсколько череповъ особей, не достигшихъ еще вполнѣ возмужалаго возраста и съ не вполнѣ развитымъ лицевымъ скелетомъ, уменьшившимъ прогнатизмъ измѣряемыхъ череповъ, вслѣдствіе чего превышеніе угла f. infantilis 68°6′ надъ f. antropina 67°5′ является вполнѣ естественнымъ. Слѣдующія формы носового отверстія — fossa praenasalis и clivus nasoalveolaris — имѣютъ лицевой уголъ, уменьшающійся по мѣрѣ перехода отъ первыхъ формъ къ послѣдующимъ, и только форма «обезьяній желобъ» имѣетъ вездѣ сравнительно мало выраженный лицевой прогнатизмъ.

Наибольшей правильностью въ степени частоты по формамъ Apertura pyriformis отличается ячеисто-челюстной прогнатизмъ, постепенно увеличиваясь отъ f. antropina до обезьяньяго желоба включительно, причемъ при переходѣ къ обезьяньему желобу мы встрѣчаемся съ болѣе рѣзкой границей, отдѣляющей угловое измѣреніе clivus nasoalveolaris отъ обезьяньяго желоба.

У обезьяньяго желоба получаетъ сильное развитіе впередъ ячеисто-челюстная часть верхней челюсти, въ среднемъ имѣя изъ 17 случаевъ, при высотѣ въ 13,8 mm., угловое измѣреніе въ 45°48′.

Угловыя измѣренія такъ же, какъ и измѣненія головного показателя, дѣлаютъ яснымъ, что каждая форма Apertura pyriformis не есть явленіе случайное, вызванное отдаленнымъ внѣшнимъ сходствомъ или какими-либо иными причинами, а всѣ онѣ находятся между собою въ генетической связи, быть - можетъ, существовавшей въ далеко отдаленныя времена или же подновляемой и въ недавнее время, благодаря обильному кровосмѣшенію между различными племенами всего земного шара.

Арк. Абрамовъ.

Рибенсдорфъ.

Года два тому назадъ въ польской прессѣ Россіи и Германіи промелькнула замѣтка о томъ, что прусское правительство заслало своихъ агентовъ въ русско-нѣмецкія колоніи на Кавказѣ, на Волгѣ, въ Польшѣ и т. п. и приглашало нѣмецкихъ колонистовъ переселиться обратно въ Германію на земли, скупленныя правительствомъ и гакатистами у поляковъ. Все это стояло въ тѣсной связи съ польскими дѣлами, которыя всколыхнули общественное мнѣніе Германіи. Фактъ этотъ или даже предположеніе возможности его невольно наводитъ на вопросъ, способны ли приглашенные явиться насадителями и распространителями германскихъ идей въ своей старой родинѣ, или они окончательно потеряны для пангерманизма и уже скорѣе русскіе, чѣмъ нѣмцы.

Съ другой стороны, послѣ 150 лѣтъ существованія нѣмецкихъ и швейцарско-нѣмецкихъ колоній естественно поставить вопросъ о томъ, принесли ли призванные колонисты Россіи пользу, научили ли они ея коренное населеніе болѣе усовершенствованному способу хозяйства и земледѣлія, дали ли они ему высшую культуру, или всѣ эти попытки русскаго правительства въ теченіе многихъ лѣтъ не принесли никакого результата. Пресса и спеціальная литература отвѣчала на этотъ вопросъ различно. Одни съ страстностью и положительно отрицали какую-бы то ни было пользу отъ нѣмецкихъ колоній [1]), другіе признавали за колонистами большую заслугу [2]). Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ является вполнѣ законнымъ и при безпристрастномъ освѣщеніи очень интереснымъ въ вопросѣ колонизаціи вообще и въ дѣлѣ колонизаціи Россіи въ частности.

Населеніе всѣхъ нѣмецкихъ колоній въ Россіи не чисто нѣмецкое. Подъ видомъ нѣмцевъ у насъ сходили и швейцарцы (часть волжскихъ колоній), и

---

[1]) Памятная книжка Воронежской губ. 1894 г., статья Былова; Велицынъ— Нѣмцы въ Россіи.

[2]) Проф. Совѣтовъ, напр., въ своихъ трудахъ о системахъ земледѣлія указываетъ на то, что подъ вліяніемъ колонистовъ ногайцы оставили кочевую жизнь и стали культурнымъ элементомъ.

5*

мадьяры, и латыши, и датчане и т. д. Можно только сказать, что главная составная часть большинства колоній состояла изъ нѣмцевъ, которые быстро онѣмѣчили остальныхъ своихъ спутниковъ, принадлежавшихъ къ другимъ европейскимъ народамъ. Особенно быстрому онѣмѣченію способствовало отсутствіе пасторовъ, говорившихъ только на нѣмецкомъ, латышскомъ и иногда эстонскомъ языкахъ.

Колонизація Россіи нерусскими элементами имѣетъ свою исторію. Стоитъ вспомнить призваніе варяговъ, появленіе большого числа нѣмцевъ при Шлитте въ 1547 г., образованіе «нѣмецкихъ слободъ», привлеченіе иностраннаго элемента Петромъ Великимъ и т. д. Въ этомъ движеніи необходимо различать три эпохи. Первая охватываетъ періодъ до Екатерины II, вторая—царствованіе ея, Александра I и Николая I-го; третья эпоха относится къ тремъ послѣднимъ царствованіямъ. Сперва шли въ Россію мастеровые: тутъ были и столяры, и литейщики, и плотники и т. д. (судя по списку спутниковъ Шлитте): въ нихъ больше всего нуждалось государство, растущее и развивающееся въ военномъ отношеніи. Особенно богато частыми переселеніями съ запада въ Россію царствованіе Петра. Достаточно сказать, что въ Петербургѣ при Петрѣ было до 10.000 иностранцевъ; весь Невскій былъ покрытъ иновѣрческими церквами; Москва имѣла свою «нѣмецкую» слободу, и даже маленькій Воронежъ, пробужденный кипучей дѣятельностью Петра, имѣлъ свою «нѣмецкую» слободу съ двумя лютеранскими церквами. Св. Митрофанъ въ своемъ предсмертномъ завѣщаніи считалъ необходимымъ предостеречь свою паству отъ соблазна колоніи «лютерской ереси», — настолько сильно было вліяніе иностранной колоніи въ то время. Съ пріобрѣтеніемъ прибалтійскихъ и финскихъ губерній въ имперіи стали появляться и свои нѣмцы и шведы, уже русскіе подданные. Второй періодъ начинается съ начала царствованія Екатерины II. Она не озаботилась **объ** образованіи массъ народа путемъ обученія. Ея мысли освободить народъ отъ крѣпостного права оставались невыполненными. Ей хотѣлось, однако, научить своихъ подданныхъ болѣе высокой культурѣ. При этомъ она забывала, что порабощенный народъ не могъ сознательно относиться къ своимъ нуждамъ. Она рѣшила попросту дать своимъ подданнымъ примѣръ и пригласила для этого болѣе культурныхъ и прилежныхъ нѣмцевъ. Она имѣла въ виду [1]) «единую общую, совершенную пользу, какъ всего государства, такъ и каждаго особь подданнаго». Правда, поселенные даже на границѣ и болотахъ Ингерманландіи, среди великорусскаго населенія и среди пустынныхъ степей, которыя колонисты должны были распахать, послѣдніе съ самаго же начала пользовались сравнительнымъ благосостояніемъ. Коренному русскому населенію они оставались, однако, вполнѣ чуждыми. Сѣверный великоруссъ, промышленникъ, мало склонный къ земледѣлію, порабощенный

---

[1]) Указъ.

крѣпостнымъ правомъ, относился къ своимъ сосѣдямъ-колонистамъ съ удивленіемъ, глядѣлъ на нихъ, какъ на явленіе случайное и къ нему отношенія не имѣющее. Южное населеніе, само по себѣ не коренное въ этихъ мѣстахъ, а пришлое, бѣглое изъ разныхъ частей сѣверной и западной Руси, состояло изъ разнородныхъ элементовъ.

Не касаясь колонизаціи Кавказа и Приволжья, мы остановимся подробнѣе на колонизаціи славянскимъ (великорусскимъ и малорусскимъ) элементомъ юго-восточной Россіи. Изслѣдователи воронежской старины[1]) рисуютъ этотъ притокъ населенія въ слѣдующемъ видѣ. Въ 1389 г. страна эта (сѣверная часть области Войска Донскаго и Воронежской губ.) называлась «Полемъ» и представляла изъ себя пустыню. («Похожденіе митрополита Пимена въ Царьградъ»). Еще въ 1476 г. венеціанскій посолъ Кантарини и московскій посолъ Маркъ Руфъ, идя изъ Перми въ Москву, не нашли въ этой области ни одного намека на человѣческое жилье. Въ 1574 г. первый турецкій посолъ въ Россію, князь мангунскій, Θеодоритъ Камалъ, отправленный въ Москву съ посломъ въ Константинополѣ, двоcяниномъ Алексѣевымъ, терпѣлъ на пути отъ Азова голодъ въ этой пустынѣ. Однако, въ сѣверной части были христіанскія поселенія еще въ XIV в. Такъ, митрополитъ Θеогностъ (1334—1353) и Алексѣй (1360) обращаются къ христіанамъ Червленнаго Яра (рѣка въ Бобровскомъ у.) съ посланіями. Въ то время предѣлъ этотъ былъ утвержденъ за рязанскимъ епископомъ. Заселеніе собственно Воронежскаго края началось не ранѣе конца XVI в. съ С. на Ю.-З., послѣ построенія г.г. Воронежа и Валуекъ. Къ сѣверу отъ него существовалъ рядъ карауловъ для наблюденія за татарами; еще раньше (по Хопру, Дону, Быстрой, Тихой Соснѣ и Воронежу), но до исхода XVI в. правильная линія не достигала предѣловъ Воронежской губ. Въ 1586 г. былъ основанъ г. Воронежъ, разграбленный до основанія черезъ 4 года. Въ 1637 г. было рѣшено московскимъ правительствомъ расширить пограничную линію остроговъ (города: Верхососенскъ, Усереда, Ольшанскъ, Коротоякъ, Урывъ, Костенскъ, Усмань). Одновременно съ этой правительственной колонизаціей шло и добровольное заселеніе страны. Въ 80-хъ годахъ XVI ст. на югъ направилась такая большая волна великороссовъ съ сѣвера, что это явленіе вызвало жалобы помѣщиковъ на оскудѣніе ихъ земель. Къ этому движенію примкнуло движеніе раскольниковъ (на Донъ, Медвѣдицу и Хоперъ). Кромѣ этихъ двухъ волнъ, въ новый край направлялись еще и московскіе бѣгуны, дезертиры изъ придворной пѣхоты. 23 октября 1682 г. былъ даже присланъ въ Острогожскъ приказъ такихъ бѣгуновъ, переодѣтыхъ обыкновенно въ мужицкое платье, ловить и отсылать

[1]) „Воронежская Бесѣда", 1861 г. (Н. Второвъ); Памятная книжка Воронежской г. 1903 г. (В. Тевяшовъ. Основаніе Острогожска и заселеніе Острогожскаго края и др.).

въ Москву. Первое появленіе малороссовъ въ краѣ относится къ 1640 г. Въ 1652 г. городъ Острогожскъ былъ заселенъ черкасами и стрѣльцами изъ центра. Наплывъ малороссовъ особенно усилился послѣ разгрома Слободской Украйны турками и татарами. Въ 1682 г. гетманъ Самойловичъ просилъ въ Москвѣ черезъ Мазепу разрѣшенія поселить 20.000 такихъ малороссовъ на свободныхъ земляхъ Слободскихъ полковъ, съ условіемъ подчиненія ихъ ему, гетману. Правительство этого условія не приняло, но переселенію не мѣшало. Несмотря на быстрый и усиленный притокъ населенія, земли было занято мало. Между тѣмъ правительству особенно было важно этотъ цѣнный путь въ Турцію обезпечить и использовать его неизмѣримыя природныя богатства. Очень яркую картину зазыва и приглашенія на пустопорожнія земли рисуетъ авторъ разсказа «Липовыя пущи» въ журналѣ «Основы» [1]): «Заселеніе слободы этой совершалось по зазыву, обыкновенному въ это время. На ярмаркахъ, на храмовыхъ праздникахъ, на многолюдныхъ свадьбахъ и вездѣ, гдѣ собирались толпы народа, являлись дворчане осадчаго и громогласно призывали поселянъ на «слободу». Для того, чтобы обратить на себя всеобщее вниманіе, они наряжались въ кунтуши самаго яркаго краснаго цвѣта съ золотыми галунами поперекъ груди на-подобіе петель. Въ рукахъ они держали высокій крестъ, на которомъ развѣвалась цвѣтная короговка. Всякъ съ перваго взгляда признавалъ въ нихъ окличниковъ и прислушивался къ ихъ крикамъ. Они кричали: «На слободу, на слободу, добрые люди! У нашего пана богатѣютъ селяне днями, а не годами, ходятъ въ саетахъ (тонкое англійское сукно), серебромъ коней куютъ, сами золотыми подковками въ танцахъ побрякиваютъ!» Чѣмъ больше преувеличивалъ окличникъ благоденствіе селянъ своего пана, тѣмъ больше слушатели развѣшивали уши, хотя, разумѣется, знали, что это только игра словъ. «А сколько лѣтъ льготы отъ чинша (оброка)?» спрашивали главы семействъ. — «Столько, — отвѣчалъ окличникъ, — сколько минуло его старшему сыну, а минуло ему семь лѣтъ». — «Поздоровь его, Боже, — говорили селяне, — семь лѣтъ слобода хорошая, за такую слободу не жаль принести добрый ралецъ осадчему (ральцемъ называлась добровольная часть отъ рала, приносимая поселянами землевладѣльцу въ день Рождества Христова и, смотря по расположенности къ нему народа, увеличиваемая или уменьшаемая)». Узнавъ, въ чемъ дѣло, гдѣ осаживается слобода, какія будутъ земли, пастбища и водопой, поселяне распространяли слухъ объ этомъ въ своей округѣ, и вскорѣ начинали появляться на пустынной почвѣ сперва курени, а потомъ и хаты, и хутора. Первые явившіеся на мѣсто выбирали лучшія мѣста, а потомъ «громадскіе мужи» наблюдали, чтобы всѣмъ былъ выходъ къ водѣ. Они вообще слѣдили за всѣмъ. Власть ихъ была велика (сборы податей, надзоръ и т. д.). Черезъ 100 лѣтъ здѣсь было уже сравнительно

[1]) Заимствуемъ это описаніе цѣликомъ.

густое населеніе (часть въ рукахъ казацкаго старшины, часть въ крѣпостной зависимости). Въ концѣ XVII ст. былъ здѣсь уже возможенъ наборъ въ стрѣльцы. Особенно сильный притокъ явился съ появленіемъ Петра I въ краѣ (1694 г.). Въ 1705 г. были набраны добровольцы изъ Ливенъ. Въ 1709 г. сюда были переселены 3.000 плѣнныхъ шведовъ; затѣмъ началось снова появленіе сѣверныхъ элементовъ—ярославцевъ и др., и кіевлянъ.

Въ географической послѣдовательности заселеніе шло съ С. на Ю.-З. (XVI в. — Воронежъ и Валуйки; въ XVII в. на правой сторонѣ Дона до Тихой Сосны основаны: Задонскъ, Нижнедѣвицкъ, Коротоякъ и Бирюгъ; по р.р. Айдару и Богучару были разбросаны казачьи городки, разрушенные послѣ бунта Булавина). Къ югу отъ Тихой Сосны, по правую сторону Дона, начали заселяться съ начала XVIII в. Сперва, какъ мы видѣли, населеніе—изъ центра, съ С., великорусское, затѣмъ — малороссы съ съ XVII в. съ Ю. и З. Лишь время Петра положило основаніе иностранной колонизаціи края. Впрочемъ, съ уходомъ Петра это иноземное населеніе разсыпалось быстро въ разныя стороны. Стоило подвинуться Петру съ своими верфями изъ Воронежа къ впаденію Воронежа въ Донъ, какъ всѣ эти пришельцы передвинулись съ своими мастерскими на югъ. Смерть Петра сразу прекратила это движеніе. Русскіе нѣмцы, жители прибалтійскихъ губерній, мало распространялись въ глубь имперіи; изъ-за границы больше не являлись компактныя массы иностранцевъ до царствованія Екатерины II.

Правильная колонизація инороднымъ и иностраннымъ элементомъ пустопорожнихъ земель относится также къ царствованію Петра (1719 г.), который издалъ первый указъ, урегулировавшій поселеніе грузинъ въ крѣпости Святого Креста. При Аннѣ Іоанновнѣ были поселены «грузинцы», т.-е. грузины и армяне въ Украйнѣ, и съ того времени началась правильная земледѣльческая колонизація разныхъ частей Россіи иностраннымъ и инородческимъ элементомъ. До Петра въ Россію являлись отдѣльные иностранцы, преимущественно ремесленники: литейщики, столяры, ружейные мастера и т. д. По большей части, это были нѣмцы, но этотъ элементъ не являлся колонизующимъ, такъ какъ, получивъ выгоду, онъ уходилъ на родину. Правильная земледѣльческая нѣмецкая колонизація началась при Екатеринѣ II. Въ концѣ XVIII ст. началось массовое переселеніе нѣмцевъ изъ Германіи въ Россію. Доступъ былъ облегчаемъ. Екатерина Великая приглашала нѣмецкихъ колонистовъ въ Россію, но первое ея приглашеніе осталось почти безъ вниманія. Лишь на второе приглашеніе явились толпы искателей счастья. Цѣлью императрицы было желаніе дать своимъ подданнымъ живой примѣръ лучшаго земледѣлія. Въ 1763 г. былъ предоставленъ имъ выборъ мѣста поселенія. Колонисты сохраняли свою вѣру, освобождались отъ воинской повинности и не платили 30 лѣтъ податей, если распахивали цѣлину. Каждая колонія имѣла свое управленіе и свой судъ. Проѣздъ уплачивало правительство; оно же и давало ссуду (на выплату) для перваго устройства и

обзаведенія колонистовъ (на 10 лѣтъ безъ %). Каждая семья получала 30 десятинъ, но безъ права перепродажи и раздѣла. Туземное русское населеніе не всегда относилось дружелюбно къ поселенію чуждаго ему элемента. Напротивъ, какъ это имѣло мѣсто при основаніи колоніи Рибенсдорфъ, губернское управленіе и населеніе объявило, что земель для колонистовъ вовсе нѣтъ. Въ такихъ случаяхъ иногда большую роль играли отдѣльныя личности. Часто отдѣльные помѣщики приглашали изъ Германіи поселиться на своей землѣ цѣлыя деревни. Семилѣтняя война, послѣ которой въ Германіи стало много неимущаго элемента и наступило общее обѣднѣніе, способствовала выселенію нѣмцевъ въ Россію. Въ Германіи образовались толпы искателей счастья. Преступники, надоѣвшіе нѣмецкому правительству, бѣжали въ Россію; крестьяне и ремесленники наполняли кадры будущихъ русскихъ колонистовъ. Такимъ образомъ, образовались приволжскія колоніи, колоніи на югѣ Россіи и въ Польшѣ. Движеніе это продолжалось и въ слѣдующія царствованія (до Николая I).

Подобнымъ образомъ была основана и колонія Рибенсдорфъ (Riebensdorf или Rybensdorf по церковнымъ нѣмецкимъ книгамъ). Названіе это происходитъ отъ «рыба» или «рыбное», такъ какъ мѣстность славилась въ старину своими рыбными богатствами (въ р. Соснѣ, протекающей черезъ колонію недалеко отъ впаденія въ Донъ, въ 8 верстахъ). Предки теперешнихъ колонистовъ были приведены въ Россію отдѣльнымъ агентомъ. Черезъ Москву и Тулу они добрались до Воронежа. Здѣсь спросили у мѣстныхъ властей, есть ли для пришельцевъ мѣсто. Администрація отвѣтила отрицательно; тогда два помѣщика, Тевяшовъ и Лисаневичъ, пригласили колонистовъ поселиться на своихъ земляхъ. Первоначально колонисты эти шли въ Приволжье, но такъ какъ составъ ихъ былъ очень пестрый, то изъ партіи выдѣлились предки колонистовъ Рибенсдорфа, такъ какъ они стыдились прійти на мѣсто со «всякой сволочью». Тѣмъ охотнѣе они приняли предложеніе помѣщиковъ и основались въ Воронежской губ. Всѣ они *происходили изъ графства Равенсбургъ (Баденъ), изъ деревушки Зульцфельдъ*. Часть, 54 семьи, основалась у Тевяшова въ колоніи Рибенсдорфъ; другая часть осѣла у Лисаневича въ Богучарскомъ уѣздѣ (около 20 семействъ), въ колоніи Калачи. Скоро, впрочемъ, послѣдняя колонія разбѣжалась и вернулась въ Германію. Согласно документу на оберточной бумагѣ, найденной случайно въ табачной лавочкѣ въ Острогожскѣ, колонистовъ въ Рибенсдорфѣ было 209 душъ. Наступила осень 1865 г. Зиму колонисты провели въ Острогожскѣ. Большинство колонистовъ были ремесленники: здѣсь были ткачи, суконщики, ткачи по шелку и т. д. Во время пути по Россіи къ нимъ пристало 11 семей—всего до 65 семей, но послѣднія скоро покинули колонію. Многіе изъ пришельцевъ въ первый же годъ бѣжали домой, другіе предпочли городъ и переселились въ Воронежъ и Острогожскъ, гдѣ быстро обрусѣли. Главная часть или, какъ послѣ оказалось,

вся колонія состояла изъ швабовъ изъ вышеупомянутой деревушки Зульцфельдъ. (По нѣкоторымъ сообщеніямъ пасторовъ колоніи, въ числѣ пришельцевъ были будто датчане, венгерцы и другіе нѣмцы, что при провѣркѣ оказалось невѣрнымъ). Въ 1766 г. весной правительство построило имъ избы въ 7 верстахъ отъ Острогожска. На лѣвомъ берегу

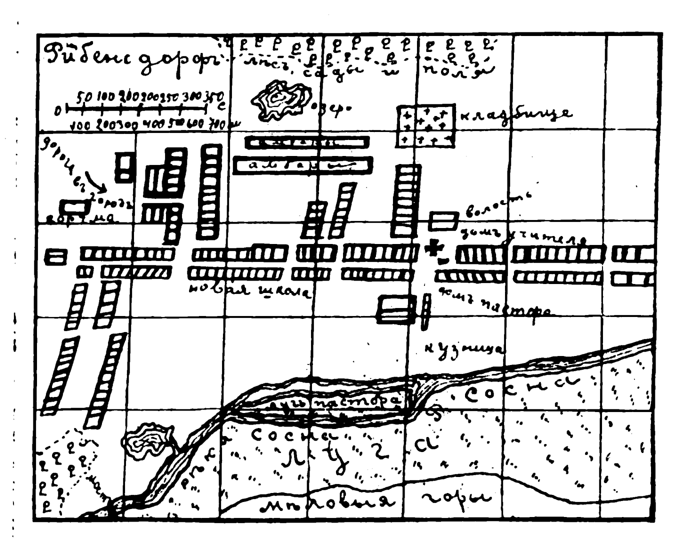

Рис. 1. Планъ Рибенсдорфа.

Сосны они получили нѣсколько сотъ десятинъ пахоты, луговъ и лѣса; остальная часть угодій лежала на правомъ берегу рѣки. Правая сторона колоніи лежитъ на плодородной почвѣ, лѣвая — на неплодородной, мѣловой подпочвѣ; всего у колонистовъ 4000 десятинъ, т.-е. по 60 десятинъ на семью. Въ 1798 г. черезъ губернатора колонисты получили еще землю,

Рис. 2. Общій видъ Зульцфельда.

на которой построили предмѣстье, названное по имени императора Павловскомъ. Послѣднее существуетъ и понынѣ, но не могло развиться самостоятельно.

Три года спустя послѣ основанія колоніи, Гмелинъ (Reisen in Russland, Bd. I, стр. 146 — 147) нашелъ въ ней по большей части земле-

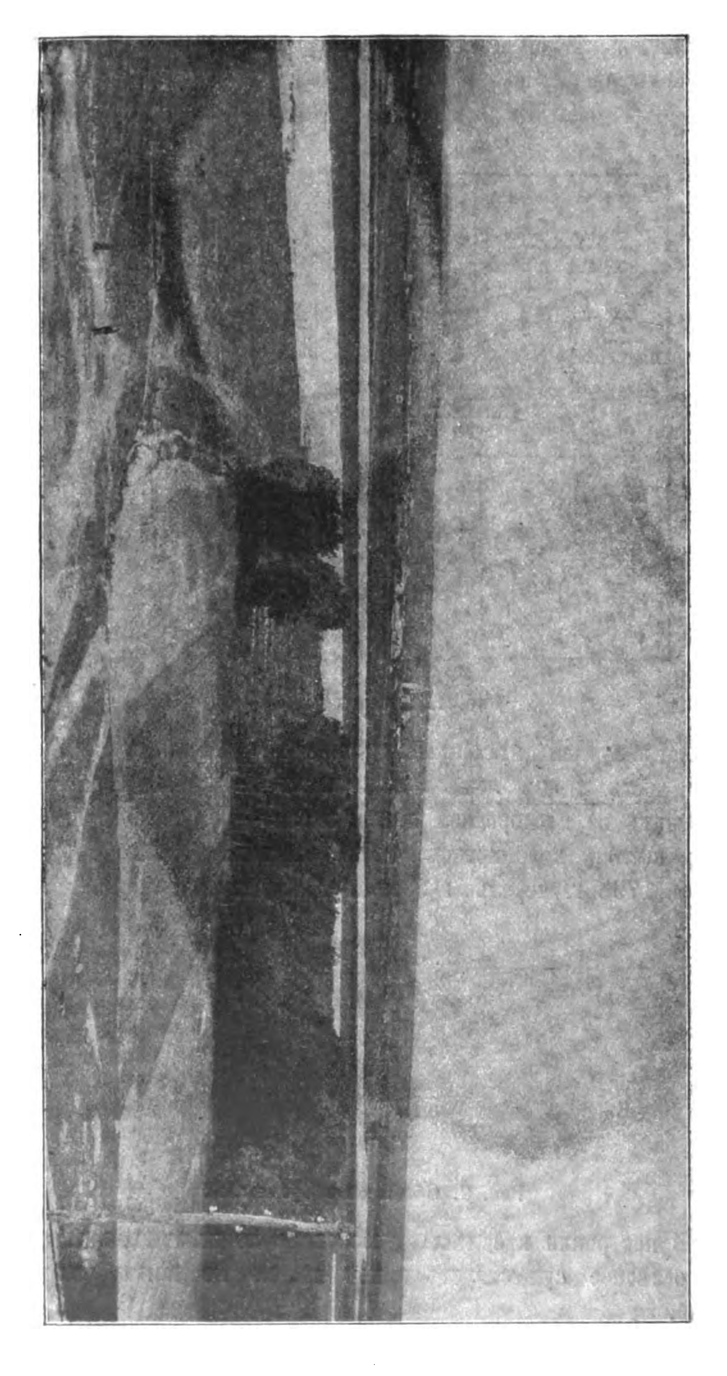

Рис. 3. Общій видъ колоніи Рибенсдорфъ съ Ю.-В. Внизу полотно Харьк.-Балашовской жел. дор.

пашцевъ, три ткача, одного пекаря, одного бондаря, четырехъ сапожниковъ, одного трубочиста, 2-хъ портныхъ, одного мельника и одного мясника. Черезъ 15 лѣтъ (по рукописи «Описанія Острогожскаго суда») черезъ колонію тянулась широкая улица, дѣлившая ее на двѣ равныя половины. Поперечная улица вела къ рѣкѣ. Въ колоніи было 52 дома и церковь. При расположеніи колоніи и выборѣ мѣста поселенія поселенцы руководились планомъ, по которому расположена была ихъ родная деревушка Зульцфельдъ. Уже взглядъ на фотографіи колоніи и рисунокъ съ общаго вида Зульцфельда убѣждаетъ насъ въ томъ. На заднемъ планѣ колоніи и Зульцфельда поды-

Рис. 4. Церковь въ Зульцфельдѣ.

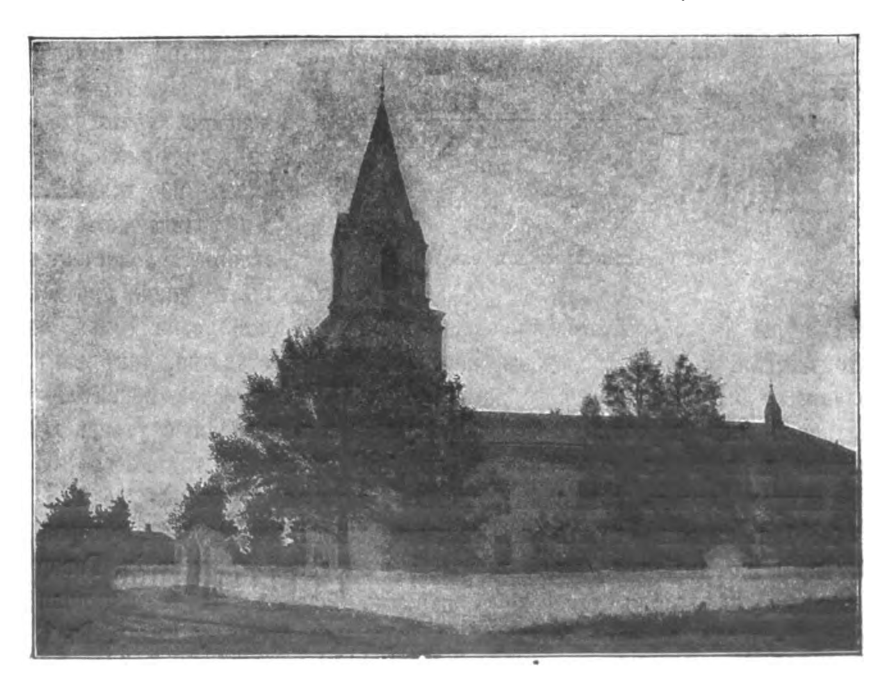

Рис. 5. Церковь въ Рибенсдорфѣ.

маются покатые склоны холмовъ. Рибенсдорфъ и Зульцфельдъ вытянулись въ длину; въ обоихъ случаяхъ то же расположеніе лѣса и луговъ довершаютъ внѣшнее сходство. Дома прежняго времени отстояли другъ отъ друга въ нѣкоторомъ разстояніи и были построены изъ дерева и рѣдко изъ кирпича и фаферка (деревянныхъ переплетовъ, заполненныхъ кирпичемъ,—ср. нѣмецкія деревенскія постройки въ Вюртембергѣ и Баденѣ). Крыши были крыты черепицей или дранью. Окна были большія и свѣтлыя, на улицу. Съ виду колонія того времени была похожа на чисто нѣмецкую деревню и вовсе не напоминала русскаго селенія. Пахали колонисты бранденбургскими и вюртембергскими плугами. Съ самаго начала, впрочемъ, они набросились не на земледѣліе, а на разведеніе табака, который продавали въ Москву, Харьковъ и даже Петербургъ. Въ уѣздный городъ Острогожскъ они возили огурцы и фрукты, которыхъ окрестное русское населеніе почти не разводило. Колонистки приготовляли сыръ, напоминающій голландскіе сорта. Мужья всѣ поголовно курили табакъ изъ трубочекъ, похожихъ на голландскія. Въ религіозномъ отношеніи колонисты всѣ были одной протестанской вѣры (аугсбургскаго вѣроисповѣданія), и лишь одна семья была католическая, которая, впрочемъ, перешла въ протестанство, такъ какъ въ колоніи не было католическаго патера. Въ 1770 г. русское правительство построило имъ деревянную церковь, купило имъ церковную утварь и назначило пастора съ содержаніемъ въ 180 рублей въ годъ. Въ 1801 г. деревянную церковь замѣнили каменной, которая простояла до 1881 г. Въ 1881 г. начали строить теперешнюю каменную церковь, которая до сего времени является самой красивой постройкой въ колоніи. Говорили колонисты на своемъ швабскомъ нарѣчіи. Сначала они не понимали ни слова по-русски и вовсе не старались научиться русскому языку. Въ 1859 г. мѣстный пасторъ писалъ въ своемъ донесеніи, что въ языкъ колонистовъ вкрались и русскія слова, но въ совершенно невѣрномъ значеніи;

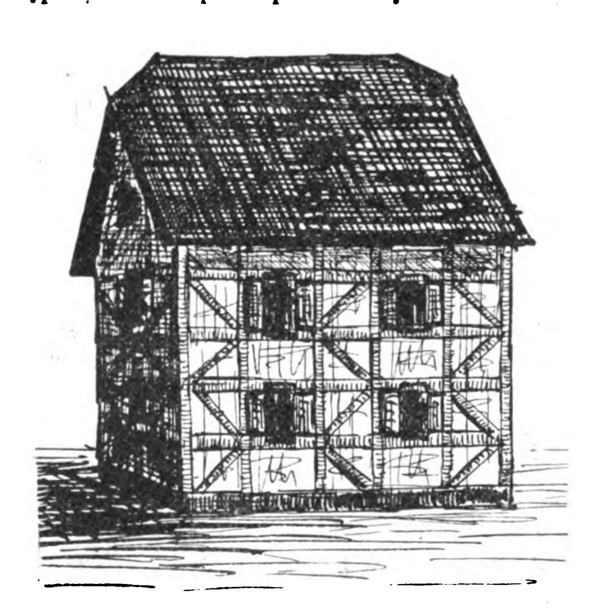

Рис. 6. Домъ въ Зульцфельдѣ.

такъ, «долину» и «прудъ» они употребляли въ обратномъ значеніи этихъ словъ. Выговоръ у нихъ—носовой и нараспѣвъ. Одежда была вначалѣ чисто нѣмецкаго - швабскаго покроя, но постепенно стала походить на одежду русскаго мелкаго мѣщанства и купечества. Одежда женщинъ и дѣвушекъ ничѣмъ не отличалась другъ отъ друга. Изъ этого же донесенія видно, что бороды колонисты не брѣютъ, а стригутъ очень негладко, и

Рис. 7. Малороссійская хата въ сосѣдней деревнѣ.

«многіе изъ нихъ не знаютъ, какой видъ имѣетъ бритва». Прическа мужчинъ похожа на прическу русскихъ мѣщанъ и крестьянъ. Обувь русскаго образца: высокіе сапоги бутылками — признакъ благосостоянія. Лаптей колонисты въ то время еще не носили. Пожаръ, уничтожившій всю колонію, измѣнилъ ея физіономію. Планъ ея остался, правда, прежній, обусловленный направленіемъ рѣки, но всѣ избы были построены вполнѣ по малороссійскому типу.

Маленькая колонія быстро увеличилась, такъ что фамиліи: Дейчъ, Дрееръ, Адамъ, Гептингъ, Киби, Кимертъ, Карстенъ и т. д. были представлены въ десяткахъ особей. Каждый поселенецъ получилъ землю безъ права перепродажи. При выселеніи уходившіе передавали свою землю, кому хотѣли, но имѣли право въ любое время вернуться и потребовать свою землю обратно. Только 10-лѣтняя давность и стыдъ передъ общиной не допускали подобныхъ случаевъ. Такъ какъ всѣ документы и акты сгорѣли, до 1870 г. это правило было въ полной силѣ. Съ самаго же начала всѣ приняли русское подданство, хотя русское правительство ихъ вовсе къ тому не принуждало, а, напротивъ, оставляло право ухода за ними.

Земледѣліе въ чуждомъ имъ климатѣ не сразу далось колонистамъ; сначала они принялись за разведеніе тутоваго дерева. Но климатъ оказался слишкомъ суровымъ, и только на кладбищѣ до сихъ поръ стоитъ одинокое тутовое де-

Рис. 8. Улица въ Зульцфельдѣ.

рево, — остатокъ прежняго величія. Большинство, впрочемъ, предпочитало заниматься своимъ ремесломъ, которому научилось на родинѣ. Однако развитіе ремеслъ въ крѣпостное время, когда каждый мало-мальски зажиточный помѣщикъ имѣлъ въ своей дворнѣ и столяровъ, и маляровъ, и ткачей и т. д., показало колонистамъ, что ихъ таланты здѣсь не нужны. Первое время колонистамъ жилось тяжело. Въ 1798 г. пастору удалось упросить императрицу Екатерину II сложить съ колоніи недоимку въ 24,000 рублей (за выкупные платежи). Съ того времени благосостояніе начало расти. Въ 1838 г. колонисты назначили своему пастору жалованье въ 400 рублей въ годъ; одновременно онъ былъ назначенъ губернскимъ проповѣдникомъ. Школу колонисты построили тотчасъ послѣ постройки церкви. Учителями были пасторъ и учитель-нѣмецъ. Русскому языку вовсе не учили. Въ 1859 году число колонистовъ увеличилось настолько, что назначенъ былъ второй учитель. Школу посѣщало 300 учениковъ. Назначеніе учителя зависѣло отъ пастора. Мини-

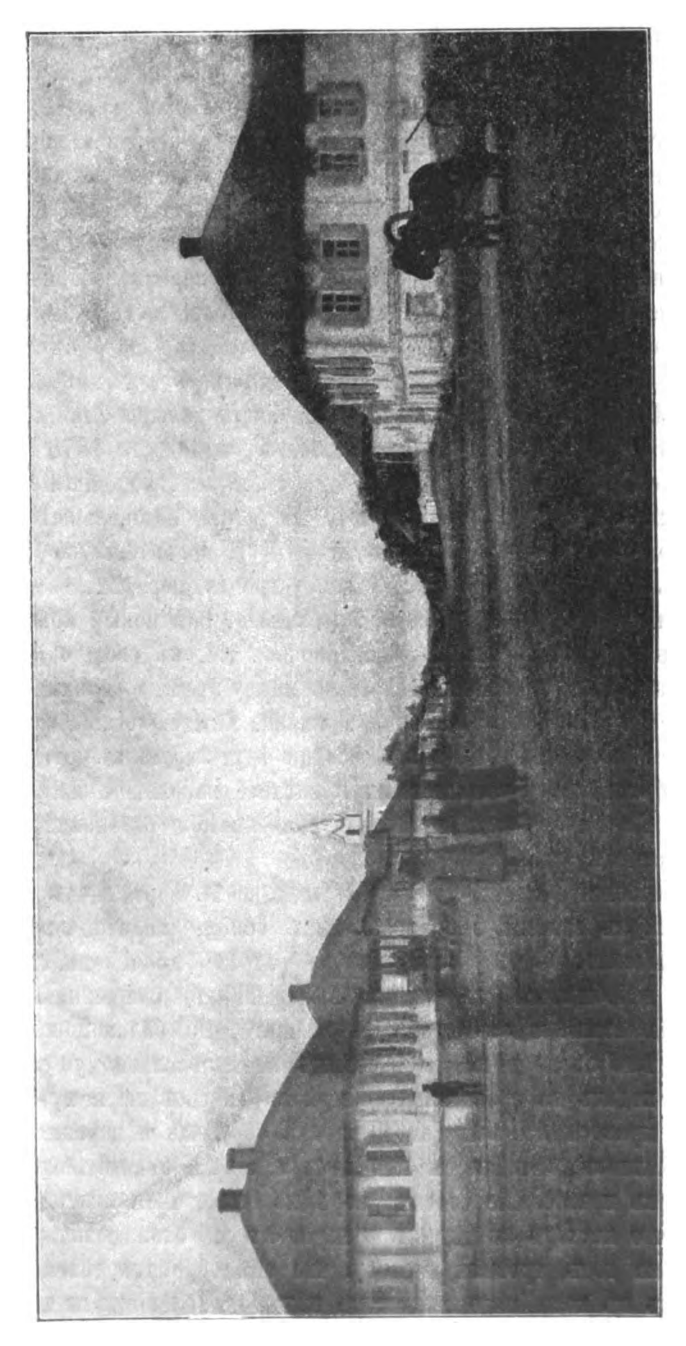

Рис. 9. Главная улица въ Рибенсдорфѣ.

стерство и русскія власти не вмѣшивались въ эти назначенія. Такимъ образомъ, безпрепятственно развилась и окрѣпла сильная компактная нѣмецкая община въ центрѣ Россіи. Народъ былъ крѣпкій, энергичный и прилежный. Однако, въ 1859 г. въ колонію проникаетъ сифилисъ отъ общенія съ русскими работниками, которыхъ имѣло каждое колонистское хозяйство. Съ того времени есть и случаи идіотизма и общей неразвитости. Климатъ колонисты выносили хорошо, и ничто не мѣшало нормальному росту колоніи. Въ 1848 г. (?) колонисты были принуждены думать о выселеніи. 30—35 семей отправилось на югъ и основало колонію въ 12 верстахъ отъ Ейска (Михаэльсталь, переименованная императоромъ Александромъ III въ Воронцовку). Правительство дало выселившимся по 30 десятинъ на семью. Гораздо большее выселеніе было въ 1866—67 гг. Были основаны три колоніи на берегу Азовскаго моря: Ольгенфельдъ, Руэталь и Маріенталь, но въ этотъ разъ колонисты должны были купить себѣ землю сами. Больше всего выселилось колонистовъ, однако, въ 1878 г. Они основали на Міусѣ, въ 70—60 верстахъ отъ Таганрога, колонію Петри-Паули и Нейгофнунгъ. Всего при этомъ ушло 60 семей, недовольныхъ внутренними распорядками въ колоніи. Уже въ 1874 г. правительство запросило, не считаютъ ли колонисты необходимымъ устроить передѣлъ земли. Богатѣи воспротивились, и недовольные выселились. Всѣ новыя колоніи называютъ рибенсдорфцы «Neuland»; выселившіеся же, въ свою очередь, называютъ Рибенсдорфъ — «Russland». Связь между этими дочерними колоніями и метрополіей осталась очень тѣсная и живая. Каждую осень, по окончаніи полевыхъ работъ, родные и прежніе сосѣди ѣдутъ другъ къ другу въ гости. Нерѣдки и браки между колонистами. Послѣднее небольшое выселеніе было въ 1881 г. Съ того времени наступило равновѣсіе и остановилось экспансивное движеніе колоніи.

Что касается религіи, то колонисты до сихъ поръ всѣ протестанты. Есть, правда, въ колоніи 5 православныхъ семей, но это явленіе чисто случайное. Именно, въ отсутствіе пастора умиралъ колонистъ. Такъ какъ онъ желалъ пріобщиться, то позвали православнаго священника, который совершилъ помазаніе и причастилъ умирающаго. Но больной выздоровѣлъ и имѣлъ затѣмъ много дѣтей, крещенныхъ по православному обряду. Всѣ эти семьи ходятъ въ православную церковь въ сосѣднемъ хуторѣ. Перешедши въ православіе, эти семьи вполнѣ обрусѣли и переняли все отъ сосѣднихъ хохловъ, начиная съ ихъ лѣни и кончая бѣднымъ хозяйствомъ. Переходовъ въ православіе до сихъ поръ не было, хотя матери, недовольныя тѣмъ, что пасторъ за лѣность и неразвитость откладывалъ конфирмацію дѣтей на годъ, грозили пастору, что онѣ обратятъ дѣтей въ православіе. Сектъ въ колоніи до сихъ поръ нѣтъ. Въ колоніяхъ на югѣ, однако, завелись уже секты. То обстоятельство, что колонія въ религіозномъ отношеніи сохранила свой обликъ вполнѣ, зависитъ отъ того, что она съ

самаго начала была одной вѣры. Большое вліяніе оказали также и пасторы, умѣвшіе жить съ своей паствой въ дружбѣ. Всѣ пасторы были русскіе нѣмцы. Пасторъ былъ центральною фигурою въ колоніи. Школа была въ его вѣдѣніи. Онъ сзывалъ молодежь (Pura un Maitla—Burschen und Mädchen-Mädel) на уроки пѣнія и священной исторіи и бесѣдовалъ съ нею. Это продолжалось и послѣ конфирмаціи, до женитьбы. Конфирмировались колонисты въ 15 лѣтъ. Одинъ изъ пасторовъ въ 50-хъ годахъ требовалъ даже отъ родителей, чтобы они посылали своихъ дѣтей регулярно въ школу. За каждый пропущенный по неуважительной причинѣ день виновные родители платили въ кассу 5 коп. Въ концѣ года ходилъ по колоніи сборщикъ и собиралъ эти штрафные пятачки, на которые затѣмъ (въ 1875 г.) была пріобрѣтена фисгармонія для школы. Это отмѣнили съ момента, когда ввели русскій языкъ, и въ школѣ явился русскій учитель. Кромѣ этого предпріятія, тотъ же пасторъ создалъ маленькую библіотеку, которая, однако, скоро прекратила свою дѣятельность, такъ какъ никто ничего не читалъ, хотя книгъ притекало изъ Москвы и Петербурга очень достаточно. Новая церковь—также дѣло рукъ пасторовъ. Они убѣдили колонистовъ давать ежегодно по одному пуду табака съ семьи. Все это продавалось и дало сумму въ 25,000 рублей. Строили колонисты сами цѣлыхъ три года. Въ началѣ постройки, однако, выселилась треть колонистовъ, такъ что теперь церковь на-половину пустуетъ. По духу своему пасторы остались своей паствѣ вполнѣ чужды. Нѣкоторые вели себя часто безтактно, особенно тогда, когда обрусѣніе колоніи было рѣшено, и наступало неизбѣжное при этомъ недовольство. Кромѣ этого, и языкъ пасторовъ былъ непонятенъ. Уроженцы Риги, Дерпта, русскіе нѣмцы, знакомые и говорящіе языкомъ библіи и классиковъ, пасторы не понимали по-швабски, и колонисты въ свою очередь не понимали высокопарнаго стиля пасторовъ. Темы проповѣдей были также мало понятны и недоступны колонисту.

Что касается внѣшнихъ обычаевъ съ нѣкоторой религіозной окраской, то колонисты переняли у православныхъ только поминки. На нихъ колонисты пропивали и проѣдали цѣлыя состоянія, такъ что пасторы принуждены были, наконецъ, выступить противъ этого пагубнаго для колоніи обычая.

Роднымъ языкомъ колонисты считаютъ нѣмецкій. Прежде они говорили только по-нѣмецки, теперь же дѣти до 7 — 8 лѣтъ говорятъ исключительно по-малороссійски, и только въ школѣ учатся нѣмецкому языку. Языкъ старшаго поколѣнія очень оригиналенъ: въ немъ масса французскихъ словъ съ очень страннымъ значеніемъ, напр.: morot — усталый (также и müde), expré (exprés) въ смыслѣ особенный, malade — въ смыслѣ удрученный, усталый, mariage — въ смыслѣ дружба, любовная связь. Особенно часто можно услышать фразу: Ti hen avar a «mariage», avar des wert bei Ehna pal ausanandar geh (Die haben aber eine Freundschaft, aber sie wird bei ihnen bald auseinander gehen). Въ настоящее время языкъ ко-

лонистовъ утратилъ свою оригинальность въ связи съ обрусѣніемъ школы. Школа вначалѣ была въ рукахъ самой колоніи. Первымъ учителемъ былъ сынъ учителя изъ Зульцфельда (какъ мнѣ сообщилъ пасторъ изъ Зульцфельда, который любезно доставилъ рядъ цѣнныхъ свѣдѣній о своей деревнѣ). Онъ былъ родоначальникомъ всѣхъ учителей въ колоніи до преобразованія школы по русскому образцу. Жалованья онъ получалъ только 60 руб. въ годъ отъ колоніи и пользовался 5 десятинами для своего посѣва. Внѣ школы онъ былъ такимъ же землепашцемъ, какъ и другіе колонисты; спеціальнаго образованія учителя не получали. Большинство изъ нихъ училось у пасторовъ или въ школахъ приволжскихъ колоній. Земство вовсе не заботилось о школѣ. Преподаваніе, однако, шло довольно успѣшно, если вѣрить донесеніямъ пасторовъ. Преподавали: ариѳметику, Законъ Божій, нѣмецкій и необязательно русскій яз. (для мальчиковъ). Но въ 1869/70 и, наконецъ, въ 1871 г. земство энергично потребовало веденія преподаванія на русскомъ языкѣ. Несмотря на протесты пастора, центральное лютеранское управленіе приказало подчиниться новому требованію. Нельзя сказать, что уровень знаній отъ введенія русскаго языка повысился; наоборотъ, русскіе учителя, враждебно встрѣченные населеніемъ, естественно, не вносили одушевленія въ дѣло, принятое ими на себя. Въ настоящее время въ школѣ 4 учителя — три изъ нихъ русскіе. Одинъ изъ нихъ, русскій нѣмецъ, учитъ нѣмецкому языку также по-русски. Пониманія между учениками и учителями нѣтъ, чему сильно препятствуетъ религіозное различіе. Несмотря на все это, колонистъ относится къ введенію русскаго языка довольно дружелюбно, и иногда только добродушно подсмѣивается надъ русскою лѣнью и неряшливостью. Выговоръ колонистовъ, несмотря на то, что говорятъ они по-русски съ дѣтства, твердый и не русскій. Въ жизни колоніи были моменты, когда колонисты искали сближенія съ русскими, но это сближеніе осталось безъ послѣдствій для обѣихъ сторонъ. Обрусѣнію способствовала близость Острогожска, куда колонисты возили свои продукты на базаръ. Вмѣсто церкви, бабы ѣхали въ воскресенье на базаръ продавать свои «kukumâr» (Gurken — франц. concombre), молоко и сыръ. Мужья сопро-

Рис. 10. Сельскій учитель въ Рибенсдорфѣ (третье поколѣніе послѣ переселенія, нынѣ вымершее).

вождали ихъ и пьянствовали. Въ городѣ колонисты сближались съ русскими. Пасторъ, недовольный тѣмъ, что ему приходится говорить въ пустой церкви, настоялъ, однако, на томъ, чтобы базаръ перенесли на понедѣльникъ. Съ Германіей у колоніи связи нѣтъ. Вначалѣ явился, правда, изъ Шварцвальда часовщикъ и женился здѣсь, но, получивъ землю, онъ скоро ушелъ назадъ въ Германію. Переписки съ Германіей никто не велъ. Только въ послѣднее время колонисты выписываютъ прямо изъ Германіи сельско-хозяйственныя машины. Такимъ образомъ, колонисты постепенно утратили свой языкъ и національность.

Рис. 11. Одежда пожилыхъ колонистовъ (третье, вымершее, поколѣніе).

Характеръ колонистовъ былъ раньше очень веселый. Въ настоящее время это — замкнутый, гордый, упрямый и тяжелый народъ. Пляски и пѣсни прекратились. Только на свадьбахъ и обрученіи, празднуемыхъ очень богато, и по воскресеньямъ водятъ русскій хороводъ. На Пасху играютъ въ «сборъ яицъ» (Eierlesen). Всѣ заняты этой игрой. Два парня ходятъ по деревнѣ и собираютъ яйца (до 150 штукъ), которыя затѣмъ кладутъ на улицѣ въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Одинъ изъ нихъ долженъ собирать яица и складывать въ корзину, другой же за это

время бѣжитъ къ рѣкѣ и схватываетъ за уздцы лошадь, которую держатъ тамъ наготовѣ. Кто это продѣлаетъ скорѣй, является побѣдителемъ и имѣетъ право носить два дня вѣнокъ. На Троицу ставятъ передъ церковью ольху съ вѣнкомъ изъ вишневыхъ вѣтвей. Мальчики взлѣзаютъ на дерево и состязаются въ ловкости.

Матеріальная культура колонистовъ въ настоящее время мало отличается отъ русской, въ которой колонисты живутъ: главный общій отпечатокъ на нихъ и на ихъ сосѣдей налагаетъ ихъ занятіе земледѣліемъ. Благопріятный климатъ, достаточное количество снѣга и дождей (съ страшными

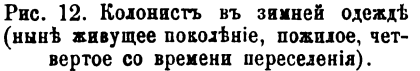

Рис. 12. Колонистъ въ зимней одеждѣ (нынѣ живущее поколѣніе, пожилое, четвертое со времени переселенія).

Рис. 13. Колонистка въ зимней одеждѣ (нынѣ живущее поколѣніе, среднихъ лѣтъ, четвертое со времени переселенія).

грозами) способствуютъ земледѣлію. Рѣка, богатая рыбой, разливается на широкое пространство, создавая тучные луга. Остальная земля — не степь, а богатый черноземъ. Неудобная мѣловая земля покрыта по берегу рѣки лѣсомъ. Въ колоніи такимъ образомъ есть все, необходимое для успѣха земледѣлія. Оно стояло раньше на болѣе высокой ступени, чѣмъ у русскихъ. Но апатичность, отсутствіе инициативы у послѣднихъ во время крѣпостного права помѣшало имъ научиться у колонистовъ болѣе совершеннымъ пріемамъ хозяйства. Въ настоящее же время рибенсдорфцы сами

знаютъ не больше своихъ русскихъ сосѣдей. Только въ послѣднее время явился у нихъ двуконный плугъ-буккеръ. Русская борона, самой первобытной формы, употребляется колонистами не для бороненія, но для набрасыванія земли на картофельные ряды. У сосѣдей картофель окапываютъ лопатами. Удобренія колонисты не признаютъ и вывозятъ навозъ только на ближнія поля, такъ какъ находятъ, что возить его не стоитъ далеко. Обработываютъ землю они болѣе тщательно, чѣмъ русскіе. Надѣлы у нихъ разбиты по разнымъ частямъ колоніи. Трехлѣтній сѣвооборотъ принятъ вездѣ. Главный сортъ зерна—пшеница (Wa-a-iza=Weizen). Сѣютъ также рожь (Korn — вмѣсто Roggen) и немного овса (Havar—Haver) и ячменя (Kerschta—Gersten) для себя. За то подсолнухъ и другія масличныя растенія покрываютъ цѣлыя поля. Много садятъ картофеля, который продаютъ и изъ котораго прежде гнали водку (раньше въ колоніи было нѣсколько кабаковъ, которые по приговору были закрыты въ виду развитія пьянства). Отъ русскихъ деревень колонія отличается невѣроятнымъ количествомъ огородовъ съ огурцами. Цѣлыя десятины у одного хозяина покрыты огурцами, и прилежныя хозяйки зарабатывали на огурцахъ по 300 рублей въ лѣто. Много сѣютъ арбузовъ и дынь, которые находятъ хорошій сбытъ въ Острогожскѣ. Въ настоящее время колонистъ садитъ табакъ и свекловицу только въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Раньше же въ колоніи были собственные сахарные заводы. Табаку сажалъ раньше каждый колонистъ массу. Для себя онъ сажалъ отдѣльную гряду для своей трубки-Pfaifa (Pfeife), которую самъ дѣлалъ изъ тростника (Pfaifaröhrle). Обработывали табакъ очень просто. Растеніе срѣзалось, завертывалось въ трубки и сушилось. Эти сигары крошились и въ видѣ табака набивались въ трубки. Этого придерживаются старики и до сихъ поръ[1]). Молодежь же куритъ теперь простыя цыгарки. Съ уменьшеніемъ разведенія табака начали сѣять масличныя растенія и приготовлять патоку. Обѣ отрасли, однако, скоро заглохли вслѣдствіе конкурренціи. Садоводство процвѣтало въ прежніе годы.

Рис. 14. Типъ колонистки среднихъ лѣтъ (четвертое поколѣніе со времени переселенія).

[1]) Кромѣ трубки, стариковъ еще отличаетъ и крючковатый посохъ — Stockpriegal (Stockprügel).

Почва въ самой колоніи для него неблагопріятна; поэтому сады были посажены въ лѣсу, въ 3-хъ верстахъ отъ колоніи. Въ настоящее время сохранились отъ садовъ только жалкіе остатки, перемѣшанные лѣсными породами. Лѣсъ раздѣленъ на участки, которые принадлежатъ каждому колонисту. Лѣсовъ было раньше больше. Охота въ старину была богатая: водились лисицы, волки, куропатки, утки и дикія кошки. Недавно красовавшійся ольховый лѣсъ былъ вырубленъ, и на его мѣсто посажена верба. Главныя лѣсныя породы: дубъ, кленъ, ясень, ольха и карагачъ.

На-ряду съ земледѣліемъ колонистъ разводитъ большое количество скота. Онъ не сѣетъ травы для скота, а довольствуется естественными

Рис. 15. Колонистъ среднихъ лѣтъ (четвертое поколѣніе со времени переселенія).

заливными лугами, тянущимися на далекое разстояніе съ перерывомъ холмами въ направленіи къ Харькову. Скотъ лучше, чѣмъ у русскихъ. Числомъ его также больше. Даже у самаго бѣднаго колониста, по крайней мѣрѣ, 2 коровы, 2—3 лошади и нѣсколько свиней. Скотъ—слабый и низкорослый, и земство было вынуждено поставить въ колоніи племенного быка и жеребца для улучшенія породы мѣстнаго скота. Молочные продукты находятъ сбытъ въ Острогожскѣ. Особенная спеціальность колонистокъ — сливочное масло. Русскіе сосѣди приготовляютъ масло только изъ топленаго молока. Масло это идетъ даже въ Ростовъ на Д. Въ настоящее время молочное хозяйство падаетъ. Свиней разводятъ колонисты много. Они продаютъ окорока и колбасы въ Воронежѣ и Острогожскѣ. Для этого у колонистовъ

есть общественная коптильня. Впрочемъ, торговля окороками также уменьшилась. Овцеводство переживаетъ подобную же судьбу. Впрочемъ, и до сихъ поръ у колонистовъ овецъ очень много. Овчины, окрашенныя въ черный, желтый или бѣлый цвѣтъ, идутъ на тулупы (Tulup1e — вмѣсто Pelz). Мужчины носятъ короткіе, женщины—длинные тулупы. Шерсть перерабатываютъ на водяной мельницѣ (въ колоніи мельницы всѣ вѣтряныя) въ особое сукно, которое колонисты и малороссы носятъ очень охотно. На 1.100 душъ въ колоніи приходится 803 лошади, 726 штукъ рогатаго скота, 762 простыхъ овцы, 1.000 породистыхъ овецъ и 480 свиней — всего 3.771 голова скота.

Большой доходъ извлекаютъ колонисты изъ пчеловодства, которое, впрочемъ, было всегда очень первобытно. Первые колонисты поставили ульи въ лѣсу и въ садахъ и имѣли успѣхъ. Система ульевъ—колодочная. Пчелъ при сборѣ меда давили, одурманивъ предварительно дымомъ древеснаго гриба. Медъ, перемѣшанный съ пчелиными трупами, охотно покупали въ городѣ. Только одинъ колонистъ имѣетъ рамочные ульи, но его примѣръ остался безъ подражателей, такъ какъ колонисты всегда недовѣрчиво относятся ко всякому новшеству.

Рис. 16. Чета молодыхъ колонистовъ (четвертое поколѣніе со времени переселенія).

Дома колонистовъ похожи на малороссійскія хаты. Послѣ пожара въ 1850 г. не осталось ни одной старой постройки. Прежде кухня была въ центрѣ хаты, теперь же въ каждомъ домѣ пять комнатъ и кухня. Передъ нѣкоторыми домами есть палисадники на улицу; прежде такой садикъ изъ акацій красовался передъ каждой избой. Акація теперь исчезла почти совершенно. На улицу выходитъ 6 оконъ въ 3-хъ комнатахъ. Крыши покрыты соломой, перемѣшанной съ глиной и аккуратно обрѣзанной. Желѣзныхъ кровель въ колоніи 3—4; ими гордятся владѣльцы домовъ. Топятъ избы

соломой, стеблями подсолнуха и кизякомъ. Въ колоніи сейчасъ 120 домовъ; въ 1866 г. до выселенія было ихъ 267 (изъ нихъ 10 кирпичныхъ); въ 90-хъ годахъ домовъ было все еще 153.

Одежда колонистовъ отличается отъ малороссійской. Она скорѣе похожа на купеческую или мѣщанскую. Тулупы покрываютъ тонкимъ сукномъ. Кумача никто не носитъ, а носятъ самотканное сукно и холстъ. Атласъ, бархатъ и шелкъ колонистки покупаютъ въ неимовѣрномъ количествѣ. Вообще ихъ дѣвушки—первыя щеголихи округа. Все это тряпье складывается для приданаго дочерямъ. Впрочемъ, кромѣ этихъ тряпокъ, дочь не получаетъ почти ничего. Лишь иногда отдаютъ еще пару овецъ или корову, или же просто справляютъ свадьбу.

Рис. 17. Богатая дѣвушка-колонистка (пятое поколѣніе).

Пища колонистовъ почти та же, что и у малороссовъ. Въ будни они ѣдятъ борщъ, гречневую или пшенную кашу, или лапшу. Иногда бываетъ и мясо. Очень любятъ колонисты т. наз. Süsssauer, т.-е. фруктовый супъ, который русскимъ вовсе неизвѣстенъ. Пива колонисты не варятъ, такъ какъ не умѣютъ. Водку пьютъ они въ громадномъ количествѣ. Раньше у нихъ были даже свои водочные заводы.

Внутренее управленіе находилось до 1871 г. въ рукахъ самихъ колонистовъ. Выбирали старосту (Schulz'а), который являлся представителемъ колоніи. 6 выборныхъ надзирали за кассами, производили ревизіи и т. д. Большую роль игралъ пасторъ. Для поддержки матеріальнаго благосостоянія въ колоніи существовала Armenkasse, въ которую вносилъ каждый новый членъ при вступленіи 65 рублей. Изъ этихъ взносовъ образовался капиталъ въ 12.000 рублей, который раздавался изъ 6% годовыхъ. Податей уплачиваетъ каждый плательщикъ 52—53 рубля; несмотря на большія подати, поступленіе ихъ очень аккуратно. Это объясняется высокимъ благосостояніемъ, которое сохранилось, несмотря на частые недороды въ той мѣстности. Дѣла общины рѣшались въ домѣ старосты (Schulzahaus).

Въ 1871 г. у колонистовъ были отняты всѣ права, дарованныя Екатериной Великой. Колонисты были переименованы въ поселянъ-собственниковъ

Рис. 18. Группа конфирмандовъ въ 1903 г. (дѣти 15-лѣтняго возраста, пятое поколѣніе).

или бывшихъ колонистовъ. При этомъ въ колоніи было сильное возмущеніе. Колонисты выбросили изъ своихъ помѣщеній портретъ императрицы и топтали его ногами, утверждая, что она ихъ заманила въ чужую страну и обманула. Они понимали слово манифеста «вѣчно» въ прямомъ смыслѣ, а не въ смыслѣ вѣкъ=100 лѣтъ. По новому закону колонисты сохранили прежнее право наслѣдованія и по прежнему не имѣли права продавать землю. Общественными деньгами колонисты распоряжались по своему усмотрѣнію. Религіозная свобода и обычаи были оставлены новымъ закономъ въ прежней силѣ. За-то колонія лишилась своего «надзирательнаго комитета» и своихъ представителей. Обрусѣніе съ этого момента пошло очень быстро. Молодежь

Рис. 19. Дѣти богатыхъ колонистовъ (пятое поколѣніе).

была привлечена къ отбыванію воинской повинности. Противъ колоніи на противоположномъ берегу былъ поставленъ полицейскій постъ, на обязанности котораго было наблюдать за колоніей. Съ этого же времени въ жизни колоніи большую роль играетъ земство, которое заботится о школѣ, даетъ улучшенный скотъ, выдаетъ субсидіи на разведеніе лѣса и травосѣяніе и способствуетъ распространенію хорошихъ земледѣльческихъ орудій.

Со времени введенія новаго положенія національныя особенности, языкъ исчезаютъ. Религіозныя воззрѣнія становятся шаткими. Пьянство увеличилось съ уменьшеніемъ вліянія пасторовъ. Нравственность до сихъ поръ довольно высока. Внѣбрачныхъ дѣтей до сихъ поръ въ колоніи не

было. Семимѣсячное рожденіе ребенка (послѣ свадьбы) являлось предметомъ насмѣшекъ и наставленій для дочерей. Вечеринокъ нѣтъ въ заводѣ. Признаковъ вырожденія, несмотря на многократное скрещиваніе родственной крови, замѣчается мало. Съ виду всѣ колонисты—здоровые люди, что видно на приложенныхъ фотографіяхъ. Съ горожанами-нѣмцами колонисты не заключаютъ браковъ. Больницы и врача въ колоніи нѣтъ. За все время существованія колоніи ссылкѣ подверглись только трое.

Для полноты картины дадимъ статистическія данныя о колоніи. Въ настоящее время въ колоніи 597 душъ мужского пола и 595 женскаго. Въ 1901 г. родилось 37 мальчиковъ и 36 дѣвочекъ, умерло 12 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ. Приростъ равнялся 51 душѣ. На Кубани и на Дону живетъ 1.265 мужчинъ и 1.116 женщинъ,—съ колонистами Рибенсдорфа 1.862 м. и 1.761 ж. Въ 1866 г. въ колоніи было 2.119 жителей, владѣвшихъ 3.801 десят. Въ колоніи было 267 домовъ. Школу посѣщалъ 371 ученикъ. Въ колоніи было 9 фабрикъ и 5 кабаковъ. Въ 90-хъ годахъ было всего 153 дома съ 24 десят. и 9 штуками скота на душу. 94% обрабатывали землю, 5% работали внѣ колоніи.

Съ 1767 по 1845 г. число колонистовъ не извѣстно; съ 1845 по 1892 г. число ихъ колебалось въ приходѣ Воронежъ — Острогожскъ — Рибенсдорфъ (до раздѣленія прихода на Воронежскій и Острогожско-Рибенсдорфскій) слѣдующимъ образомъ:

Годъ.	Муж.	Жен.	Всего	Годъ.	Муж.	Жен.	Всего
1846	643	608	1251	1870	—	—	—
1847	652	635	1287	1871	1152	1166	2318
1848	793	775	1568	1872	1140	1145	2285
1849	815	814	1659	1873	—	—	—
1850	867	941	1808	1874	1188	1251	2439
1851	822	810	1632	1875	1209	1278	2487
1852	809	794	1603	1876	1260	1296	2556
1853	809	762	1561	1877	—	—	—
1854	862	857	1719	1878	701	810	1511
1855	969	880	1849	1879	599	677	1276
1856	1109	1052	2161	1880	593	668	1261
1857	1210	1006	2216	1881	598	643	1241
1858	1146	1026	2172	1882	450	492	942
1859	1081	1036	2117	1883	614	648	1262
1860	1861	922	1983	1884	533	572	1105
1861	—	—	—	1885	571	614	1185
1862	1078	1001	2079	1886	542	589	1131
1863	1001	1009	2010	1887	565	611	1176
1864	997	985	1982	1888	574	632	1206
1865	—	—	—	1889	600	673	1273
1866	—	—	—	1890	530	644	1174
1867	1142	1193	2335	1891	553	661	1195
1868	—	—	—	1892	540	526	1066
1869	1089	1085	2174				

Число населенія въ самой колоніи:

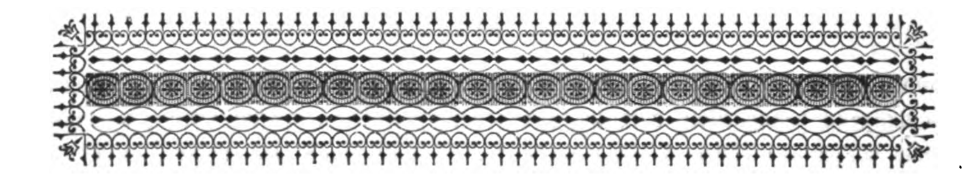
Годъ.	Муж.	Жен	Всего.	Годъ.	Муж.	Жен.	Всего.
1846	573	—	—	1875	1174	1254	2428
1847	—	—	1110	1876	—	—	—
1848	704	685	1389	1877	1095	1183	2278
1849	730	756	1486	1878	701	810	1511
1850	901	829	1730	1879	599	677	1276
1851	740	—	—	1880	—	—	—
1852	—	—	1497	1881	563	625	1188
1853	—	—	—	1882	448	489	937
1854	—	—	1642	1883	446	465	911
1855	—	—	1685	1884	339	366	705
1856	—	—	1683	1885	428	466	884
1857	845	868	1713	1886	542	589	1131
1858	864	884	1748	1887	542	594	1136
1859	—	—	—	1888	543	585	1128
1860	889	822	1711	1889	543	601	1144
1861	—	—	—	1890	376	609	985
1862	771	799	1570	1891	526	655	1181
1863	778	806	1584	1892	530	517	1047
1864	775	804	1579	1893	?	?	?
1865	793	823	1616	1894	?	?	?
1866	—	—	2119	1895	?	?	?
1867	1111	1174	2285	1896	?	?	?
1868	—	—	—	1897	?	?	?
1869	1052	1053	2105	1898	?	?	?
1870	—	—	—	1899	1788[1])	1676[1])	—
1871	1114	1134	2248	1900	1769[1])	1652[1])	—
1872	1089	1171	2260	1901	—	—	—
1873	814	867	1681	1902	597	595	1192
1874	1172	1239	2411				

Таблица показываетъ ростъ населенія до 1877 г. Выселеніе на югъ рѣзко понижаетъ число населенія, и съ того времени число стремится къ постоянству. Постепенный ростъ этотъ указываетъ уже самъ по себѣ на хорошія, здоровыя условія, въ которыхъ развивалась колонія (подъ подсолнухомъ засѣвается 128 дес., подъ картофелемъ 156 дес.—въ 1902 г.). Кучка швабовъ дала сильный народецъ въ 2.000 душъ. Призванные въ Россію для насажденія культуры и обученія ей русскихъ, они за 150 лѣтъ пребыванія въ мѣстности дали въ общемъ очень мало своимъ сосѣдямъ. Сами они утратили постепенно свои качества, изъ-за которыхъ ихъ и пригласили въ Россію. На Кавказѣ, правда, утверждаютъ, колонисты способствовали осѣданію на землѣ бродячихъ ногайцевъ, но въ Воронежской губ. этой роли имъ не приходилось играть. На населеніе здѣсь они не могли уже съ самаго начала вліять потому, что населеніе задыхалось подъ гнетомъ крѣпостного права, лишавшаго его всякой инициативы. Сами они отъ общенія съ полуцивилизованнымъ населеніемъ Екатерининской эпохи не могли выиграть; наоборотъ, они постепенно огрубѣли и опустились, поте-

[1]) Съ колоніями на югѣ („Памятная книжка Воронежской губ.",1903).

рявъ съ самаго же начала всякую связь съ своей далекой родиной. Какъ замкнутая религiозная община, объединенная нацiональными узами, колонiя еще сохраняла свою индивидуальность. Въ настоящее же время, съ естественнымъ и искусственнымъ ходомъ обрусѣнiя, колонiя теряетъ и послѣднiя свои отличительныя черты и неминуемо ассимилируется съ русскими сосѣдями. Это случится скоро, тѣмъ болѣе, что и культурное состоянiе колонистовъ не выше окружающей среды. Система хозяйства, жилье, одежда почти не отличаетъ ихъ отъ сосѣдей. Несмотря на это, рибенсдорфцы остаются вѣтвью германскаго народа, и именно потому, что за 150 лѣтъ *не было ни одного смѣшаннаго брака* съ русскими, чему, конечно, способствовало и религiозное единство общины. Кромѣ того, народъ этотъ цѣликомъ вышелъ *изъ одной мѣстности и даже изъ одной деревушки*; его изученiе имѣетъ потому, помимо культурно-историческаго значенiя, еще и слѣдующiй интересъ. При помощи параллельныхъ антропометрическихъ измѣренiй въ Рибенсдорфѣ (новой родинѣ) и въ Зульцфельдѣ (прежней родинѣ), на основанiи изученiя кранiологическаго матерiала изъ кладбищъ, можно будетъ выяснить и общiй вопросъ *о влiянiи среды на измѣненiя расы въ томъ случаѣ, когда нѣтъ кровосмѣшенiя*. Для этого мною предприняты переговоры съ нѣмецкими антропологами (Клаачемъ и Гедингеромъ въ Штуттгартѣ), чтобы начать измѣренiя въ Германiи. Мѣстный пасторъ въ Зульцфельдѣ обѣщалъ мнѣ свое содѣйствiе и прислалъ списокъ именъ лицъ, выселившихся въ Россiю изъ Зульцфельда; этотъ списокъ подтверждаетъ данныя, заимствованныя мною изъ рукописей рибенсдорфскихъ пасторовъ. Не предрѣшая пока вопроса, который составитъ въ будущемъ вторую часть настоящей работы, мы прилагаемъ выше лишь рядъ фотографiй, дающихъ понятiе о строенiи лица и черепа у 4-хъ последовательныхъ поколѣнiй, родившихся уже въ колонiи.

Б. Адлеръ.

Вогулы.

(Краніологическій очеркъ).

Матеріаломъ для настоящей статьи послужила краніологическая коллекція вогуловъ (56 очень хорошо сохранившихся череповъ), находящаяся въ Антропологическомъ музеѣ Московскаго университета и вывезенная въ 1886 г. изъ Сѣв.-Западной Сибири Н. Л. Гондатти.

Вогулы—небольшое, нынѣ уже вымирающее племя — живутъ по восточнымъ склонамъ Сѣвернаго Урала, по рр. Сосьвѣ и Лозьвѣ, впадающимъ въ Тавду, притокъ Оби. На западѣ вогулы граничатъ съ племенами пермяковъ и зырянъ, населяющихъ Пермскую губ., а съ востока и юга соприкасаются съ остяками, весьма близкими къ нимъ по языку, вѣрованіямъ, обычаямъ и, что особенно важно, по физическимъ признакамъ. Вмѣстѣ они составляютъ отдѣльную урало-алтайскую группу въ средѣ угро-финновъ. Эта группа была впервые выдѣлена акад. Кастреномъ, совершившимъ въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія путешествіе въ Сибирь съ цѣлью изученія языка остяковъ и, главнымъ образомъ, самоѣдовъ,—языка, весьма близкаго къ финскому. Какъ лингвистъ, онъ установилъ эту группу на чисто филологическихъ основаніяхъ, на данныхъ языка исключительно. На основаніи сходства языковъ западныхъ финновъ и финновъ нашего Заволжья, т.-е т. наз. угро-финновъ, съ языкомъ остяковъ, вогуловъ и самоѣдовъ, а этихъ послѣднихъ съ языкомъ сойотовъ, инородцевъ Саянскихъ горъ, онъ заключилъ о родствѣ всѣхъ этихъ племенъ, раскинувшихся на столь обширномъ пространствѣ отъ береговъ Балтійскаго моря до отроговъ Саянъ. Дальнѣйшее и болѣе глубокое изученіе духа и грамматическихъ формъ этихъ языковъ открыло ему сходство ихъ съ языкомъ монголовъ, кочующихъ у подножья Алтая, и дало поводъ высказать мнѣніе о первобытномъ родствѣ финновъ съ монголами и общую родину ихъ искать въ ущельяхъ Алтая. Такимъ образомъ, Кастренъ первый создалъ стройную и научно-обоснованную теорію родства и общаго происхожденія всѣхъ финскихъ племенъ, а также и теорію общности ихъ происхожденія съ монголами, помѣстивъ колыбель тѣхъ и другихъ на Алтайскихъ горахъ. «Онъ—единственный путе-

шественникъ, видѣвшій и изучавшій угро-финское племя на всемъ его протяженіи отъ Алтая на югѣ до Ледовитаго моря на сѣверѣ, отъ Енисея на востокѣ до Бѣлаго моря на западѣ. Изслѣдовать въ филологическомъ и этнографическомъ отношеніи цѣлое племя, разбросанное на огромномъ пространствѣ, найти слѣды его подъ оболочкою другихъ національностей и изучить смежные языки и нарѣчія, болѣе или менѣе имѣвшіе вліяніе на это племя, не обходя при этомъ ни одного изъ косвенныхъ вопросовъ (историческихъ, археологическихъ, миѳологическихъ) и съ каждымъ шагомъ обогащая науку новыми данными,—это подвигъ, котораго еще никто не совершалъ до Кастрена и который заслуживаетъ величайшей признательности ученаго міра»,—такъ говоритъ авторъ статьи, посвященной обзору археологическихъ изысканій въ Сибири въ «Извѣстіяхъ Сибир. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ.».

Какъ указанная теорія, такъ и основанная на ней классификація были чисто лингвистическими. Физическіе признаки, если и принимались во вниманіе, то во всякомъ случаѣ только слегка и сами по себѣ не были предметомъ всесторонняго изученія,—имъ не было отведено въ этой теоріи подобающаго мѣста. Какъ филологъ, Кастренъ не могъ сдѣлать ничего другого. Физическая антропологія была въ его время совершенно неизвѣстна. Построить естественную классификацію человѣчества, основанную на строго положительныхъ методахъ точнаго знанія,—это еще дѣло будущаго. «Изученіе первобытныхъ племенъ, ихъ анатомическихъ особенностей,—говоритъ проф. Маліевъ въ своей рѣчи, обращенной къ 4-му съѣзду русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Казани,—обѣщаетъ всего болѣе разрѣшить одну изъ труднѣйшихъ задачъ антропологіи, уловить генетическую связь народовъ, опредѣлить степень родства между отдѣльными расами и такимъ образомъ, можетъ-быть, возсоздать естественное родословное древо человѣчества».

Наши историческія свѣдѣнія объ урало-алтайскихъ финскихъ племенахъ начинаются съ XI в.; именно въ перечнѣ народовъ древнѣйшей лѣтописи югра, т. е. нынѣшніе остяки и вогулы, обозначены крайнимъ сѣв.-восточнымъ поселеніемъ въ Заволочьи, т.-е. мѣстности, обнимающей бассейны Онѣги, С. Двины, Мезени и Печоры. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи югра и самоядь показана лежащею за новгородскими владѣніями на Печорѣ—югра къ сѣверу отъ самояди, и если допустить, что послѣдняя занимала области между Вычегдою и Печорою, то югорскія поселенія слѣдуетъ искать къ сѣверу отъ нихъ, по восточнымъ притокамъ Двины, Мезени и по Печорѣ, до тундръ Поморья. Это подтверждается и тѣмъ, что, если вѣрить лѣтописи, югра въ то время была знакома съ Сѣв. Ураломъ, т.-е. мѣстомъ своего нынѣшняго обитанія, только по слухамъ и характеризуетъ его, какъ страну, исполненную всякихъ чудесъ и лежащую къ сѣверу отъ нихъ (вѣрнѣе, конечно, къ сѣв.-востоку). По крайней мѣрѣ,

лѣтописецъ приводитъ разсказъ очевидца, побывавшаго въ Югорской землѣ и принесшаго оттуда самыя смутныя свѣдѣнія о Сѣв. Уралѣ. Что этотъ хребетъ былъ тогда мало извѣстенъ самой югрѣ, показываетъ баснословность разсказа о заморскихъ обитателяхъ, и такое выраженіе: «чюдо, его же нѣ есьмы слышали прежде сихъ лѣтъ», можно объяснить только тѣмъ, что сами югорцы получили первыя свѣдѣнія весьма незадолго до прихода къ нимъ того очевидца, разсказъ котораго приводитъ лѣтописецъ, т.-е. не ранѣе конца XI и начала XII в. Въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ столѣтій югра, подъ напоромъ новгородскихъ дружинъ, постепенно передвинулась за Уралъ, на берега Иртыша и Оби, гдѣ ее застаетъ XVI в. и гдѣ она была покорена уже московскими войсками. Память объ этомъ переселеніи и до сихъ поръ сохранилась у вогуловъ.

Обратимся теперь къ современному состоянію вопроса. Д-ръ Елисѣевъ въ своей статьѣ о финнахъ говоритъ: «Антропологія финновъ составляетъ краеугольный камень антропологіи Россіи, а съ ней и всей Европы» [1]). Если признать вѣрнымъ это положеніе, то нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что антропологія урало-алтайской группы этого племени составляетъ, въ свою очередь, краеугольный камень антропологіи финно-угровъ, а съ ними и всего финскаго племени. Только этимъ однимъ объясняется тотъ интересъ, съ которымъ всегда относились ученые изслѣдователи финскихъ племенъ къ этой сравнительно небольшой вѣтви ихъ, затерянной на берегахъ Оби, Иртыша и Енисея. Пока неоспоримо признавалась теорія азіатскаго происхожденія какъ арійскихъ, такъ и финно-угорскихъ племенъ, въ вогулахъ и остякахъ хотѣли видѣть родоначальниковъ всей финно-угорской семьи или, по крайней мѣрѣ, отрасль, сохранившую въ наибольшей чистотѣ и неприкосновенности типъ своихъ древнихъ предковъ. На это указывало, помимо всего прочаго, и ихъ географическое положеніе: будучи самою восточною вѣтвью финскихъ племенъ, они, какъ естественно было предположить, пришли послѣдними къ порогу Европы—Уральскому хребту, послѣдними покинувъ свою первобытную родину. Установленная Кастреномъ связь ихъ языка съ языкомъ саянскихъ инородцевъ и самоѣдовъ еще болѣе подкрѣпила это предположеніе и дѣлала, такимъ образомъ, еще болѣе вѣроятнымъ тотъ выводъ, что урало-алтайскіе финны составляютъ связующее звено между своими европейскими собратьями и ихъ азіатскими предками.

Къ этому интересному, чисто научному вопросу примѣщался, однако, и другой, съ нѣсколько инымъ характеромъ. Въ 40-хъ же годахъ прошлаго XIX столѣтія, нѣсколько ранѣе путешествія Кастрена, вогуловъ изучалъ молодой венгерскій ученый Регули, который нашелъ поразительное сходство ихъ языка съ языкомъ современныхъ мадьяръ или венгровъ. Отсюда, при существовавшихъ тогда въ наукѣ воззрѣніяхъ, естественно было вы-

[1]) „Протох. засѣд. Антропол. Отд. съ 4 дек. 1881 г. по 1886 г.“ Москва, 1886 г.

вести заключеніе о ближайшемъ родствѣ этихъ двухъ народовъ, а древніе источники, какъ русскіе, такъ и западно-европейскіе, еще болѣе, казалось, подкрѣпляли это мнѣніе, такъ какъ вполнѣ согласно утверждали, что угры или нынѣшніе венгры появились съ востока Россіи и на пути своемъ пересѣкли какія-то высокія горы. Горы эти, о которыхъ упоминаетъ преданіе, были отождествлены съ Уральскимъ хребтомъ, и такимъ образомъ венграмъ, какъ и всѣмъ современнымъ европейскимъ племенамъ, было приписано зауральское, азіатское происхожденіе. Эта теорія или, точнѣе говоря, гипотеза, какъ и всѣ вообще теоріи и гипотезы, касавшіяся генеалогіи расъ, была опять чисто филологическая. Родство языка двухъ народовъ признавалось совершенно достаточнымъ, чтобы разрѣшить всѣ эти темные вопросы. Но современная наука знаетъ примѣры, когда народъ терялъ свой языкъ, приходя въ соприкосновеніе съ болѣе культурными сосѣдями, или, по крайней мѣрѣ, настолько подчинялъ его другому, что заимствовалъ отъ него не только отдѣльныя слова, но и цѣлыя грамматическія формы. Поэтому къ выводамъ лингвистики слѣдуетъ относиться весьма осторожно. Яркимъ примѣромъ этому служитъ занимающій теперь насъ финно-угорскій вопросъ. Въ эту группу финно-угровъ, какъ извѣстно, филологи объединили и мадьяръ, и настоящихъ финновъ, живущихъ въ Финляндіи, и прибалтійскихъ финновъ, т.-е. эстовъ, ливовъ и пр., и финновъ заволжскихъ, каковы: чуваши, черемисы, мордва, и восточныхъ, куда относятся пермяки, зыряне, вогулы и остяки, — словомъ, по справедливому замѣчанію проф. Богданова, «племена совершенно различныхъ краніологическихъ типовъ, трудно соединимыхъ съ антропологической точки зрѣнія». Тѣмъ не менѣе всю эту пеструю группу народовъ долго считали аборигенной расой Европы наравнѣ съ басками. Вначалѣ и физическая антропологія, казалось, поддерживала такое мнѣніе; по крайней мѣрѣ, Ретціусъ считалъ басковъ и финновъ короткоголовыми и причислялъ ихъ къ древнѣйшимъ обитателямъ Европы, всѣ же пришлые народы считалъ длинноголовыми. Но послѣдующія раскопки, равно какъ и измѣренія череповъ басковъ доказали, что первобытное населеніе Европы было длинноголовое, а, напротивъ, всѣ пришлыя племена, какъ-то арійцы, туранцы и пр.—короткоголовы. Такимъ образомъ финны были развѣнчаны изъ привиллегированнаго положенія исконныхъ обитателей Европы. Вскорѣ затѣмъ появилась монгольская теорія происхожденія финновъ Кастрена; монголы же, кстати замѣтить, тоже оказались, какъ извѣстно, всѣ короткоголовыми. Тогда, чтобы какъ-нибудь отстоять глубокую древность финской расы въ Европѣ, начались понемногу высказываться мнѣнія, что первоначальнымъ типомъ финновъ надо считать длинноголовый, современную же короткоголовость ихъ должно приписать позднѣйшимъ измѣненіямъ типа подъ вліяніемъ физическихъ условій. Въ это-то именно время долихоцефальныя племена вогуловъ и остяковъ обратили на себя всеобщее вниманіе финскихъ ученыхъ. Въ ихъ длинноголовости начали

видѣть тотъ спасительный якорь, который могъ бы еще удержать финновъ въ ихъ положеніи аборигеновъ Европы и отстранить отъ нихъ все болѣе и болѣе угрожающее имъ родство съ монголами, — родство, съ точки зрѣнія защитниковъ европейской самобытности финновъ, далеко не лестное для послѣднихъ. «Есть полная возможность, — говоритъ Европеусъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей этого направленія, — отрицать древнюю короткоголовость финновъ и мадьяръ, благодаря которой ихъ считаютъ ближайшими соотечественниками турокъ и монголовъ». Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, къ вопросамъ чисто научнаго характера примѣшались совсѣмъ уже не научные счеты мѣстничества и родственныхъ связей. Эта теорія Еврепеуса о древней долихоцефаліи финновъ настолько оригинальна, что мы позволимъ себѣ изложить ее хотя въ самыхъ общихъ чертахъ.

Основываясь на томъ фактѣ, что названія весьма многихъ мѣстностей въ сѣверной и средней Россіи не русскаго и даже не западно-финскаго происхожденія, но, какъ-будто, угорскаго, т.-е. финно-венгерскаго, Европеусъ вывелъ заключеніе, что финно-венгры, т.-е. древніе угры или югра нашихъ лѣтописей, нѣкогда заселяли все огромное пространство, «начиная отъ р. Оки на сѣверѣ до самаго Ледовитаго океана и отъ сѣверной части Уральскихъ горъ до Финляндіи и даже до сѣверной части Скандинавіи, а въ Россіи до окрестностей оз. Ильменя и до источниковъ р. Волги, за исключеніемъ родины (западныхъ) финновъ, т.-е. области около Онежскаго озера и южной части Ладожскаго, гдѣ нельзя отыскать ни одного названія съ угорскимъ окончаніемъ». За исключеніемъ этого, сравнительно небольшого, пространства въ области угорскихъ названій мѣстностей, по словамъ автора, въ средней и сѣверной Россіи нѣтъ никакихъ названій западно-финскаго происхожденія. «Все это, — продолжаетъ авторъ, — неоспоримо доказало неосновательность мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ, будто бы во всей средней и сѣверной Россіи въ старину жили предки нашихъ собственно т. наз. финновъ. Тамъ жилъ гораздо болѣе могущественный народъ—угра, предки нынѣшнихъ венгровъ и остяковъ, которые еще въ историческое время составляли одинъ народъ. Слѣдовательно,—заканчиваетъ авторъ,—не финны вытѣснены русскими изъ средней и сѣверной Россіи, но венгры добровольно переселились оттуда въ Паннонію, чтобы овладѣть наслѣдствомъ короля Атиллы, прадѣда Альмуса, главнаго ихъ вождя въ походѣ на сѣверъ. Однимъ словомъ, намъ теперь открывается сильное государство, до сихъ поръ почти совершенно забытое, господствовавшее нѣкогда на великомъ пространствѣ русско-финско-скандинавскаго сѣвера и оставившее намъ богатый матеріалъ археологическихъ данныхъ въ безчисленныхъ курганахъ, городищахъ, каменныхъ грудахъ и т. д.» [1]).

[1]) *Европеусъ.* О народахъ средней и сѣверной Европы. „Журн. Мин. Народн. Просв.“, 1868 г., іюль.

Въ этихъ заключительныхъ словахъ и въ особенности въ разсужденіи о добровольномъ переселеніи венгровъ въ Паннонію лежитъ, на нашъ взглядъ, весь центръ тяжести этой финно-угорской теоріи. Впрочемъ, авторъ желаетъ подкрѣпить ее и нѣкоторыми антропологическими данными. Курганныя раскопки послѣдняго времени неоспоримо доказали, что въ нынѣшнихъ Московской, Владимирской, Ярославской и Тверской губерніяхъ въ до-русское время жилъ народъ съ длинноголовыми и длинночелюстными черепами, между тѣмъ какъ курганные черепа побережья Ладожскаго озера, т.-е. мѣстности не съ угорскими, а съ западно-финскими названіями, всѣ короткоголовы, какъ и черепа современныхъ западныхъ финновъ; археологическія находки также подтверждаютъ это несходство кургановъ угорскихъ и западно-финскихъ мѣстностей. «Все это доказываетъ,—говоритъ авторъ,—что длинноголовый народъ, жившій въ самыя послѣднія до-русскія времена, въ области однихъ только чисто угорскихъ названій мѣстностей, другими словами, во всей почти средней и сѣверной Россіи, не могъ быть другой, кромѣ угровъ, и, дѣйствительно, нынѣшняя вогульская и остяцкая югра—единственный длинноголовый народъ на сѣверѣ. Венгры, конечно, сколько извѣстно, въ настоящее время уже не длинноголовы; они преимущественно въ самое короткое время по переселеніи въ Паннонію, вслѣдствіе недостатка въ соплеменныхъ женщинахъ, смѣшивались съ народами индо-европейскаго племени и такимъ образомъ постепенно видоизмѣняли свой первоначальный типъ. Точно также короткоголовы и мордва, черемисы, зыряне и собственно финны». Все это объясняется авторомъ тѣмъ, что всѣ эти послѣднія племена, жившія по окраинамъ древняго распространенія всего финскаго племени, утратили свой первоначальный типъ, вслѣдствіе смѣшенія съ окружающими короткоголовыми народами, между тѣмъ какъ древняя югра, т.-е. вогулы и остяки, жившіе въ срединѣ, болѣе сохранили его въ чистомъ видѣ.

Какъ и слѣдовало ожидать, эта смѣлая теорія не осталась безъ возраженій. Противъ нея, во-первыхъ, возсталъ акад. Шифнеръ, а затѣмъ и проф. гельсингфорскаго университета Альквистъ. По его мнѣнію, въ средней Россіи, равно какъ и около Бѣлаго моря въ до-русскія времена жили т. наз. собственно финны.

Третья теорія происхожденія финно-угровъ принадлежитъ акад. Кеппену. Эта теорія, во-первыхъ, признаетъ кровное родство финно-угровъ и арійцевъ, основываясь, конечно, какъ и всѣ подобныя теоріи, на данныхъ языка; во-вторыхъ, родину этого аріо-финскаго племени, какъ его называетъ авторъ, теорія эта помѣщаетъ не въ Азіи, а въ Европѣ. «Въ томъ, что первобытная родина финно-угорскаго племени,—говоритъ авторъ,—находилась гораздо далѣе къ западу, чѣмъ предполагалъ Кастренъ, убѣждаетъ насъ еще то обстоятельство, что, по всѣмъ имѣющимся историческимъ преданіямъ, финны обитали въ Европѣ съ очень древнихъ временъ: пови-

димому, они составляли первобытное населеніе сѣверной и частью средней Европы. Замѣчательно еще то, что они въ прежнее время распространялись далѣе къ западу, чѣмъ нынѣ. Римскіе писатели упоминаютъ о нихъ съ береговъ Вислы; Кастренъ говоритъ даже, что слѣды ихъ были найдены въ Даніи, Германіи и Англіи, хотя и не приводитъ къ тому доказательствъ. Въ томъ же, что финны въ древнія времена занимали большую часть Скандинавіи, нѣтъ сомнѣнія, и понынѣ тамъ существуютъ очень любопытные остатки ихъ» [1]). Первою отдѣлившеюся отраслью общаго финно-угорскаго ствола были древніе угры или вогулы, остяки и мадьяры, т.-е. урало-алтайская группа Кастрена. Затѣмъ очень долгое время спустя, отдѣлились лопари и, наконецъ, еще позже началось дробленіе собственно финно-угровъ на вѣтви восточную (пермяки и зыряне), заволжскую (мордва, чуваши, черемисы) и западно-финскую. Всѣ эти положенія доказываются на основаніи большаго или меньшаго уклоненія языка каждой изъ этихъ вѣтвей отъ первоначальнаго общаго. Родину этого еще нераздѣленнаго (за исключеніемъ югры) финно-угорскаго племени Кеппенъ отыскиваетъ на основаніи общихъ всѣмъ этимъ племенамъ названій нѣкоторыхъ растеній и животныхъ, остроумно заключая, что такія имѣющія одинаковыя названія во всѣхъ финскихъ языкахъ растенія и животныя должны были встрѣчаться на мѣстѣ прежняго совмѣстнаго жительства этихъ племенъ, когда они, слѣдовательно, еще не успѣли отдѣлиться другъ отъ друга. Возсоздавая, такимъ образомъ, по даннымъ языка географію ихъ прародины, онъ приходитъ къ заключенію, что, вѣроятно, она находилась по среднему теченію Волги, оттуда же, какъ изъ центра, началось разселеніе всѣхъ этихъ племенъ. Часть ихъ (финны приволжскіе) осталась на старыхъ мѣстахъ, другая часть двинулась на востокъ къ Уральскому хребту (пермяки и зыряне), а третья направилась къ западу, къ берегамъ Балтійскаго моря и въ Скандинавію.

Что касается родства финно-угровъ съ арійцами, то оно также, по этой теоріи, выводится изъ сходства языковъ той и другой народности. Вотъ что говоритъ объ этомъ авторъ: «Обиліе расмотрѣнныхъ нами словъ, сходныхъ въ индо-европейскихъ и финно-угорскихъ языкахъ, исключаетъ рѣшительно возможность одного лишь случайнаго ихъ совпаденія и заставляетъ предположить, что племена, говорящія на этихъ языкахъ, въ весьма давнія времена находились въ тѣснѣйшей связи. Общепринятое предположеніе, что означенное сходство словъ и корней можетъ быть объяснено заимствованіемъ, оказывается несостоятельнымъ, такъ какъ большинство перечисленныхъ нами словъ выполняютъ два условія, при которыхъ заимствованіе становится крайне невѣроятнымъ: 1) они большею частью весьма распространены, попадаясь какъ у всѣхъ трехъ вѣтвей финновъ, такъ и у угровъ (остяковъ, вогуловъ и венгровъ); 2) очень многія слова выражаютъ

[1]) *Кеппенъ*. Матеріалы по вопросу о первоначальной родинѣ и первобытномъ родствѣ индо-европейцевъ и финно-угровъ. Спб., 1886 г., стр. 209.

самыя простыя понятія, напр., мѣстоименія и степени родства или же обозначаютъ предметы самые обыденные, какъ-то: воду, кожу и т. п. Весьма важно также и то, что сходныя слова большею частью встрѣчаются и въ санскритѣ, т.-е. отличаются своимъ древнимъ образованіемъ. Все это вмѣстѣ убѣждаетъ насъ въ томъ, что связь, существовавшая издавна между европейскимъ и финно-угорскимъ племенемъ, не можетъ быть сведена на одно лишь ближайшее сосѣдство. Связь эта, очевидно, кроется гораздо глубже. Слѣдуетъ предположить, что эти двѣ народности составляли нѣкогда одну нераздѣльную семью и обитали въ одной и той же мѣстности». Этою мѣстностью, по предположеніямъ автора, было, вѣроятно, среднее Поволжье. Къ этому онъ приходитъ на основаніи сходства въ названіяхъ растеній и животныхъ, которыя должны были попадаться на мѣстѣ первоначальнаго совмѣстнаго пребыванія этихъ племенъ. Отсюда часть ихъ двинулась къ югу (будущіе арійцы), именно къ Дону, отъ котораго уже начинается разселеніе собственно арійцевъ. Къ юго-востоку двинулась азіатская группа: армяне, иранцы, индусы, къ сѣверо-западу — европейская группа: кельты, германцы, славяне. Другая часть аріо-финновъ (будущіе угро-финны) направилась къ востоку и остановилась на Уралѣ, гдѣ отчасти смѣшалась съ туземнымъ урало-алтайскимъ населеніемъ, преимущественно предками нынѣшнихъ самоѣдовъ. Отсюда уже начинается ихъ дальнѣйшее разселеніе.

Не только для лингвиста и антрополога интересны эти урало-алтайскія племена. Изученіе ихъ нравовъ, обычаевъ, вѣрованій полно глубокаго интереса и для этнографа, и для историка первобытной культуры. Оттиснутыя своими болѣе сильными сосѣдями въ тундры Сибири, они до сихъ поръ сохранили почти нетронутымъ тотъ складъ жизни, который нѣкогда, во времена доисторическія, переживала вся Европа. Остяки и вогулы, по словамъ изучавшаго ихъ проф. Маліева, находятся на самой низкой ступени развитія и не вышли изъ Тайлоровскаго періода анимизма. Они до сихъ поръ обоготворяютъ различныя силы природы, хотя номинально и считаются православными. «Высшимъ существомъ они считаютъ бога-тора. Живетъ ли этотъ торъ на солнцѣ или есть само солнце, этого себѣ они уяснить не могутъ; о будущей жизни имѣютъ самыя сбивчивыя понятія, повидимому, заимствованныя ими отъ русскихъ, точно такъ же, какъ и понятія о нечистой силѣ или чертѣ; идоловъ своихъ прячутъ въ лѣсу и выставляютъ только во время жертвоприношеній. Эти идолы имѣютъ обыкновенно человѣческую форму и закутаны въ цвѣтные лоскутки матеріи. Приношенія происходятъ въ лѣсу на вычищенной площадкѣ, гдѣ непремѣнно на южной сторонѣ стоитъ каменная скамья или столъ. Ни жрецовъ, ни колдуновъ вогулы не имѣютъ, но каждый домохозяинъ совершаетъ самъ жертвоприношеніе. Приносимое животное тутъ же убивается, сваривается и съѣдается присутствующими». «По разсказамъ многихъ, въ са-

мыхъ неприступныхъ мѣстахъ Лозьвы хранится ихъ главный идолъ. Только мужчины могутъ приближаться къ нему, женщины же подъ страхомъ смерти должны обходить это мѣсто. Одинъ разъ въ годъ всѣ вогулы-мучины собираются въ это священное мѣсто, и здѣсь торжественно приносится въ жертву лошадь, при чемъ присутствующіе пьютъ кровь этого жертвеннаго животнаго. По увѣренію многихъ, этотъ праздникъ празднуется и доселѣ» [1]. Вообще въ своихъ вѣрованіяхъ, —говоритъ другой путешественникъ, Поляковъ,— остякъ — типичный фетишистъ, олицетворяющій величайшую суть мірозданія, результаты строжайшихъ законовъ природы въ грубыхъ издѣліяхъ своихъ рукъ, въ истуканахъ». Насколько грубы и неразвиты ихъ религіозныя воззрѣнія, настолько бѣдна вообще вся ихъ духовная жизнь. «У нихъ нѣтъ никакихъ преданій, никакихъ миѳическихъ героевъ; нѣтъ у нихъ и пѣсенъ. То, что они иногда поютъ подъ музыку незатѣйливаго инструмента шангуръ, есть просто разсказы изъ собственной жизни, ничѣмъ особеннымъ не отличающіеся и даже лишенные всякой поэтической формы и содержанія». Вотъ образчикъ пѣсни, записанной Сорокинымъ: «Иду я по лѣсу зеленому, собака бѣжитъ впереди, а вотъ и большой медвѣдь лѣзетъ на дорожку, и мнѣ надо его убить. Ружье мое хорошо, я въ него попалъ и, ахъ, какъ потекла кровь!..»

Но вогулъ во всякомъ случаѣ не лишенъ здраваго смысла въ своей обыденной жизни и своихъ промыслахъ. Онъ, напр., очень ловкій, смѣтливый охотникъ, рыболовъ. Самъ придумаетъ и иногда довольно остроумные ловушки, западни, самострѣлы и пр. Умѣетъ приручить нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ, напр., собаку, иногда оленя, хотя надо замѣтить, что оленеводствомъ занимаются весьма немногіе изъ нихъ, огромное же большинство — осѣдлые охотники. Такимъ образомъ они находятся еще въ стадіи звѣролововъ и до сихъ поръ не возвысились до пастушескаго состоянія. Словомъ, здѣсь мы имѣемъ какъ бы осколокъ давно минувшаго прошлаго, какъ-бы застывшую на извѣстной ступени развитія переходную форму человѣческой культуры. Подобно везерскимъ троглодитамъ эпохи сѣвернаго оленя, они всеядны; кромѣ рыбъ и птицъ, они ѣдятъ и мясо хищныхъ звѣрей: лисицы, россомахи и даже волка, при чемъ часто ѣдятъ все это въ сыромъ видѣ, не употребляя ни соли, ни какой-либо другой приправы.

Мы не задавались цѣлью писать спеціальный этнографическій очеркъ этихъ племенъ, но думаемъ, что и сказаннаго достаточно, чтобы уяснить себѣ всю важность изученія ихъ не только для антрополога, но и для соціалога и для историка. Сознавая это, Казанское Общество Естествоиспытателей отправило къ вогуламъ въ 1872 г. спеціальную экспедицію для изслѣдованія ихъ образа жизни, экономическихъ условій и физическаго типа.

---

[1] *Н. Малiевъ*. Отчетъ о вогульской экспедиціи. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. унив.“, 1872 г., т. III, № 2.

Эта была первая русская экспедиція къ вогуламъ. Къ сожалѣнію, она не увѣнчалась особеннымъ успѣхомъ, по крайней мѣрѣ съ антропологической точки зрѣнія: были измѣрены (и то неполно) только 13 человѣкъ и вывезенъ одинъ черепъ. Кромѣ того, во время бывшей въ Москвѣ антропологической выставки о вогулахъ дѣлалъ докладъ инженеръ Носиловъ. Не будучи антропологомъ, онъ не могъ сообщить никакихъ интересныхъ свѣдѣній. Оригинально только отмѣченное имъ сходство этихъ инородцевъ съ цыганами. Интересно также и слѣдующее его замѣчаніе: «Безпечность вогула къ окружающему и даже къ своей собственной жизни поражаетъ всякаго наблюдателя. Его вѣчная задумчивость, странное желаніе удалиться, жить замкнуто и постоянное тяжелое душевное состояніе приводятъ наблюдателя къ тому заключенію, что вогулу далеко не свойственна окружающая природа, полуосѣдлая жизнь, что для него самыя климатическія условія являются настолько несвойственными, что акклиматизироваться онъ не могъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ» [1]). Этотъ взглядъ на вогуловъ, какъ на сравнительно недавнихъ пришельцевъ въ обитаемой ими нынѣ мѣстности, интересенъ въ томъ отношеніи, что находится въ рѣзкомъ противорѣчіи со взглядомъ другого наблюдателя, проф. Альквиста, который, какъ извѣстно, полагаетъ, что вогулы — весьма древніе поселенцы на этихъ мѣстахъ. Во время той же антропологической выставки сдѣлалъ сообщеніе по интересующему насъ вопросу и проф. Зографъ. По измѣренію одного вогульскаго семейства, привезеннаго на выставку, онъ высказалъ предположеніе, что вогулы, по крайней мѣрѣ бывшіе на выставкѣ, близки по своимъ антропологическимъ признакамъ къ самоѣдамъ и монголамъ [2]). Послѣдняя по времени антропологическая характеристика вогуловъ принадлежитъ проф. Н. М. Маліеву [3]). Она основана на изслѣдованіи 13-ти живыхъ особей и 5 череповъ, хранящихся въ Петербургской Академіи Наукъ.

Близкихъ къ вогуламъ остяковъ и самоѣдовъ изучалъ итальянскій ученый Соммье [4]). Данными его мы и воспользовались для нашихъ сравненій.

Обратимся къ разсмотрѣнію краніологическихъ данныхъ, полученныхъ при измѣреніи вышеуказанной коллекціи череповъ вогуловъ.

О размѣрахъ горизонтальной окружности черепа даютъ представленіе слѣдующія цифры:

Размѣры:	Муж.	Жен.	Общ. ч.		Муж.	Жен.	Общ. ч.
Малые (до 500) . . .	5	11	16	Minimum	489	477	477
Средніе (501—520). .	8	8	16	Maximum. . . .	540	528	540
Большіе (521 и б.). .	11	2	13	Среднее.	518	502	510

[1]) „Антрополог. выставка“, т. II.
[2]) Ibid.
[3]) *Н. Маліевъ*. Вогулы. Антропологическій очеркъ. „Русск. Антропол. Журн.“, 1901 г., № 1.
[4]) *St. Sommier*. Siriéni, Ostiacchi e Samoiedi dell'Ob. Firenze, 1887.

Слѣдовательно, у мужчинъ преобладаютъ большіе размѣры (11 изъ 24), при чемъ замѣчается болѣе или менѣе постепенный переходъ отъ малыхъ размѣровъ (5 изъ 24) черезъ средніе (8 изъ 24) къ большимъ. У женщинъ, наоборотъ, преобладаютъ малые размѣры (11 изъ 21), при чемъ большихъ размѣровъ встрѣчается очень немного (2 изъ 21) и довольно порядочно среднихъ (8 изъ 21).

Выдѣляя изъ данной серіи череповъ долихо- и брахицефаловъ, мы находимъ, что у долихоцефаловъ-мужчинъ преобладаютъ большіе размѣры, у брахицефаловъ-мужчинъ—средніе, у долихоцефалокъ-женщинъ—малые съ довольно значительнымъ процентомъ среднихъ и нѣкоторымъ количествомъ (2 изъ 12) большихъ, у брахицефалокъ же женщинъ почти исключительно малые размѣры (5 изъ 6). Такимъ образомъ, долихоцефалы обоего пола обнаруживаютъ довольно значительную наклонность къ увеличенію размѣровъ горизонтальной окружности, тогда какъ брахицефалы имѣютъ тенденцію къ уменьшенію ея, т.-е. обратно тому, что можно было предполагать à priori, такъ какъ обыкновенно брахицефальный типъ всегда характеризуется большой сравнительно горизонтальной окружностью.

Сравнивая размѣры этой окружности у вогуловъ съ размѣрами ея у другихъ народностей, находимъ: у остяковъ (по даннымъ Соммье) значительное преобладаніе у мужчинъ большихъ и среднихъ размѣровъ надъ малыми, у женщинъ — малыхъ надъ средними и большими; приблизительно то же самое наблюдается и у самоѣдовъ Соммье. У пермяковъ-мужчинъ (по Маліеву) преобладаютъ большіе и средніе (6 и 5 изъ 14), у женщинъ— средніе и малые (4 изъ 11) размѣры; у монголовъ-мужчинъ (по Ивановскому [1]) преобладаютъ большіе и средніе, у женщинъ — малые.

Переходя къ методу среднихъ величинъ, а также опредѣляя предѣлы колебаній, мы находимъ, что по своей средней горизонтальная окружность вогульскихъ череповъ довольно близко подходитъ къ средней, вычисленной Соммье для остяковъ (муж. — 518, жен. — 496, общ. средн. — 509) и самоѣдовъ (муж. — 517, жен. — 495, общ. средн. — 511). Нѣсколько болѣе различаются предѣлы колебаній—у вогуловъ: муж. — 489 — 540, жен. — 477 — 528, общ. — 477 — 540; у остяковъ: муж. — 499 — 541, жен. — 474 — 510, общ. — 474 — 541; у самоѣдовъ: муж. — 493 — 545, жен. — 477 — 506, общ. — 477 — 545. Другими словами, какъ по вычисленнымъ среднимъ, такъ и по предѣламъ колебаній въ общемъ вогулы, остяки и самоѣды совпадаютъ; въ особенности это можно сказать про мужчинъ, тогда какъ вогульскія женщины нѣсколько болѣе отличаются отъ женщинъ остяцкихъ и самоѣдскихъ своимъ большимъ развитіемъ горизонтальной окружности. Что касается монгольскихъ череповъ, то мужскіе вогульскіе черепа ближе всего подходятъ къ черепамъ тарбагатайскихъ торгоутовъ

[1]) *А. А. Ивановскій.* Монголы - торгоуты. Москва, 1893 г.

520), женскіе — къ черепамъ астраханскихъ калмыковъ (507). Размѣръ колебаній у монгольскихъ череповъ больше въ сторону увеличенія горизонтальной окружности.

Вертикальная окружность. У вогуловъ-мужчинъ преобладаютъ большіе размѣры этой окружности, у женщинъ — средніе и малые, при чемъ и здѣсь, какъ и въ горизонтальной окружности, долихоцефалическій типъ вноситъ тенденцію къ увеличенію размѣровъ окружности. По сравненію съ другими народностями мы замѣчаемъ болѣе всего сходства съ остяками, въ особенности по среднимъ цифрамъ: у остяковъ-мужчинъ — 370, у жен. — 353, общ. средн. — 363; далѣе слѣдуютъ самоѣды: муж.— 359, жен. — 353 (ближе подходятъ самоѣды къ вогуламъ-брахицефаламъ: муж. — 362, жен. — 353); изъ монголовъ по среднимъ величинамъ вогулы всего ближе стоятъ къ астраханскимъ калмыкамъ и почти совпадаютъ въ среднихъ числахъ съ монголами вообще (муж. — 364, жен. — 353, общ. средн. — 360).

Размѣры:	Муж.	Жен.	Общ. ч.		Муж.	Жен.	Общ. ч.
Малые (до 350) . . .	7	8	15	Minimum	343	346	343
Средніе (351—370). .	8	9	17	Maximum. . . .	385	373	385
Большіе (371 и б.) .	10	2	12	Среднее.	365	356	361

Такимъ образомъ, черепа вогуловъ по величинѣ вертикальной окружности принадлежатъ у мужчинъ къ большимъ и среднимъ, у женщинъ—къ малымъ и среднимъ.

Поперечная окружность. У вогуловъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, рѣшительно преобладаютъ малые размѣры данной окружности; по размѣрамъ ея они всего ближе стоятъ опять къ остякамъ (съ малою окружностью 16 изъ 24 муж. и 14 изъ 21 жен.); довольно близко они подходятъ и къ самоѣдамъ (муж. — 302, жен. — 290), особенно брахицефальный вогульскій типъ (муж. — 304, жен. — 289). Что касается монгольскихъ череповъ, то здѣсь слѣдуетъ отмѣтить преобладаніе малыхъ размѣровъ этой окружности.

Размѣры:	Муж.	Жен.	Общ. ч.		Муж.	Жен.	Общ. ч.
Малые (до 300) . . .	20	19	39	Minimum	266	267	266
Средніе (301—320). .	3	—	3	Maximum. . . .	322	298	322
Большіе (321 и б.). .	1	—	1	Среднее.	288	286	287

Обращаясь къ черепному указателю, мы видимъ, что какъ по рядовому расположенію, такъ и по среднимъ цифрамъ вогульскіе черепа относятся къ долихоцефаламъ — 59% (настоящихъ долихоцефаловъ — 33%, субдолихоцефаловъ—26%); брахицефаловъ среди нихъ всего 24%.

	М.	Ж.	Общ. ч.	
Долихоцефалы (до 75).	7	5	12 или	26%
Субдолихоцефалы (75,01—77,77) .	8	7	15 „	33%
Мезоцефалы (77,78—80,00). . . .	5	3	8 „	17%
Суббрахицефалы (80,01—83,33). .	1	4	5 „	11%
Брахицефалы (83,34 и б.)	4	2	6 „	13%

	Муж.	Жен.	Общ. ч.
Min. .	70,00	73,44	70,00
Max .	90,91	86,42	90,91
Разн.	20,91	12,98	20,31
Средн.	78,30	78,39	78,34

Еще болѣе рѣзко выраженную долихоцефалію представляютъ остяки, измѣренные Соммье. У нихъ % настоящей долихоцефаліи доходитъ до 57%, субдолихоцефаліи — до 40%; всѣхъ долихоцефаловъ, слѣдовательно, 97%; остальные 3% падаютъ на долю мезоцефаловъ; ни брахицефаловъ, ни суббрахицефаловъ не встрѣчается между ними вовсе.

Обращаясь къ сравненію съ монгольскими племенами, мы видимъ, что всѣ они—болѣе или менѣе рѣзко выраженные брахицефалы и суббрахицефалы. Что касается самоѣдовъ, то и они въ громадномъ большинствѣ случаевъ брахи- и суббрахицефалы; долихоцефаловъ между ними всего около 7% (Соммье).

Распредѣляя вогульскіе черепа по широтно-высотному указателю, мы замѣчаемъ, что между ними преобладаютъ низко-широкіе, значительно меньше средне-широкихъ; высоко-узкій встрѣтился одинъ только женскій черепъ. Ближе всего къ вогуламъ по разсматриваемому указателю стоятъ остяки, при чемъ и у нихъ, какъ и у вогуловъ, женщины отличаются большимъ количествомъ низкихъ череповъ. Самоѣды превосходятъ даже тѣхъ и другихъ, такъ какъ у нихъ черепа почти исключительно низко-широкіе. Низкіе черепа имѣютъ и монголы.

	Муж.	Жен.	Общ. ч.
Низко широкіе (до 92,00). .	16	14	30
Средне-шир. (92,01—98,00) .	8	6	14
Высоко-узкіе (98,01 и б.). .	—	1	1

	Муж.	Жен.	Общ. ч.
Minimum .	76,66	84,99	76,66
Maximum .	96,85	99,99	99,99
Среднее. .	89,40	90,80	90,05

По высотно-продольному указателю значительное большинство мужскихъ череповъ относятся къ платицефаламъ; гораздо меньше между ними ортоцефаловъ и всего меньше гипсицефаловъ. У женщинъ плати- и ортоцефалія встрѣчается почти поровну; процентъ же гипсицефаліи крайне незначителенъ. Еще болѣе рѣзко выраженную платицефалію мы встрѣчаемъ у остяковъ (20 изъ 22 муж. и 14 изъ 15 жен.). Монгольскіе черепа всѣ по преимуществу ортоцефальны, выказывая нѣкоторую, иногда довольно большую (торгоуты), наклонность къ платицефаліи. Точно также ортоцефалами являются и самоѣды.

	Муж.	Жен.	Общ. ч.
Платицефалы (до 70,0) . . .	16	9	25
Ортоцефалы (70,01—75,00) .	6	10	16
Гипсицефалы (75,01 и б.). .	2	2	4

	Муж.	Жен.	Общ. ч.
Minimum .	65,57	66,10	65,57
Maximum .	78,73	76,43	78,73
Среднее. .	69,38	71,05	70,17

Суммируя данныя, касающіяся разсмотрѣнныхъ трехъ важнѣйшихъ измѣреній черепа (въ длину, высоту и ширину), мы можемъ сдѣлать такую характеристику угорскихъ финновъ: они являются племенемъ длинноголовымъ по преимуществу, даже при среднихъ размѣрахъ продольнаго діаметра; ихъ черепъ—низко-широкъ и платицефаличенъ. Послѣднее обстоятельство для насъ особенно важно. Въ своемъ изслѣдованіи о финнахъ д-ръ Елисѣевъ, отрицая связь финскихъ череповъ съ болѣе древними курганными изъ сѣверной и средней Россіи, гливнымъ образомъ основывается на довольно рѣзко выраженной длинноголовости послѣднихъ, между тѣмъ какъ черепа современныхъ финскихъ племенъ онъ считаетъ короткоголовыми, съ оговоркой, впрочемъ, для вогуловъ, о длинноголовости которыхъ имѣлись и тогда уже свѣдѣнія, правда, почти ничѣмъ не подтвержденныя. Вотъ это-то и даетъ ему поводъ отрицать сходство финновъ съ древними обитателями Евр. Россіи въ сѣверной и средней ея полосѣ и принять теорію проф. Богданова, по мнѣнію котораго на этихъ мѣстахъ до прибытія туда финновъ жило какое-то длинноголовое племя. Самъ проф. Богдановъ осторожно намекаетъ, что, быть-можетъ, это племя было угорское и что, пожалуй, не совсѣмъ неправъ Европеусъ съ своей теоріей древнѣйшей дофинской (собственно западно-финской) культурой сѣверной и средней Россіи; но тѣмъ не менѣе, Елисѣевъ упорно отрицаетъ выводы Европеуса на изложенномъ выше основаніи короткоголовости современныхъ финскихъ племени и длинноголовости курганныхъ череповъ Россіи. Придерживаясь той же теоріи проф. Богданова, Елисѣевъ считаетъ, что на смѣну неизвѣстному длинноголовому населенію пришли финны и, растворившись въ его средѣ, унаслѣдовали нѣкоторый, правда, незначительный процентъ долихоцефаліи. Затѣмъ уже послѣдней колонизаціей явилась славянская. Къ этимъ-то выводамъ мы и позволяемъ себѣ сдѣлать нѣсколько поправокъ, насколько это выяснилось изъ того матеріала, которымъ мы располагали. Во-первыхъ, брахицефалія финновъ вовсе не такая рѣзкая, какъ полагаетъ д-ръ Елисѣевъ. Просматривая каталогъ череповъ Казанскаго университета, гдѣ собраны довольно значительныя краніологическія коллекціи по всѣмъ почти финно-угорскимъ народностямъ, и составивъ сравнительную таблицу для черепного и высотно-продольнаго указателей, мы легко можемъ убѣдиться, что, напр., для чувашей процентъ длинноголовости достигаетъ значительной величины—50%, для курганныхъ мерянскихъ череповъ — 60%, для черемисъ — почти столько же; у эстовъ, слѣдовательно, у коренныхъ западныхъ финновъ число длинноголовыхъ достигаетъ 18%.

Уже это одно ясно говоритъ, что финновъ никоимъ образомъ нельзя считать характерными брахицефалами. Конечно, при современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній, нельзя сказать съ полной достовѣрностью, унаслѣдовали ли финны примѣсь длинноголовости отъ своихъ предковъ, или пріобрѣли ее случайно, растворившись въ средѣ болѣе древняго длинноголоваго насе-

ленія Россіи, которое они смѣнили. Второе, что мы считали бы нужнымъ замѣтить, это — то, что курганные долихоцефалическіе черепа (по измѣреніямъ проф. Богданова) ничѣмъ существенно не отличаются по черепному и высотно-продольному указателямъ отъ такихъ же долихоцефаловъ современнаго финно-угорскаго населенія, — они также высокоузки и гипсицефаличны. Поэтому мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ д-ра Елисѣева, что эти курганные черепа не имѣютъ ничего финскаго; скорѣе должно признать, что они не имѣютъ ничего угорскаго, такъ какъ вогулы и остяки (угра собственно) имѣютъ черепъ низко-широкій и платицефаличный, т.-е. вовсе не похожи ка курганный высокій. Не можемъ въ заключеніе не обратить вниманія на параллель между долихоцефалами-вогулами и остяками и длинноголовымъ же населеніемъ суджанскихъ кургановъ по измѣреніямъ проф. Богданова, тѣмъ болѣе, что проф. Богдановъ выразилъ мнѣніе о сходствѣ ихъ съ урало-алтайскими финнами, т.-е. съ уграми. Сравненіе среднихъ цифръ нашихъ измѣреній надъ вогулами и Соммье надъ остяками съ измѣреніями череповъ суджанскихъ кургановъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что загадочное племя, кочевавшее нѣкогда въ южнорусскихъ степяхъ, не имѣло ничего общаго съ уграми.

Черепной и высотно-продольный указатели.		Пермяки.	Мордва.	Чуваши.	Черемисы.	Вотяки.	Меря.	Хазары.	Болгары.	Тюрки.	Эсты.
Черепной указ.	Долихоцефалы	4	2	11	6	—	15	1	12	6	} 18
	Субдолихоцефалы	2	1	12	4	4	3	—	9	6	
	Мезоцефалы	5	5	8	3	3	6	4	7	9	51
	Суббрахицефалы	9	2	10	3	15	4	4	7	4	} 17
	Брахицефалы	8	15	6	1	14	1	10	—	1	
Выс.-продол.	Платицефалы	—	3	2	2	—	—	1	1	2	4
	Ортоцефалы	5	16	19	3	7	8	4	10	13	56
	Гипсицефалы	23	6	23	4	25	11	14	23	10	17

Сопоставляя всѣ изложенныя нами данныя о распространеніи длинноголоваго типа въ Россіи, мы должны прійти къ заключенію, что, несмотря на всѣ указанія лингвистики, слѣдовъ угорскаго типа до сихъ поръ не найдено ни въ курганахъ средней и сѣверной Россіи, гдѣ Европеусъ констатировалъ огромную площадь съ угорскими названіями мѣстностей, ни въ южно-русскихъ степяхъ — этой обширной торной дорогѣ для всѣхъ кочевниковъ, направлявшихся изъ глубины средне-азіатскихъ степей черезъ южные отроги Урала дальше на западъ. Единственное исключеніе соста-

вляютъ т. наз. Фатьяновскіе курганы Ярославской губ., относимые граф. Уваровымъ къ каменному вѣку. Здѣсь, дѣйствительно, встрѣчаются длинноголовые, низко-широкіе и платицефальные черепа, т.-е. сходные съ угорскими черепами. Эта единственная пока и, къ сожалѣнію, не богатая матеріаломъ находка служитъ одинокимъ свидѣтельствомъ о существованіи нѣкогда, во времена отдаленныя, длинноголоваго, низко-широкаго и платицефаличнаго типа, — типа, напоминающаго современный угорскій. Но самый фактъ нахожденія этихъ череповъ въ курганахъ каменнаго или, по крайней мѣрѣ, конца каменнаго и начала бронзоваго вѣка не свидѣтельствуетъ ли о глубокой древности этого типа въ Россіи и не даетъ ли возможность предположить, что угорская культура была самой древней на русской равнинѣ и что лишь позднѣе она была смѣнена другой культурой какого-то высокоголоваго народа, быть-можетъ, и родственнаго финскимъ длинноголовымъ племенамъ? Не говоритъ ли за это сходство фатьяновскаго курганнаго населенія съ современнымъ угорскимъ и культура этого послѣдняго, недалеко ушедшая отъ давно минувшихъ временъ каменнаго вѣка?

Проф. Богдановъ, описывая фатьяновскіе черепа, говоритъ, что они не представляютъ ничего существенно отличнаго отъ курганныхъ же длинноголовыхъ череповъ мерянскихъ могилъ, хотя и не принадлежатъ къ тому же типу (мерянскому). Въ курганныхъ черепахъ Ярославской губ. находится, по его словамъ, значительное количество (около 66$^0/_0$) длинноголовыхъ, остальные — суббрахицефалы и мезоцефалы почти въ равной пропорціи. Считая мерю за финское племя и принимая основнымъ типомъ финскаго племени типъ брахицефальный, слѣдуетъ, такимъ образомъ, брахицефаловъ въ курганахъ Ярославской губ. отнести къ мери, а долихоцефаловъ — къ колонистамъ-не-финнамъ. Фатьяновскіе черепа сходны именно съ этими длинноголовыми ярославскими, и если они древнѣе курганныхъ, то это явится вообще доказательствомъ древности длинноголоваго типа въ Ярославской губ., — типа, быть-можетъ, предшествовавшаго короткоголовымъ финнамъ. Таково мнѣніе по этому вопросу проф. Богданова. Къ сожалѣнію, имѣющіеся передъ нами факты никакъ не позволяютъ намъ вполнѣ согласиться съ этимъ. Во-первыхъ, фатьяновскіе черепа по своему продольно-высотному и продольно-широтному указателямъ (а также и по другимъ признакамъ) рѣзко отличаются отъ ярославскихъ курганныхъ, считаемыхъ проф. Богдановымъ за мерянскіе. Во-вторыхъ, проф. Богдановъ, раздѣляя ярославское курганное населеніе на долихо- и брахицефаловъ, прямо относитъ послѣднихъ къ мери, т.-е. къ финнамъ, а первыхъ — къ колонизаторамъ — не-финнамъ, исходя только изъ того апріорнаго заключенія, что всѣ финны — короткоголовы. Но мы уже выше высказали сомнѣніе въ такой исключительной принадлежности финновъ къ брахицефальнымъ расамъ, и во всякомъ случаѣ къ этому положенію теперь слѣдуетъ отнестись весьма осторожно, пока вполнѣ не будетъ изученъ финскій черепъ во всѣхъ мно-

гочисленныхъ развѣтвленіяхъ этого племени; руководствоваться же при опредѣленіи принадлежности какого-либо черепа къ финскимъ, имѣя одну мѣрку — брахицефалію, крайне рискованно, тѣмъ болѣе, что мерянскіе или, правильнѣе, принимаемые за таковые, черепа коллекціи Казанскаго университета выказываютъ значительную склонность къ долихоцефаліи.

Итакъ, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ проф. Богданова, что фатьяновскіе черепа показываютъ глубокую древность длинноголоваго типа въ Россіи, — типа, предшествовавшаго даже финской колонизаціи, мы тѣмъ не менѣе должны, съ своей стороны, прибавить, что этотъ типъ предшествовалъ не только короткоголовымъ финнамъ, но также и длинноголовому курганному населенію Ярославской губ. и, во всякомъ случаѣ, никоимъ образомъ не можетъ быть отожествленъ съ этимъ послѣднимъ. Куда же слѣдуетъ отнести этихъ высокихъ долихоцефаловъ ярославскихъ кургановъ? Были ли это племена до-финскія, или, быть-можетъ, сами длинноголовые финны — съ увѣренностью сказать пока невозможно, не рискуя удалиться въ область слишкомъ преждевременныхъ обобщеній. Когда будетъ подробно изученъ этотъ долихоцефальный типъ хотя бы современныхъ чувашей и черемисъ, на этотъ вопросъ можно будетъ дать сколько-нибудь положительный отвѣтъ. Теперь же мы беремъ на себя смѣлость только одно утверждать, что курганный длинноголовый типъ, обнаруженный многочисленными раскопками проф. Богданова, не имѣетъ ничего общаго съ угорскимъ, какъ ошибочно предполагаетъ Европеусъ, и что, напротивъ, черепа болѣе древняго каменнаго длинноголоваго типа фатьяновскихъ кургановъ имѣютъ много общихъ чертъ съ современными угро-остяцкими.

По затылочному указателю вогульскіе черепа относятся къ разряду широко-затылочныхъ, при чемъ у женщинъ очень часто встрѣчается и средне-затылочный указатель. Такую же наклонность къ широкозатылочности представляютъ и сургутскіе остяки, измѣренные Чугуновымъ (14 изъ 23), а также и тобольскіе курганные черепа (7 изъ 11).

	Муж.	Жен.	Общ. ч.		Муж.	Жен.	Общ. ч.
Узко-затылочные (до 73)	1	—	1	Minimum	71,91	74,01	71,91
Средне-затылочные (73—78)	7	10	17	Maximum	86,95	85,38	86,95
Широко-затылочные (78 и болѣе)	14	11	25	Среднее	79,65	78,91	79,29

По лобному указателю преобладаютъ черепа съ большимъ указателемъ, при чемъ у мужчинъ это выражено наиболѣе рѣзко (14 изъ 23), у женщинъ—нѣсколько менѣе (8 изъ 20), т.-е. у мужчинъ нѣсколько болѣе половины, у женщинъ—нѣсколько менѣе; остальная половина почти поровну дѣлится между малыми и средними размѣрами.

	Муж.	Жен.	Общ. ч.		Муж.	Жен.	Общ. ч.
Малые (до 83)	5	7	12	Minimum	76,99	80,35	76,99
Средніе (83–87)	4	5	9	Maximum	97,89	98,88	98,88
Большіе (87 и бол.)	14	8	22	Среднее	88,00	86,35	87,21

Таковъ же характеръ этого указателя и у сургутскихъ остяковъ,— 8 изъ 18 имѣютъ большой лобный указатель. Въ этомъ отношеніи обѣ эти народности рѣзко отличаются отъ курганныхъ пермскихъ и тобольскихъ череповъ, которые всѣ имѣютъ главнымъ образомъ малые размѣры этого указателя, а также и отъ современныхъ тюрко-монголовъ.

Значительное большинство череповъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, имѣетъ средніе размѣры межглазничнаго пространства.

	Муж.	Жен.	Общ. ч.		Муж.	Жен.	Общ. ч.
Малые (до 20)	—	5	5	Minimum	22	18	18
Средніе (21—25)	20	12	32	Maximum	28	27	28
Большіе (26 и б.)	5	3	8	Среднее	24	23	23

По межглазничному пространству наибольшее сходство обнаруживаютъ вогулы съ тюрками и монголами.

По глазничному указателю вогулы низкоорбитны (21 изъ 45), хотя по среднимъ цифрамъ ихъ слѣдовало бы отнести къ средне-орбитнымъ.

	Муж.	Жен.	Общ. ч.		Муж.	Жен.	Общ. ч.
Малые (до 83)	7	3	10	Minimum	77,50	75,00	75,00
Средніе (83—89)	7	7	14	Maximum	95,00	100,00	100,00
Большіе (89 и б)	11	10	21	Среднее	86,80	88,24	87,44

Ближе всего стоятъ вогулы по размѣрамъ глазничнаго указателя къ самоѣдамъ, какъ по рядовому расположенію, такъ и по среднимъ числамъ (муж.—88,76, жен.—87,08); близки также цифры, приводимыя Ивановскимъ для монгольскихъ череповъ.

Большинство вогульскихъ череповъ имѣетъ носовой указатель для мужчинъ малыхъ размѣровъ, для женщинъ — среднихъ.

	Муж.	Жен.	Общ. ч.		Муж.	Жен.	Общ. ч.
Малые (до 48)	13	9	22	Minimum	38,89	42,30	38,89
Средніе (48—53)	9	11	20	Maximum	55,10	55,00	55,10
Большіе (53 и б.)	2	1	3	Среднее	47,71	48,47	48,07

Приблизительно то же наблюдается у остяковъ и самоѣдовъ, и у астраханскихъ калмыковъ (по Ивановскому).

По небному указателю вогулы являются широконебными (26 изъ 40), узконебные встрѣчаются крайне рѣдко (3 изъ 40).

	Муж.	Жен.	Общ. ч.		Муж.	Жен.	Общ. ч.
Малые (до 71)	1	2	3	Minimum	68,63	68,39	68,39
Средніе (71—77)	5	6	11	Maximum	97,50	100,00	100,00
Большіе (77 и б.)	17	9	26	Среднее	82,33	81,39	81,93

Лицевой указатель въ большинствѣ случаевъ малый, что указываетъ на значительное развитіе лица въ ширину.

	Муж.	Жен.	Общ. ч.		Муж.	Жен.	Общ. ч.
Малые (до 53)	15	11	26	Minimum	43,70	46,77	43,70
Средніе (53—57)	7	5	12	Maximum	59,39	58,67	59,39
Большіе (57 и б.)	2	2	4	Среднее	51,27	51,98	51,58

Сопоставляя цифровыя данныя этого указателя съ такими же данными у другихъ близкихъ къ вогуламъ народностей, мы можемъ убѣдиться, что остяки точно также имѣютъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ широкое лицо (14 изъ 17); близки и среднія цифры у остяковъ (муж.—50,57, жен.—51,09); разсматривая лицевой указатель отдѣльно у долихо- и брахицефаловъ, мы не находимъ разницы между тѣми и другими; значительная ширина лица свойственна, слѣдовательно, какъ долихоцефальному, такъ и брахицефальному типу.

Скуловой діаметръ мужскихъ череповъ преимущественно большихъ размѣровъ (14 изъ 22), женскихъ—среднихъ (9 изъ 14).

Размѣры:	Муж.	Жен.	Общ. ч.		Муж.	Жен.	Общ. ч.
Малые (до 110)	—	—	—	Minimum	119	115	115
Средніе (111—124)	8	9	17	Maximum	140	135	140
Большіе (125 и б.)	14	5	19	Среднее	127	123	126

Среднія величины, выведенныя нами для этого діаметра, вполнѣ совпадаютъ съ такими же величинами монголовъ-торгоутовъ (127 и 127) и нѣсколько менѣе размѣровъ астраханскихъ калмыковъ (127 и 129). Брахицефалы, какъ и слѣдовало ожидать, выказываютъ большую склонность къ скуластости. Остяки (по Чугунову) и самоѣды (по Соммье) имѣютъ еще большую скуластость: 133 для первыхъ и 130 для вторыхъ.

Щечный діаметръ у мужскихъ череповъ среднихъ размѣровъ, со значительной наклонностью къ большимъ, у женскихъ—малыхъ, съ наклонностью къ среднимъ. Наибольшее сходство по размѣрамъ этого діаметра вотяки обнаруживаютъ опять-таки съ остяками; отъ монголовъ (торгоуты: муж. 111, жен.—107, астрахан. калмыки: муж.—114, жен.—107) они значительно отличаются.

Размѣры:	Муж.	Жен.	Общ. ч.		Муж.	Жен.	Общ. ч.
Малые (до 100)	3	11	14	Minimum	97	91	91
Средніе (101—110)	15	8	23	Maximum	116	112	116
Большіе (111 и б.)	6	1	7	Среднее	107	101	104

Выдѣливши изъ всей серіи череповъ брахицефаловъ, мы получимъ для этихъ послѣднихъ цифры, очень близкія къ такимъ же монгольскихъ череповъ—113 и 114.

По хребетному указателю вогульскіе черепа относятся: мужскіе—къ узкохребетнымъ и женскіе — къ среднехребетнымъ. Брахицефалы

по этому указателю ничѣмъ не отличаются отъ долихоцефаловъ. Въ этомъ отличіе нашихъ череповъ отъ остяцкихъ, у которыхъ короткоголовому типу свойственна широкохребетность; впрочемъ, и по среднимъ цифрамъ хребетнаго указателя вогулы сильно разнятся отъ сургутскихъ остяковъ (муж.—85,22, жен.—82,17). Кромѣ того, для вогульскихъ женщинъ характерна широкохребетность при узкохребетности мужчинъ, у остяковъ—наоборотъ: среднехребетность женщинъ при широкохребетности мужчинъ; другими словами, у вогуловъ женщины имѣютъ большую ширину хребта по сравненію съ мужчинами, у остяковъ — меньшую. Въ послѣднемъ случаѣ вогулы сходны съ монголами (астраханскіе калмыки), у которыхъ также узкохребетность характеризуетъ мужчинъ, среднехребетность—женщинъ.

	Муж.	Жен.	Общ. ч.
Микроземы (до 82)	20	8	28
Мезоземы (82—86)	2	5	7
Мегаземы (86 и б.)	2	8	10

	Муж.	Жен.	Общ. ч.
Minimum	73,67	71,79	71,79
Maximum	90,90	92,94	92,94
Среднее	80,76	83,70	82,13

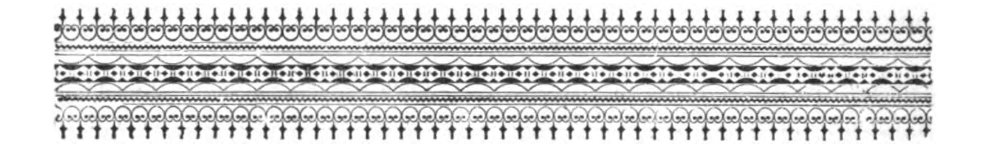
Попытаемся на основаніи разсмотрѣнныхъ краніологическихъ признаковъ вогуловъ и остяковъ сдѣлать нѣкоторые выводы. Остановимся сначала на монгольскихъ признакахъ этихъ двухъ народностей. По среднимъ цифрамъ мы не замѣтимъ, конечно, особеннаго сходства; но, располагая наши черепа въ ряды и раздѣляя эти ряды на группы: большихъ, среднихъ и малыхъ величинъ, а также выдѣляя изъ данной серіи череповъ долихо-и брахицефаловъ, мы должны прійти къ заключенію, что нашъ брахицефальный типъ носитъ на себѣ значительный отпечатокъ монголизма. Само собою разумѣется, что сравнительно небольшая примѣсь этого брахицефальнаго типа исключаетъ возможность приписать этимъ двумъ племенамъ въ цѣломъ монгольское происхожденіе, но фактъ болѣе или менѣе рѣзкой обособленности этихъ двухъ типовъ не говоритъ ли въ пользу того, что современная вогульско-остяцкая раса, быть-можетъ, создалась изъ двухъ типовъ: какого-то загадочнаго длинноголоваго, неясныя указанія на который даютъ наши фатьяновскіе курганы, и брахицефальнаго—монголоиднаго; что эти два типа еще не успѣли вполнѣ слиться и своей рѣзкой обособленностью какъ бы даютъ еще изслѣдователю указаніе на самый процессъ образованія современнаго племени,—процессъ, имѣвшій мѣсто въ далекомъ прошломъ, но не законченный еще и теперь. Какъ бы то ни было, но даже и это слишкомъ неполное изслѣдованіе угорскаго типа не позволяетъ намъ вполнѣ отождествить его съ чистымъ финскимъ типомъ, хотя бы даже одной его восточной вѣтви. Этотъ типъ настолько оригиналенъ въ своихъ существенныхъ чертахъ, что по справедливости долженъ быть выдѣленъ въ особую группу—угорскую. Длинный и низкій черепъ, съ широкимъ, скуластымъ лицомъ и вообще съ ясными чертами монголизма — вотъ его краткая характеристика. Откуда пришелъ этотъ типъ, гдѣ его прародина, мы не знаемъ, но неясные слѣды его въ немногочисленныхъ находкахъ фатьянов-

скихъ кургановъ каменнаго вѣка указываютъ на его глубокую древность. Отсутствіе его въ позднѣйшихъ курганахъ какъ бы указываетъ на то, что ему пришлось уступить мѣсто другимъ, болѣе позднимъ пришельцамъ, быть-можетъ, финскаго типа. Мы должны его счесть насельникомъ до-финскаго періода и древнѣйшимъ на этихъ мѣстахъ. Сопоставленіе антропологическихъ данныхъ съ данными лингвистики даетъ намъ нѣкоторый новый ключъ къ пониманію древнѣйшей колонизаціи сѣверной Россіи. Пользуясь этими данными, мы можемъ—въ общихъ, конечно, чертахъ—набросать слѣдующую картину постепеннаго заселенія сѣвера русской равнины. Въ концѣ каменнаго и началѣ бронзоваго вѣка въ сѣверной и средней Россіи жило какое-то длинноголовое племя угорскаго типа, т.-е. съ низкимъ, длиннымъ черепомъ, съ широкими скулами, низкими орбитами, широкимъ затылкомъ и узкимъ затылочнымъ отверстіемъ. Фатьяновскіе курганы являются почти единственнымъ фактическимъ подтвержденіемъ существованія этого, или близкаго къ нему, типа. На смѣну ему появились длинноголовыя племена ярославскихъ, тверскихъ, владимирскихъ и др. кургановъ, но уже съ черепомъ высокимъ и болѣе узкимъ лицомъ, быть-можетъ, финскаго типа, быть-можетъ, какого-нибудь другого, пока намъ неизвѣстнаго. Этотъ типъ былъ, въ свою очередь, смѣненъ короткоголовымъ, уже несомнѣнно финскимъ, а длинноголовый угорскій типъ, т.-е. современные вогулы и остяки или угры нашихъ лѣтописей были оттиснуты на сѣверъ, къ притокамъ Сѣверной Двины. Въ такомъ видѣ застали русскую равнину славяне. Послѣ долгой и упорной борьбы они оттѣснили югру за Уралъ, въ тѣ мѣста, гдѣ она живетъ и понынѣ; остальныя же собственно финскія племена стали постепенно растворяться въ средѣ многочисленнаго и, вѣроятно, болѣе культурнаго славянскаго элемента. Тѣ же изъ нихъ, которые не успѣли совершенно слиться съ новыми пришельцами, были ими оттиснуты частью на сѣв.-западъ, на берега Балтійскаго моря, частью на востокъ, за Волгу и даже къ Уральскому хребту.

Что касается первоначальной родины финно-угорскаго племени, то, какъ нами было уже указано, мнѣнія финнологовъ по этому вопросу расходятся. Одни изъ нихъ выводятъ это племя изъ Азіи, другіе—изъ восточной Европы. Присутствіе многихъ монгольскихъ чертъ даже въ длинноголовомъ типѣ вогуловъ и остяковъ, ихъ близкое сходство съ самоѣдами, наконецъ, полное отсутствіе такого типа въ современномъ европейскомъ населеніи и, наоборотъ, довольно обширное его распространеніе въ сѣверной и средней Азіи,—все это говоритъ въ пользу первой, азіатской, теоріи происхожденія угро-финновъ. Наоборотъ, къ западу, къ берегамъ Балтійскаго моря, этотъ азіатскій типъ постепенно исчезаетъ, и на смѣну ему появляется другой, близкій къ арійскому. Данныя лингвистики, въ свою очередь, указываютъ па родство финскаго и арійскаго языковъ и на общность древнѣйшей культуры того и другого племени. Съ этой точки зрѣнія

финновъ слѣдуетъ считать племенемъ европейскимъ, пославшимъ лишь отдѣльныя вѣтви въ глубь Азіи, до подножія Алтая и Саяна на югѣ и до Ледовитаго океана на сѣверѣ. Быть-можетъ, здѣсь просто столкнулись два противоположныхъ теченія: одно—европейское, аріо-финское, другое—азіатское, финно-угорское, которыя, объединившись на почвѣ общаго языка, не успѣли пока еще слиться въ одинъ физическій типъ. Во всякомъ случаѣ, какъ нами выше было указано, вполнѣ отожествлять эти два физическихъ типа—финскій и угорскій—едва ли возможно. Самое названіе «финно-угровъ» должно быть отнесено исключительно къ языку, а никакъ не къ племенному типу, такъ какъ такого единаго типа нѣтъ. Угорскій типъ слишкомъ оригиналенъ, чтобы его можно было смѣшать съ финскимъ, и ему по справедливости слѣдуетъ отвести особое мѣсто. Точно также лишено, по нашему мнѣнію, всякихъ научныхъ основаній отожествленіе угровъ и нынѣшнихъ мадьяръ, потомковъ полчищъ Атиллы. По физическимъ признакамъ эти два типа совершенно различны.

И. Силиничъ.

Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ.

*(Продолженіе *).*

Г. ѢДА, ИДАНИ, ХЕФТАЛЫ, ХАЙТАЛЫ, ЯФТАЛЫ.

а) Свѣдѣнія объ ѣда „Вэй-шу", „Чжеу-шу", „Суй-шу" и „Бэй-шы".

Въ свѣдѣніяхъ «Вэй-шу» о западныхъ странахъ имѣется особая статья «Ѣда»; въ исторіи династіи Чжеу также есть такая статья, содержащая свѣдѣнія за время этой династіи (534—583 г.г., въ томъ числѣ 534—557 г.г. времени западной династіи Юань-Вэй); наконецъ, въ «Бэй-шы» статья Ѣда содержитъ свѣдѣнія какъ за время Юань-Вэй, Ци и Чжеу, такъ и за время династіи Суй. Ниже мы увидимъ, что «Вэй-шу» въ томъ видѣ, какъ теперь имѣется исторія династіи Юань-Вэй, есть лишь воспроизведеніе относящихся до этой династіи свѣдѣній «Бэй-шу». Вслѣдствіе этого я изложу нужныя свѣдѣнія объ ѣда по переводу «Бэй-шы» Іакинфа («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 177 и слѣд.), приводя, въ случаяхъ отличій, переводъ Шпехта изъ «Вэй-шу», при чемъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что китайскіе подлинники одинаковы, такъ какъ Шпехтъ никакихъ разницъ текста «Вэй-шу» отъ текста «Бэй-шы» не указалъ.

«Владѣтельный Домъ Ѣда происходитъ отъ одного рода съ Большимъ Юечжы. Другіе сказываютъ, что Ѣда есть отрасль Гаогюйскаго племени. Вначалѣ сей Домъ показался за сѣверною границею, отъ Алтайскихъ горъ на югъ, отъ Хотана на западѣ. Столицу имѣлъ въ 200 ли отъ рѣки Ухюй на югѣ, отъ Чань-ань въ 10.000 ли». По Шпехту (Journal asiatique, 1883, t. II, p.p. 339—343): Les Yé-tha sont de la race des Grands Yué-tchi; d'autres disent que c'est une branche particulière des Kao-Tché. Ils sont originaires des pays qui sont au nord de la Grande Muraille;

*) См. „Русск. Антроп. Журн.", кн. XVII—XVIII.

et au sud du Kin-chan, d'où ils sont partis, ils vinrent, en passant à l'ouest du Khotan, établir la résidence de leur chef à 200 li au sud de la rivière Ma-hiu [1]) à 10.100 li de Tchang-ngan.

По завѣренію Шпехта, въ T'oung-Tièn, — гдѣ въ остальномъ статья объ ѣда мало отличается отъ статьи въ «Вэй-шу» редакціи Леу Шу, жившаго въ 1052—1078 г.г., въ которой она до насъ дошла и которая служитъ подлинникомъ перевода Шпехта, — есть слѣдующее: Des monts Kin-chan, ils passèrent à l'ouest du Khotan, sous le règne Wen-tch'ing-ti des seconds Weï (452—465), il y a de cela quatre-vingts à quatre-vingt-dix ans. По этому поводу Шпехтъ замѣтилъ: Le T'oung-tièn fut composé par T'ou-yeou, qui vivait au commencement de IX-e siècle; il ne peut donc reproduire dans ce passage de l'histoire des Weï que le texte non remanié de Weï-cheou (p. 340, note 2), жившаго при сѣверной династіи Ци, существовавшей съ 550 по 577 г. (p. 339, note 3). Признавшій въ виду этого, что по точнымъ извѣстіямъ «Вэй-шу», какъ они сохранились въ «Тунъ-тіень», ѣда двинулись отъ горъ Гинь-шань въ царствованіе «Вень-ченъ-ди» (Ērānšahr, 1901, S. 59), д-ръ Марквартъ нашелъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что такъ какъ юань-вэйскія извѣстія объ этихъ странахъ восходятъ, какъ видно изъ показанія возраста ступы въ Пурушапурѣ, къ 8 году (правленія) Ву-динъ, т.-е. къ 550 г., то въ виду указанія «Тунъ-тіень» о томъ, что со времени движенія ѣда отъ Гиньшаня до составленія о семъ событіи извѣстій протекло 80—90 лѣтъ, для переселенія ѣда получаются 460—470 годы (тамъ же, Anm. 3).

Въ моихъ краткихъ свѣдѣніяхъ о «Вэй-шу» («Р. Антр. Ж.», 1900 г., № 4, стр. 19) сказано, что исторія династіи Юань-Вэй «была первоначально составлена ученымъ Вэй Шеу во время династіи Ци», но «до насъ сохранилась лишь ея передѣлка, относящаяся ко времени сунской [2]) династіи». Между тѣмъ въ 1901 г., въ своей рецензіи на трудъ Маркварта Ērānšahr (J. as., 1901, t. XVIII, p. 552) и затѣмъ въ Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux (St.-Pétersbourg, 1903, p.p. 99—100) проф. Эд. Шаваннъ выяснилъ, что, какъ видно изъ біографіи Вэй Шеу, помѣщенной въ «Бэй-Ци-шу», указъ составить исторію дин. Юань-Вэй послѣдовалъ ему въ 551 г., представилъ же онъ изготовленную имъ «Вэйшу» въ 554 году и состояла она всего изъ 130 главъ (или книгъ); что въ нынѣ существующей «Вэй-шу» всего только 114 главъ, такъ что она не дошла до насъ въ томъ составѣ, какой далъ ей Вэй-шеу; что «Вэй-шу» была пересоставляема

---

[1]) Le Margus. Ma-Touan-lin écrit Ou-hiu (Oxus). Это примѣчаніе Шпехта. Съ своей стороны, считаю не лишнимъ упомянуть, что въ изложеніи этого же мѣста „Вэй-шу" у Паркера (Imp and Asiatic Quarterly Review, 1902, July, p. 146) рѣка названа Uhu и признается Паркеромъ за древній Охусъ.

[2]) Въ подлинникѣ опечатка „суйской" и сверхъ того упущена ссылка (кромѣ трехъ указанныхъ въ примѣч. 3 источниковъ) на статью проф. Шпехта въ Journal asiatique, 1883, t. II, p. 339, note 3.

во время династіи Сунъ и при этомъ болѣе тридцати недостающихъ (?) главъ были вновь составлены особой коммиссіею ученыхъ подъ предсѣдательствомъ Фань Цу-юй; что, — какъ значится въ критическихъ примѣчаніяхъ изданія, произведеннаго въ правленіе Цянь-лунъ, — главы 102 нынѣшней «Вэй-шу», содержащей свѣдѣнія о западныхъ странахъ, не доставало въ исторіи Вэй Шеу и ее сполна списали съ главы «Бэй-шы» о западныхъ странахъ за исключеніемъ ея конца, начиная съ владѣнія Ань; и что такимъ образомъ 102 глава имѣющейся «Вэй-шу» о западныхъ странахъ не имѣетъ значенія въ качествѣ самостоятельнаго источника. Къ этому г. Шаваннъ добавилъ, подтверждая это примѣрами, что и въ видѣ копіи пользованіе данною главою «Вэй-шу» не безопасно, такъ какъ въ ней есть передѣлки текста «Бэй-шы», состоящія въ неправильномъ измѣненіи датъ событій времени другихъ династій на юань-вэйскія, и т. п. Къ этому необходимо прибавить, что по болѣе точнымъ, чѣмъ имѣвшіяся доселѣ въ европейской литературѣ, свѣдѣніямъ проф. Шаванна (Documents etc., 1903, p. 100), «Суй-шу» окончена въ 636 г., а «Бэй-шу» около 644 г. Наконецъ, по проф. Хирту (Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, B. X, 1896, S. 231), за неимѣніемъ другихъ болѣе точныхъ свѣдѣній, «Чжеу-шу» (558—581 г.г.) составлена одновременно съ «Суй-шу», время составленія которой имъ отнесено къ 629—644 г. Такъ какъ въ «Бэй-шу», въ главѣ или книгѣ ея о западныхъ странахъ, судя по имѣющимся переводамъ, воспроизведены почти буквально всѣ статьи «Суй-шу» о западныхъ странахъ, начиная съ владѣнія Канъ, въ нѣсколькихъ же изъ предшествующихъ статей, очевидно, включены свѣдѣнія, заимствованныя изъ «Суй-шу», то «Суй-шу» должна была выйти раньше «Бэй-шы», т.-е. не въ 644, а въ 636 году, какъ утверждаетъ г. Шаваннъ, а такъ какъ въ ней имѣются и свѣдѣнія, находящіяся въ «Чжеу-шу», то слѣдуетъ полагать, что и «Чжеу-шу» составлена раньше «Бэй-шы» и могла служить для нея источникомъ. Составитель «Бэй-шу» пользовался, какъ извѣстно (между прочимъ см. Шаванна Documents etc., p. 100), матеріалами, собранными его умершимъ въ 628 г. отцомъ, намѣревавшимся писать исторію Китая за то же время, а потому надо полагать, что авторъ «Бэй-шу» непремѣнно имѣлъ въ числѣ своихъ матеріаловъ какъ исторію Вэй Шеу, вышедшую въ 554 г., такъ и исторію той же династіи Юань-Вэй, составленную при суйской династіи ученымъ Вэй Дань (Іакинфъ въ «Собр. свѣд.», ч. I, «Предувѣдомленіе», стр. XVI), а также исторіи все той же династіи танскихъ ученыхъ Чжанъ Да-со и Пхэй Ань (тамъ же, стр. XVII), если онѣ были составлены до 644 г., и даже исторію дин. Юань-Вэй, которую составлялъ ранѣе Вэй Шеу ученый Tçoui-hao, какъ это видно изъ Histoire générale de la Chine de Moyriac de Mailla (Paris, 1777, t. I, Préface, p. XXXIV). Сверхъ того составитель «Бэй-шу» могъ пользоваться записками и сочиненіями, до насъ не сохранившимися, подобно тому, напр., какъ состави-

тели «Танъ-шу» включили въ свои описанія западныхъ странъ свѣдѣнія изъ «Записокъ» извѣстнаго буддійскаго паломника Сюань Цзана, какъ мнѣ приходилось уже упоминать, и изъ записокъ взятаго въ 751 г. въ плѣнъ арабами па Таласѣ Ту Хуапа (см. проф. Хирта Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, 1899, S.S. 370—72), и мы объ этихъ источникахъ, вѣроятно, совсѣмъ не знали бы, если бы «Записки» Сюань Цзана не сохранились до насъ въ подлинникѣ, а изъ записокъ Ту Хуана не оказалось извлеченій въ компиляціи X вѣка T'oung-Tien.

Въ виду неуказанія въ излагающей свѣдѣнія о западныхъ странахъ главѣ или книгѣ «Бэй-шы» на источники и за отсутствіемъ какихъ-либо свидѣтельствъ объ этихъ источникахъ, мы можемъ въ настоящее время съ достовѣрностью считать источниками свѣдѣній статьи «Бэй-шы» объ ѣда только тѣ китайскія историческія сочиненія, которыя дошли до насъ, но существовали вмѣстѣ съ тѣмъ ранѣе 644 г., т.-е. до появленія «Бэй-шы». Таками оказываются, сколько мнѣ извѣстно, только «Чжеу-шу» и одновременно, по Хирту, составленная съ нею, т.-е. въ 636 г., «Суй-шу». Статья первой объ ѣда начинается слѣдующимъ образомъ, по переводу проф. Шпехта (J. asiatique, 1883, II, p. 344): «Владѣніе Ѣда (des Yé-tha) находится на западѣ отъ Юйтяни (Хотана) и въ 10 т. ли на востокъ (описка переводчика или подлинника вмѣсто «на западъ») отъ Чанъ-ань. Жители (les habitants) этой страны происходятъ отъ племени Б. Юечжы» (sont de la race des Ta-Yué-tchi).

Въ статьѣ «Суй-шу» Идань («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 203), въ переводѣ Пфицмайера Yi-tan (Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse, B. 97, 1880, S. 468) и въ переводѣ Шпехта (J. a., 1883, II, p. 346) Yi-ta, значится: «Резиденція иданьскаго владѣнія лежитъ въ 200 ли отъ рѣки Уху (Пфицмайеръ U-hu, у Шпехта les Yi-ta habitent au sud, et à 200 li environ de la rivière Ou-hiu, т.-е. Oxus). Иданьскій Домъ есть отрасль Большого Юечжы (по Пфицмайеру: Die Bewohner sind ein Stamm des Grossen Yue-tschi. По Шпехту: ils sont de la race des Grand Yué-tchi). Приведемъ, наконецъ (по переводу Іакинфа въ «Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 256, и Шаванна въ Documents etc., p. 158), свѣдѣнія объ ѣда-иданяхъ «Танъ-шу», исторіи династіи, при которой ѣда прекратили историческое существованіе, исторіи, въ которой можно видѣть окончательно выработавшееся у китайскихъ историковъ мнѣніе объ этническихъ отношеніяхъ этого народа: «Домъ Идань есть отрасль Большого Юечжы, извѣстнаго еще при династіи Хань (въ изложеніи Паркера, p. 151, Yih-tah State is of the Ta Yüeh-chï seed in Han times). Большой Юечжы, вытѣсненный усуньцами (изъ бывшихъ земель сэйцевъ въ Тяньшанѣ и на его сѣверныхъ подножіяхъ), удалился на западъ, прошелъ Давань, напалъ на Дахя и покорилъ сіе владѣніе, а мѣстопребываніе утвердилъ въ городѣ Ланьшы. *Дахя* есть *Тухоло*; прозваніе владѣтеля

было *Ѣдэ* (Паркеръ: Yeh-t'ah is the King's family name). Потомки прозвапіе превратили въ названіе государству, а Ѣдэ — въ *Идань* или *Идянь*. Обыкновенія сходны съ дулгаскими (тюркскими). Въ срединѣ правленія Тьхянь-бао, 748, отправилъ посланника къ Двору съ данію». «Le royaume des *I-ta* (Hephthalites) est de la race des *Ta Yue-tche* de l'époque des Han; les *Ta Yue-tche*, ayant été dépouillés par les Ou-suen, traversèrent à l'ouest (le pays de) *Ta-yuan*, attaquèrent les *Ta-hia* et les asservirent; leur capitale fut la ville de *Lan-che*; les *Ta-hia* ne sont autres que le *T'ou-ho-lo* (Tokharestan). *Ye-ta* était le nom de famille du roi; ses descendants firent de ce nom de famille celui du royaume; ce nom est devenu *I-ta* par corruption; on dit aussi *I-t'ien*. Les moeurs (de ce peuple) sont les mêmes que celles des Tou-kiue (Turcs). Pendant la periode *T'ien-pao* (742 — 755), (les Hephthalites) envoyèrent (une ambassade) rendre hommage et apporter tribut».

Изъ приведенныхъ въ переводахъ текстовъ ясно, что положительное утвержденіе «Бэй-шы» о происхожденіи ѣда отъ б. юечжей уже содержалось въ составленныхъ ранѣе «Чжеу-шу» и «Суй-шу». Почерпнули ли составители «Чжеу-шу» и «Суй-шу» это заключеніе изъ свѣдѣній китайскихъ посольствъ и изъ показаній посольствъ отъ ѣда-иданей и другихъ западныхъ владѣній или изъ литературныхъ источниковъ своего и предшествующаго времени, въ томъ числѣ и изъ существовавшихъ уже нѣсколькихъ редакцій «Вэй-шу»—все это неизвѣстно. Нѣтъ, однако, никакихъ основаній не допускать, что какъ эти династійныя исторіи, такъ и первоначально составленная въ X в. «Танъ-шу», принимали въ соображеніе какъ свѣдѣнія своего времени, такъ и историческіе и литературные источники предшествующихъ династій. Если же сверхъ того не оставить безъ вниманія, что послѣ ханьскихъ династій суйская и танская обнаруживали наибольшій интересъ къ собиранію свѣдѣній о западныхъ странахъ и имѣли при томъ наибольшую къ полученію ихъ возможность,—ибо суйскій императоръ Янъ-ди (605—616 гг., правленіе Даѣ) самъ посылалъ нѣсколько посольствъ на западъ, между прочимъ въ Персію и Гибинь («Суй-шу» въ переводѣ Іакинфа въ «Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 191 и 206), а танская династія возвратила подъ власть Китая нынѣшній Вост. Туркестанъ и подчинила себѣ земли западныхъ тюрковъ, ведя затѣмъ частыя и постоянныя сношенія съ странами Аральскаго бассейна, считавшимися въ вассальныхъ болѣе или менѣе къ ней отношеніяхъ,—то слѣдуетъ признать, что согласное показаніе трехъ династійныхъ исторій о происхожденіи ѣда отъ юечжей можетъ почитаться соотвѣтственнымъ дѣйствительности, до тѣхъ по крайней мѣрѣ поръ, пока не будетъ опровергнуто достаточными данными. Цитированные мною переводы нѣсколько отличны между собою, вслѣдствіе прибавки Іакинфомъ, напр., слова «Домъ», когда рѣчь идетъ о народѣ, а также употребленія французскими переводчиками выраженія, въ составъ котораго входитъ слово la race, имѣющее

разнообразныя значенія, и проч., но китайскіе подлинники, вѣроятно, очень близки между собою, если не тождественны совершенно. Наиболѣе полонъ и ясенъ текстъ «Танъ-шу», по которому ѣда признаются за потомство б. юечжей, принявшее имя ѣда отъ имени одного изъ позднѣйшихъ своихъ царей. Поэтому вмѣсто «владѣтельный Домъ Ѣда происходитъ отъ одного рода (?) съ Б. Юечжы», а также вмѣсто «les Yé-tha sont de la race des Grands Yué-tchi» и т. д. слѣдовало бы, можно думать, переводить: «ѣдасцы происходятъ отъ б. юечжы». Таковъ во всякомъ случаѣ смыслъ разсматриваемыхъ свѣдѣній четырехъ династійныхъ исторій.

Выразивъ положительно, что ѣда'сцы происходятъ отъ б. юечжійцевъ или являются потомками послѣднихъ, «Бэй-шы» приводитъ однако, не указывая источниковъ и не объясняя, кому именно оно принадлежитъ, и иное мнѣніе: «Другіе сказываютъ, что ѣда есть отрасль гаогюйскаго племени». Слѣдующая затѣмъ фраза,—въ переводѣ которой Іакинфъ и Шпехтъ, слѣдовавшій Ст. Жюльену, переводившему Матуаньлиня, сильно разнятся, а потому весьма желателенъ и необходимъ новый тщательный переводъ,—должна была входить въ составъ сказаніи «другихъ» и относиться къ ѣда, признаваемымъ за одинъ изъ родовъ или племенъ гаогюйцевъ, такъ какъ, во-первыхъ, эта фраза или фразы слѣдуютъ непосредственно за сказаніемъ «другихъ», и такъ какъ, во-вторыхъ, къ ѣдасцамъ, происходящимъ отъ б. юечжей, сѣверъ, Великая стѣна, Хотанъ не имѣютъ никакого отношенія: коль скоро ѣда происходятъ отъ б. юечжы, они являются потомствомъ народа, обитавшаго на Аму-дарьѣ, предки же ихъ, б. юечжи пришли сюда за нѣсколько вѣковъ до юань-вэйской династіи, притомъ въ то время, когда Великой Стѣны на югѣ отъ Алтая еще не было, ибо стѣна эта возведена была въ отнятыхъ Китаемъ у хунновъ земляхъ, съ которыхъ они прогнали юечжей, много лѣтъ спустя послѣ ухода юечжей въ Тяньшань и затѣмъ на Аму-дарью. Поэтому въ сказаніи о ѣда, какъ особомъ родѣ или племени гаогюйцевъ, могло бы значиться что-нибудь въ такомъ родѣ: первоначально этотъ народъ обиталъ на сѣверѣ отъ Великой Стѣны, на югѣ отъ Алтая, отсюда же перешелъ (въ нынѣшнюю его страну) на западъ отъ Хотана.

Продолжаю изложеніе статьи «Бэйшы» Ѣда по тѣмъ же переводамъ: «Владѣтель имѣетъ пребываніе въ городѣ Бадіянь. Городъ сей есть дворецъ владѣтеля; въ окружности содержитъ около десяти ли. Въ немъ множество храмовъ и обелисковъ (т.-е. ступъ) буддійскихъ, и всѣ украшены золотомъ». По переводу Шпехта (p. 340): Leur roi faisait sa résidence dans la ville de Pa-ti-yan, qu'on nommait Ouang-ché-tching, ou la ville de la maison du roi. Cette ville avait plus de 10 li en carré; on y voyait beaucoup de temples et de tours bouddhiques, tous ornés d'or. Проф. Шаваннъ переводитъ первую фразу: Leur capitale royale Pa-ti-yen n'est autre que la ville de la résidence royale (Documents etc., 1903, p. 224,

note 5). Для сличенія привожу продолженіе статьи Ѣда изъ «Чжеу-шу» въ переводѣ Шпехта (p. 344): «Leur roi faisait sa résidence dans la ville de Pa-ti-yan, qu'on nommait Ouang-ché-tching ou la ville de la maison du roi. Cette ville avait plus de 10 li en carré». Вотъ еще изъ статьи «Суй-шу» *Идань* («Собр. свѣдѣній», 3, стр. 203): «Резиденція имѣетъ десять ли окружности. Много храмовъ и священныхъ обелисковъ, и всѣ украшены золотомъ». Оказывается, что все, относящееся къ столицѣ, склеено въ «Бэй-шы» изъ свѣдѣній «Суй-шу» и «Чжеу-шу»: «Столицу имѣлъ въ 200 ли отъ рѣки Ухюй на югѣ» взято изъ «Суй-шу» о столицѣ Идани, продолженіе же «отъ Чанъ-ань въ 10 т. ли» почерпнуто изъ «Чжеу-шу». Для правильности подобнаго соединенія свѣдѣній изъ разныхъ источниковъ необходимо, чтобы они относились къ одному и тому же предмету и притомъ приблизительно одного и того же времени. Между тѣмъ въ «Чжеу-шу», какъ увидимъ ниже, значится, что послѣднее посольство отъ Ѣда прибыло въ 558 г., а затѣмъ сношенія прекратились вслѣдствіе уничтоженія ихъ владычества тюрками; свѣдѣнія же «Суй-шу» объ Идани, видимо, относятся къ правленію Даѣ (605—616), ибо въ статьѣ этой упоминается о присылкѣ въ Китай изъ Идани единственнаго посланника именно въ это время. Свѣдѣнія «Чжеу-шу» относятся, слѣдовательно, ко времени около половины VI в., когда Ѣда имѣли могущественное царство, простиравшееся отъ Хотана до Персіи, суйскія же свѣдѣнія имѣютъ въ виду Ѣда-иданей въ началѣ VII стол., когда они составляли маленькое владѣніе, подвластное тюркамъ. Можетъ быть, столица Ѣда Батіянь не была уже безыменною столицею иданей въ суйское время. Батіянь напоминаетъ Боти въ Тухуло, столицею же иданей суйскихъ временъ могъ быть нынѣшній Гори, какъ будетъ выясняться ниже.

Далѣе читаемъ въ «Бэй-шы»: «Обыкновенія нѣсколько сходны съ дулгаскими обыкновеніями (у Паркера, p. 146, the customs are rather like those of the Turks). Братья имѣютъ одну жену. Жена мужа, не имѣющаго братьевъ, т.-е. одномужняя, носитъ шляпу съ однимъ угломъ; многомужняя же умножаетъ число угловъ по числу братьевъ; на одѣяніи нашиваетъ такое же число кистей. Остригаютъ волосы на головѣ. Языкъ жителей совершенно отличенъ отъ языковъ и жужаньскаго, и гаогюйскаго и тюркскаго» (по Паркеру, p. 147, their language is different from the speech of the Geougen, High Carts, and the various Hu). Въ кит. подлинникѣ стоитъ «ху», а это слѣдовало перевести не «тюркскаго», какъ неточно переводилъ Іакифъ, а «варваровъ», какъ у Ст. Жюльена, или «всѣхъ сѣверныхъ варваровъ», какъ видимъ у Д. М. Позднѣева («Историческій обзоръ уйгуровъ», Спб., 1889 г., стр. 37). По переводу Шпехта (p. 341): «Les moeurs des habitants se rapprochent de celles des Tou-kioue (Turcs). La coutume est que les frères aient en commun une même femme. Si un mari n'a pas de frères, sa femme porte sur la tête un bonnet qui n'a

qu'une seule corne; s'il a des frères, le bonnet prend plusieurs cornes, en proportion du nombre de ces derniers. Ils ajoutent à leurs vêtements des rubans et des cordons. Ils se coupent les cheveux ras. Leur langue n'est pas le même que celui des Jouan-jouan, des Kaotché et des autres barbares. Изъ приведенныхъ свѣдѣній особенно важны существованіе у ѣда многомужества и совершенное отличіе ихъ языка отъ языковъ жужаньскаго, гаогюйскаго и другихъ сѣверныхъ варваровъ. Совершенно особый отъ гаогюйцевъ языкъ ѣда опровергаетъ сказаніе о томъ, что они есть отрасль гаогюйцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и входящее въ составъ этого сказанія утвержденіе о приходѣ ихъ на Аму-дарью изъ Монголіи, изъ-за Великой Стѣны. Остается, слѣдовательно, въ силѣ лишь положительное утвержденіе «Бэй-шы» о происхожденіи ѣда отъ б. юечжы или, точнѣе, о томъ, что ѣда есть потомство б. юечжей. Засимъ, если языкъ ѣда былъ совершенно особый отъ тюркскаго (гаогюйцы или гаоче были племенемъ тюркскимъ), жужаньскаго (т.-е. тунгузскаго, какъ большею частію полагаютъ) и другихъ сѣверныхъ варваровъ, то языкъ ихъ могъ быть лишь тибетскимъ, какъ и у предковъ ихъ юечжей, на что для послѣднихъ имѣются указанія, которыя будутъ приведены впослѣдствіи. Тибетизмъ ѣда-юечжей потверждается и существованіемъ у нихъ поліандріи, составляющей и въ настоящее время отличительную черту тибетскихъ племенъ, тогда какъ у остальныхъ народовъ Средней Азіи ея нѣтъ и не было, судя по отсутствію какихъ-либо на это историческихъ и бытовыхъ указаній. Такъ какъ при поліандріи женщины выходятъ изъ того приниженнаго положенія, которое составляетъ ихъ удѣлъ у народовъ моногамныхъ и полигамныхъ, то нижеслѣдующія извѣстія сирійскаго писателя третьяго вѣка по Р. Х. Бардезана указываютъ на существованіе у юечжей-кушановъ поліандріи: «У бактрійцевъ, именуемыхъ кашанами, женщины украшаютъ себя мужскою одеждою и большимъ количествомъ золота и драгоцѣнностей... Онѣ ѣздятъ верхомъ и нѣкоторыя одѣваются въ платья, вышитыя золотомъ и украшенныя драгоцѣнными камнями. Эти женщины не соблюдаютъ цѣломудрія и имѣютъ прелюбодѣйныя сношенія съ своими рабами и съ прибывающими въ страну иностранцами, и мужья не воспрещаютъ имъ этого. Эти женщины ничего не боятся, потому что кушаны смотрятъ па нихъ, какъ на высоко стоящія надъ ними (существа)» и т. д. (Collection des historiens anciens et modernes de l' Arménie, etc., par Victor de Langlois, Paris, 1867, t. I, p. 84—85). Почти все это замѣчается и нынѣ въ Тибетѣ, если же Бардезанъ ничего не говоритъ о поліандріи, то это легко объясняется тѣмъ, что слухи о такой формѣ семьи не дошли до него или встрѣчены были имъ съ недовѣріемъ.

Буду продолжать статью «Бэй-шы», приводя переводъ Шпехта изъ «Вэй-шу» только въ имѣющихъ значеніе случаяхъ отличій отъ Іакинфа. «Народонаселеніе простирается до ста тысячъ душъ». Ils peuvent être au

nombre d'environ 100.000 [1]). Я думаю, что не все населеніе царства Ѣда простиралось до 100 т. д., а только численность самихъ ѣдасцевъ, да и то лишь душъ мужскаго пола. «Городовъ не имѣютъ, а живутъ въ мѣстахъ привольныхъ травою и водою, въ войлочныхъ кибиткахъ». Ils n'ont pas de villes; ils émigrent avec leurs troupeaux pour chercher des eaux et des pâturages et se font des tentes de feutre. «Лѣтомъ избираютъ прохладныя мѣста, а зимою теплыя. Жены владѣтеля отдѣльно живутъ, въ 200 и 300 ли одна отъ другой; и онъ, объѣзжая ихъ по порядку; каждый мѣсяцъ посѣщаетъ одно мѣсто, а во время зимнихъ морозовъ три мѣсяца не путешествуетъ». En été, ils se transportent dans les cantons froids; en hiver, ils recherchent les lieux tempérés. Leurs femmes habitent dans des lieux séparés, et se trouvent parfois à des distances de 200 et 300 li (de leur maris). Le roi change successivement de demeure et chaque mois il en adopte une nouvelle; pendant les froids d'hiver seulement, c'est-à-dire pendant trois mois, il n'émigre pas. Такъ какъ невѣроятно, чтобы жены всѣхъ ѣда жили въ отдѣльныхъ мѣстахъ и находились «иногда» въ разстояніи 200 и 300 ли отъ мужей, и нѣтъ примѣровъ дѣйствительнаго существованія какого-либо народа съ такимъ изумительнымъ обычаемъ, то кажется несомнѣнною ошибочность перевода проф. Шпехта: не «ихъ» жены, а только «жены владѣтеля» (какъ значится у Іакинфа и у Паркера, p. 146) жили отдѣльно не «отъ своихъ мужей», а «одна отъ другой», и т. д. «Престолъ не передается наслѣдственно, а получаетъ его способнѣйшій изъ родственниковъ. Въ семъ владѣніи нѣтъ телѣгъ, а употребляютъ носилки (по Паркеру, p. 147, no carts, only litters; по Шпехту, il n'y a pas de chariots ouverts dans ce pays, mais des chariots fermés); много лошадей и верблюдовъ. Наказанія чрезмѣрно строги. За кражу, безъ опредѣленія количества, положено отсѣченіе головы; за украденное взыскиваютъ въ десять кратъ. Умершихъ изъ богатыхъ домовъ погребаютъ въ каменныхъ склепахъ (dans un tombeau formé de pierres amoncelées), а бѣдныхъ зарываютъ въ выкопанныхъ могилахъ. Вмѣстѣ съ покойникомъ кладутъ въ могилу вещи, ношенныя имъ. Народъ жестокій и смѣлый, способный къ сраженіямъ (belliqueux). Отъ ѣдаскаго владѣтеля въ Западномъ краѣ зависятъ Кангюй, Хотанъ, Шалэ (по Шпехту, вмѣсто Cha-le въ T'oung-tièn и въ T'oung-tchi написано Sou-le, т.-е. Кашгаръ), Аньси (по проф. Шаванну это Бухара, Documents etc., 1903, p. 225 note I, но такъ какъ это мнѣніе, см. p. 137, основано единственно на томъ, что Бухара, въ 656—660 гг., переименована была въ округъ Ань-си, то оно могло быть слѣдствіемъ ошибочнаго увѣренія «Суй-шу» о томъ, что Ань, Бухара, есть «бывшее при династіи государство Аньси»; Parker, p. 147, видитъ въ Аньси персидскую сатрапію, соотвѣтствующую

[1]) У Паркера: Perhaps there are 100.000 ot them, ferocious and able to fight (p. 147).

древней Парфіи») и до тридцати другихъ мелкихъ владѣній. Ѣда считается сильнымъ государствомъ и находится въ брачномъ родствѣ съ жужаньцами». У Шпехта (p. 342): Les habitants contractèrent des mariages avec les Jouan-jouan, но вѣренъ, конечно, лишь переводъ Іакинфа: по «Бэй-шы» («Собр. свѣдѣній», ч. I, стр. 233), въ 521 г., во время смутъ у жужаней, поддавшійся было Китаю жужаньскій ханъ Поломынь «вскорѣ замыслилъ отложиться и уйти къ Идѣ: три жены у Иды были родныя сестры Поломыневы».

«Со времени правленія Тхай-ань, 455, владѣтель часто отправлялъ посланника съ дарами. Въ концѣ правленія Чженъ-гуанъ, 525, послалъ льва». У Шпехта вмѣсто 455 г. означенъ 460, а вмѣсто 525 г.—527 [1]). На самомъ дѣлѣ правленіе Тхай-ань обнимало годы 455—460, а правленіе Чженъ-гуанъ простиралось съ 520 по 525 г. (см. Visdelou въ Bibliothèque orientale d'Herbelot, t. IV, 1779, p. p. 69—70), такъ что вѣрнѣе у о. акинфа. У де-Гиня первое посольство отъ ѣда отмѣчено 456 г. (Histoire générale des Huns etc., 1756, Paris, t. I, partie I, p. 184); у Паркера также 456 (p. 147). «Со времени правленія Юнъ-си, 532, представленіе даровъ прекратилось». Правленіе это обнимало годы 532—534, какъ правильно указалъ Шпехтъ. Засимъ слѣдуютъ краткія свѣдѣнія о посольствѣ, при которомъ состояли Хой Сенъ и Сонъ Юнь, мною уже приведенныя въ «Р. Антр. Ж.», 1901 г., № 2 (стр. 35 и 36); у Паркера, p. p. 147—148, есть нѣкоторыя отличія.

На этомъ статья Ѣда въ «Вэй-шу», въ переводѣ Шпехта, оканчивается, но «Бэй-шы» продолжаетъ: «Въ двѣнадцатое лѣто нравленія Датхунъ, 546, владѣтель прислалъ посольство съ мѣстными произведеніями. Во второе лѣто Фэй-ди, 553, и во второе лѣто Минъ-ди изъ дома Чжеу, 558, вмѣстѣ (къ обоимъ дворамъ, по поясненію Іакинфа, т.-е. къ дворамъ Чжеу и Ци, между которыми дѣлился Сѣверный Китай) отправилъ посольство съ дарами. Послѣ сего дулгасцы разорили владѣніе Ѣда, и поколѣнія разсѣялись, вслѣдствіе чего и представленіе даровъ прекратилось». Все это взято, видимо, изъ «Чжеу-шу», гдѣ, по переводу Шпехта (Journal asiatique, 1883, t. II, p. p. 344—345) говорится еще слѣдующее: «Уголовные законы и нравы жителей сходны съ тюркскими. Есть обычай, чтобы

---

[1]) По переводу Паркера, p. 147, присылка льва отнесена къ 524 г. и добавлено отсутствующее совершенно у Іакинфа и Шпехта извѣстіе о томъ, что въ 525 г. посланникъ отъ Yeh-t'ah, по имени Chu Kao-hwei, былъ избранъ на короткое время въ цари возмутившимся (противъ дин. Юань-Вэй) населеніемъ Ho-chou (часть древней страны юечжей). Вмѣсто этого у Іакинфа значится (стр. 178—179): „Въ концѣ правленія Чженъ-гуань, 525, послалъ льва. Когда посольства пришли къ возвышенной плоскости, Гуйну поднялъ бунтъ: почему левъ былъ остановленъ, и снова отправленъ уже по усмиреніи Гуйну". У Шпехта, ссылающагося на переводъ Аб. Ремюза: Vers la fin des années Tching-kouang (527), ils envoyèrent des ambassadeurs offrir un lion. Arrivés à Kao-p'ing, ils rencontrèrent les Ouan-sé et les Tcheou-nou, qui étaient en révolte et qui les retinrent prisonniers; les Tcheou-nou ayant été soumis, ils conduisirent le lion à la capitale (p. p 342—343). Въ виду полнаго противорѣчія между тремя переводами необходима повѣрка ихъ свѣдущими синологами.

братья женились всѣ вмѣстѣ на одной женѣ. Если у мужа нѣтъ братьевъ, она носитъ головной уборъ съ однимъ рогомъ (corne), если же есть братья, то нѣсколько роговъ по ихъ числу. Народъ этотъ жестокъ, храбръ, силенъ. Юйтянь (Хотанъ) и А-си (арзакиды, по Шпехту) и другія, около 20, большихъ и малыхъ владѣній были ихъ данниками».

Статья «Ѣда» оканчивается слѣдующимъ, взятымъ, очевидно, изъ «Суй-шу»: «При династіи Суй, въ правленіе Да-ѣ, 605—616, владѣтель прислалъ къ кит. Двору посольство съ мѣстными произведеніями. Отъ Ѣды до владѣнія Цао 1500, на востокъ до Гуа-чжеу 6500 ли». Тутъ упущено указанное до Цао направленіе «на югъ». Сверхъ того въ той же статьѣ «Суй-шу» Идань есть еще слѣдующія, кромѣ приведенныхъ выше, свѣдѣнія: «Строевого войска отъ 5 до 6 т. человѣкъ. Въ прежнее время, какъ въ Идани открылись безпокойствія, то дулгасцы насильственно поставили своего правителя». Въ переводѣ Пфицмайера (l. cit.) вмѣсто послѣднихъ двухъ словъ einen Vorgesetzer den Waffen, а у Паркера, p. 150, a shêh (i. e. a shad, or turkish Governor). По переводу Шаванна: Auparavant, ce royaume ayant été troublé, les Tou-kiue envoyèrent le t'ong chad Tse-k'i prendre de force le commandement de ce royaume (Documents sur les Tou-kiue occidentaux, 1903, p. 159, note I). Это же самое мѣсто въ переводѣ Стан. Жюльена изъ компиляціи Матуаньлиня представляется въ такомъ видѣ: A la suite de troubles qui eurent lieu anciennement chez les Yi-ta, les Tou-khioue (Turks) envoyèrent chez eux Song-yu, intendant général des troupes (tchong-ché), pour prendre de vive force le commandement du royaume (Etudes de géographie ancienne etc. par Vivien de Saint-Martin, Paris, 1850, t. I, p. 280 [1]). «Женщина, имѣющая одного мужа, носитъ шляпу съ однимъ угломъ или рожкомъ; если братьевъ много, то дѣлаетъ рожки по числу братьевъ». Въ предшествующей статьѣ «Суй-шу» Тухоло сказано, что «жители перемѣшаны съ иданьцами» и что «братья имѣютъ одну жену. Сыновья отъ нея принадлежатъ старшему брату» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 202 и 203). Это, конечно, относится къ ѣда-иданямъ, ибо у остальнаго населенія, иранскаго, поліандрія невѣроятна.

Кромѣ того, что составитель «Бэй-шы» могъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, взять изъ «Чжеу-шу» и изъ «Суй-шу», а также изъ реляцій Сонъ Юня и Хой Сена, которыя частію приведены будутъ ниже, остаются еще столь важныя свѣдѣнія, какъ объ отличіи языка, о численности, о посольствахъ отъ ѣда и болѣе мелкія подробности, источники которыхъ неизвѣстны. Нельзя, однако, не думать, что главными изъ этихъ источниковъ должны были быть первоначальныя «Вэй-шу» редакціи Вэй Шеу и позднѣйшихъ, потому что во время составленія «Бэй-шы» они еще существо-

[1]) Въ переводѣ Шпехта (изъ „Суй-шу“) значится тоже самое; только вмѣсто Soung-yu стоитъ Tse-kie, съ поясненіемъ, что таково имя этого генерала по „Суй-шу“ и T'oung-tièn (p. 347).

вали и, конечно, должны были составить главное основаніе для статьи объ ѣда. Между прочимъ, надо думать, что и сказаніе о томъ, что ѣда есть отрасль гаогюйскаго племени и пришли на Аму-дарью изъ нынѣшней Монголіи, взято изъ одной изъ редакцій «Вэй-шу», до насъ не дошедшихъ, или изъ какого-нибудь литературнаго источника, также до насъ не сохранившагося; необходимо также обсудить, не изъ такого же ли источника или источниковъ взяты и свѣдѣнія «Тунъ-тіенъ» о времени ухода ѣда на Аму-дарью въ царствованіе Вень-ченъ-ди (452 — 465 гг.) и за 80 — 90 лѣтъ «до сего» (de cela).

Относительно послѣднихъ необходимо возникаетъ вопросъ: до какого же это момента за 80 — 90 лѣтъ совершилось передвиженіе гаогюйцевъ-ѣда изъ Монголіи на Аму-дарью? Въ «Бэй-Ци-шу» совсѣмъ нѣтъ отдѣла объ иностранныхъ государствахъ и народахъ (проф. Шаваннъ, Documents etc., 1903, p. 100), а такъ какъ въ «Чжеу-шу» и «Суй-шу» нѣтъ и помина о гаогюйскомъ происхожденіи ѣда и приходѣ ихъ на Аму-дарью изъ Монголіи, то сказаніе это могло быть взято въ «Бэй-шы» не иначе, какъ изъ «Вэй-шу» редакцій времени дин. Бэй-Ци (550 — 577 гг.) или изъ литературныхъ источниковъ того же времени. Но редакторы «Вэй-шу» означеннаго времени, излагая историческія свѣдѣнія за время дин. Юань-Вэй, естественно должны были, по принятымъ въ исторіяхъ предшествовавшихъ династій правиламъ, считать позднѣйшимъ предѣломъ составляемой ими исторіи 550 годъ, во второй половинѣ котораго дин. Вэй замѣнена была династіею Бэй-Ци. Можно бы поэтому допускать, хотя и безъ полной достовѣрности, что, можетъ-быть, именно по этой причинѣ возрастъ ступы въ Пурушапурѣ опредѣленъ въ статьѣ «М. Юечжы» къ году смѣны дин. Вэй династіею Ци. Однако, въ переведенномъ Шпехтомъ мѣстѣ «Тунъ-тіенъ» положительнаго удостовѣренія въ этомъ смыслѣ не содержится, да и при вычетѣ изъ 550 годовъ 80 — 90 лѣтъ получается 460 — 470 года, что не сходится удовлетворительно съ указаніемъ на царствованіе Вень-ченъ-ди, обнимающее 452 — 465 гг. Если допустить, какъ полагаетъ, безъ ясныхъ и достаточныхъ, однако, основаній, г. Шпехтъ, что разсматриваемыя даты взяты въ «Тунъ-тіенъ» изъ «Вэй-шу» редакціи Вэй-Шеу, и въ виду обнаруженной непригодности даты 550 г. предположить, что 80 — 90 лѣтъ прошли ко времени окончанія труда Вэй Шеу, т.-е. къ 554 г., то для передвиженія ѣда получаются 464 — 474 гг., но это тоже плохо соотвѣтствуетъ царствованію Вень-ченъ-ди. Не мирятся, наконецъ, получаемыя даты съ свѣдѣніями о посольствахъ отъ ѣда въ Китай, начавшихся съ 455—460 гг., по Дегиню съ 456 г.: мало вѣроятно, чтобы ѣда начали отправлять пословъ въ Китай до движенія своего на Аму-дарью или съ пути туда, когда имъ было слишкомъ много заботъ безъ не имѣвшихъ никакого политическаго значенія сношеній съ Китаемъ. Все это приводитъ къ заключенію, что какъ сказанія о происхожденіи ѣда отъ гаогюйцевъ и о переходѣ ихъ изъ Мон-

голіи на Аму-дарью, такъ и двѣ несходныя даты для этого передвиженія,— о причинахъ и обстоятельствахъ котораго свѣдѣнія совсѣмъ отсутствуютъ,— суть результатъ какихъ-нибудь не провѣренныхъ, худо понятыхъ и извращенныхъ слуховъ, дополненныхъ неудачными догадками и помѣщенныхъ безъ надлежащей критики въ какія-нибудь сочиненія второй четверти VI вѣка о западныхъ странахъ и народахъ, до насъ не дошедшія, откуда они были заимствованы въ первоначальныя редакціи «Вэй-шу» и попали отсюда въ «Бэй-шы», съ исключеніемъ явно несообразныхъ датъ, которыми, однако, не оставили воспользоваться впослѣдствіи компиляторы историческихъ и иныхъ энциклопедій, чрезъ посредство которыхъ даты эти попали въ «Тунъ-тіенъ», разумѣется безъ особой провѣрки.

б) Извѣстія «Лянъ-шу» о владѣніи и народѣ Хоа.

Слѣдуя указаніямъ главныхъ династійныхъ исторій, де-Гинь признавалъ ѣда происшедшими отъ юечжей (Histoire générale des Huns etc., Paris, 1756, t. I, partie 2, p.p. LXXXIX, 378), хотя ему извѣстно было и сказаніе о томъ, что ѣда есть вѣтвь гаогюйцевъ (тамъ же, p. 42), но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ ихъ имя Getes и утверждалъ, что эти юечжи-Getes были предками тѣхъ готовъ, которые опустошали Европу подобно нѣкоторымъ ордамъ сейцевъ (Szu), также вторгшимся на западъ, гдѣ они, послѣ достаточнаго для воспринятія нравовъ сѣверныхъ народовъ времени, спустились на югъ подъ именемъ свевовъ, и т. д. (p. 326). Абель Ремюза, который сначала не прочь былъ видѣть въ юечжійцахъ монголовъ (Recherches sur les langues tartares, t. I, Paris, 1820, p. 247), а въ ѣда потомковъ сейцевъ, принадлежавшихъ къ племенамъ готовъ (тамъ же, p. 327) остановился впослѣдствіи на томъ, что да-юечжи суть массагеты, великіе готы (Nouveaux mélanges asiatiques, t. I, 1829, p. 220). Клапротъ въ своихъ Tableaux historiques de l'Asie (Paris, 1826) отнесъ юечжей къ племенамъ тибетскимъ, а ѣда считалъ ихъ потомками (p. p. 132—134, и Aperçu générale des cartes, p. p. VII, XII), въ концѣ же книги объявилъ это ошибочнымъ и сталъ утверждать, что имя юечжи слѣдуетъ произносить юети и что имена юети и ѣда напоминаютъ ютовъ или готовъ, которые прибыли съ Одиномъ въ Скандинавію, а потому возможно, что готы суть юечжи, пришедшіе изъ Центральной Азіи позже другихъ германскихъ народовъ (p. p. 287—289); вмѣстѣ съ этимъ онъ сталъ находить, что ефталиты были, вѣроятно, тюркскимъ народомъ съ князьями хуннскаго происхожденія: «быть-можетъ, это тюрки чи-лэ или телэ, которые въ это время (въ V в.) распространились до Джейхуна и Каспійскаго моря; вѣроятно, ихъ имя сохранилось въ имени хайтеле» (p. 258). Посвятившій «бѣлымъ хуннамъ или ефталитамъ византійскихъ историковъ» особое изслѣдованіе Вивьенъ де-Сенъ-Мартенъ, отвергая гипотезы де-Гиня, А. Ремюза

и Клапрота, пришелъ, при помощи переведенныхъ Стан. Жюльеномъ изъ компиляціи Матуаньлиня китайскихъ извѣстій, къ заключенію, что юечжи племя тибетское, а ѣда-ефталиты — ихъ потомство; тибетизмъ юечжей доказывалъ онъ тѣмъ, что они первоначально обитали въ сѣверномъ Тибетѣ; что языкъ ѣда былъ совершенно отличенъ отъ языковъ тюркскихъ и монгольскихъ, а языкъ малыхъ юечжей, оставшихся въ Наньшанѣ, былъ сходенъ съ языкомъ цяновъ или тибетцевъ, и, наконецъ, что нравы и обычаи юечжей и ѣда были сходны съ тибетскими, особенно по господству поліандріи, которая во всѣ времена была отличительной чертой тибетской народности (Etudes de géographie ancienne et d'éthnographie asiatique, Paris, 1850, t. I, Sur les Huns blancs ou Ephthalites des historiens byzantins, p.p. 283 — 286, 291 — 295). Мнѣніе Вивьенъ де-Сенъ-Мартена болѣе тридцати лѣтъ пользовалось преобладаніемъ, хотя оставались еще немногіе приверженцы арійства юечжей и ѣда, какъ сэръ Хенри Роулинсонъ (Proceedings of the R. Geographical Society, 1885, p. 579: Hiyatheleh were not Turks, but Scytho-Aryans, of the same race indeed as the ancient Sacae, and were named indifferently Tokhari and Kushan), а также считающіе юечжей племенемъ тюркскимъ, какъ Вамбери («Исторія Бохары», переводъ Павловскаго, Спб., 1873, т. I, стр. 10), Girard de Rialle (Mémoire sur l'Asie centrale, son histoire, ses populations, deuxième édition, Paris, 1875, p. 36) и др.

За неимѣніемъ переводовъ на западно-европейскіе языки статей и мѣстъ династійныхъ исторій, относящихся къ юечжамъ и ѣда, Вивьенъ де-Сенъ-Мартенъ вынужденъ былъ довольствоваться переводами изъ компилятивнаго труда Матуаньлиня. Хотя затѣмъ появились переводы изъ династійныхъ исторій Іакинфа Бичурина («Собр. свѣд.» и пр., 1851 г.), а въ 1880 г. Wylie далъ переводы отдѣла «Цянь-Хань-шу» о западныхъ странахъ, но извѣстіями слѣдующихъ династійныхъ исторій западно-европейскимъ ученымъ, для большинства которыхъ трудъ Іакинфа недоступенъ, приходилось пользоваться чрезъ посредство переводовъ изъ компиляцій. Поэтому французскій синологъ Шпехтъ оказалъ въ 1883 г. большую услугу изученію исторіи и этнологіи юечжей и ѣда, давъ переводы извѣстій о нихъ династійныхъ исторій съ нѣкоторыми комментаріями и справками въ своихъ Etudes sur l'Asie centrale d'apres les historiens chinois. I. Indo-scythes et Ephthalites (Journal asiatique, 1883, t. II, p.p. 317 — 350). Важнѣйшими изъ данныхъ Шпехтомъ впервые переводовъ являются свѣдѣнія «Лянъ-шу» о хоа и «Чжеу-шу» объ ѣда. Шпехтъ утверждаетъ, что по даннымъ этихъ свѣдѣній «ѣда не имѣютъ ничего общаго ни по происхожденію, ни по обычаямъ, ни по своей исторіи съ юечжійцами или индоскифами» (p. 335: les Yé-tha n'ont rien de commun par leurs origines, leurs moeurs et leur histoire, avec les Yué-tchi ou Indo-Scythes). Хотя со времени появленія указаннаго труда Шпехта прошло уже болѣе двадцати

лѣть, но мнѣ не встрѣчалось ни опроверженія его мнѣнія, ни обстоятельнаго разбора переведенной имъ статьи «Лянъ-шу»; между тѣмъ многіе писатели, касавшіеся послѣ того исторіи средней Азіи, приняли мнѣніе Шпехта, и одинъ изъ нихъ (Mémoire sur les Huns Ephthalites etc., par Ed. Drouin, въ Le Muséon, t. XIV, 1895, p. 142) считалъ возможнымъ утверждать, что мнѣніе о происхожденіи ѣда отъ юечжей всѣми оставлено, другіе же уклонялись отъ выраженія какого-либо мнѣнія объ этническихъ отношеніяхъ юечжей и ѣда (проф. Шаваннъ, Documents etc., 1903, p. p. 158, 159, 222 —225, д-ръ Марквартъ, Eranšahr etc., 1901, 58,59 и др.

Переведенныя Шпехтомъ свѣдѣнія «Чжеу-шу» мною приведены и разсмотрѣны уже выше. Приведемъ теперь въ переводахъ Шпехта (1883 г.) и Паркера (1902 г.) и разсмотримъ свѣдѣнія «Лянъ-шу», а затѣмъ изложимъ и разберемъ мнѣнія обоихъ переводчиковъ объ этническихъ отношеніяхъ ѣда и юечжей.

Свѣдѣнія «Лянъ-шу» о хоа и критическая ихъ оцѣнка.

Свѣдѣнія эти имѣютъ заглавіе «Владѣніе Хоа» (Le royaume de Hoa). Шпехтъ дѣлаетъ при этомъ замѣчаніе (p. 335, note 2), что по «Тунъ-тіень» (историческая компиляція, составленная танскимъ ученымъ Ту Юй, жившимъ съ 733 по 812 г., по проф. Хирту Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, 1899, S. 3) сказано: «Въ эпоху вторыхъ Вэй», т.-е. династіи Юань-Вэй, 386—534 гг.,—поясняетъ Шпехтъ,—«ихъ называли Хоа-тюнь». Если читать,—говоритъ Шпехтъ,—два знака, изображающіе имя Hoa-tun, какъ гомофоны, къ которымъ китайцы прибѣгаютъ для указанія произношенія словъ въ своихъ словаряхъ, то вышло бы H + un, т.-е. Hun. Какъ бы то ни было,—продолжаетъ онъ,—довольно вѣроятно, что именно отъ этого имени происходитъ имя Huns, которое западные писатели давали этому народу». Но «Тунъ-тіень» не словарь, и Хоа-тюнь есть имя, а не гомофоны для произношенія по ихъ первому и послѣднему звукамъ. Затѣмъ имя, подъ которымъ сдѣлались извѣстны въ Европѣ хунны, конечно, еще до перехода ихъ черезъ Донъ около 375 г., было извѣстно китайцамъ за многіе вѣка до Р. Х. и никакого отношенія къ народцу хоа, именовавшемуся по «Тунъ-тіень», въ 386—534 гг., во время династіи Юань-Вей Хоа-тюнь, не имѣетъ и происходить отъ имени хоа или хоа-тюнь, разумѣется, не можетъ.

«Этотъ народъ есть особая вѣтвь чешы'сцевъ (Tche-sse). Въ первомъ году (правленія) Young-kien (126 г. послѣ Р. Х.) династіи Младшихъ Ханей, Pa-Hoa, слѣдуя за Бань Юномъ (Pan-Young) въ одной войнѣ на сѣверѣ, отличился (заслугами). Бань Юнъ возвелъ его въ достоинство Heou-pou-thsin-han-heou» [1]). Кромѣ ссылки на главу (или книгу) 118 «Хэу-

[1]) У Паркера (The Ephthalites Turks, by E. H. Parker, въ Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1902, July, p p. 155—156) начало статьи „Лянъ-шу" о влад. Хуа (Hwah) передано такъ: It describes this mysterious State as being „another

Хань-шу», г. Шпехтъ никакихъ разъясненій по приведенному мѣсту не далъ. Обратившись къ переведенному Іакинфомъ изъ исторіи Младшихъ Ханей «Повѣствованію о западномъ краѣ», находимъ: «Въ первое лѣто правленія Юнъ-гянь, 126, Бань Юнъ» (тогдашній правитель китайскихъ вассальныхъ владѣній Таримскаго бассейна) «съ Гядэну, сыномъ (чешы'скаго) восточнаго (или задняго) владѣтеля Нунки, и съ Бахуа съ отборнымъ войскомъ, разбилъ хуннускаго Хуань-князя, почему поставилъ Гядэну заднимъ владѣтелемъ, а Бахуа сдѣлалъ княземъ [1]) («Цинь-хай-хэу») въ Заднемъ Чешы» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 134). Заднее Чешы имѣло при Младшихъ Ханяхъ населеніе около 4 т. семействъ, до 15 т. душъ, но было самымъ многолюднымъ изъ 6 чешы'скихъ владѣній, занимавшихъ восточный Тяньшань и его южныя и сѣверныя подножія (тамъ же, стр. 131—133), такъ что общая цифра душъ всѣхъ чешы'сцевъ едва ли превышала 50 т. душъ. Упомянутый Бахуа былъ, вѣроятно, однимъ изъ чешы'скихъ старѣйшинъ, титулъ же циньхайскаго (если *хай* вмѣсто han у Іакинфа не ошибка) князя данъ былъ ему, вѣроятно, отъ озера Цинь-хай, которое упоминается вмѣстѣ съ Пхулэй-хаемъ (нынѣ оз. Баркуль) (тамъ же, стр. 104). Изъ свѣдѣній о чешы'скихъ владѣніяхъ въ исторіяхъ Старшихъ и Младшихъ Ханей (тамъ же, стр. 87—97 и 131—135) видно, что чешы'сцы были народомъ кочевымъ и скотоводческимъ, хотя нѣкоторая часть не чуждалась и хлѣбопашества и даже имѣла городки или селенія. Китайскія исторіи ничего не говорятъ о языкѣ и этническихъ отношеніяхъ этого народа, но по географическому положенію ихъ страны слѣдуетъ полагать, что населеніе ея было продуктомъ смѣшенія народностей тюркскихъ, тибетскихъ и иранскихъ, какъ и населеніе таримской котловины, съ бо̀льшимъ только преобладаніемъ тюркскаго элемента вслѣдствіе большей близости тюрковъ (хунновъ). Во второй четверти V века, когда сѣверными сосѣдями были жужани, чешы'скія земли были завоеваны около 444—446 гг. бѣжавшимъ въ Дунь-хуанъ, послѣ покоренія юань-вэйцами около 440 г. при-наньшаньскихъ владѣній Цзюйкюй-Мугяня, братомъ Цзюйкюй-Ухоемъ, но въ 460 г. братъ и преемникъ послѣдняго Цзюйкюй-Аньчжеу былъ разбитъ и убитъ жужанями, которые поставили государемъ образовавшагося съ этого времени изъ чешы'скихъ земель владѣнія Гаочана одного изъ мѣстныхъ жите-

---

Kind of Küshï" (i. e. of ancient Hiung-nu sibjects, or Turks of modern Turfan). It goes on to say that „in the year A. D. 126 a certain Pah Hwah (apparently one of the rival Kü-shï Princes) assisted General Pan Yung (son of Pan Ch'ao) against the Hiung-nu, for which service he was recommended for a mediatzed marquisate". Я думаю, что вмѣсто Kü-shï въ кит. подлинникѣ стоитъ *чешы*, какъ и передалъ Шпехтъ и какъ значилось въ нижеприведенномъ текстѣ „Хэу-Хань-шу" въ переводѣ Іакинфа: подъ именемъ Гу-шы (Kü-shi) страна и народъ, о которыхъ идетъ рѣчь, извѣстны были до 88 г. до Р. Х., когда были покорены Китаемъ и раздѣлены на Чешы переднее и Чешы заднее („Цянь-Хань-шу" въ переводѣ Іакинфа, „Собр. свѣд.", ч. 3, стр. 36 и 89, а также перев. Wylie, p. 22).

[1]) Терминомъ „князь" Іакинфъ, повидимому, перевелъ Heou-pou, ибо хэу = князь, бу = родъ, такъ что выходитъ родовой старѣйшина или князь.

лей китайскаго происхожденія («Бэй-шы» въ «Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 148—151). Сь 80-хъ годовъ V в. Гаочанъ находился въ зависимости отъ гаогюйцевъ или отъ жужаньцевъ, враждовавшихъ между собою, смотря по тому, кто бралъ въ борьбѣ верхъ. Сохранилось отрывочное извѣстіе, что населеніе западнаго Чешы было переселено гаогюйцами въ Карашаръ «и здѣсь Ѣда покорилъ» этихъ переселенцевъ (тамъ же, стр. 152 и 192), вѣроятно, во время войны гаогюйцевъ съ ѣда или иданями, когда въ 507 г. идани убили гаогюйскаго государя Цюнки («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 253, и «Историческій очеркъ уйгуровъ» Д. Позднѣева, Спб., 1899 г., стр. 30). Послѣ покоренія гаогюйцевъ тюрками во второй четверти VI в. Гаочанъ перешелъ въ зависимость отъ тюрковъ. Всѣ эти свѣдѣнія возбуждаютъ сомнѣніе въ вѣрности невѣдомо на чемъ основаннаго утвержденія «Лянъ-шу» о томъ, что хоа (ѣда) суть вѣтвь чешы'сцевъ, тѣмъ болѣе, что крайне сомнительно, чтобы не только какая-нибудь часть чешы'сцевъ, но и весь чешы'скій народъ, никогда не бывшій ни многочисленнымъ, ни воинственнымъ, могъ покорить юечжей-кушановъ-кидаритовъ и овладѣть ихъ землями, тогда какъ этого не въ состояніи были выполнить Яздигердъ и Перозъ со всѣми силами Персіи.

Продолжаю изложеніе свѣдѣній «Лянъ-шу»: «При (династіяхъ) Вэй и Цзинь [1]) до настоящаго времени народъ хоа не имѣлъ сношеній съ Срединной имперіей. Въ 15 году (правленія) Thien-kien (516 г.), его царь Ye-ta-i-li-to [2]) началъ присылать посланниковъ, которые представляли произведенія своей страны. Въ первый годъ (правленія) P'ou-t'oung (520 г.) онъ прислалъ пословъ съ представленіемъ льва желтаго цвѣта, мѣха горностая и разныхъ вышитыхъ предметовъ изъ Персіи (Po-sse). Въ 7 году (520 г.) они снова представили подарки, въ числѣ которыхъ былъ плащъ (un manteau). Во время (династіи) Юань-Вэй они обитали въ (мѣстности) Санъ-гань [3]). Бывши небольшимъ народомъ подъ владычествомъ жужаней (Joui-joui) [4]), хоа постепенно сдѣлались затѣмъ большимъ и могущественнымъ (народомъ) и завоевали огромное царство, которое простиралось до владѣній (qui s'étendit jusqu'aux royaumes de) Po-sse (Персія), P'an-p'an [5]),

[1]) Династія Вэй или Цао-Вэй существовала съ 220 по 265 г., а династія Цзинь, замѣнившая ее въ южномъ Китаѣ, съ 265 по 240 г. (см. „Собр. свѣд." и пр., ч. I, стр. XXVI—XXVII).

[2]) По объясненію Шпехта, второй знакъ этого имени обыкновенно произносится tai, но онъ пишетъ ta, ибо таковымъ полагаетъ его древнее произношеніе.

[3]) Sous les Yuan -Weï (386—534) ils demeuraient à Sang-kan. По объясненію Шпехта, это рѣка, орошающая провинціи Шань-си и Це-чи-ли.

[4]) Проф. Шаваннъ передаетъ предшествующую фразу и это мѣсто такъ: Au temps où les Weï résidaient à Sang-kan, dans le nord du Chan-si, c'est-à-dire de 386 à 494, les Hoa n'étaient qu'un petit peuple soumis aux Joan-joan (Documents sur les Tou-kiue occidentaux etc., 1903, p. 222). При этомъ онъ объясняетъ справедливо: Les Weï étaient une dynastie tongouse qui, pendant plus d'un siècle, résida à Tai, sur le haut cours de la rivière Sang-kan, à l'est de Ta-t'ong-fou du Chan-si (тамъ же, note 5).

[5]) По замѣчанію Шпехта, вмѣсто этого имени въ T'oung-tièn и у Матуаньлиня значится K'o-p'an, а въ Тунъ-чжи K'o-pan-t'o. Проф. Шаваннъ полагаетъ

Ki-pin (Гибинь), Yen-ki (Карашаръ), Kieou-tse (Куча), Sou-le (Кашгаръ), Kou-me (Гумо), Yu-thien (Хотанъ), Kiu-p'an (?)» [1]). По словамъ Шпехта, послѣдняго имени въ «Тунъ-тіень» и у Матуаньлиня нѣтъ; проф. же Шаваннъ (Documents etc., p. 224) читаетъ (Tchou-) kiu-p'an (Kougiar), т.-е. это Сигюйбань или Чжугюйбо китайскихъ свѣдѣній временъ династіи Юань-Вэй, Суй и Танъ, замѣнявшее древнее Согюй и имѣвшее свою столицу не въ Кугіярѣ, какъ утверждаетъ, не указывая основаній, Шаваннъ, а на Яркендъ-дарьѣ между нынѣшними селеніями Чимду и Актамомъ, какъ выяснено уже мною («Р. Антр. Ж.», 1901 г. № 2, стр. 34 и слѣд., № 3, стр. 108 и слѣд., и стр. 131 и слѣд.).

«Страна эта», т.-е. владѣніе Хоа, «имѣетъ 1000 ли. Это страна съ умѣреннымъ климатомъ; есть горы и долины и немного деревьевъ; сѣются всѣ пять родовъ зерновыхъ хлѣбовъ. Пища населенія — изъ баранины и пшеничной муки. Животныя: левъ, двуногій верблюдъ (страусъ), дикій оселъ. У нихъ есть роговые офицеры [2]), хорошіе стрѣлки. Носятъ длинныя одежды съ короткими, обшитыми золотомъ и драгоцѣнными каменьями рукавами. Головной уборъ у женщинъ мѣховой, съ рогомъ (avec une corne), украшеннымъ золотомъ и серебромъ, высотою въ шесть футовъ и имѣющимъ форму обрѣзаннаго дерева (d'un arbre taillé). Такъ какъ женщинъ мало, то всѣ братья имѣютъ одну жену. Городовъ не имѣютъ. Живутъ въ войлочныхъ палаткахъ, которыхъ двери открываются на востокъ. Владѣтель возсѣдаетъ на золотомъ ложѣ. Ils suivent la revolution de la grande année (?). Женщинамъ дозволено принимать гостей и сидѣть съ ними. Письменъ у нихъ нѣтъ, и договоры заключаются при помощи кусковъ дерева [3]). Они имѣютъ сношенія съ сосѣдними владѣніями и отправляютъ къ нимъ пословъ. Какъ же, однако, имѣютъ они варварскія книги, писанныя на бараньихъ кожахъ, замѣняющихъ у нихъ бумагу? У нихъ нѣтъ

что слѣдуетъ, можетъ-быть, читать Ho-p'an-t'o (Ташкурганъ); см. Documents etc., p. 224, note 7.

[1]) Это мѣсто „Лянъ-шу" Шаванномъ передатся нѣсколько отлично отъ Шпехта: Les Hoa, c'est-à-dire les Hephthalites, auraient porté leurs armes non seulement en Perse, mais encore dans le Ki-pin (Kapiça), à Yen-k'i (Karachar) и т. д. (p. 224).

У Паркера (p. 156) имѣются слѣдующія отличія въ переводѣ: ... In the year 516 the King Yen-tai I-lih-t'o for the first time sent a tribute envoy; and in the year 520 a second mission was sent ... A mission was once more sent in the year 526. During the period (386—495) when the Toba Wei Dynasty (386—534) were still on the Sang-kan River (i. e., at Ta-t'ung Fu), Hwah was still petty State, and nnder the Geougen; but afterwards, gaining strength, it sent expeditions against neighbouring States, such as Persia, P'an-p'an (*sic*), Cophene..., modern Karashar, Kuche, modern Kashgar, Kumeh (near Aksu), Khotan, Kü-p'an etc., extending its domain over 1000 li (*sic*). По завѣренію Паркера (p. 158), кромѣ посольствъ 516, 520 и 526 г., упоминаемыхъ въ описаніи Hwah, въ общей части (general record) „Лянъ-шу" сказано, что царь Hwah по имени An-loh Sah-tan присылалъ посольство съ данью въ 525 г.

[2]) Des officiers des cornes, по китайски kio-jin, какъ называлась у китайцевъ какая-то должность.

[3]) Т.-е. бирокъ. Шпехтъ указываетъ на существованіе бирокъ и у тюрковъ.

администраціи. Они боготворятъ духа неба и духа огня. Каждый день они выходятъ къ порогу двери своей, чтобы совершить жертвоприношеніе духамъ; по совершеніи, преклоняютъ колѣни и заканчиваютъ поклономъ. Умершихъ хоронятъ въ деревянныхъ гробахъ. Когда умерли отецъ или мать, сыновья разрѣзываютъ себѣ уши и избираютъ для погребенія счастливый день. Ихъ языкъ былъ понятъ однимъ переводчикомъ изъ (провинціи) Хэнань (Ho-nan) и затѣмъ съ нимъ ознакомились».

У Паркера въ остальной части перевода отличія столь часты, что привожу ее цѣликомъ (p. p. 156—157): «The territory is mild and warm, whith many mountains and rivers, trees, and various grains. The natives use parched wheat and mutton (or goat) flesh as provision. Their beast include lions, two-footed (*sic*) camels, and wild asses with horns (*sic*). The men are all good archers, and wear small-sleeved fall-length gowns, with gold and jade in theirs belts. The women wear capes, with horns of carved wood on their heads, six feet (*sic*) in lenght, ornamented with gold and silver. Women being few, brothers join in one wife. There are no cities or *towns,* felt houses serving as homes, and with doors facing east. The King sits on a golden throne, turning in the direction of the *t'ai-sai* (twelve alternate starry divisions of the sideral year), and receives guests sitting in company with his wife. They have no written caracters, but use wood as tally-signs. When they correspond with adjoining States, they employ the Hu of adjoining States to do Hu writing, sheepskin serving as paper. They have no graded officials. They serve the god of heaven and the god of fire. Every day they go out at the door and worship the god, after which they eat. Their kneeling consists of one obeisance only. In burials they use wood for coffins. Where parents die, the sons cut off an ear, and when the burying is over it is counted lucky. Their talk needs the interpreting of Ho-nan (i. e., old Yüeh-chï land or modern Ordos) men to be understand".

По поводу разногласій въ приведенныхъ переводахъ гг. Шпехта и Паркера не будетъ лишнимъ имѣть въ виду слѣдующее:

1) По словамъ Паркера (p.p. 157—158), «нѣкоторые европейскіе писатели транскрибировали вполнѣ ясныя слова (plain words) Yen-t'ai въ видѣ Yeh-t'ah на томъ основаніи, что новая «Танъ-шу» (составленная четыре столѣтія позже!) считала Yeh-t'ah эпонимнымъ именемъ (an eponymons name); тѣ же писатели сдѣлали I-lih-t'o частью передаточнаго (transmissible) титула, отождествили Hwah съ ефталитами и заставили жужаней уничтожить этихъ предполагаемыхъ ефталитовъ. Къ несчастію для такого мнѣнія, жужани никогда не проникали въ Трансоксіану, и хотя они угрожали б. юечжи, но не дѣлали этого въ отношеніи къ ефталитамъ, и (жужаньскій) ханъ Брахманъ (Поломынь), тѣснимый въ 520 г. войсками (дин.) Тоба, раз-

считывалъ прибѣгнуть къ покровительству ефталитовъ, за царемъ которыхъ находились въ замужествѣ три его сестры... Сверхъ того, ни одинъ арабскій, персидскій или армянскій писатель не упоминаетъ объ этихъ жужаньскихъ повелителяхъ грозныхъ ефталитовъ, которые сражались съ персами почти цѣлое столѣтіе». Не касаясь здѣсь мнѣній, приписываемыхъ Паркеромъ неназваннымъ писателямъ, безъ указанія—гдѣ такія мнѣнія были высказаны, я нахожу достаточнымъ замѣтить, что чтеніе Ye-tai-i-li-t'o повторено и проф. Шаванномъ въ Documents sur les Tou-kiue occidentaux (1903, p. 223). Такъ какъ въ рецензіи своей на эту книгу Шаванна, опровергая отождествленіе жужаней съ «истинными аварами», Паркеръ не возражалъ противъ правильности чтенія Ye-tai-i-li-t'o (I. and A. Q. R., 1904, April, p. 340), то можно думать, что онъ отказался отъ чтенія Yen-t'ai I-lih-t'o или не нашелъ для его поддержки убѣдительныхъ доказательствъ.

2) Совпаденіе переводовъ Паркера и Шаванна того мѣста текста, въ которомъ упоминается Санъ-гань, обнаруживаетъ несомнѣнную ошибочность перевода того же мѣста у Шпехта и выясняетъ, что текстъ «Лянъ-шу» говоритъ лишь о томъ, что во время нахожденія столицы дин. Тоба въ бассейнѣ рѣки Санъ-гань,—т.-е. въ Дай, между 386 и 494 гг.,—хоа были небольшимъ народцемъ, подвластнымъ жужанямъ, впослѣдствіи же, усилившись, они предпринимали походы противъ сосѣднихъ владѣній, каковы Персія и пр., и распространили свои владѣнія болѣе чѣмъ на 1 т. ли.

3) Хотя «роговые офицеры» Шпехта мало понятны, но «ослы *съ рогами*» Паркера совсѣмъ невѣроятны.

4) Нескладицѣ перевода Шпехта о неимѣніи у хоа письменъ при существованіи, однако, варварскихъ книгъ, писанныхъ на бараньей кожѣ, слѣдуетъ, конечно, предпочесть переводъ Паркера, по которому, хотя хуа не имѣли письменъ и употребляли бирки, но для сношеній съ сосѣдними владѣніями прибѣгали къ ихъ письменамъ, при помощи людей изъ этихъ царствъ, употребляя вмѣсто бумаги бараньи кожи.

5) Невѣроятно, чтобы сынъ по смерти отца и матери отрѣзывалъ себѣ по уху. Можетъ-быть, ефталиты дѣлали по смерти родителей надрѣзы и царапины на ушахъ, какъ тюрки, которые изрѣзывали себѣ въ знакъ скорби по родителямъ лица («Танъ-шу» въ «Собр. свѣд.», ч. I, стр. 269, и Менандръ въ переводѣ Дестуниса, стр. 421 и 422); тибетцы по смерти отца или матери обрѣзывали себѣ волосы и чернили лица («Исторія Тибета и Хухунора», ч. I, стр. 128, и переводъ Бушелл'я, Journal of R. A. Society, 1880, p. 443).

6) Текстъ, въ которомъ упоминается Хэнань, вѣроятно, переведенъ Паркеромъ правильнѣе, но едва ли онъ правъ, считая тутъ Хэнань за нынѣшній Ордосъ, особенно же утверждая, что Ордосъ входилъ въ составъ земель, принадлежащихъ юечжамъ (до ухода на западъ при Модэ), такъ

какъ самъ признавалъ (p.131) территорію юечжей соотвѣтствовавшею лишь нынѣшнимъ Ша-чжеу, Су-чжеу, Гань-чжеу и Сининъ-фу. Нынѣшній Ордосъ при династіяхъ Цинь и Хань дѣйствительно назывался Хэнань, т.-е. (страна) къ югу отъ (Желтой) рѣки, но мы знаемъ изъ «Шы-цзи» и «Хань-шу», что она принадлежала не юечжамъ, а хуннамъ. Въ настоящее время имя Хэнань носитъ провинція, «занимающая южный берегъ Желтой рѣки отъ ея поворота къ восточному морю» («Собр. свѣд.», ч. 3, Геогр. указатель», стр. 84). не знаю, съ какого времени имя Хэнань присвоено этой провинціи, но для Ордоса уже въ 697 г. встрѣчается въ «Танъ-шу» именованіе Хэ-тхао, что значитъ «изгибъ или излучина Желтой рѣки» («Собр. свѣд.,» ч. 3, стр. 325, примѣч. 5). Во всякомъ случаѣ какъ въ южномъ Ордосѣ, такъ у въ западной части нынѣшней провинціи Хэнань въ первой половинѣ VI вѣка, во время дин. Лянъ, не невѣроятно существованіе остатковъ еще не вполнѣ окитаившихся хунновъ, съ одной стороны, и инородцевъ тибетскаго племени, съ другой, такъ что существованіе въ лянскую эпоху въ Хэнани потомковъ инородцевъ, понимавшихъ языкъ хоа-ѳда, едва ли можетъ рѣшить вопросъ о тюркскомъ или тибетскомъ происхожденіи этого народа.

По словамъ Паркера (p. 157), въ числѣ состоящихъ отъ Hwah въ вассальной зависимости владѣній названо въ «Лянъ-шу» нѣсколько такихъ, которыя нигдѣ и никогда болѣе не упоминаются; имя одного изъ нихъ Hu-mih-tan, о которомъ не дано никакихъ подробностей, напоминаетъ Hiu-mih, одно изъ княжествъ пяти юечжійскихъ хи-хэу ханьскихъ временъ, Hu-mih Сюань Цзана (Тамоситѣти, т.-е. Ваханъ), имя же другого Peh-t'i, находившагося «въ шести дняхъ къ востоку» (откуда—не сказано), выдается за родъ хунновъ, по поводу чего Паркеръ замѣтилъ, что такой родъ дѣйствительно существовалъ лѣтъ 700 ранѣе, но только у предѣловъ Китая [1]); описывая Хотанъ, Khavanda (Ташъ-курганъ), Персію и Куча, «Лянъ-шу» не упоминаетъ о зависимости ихъ отъ Hwah, но указываетъ, что Hwah находится на востокѣ отъ Персіи и на западѣ отъ Khavanda.

Описаніе Hwah скопировано изъ «Лянъ-шу» въ «Нань-шы» («Исторія южныхъ дворовъ», написанная тѣмъ же ученымъ, который составилъ «Бэй-шы»), но такъ какъ ни одна изъ остальныхъ династійныхъ исторій не знаетъ этой страны, о которой не упоминаютъ также ни Фа-Сянь, ни Сюань Цзанъ, ни остальные китайскіе паломники, и такъ какъ все означенное описаніе представляется апокрифическимъ и содержитъ въ себѣ больше явныхъ заблужденій, чѣмъ здраваго смысла, и «Лянъ-шу» не указываетъ своихъ источниковъ (no authority is given by the «Liang-shu»), то Паркеръ приходитъ къ заключенію, что свѣдѣнія «Лянъ-шу» о Hwah есть ничѣмъ не подтвержденная сказка (unsupported tale), происхожде-

[1]) Это Peh-t'i есть, вѣроятно, поколѣніе бай-ди, о которомъ будетъ упомянуто ниже.

ніе же ея объясняетъ слѣдующимъ предположеніемъ: во время упорной войны между Южнымъ Китаемъ и Сѣвернымъ нѣкоторые посланники изъ нынѣшняго Туркестана, — задержанные, какъ извѣстно изъ «Вэй-шу», военными дѣйствіями, — успѣли пробраться въ Нанкинъ или къ находившемуся въ походѣ лянскому императору и насказали ему или совершенно невѣдавшимъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ на дальнемъ западѣ лянскимъ чиновникамъ турусы на колесахъ; показанія ихъ чиновники и записали, какъ сумѣли (I. and Asiatic Q. Review, 1992, July, p.p. 157—159). Позднѣе (то же періодическое изданіе, 1 04, April, p. 340) г. Паркеръ высказалъ догадку, что основанное на слухахъ сказаніе «Лянъ-шу» о таинственной странѣ Hwah было, вѣроятно, результатомъ того факта, что столицею ефталитовъ былъ городъ Хуо (Hwoh), Варвализъ арабовъ, нынѣшній Кундузъ: оба китайскихъ знака двухъ именъ (Hwah и Hwoh) донынѣ произносятся въ Кореѣ Hwal, что именно и даетъ War или Wâl, и даже китайцы иногда называли этотъ городъ A-hwan. Паркеръ не указалъ, откуда именно почерпнулъ онъ свѣдѣніе о томъ, что городъ Хуо былъ столицею ефталитовъ, но такъ какъ писалъ онъ это въ рецензіи на Documents sur les Tou-kiue occidentaux пр. Шаванна, то можно полагать, что источникомъ послужили ему приведенныя тамъ (p. 123, note 6) слѣдующія строки изъ Géographie d'Aboulféda, trad. par Reinaud, t. II, partie 2, p. 207: Walwâlidj est la capitale du Tokhâristan, qui fut anciennement le royaume des Hayâtilah (Ephthalites). Однако, изъ извѣстія о томъ, что Варвализъ былъ столицею Тохаристана еще не слѣдуетъ, что этотъ же городъ былъ раньше и столицею ефталитовъ; затѣмъ, какъ бы ни произносились нынѣ въ Кореѣ два китайскихъ знака, очертанія которыхъ одно отъ другого различны (см. ихъ въ той же книгѣ Шавана, p.p. 329—330), для насъ важно только ихъ китайское произношеніе, о которомъ мы можемъ судить лишь по нынѣшнимъ Хуо и Хуа, ибо прежнее произношеніе неизвѣстно.

Вслѣдствіе этого предположеніе Паркера о связи Хуа или Хоа, какъ читаютъ французскіе синологи, съ Хуо оказывается лишеннымъ основанія. Столь же неудовлетворительно обосновано мнѣніе Паркера о томъ, что описаніе Хуа въ «Лянъ-шу» есть ни чѣмъ неподкрѣпленная сказка. Указанія на источники свѣдѣній отсутствуютъ не въ одной «Лянъ-шы», а во всѣхъ династійныхъ исторіяхъ относительно большей части ихъ содержанія. Это умолчаніе объ источникахъ не лишаетъ, однако, науку возможности въ значительной части случаевъ намѣчать эти источники на основаніи свѣдѣній о пріемахъ составленія династійныхъ исторій вообще. Ошибки и заблужденія также встрѣчаются не въ одной «Лянъ-шу» и требуютъ лишь критики и разъясненій ихъ происхожденія, а не объявленія огуломъ историческихъ извѣстій сказками, когда самъ же Паркеръ призналъ свѣдѣнія «Лянъ-шу» интересными и относящимися къ ефталитамъ (p. 157).

Критическое разсмотрѣніе извѣстій «Лянъ-шу» о хоа или хуа уже начато мною выше разборомъ ханьскихъ свѣдѣній о Бахуа, на которыя сдѣлано указаніе. Теперь я закончу это разсмотрѣніе.

По о. Іакинфу, исторіи династіи Лянъ (502—556 г.г.) и замѣнившей ее династіи Чень (557—581 г.г.) составлены были Яо Сы-лянемъ, ученымъ династіи Танъ, принятымъ основателемъ этой династіи Гао-цзу (618—626 г.) на службу къ его двору («Собр. свѣд.», ч. I, стр. XIX и XX). По свѣдѣніямъ Хирта, «Лянъ-шу» составлена въ началѣ VII вѣка (Wiener Zeitschrift für die K. des M-s, B. X, 1896, S. 230); Паркеръ указываетъ 630 г. (р. 155). Хотя одному изъ лянскихъ императоровъ, Юаню (552—555 г.г.), извѣстному своимъ покровительствомъ искусствамъ, приписывается составленіе илюстрированной книги о западныхъ странахъ, которая существовала еще въ началѣ дин. Танъ, но до насъ не дошла (Хиртъ, тамъ же); однако это обстоятельство недостаточно гарантируетъ основательность и вѣрность свѣдѣній о западныхъ народахъ и странахъ у лянской династіи, потому что, будучи отдѣлены отъ нихъ тибетскими землями и владѣніями враждебныхъ царствъ сѣвернаго Китая, лянцы не имѣли для запада никакого политическаго значенія, и за посольства съ запада у нихъ, вѣроятно, по большей части выдавали себя торговцы, желавшіе воспользоваться льготами и привиллегіями посланниковъ; въ частности изъ владѣнія Хоа послѣднее посольство было при династіи Лянъ въ 526 г., слѣдовательно за 26 лѣтъ до вступленія на престолъ Юаня, такъ что свѣдѣнія объ этомъ владѣніи, если оно значилось въ приписываемой Юаню книгѣ, не были получены отъ современныхъ книгѣ посольствъ, а взяты изъ записей показаній прежнихъ посольствъ изъ Хоа или почерпнуты изъ слуховъ и разспросовъ у посольствъ изъ другихъ западныхъ владѣній царствованія Юаня. Весьма затѣмъ возможно, что, при скудости свѣдѣній, составлявшіе книгу или лишь помогавшіе ему въ ея составленіи ученые прибѣгали къ догадкамъ. Къ такимъ догадкамъ можетъ быть отнесено поставленіе владѣнія или народа хуа на Аму-дарьѣ въ генетическую связь съ чешы'скимъ старѣйшиною ханьскихъ временъ Ба-хуа на основаніи, видимо, лишь звукового сходства второго слога имени Ба-хуа съ именемъ владѣнія Хуа или Хоа, при чемъ этотъ второй слогъ имени старѣйшины обращался въ родовое названіе, безъ всякихъ, однако, въ «Хэу-Хань-шу» или иныхъ основаній. Слѣдующая послѣ указанія на Ба-хуа историческая справка о неимѣніи у Китая сношеній съ хуа во время династій Вэй и Цзинь (220—420 г.г. по Р. Х.) и свѣдѣніе затѣмъ о нахожденіи хоа подъ владычествомъ жужаней въ періодъ 386—494 г.г. кажутся доводящими исторію хуа непрерывно до временъ дин. Лянъ (502 г.). Но это только миражъ: на самомъ дѣлѣ существованіе чешы'скаго рода хуа въ 126 г. ничѣмъ не удостовѣрено; если же такого рода у чешы'сцевъ не было, то отсутствіе свѣдѣній о сношеніяхъ съ нимъ Китая въ 220—420 г.г. ничего не доказы-

ваетъ; наконецъ, утвержденіе о нахожденіи хуа въ 386—493 г.г. подъ владычествомъ жужаней, въ видѣ маленькаго народца, не заслуживаетъ довѣрія въ виду отсутствія всякихъ объ этомъ упоминаній и свѣдѣній въ исторіи жужаней, въ свѣдѣніяхъ о владѣніи Чешы и замѣнившемъ его Гаочанѣ («Собр. свѣд.», ч. I, стр. 205—240 и ч. III, стр. 147—149 и слѣд.), а также объ ѣда (тамъ же, стр. 177—179). Лянскіе хоа и юань-вэйскіе ѣда несомнѣнно тождественны, но юань-вэйскія свѣдѣнія, по большей ихъ продолжительности (лянскія лишь съ 516 по 526 г., юаньвэйскія же и замѣнившихъ ее династій съ 455 г. по 558 г.) и по возможности ихъ пополненія и повѣрки не только разспросами несравненно болѣе многочисленныхъ посольствъ отъ ѣда, но чрезъ собственныя посольства, должны быть много полнѣе и правильнѣе, а потому пользоваться предпочтеніемъ.

Откуда, однако, взялось въ «Лянъ-шу» имя хоа или хуа, а въ «Тунъ-тіень» имя хоа-тюнь, какъ бы подтверждающее правильность перваго?

Еще Вивьенъ де-Сенъ-Мартенъ, встрѣтивъ у Матуаньлиня, въ переводѣ Абеля Ремюза, упоминаніе о Хоа (Nouveaux mélanges asiatiques, 1829, t. I, p. 243: Il y a un auteur qui pretend que ce nom de Ye-tha était primitivement celui de la famille royale du pays de Hoa, dont les habitants furent connus avant l'an 144 de J.-C., et avaient assujeti tous les royaumes voisins, la Perse... etc. [1]), узналъ въ странѣ Хоа владѣніе Хо кит. династійныхъ исторій, полагая, что обширныя завоеванія царей Хоа во II вѣкъ по Р. Х. могли быть совершены лишь царями юечжей-кушановъ, находившихся тогда въ апогеѣ своей силы (Etudes de géographie ancienne etc., Paris, 1850, t. I, p.p. 284—285). По всей вѣроятности, приведенныя свѣдѣнія, — извращенныя, особенно въ датѣ 144 г., вмѣсто 126 г. по Р. Х., самимъ Матуаньлинемъ или переводчикомъ, — были взяты изъ «Лянъ-шу». Маленькое владѣніе Хэ (такъ пишетъ это имя Іакинфъ, «Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 204, 205, 188, западно-же европейскіе синологи произносятъ Хо), имѣвшее лишь 1 т. войска и столицу въ 2 ли въ окружности, упоминается и описывается, сколько извѣстно, впервые въ «Суй-шу» и затѣмъ въ «Бэй-шы»; по нахожденію на югѣ въ нѣсколькихъ ли отъ р. Нами (Заравшана), въ 150 ли на западъ отъ Цао, лежавшаго въ сто ли на западъ отъ Кана (Самаркандъ), и въ трехъ стахъ ли на востокъ отъ вл. Малаго Ань (на сѣверѣ отъ нынѣшняго Кермине, теперь сел. Калганъ-ата, см. В. В. Бартольдъ «Туркестанъ», ч. 2, стр. 100), вл. Хо должно было располагаться около нынѣшняго Катты-кургана, на сѣверѣ отъ него.

---

[1]) По д-ру Маркварту (Ērānšahr, 61), который считаетъ *ѣ-та-и-ли-то* за титулъ, а не имя, древнее произношеніе *ѣ-та* было Jeptah=Ephtal—имя главъ орды, *и-ли* же есть тюркское *иль* (äl). Что такое остающейся слогъ *то*—г. Марквартъ не говоритъ.

Присвоеніе имени вл. Хо царству и народу ѣда можетъ быть, думаю я, объяснено тѣмъ, что въ дѣйствительности государи ѣда никакихъ посольствъ въ лянскій Китай не отправляли, такъ какъ южный Китай для нихъ никакого политическаго значенія не имѣлъ, подъ именемъ же посольствъ отъ нихъ всѣ три раза (въ 516, 520 и 526 г.г.) являлись выдававшіе себя за посланниковъ торговцы изъ вл. Хо; они, однако, могли не скрывать, что сами они родомъ изъ находящагося въ числѣ подвластныхъ царю ѣда земель вл. Хо; по незнанію или малознанію этими торговцами китайскаго языка и по трудности имѣть въ южномъ Китаѣ переводчиковъ иранскаго нарѣчія, на которомъ они говорили, рѣчи ихъ могли быть поняты такъ, что они послы отъ царства и народа Хо, при чемъ имя Хо лянцами передано знакомъ Хоа, совершенно отличнымъ отъ знака, произносимаго Хо, имя же ѣ-та (вѣроятно, ефталъ), которымъ они называли властвующій народъ и царство, принято лянцами за имя царя, съ добавленіемъ по какому-нибудь недоразумѣнію слоговъ и-ли-то, потому что считать ѣ-та-и-ли-то за ефталитъ, по моему, невозможно, ибо это византійская форма съ спеціальнымъ конечнымъ суффиксомъ *ит,* какъ и въ *кидаритъ.*

Что касается имени *Хоа-тюнь,* то упоминаніе въ «Суй-шу» и въ повторившей ея свѣдѣнія «Бэй-шы», что владѣтель Хэ имѣлъ «проименованіе» *дунь* (у Іакинфа, по Пфицмайеру же, l. c., 471, Tün) даетъ возможность думать, что хоа-тюнь должно было означать *тюнь* (т.-е. государь, князь) вл. Хоа, потому что это тюнь не какое-то «проименованіе» или Junglingsname (у Пфицмайера), а титулъ, которымъ именовался владѣтель Хо; ясно это изъ того, что во многихъ суйскихъ описаніяхъ, вѣроятно, по общему правилу данной для нихъ программы, помѣщены эти «проименованія», въ томъ числѣ государя Босы (Персіи) *кусахо,* т.-е., конечно, *хозрой,* какъ титуловались персидскіе цари. Отсутствіе имени хоа-тюнь въ «Лянъ-шу» и въ «Бэй-шы» заставляетъ предполагать, что составленіе этого имени для ѣда-ефталитовъ изъ лянскаго *хоа* и суйскаго *тюнь* есть догадка какого-нибудь танскаго ученаго, которую и помѣстилъ въ свою компиляцію составитель «Тунъ-тіень», если она не была плодомъ его собственнаго остроумія.

Основываясь на томъ, что владѣніе Хо называлось также у китайцевъ Кю-шуан-ни-кя и было около 655 г. переименовано въ округъ Гуйшуанъ, Томашекъ утверждалъ, что истинное мѣстное имя Кю-шуан-ни-кя было Кушани-катъ, т.-е. «жилище кушановъ», а это въ связи съ переименованіемъ въ округъ Гуйшуанъ показываетъ, что именно тутъ находилось мѣстообитаніе кушанскаго племени юечжей, котораго князь Кучуку подчинилъ впослѣдстіи остальныя четыре племени юечжей и основалъ кушанскую династію. Доказательствомъ того, что юечжи овладѣли первоначально Согдіаною, и отсюда уже подчинили себѣ Тохаристанъ и т. д., считалъ онъ

то обстоятельство, что князья Кана (Самарканда) признавали себя происходившими изъ царскаго дома юечжей (Sogdiana, SS. 89—91). Изъ всего этого вѣрно, какъ значится въ «Танъ-шу», что Хо или Хэ иначе именовалось Кюйшуаннига и Гуйшанни и что оно при переименованіи западныхъ владѣній въ губернаторства, округа и т. д. «обращено въ округъ Гуйшуанъ»; тамъ же сказано, что «по восточную сторону города (должно быть столицы вл. Хэ) есть двухъ-этажное зданіе (un pavillon à étages); на сѣверной его стѣнѣ красками написаны древніе императоры Срединнаго государства (т.-е. Китая); на восточной—дулгаскіе ханы и индійскіе владѣтели; на западной—владѣтели босыскіе и фолиньскіе; владѣтель, учинивъ поклоненіе предъ ними, уходитъ» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 246, и Documents etc., par Chavannes, p. 145, гдѣ послѣдняя фраза переведена: Le prince de ce pays va le matin s'y prosterner, puis il se retire). Объ этой сказкѣ достаточно замѣтить, что по своей невѣроятности она не заслуживаетъ никакого довѣрія. Не считая доказаннымъ, но и не находя невозможнымъ, что имя Хо или Хэ китайской транскрипціи есть зендское гау или *гава*, какъ предполагалъ Томашекъ (S. 96), я допускаю, что владѣніе Хо или столица его именовались также Кашаномъ (или Кашаніей мусульманскихъ писателей), но нахожу весьма мало вѣроятнымъ, чтобы имя резиденціи гуйшуанскаго или кушанскаго хи-хэу ханьскихъ временъ Хо-цзо или Хо-цзао составилось изъ именъ владѣній Хо или Гава и Цао (S. 90). Мною уже выяснено выше, согласно даннымъ «Шы-цзи» и «Цянь-Хань-шу», что Согдіаною юечжи не овладѣвали, и что она еще до прихода ихъ въ Междурѣчье подчинена была кангюйцами и осталась въ вассальныхъ къ послѣднимъ отношеніяхъ нѣсколько столѣтій послѣ завоеванія юечжами Бактріаны; поэтому противоположное предположеніе Томашека считаю я ошибочнымъ; несостоятельность же аргумента о происхожденіи княжескихъ домовъ Согдіаны отъ юечжей будетъ выяснена при обсужденіи происхожденія титула чжаову.

Мнѣнія Шпехта и Паркера о тюркскомъ происхожденіи юечжей и ѣда.

Сдѣланный выше разборъ статьи «Лянъ-шу» дѣлаетъ понятнымъ, почему «Чжеу-шу», «Суй-шу», «Бэй-шы» съ воспроизведшей ея свѣдѣнія «Вэй-шу» и, наконецъ, «Танъ-шу» оставили увѣреніе «Лянъ-шу» о происхожденіи хуа или хоа-ефталитовъ отъ чешы даже безъ упоминанія: вѣроятно, неосновательность и произвольность догадокъ «Лянъ-шу» были слишкомъ ясны и общеизвѣстны, чтобы стоило о нихъ серьезно говорить. Всѣ пять исчисленныхъ династійныхъ исторій согласно признаютъ ѣда потомствомъ юечжей и только двѣ изъ нихъ («Бэй-шы» и повторявшая ее «Вэй-шу») упомянули о существованіи сказанія о происхожденіи ѣда будто

бы отъ гаогюйцевъ, помѣстивъ вмѣстѣ съ тѣмъ положительно опровергающее это сказаніе свѣдѣніе о томъ, что языкъ ѣда совершенно отличенъ отъ гаогюйскаго. Если г. Шпехтъ находилъ согласное утвержденіе пяти династійныхъ исторій о происхожденіи ѣда отъ юечжей ошибочнымъ, то ему, очевидно, надлежало выяснить достаточными данными эту ошибочность, указать, которому изъ несогласныхъ между собою сказаній о принадлежности ѣда къ чешы или о принадлежности ихъ къ гаогюйцамъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе, по какимъ основаніямъ, и, наконецъ, въ случаѣ признанія ѣда вѣтвью гаогюйцевъ, объяснить, какимъ образомъ это могло быть, когда языкъ ѣда былъ совершенно отличенъ отъ гаогюйскаго. Вмѣсто этого Шпехтъ ограничился слѣдующимъ (p. 340, note 1): Nous avons vu, d'après *l'Histoire des Liang*, que les Hoa devaient être une nation de race turque. Cette phrase: «les Yé-tha sont de la race des Grands Yué-tchi, etc.», doit signifier que les premiers ont demeuré dans les contrées habitées anciennement par les Yué-tchi. On trouve dans les auteurs grecs des expressions semblables. Ménandre ne dit-il pas que les Turcs se nommaient anciennement Saces? Aussi M. de St.-Martin fait remarquer (Lebeau, IX, 383) que ces sortes de synonymes dans les auteurs grecs et dans les anciens, en général, indiquent seulement que les peuples qu'ils font descendre l'un de l'autre, ont successivement dominé dans les mêmes régions. Между тѣмъ въ «Лянъ-шу», какъ приведено по переводу г. Шпехта, совсѣмъ не говорится, что хоа были «народомъ тюркскаго племени», а сказано лишь, что хоа «есть вѣтвь чешы'сцевъ»; отнесеніе чешы къ народамъ тюркскимъ и выводъ, что хоа были народомъ тюркскимъ, принадлежатъ г. Шпехту, а не «Лянъ-шу». Если и допустить, что чешы народъ тюркскій, чего Шпехтъ не доказалъ, необходимо установить вѣрность увѣренія «Лянъ-шу» о томъ, что хоа есть вѣтвь чешы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это утвержденіе представляется лишь неосновательною догадкою и опровергается свидѣтельствомъ пяти династійныхъ исторій о томъ, что ѣда принадлежатъ племени юечжей. Умолчавъ объ опровергающемъ принадлежность ѣда къ тюркскимъ народамъ свидѣтельствѣ «Бэй-шы» и «Вэй-шу» о совершенномъ отличіи языка ѣда отъ гаогюйскаго, а стало-быть и вообще отъ тюркскаго, ибо гаогюйское нарѣчіе было однимъ изъ тюркскихъ, Шпехтъ думаетъ устранить завѣреніе пяти династійныхъ исторій о происхожденіи ѣда отъ юечжей увѣреніемъ, что это завѣреніе означаетъ только то, что ѣда занимали тѣ страны, которыя раньше были обитаемы юечжами. Правильно и безспорно доказать это свое увѣреніе г. Шпехтъ могъ бы лишь приведеніемъ текстовъ каждой изъ пяти исторій, которые ясно показывали бы, что составители ихъ постоянно или хотя достаточно часто признавали народы происходящими отъ племенъ, ранѣе ихъ обитавшихъ на той же территоріи, только на основаніи такого обитанія. Недо-

статочно было бы ссылаться на примѣры въ этомъ родѣ другихъ китайскихъ историковъ, ибо и у китайскихъ историковъ бывали эпохи не только прогресса, но и регресса. Хотя г. Шпехтъ не воспользовался примѣрами китайской исторической литературы, но не трудно указать на примѣры «Дай-Цинъ-и-тун-чжи» (государственная географія дин. Цинъ, т.-е. нынѣшней, манчжурской, первое изданіе которой относится къ 1743 г.) и «Си-юй-ту-чжи» («Описаніе западнаго края», составленное особой комиссіей, учрежденной въ 1756 г.). Составители послѣдняго сочиненія полагали, что усуни ханьскихъ временъ были предками нынѣшнихъ бурутовъ (т.-е. кара-киргизовъ), потому единственно, что послѣдніе обитаютъ въ тѣхъ же мѣстахъ, которыя занимали нѣкогда усуни, и имѣютъ такой же кочевой образъ жизни (Recueil de documents sur l'Asie centrale, par C. Imbault - Huart, Paris, 1881, pp. 159—161). По «Дай-Цинъ-и тунъ-чжи» усунь есть древнее имя цзунгаровъ или калмыковъ («Описаніе Чжуньгаріи» и пр., монаха Іакинфа, Спб., 1829 г., извлеченное изъ Государственной Китайской Географіи алфавитное объясненіе древнихъ мѣстъ, стр. VI и XXXVI), вѣроятно по тѣмъ же основаніямъ, по какимъ усуни признавались предками бурутовъ. Однако, промахи манчжуро-китайскихъ чиновниковъ XVIII в. не даютъ основаній полагать, что историки древнихъ династій не знали о недостаточности обитанія на однихъ мѣстахъ и сходства образа жизни для признаванія позднѣйшаго народа происходящимъ отъ древнѣйшаго и о необходимости для этого лингвистическихъ, антропологическихъ и т. д. данныхъ, въ связи съ достаточно непрерывными историческими свѣдѣніями, устраняющими возможность замѣны первоначально обитавшаго народа другими, принадлежавшими къ инымъ племенамъ, — не даютъ тѣмъ болѣе, что въ упомянутыхъ династійскихъ исторіяхъ встрѣчаются свѣдѣнія о языкахъ и о физическихъ типахъ народовъ и что перерывы въ сношеніяхъ съ западными народами были до танской династіи сравнительно незначительны.

Указаніе на Менандра (писавшаго: «Турки, въ древности называвшіеся саками, отправили къ Юстину посольство» и т. д., см. вышеуказывавшійся переводъ Дестуниса, стр. 375) едва ли удачно, потому что подъ собирательнымъ именемъ саковъ извѣстны были у персовъ (отъ которыхъ это имя проникло и на западъ) народы разныхъ племенъ, ведшихъ кочевую жизнь на сѣверѣ и сѣв.-востокѣ отъ Персіи; въ числѣ ихъ находились, кромѣ иранскихъ, и тюркскія племена кангли и сэ; истинное имя послѣднихъ было, вѣроятно, саха и оно-то, вѣроятно, обратилось у персовъ въ сака, какъ мнѣ уже приходилось высказываться. Не отвергая, что нѣкоторые западные писатели ошибочно или неосновательно присвоивали современнымъ имъ народамъ имена и происхожденіе отъ болѣе древнихъ народовъ единственно потому, что тѣ и другіе обитали въ однихъ и тѣхъ же странахъ, я не нахожу, однако, никакихъ основаній полагать, что и соста-

вители пяти династійныхъ исторій впали въ такую же ошибку относительно ѣда и юечжей.

Уклонившись отъ критической повѣрки извѣстій «Лянъ-шу» и сказанія «Вэй-шу», а также отъ выясненія, къ какому дѣйствительно племени принадлежатъ хоа-ѣда: чешыскому ли, какъ гласитъ первый источникъ, или гаогюйскому, какъ утверждаетъ второй, г. Шпехтъ настоятельно утверждаетъ, что хоа-ѣда не потомки юечжей, а совершенно особый народъ, ибо юечжи-кушаны, бывъ первоначально кочевниками, сдѣлались вскорѣ народомъ осѣдлымъ и усвоили, по крайней мѣрѣ частію, индо-эллинскую цивилизацію, тогда какъ ефталиты не имѣли монеты, остались кочевниками, по нравамъ и обычаямъ много походили на тюрковъ и практиковали поліандрію, о которой у юечжей-кушановъ не упоминается (pp. 319, 338, 349 и 350). Я уже выяснилъ выше («Р. А. Ж.», 1904 г., кн. XVII — XVIII, стр. 38), что содержащееся въ статьѣ «Цянь-Хань-шу» о б. юечжы замѣчаніе объ одинаковости «почвы, климата, вещей, обычаевъ народа и монеты» съ аньсискими относится не къ землямъ и народу юечжійскому, составлявшему менѣе трети населенія страны, а ко всей странѣ вообще и въ частности къ ея милліонному туземному иранскому населенію, къ дахясцамъ, ибо объ юечжахъ собственно сказано тамъ же, что это кочевой народъ (nation по переводу Wylie, «государство» — по неудачному выраженію Іакинфа), сходный по обычаямъ съ хуннами. Засимъ мною уже показана неосновательность мнѣнія Бойе, по которому еще при Старшихъ Ханяхъ юечжы раздѣлили между своими кланами территорію дахясцевъ на югѣ отъ Аму-дарьи, заняли города и сдѣлались осѣдлымъ народомъ: ничего подобнаго въ «Цянь-Хань-шу» нѣтъ, если же въ «Хэу-Хань-шу» говорится, что «когда Домъ Юечжы былъ уничтоженъ хуннами, то онъ переселился въ Дахя, раздѣлился на пять княжескихъ Домовъ»,— это не согласно съ свѣдѣніями «Цянь-Хань-шу», которыя, какъ основанныя на свѣдѣніяхъ современныхъ, только и должны быть почитаемы вѣрными, вопреки неточностямъ и поправкамъ составителей исторіи Младшихъ Ханей черезъ нѣсколько столѣтій послѣ эпохи Старшихъ Ханей. Что юечжы продолжали вести кочевую жизнь еще въ пятомъ, а можетъ-быть, и въ шестомъ вѣкахъ, это удостовѣряется въ вышеприведенныхъ (тамъ же, стр. 53) свѣдѣніяхъ статьи о пурушапурскихъ «малыхъ юечжы», управлявшихся потомками Кидоло, гдѣ послѣ словъ объ употребленіи золотой и серебряной монеты сказано: «Перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, слѣдуя за своимъ скотомъ, подобно хуннамъ». Въ томъ, что юечжы-кушаны-ефталы сохраняли кочевой образъ жизни девять вѣковъ своего существованія въ бассейнѣ Аму-дарьи, нѣтъ ничего безпримѣрнаго, если принять въ соображеніе, что въ средѣ существующаго здѣсь нынѣ кочевого населенія, численностью и теперь превосходящаго численность юечжей, есть роды тюркскіе и арабскіе, остающіеся кочевниками болѣе тысячелѣтія.

Сходство обычаевъ юечжей и ѣда съ хунскими и тюркскими отнюдь не означаетъ, что юечжы и ѣда принадлежали къ племени хунновъ или тюрковъ, ибо объясняется тѣмъ, что у всѣхъ кочевниковъ Средней Азіи, къ какому бы племени они ни принадлежали, существуетъ значительное сходство въ обычаяхъ, зависящее отъ сходства природныхъ условій и отъ одинаковыхъ требованій скотоводческо-кочевого и родового быта. Что касается поліандріи, то вообще свѣдѣнія древнихъ китайскихъ историковъ о нравахъ и обычаяхъ иностранныхъ народовъ очень кратки. О поліандріи въ частности они ничего не говорятъ не только у отдаленныхъ юечжей, но и у тибетцевъ (см. «Исторію Тибета и Хухунора. Переводъ съ кит. монаха Іакинфа Бичурина», Спб., 1833 г., ч. I, объ обычаяхъ цяновъ до Р. Х., стр. 2, и въ танское время, стр. 237). Объ обычаяхъ «малыхъ юечжей», оставшихся около Наньшаня и попавшихъ вскорѣ подъ владычество Китая, говорится: «Одѣяніемъ, пищею и языкомъ нѣсколько сходны съ цянами и такъ же имя или прозваніе отца и матери служитъ названіемъ роду. Большихъ родовъ считается у нихъ семь; войска въ сложности около десяти тысячъ» (тамъ же, стр. 66). За неимѣніемъ китайскихъ свѣдѣній о поліандріи у юечжей, можно довольствоваться приведенными выше (стр. 123, въ «Свѣдѣніяхъ объ ѣда въ «Вэй-шу» и пр.) извѣстіями сирійца Бардезана о такомъ положеніи женщинъ у кушановъ, которое у тибетцевъ является слѣдствіемъ поліандріи. По Прокопію кесарійскому, писавшему во второй четверти VI в., «самые богатые» изъ ефталитовъ «пріобрѣтаютъ себѣ друзей, человѣкъ до двадцати и болѣе; друзья всегда обѣдаютъ вмѣстѣ съ ними, раздѣляютъ ихъ достатокъ, имѣя на него общее съ ними право. Когда же тотъ, кто пріобрѣлъ друзей, умретъ, то, по закону, и они должны быть положены въ гробъ вмѣстѣ съ нимъ живые» («Исторія войнъ римлянъ съ персами» и пр., переводъ Дестуниса, 1862, стр. 14). Такой же оригинальный обычай существовалъ, по «Танъ-шу», у туфаней (634 — 866), т.-е. тибетцевъ: «У нихъ государь заключаетъ дружество съ вельможами. Пять или шесть человѣкъ клянутся вмѣстѣ жить и умереть; по смерти же государя, сіи вельможи сами себя предаютъ смерти, чтобы вмѣстѣ быть похороненными» («Исторія Тибета и Хухунора», Бичурина, 1833, ч. I, стр. 129 и 130; то же самое въ переводѣ Bushell'я, Journal of the Royal Asiatic Society, vol. 12, 1880, p. 443).

По мнѣнію Паркера, юечжы и усуни, — которыхъ имена произносились въ древности Et-the и O-sen, такъ какъ и въ настоящее время таково произношеніе знаковъ, которыми имена эти изображались при династіи Хань, на дюжинѣ хорошо извѣстныхъ діалектовъ (въ томъ числѣ на корейскомъ и аннамскомъ [1]), — принадлежали къ племенамъ тюркскимъ, ибо

[1]) Въ книгѣ своей A Tousand Years of Tartars, 1895, p. 30, Паркеръ склоненъ былъ думать, что древнее произношеніе имени Wu-sun было Aw-sen или Orson. О степени же довѣрія, которое можно имѣть къ опредѣленію древняго

китайскіе историки причисляли ихъ къ категоріи народовъ *ху*, изъ которой строго исключались племена тибетскія (The Ephthalites Turcs въ Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1902, July, p. 131). Въ другомъ мѣстѣ той же статьи Паркеръ опредѣляетъ ху, какъ a provokingly vague name for all Persians, Hindoos and «Tartars» (p. 135), слово же Tartar, which no European can intelligibly define, seems, in its Chinese forms, Ta-ta, Ta-ta-êrh, Ta-tsz, to belong strictly to Mongols, or to Tung-hu (i. e. Eastern Hu), who were not of Manchu race (p. 154). Всѣ эти утвержденія Паркера не подкрѣплены ни текстами, ни указаніями, по крайней мѣрѣ, на авторитеты, тогда какъ китайскіе термины для категорій инородцевъ не имѣютъ надлежащей опредѣленности и значеніе ихъ вообще спорно. Такъ, по С. Георгіевскому, инородческія племена получили «отъ китайцевъ по странамъ свѣта четыре главныхъ наименованія: *жунъ* на западѣ, *ди* на сѣверѣ, *и* на востокѣ, *мань* на югѣ» («Первый періодъ китайской исторіи», Спб., 1885, стр. 236, а также «О корневомъ составѣ кит. языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ», 1888, стр. 75). Іакинфъ утверждаетъ, что «древняя кит. исторія, когда слова *жунъ* и *ху* придаетъ къ племенамъ, обитавшимъ на сѣверѣ Китая, то разумѣетъ одниxъ монголовъ, а когда примѣняетъ сіи названія къ народамъ на западѣ Китая, то подъ словомъ *жунъ* разумѣетъ хухэнорскихъ тангутовъ, а подъ словомъ *ху* разумѣетъ племена тюркскаго и персидскаго семейства» («Собр. свѣд.», ч. I, стр. 7 и 8). По проф. Шаванну, *ху* есть désignation générale des barbares d'Occident (Documents sur les Toukiue occidentaux, p. 329), *ди* — un nom générique des barbares du Nord (p. 368), *жунъ* — nom générique des barbares (p. 332), какъ и *мань* (p. 345), а *и* просто варвары (barbares, p. 330); въ текстахъ встрѣчаются именованія западныхъ тюрковъ «западными жунами» (p. 24) и тюркскихъ племенъ чуюе, чуми и пр. «жунами, ху и ди» (p. 61).

Въ историческихъ свѣдѣніяхъ о хуннахъ, помѣщенныхъ въ «Шы-цзи» и «Цянь-Хань-шу», терминъ *ху* встрѣчается, кажется, впервые въ 307 г., когда князь удѣла Чжао Вулинъ «ввелъ въ своихъ владѣніяхъ одѣяніе кочевыхъ ху...; онъ разбилъ на сѣверѣ поколѣнія Линьху [1]) и Лэуфань, построилъ Долгую стѣну» и т. д. (Іакинфъ «Собр. свѣд.», I, стр. 9, Wylie въ J. of Anthropol. Institute, 1874, III, p. 406). Когда династія Цинь (221 — 206 гг. до Р. Х.) объединила Китай, императоръ Ши-

---

произношенія при помощи „дюжины“ нынѣшнихъ діалектовъ, можно судить по его же словамъ, предпосланнымъ произношенію Et-the и O-sen (p. 131): Jt is dangerous to lay down any absolute rule as to what foreign sounds the ancient Chinese, themselve speaking several dialects, intended to imitate when they used a given character.

[1]) Линьху, по Георгіевскому („О корневомъ составѣ кит. языка“ и пр., стр. 81 и 82), были въ 244 г. до Р. Х. истреблены или вытѣснены въ южную Манчжурію, гдѣ слились съ родственными имъ корейскими племенами.

Хуанъ-ди «отправилъ на сѣверъ противъ *ху* полководца Мынъ-тьхянь» (стр. 10, р. 407). Мы знаемъ, что тогда хунны были вынуждены очистить Ордосъ и удалиться на сѣверъ отъ Желтой рѣки, пока смуты въ Китаѣ при паденіи дин. Цинь не дозволили имъ возвратиться въ прежнія земли (стр. 11, р. 407). Мы знаемъ также, что чрезъ нѣкоторое послѣ того время хуннускій шаньюй Модэ неожиданно напалъ на кочевавшихъ на востокѣ отъ хунновъ *дунз-ху* и уничтожилъ ихъ царство, по возвращеніи же «ударилъ на западѣ на Юечжы и прогналъ его» (стр. 13, р. 409). Въ слѣдующемъ затѣмъ описаніи нравовъ, обычаевъ и пр. хунновъ во время Модэ сказано, что князья и правители западной части земель хунновъ занимаютъ «западную сторону противъ Шанъ-гюнь [1]) и далѣе на западъ до Юечжы, Ди и Кяновъ» («Собр. свѣд.», I, стр. 15). Въ переводѣ Wylie слова, отмѣченныя кавычками, переведены: the western region from Shang-keun westward as far as the Te Keang (p. 410), такъ что юежей въ этомъ переводѣ не оказывается и земли хунновъ простираются на западъ до ди и кяновъ. Я думаю, что вѣренъ тутъ текстъ и переводъ Wylie, а не Іакинфа, потому что, если Модэ прогналъ юечжей изъ прежнихъ ихъ земель, то земли хунновъ могли не доходить до удалившихся юечжей, а потому хунны граничили лишь съ ди и кянами. Терминомъ ди должны были здѣсь именоваться обитавшіе на сѣверѣ, сѣверо-западѣ и западѣ народы Кюеше (Keu-shih), Динлинъ и Гэгунь (Kih-hwang-l'ung), которые впослѣдствіи покорены были хуннами при томъ же Модэ (стр. 17, р. 411) вмѣстѣ съ владѣніями Хуньюй (Hwang-yu) и Цайли (Sin-le). Два послѣднія я опредѣлить затрудняюсь, изъ первыхъ же трехъ Кюеше кажется мнѣ возможнымъ считать за вл. Гушы, впослѣдствіи покоренное китайцами и переименованное въ Чешы; оно лежало у подножій Восточнаго Тяньшаня. Динлинами китайцы называли рыжеволосый, голубоглазый и румянолицый народъ сѣверной Монголіи, киргизской степи и южной Сибири, физическій типъ котораго еще въ танское время сохранялся у енисейскихъ кыргызовъ, говорившихъ уже по-тюркски («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 443 и слѣд.), тогда какъ съ сѣвера къ кыргызамъ прилегалъ народъ по-ма, походившій на нихъ по наружности, но говорившій особымъ языкомъ (тамъ же, 442), вѣроятно динлинскимъ, который долженъ былъ сохраниться и у потомковъ этихъ пома въ лицѣ найденныхъ русскими завоевателями Сибири на Енисеѣ ариновъ, асановъ, коттовъ и енисейскихъ остяковъ. Что же касается кяновъ, до земель которыхъ доходили земли хунновъ на западѣ въ началѣ царствованія Модэ, то это могли быть цяны или кяны, занимавшіе еще вѣроятно во время юечжей хребетъ Наньшань, такъ какъ по приводившимся мною уже не разъ кит. извѣстіямъ отставшіе

---

[1]) Нынѣ земли территорій Янъ-ань-фу и Суй-дэ-чжеу въ Шаньси („Собр. свѣд.“, Геогр. указ., стр. 101).

отъ массы юечжей при уходѣ ея на западъ малые юечжи стали жить въ южныхъ горахъ съ цянами; кромѣ того кочевники же кяны занимали окраины Тибета отъ Дунь-хуана до Хотана и Хиндукуша, начиная съ вл. Жокянъ («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 37, 45 и 47).

Въ письмѣ, посланномъ въ 89 г. до Р. Х., шаньюй хунновъ, взявшихъ въ предшествовавшемъ году въ плѣнъ лучшаго кит. полководца съ 50 т. войска, называлъ себя «сильнымъ *Ху*» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 55, въ переводѣ Wylie, p. 440, the formidable Hoo), чрезъ нѣсколько строкъ въ переводѣ Іакинфа значится «хунны», въ переводѣ же Wylie, p. 441, какъ, конечно, и въ подлинникѣ, стоитъ Hoo. Можетъ - быть, упомянутый шаньюй назвалъ себя «сильнымъ ху» въ виду того, что ху (начертаніе знака иное, чѣмъ у того же слова въ значеніи иноземцевъ сѣвера и запада) значитъ тигръ (судя по переводу у Wylie именованія одного полководца Hoo-ya чрезъ Tiger's teeth, p. 446). По завѣренію тибетскаго хутукты Миньчжула, китайское *ху*, представляющее собою извращеніе имени племени или народа хоръ, «если перевести по смыслу, значитъ сѣверный, а если перевести буквально, то значитъ покрышка» («Географія Тибета. Переводъ изъ тибетскаго сочиненія Миньчжулъ Хутукты. В. Васильева», Спб., 1895, стр. 32). Проф. Васильевъ съ своей стороны подтверждалъ: «Хоръ несомнѣнно древнее кит. ху, которое прилагалось ко всѣмъ народамъ, жившимъ на западѣ отъ Китая» (тамъ же, стр. 5). На основаніи довольно темныхъ извѣстій того же Миньчжула (стр. 53—55) и тибетскаго же сочиненія Бодимуръ (Geschichte der Ost-Mongolen, übersetzt von Schmidt, 1829, S. 359) можно допустить, что хорами именовались у тибетцевъ переселившіеся изъ южной Манчжуріи (изъ Ляодуна) къ Кукунору роды сяньбійцевъ, основавшіе здѣсь царство тукухуней (по имени его основателя), существовавшее до 663 г., когда оно было завоевано тибетцами («Исторія Тибета и Хухунора», пер. Іакинфа, 1833 г., ч. I, стр. 74—96 и 135). Если мы затѣмъ согласимся, что существующіе понынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ прежняго царства тукухуней небольшіе народцы, именуемые у разныхъ путешественниковъ и авторовъ джахурами, широнголами, далдами и пр. (см. интересные и содержательные «Матеріалы по этнологіи Амдо и области Кукунора» Г. Е. Грумъ-Гржимайло въ «Извѣстіяхъ И. Р. Геогр. О.», томъ 39, 1903 г.), суть остатки хоровъ-тукухуней-сяньбійцевъ, то ихъ слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ признать потомками дунъ-ху, такъ какъ по «Хэу-Хань-шу» сяньбійцы были отраслью дунъ-ху («Собр. свѣд.», ч. I, стр. 162). Изучавшій языкъ названныхъ народцевъ по словарямъ и образцамъ, собраннымъ Г. Н. Потанинымъ («Тангутско-тибетская окраина Китая», т. II, стр. 410—425), проф. А. О. Ивановскій призналъ языкъ этотъ монгольскимъ, но нашелъ, что въ фонетическомъ отношеніи онъ очень напоминаетъ дахурскій, при чемъ нѣкоторыя слова, сохранившіяся только въ дахурскомъ языкѣ, существуютъ и

въ немъ; затѣмъ въ него входятъ слова тибетскія, китайскія и тюркскія, очевидно заимствованныя уже впослѣдствіи. Съ своей стороны, въ виду завѣренія проф. Васильева («Исторія и древности вост. части Средней Азіи» въ «Трудахъ В. О. И. Р. Арх. О.», ч. 4, стр. 30 и 130), что дахуры ближе къ манчжурамъ, чѣмъ къ монголамъ, и что языкъ ихъ занимаетъ средину между монгольскимъ и манчжурскимъ, я полагаю, что, быть-можетъ, было бы правильнѣе считать языкъ широнголовъ - хоровъ - сяньбійцевъ не монгольскимъ, а дахурскимъ, такъ какъ по уходѣ сяньбійцевъ въ сѣверный Тибетъ пріобрѣсти имъ тамъ даурскія слова и фонетику было не у кого, тогда какъ монгольскіе элементы ихъ языка легко могли умножиться и усилиться подъ владычествомъ и вліяніемъ монголовъ со временъ Чингизъ-хана и калмыковъ съ XVII в. Такъ какъ дахуры къ манчжурамъ ближе, чѣмъ къ монголамъ, то и предки сяньбійцевъ дунъ-ху могутъ быть вѣроятнѣе почитаемы племенами тунгузскими, чѣмъ монгольскими. Въ имени хоръ я отказываюсь видѣть китайское ху, къ чему нѣтъ никакихъ основаній, и предпочитаю предполагать *дахуръ,* сокращенное въ *хуръ* и измѣненное въ *хоръ*, хотя сохранилась и близкая къ *дахуръ* форма *джахуръ*, гдѣ *да* передѣлано въ тибетское *чжа* или *джа*. Въ имени же *дунъ-ху* я готовъ видѣть сокращенное и измѣненное на китайскій ладъ имя *тунгузъ*. Въ такомъ случаѣ дунъ-ху съ именованіемъ категоріи инородцевъ ху ничего общаго не имѣло и переводу «восточные ху» не подлежитъ. По этой же причинѣ недопустимы «западные ху», сочиненные, кажется, нѣкоторыми синологами (Wylie, p. 410, note 49, а также Visdelou, Bibliothèque orient., 1779, IV, p. 48) вслѣдствіе перевода дунъ-ху «восточные ху». Паркеръ утверждаетъ (A Tousand Years of the Tartars, 1895, p. 119), что терминъ *си-ху* встрѣчается, хотя и очень рѣдко, но текстовъ или доказательствъ, по обыкновенію, не даетъ.

Выше изложенное даетъ достаточныя основанія заключить, что жунъ, ди, и, мань и, наконецъ, ху суть не этническія, а скорѣе географическаго значенія именованія категорій инородцевъ, подобныя терминамъ *скифы* у классическихъ народовъ и *саки* у персовъ, а потому тибетскія племена, попадавшія на сѣверо-западъ или западъ, всѣ народы которыхъ зачислялись въ категорію ху, какого бы происхожденія и языка ни были, также должны были попадать въ категорію ху [1]). Но это, конечно, не мѣшало имъ оставаться народами тибетскаго языка. Мы видѣли, что «Бэй-шы» положительно удостовѣряетъ, что языкъ ѣда совершенно отличенъ отъ языковъ жужаньскаго, гаогюйскаго и другихъ ху. Такъ почти перевелъ и Паркеръ, но въ виду невозможности вслѣдствіе этого считать ѣда и юечжей за тюр-

---

[1]) Такъ о „нѣсколько" сходныхъ съ цянами (тибетцами) по языку остаткахъ юечжей въ Чжанъ-ѣ (нынѣ Гань-чжеу) у кит. историковъ (кажется, въ „Хэу-Хань-шу") говорится, что они назывались И-цунъ-ху, т.-е. добровольно поддавшіеся инородцы („Исторія Тибета и Хухунора", 1833 г., ч. I, стр. 66).

ковъ онъ прибѣгъ къ предположенію, что отличіе языка Ѣда отъ языковъ жужаней, гаогюйцевъ и пр., вѣроятно, произошло вслѣдствіе вліянія на него языка ихъ арійскихъ сосѣдей (р. 147: prabably affected by their Aryan surroundings). Это предположеніе ни на чемъ не основано и опровергается историческими примѣрами. Такъ тюркскія племена, водворившіяся на Аму-дарьѣ и вообще на персидскихъ земляхъ, при сельджукидахъ въ XI в., при нашествіи монголовъ въ XIII стол., при вторженіи узбековъ въ началѣ XVI в., донынѣ сохранили свой языкъ и частію даже кочевой образъ жизни. Весьма поэтому естественно, что и юечжи-Ѣда могли сохранить свой языкъ, хотя бы и тибетскій, съ I в. до Р. X. до половины VI в. послѣ Р. X., пока удерживали въ своихъ рукахъ владычество въ бассейнѣ Аму-дарьи.

в) Свѣдѣнія юань-вэйскаго посольства 519—520 гг.

Посольство, при которомъ состояли Сонъ Юнь и Хой Сенъ, доставившіе о немъ свѣдѣнія, помѣщенныя въ исторіи храмовъ въ Лоянѣ, вступило изъ владѣнія Бо-хо (Ваханъ) въ предѣлы царства Ѣда (Ye-ta) въ началѣ десятаго мѣсяца (въ декабрѣ 519 г.). Долины (les champs) обширны, горы и озера простираются за предѣлы зрѣнія. Народъ не живетъ въ городахъ, а ведетъ кочевую жизнь, въ войлочныхъ палаткахъ, слѣдуя за потоками водъ и отыскивая мѣста, обильныя травами. Лѣтомъ идутъ въ мѣстности прохладныя, зимою же ищутъ умѣренныя. Ѣда получаютъ дань со всѣхъ сосѣднихъ владѣній, числомъ около сорока, которыя простираются на югъ до Тѣлэ (Tie-le), на сѣверъ до Лай-лэ (Lai-le), на востокъ до Юйтяни (Iu-thian = Khotan), на западъ до Бо-сы (Po-sse = la Perse). Всѣ государи этихъ владѣній являются ко двору ихъ для изъявленія зависимости (переводъ Стан. Жюльена, помѣщенный въ Asie centrale, par A. de-Humboldt, Paris, 1843, t. 2, p.p. 459 — 460). Вмѣсто Tie-le въ переводахъ другихъ синологовъ значится: у Неймана (Zeitschrift für die historische Theologie, B. 3, zweites Stück, Leipzig, 1833, S. 162) Tie-lo, у Биля (Travels of Fa-hian and Sung-yun, London, 1869, p. 184) Tieh-lo, можетъ-быть, по его мнѣнію, Химотало Сюань Цзана, у проф. de Groot (Marquart's Erānšahr, 1901, S. 216) Tieh-lo, что произносилось Tiep-lo; взамѣнъ Lai-le Стан. Жюльена стоитъ: у Неймана (тамъ же) Tschi-le, у Биля (p. 185) Lae-leh, но съ замѣчаніемъ, что можно читать и Chih-leh, у проф. de Groot (S. 216) T'ik-k'in. Далѣе въ свѣдѣніяхъ того же посольства о владѣніи Гандарѣ (Kan-to-lo) сказано, что оно первоначально имѣло имя, по Нейману (S. 172) и Билю (p. 197 и поправка въ Errata) Nie-po-lo, по проф. de Groot (S. 211) Yeh-p'o-lo; что оно было опустошено Ѣда'сцами, которые поставили въ немъ государемъ по Нейману Li-tschi-le, по Билю Lae-lih, по de Groot'y T'ik-lek, и что съ того времени прошло

уже два поколѣнія (Нейманъ и Биль, по de Groot'у же: schon die zweite Generation den Tron bestiegen).

При опредѣленіи правильнаго чтенія спорныхъ именъ необходимо принимать въ соображеніе несомнѣнно заимствованныя изъ отчетовъ о посольствѣ Сонъ Юня съ тов. въ «Бэй-шы» и оттуда въ существующую «Вэй-шу» свѣдѣнія о владѣніи Гандарѣ: По переводу Іакинфа («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 181), «владѣніе Кяньто лежитъ отъ Учана къ западу. Подлинное его названіе есть Ѣбо. Когда Ѣда покорилъ Кяньто, то перемѣнилъ ему названіе. Владѣтель его произошелъ изъ смежнаго владѣтельнаго Дома Чилэ, и царствуетъ уже въ третьемъ колѣнѣ». Переводъ проф. de Groot'a изъ «Вэй-шу» (Marquart's Erānšahr, 211): Das Reich Kan-t'o (Gandhāra) liegt westlich von U-čang. Ursprünglich hiess es Jeh-p'o, aber nachdem es durch die Jeh-tah niedergeworfen war, erhielt es den anderen Namen. Der Fürst ist eigentlich ein t'ik-lek; er ist der zweite regierende Fütst seines Hauses. Паркеръ, изъ «Вэй-шу», приводитъ, что Kan-t'o State (the same as Kan-to-lo, Kien-t'o-lo or Gândâhar) is west of Udyâna, and was originally called Yeh-po until the Yeh-t'ah conquered them ats changed its name. Its King was originally a Ch'ih-lêh (i. e. Tölös, or early Ouigohr) and two generation of them reigned.; there were three years war with Kipin (p. 149). Проф. Шаваннъ переводитъ изъ «Бэй-шы»: «(Le Gandhâra) était appelé primitivement *Che-po*; il fut détruit par les Hephthalites et c'est alors qu'il changea de nom. Le roi était à l'origine un *tch'e-le* (tegin); il gouverne ce pays depuis deja deux générations». Cette dernière phrase doit être sans doute entendue dans ce sens que deux rois se sont succédé sur le tron (Documents etc., 1903, p. 225, note 3).

Имѣя переводъ de Groot'a и принимая въ соображеніе, что въ китайскихъ исторіяхъ произведена ошибочная замѣна термина t'ik-kin (tigin) терминомъ T'ik-lek (проф. Шлегель въ T'oung-pao, vol. VII, 1896, p. 158 и слѣд., и Parker въ China Review, XXIV, 1900, p. 128), д-ръ Маркварть нашелъ, что такая же ошибочная замѣна произведена въ текстѣ Сонъ Юня и въ «Вэй-шу», т.-е. вмѣсто T'ik-lek слѣдуетъ читать тигинъ, такъ что у ефталитовъ принцы именовались, какъ и у тюрковъ, тегинами. Относительно же пограничности земель ефталитовъ на югѣ съ Tiep-lo и на сѣверъ съ T'ik-kin д-ръ Маркварть разсудилъ, что имена эти доселѣ не встрѣчались въ качествѣ именъ для странъ, но такъ какъ у Сонъ Юня тиккиномъ или тегиномъ названъ царь Гандары, находившейся на югѣ отъ земель ефталитовъ, то нашелъ возможнымъ, что имена Tik-kin и Tiep-lo попали въ текстѣ ошибочно одно на мѣсто другого, а потому, смотря и на Tiep-lo, какъ на княжескій же титулъ, полагалъ, что данное мѣсто слѣдовало бы читать: «на югѣ до Тиккина (въ Гандарѣ), на сѣверѣ до Tiep-lo» (S. 216). Въ рецензіи (Journal asiatique, 1901, No-

vembre-Décembre, p. 553) на Eranšahr Маркварта, пр. Шаваннъ замѣтилъ, что знаки Tie-le суть не только ошибочная транскрипція имени тегинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и имя народа телесовъ древне-тюркскихъ надписей, о которомъ въ «Тан-шу» сказано: «называли ихъ также Tch'e-le, изъ котораго ошибочно сдѣлали Tie-le»; многочисленные роды этихъ тѣ-лэ простирались по «Суй-шу» отъ р. Толы до границъ римской имперіи, стало-быть, должны были граничить съ землями ефталитовъ на сѣверѣ. Поэтому тѣ-лэ правильно показаны Сонъ Юнемъ на сѣверной границѣ ѣда, хотя, онъ, Шаваннъ, не можетъ выяснить, что такое Tie-lo, показанный на югѣ. Въ Documents sur les Tou-kiue occidentaux (St.-Pét., 1903, p. 225, note 5), давъ выше приведенный переводъ изъ «Бэй-шы», г. Шаваннъ писалъ: On sait que le titre turc de tegin est constamment écrit en Chinois *t'e-le*, au lieu de t'e-k'in; anciennement on se servait aussi de l'orthographie *tch'e-le* (cf. *Tse tche t'ong kien*, chap. CLXIV, p. 7 r⁰), Les mots *tch'e-le* transcrivent aussi parfois le nom du peuple Tölös (cf. *T'ang chou*, chap. CCXVII, a, p. I r⁰); mais il ne semble pas qu'il faille recourir ici à cette explication; l'interprétation *tegin* nous est en effet garantie par le texte de *Song Yun* (*Lo yang kia lan ki*, chap. V, p. 9 v⁰ et 10 r⁰): „(Le Gandhâra) était appelé primitivement royaume de Che-po-lo; il fut détruit par les Hephthalites qui nommèrent alors roi un *tch'e-kin* (tegin); depuis que celui-ci a pris le gouvernement jusqu'à maintenant, deux générations se sont déjà écoulées". Что князья Гандары дѣйствительно носили титулъ тегинъ, это, по словамъ Шаванна, подтверждается, какъ указалъ ему Сильвэнъ Леви, *Раджатарангини*, гдѣ говорится объ одномъ изъ нихъ, названномъ thakkana (tegin).

Чтеніе одного и того же имени или титула въ одномъ и томъ же мѣстѣ реляціи о посольствѣ Сонъ Юня съ тов., какъ выше приведено, у наиболѣе свѣдущихъ синологовъ различно до того, что гдѣ одинъ читаетъ Лай-лэ, другой находитъ Чи-лэ, третій Тик-кинь, четвертый Че-кинь. Изъ замѣчанія Стан. Жюльена о томъ, что Нейманъ пользовался дурнымъ изданіемъ (Journal asiatique, 1847, t. X, p. 273), и изъ объясненія Шаванна (Documents etc., p. 225, note 5), что Биль имѣлъ изданіе, гдѣ знаки, которые онъ, Шаваннъ, читаетъ tch'e-kin, даны совершенно отлично и прочитаны Билемъ Hae-lih, слѣдуетъ заключить, что существуютъ нѣсколько изданій, между собою сильно разнящихся. Такъ какъ «Исторія храмовъ въ Лоянѣ» въ продолженіе двѣнадцати вѣковъ издавалась, вѣроятно, много разъ усердіемъ ревнителей буддизма и монастырей, но безъ того вниманія и точноности, которыхъ слѣдуетъ ожидать отъ офиціальныхъ изданій династійныхъ исторій, производившихся по правительственнымъ распоряженіямъ, то имѣющимся изданіямъ «Исторіи храмовъ въ Лоянѣ» слѣдуетъ, въ случаяхъ разнорѣчія, отдавать предпочтеніе тексту «Бэй-шы» въ тѣхъ мѣстахъ послѣдняго

которыя должны были быть заимствованы изъ реляціи Сонъ Юня, тѣмъ болѣе, что редакторы «Бэй-шы» имѣли не только возможность пользоваться древнѣйшими, еще неиспорченными, текстами реляціи, но, быть-можетъ, имѣли въ своемъ распоряженіи и какія-нибудь офиціальныя данныя юань-вэйскихъ архивовъ объ этомъ посольствѣ. Поэтому, до той по крайней мѣрѣ поры, пока существующіе тексты реляціи посольства Сонъ Юня не будутъ подвергнуты сличенію и научному изученію, при пособіи различныхъ данныхъ китайской исторіи и литературы, слѣдуетъ отдавать преимущество тексту «Бэй-шы». Вслѣдствіе этого и такъ какъ въ «Бэй-шы» имя или титулъ и т. д. посаженнаго эфталитами царя читается Іакинфомъ, Паркеромъ и Шаванномъ одинаково Чилэ, Chih-lêh и Tch' e-le, и съ ними сходится Нейманъ (если изъ Li-tschi-le отбросить лишнее Li), слѣдуетъ, согласно чтенію этого большинства свѣдущихъ синологовъ, признать правильнѣйшимъ въ «Бэй-шы», а потому и въ реляціи Сонъ Юня съ тов., чтеніе имени, титула или рода-племени посаженнаго въ Гандарѣ царя *Чилэ*. Засимъ, что касается до именъ странъ, народовъ, племенъ, или царскихъ ихъ родовъ, до которыхъ по реляціи Сонъ Юня простирались владѣнія ѣда на сѣверъ и на югъ, то, за неимѣніемъ тутъ руководства «Бэй-шы», приходится слѣдовать указаніямъ большинства свѣдущихъ синологовъ, если не встрѣтится достаточныхъ основаній для иного рѣшенія. Для имени на сѣверной границѣ должно принять чтеніе *Чилэ* согласно большинству синологовъ, которое составляется изъ Неймана (Tschi-le) Биля (Chih-leh) и Шаванна (1901 г., Tch'e-le). Для имени на южной границѣ три же синолога даютъ чтеніе *Тѣ-ло*, именно Нейманъ Tie-lo, Биль Tieh-lo и de Groot Tieh-lo, но сомнительно, чтобы такое чтеніе было правильно, потому что до сихъ поръ не оказалось ни одной страны, народа, племени или рода, царства съ подобнымъ именемъ на вѣроятныхъ южныхъ границахъ ѣда V или VI в. в., почему мнѣ кажется необходимымъ принять чтеніе Ст. Жюльена *Тѣ-лэ*, имѣвшаго, быть-можетъ, наиболѣе въ данномъ случаѣ исправное изданіе текста, такъ какъ такое имя даетъ возможность понять и объяснить причины разнообразія китайскихъ текстовъ разныхъ изданій, а также опредѣлить, кого или что означаютъ разсматриваемыя имена. Ключемъ для этого является вышеупомянутое свидѣтельство «Танъ-шу» (Собр. свѣд.», ч. I, стр. 373) о томъ, что гаогюйскія племена именовались также *чилэ* и *тѣлэ*. Ниже мною будетъ показано, на основаніи кит. историческихъ свѣдѣній, что къ VII в. племена тѣлэ простирали свои кочевки на юго-западъ до Сыръ-дарьи и что еще въ началѣ VI в. ѣда имѣли съ ними то враждебныя, то дружественныя столкновенія и отношенія, изъ чего ясно, что въ 520 г. сѣверными сосѣдями ѣда дѣйствительно были тѣлэ или чилэ, а потому чтеніе въ реляціи Сонъ Юня съ тов. чилэ оказывается соотвѣтствующимъ исторической дѣйствительности. Мы увидимъ затѣмъ, что около половины V в. обстоятельства были таковы, что допускали вѣроятность

нахожденія на службѣ у ѣда значительныхъ отрядовъ гаогюйцевъ, а потому дѣлали возможнымъ отдачу одному изъ полководцевъ или главному предводителю отрядовъ изъ чилэ-тѣлэ завоеванной Гандары въ вассальное владѣніе: имя Чилэ для перваго царя Гандары, посаженнаго ѣда, оказывается именемъ его племени—чилэ, но такъ какъ племя имѣло другое имя—тѣлэ, то въ реляціи Сонъ Юня оно употреблено для означенія Гандары этимъ именемъ при указаніи южной границы владѣній ѣда до Гандары, наименованной Тѣлэ по другому имени племени ея династіи. На пути кит. посольства, какъ видно изъ его реляціи и «Бэй-шы», зависящія отъ ѣда владѣнія доходили до Гандары, но о зависимости Гандары, хотя основатель ея династіи былъ посаженъ въ цари ея ефталитами, умалчивается, безъ сомнѣнія потому, что сдѣлавшіеся скоро вслѣдствіе своихъ завоеваній въ Индіи могущественными цари дин. хуна освободились отъ подчиненія ѣда. И это уцѣлѣвшее въ индійскихъ историческихъ памятникахъ имя *хуна* подтверждаетъ, что династія была гаогюйскаго происхожденія, ибо гаогюйцы дѣйствительно происходили отъ хунновъ, очень мало отличаясь и по языку («Бэй-шы» въ «Собр. свѣд.», ч. I, стр. 248), и въ V в. эта принадлежность ихъ къ племенамъ хунновъ не была еще забыта ни самими ими, ни другими народами Азіи.

Переводъ Іакинфа изъ статьи «Бэй-шы» о вл. Кяньто: «Владѣтель его произошелъ изъ *смежнаго* владѣтельнаго дома Чилэ»—совпадаетъ съ только-что сдѣланными мною выясненіями о томъ, что племя чилэ дѣйствительно было «смежно» съ ѣда на сѣверѣ ихъ владѣній. Я думаю, это указаніе на «смежность» есть и въ кит. текстѣ, хотя почему-то ускользнуло отъ вниманія остальныхъ переводчиковъ кромѣ Іакинфа. Переводъ Іакинфа «и царствуетъ уже въ третьемъ колѣнѣ» мнѣ кажется по смыслу совпадающимъ съ переводами Паркера и Шаванна, т.-е. гласитъ, что къ данному времени, къ 520 г., царствовалъ уже третій царь династіи, внукъ, послѣ отца и основателя династіи, дѣда.

Послѣ вышеприведеннаго (стр. 150), въ свѣдѣніяхъ о посольствѣ Сонъ Юня содержится описаніе представленія посольства царю ѣда и богатыхъ нарядовъ придворныхъ дамъ, которыя носили, между прочимъ, на головахъ рогъ длиною въ восемь и болѣе футовъ, часть котораго на три фута состояла изъ краснаго коралла (Биль, p. 186), по Нейману же, (S. 163) супруга царя носила не рогъ, а двѣ косы, одна длиною въ восемь футовъ и другая въ три фута. Подобные же головные уборы употребляли жены вельможъ, съ роговъ которыхъ висѣли кругомъ ленты (veils), образуя какъ бы балдахины. Изъ числа всѣхъ варварскихъ народовъ, это—самый могущественный. Большинство—невѣрующіе (въ Будду и его ученіе). Многіе поклоняются ложнымъ богамъ. Убиваютъ животныхъ и ѣдятъ ихъ мясо. У нихъ обиліе всякихъ драгоцѣнностей, которыя доставляются въ видѣ даней изъ всѣхъ окрестныхъ странъ. Дознано, что разстояніе страны ѣда отъ

китайской столицы превышаетъ 20 т. ли (Биль, p. 186). Такъ какъ посольство вступило въ предѣлы Вахана (Po-ho) въ средней декадѣ 9 мѣсяца (p. 183) и прибыло въ страну ѣда въ первой декадѣ 10 мѣсяца (p. 184), а въ I-й декадѣ 11-го мѣсяца вышло уже изъ страны ѣда въ предѣлы владѣнія Бочжи, то, принимая въ соображеніе, что, при необходимости употребить дней десять на путь чрезъ Ваханъ и по крайней мѣрѣ недѣли двѣ на пребываніе при дворѣ царя ѣда, слѣдуетъ полагать, что посольство не проникало на западъ далѣе предѣловъ нынѣшняго Бадахшана. Вслѣдствіе этого разстояніе въ 20 т. ли до страны ѣда несомнѣнно значительно преувеличено. По догадкѣ Маркварта (S. 240, Anmerk. 3), 20 т. ли есть ошибка вмѣсто 10 т. ли, но вѣрнѣе думать, что не озаботившіеся собираніемъ точныхъ свѣдѣній о пройденныхъ разстояніяхъ члены посольства опредѣлили общее разстояніе въ 20 т. ли гадательно, желая большой цифрой выразить, что разстояніе дальнее. Въ заключеніе не лишне отмѣтить, что сличеніе реляціи о посольствѣ 519—520 г. г. съ свѣдѣніями объ ѣда «Бэй-шы» показываетъ, что редакторъ «Бэй-шы» помѣстилъ многія весьма важныя свѣдѣнія, совершенно отсутствующія въ реляціи упомянутаго посольства, каковы особенно извѣстія о поліандріи, объ особомъ языкѣ, о численности ѣда и пр.; его свѣдѣнія объ обычаяхъ гораздо опредѣленнѣе, въ томъ числѣ и о рогахъ на головныхъ уборахъ женщинъ, по поводу которыхъ реляція Сонъ Юня даетъ свѣдѣнія смутныя и частію мало правдоподобныя, особенно относительно длины роговъ въ восемь и болѣе футовъ, безъ всякаго при томъ объясненія столь страннаго обычая. Все это побуждаетъ полагать, что составители «Бэй-шы» пользовались, кромѣ реляціи посольства 519 г., гораздо болѣе солидными и цѣнными источниками, которые до насъ не дошли. Можетъ-быть, источниками этими служили первоначальныя редакціи «Вэй-шу» или литературные источники; и тѣ, и другіе могли пользоваться юань-вэйскими офиціальными данными.

г) Юань-вэйскія свѣдѣнія о столкновеніяхъ ѣда съ гаогюйцами.

Свѣдѣнія эти я извлекаю изъ историческихъ извѣстій «Бэй-шы» о хойху, какъ именовались также гагюйцы, они же чилэ и тѣлэ, въ переводѣ Іакинфа («Собр. свѣд.» и пр., ч. I, стр. 248—255), являющемся единственнымъ, кажется, переводомъ этого отдѣленія «Бэй-шы» на европейскіе языки. Поссорившись съ жужаньскимъ ханомъ Дэулунемъ, вступившимъ на престолъ въ 485 г., глава гаогюйскаго рода фуфуло Афучжило ушелъ около 487 г. на западъ, уведя съ собою свой народъ, простиравшійся свыше 100 т. кибитокъ. «По прибытіи» отъ прежняго аймака (такъ слѣдуетъ читать вмѣсто ошибочно значащихся у Іакинфа словъ «отъ передняго поколѣнія», см. Д. М. Позднѣева «Историческій очеркъ уйгуровъ», Спб., 1899 г., стр. 24) «на сѣверо-западъ, Афучжило объявилъ

себя независимымъ», вслѣдствіе чего началась съ жужанями война, въ которой Афучжило успѣшно отразилъ Дэулуня. Переселеніе на западъ (по мнѣнію Іакинфа, слѣдующаго, конечно, китайскимъ комментаторомъ, «съ вершинъ Селенги на западъ къ Иртышу») Афучжило совершилъ совмѣстно съ своимъ двоюроднымъ братомъ Цюнки, на новыхъ же мѣстахъ «они раздѣлили аймакъ и каждый управлялъ своею половиною. Афучжило жилъ на сѣверной, а Цюнки—на южной сторонѣ». Послѣ свѣдѣній о посольствѣ отъ Афучжило въ 490 г. къ юань-вэйскому двору «Бэй-шы» продолжаетъ: «Впослѣдствіи иданьцы убили Цюнки, и въ плѣнъ взяли сыновей и внуковъ его, какъ-то Мивоту и пр.» Д. М. Позднѣевъ, пользующійся «Бянь-и-дянь» (часть одной изъ большихъ историческихъ компиляцій), даетъ (стр. 30) для этихъ событій 507 г. «Послѣ Афучжило былъ государемъ Баліянъ. По прошествіи года Идань объявилъ войну гаогюйцамъ, чтобы они приняли Мивоту. Баліянъ былъ убитъ и Мивоту сдѣлался государемъ». Въ 516 г. Мивоту попался въ плѣнъ къ жужанямъ и былъ убитъ. «Народъ Мивотуева аймака ушелъ къ Иданю» (далѣе продолжаю по переводу Д. М. Позднѣева, ибо у Іакинфа видимыя несообразности) и поставилъ надъ собою правителемъ младшаго брата убитаго Ифу («Истор. очеркъ уйгуровъ», стр. 34). Ифу и преемники его продолжали воевать съ жужанями съ перемѣнными успѣхами, пока жужани не были уничтожены тюрками, которые подчинили себѣ и гаогюйцевъ («Собраніе свѣдѣній», ч. I, стр. 255, 266,267 и 271).

По мнѣнію Д. М. Позднѣева, при уходѣ изъ - подъ власти жужаней, Афучжило и Цюнъ - ци, каждый съ своею ордою, «двинулись изъ юго-восточной части степи, но, вѣроятно, въ разныя мѣста. Афу-чжи-ло, по нашему мнѣнію, ушелъ къ Байкальскому бассейну, въ плодородныя долины Толы, Орхона и Селенги, а Цюнъ-ци на западъ нагорья (?) къ Восточному Туркестану, при чемъ гдѣ-то около Алтая (Цзинь-шань) ему пришлось выдержать рядъ битвъ съ Нагаемъ» (стр. 25). Мнѣніе это представляется лишеннымъ всякихъ основаній. Въ исторіи жужаней («Бэй-шы», въ «Собраніи свѣдѣній», ч. I, стр. 221) говорится: «Въ Дэулуневыхъ владѣніяхъ гаогюйскій Афучжило съ 100,000 своего народа ушелъ *на западъ* и объявилъ себя государемъ. Дэулунь и дядя его Нагай погнались за нимъ двумя дорогами. Дэулунь пошелъ по сѣверную сторону горъ Суньги на западъ; Нагай пошелъ отъ Золотыхъ горъ (г. Позднѣевъ поправилъ: «а Нагай удалился отъ горъ Цзинь-шань»). Афучжило разбилъ Дэулуня, а Нагай въ каждомъ сраженіи одерживалъ верхъ», въ результатѣ чего жужаньскіе вельможи убили Дэулуня и возвели на престолъ Нагая. И тутъ, слѣдовательно, именно сказано, какъ и въ свѣдѣніяхъ о хойху, что Афучжило ушелъ «на западъ», а не на сѣверъ, какъ онъ долженъ былъ бы направляться, если бы ушелъ къ Байкалу. Опровергается предположеніе г. Позднѣева и тѣмъ, что только послѣ ухода на западъ, слѣдовательно на новыхъ уже мѣстахъ, Афучжило и Цюнки, которые «жили въ большомъ согла-

сіи», «раздѣлили между собою аймакъ», послѣ чего «Афучжило жилъ на сѣверѣ, а Цюнъ-ци на югѣ». Вслѣдъ за этимъ «Бэй-шы повѣствуетъ («Собр. свѣдѣній», I, стр. 252): «Дэулунь пришелъ съ войскомъ для усмиренія; Афучжило разбилъ его, почему Дэулунь съ своимъ войскомъ обратно ушелъ на востокъ», а не на югъ и не на западъ, какъ это было бы, если бы Афучжило находился около Байкала. При такой силѣ жужаней, что и соединенныя силы гаогюйцевъ не всегда въ состояніи были противостоять имъ съ успѣхомъ, раздѣленіе гаогюйцевъ на два аймака, изъ которыхъ одинъ водворился бы около Байкала, а другой на западѣ, повело бы къ тому, что оба были бы уничтожены жужанями, ибо не могли бы подать другъ другу помощи по дальности разстояній. Хотя Дэулунь и Нагай пошли на Афучжило двумя дорогами, первый по сѣверную сторону горъ Суньги на западъ, второй же отъ Алтая, но, конечно, оба войска направились на западъ, куда ушли гаогюйцы подъ предводительствомъ Афучжило съ Цюнки. Такъ какъ по «Бэй-шы» (тамъ же, стр. 209) «постоянное мѣсто» жужаньской «орды лежало противъ Дунь-хуана (нынѣ Шачжеу) и Чжанъ-ѣ (Гань-чжеу) на сѣверѣ», т.-е. между Орхономъ и Кобдо, то походъ противъ гаогюйцевъ, совершенный въ 492 г. или позднѣе, ибо предъ извѣстіями о походѣ помѣщено событіе, отнесенное къ 492 г. (тамъ же, стр. 221), Дэулунь предпринялъ, вѣроятно, по болѣе южному пути, по сѣверной сторонѣ Тянь-шаня (тутъ, по сѣверную сторону озера Пху-лэй-хай, т.-е. нынѣшняго Баркуля, гаогюйскій Мивоту былъ разбитъ жужаньскимъ ханомъ Футу, но чрезъ нѣкоторое время тутъ же Мивоту совершенно разбилъ и убилъ Футу, тамъ же, стр. 253 и 254), или по сѣверной сторонѣ одного изъ мелкихъ хребтовъ между Алтаемъ и Тяньшанемъ, тогда какъ Нагай пошелъ отъ Алтая. Вѣроятно, это раздѣленіе силъ имѣло результатомъ, что Дэулунь былъ разбитъ болѣе значительными, быть-можетъ, силами Афучжило, и долженъ былъ уйти обратно на востокъ, тогда какъ Нагай «въ каждомъ сраженіи одерживалъ верхъ», потому что, можетъ-быть, противъ него дѣйствовали малочисленные отряды гаогюйцевъ, главныя силы которыхъ были выставлены противъ Дэулуня; послѣ пораженія Дэулуня, конечно, и Нагаю пришлось поспѣшно отступить. Неосновательность гипотезы о переселеніи Афучжило къ Байкалу ясна между прочимъ, во-первыхъ, изъ отсутствія какихъ-либо свѣдѣній объ этихъ гаогюйцахъ на Байкалѣ, тогда какъ при начавшемся съ конца пятаго вѣка паденіи жужаней эти гаогюйцы несомнѣнно должны были причинять жужанямъ много хлопотъ при всякой неудачѣ въ борьбѣ ихъ съ западными гаогюйцами; во-вторыхъ, если бы Афучжило жилъ у Байкала, а Цюнки на западѣ, будучи раздѣлены жужаньскими владѣніями, то какимъ образомъ они могли отправить послѣ 490 г. одного общаго посланника къ юань-вэйскому двору, о которомъ упоминается въ «Бэй-шы» (тамъ же, стр. 252); въ-третьихъ, въ томъ же случаѣ, какимъ образомъ объявленіе

иданями войны съ требованіемъ посаженія въ государи гаогюйцевъ Мивоту могло имѣть результатомъ убіеніе преемника Афучжило Баліяна и возведеніе на его мѣсто Мивоту?

По несомнѣнности переселенія Афучжило вмѣстѣ съ Цюнки на западъ слѣдуетъ полагать, что приведенныя ими 100 т. кибитокъ должны были занять не только земли между Тяньшанемъ и Тарбагатаемъ, въ томъ числѣ бассейны Эбинъ-нора и Аяръ-нора, но также и бассейны Алакуля, а частію и Балхаша со включеніемъ долины р. Или, тѣмъ болѣе, что болѣе или менѣе значительная часть тюркскихъ родовъ, составлявшихъ владѣніе Юебань, занимавшее именно эти земли (свѣдѣнія о немъ прекращаются во второй половинѣ пятаго вѣка,—см. «Бэй-шы» въ «Собраніи свѣдѣній», ч. 3, стр. 163—165), вѣроятно, осталась на своихъ прежнихъ земляхъ, присоединившись къ гаогюйцамъ и признавши владычество ихъ государей. При раздѣленіи переселившихся гаогюйцевъ на два аймака (сѣверный—въ вѣдѣніи Афучжило и его потомства, и южный въ управленіи Цюнки), сѣверному аймаку должны были достаться земли между восточнымъ Тяньшанемъ и Тарбагатаемъ, тогда какъ бассейны Алакуля и Балхаша съ долиною р. Или составили, вѣроятно, территорію южнаго аймака. Возможно, что гаогюйцы Цюнки, не довольствуясь доставшимися имъ землями, начали распространяться за р. Чу и до Сыръ-дарьи, пользуясь малосиліемъ мѣстныхъ кочевниковъ, являвшихся остатками сейцевъ, усуней, кангюйцевъ и хунновъ (юебаньцевъ). Со стороны ѣда-иданей, освобожденныхъ съ 484 г. послѣ гибели Пероза отъ опасности со стороны Персіи, являлось весьма благоразумнымъ дать заблаговременно отпоръ нашествію гаогюйцевъ, угрожавшихъ уже Ташкенту, который, какъ Фергана, земли по Заравшану и Харезмъ, находился, конечно, въ числѣ ихъ вассальныхъ владѣній. Военныя силы ѣда выступили вслѣдствіе этого противъ южнаго аймака гаогюйцевъ и нанесли имъ жестокое пораженіе, при которомъ убитъ былъ Цюнки и взяты въ плѣнъ его сыновья и внуки, вѣроятно, въ долинѣ р. Или, изъ которой, преслѣдуя бѣжавшихъ гаогюйцевъ, побѣдители проникли въ подвластный имъ Карашаръ, какъ уже упоминалось выше. Члены плѣннаго семейства Цюнки успѣли, однако, такъ скоро пріобрѣсти расположеніе и довѣріе иданей, что черезъ годъ они потребовали отъ гаогюйцевъ, чтобы они приняли и признали своимъ государемъ Мивоту, одного изъ плѣненныхъ. Это являлось и искусной политикой, увѣнчавшейся полнымъ успѣхомъ и доставившей иданямъ полную безопасность со стороны гаогюйцевъ. Страхъ, нанесенный погромомъ Цюнки, былъ такъ великъ, что сѣверные гаогюйцы убили властвовавшаго надъ ними Баліяна и признали своимъ государемъ Мивоту. Черезъ десять лѣтъ послѣ пораженія Мивоту и убіенія его жужанями, народъ его нашелъ безопасное убѣжище у иданей и, оправившись, подъ предводительствомъ брата Мивоту Ифу возвратился на свои земли, чтобы продолжать затѣмъ борьбу свою съ жужанями, пока исто-

щеніе обѣихъ сторонъ не повело къ уничтоженію жужаней и къ подчиненію гаогюйцевъ тюрками.

Въ одномъ изъ сохранившихся отрывковъ историческаго труда Менандра византійца уцѣлѣло отъ разсказа о покореніи эфталитовъ тюрками слѣдующее мѣсто: «Катулфъ, удержавъ эфталитскаго вождя отъ дальнѣйшаго похода, говорилъ пословицу простую, въ которой, однако-жъ, есть сила убѣжденія: въ своемъ дворѣ одна собака сильнѣе десяти чужихъ» («Византійскіе историки Дексиппъ и др.», переводъ съ греческаго С. Дестуниса, Спб., 1860 г., стр. 328). Катулфъ этотъ, какъ видно изъ другого отрывка изъ Менандра (стр. 372), есть «тотъ эфталитъ, который предалъ туркамъ своихъ единоплеменниковъ за то, что государь эфталитскій изнасиловалъ его жену». Изъ отрывковъ этихъ должно заключить, что для борьбы съ нашествіемъ тюрковъ ефталитскій царь намѣревался, быть можетъ, слѣдуя удачной политикѣ своего предка съ гаогюйцами, выступить за сѣверные предѣлы своего государства, т.-е. за Сыръ-дарью, въ долины рѣкъ Чу и Или, чтобы тамъ дать первоначальный отпоръ угрожающему врагу, котораго армія, на границахъ своей страны, быть-можетъ, не сразилась бы съ тѣмъ мужествомъ отчаянія, которое должна была выказать при боѣ въ странѣ ефталитовъ, гдѣ пораженіе влекло за собою вѣроятность совершеннаго ея истребленія.

Выясненіе, согласно «Бэй-шы», что въ 520 г. царствовалъ уже третій царь, внукъ основателя династіи чилэ, посаженной въ Гандарѣ иданями, а также вышеуказанныя данныя надписи Сканда Гупты 470-го приблизительно года, упоминающей о столкновеніяхъ этого царя съ хуна, въ связи съ другими надписями и монетами, кажутся показывающими, что династія чилэ царствовала въ Гандарѣ гораздо ранѣе, чѣмъ произошли столкновенія ѣда съ гаогюйцами Цюнки и Афучжило, которые притомъ и переселились на западъ позже 487 г. Но если гандарскіе чилэ происходили не изъ рода фуфуло, это не устраняетъ возможности и вѣроятности принадлежности ихъ къ одному изъ гаогюйскихъ родовъ, обитавшихъ въ сосѣдствѣ съ ѣда ранѣе фуфуло. По свѣдѣніямъ «Бэй-шы», «предки гаогюйцевъ составляли двѣнадцать родовъ», которыхъ приведены и имена, между прочимъ тулу, дабо и фуфуло. «Бэй-шы» не даетъ никакихъ свѣдѣній о другихъ родахъ, ограничившись замѣчаніемъ, что «поколѣніе фуфуло покорено было жужаньцами», и сообщивъ вышеприведенныя извѣстія объ отложеніи «фуфулоскаго Афучжило» съ его двоюроднымъ братомъ Цюнки. Но въ «Суй-шу» есть болѣе подробныя свѣдѣнія о родахъ гаогюйцевъ съ указаніями мѣстъ ихъ обитанія. Хотя дин. Суй, времени которой принадлежатъ эти свѣдѣнія, уществовала съ 581 до 618 г., такъ что данныя ея исторіи относятся-ко времени болѣе чѣмъ на столѣтіе позднему эпохи основанія династіи чилэ въ Гандарѣ, но многія изъ гаогюйскихъ племенъ, конечно, существовали уже въ юань-вэйскія времена, хотя и не попали въ исторіи династіи

Юань-Вэй. Суйскія свѣдѣнія о родахъ тѣлэ воспроизведены, по завѣренію проф. Шаванна (Doc. etc., p. 122, note) въ «Бэй-шы», но почему-то отсутствуютъ въ «Собраніи свѣдѣній» и пр. Іакинфа. Полнѣйшее, повидимому, изъ нихъ извлеченіе дано Д. М. Позднѣевымъ въ его «Историческомъ очеркѣ уйгуровъ» (Спб., 1899 г., стр. 38—40), но было уже сдѣлано ранѣе Дулиттлемъ въ его A Vocabulary and Handbook of the Chinese Language, vol. II); изложилъ также эти свѣдѣнія, но съ пропускомъ многихъ родовыхъ именъ, проф. Хиртъ (Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, 1899, SS. 37—40) и перевели нѣкоторые изъ нихъ отрывки, съ полезными комментаріями Kurakichi Shiratori (Keleti Szemle, 1902, pp. 131—133) и проф. Шаваннъ (Doc., pp. 122, 123, note, 311). По этимъ суйскимъ свѣдѣніямъ тѣлэ'скіе роды разсѣяны были на обширномъ пространствѣ отъ Байкала едва не до предѣловъ Фолини (Византійской имперіи), но ближайшею къ Идани ихъ группою должны быть почитаемы тѣ роды, которые кочевали на берегахъ рѣки А-дэ (у Хирта A-tö, по K. Sh. A-tek или Ya-tek-Yak-sat), которую Хиртъ и Дулиттль считаютъ за Волгу, а K. Sh. за Яксартъ; по-моему, это Сыръ-дарья, такъ какъ рѣка Адэ показана съ обитающими на ней родами «на сѣверѣ отъ вл. Канъ», т.-е. Самарканда. Затѣмъ для насъ здѣсь представляетъ значеніе суйское упоминаніе въ числѣ родовъ группы, обитавшей «на юго-западѣ отъ Гинь-шаня», т.-е. Алтая, рода *чжилэ*, названнаго у г. Позднѣева, тогда какъ проф. Хиртъ изъ числа четырехъ именъ, данныхъ Позднѣевымъ, привелъ только одно, потому что ограничивался тѣми родовыми именами, которыя считалъ возможнымъ отождествить съ извѣстными изъ другихъ своихъ источниковъ. Хотя изображенія первыхъ слоговъ именъ чи-лэ и чжи-лэ различны (см. у Позднѣева на стр. 37 и 39), но весьма возможно и вѣроятно, что это есть лишь послѣдствіе записыванія разными лицами одного и того же имени въ разныя притомъ времена. Поэтому я считаю вѣроятнымъ, что это транскрипціи одного и того же родового имени, изъ существованія же рода чилэ въ суйское время заключаю, что онъ существовалъ и ранѣе, въ юань-вэйскую эпоху. Такъ какъ по завѣренію «Танъ-шу» гаогюйцы назывались въ юань-вэйское время чилэ («Собр. свѣд.», ч. 1, стр. 373, (Ckavannes, Docum. etc., p. 87), то можно думать, что такое имя получили они вслѣдствіе преобладанія въ то время рода чилэ надъ прочими одноплеменными родами. Имѣло мѣсто это временное преобладаніе или нѣтъ, идани, имѣя гаогюйцевъ сосѣдями на Сыръ-дарьѣ, вѣроятно, также и въ продолженіе V вѣка входили съ ними въ враждебныя или дружелюбныя столкновенія, какъ и въ началѣ VI столѣтія. Мы видѣли, что въ «Бэй-шы» численность ѣда опредѣлена въ 100 т.; если это цифра только душъ мужескаго пола, то и въ такомъ случаѣ собственныя силы ихъ были недостаточны для многолѣтней борьбы съ персами, даже при сборахъ ополченій изъ вассальныхъ владѣній, ибо боевая

годность и стойкость такихъ ополченій весьма сомнительны. Вслѣдствіе этого можно съ увѣренностью полагать, что идани прибѣгали къ содержанію наемныхъ войскъ изъ среды сосѣднихъ тюрковъ, какъ это дѣлали впослѣдствіи владѣвшіе тѣми же странами саманиды, караханиды, газневиды, хорезмъ-шахи и пр. Возможно также, что въ числѣ отрядовъ, набранныхъ изъ родовъ тѣлэ въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ пятаго вѣка для войнъ съ Персіею, находился на службѣ у ѣда значительный отрядъ изъ племени чилэ, подъ начальствомъ одного изъ старѣйшинъ этого рода; что отрядъ этотъ принималъ участіе въ предпринятыхъ иданями завоеваніяхъ на югѣ отъ Хиндукуша, и что, наконецъ, вождь отряда чилэ, въ награду за свою службу, получилъ отъ царя ѣда часть завоеванныхъ земель, именно Гандару, въ вассальное владѣніе, обратившееся съ теченіемъ времени, при немъ или его преемникѣ, въ независимое царство, сдѣлавшееся потомъ, благодаря завоеваніямъ въ Пенджабѣ и на Индѣ, могучимъ царствомъ *хуна*.

д) Кидаритская династія въ Гибини.

Юань-вэйскія свѣдѣнія о посольствѣ 519—520 гг. и о гаогюйцахъ дали возможность съ достаточною вѣроятностью установить, что династія хуна, владѣвшая по индѣйскимъ надписямъ и пр. Гандарою, Пенджабомъ, Кашмиромъ и, быть-можетъ, Синдомъ, основана была гаогюйцемъ или чилэ, которому идани отдали въ вассальное владѣніе завоеванную ими Гандару. Объ отношеніяхъ этой династіи хуна къ основанной въ Пурушапурѣ сыномъ Кидоло кидаритской династіи прямыхъ свѣдѣній пока не имѣется, какъ нѣтъ такихъ свѣдѣній и о самой кидаритской династіи позже статьи «Бэй-шы» о малыхъ юечжахъ въ Пурушапурѣ, но, исходя изъ извѣстій Аль-Бируни о томъ, что брахманской династіи, у которой газневиды отняли ея владѣнія въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи и за Индомъ, предшествовала древняя династія тибетскаго происхожденія, къ числу государей которой принадлежалъ построившій знаменитую вихару въ Пурушапурѣ Каника, д-ръ М. А. Штейнъ, — извѣстный уже новымъ изданіемъ «Раджа-тарангини» и переводомъ этой исторіи царей Кашмира на англійскій языкъ, — призналъ этого Канику за Канишку, который на монетахъ имѣлъ титулъ shâhö и shâhonano shâho, и заключилъ, что государи кабульской древней династіи, носившіе, по Аль-Бируни, титулъ shâhiyas, принадлежали къ династіи большихъ юечжей или кушановъ, властвовавшей въ Индіи, послѣ паденія же ея замѣненной потомствомъ кушанскаго царя Кидоло, основавшаго около 430 г. царство малыхъ юечжей въ Пурушапурѣ; государемъ кидаритской династіи былъ и царь, найденный Сюань Цзаномъ въ Капишѣ; существованіе Михиракулы (т.-е. царства династіи хуна) не устраняло существованія царства династіи малыхъ юечжей, такъ какъ отношенія

этого царства на западѣ отъ Инда (т. е. западные предѣлы его владѣній въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи, въ средней и верхней части котораго могло продолжать существовать царство кидаритовъ или династіи кабульскихъ шаховъ) совершенно неизвѣстны (Festgruss an Rudolf von Roth zum Doctor-Jubiläum 24 August 1893 von seinen Freunden und Schulern, Stuttgart, 1893, SS. 195—202, Zum Geschichte der Çahis von Kâbul). Помѣщенная на первыхъ трехъ страницахъ (195—197) небольшой статейки случайнаго сборника гипотеза д-ра Штейна не обратила вниманія, котораго она вполнѣ заслуживаетъ[1]), отчасти вслѣдствіе появленія въ мало извѣстномъ юбилейномъ сборникѣ, отчасти же вслѣдствіе чрезвычайной краткости изложенія и отсутствія детальной ея разработки и обоснованія. Между тѣмъ, если использовать имѣющіеся въ настоящее время историческіе матеріалы по этому предмету, многихъ изъ которыхъ д-ръ Штейнъ совершенно не касался, то окажется, что гипотеза его достигаетъ одной изъ высшихъ степеней вѣроятности, какія доступны для историческихъ изслѣдованій въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ достаточныхъ прямыхъ и несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ, а потому, по необходимости, приходится выяснять и разрѣшать темныя историческія проблемы на основаніи преданій и сказаній, подкрѣпляемыхъ, однако, съ своей достовѣрности различными историческими данными, хотя и не составляющими сами по себѣ прямыхъ свидѣтельствъ. Это я и попытаюсь сдѣлать въ намѣченныхъ для настоящаго изслѣдованія предѣлахъ, но вдаваясь въ мелочи и прибѣгая преимущественно къ китайскимъ извѣстіямъ, но не отказываясь обращаться и къ другимъ источникамъ, когда это возможно и необходимо.

Китайскія извѣстія о Гибини суйскаго и танскаго временъ.

Изъ приведенныхъ выше («Р. А. Ж.», 1904, №№ 1 и 2, стр. 63) юань-вэйскихъ свѣдѣній о Гибини, относящихся, вѣроятно, ко времени около 442 г., несмотря на отсутствіе въ нихъ политическихъ и этническихъ данныхъ, можно, однако, заключить, что Гибинь была тогда особымъ

[1]) Рецензія покойнаго Эдм. Друэна въ Journal asiatique (1894, t. III, pp. 378—381) дала ошибочное и невыгодное для статьи Штейна понятіе о ней, такъ какъ Друэнъ помѣстилъ собственныя неосновательныя мнѣнія и предположенія, не озаботившись ясно отличить свои личныя догадки отъ мнѣній Штейна. Такъ Друэнъ сочинилъ двѣ брахманскихъ династіи въ Кабулѣ, изъ которыхъ первая основана была будто бы въ 641 или 643 гг. брахманомъ Чачемъ, а вторая въ 850 г., когда Лага-турманъ былъ свергнутъ брахманомъ Калларомъ. Столь же произвольно и безъ всякихъ же указаній на основанія и источники Друэнъ отождествлялъ Барха-тегина сказанія Аль-Бируни съ Кидоло и утверждалъ, что потомство его царствовало только въ продолженіе двухъ вѣковъ, и т. д.

государствомъ, занимавшимъ, судя по теплому климату и пр., нижнее и среднее теченіе Кабулъ-дарьи, такъ какъ 800 ли или восемь дней пути съ востока на западъ (отъ Инда до перевала Джигделика между Джелаль-абадомъ и Кабуломъ около 280 верстъ)обнимаютъ раіоны Пишавера и Джелаль-абада. Во всякомъ случаѣ юань-вэйскія свѣдѣнія о Гибини 442 г. относились ко времени до завоеваній Кидоло на югѣ отъ Хиндукуша, которыя не могли не касаться хотя части Гибини, а потому обойти ихъ молчаніемъ въ этихъ свѣдѣніяхъ было едва-ли возможно. Въ 520 г., т.-е. менѣе 80 лѣтъ послѣ юань-вэйскаго посольства въ Гибинь и Индію, новое посольство, при которомъ состояли Сонъ Юнь и Хой Сенъ, нашло Гандару и столицу ея Пурушапуру въ обладаніи третьяго царя династіи Чилэ или хуна; этотъ царь въ 520 г. велъ войну съ Гибинью изъ-за границъ съ нею, и армія его уже три года занималась этой войною (переводъ Биля, 1869 г., p.p. 197—198, по переводу же Неймана, S. S. 172—173, царь этотъ своимъ злымъ и свирѣпымъ нравомъ и невѣріемъ въ ученіе Будды, которому слѣдовало населеніе страны, вызвалъ возстаніе народа; возмутившіеся удалились на границы Гибини; съ того же времени, какъ они взялись за оружіе, прошло уже три года). Такимъ образомъ Гибинь существовала и въ 520 г. при Михиракулѣ, сильнѣйшемъ государѣ дин. хуна, при которомъ произошло и паденіе ея. Этимъ паденіемъ, хотя оно послѣдовало вслѣдствіе вѣроятной коалиціи индійскихъ царей, естественно должна была воспользоваться и враждовавшая съ хуна Гибинь. Дѣйствительно въ «Суй-шу» оказывается описаніе довольно значительнаго владѣнія Цао, въ которомъ сказано, что «это при династіи Хань было владѣніе Гибинь». О. Іакинфъ какимъ-то образомъ упустилъ помѣстить въ своемъ переводѣ суйскаго «Повѣствованія о западномъ краѣ» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 190—206) описаніе Цао, можетъ-быть, потому, что описаніе это цѣликомъ повторено въ «Бэй-шы» и дано имъ въ переводѣ изъ послѣдней (стр. 189). Но имѣется переводъ Пфицмайера изъ «Суй-шу» (Sitzungsberichte der Wiener Akademie, ph.-hist. Klasse, Bd. 97, 1880, S. 473), совершенно почти сходный съ іакинфовскимъ переводомъ изъ «Бэй-шы», и переводъ Аб. Ремюза изъ Матуань-линя, весьма мало отличающійся, такъ что въ тождествѣ статей «Суй-шу» и «Бэй-шы» не можетъ быть сомнѣнія, а потому я буду цитировать переводъ Іакинфа, указывая два другихъ лишь въ случаѣ серьезнаго различія. Въ этомъ описаніи владѣнія Цао говорится, что «въ срединѣ правленія Да-ѣ, 610, было оттуда посольство съ данію», такъ что источникомъ суйскихъ свѣдѣній могли служить показанія этого посольства, но въ предисловіи къ вышеупомянутому суйскому повѣствованію есть свѣдѣніе о томъ, что при томъ же императорѣ Янъ-ди, котораго правленіе именовалось Да-ѣ (605—616 г.г.), были отправлены сановники Вэй Цзѣ и Ду Хинъ-мань, которые, «по прибытіи въ Гибинь, получили агатовую чашу» (стр. 191), а потому свѣдѣнія о Цао-Гибини суйцы могли имѣть и отъ

собственнаго посольства на западъ [1]). Въ описаніи владѣнія Цао значится, что оно «лежитъ отъ Луковыхъ горъ на сѣверъ» (у Пфицмайера, im Norden des Tsung-ling, у Аб. Ремюза по Матуаньлиню, p. 210, au sud-ouest des Montagnes Bleues). Такъ какъ въ томъ же суйскомъ описаніи владѣнія Цао сказано, что отъ него «на сѣверъ до Фаньянь 700» ли (у Аб. Ремюза, Fan-yen, у Пфицмайера, Fang-tsching), и сверхъ того въ суйскихъ же описаніяхъ владѣній Тухоло (Тохаристанъ) и Идани говорится, что отъ перваго на югъ до владѣнія Цао 1700 ли и отъ второго 1500 («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 203), то при такихъ разстояніяхъ на югъ отъ Баміана въ 7 дней пути, отъ Тохаристана (Балха или Кундуза) въ 17 и отъ Идани въ 15, Цао могло находиться не иначе, какъ на югѣ отъ Хиндукуша, въ долинѣ Кабулъ-дарьи, а потому въ «Суй-шу» и въ механически воспроизведшей ее «Бэй-шы» несомнѣнна ошибка, и вмѣсто «на сѣверъ» отъ Луковыхъ горъ слѣдуетъ читать «на югѣ» или, какъ у Матуаньлиня, «на юго-западѣ». Переведя изъ «Танъ-шу» «Владѣніе Гибинь при династіи Суй называлось Цао», проф. Шаваннъ настоятельно увѣряетъ, что это утвержденіе «Танъ-шу», отсутствующее въ первой редакціи этой исторіи, совершенно ошибочно (est absolument erronnée), ибо а) суйское царство Цао находилось на сѣверѣ отъ Цунлина, тогда какъ Гибинь «Танъ-шу» лежала на югѣ, и б) «Бэй-шы», помѣстившая описаніе царства Цао, даетъ, однако, и описаніе царства Гибинь, изъ чего слѣдуетъ, что если Цао на сѣверѣ Цунлина тождественно съ Гибинью ханьскихъ временъ, то оно не имѣетъ ничего общаго съ Гибинью временъ Суй и Танъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не соглашается съ д-ромъ Маркквартомъ, отождествлявшимъ суйское Цао съ Цаогюйчжа Сюань Цзана: суйское Цао лежало на сѣверѣ отъ Цунлина, Цаогюйчжа же (Забулистанъ) находилась на югѣ отъ Хиндукуша (Documents sur les Tou-kiue occidentaux etc., 1903, p. 130, note 2). Но изъ помѣщенія въ «Бэй-шы» юань-вэйскаго описанія Гибини и суйскаго описанія Цао не слѣдуетъ, что это два царства разныя, ибо мы имѣемъ въ «Бэй-шы» много примѣровъ помѣщенія свѣдѣній объ одной и той же странѣ подъ разными именами: ея юань-вэйская Сивиньгинь тождественна съ ея же суйскимъ Каномъ, юань-вэйскій Чешы одно и тоже съ суйскимъ Гаочаномъ и т. д. Отстаиваніе нахожденія Цао на сѣверѣ отъ Цунлина несостоятельно не только потому, что г. Шаваннъ не въ состояніи былъ указать, гдѣ же тамъ обрѣтался Цао, но и потому, что такое помѣщеніе непримиримо съ положеніемъ, намѣченнымъ для Цао въ отношеніи Фаньяна, Тухоло и Идани. Г. Шаваннъ повторилъ здѣсь то же упущеніе, какъ при ошибочномъ пріуроченіи цянь-ханьской Гибини къ Кашмиру, когда онъ

[1]) По словамъ проф. Хирта, названные сановники посланы были въ страны по Оксу и въ Индію за рѣдкостями и буддійскими книгами, но изъ свѣдѣній ихъ сохранились до насъ только отрывки (Nachworte zu Inschrift des Tonjukuk, S. 38).

не обратилъ должнаго вниманія на положеніе Гибини относительно Наньду (Читралъ), Б. Юечжы и Угѣшаньли (см. «Р. Антр. Ж.», 1900 г., № 3) стр. 66 и слѣд.).

Въ суйскихъ свѣдѣніяхъ о владѣніи Цао, ханьской Гибини, значится, что «владѣтель прозывается Чжаову; проименованіе ему Шуньда. Онъ происходитъ изъ рода канскаго владѣтеля». Ниже суйскія свѣдѣнія о титулѣ чжаову будутъ разсмотрѣны подробно и выяснится, что это есть тибетское слово *чжаву*, значащее князь, государь, и что титулъ этотъ естественно носили юечжійскіе цари; ношеніе этого титула царемъ Цао-Гибини показываетъ, что онъ принадлежалъ къ юечжійско-кидаритской династіи, а совсѣмъ не къ роду канскаго владѣтеля, какъ ошибочно гласили суйскія свѣдѣнія о всѣхъ государяхъ, носившихъ титулъ чжаову. «Резиденція имѣетъ четыре ли въ окружности. Войска около 10,000 человѣкъ». «Сія страна много производитъ рису, проса, бобовъ, пшеницы, изобилуетъ слонами, лошадьми» и пр., между прочимъ «каменнымъ медомъ», т.-е. засохшимъ сокомъ сахарнаго тростника, какъ объяснилъ это Ст. Жюльенъ (Mémoires sur les contrées occidentales etc., t. I, p. 105).

Черезъ двадцать лѣтъ послѣ суйскаго посольства 610 года, слѣдовавшій изъ Баміана (тамъ же, p. 36) Сюань Цзанъ нашелъ по переходѣ черезъ Хиндукушъ царство Kia-pi-che, со столицею въ 10 ли въ окружности (p. 40), откуда, сдѣлавъ около 600 ли въ восточномъ направленіи (p. 55), достигъ царства Lam-po (Ламганъ), и изъ него, пройдя на юго-востокъ около 100 ли и переправясь черезъ большую рѣку (Кабулъ-дарью), прибылъ въ царство (p. 96) Na-kie-lo-ho (по Вивіену де Сенъ-Мартенъ, тамъ же, t. 2, p. 306, Нагаракъ въ округѣ нынѣшняго Джелальабада, въ 2-хъ льё на С.-В. отъ Хидды), откуда чрезъ 500 ли пути (p. 104) пріѣхалъ въ царство Kien-t'o-lo (Гандара), т.-е. въ тогдашнюю столицу его Pou-lou-cha-pou-lo (Пурушапура). Всѣ эти владѣнія, всего съ десятокъ царствъ, подвластны были царю Кяпише, изъ касты (t. I, p. 41) кшатріевъ (de la race T'sa-li). Такъ какъ царскіе роды Индіи, въ томъ числѣ и происходящіе отъ иностранныхъ завоевателей, числились въ кастѣ кшатріевъ (p. 81), то и царь Кяпише могъ принадлежать къ роду юечжей-кушановъ. Кромѣ земель отъ Снѣжныхъ горъ (Хиндукушъ), слѣдовательно начиная съ бассейновъ Горбенда и Пенджшира, внизъ по Кабулъ-дарьѣ до Инда, царю Кяпише подчинялось (t. II, pp. 183—184) и лежавшее на югѣ царство Fa-la-na (нынѣ Банну или Бану).

По свѣдѣніямъ же Сюань Цзана (тамъ же, pp. 186—189), къ владѣніямъ царя Кяпише должно было на западѣ прилегать царство Цаогюйчжа(Tsao-kiu-tch'a), которое называли также Цаоли (Tsao-li); тогдашній государь, усердный буддистъ, «наслѣдовалъ длинному ряду предковъ». По положенію и имени столицы (Ho-si-na = Газна) царство Цаогюйчжа соотвѣтствуетъ Забулистану персо-арабскихъ писателей. По Сюань Цзану же

(тамъ же, p. 190), въ 500 ли на сѣверъ отъ Цаогюйчжа находилось еще небольшое царство Fo-li-chi-sa-t'ang-na, съ царемъ тюркскаго племени, ревностнымъ буддистомъ, и со столицею Хубина (Hou-pi-na). Въ «Танъ-шу» объ этомъ владѣніи нѣтъ никакихъ свѣдѣній кромѣ одного мѣста, гдѣ въ трехъ съ половиною строчкахъ помѣщено («Собр. свѣд»., ч. 3, стр. 249) сокращеніе извѣстій Сюань Цзана (t. 2, pp. 189 — 190).

За-то въ «Танъ-шу» имѣются собственныя свѣдѣнія о Гибини и Забулистанѣ. Въ статьѣ о Гибини (Іакинфъ, ч. 3, стр. 236 — 238 и переводъ Шаванна въ Documents sur les Tou-kiue occ., 1903, pp. 130—134) сказано, что «владѣтель живетъ въ городѣ Сюсянь и постоянно находится въ зависимости отъ Большого Юечжы (по Шаванну, il est toujours soumis aux Ta Yue-tche). Страна жаркая и влажная. Жители ѣздятъ на слонахъ. Держатся буддайскаго закона». Такъ какъ первое посольство изъ Гибини показано засимъ во второмъ году царствованія перваго императора дин. Танъ, въ 619 г., лишь за 11 или 12 лѣтъ до путешествія Сюань Цзана, то постоянная зависимость отъ несуществовавшихъ уже много вѣковъ б. юечжей, да и столица Сюсянь, близкая по имени къ Сюньсянь ханьскихъ временъ, представляются анахронизмами. Слѣдующее посольство изъ Гибини упоминается въ правленіе Чженъ-гуань (627 — 649 гг.); за присланныхъ съ нимъ лошадей отправленному въ Индію китайскому послу поручено было отвести гибиньскому владѣтелю богатые подарки. Слѣдующее посольство отмѣчено 642 г. «Жители сего владѣнія сказываютъ, что первый предокъ ихъ владѣтеля назывался Хинъѣ и родъ его продолжается въ двѣнадцатомъ колѣнѣ». Подобнымъ образомъ перевелъ и Шаваннъ (p. 131: Les gens de ce pays rapportaient tous que le premier ancêtre du roi s'appelait Hing-ye et que, jusqu'au roi actuel Ho-hie-tche, le pouvoir s'était transmis à travers douze générations), но утверждаетъ (note 4), что по тексту первой изъ имѣющихся двухъ редакцій «Танъ-шу» этотъ отзывъ населенія относится не къ 642 г., а къ 658 г., когда китайцы собирали свѣдѣнія для переименованія владѣній запада. «Въ третье лѣто правленія Хянь-кинъ, 658, владѣнія его переименованы областью Сюсянь». Въ географическомъ отдѣлѣ «Танъ-шу», гдѣ между прочимъ содержатся исчисленія намѣстничествъ, губерній и округовъ, учрежденныхъ послѣ покоренія земель западныхъ тюрковъ въ 658 г., значится gouvernement de Sieou-sien, établi dans la ville de Ngo-ho du royaume de Ki-pin; ce gouvernement régissait dix (у Шаванна, p. 70, note, опечатка deux, тогда какъ названо десять округовъ) arrondissements: 1) округъ Pi-cho, учрежденный въ городѣ Lo-man, 2) Yn-mi въ г. Tsien-na, 3) Po-lou въ г. Ho-lan, 4) Long-tche въ г. I-hen, 5) Ou-i въ г. Sai-pen-ni-lo-se, 6) Lo-lo въ г. Lan-kien, 7) T'an-t'o въ г. Pan-tche, 8) Ou-li въ г. Pou-peng, 9) Mo въ г. Hou-hoan, 10) Hiuen-tou (Passages suspendus) въ г. Pou-lou-kien. Такъ какъ имена губерній лишь

иногда даны изъ древнихъ именъ мѣстныхъ странъ, народовъ и городовъ, извѣстныхъ исторически, при чемъ пріуроченія произведены были часто неправильно, имена же округовъ почти всегда произвольны, хотя и архаичны, то опредѣленія мѣстонахожденія округовъ возможны лишь по именамъ городовъ, въ которыхъ помѣщены окружныя управленія. Шаванну удалось узнать изъ именъ этихъ городовъ два: въ г. Lan-kien нынѣшнюю область Кабулистана Ламганъ и въ имени округа Pan-tche имя рѣки Пянджширъ (p. 227). Г. Ngo-ho мнѣ кажется соотвѣтствующимъ Na-kie-lo-ho Сюань Цзана, т.-е. это Ненкъ-нагаръ «Записокъ» султана Бабера, Нагара Птолемея, около нынѣшняго Джелальабада. Названіе Сюсянь для царства Гибинь есть, видимо, имя древней, ханьскихъ временъ, столицы Гибини Сюньсянь, переиначенное въ Сюсянь. Можетъ быть, и въ дѣйствительности мѣстопребываніе царя Гибини около 658 г. находилось около Джелальабада, истиннаго центральнаго пункта бассейна Кабулъ-дарьи.

Далѣе въ статьѣ «Танъ-шу» Гибинь упоминается въ 719 г. посольство изъ Гибини и пожалованіе императоромъ ея владѣтелю титула «Гэлодачжы Дэлэ», Ko-lo-ta-tche t'e-k'in (tegin de l'Arokhadj, по Шаванну). «Впослѣдствіи (dans la suite, въ 739 году, по старой «Танъ-шу») Усань Дэлэ (Ou-san t'e-k'in cha, по Шаванну), состарившись, просилъ у кит. императора дозволенія передать престолъ сыну Фолинь-Гипо. Императоръ согласился». Въ 745 г. «сына его Бофу-чжунь пожаловалъ государемъ владѣній Гибинь и Учанъ». Въ 758 г. «онъ прислалъ посланника съ дарами». Этимъ кончается описаніе Гибини въ «Танъ-шу».

Въ «Танъ-шу» почему-то совсѣмъ не упоминается о посольствѣ изъ Гибини 750 г. и объ отвѣтномъ китайскомъ посольствѣ, но о немъ сохранились свѣдѣнія въ Дорожникѣ Укона, переведенномъ и снабженномъ комментаріями гг. Шаванна и Леви (Journal asiatique, 1895, Septembre-Octobre, pp. 341 — 384). Просившее о помощи (вѣроятно, противъ арабовъ) гибиньское посольство имѣло во главѣ двухъ сановниковъ, одного изъ которыхъ звали Сабо-*таканъ*, тарханъ должно быть, извѣстный тюркскій титулъ. Отвѣтное китайское посольство въ мартѣ 753 г. прибыло въ Кяньтоло (Гандара), гдѣ находилась восточная столица Гибини, въ которой царь ея жилъ зимою, пребывая лѣтомъ въ Гибини (p. 349), т.-е. въ западной ея части. Царь принялъ посольство съ почетомъ, послѣ чего оно отправилось въ обратный путь. Находившійся въ свитѣ Уконъ по болѣзни долженъ былъ остаться, по выздоровленіи же принялъ обѣты буддійскаго монаха, провелъ много лѣтъ въ странствованіяхъ по святымъ мѣстамъ и монастырямъ Гандары, Кашмира и Удіяны или Учана, и возвратился въ Китай лишь въ 790 г. Въ числѣ монастырей Гандары онъ упоминаетъ основанные сыномъ и женою царя тюрковъ (p. 357). По мнѣнію Шаванна, вышеупомянутый Усань-тегинъ-ша тождественъ съ Тегинъ-ша, сыномъ

тюркскаго царя, основавшимъ монастырь въ Гандарѣ, причемъ ша есть титулъ шахъ, который носили цари Кабула (Doc., p. 132, note 3).

Цаогюйчжа Сюань Цзана описывается въ «Танъ-шу» подъ именемъ Сѣи («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 257, Doc., pp. 160—161). «Владѣніе Сѣи (Sie-yu) лежитъ отъ Тухоло на юго-западъ; собственно называется Цаогюйчжа и Цаогюй; во время правленія Хянъ-кинъ, 656—660, называлось Хэдалочжы (по мнѣнію Шаванна, Ho-ta-lo-tche, peut-être faut-il lire Ta-lo-ho-tche = Tarokhadj, pour Arokhadj). Императрица Ву-хэу дала ему нынѣшнее названіе. На востокъ до Гибини, на сѣверо-востокъ до Фаньянь считается по 400 ли; на югѣ граничитъ съ Индіею (P'o-lo-men), на западѣ съ Босы, на сѣверѣ съ Хушигянію. Владѣтель имѣетъ пребываніе въ городѣ Хосина (Hou-si-na), а временемъ въ городѣ Асони (le roi a aussi pour capitale la ville de A-so-ni). Владѣнія его содержатъ около 7000 ли въ окружности... Проводятъ ключи для орошенія полей. Въ семъ владѣніи вмѣстѣ живутъ и Дулгасцы (Tou-kiue), и Гибиньцы, и Тухолосцы. Гибиньцы набирали здѣсь ратниковъ для войны съ Даши», т.-е. арабами. «Въ первое лѣто правленія Цзинъ-юнь, 710, владѣтель прислалъ посольство съ данію, а послѣ сего онъ призналъ себя вассаломъ Гибини» (по Матуаньлиню, въ переводѣ Ab. Rémusat, N. mél. asiatiques, 1829, t. I, p. 213, depuis cette époque, ils se joignirent à ceux de Kipin; по Шаванну, puis il s'asservit le Ki-pin). Въ 720 г. «Сынъ неба грамотою облекъ владѣтеля въ царское достоинство» (по Шаванну: le Fils du Ciel conféra par brevet le titre de roi à Tcha-k'iu-eul, hie-li-fa du Ho-ta-lo-tche). «До средины правленія Тьхянь-бао, до 748 (pendant la période t'ien-pao, 742 — 755), нѣсколько разъ присылалъ посольства съ дарами».

Газна не совсѣмъ подходитъ для столицы Сѣюя, потому что Фаньянь, т.-е. Баміанъ, отъ нея находится на С.-С.-З., а не на С.-В., и Гушигянь, т.-е. Гузганъ, нынѣшнее Меймене, расположена отъ нея не на сѣверѣ, а на сѣверо-западѣ. Но если бы мы стали искать для столицы Сѣюя мѣстность на западъ, т.-е. на Хельмендѣ, то хотя оріентація можетъ оказаться болѣе подходящей, за-то разстояніе въ 400 ли на востокъ до столицы Гибини окажется недостаточнымъ. Между тѣмъ возможно, что полученныя распросными путями показанія о положеніи сосѣднихъ владѣній относительно Хосины ошибочны или неточны.

Въ виду извѣстія статьи Сѣюй о томъ, что это владѣніе подчинило себѣ послѣ 710—711 г. Гибинь, проф. Шаваннъ находитъ, что въ статьѣ Гибинь неточно говорится о пожалованіи въ 719 г. титула тегина Арохаджа царю Гибини: слѣдовало сказать, напротивъ, что тегинъ Арохаджа получилъ титулъ царя Гибини; необходимость такой поправки подтверждается однимъ извѣстіемъ энциклопедіи Tch'e fou yuen koei (Doc., p. 132, note 1). Въ этомъ сборникѣ, изданномъ въ 1013 г. (тамъ же,

p. 199, note I), говорится, что въ 720 г. императоръ пожаловалъ чрезъ отправленнаго посланника le titre de roi du royaume de Sie-yu à Tche-k'iu-eul, hie-li-fa du Ko-ta-lo-tche, et le titre de roi du royaume de Ki-pin au tegin du Ko-ta-lo-tche (p. 161, note 1). По г. Шаванну (тамъ же), изъ этого текста слѣдуетъ, что кит. правительство этими титулами офиціально признало недавнія завоеванія Забулистана: повидимому, овладѣвъ Гибинью, царь Сѣюя поставилъ во главѣ этого государства одного изъ своихъ братьевъ или сыновей, имѣвшаго титулъ тегина; титулъ же хѣлифа, который носилъ царь Забулистана, объясняется тѣмъ, что этотъ тюркскій титулъ присвоенъ былъ западно-тюркскимъ Тунъ Шеху-ханомъ всѣмъ вассальнымъ владѣтелямъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, — добавляетъ къ этому Шаваннъ, — что въ докладѣ императору 724 г. царь Сѣюя даетъ себѣ титулъ тегина (Doc., 1903, p. 161, note I). Если бы это замѣчаніе было вполнѣ вѣрно, то, очевидно, объясненіе Шаванна пожалованія въ 720 г. царю Гибини титула тегина Коталочжы поставленіемъ въ главы Гибини брата или сына царя Сѣюя, имѣвшаго титулъ тегина, оказалось бы весьма сомнительнымъ, но въ дѣйствительности, судя по данному переводу (тамъ же, p. p. 205—206), въ докладѣ отъ имени царя Сѣюя 724 г. владѣтель Сѣюя просто называетъ свое царство Сѣюемъ, а себя царемъ его, титула же тегина совсѣмъ не употребляетъ. Титулъ тегина встрѣчается лишь въ невходящемъ въ составъ самаго доклада предисловіи изъ трехъ строкъ, въ которомъ сказано, что въ 724 г. «тегинъ царь Сѣюя» (le tegin roi du royaume de Sie-yu) прислалъ посла, который présenta une requête conçue en ces termes». Содержаніе приведеннаго за симъ доклада, ходатайства или челобитной заключается въ томъ, что въ предшествовавшемъ году китайская царевна (выданная, по Шаванну, за царя Тибета въ 707 г. и умершая потомъ въ 740 г.) прислала съ своими двумя китайцами къ царю Кашмира запросъ: приметъ ли онъ ее, если она успѣетъ бѣжать (изъ Тибета, у котораго въ это время началась война съ Китаемъ) и искать у него убѣжища? Царь Кашмира отвѣтилъ ей утвердительно, но по недостаточности своихъ войскъ, въ случаѣ нападенія тибетцевъ, обратился къ царю Сѣюя съ просьбою о присылкѣ вспомогательныхъ войскъ. Увѣдомивъ царя Кашмира, что съ радостью исполнитъ его желаніе, царь Сѣюя довелъ объ этомъ до свѣдѣнія императора, пояснивъ, что царство Сѣюй лежитъ въ 1500 ли отъ царства Кашмиръ и что послѣднее находится въ семи дняхъ пути отъ мѣстопребыванія царевны. Пользовавшійся переводами изъ «Танъ-шу» проф. de Groot'a, близкими къ переводамъ Шаванна, д-ръ Марквартъ полагаетъ, что Гибинь сохранила особыхъ своихъ государей и послѣ подчиненія своего Цаогюйчжѣ между 710 и 720 годами, но государи эти были назначаемы изъ собственной семьи царя Цаукуты, на что какъ будто указываетъ титулъ тегина Коталочжи, или въ Гибини была оставлена прежняя династія, признавшая верховенство Цаогюйчжи; въ послѣднемъ случаѣ

титулъ Коталочжи-тегинъ выражалъ зависимость правителя Гибини отъ царя Коталочжи (Erānšahr, 1901, S.S. 190—191).

Мы видѣли, что, по переводу Іакинфа, владѣтель царства Сѣи послѣ 710 г. «призналъ себя вассаломъ Гибини», и что это извѣстіе подтверждается Матуаньлинемъ, по которому сѣюйцы въ это время «присоединились къ гибиньцамъ». Шестому отдѣленію третьей части «Собранія свѣдѣній и пр.», гдѣ помѣщена статья «Сѣи», предпослано (стр. 207) предъувѣдомленіе: «Сіе отдѣленіе извлечено изъ «Исторіи династіи Тханъ», источникъ же Матуаньлиня не выясненъ. По переводу Шаванна изъ новой «Танъ-шу», наоборотъ, Сѣюй подчинилъ себѣ Гибинь; сходится съ этимъ и переводъ профессора de Groot'a (Erānšahr, S. 290): zwischen 710 und 720 wurde Ki-pin von Tsau kü-tscha unterworfen). Такъ какъ гг. Шаваннъ и de Groot упустили выяснить, что говорится въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ первой или старой редакціи «Танъ-шу», то я считаю себя въ правѣ предполагать, что Іакинфъ и Матуаньлинь слѣдовали тексту старой «Танъ-шу» или инымъ надежнымъ источникамъ, руководствуясь указаніями китайскихъ ученыхъ комментаторовъ, которые остались гг. Шаванну и de Groot'у неизвѣстными. Ненадежность въ данномъ случаѣ текста новой «Танъ-шу», составленной между 1044 и 1060 годами, возможна потому, что редакторы ея могли подчиниться вліянію свѣдѣній и документовъ энциклопедіи Че-фу-юань-гуй, изданной въ 1013 г., тогда какъ, по завѣренію проф. Шаванна, давшаго переводъ отрывковъ изъ этого сборника, китайскій текстъ ихъ часто ошибоченъ (p. 199, note I), какъ это, впрочемъ, будетъ отчасти видно и изъ нижеслѣдующаго. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что кромѣ недосмотровъ и ошибокъ со стороны составителей Че-фу-юань-гуй могли быть вовлекавшія ихъ въ заблужденіе недоразумѣнія и промахи въ самыхъ архивныхъ документахъ, служившихъ источниками, между прочимъ, по причинѣ путаницъ, легко возможныхъ вслѣдствіе произвольныхъ переименованій иностранныхъ владѣній. Въ географическомъ отдѣлѣ «Танъ-шу», въ числѣ 16 губерній, учрежденіе въ которыхъ округовъ и уѣздовъ поручено было въ 661 г. кит. чиновнику Ванъ Минъ-юаню (Doc., p. 156, note 3), третьею значится Тяо-чжи, въ царствѣ Хоталочжи, съ помѣщеніемъ управленія въ городѣ Fou-pao-che-tien и съ раздѣленіемъ на девять округовъ (тамъ же, p. p. 69, 70, note). Именъ округовъ, все архаическихъ или вымышленныхъ, я не привожу, управленія же ихъ были помѣщены въ четырехъ городахъ, именно Hou-wen, Tsan-heou-che-tien, Ou-li-nan, Ho-sa-ta и на территоріяхъ пяти родовъ (tribu): Kiu-che, Ngo-hou, I-lan, Houo-hen и Fo-lang (Chavannes, Documents sur les T. o., 70, note). Изъ именъ родовъ мнѣ кажутся тюркскими илянъ (змѣя) и буранъ (Folang) или бурханъ (одинъ изъ двухъ главныхъ отдѣловъ нынѣшняго племени гильджи, древнихъ каладжей). Д-ръ Маркв артъ предполагаетъ, что городъ Hou-wen тождественъ съ Hou-pi-na Сюань Цзана и находился около нынѣшняго Ка-

була (S. 228), но эти предположенія сомнительны. Такимъ образомъ пріуроченія столицы и всѣхъ девяти округовъ пока не сдѣланы, можетъ-быть потому, что географія страны хезарейцевъ на западъ отъ Газны намъ немногимъ извѣстнѣе до сихъ поръ, чѣмъ китайцамъ. Выше было уже приведено, что императрица Ву-хэу (684—705 гг.) дала той же странѣ имя Сѣюй, которое и сохранилось до прекращенія сношенія династіи Танъ съ западомъ. Такъ какъ произвольныя китайскія офиціальныя имена для западныхъ владѣній могли въ послѣднихъ оставаться неизвѣстными или забываться, то при веденіи записей объ иностранныхъ посольствахъ въ завѣдующемъ пріемомъ ихъ учрежденіи (хунъ-лу-сы) случались, вѣроятно, нерѣдкія недоразумѣнія и путаницы, выяснить которыя впослѣдствіи, при обработкѣ архивныхъ свѣдѣній, было не всегда возможно.

По поводу титула владѣтеля Коталочжи - Сѣюя тегинъ необходимо имѣть въ виду, что хотя на самомъ дѣлѣ въ китайскихъ текстахъ вездѣ значится те-ле, а не те-гинь (Doc., p. 225, note 3: on sait que le titre turc de tegin est constamment écrit en Chinois t'e-le au lieu de t'e-k'in), но тѣмъ не менѣе г. Шаваннъ вмѣсто теле употребляетъ вездѣ терминъ тегинъ, утверждая, что въ обѣихъ транскрипціяхъ находится титулъ тегинъ (p. 367: en réalité, sous les deux transcriptions, c'est toujours le titre tegin qu'on retrouve). Такъ какъ второй слогъ слова те-ле и те-гинь отличается не только произношеніемъ, но и изображеніемъ, ибо въ знакѣ гинь или к'инь имѣются двѣ добавочныя черточки, отсутствующія въ знакѣ ле; такъ какъ далѣе у всѣхъ китайскихъ историковъ стоитъ теле (Hirth's Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, S. 47, Anmerk. I: in allen Historiken steht t'ö-lö = töre), и такъ же значилось во всѣхъ переводахъ европейскихъ синологовъ до недавняго времени, то для чтенія тегинъ вмѣсто теле необходимы достаточно солидныя основанія. Между тѣмъ, начали такое чтеніе единственно вслѣдствіе того, что въ найденныхъ въ 1889 г. на Орхонѣ Ядринцевымъ памятникахъ оказались и въ китайскихъ текстахъ именованія Кюе-тегиномъ лица, которое въ «Танъ-шу» названо Кюе-теле. Фактъ этотъ китайцамъ былъ очень давно извѣстенъ и нѣкоторые ученые еще во время династіи Юань, въ XIII — XIV стол., утверждали, что теле «Танъ-шу» ошибочно и что слѣдуетъ писать и читать тегинь (см. переведенный проф. Васильевымъ отрывокъ изъ Мэн-гу-ю-му-цзи въ «Очеркахъ сѣверо-западной Монголіи» Г. Н. Потанина, вып. 4, Спб., 1883 г., стр. 840 и 841, а также La stèle funéraire de Kiueh.—Theghin, par Devéria, въ T'oung-Pao, 1891, p.p. 229 — 231), но мнѣніе это успѣха не имѣло [1]). Дѣйствительно, если, какъ значится въ «Танъ-шу», у тюрковъ «сыновья и младшіе братья хана именовались те-ле» (проф. Шаваннъ, въ Doc., p. 164,

---

[1]) См., между прочимъ, Д. Позднѣева „Историч. очеркъ уйгуровъ", 1899, стр. 96, примѣч. 1.

note 3, пишетъ tegin, но приведенные имъ тутъ же знаки произносятся те-ле и въ переводѣ этого самаго мѣста у Стан. Жюльена, въ Journal asiatique, 1864, t. IV, p. 201, стоитъ Te-le), то китайцы имѣли основаніе именовать Кюль-тегина Кюе-теле, потому что онъ былъ младшимъ ханомъ братомъ хана, хотя бы онъ именовался у тюрковъ и Кюль-тегиномъ. Я думаю, что проф. Шлегель совершенно основательно выяснилъ, что терминъ тегинъ могъ быть присвоенъ каждому храброму воину (полководцу), титулъ же теле = töre носили лишь сыновья и братья хана (Tögin et Töre, въ T'oung-pao, 1896, t. VII, p.p. 158—160), почему и до настоящаго времени у киргизъ-казаковъ потомки хановъ именуются тӧре. Отвергая такимъ образомъ общую замѣну термина теле китайскихъ текстовъ терминомъ тегинъ, я, однако же, въ виду возможности случайныхъ смѣшеній двухъ терминовъ этихъ вслѣдствіе нѣсколько сходнаго начертанія второго ихъ знака, допускаю возможность исправленія текстовъ, замѣны термина теле титуломъ тегинъ въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимость такой замѣны имѣетъ достаточныя основанія. Такъ, въ виду отсутствія какихъ-либо причинъ приписывать царямъ Каталочжи - Сѣюя тюркское происхожденіе и считать ихъ сыновьями или братьями хановъ, я полагаю, что цари эти не могли носить титулъ теле, присвоеніе же имъ титула тегина, вслѣдствіе нахожденія въ числѣ ихъ подданныхъ тюрковъ, которые должны были составлять и важную часть ихъ войска, весьма возможно, если этотъ титулъ давался храбрымъ воинамъ и полководцамъ. Выше уже приведено извѣстіе «Танъ-шу» о томъ, что во владѣніи Сѣи «вмѣстѣ живутъ и дулгасцы, и гибиньцы, и тухолосцы», и что «гибиньцы набирали здѣсь ратниковъ для войны съ Даши», т.-е. съ арабами. Подъ гибиньцами разумѣлись, конечно, восточно-иранскія племена, обитавшія въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи, и остатки индо-арійцевъ, прошедшихъ долиною Кабулъ-дарьи въ Индію. Тухолосцами, т.-е. тохаристанцами, названы тутъ, вѣроятно, какъ ранцы бассейна Аму-дарьи, такъ и ѣда-иданьцы, ибо, послѣ покоренія тюрками Тухоло, въ немъ «жители» (т.-е. коренное иранское населеніе) были «перемѣшаны съ иданьцами» («Суй-шу» въ «Собраніи свѣдѣній», ч. 3, стр. 202). Что касается тюрковъ («дулгасцы» Іакинфа), то у китайцевъ, повидимому, не было свѣдѣній, когда и откуда появились эти тюрки на югѣ Хиндукуша; взамѣнъ есть свѣдѣнія персо-арабскихъ писателей о найденныхъ арабами во время завоеванія Сагистана и окрестныхъ странъ тюркскихъ племенахъ, которыя въ большинствѣ извѣстій называются каладжами, нѣкоторые же авторы упоминаютъ и гузовъ. Эти тюрки признавались поселившимися здѣсь въ глубокой древности, но сохраняли свой языкъ, обычаи и кочевой образъ жизни еще въ X в. (см. эти извѣстія у д-ра Маркварта въ Eranšahr, S. S. 250—253). Впослѣдствіи каладжи объавганились и составляютъ нынѣ многолюднѣйшее изъ авганскихъ племя кильджіевъ или гильджіевъ, гильзаевъ (см. мой очеркъ «Англо-индійскій

Кавказъ», Спб., 1900 г., стр. 25 — 28), первоначальное же водворенie ихъ въ бассейнѣ озера Заре слѣдуетъ, съ наибольшей вѣроятностью, относить ко II в. до Р. Х.: это тѣ саки, которые, какъ полагалъ Гутшмидъ, дали свое имя нынѣшнему Сеистану. Эти саки, какъ извѣстно изъ отрывочныхъ историческихъ извѣстiй, которыя я не буду здѣсь приводить, то признавали надъ собою власть парфянъ, а потомъ сасанидовъ, то дѣлались независимыми; вмѣстѣ съ тѣмъ они временами играли значительную роль не только въ бассейнѣ Хильменда, но также въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи и даже въ долинѣ Инда. Благодаря этимъ-то тюркамъ, нѣкоторые роды которыхъ находились въ числѣ подданныхъ царей Сѣюя и составляли часть его войска, придворныхъ и сановниковъ, и могло, вѣроятно, появиться и утвердиться именованiе царей Коталочжи тегинами, присвоенное, быть-можетъ, тюркскими воинами одному изъ царей за его храбрость и военные подвиги и обратившееся потомъ въ общiй титулъ его преемниковъ. Этотъ титулъ тегина для царей Газны такъ прочно укрѣпился, что его стали носить въ X в. и отнявшiе у мѣстной династiи страну Газны Альпъ-тегинъ, Бильгя-тегинъ и Себукъ-тегинъ, основатель династiи газневидовъ: всѣ трое были изъ тюрковъ-рабовъ и возвысились, благодаря воинскимъ подвигамъ. Если такимъ образомъ мѣстнымъ титуломъ царей Сѣюя - Коталочжи (Арохаджа арабовъ, Арахозiи грековъ) былъ титулъ тегинъ, то сохранившееся въ «Танъ-шу» извѣстiе о пожалованiи вслѣдствiе посольства 719 года царю Гибини титула тегина Коталочжи не можетъ быть правильно объясняемо и понимаемо иначе, какъ послѣдствiе подчиненiя Сѣюя Гибини, а потому долженъ быть почитаемъ правильнымъ и текстъ старой «Танъ-шу» или вообще тотъ китайскiй историческiй текстъ, которому слѣдовали Iакинфъ и Матуаньлинь въ статьѣ о Сѣюѣ, говоря, что послѣ 710 г. вл. Сѣюй подчинилось или присоединилось къ Гибини. Текстъ новой «Танъ-шу», говорящiй о подчиненiи Гибини Сѣюю, есть, вѣроятно, ошибочное измѣненiе этого болѣе древняго и правильнаго текста, произведенное подъ влiянiемъ текстовъ энциклопедiи Че-фу-юань-гуй. Ясно это изъ того, что въ текстѣ Iакинфа о пожалованiи владѣтелю Сѣюя царскаго достоинства не было имени царя и титула хѣлифы Коталочжи. Такъ какъ имя Че-кiю-ёль и титулъ хѣлифа Коталочжи оказываются въ энциклопедiи, изданной въ 1013 г., то составители новой «Танъ-шу», оконченной въ 1060 г., почерпнули это изъ нея, а именно изъ первой половины выше приведеннаго въ переводѣ Шаванна текста, гласящаго, что въ 720 г. былъ пожалованъ «титулъ царя владѣнiя Сѣюй Чекiюѣл'ю, хѣлифѣ Коталочжи». А такъ какъ въ продолженiи этого текста говорилось: «и титулъ царя владѣнiя Гибини тегину Коталочжи», то, усмотрѣвъ изъ другого мѣста той же энциклопедiи, что царь Сѣюя именовалъ себя тегиномъ, и разсудивъ, что хѣлифа и тегинъ Коталочжи есть одно и то же лицо, составители «Танъ-шу», вѣроятно, рѣшили исправить прежнiй текстъ о подчиненiи Сѣюя Гибини въ обратномъ смыслѣ,

ибо пожалованіе хѣлифѣ и тегину Коталочжи титула царя Гибини возможно было лишь при подчиненіи Гибини Сѣюю, а не обратно. Между тѣмъ, въ виду сохраненнаго въ «Танъ-шу» извѣстія о пожалованіи владѣтелю Гибини послѣ посольства 719 г., можетъ-быть, не въ томъ же году, а въ слѣдующемъ 720 г., титула тегина Коталочжи, слѣдуетъ полагать, что во второй половинѣ вышеприведеннаго текста Че-фу-юань-гуй случилась описка или ошибка: слѣдовало сказать «и царю владѣнія Гибинь титулъ тегина Коталочжи», а не «и титулъ царя вл. Гибини тегину Коталочжи».

Персо-арабскія свѣдѣнія о столкновеніяхъ мусульманъ съ владѣльцами Кабула.

Приведя изъ новой «Танъ-шу» извѣстіе о подчиненіи, между 710 и 720 гг., Гибини Сѣюю, д-ръ Маркварть замѣтилъ (Erānšahr, 290), что извѣстіе это совпадаетъ съ арабскими свѣдѣніями о возвышеніи могущества замбиля. По назначеніи Котейбы бенъ Муслима,—продолжаетъ Маркварть,—намѣстникомъ Харасана и Сагистана, Котейба поручилъ управленіе Сагистаномъ своему брату Амрѣ. Послѣдній потребовалъ, чтобы замбиль вносилъ дань монетой; когда же тотъ объявилъ, что можетъ уплачивать дань лишь произведеніями страны, какъ опредѣлено было договоромъ съ Хаджаджемъ, то Котейба открылъ противъ него въ 92 г. Х. (710—711 г. по Р. Х.) военныя дѣйствія. Однако, при возобновленіи замбилемъ просьбы о принятіи дани натурою, Котейба на это согласился и возвратился въ Хорасанъ. При слѣдующихъ намѣстникахъ замбиль уплачивалъ до калифата Мансура дань большею частію исправно. Источниками этихъ свѣдѣній показаны Маркклртомъ Беладори и Якуби.

Чтобы выяснить, дѣйствительно ли арабскіе историки даютъ свѣдѣнія, подтверждающія мнѣніе Маркварта о подчиненіи Гибини Сѣюю послѣ 710 г., необходимо ознакомиться съ мусульманскими извѣстіями о столкновеніяхъ арабовъ съ владѣльцами Кабула и Газны. Эти извѣстія давно уже собраны и переведены Рено и Элліотомъ (Mémoire géographique, historique et scientifique sur l'Inde etc., par M. Reinaud, въ Mémoires de l'Académie des Insriptions et Belles-Lettrs, t. 18, partie deuxième, Paris, 1849. The History of India, as told by its own historians. Edited from the postumous papers of the late sir H. M. Elliot, by prof. John Dowson, London, 1867, vol. I, 1869, vol. II), а недавно пересмотрѣны и дополнены д-ромъ Марквартомъ (въ Erānšahr, 1901). Я приведу, возможно короче, самое необходимое.

По Беладори, который считается наиболѣе достовѣрнымъ изъ историковъ арабскихъ завоеваній, Седжестанъ (или Сакастанъ, Сагистанъ) покоренъ былъ при халифѣ Османѣ (644—656 гг. по Р. Х.) въ 30 г. Х.

(650—1 г. по Р. Х.) Рабіемъ б. Зіядъ; при Османѣ же намѣстникъ Седжеетана Абдэррахманъ б. Самра подчинилъ Даверъ, Бостъ и Забулъ (Rawlinson въ «Journal of the R. Geogr. S,. 1873, vol. 43, p. 292, Erānšahr, 37), но во время внутреннихъ у арабовъ смутъ при калифѣ Али (656—661 гг.) земли эти отложились; при халифѣ Моавіи (661—680 гг.) Седжестанъ былъ снова покоренъ и вторично назначенный намѣстникомъ Абдрахманъ бенъ Самра снова подчинилъ Даваръ-и-Заминъ, Бостъ и Забулъ, а затѣмъ осадилъ и взялъ Кабулъ (Reinaud, p. 172, Marquatr's Erānšahr, 37, 255, Elliot, II, 414—415); однако владѣлецъ кабульскій (названный у Беладори Ретбилемъ, см. В. В. Григорьева «Кабулистанъ и Кафиристанъ», 1867, стр. 835) призвалъ войска изъ Индіи и вынудилъ мусульманъ удалиться изъ Кабула, проникъ въ Забулистанъ и Аль-Рохаджъ и овладѣлъ городомъ Бостомъ и страною Даваръ; несмотря на это, когда стали приходить вспомогательныя къ мусульманамъ войска, онъ просилъ мира и обязался платить ежегодную дань въ 1 м. дирхемовъ (Mémoire sur l'Inde, par Reinaud, p. 178). Послѣднія событія д-ръ Марквартъ, по Беладори же, излагаетъ такъ, что по смерти Абдрахмана б. Самура (670 г.) шахъ Кабула воспрянулъ духомъ и выгналъ мусульманъ изъ своей страны, а зунбиль овладѣлъ Забулистаномъ и Аль-Рохаджемъ до Боста; онъ былъ разбитъ и преслѣдуемъ до Аль-Рохаджа преемникомъ Абдрахмана Рабіемъ и заключилъ съ преемникомъ послѣдняго Обайдуллахомъ б. Абу-Бакра договоръ, по которому обязался платить дань 1 м. дирхемовъ въ дань какъ за занятыя имъ земли, такъ и за Кабулъ (Erānšahr, 37). Во время послѣдовавшихъ въ халифатѣ междоусобій царь Кабула пересталъ платить дань; тогда, въ 64 г. Х. (683 по Р. Х.), губернаторъ Седжестана Абдъ-аль-Азисъ пошелъ на него, побѣдилъ и убилъ; война продолжалась при преемникѣ убитаго, но и тотъ вынужденъ былъ возобновить платежъ дани (Mémoire sur l'Inde, pp. 178—179, Elliot, II, p. 416). По д-ру Маркварту, ссылающемуся на Беладори и Табари, по смерти халифа Язида б. Моавіи (64 г. Х., 683—4 по Р. Х.), жители Кабула возмутились и взяли въ плѣнъ Абу-Обаида б. Зіяда; тогда выступилъ противъ нихъ Язидъ б. Зіядъ и далъ имъ сраженіе при *Газна*, но погибъ съ большею частію войска. Замѣчая, что подъ Ганзою нечего разумѣть кромѣ Газны, Маркварть приводитъ, по Беладори, что во время послѣдовавшихъ у арабовъ междоусобицъ (между оммейядами и поставленнымъ въ Меккѣ халифомъ Абдаллахомъ аз-Зубаиръ (64—73 гг. Х.) могущество зунбиля такъ возрасло, что онъ угрожалъ арабамъ даже въ Зарангѣ, но во время вышеназваннаго халифа Абдаллаха онъ былъ убитъ однимъ арабомъ около Заранга (Erānšahr, 37). Въ 80 г. Х. (699 г. по Р. Х.) походъ правителя Седжестана Убейдъ-ул-Лаха кончился тѣмъ, что арабы были окружены войсками владѣльца Кабула (Ренбеля) и частію погибли въ бою, частію избавились отъ плѣна лишь цѣною выкупа въ 300 (или 700) т. дирхе-

мовъ; въ слѣдующемъ году преемникъ этого правителя Абдрахманъ б. Мохаммедъ б. Ашатъ дѣйствовалъ осторожно, но успѣшно, когда же Хаджаджъ остался его дѣйствіями недовольнымъ, то возмутился и нашелъ убѣжище у владѣльца Кабула, который, однако, согласился выдать его Хаджаджу (В. В. Григорьевъ, тамъ же, стр. 835 и 836, Elliot, vol. II, p.p. 416—417, и Reinaud, p. 179). По Вейлю, слѣдовавшему Табари, около 79 г. Х. (съ 20 марта 698 до 9 марта 699 г. по Р. Х.), führte Ubeid Allah Ibn Abu Bekrah (вновь назначенный Хаджаджемъ въ намѣстники Седжестана) ein Heer gegen Zenbil, ein allgemeiner Name für den König der Turkomanen, hier aber besonders der Fürst von Kabul und dem zwishen Herat und Kabul gelegenen Lande. Zenbil lockte ihn immer weiter in sein Land, bis er ihn von seinen Truppen umzingelt hatte, die ihm den Rückzug abschnitten. Ein kleiner Theil des Heeres unter Schareih Ibn Hani ward abgerieben und ein anderer capitulirte mit Aufopferung von 300,000 Dirham (Geschichte der Chalifen, etc., von D-r Gustav Weil, Erster Band, Mannheim, 1846, S.S. 448—449). Къ сожалѣнію, д-ръ Маркварть не далъ перевода или полнаго изложенія извѣстій Беладори по этому предмету; повторивъ (S. 249) уже приведенное имъ (S. 37) извѣстіе о заключеніи замбилемъ договора съ Убаидъ-аллахомъ б. Абу Бакра, какъ за свою страну, такъ и за Кабулъ, онъ высказалъ мнѣніе, что, обязуясь данью и за непринадлежащій ему Кабулъ, замбиль желалъ пріобрѣсти у арабовъ обладаніе Кабуломъ [1]), и затѣмъ говоритъ: Ob und auf welche Weise dem Zambil seine Absichten auf Kabul glückten, wird uns nicht ausdrücklich berichtet. Es ist zweifelhaft, ob er bei Beladori... wo Ubaid-allah b. Abu Bakra in einem Engpass in der Nähe von Kabul von den Feinden abgeschnitten wird und diese von Zambil Zuzug erhalten, als Herrscher oder bloss als Bundesgenosse derselben gedacht ist (S. 269). Выше мною уже приведены свѣдѣнія Маркварта о столкновеніяхъ замбиля съ Кутейбою въ 710—11 гг. и о томъ, что затѣмъ до халифа Мансура (754 г.) замбиль, по Беладори и Якуби, платилъ дань исправно. Въ 162 г. Х., когда, по исторіи Якуби, халифъ Аль-Махди (158—169 гг. Х., 775—785 по Р. Х.) отправлялъ посольства для привлеченія въ подданство иностранныхъ государей, на первыхъ мѣстахъ въ числѣ послѣднихъ стояли шахъ, царь Кабула, по имени Хингиль, ширъ, царь Баміана, замбиль, царь Сагистана, и пр.; по Беладори, замбиль Сагистана регулярно уплачивалъ дань намѣстникамъ халифовъ Аль-Магди и Рашида (786—809 гг.), но подчиненность Кабулъ-шаха, по словамъ Маркварта, была болѣе или менѣе сомнительна, какъ доказываетъ это предпринятый при Рашидѣ по распоряженію намѣстника его Фадля б. Яхъя въ 792 г. походъ на его

[1]) А развѣ не могъ замбиль дѣйствовать въ качествѣ уполномоченнаго отъ Кабулъ-шаха въ относящейся до послѣдняго части договора?

владѣнія (Erānšahr, 291). По краткому изложенію В. В. Григорьева (стр. 836), въ этотъ походъ были завоеваны и присоединены къ владѣніямъ халифовъ города Пенджгиръ, Перванъ и Горбендъ. Д-ръ Маркварть далъ переводъ всего относящагося сюда отрывка географическаго труда Якуби, оконченнаго въ 891 г. (В. В. Бартольдъ «Туркестанъ», ч. 2, стр. 8), съ своими комментаріями (Erānšahr, 277 и слѣд.) Къ сожалѣнію, по отсутствію въ именахъ городовъ и лицъ діакритическихъ точекъ и невозможности поэтому читать ихъ съ достовѣрностью, главное же по темнотѣ текста, происшедшей, вѣроятно, вслѣдствіе смутности свѣдѣній самого Якуби по этому предмету, переведенный отрывокъ не представляетъ никакихъ данныхъ для выясненія отношеній Кабулъ-шаха къ арабамъ и мѣстонахожденія его столицы, которой имя хотя и дано, но доселѣ не прочитано. По мнѣнію г. Маркварта, походъ при Фадлѣ не произвелъ никакихъ измѣненій въ отношеніяхъ Кабулъ-шаха къ арабамъ (S. 291). По Беладори, Аль-Мансуръ, въ бытность намѣстникомъ Хорасана (809—813 гг.), потребовалъ, чтобы Кабулъ-шахъ впредь платилъ двойную дань; за отказъ онъ взялъ Кабулъ, и царь его обратился въ мусульманство (Mémoire sur l'Inde, p. 196). Но въ другомъ мѣстѣ Беладори говоритъ только о посылкѣ войска противъ Кабула, объ обращеніи же царя въ мусульманство умалчиваетъ (тамъ же, p. 197); по Табари, передъ началомъ войны съ халифомъ Аминомъ (811 г.) Мамунъ жаловался своему везиру, что ему приходится начать войну въ самый неблагопріятный моментъ, когда сосѣдніе владѣтели замышляютъ выйти изъ повиновенія, и, между прочимъ, царь Кабула готовится совершить набѣгъ на прилегающія къ его владѣніямъ мѣстности Хорасана; везиръ посовѣтовалъ ему послать подарки кабульскому царю и предложить ему заключеніе договора, на который онъ охотно согласится, относительно же другихъ сосѣдей употребить подобныя же мѣры (В. В. Бартольдъ «Туркестанъ», ч. 2, стр. 207): въ виду этихъ извѣстій, свѣдѣніе объ обращеніи Кабулъ-шаха въ исламъ можетъ быть и ошибочно. По росписанію податей, которыя собирались намѣстникомъ Абуль-Аббасомъ б. Тахиромъ въ 211 и 212 гг. X. (826—827 гг. по Р. X.), съ Кабула было назначено 2.000,500 дирхемовъ и 2 т. рабовъ изъ тюрковъ-гузовъ (Bibliotheca geograph. arabicorum, t. VI, 1889, p. 27). Въ 870—1 г. Якубъ б. Лейтъ, идя чрезъ Балхъ и Баміанъ, гдѣ разграбилъ буддійскій храмъ, овладѣлъ Кабуломъ и плѣнилъ замбиля (Erānšahr, 292, у Reinaud, p. 209, «самого царя», у В. В. Григорьева, стр. 837, «самого владѣльца кабульскаго»). Въ 896 г. войска Амра б. Лейта разрушили идоловъ въ индійскихъ храмахъ рустака (волости) Логаръ (рѣка и долина между Газной и Кабуломъ); противъ нихъ выступилъ Камалу, раджа Индустана, но мусульманскія войска получили сильныя подкрѣпленія изъ Хорасана (Erānšahr, 296). Послѣ пораженія и плѣненія Амра весною 900 г. Исмаиломъ саманидомъ владѣнія его перешли къ саманидамъ. Въ 962 г. возвысившійся изъ тюрковъ-рабовъ саманидскій военачальникъ Альпъ-тегинъ, вынужден-

ный оставить постъ намѣстника Хорасана, удалился въ Газну, низложилъ мѣстнаго владѣльца (котораго д-ръ Маркв артъ находитъ возможнымъ считать потомкомъ плѣненнаго Якубомъ б. Лейтомъ замбиля, S. 298) и положилъ начало самостоятельному государству, въ которомъ Себукъ-тегинъ, сдѣлавшійся эмиромъ Газны въ 977 г., основалъ династію газневидовъ, началъ отнимать у индійскихъ государей Кабулистана земли ихъ на правой сторонѣ Инда, сынъ же его Махмудъ (998 — 1030 гг.) совершилъ обширныя завоеванія въ Индіи.

По отзыву Маркварта, арабскія свѣдѣнія о Кабулѣ во всѣхъ отношеніяхъ поверхностны, темны и неопредѣленны, такъ что изъ нихъ нельзя извлечь ничего точнаго о границахъ этого царства, а также и о политическихъ его отношеніяхъ къ царству халифовъ (S. 248). Замѣчая, что у Беладори зунбиль появляется какъ deus ex machina, тогда какъ въ предыдущей строчкѣ шла рѣчь о Кабулъ-шахѣ (S.S. 248—249), д-ръ Маркв артъ привелъ изъ Табари сказаніе Саифа, по которому, во время халифа Моавіи, шахъ (Кабула?) бѣжалъ отъ своего брата, по имени Зунбиля, въ сагистанскій городъ, именуемый Амулемъ (Забуломъ—полагаетъ Маркв артъ), подъ защиту Сальма б. Зіяда, который въ то время былъ намѣстникомъ Сагистана; но по смерти Моавіи, во время внутреннихъ смутъ у арабовъ, шахъ возмутился и завладѣлъ Амулемъ; зунбиль же, страшась его, укрѣпился въ томъ мѣстѣ, гдѣ и теперь находится, но, не довольствуясь этимъ, сталъ тѣснить нашихъ (арабовъ), покушался на Зарангъ и осаждалъ его, пока не пришли подкрѣпленія изъ Baçры (Erânšahr, 38). Признавая, что въ сказаніи этомъ невѣрно утверждается, что Сальмъ былъ намѣстникомъ во время Моавіи, ибо на самомъ дѣлѣ Сальмъ былъ намѣстникомъ при халифѣ Язидѣ (680—681 гг.) и внутреннія смуты начались у арабовъ по смерти Язида, а не Моавіи, Маркв артъ усматривалъ также въ сказаніи Саифа путаницу: не шахъ, а зунбиль бѣжалъ отъ своего брата шаха (S. 38), но тѣмъ не менѣе находилъ это сказаніе удостовѣряющимъ, что царство замбиля, по крайней мѣрѣ сначала, было особое отъ царства Кабулъ-шаха, какъ это подкрѣпляется и означеніемъ (Якуби) въ исчисленіи царей, подчинявшихся въ 778 г. калифу Аль-Махди, на-ряду съ царемъ Кабула шахомъ Хингилемъ царя Сагистана замбиля (S. 248). Вмѣстѣ съ тѣмъ это послѣднее обстоятельство, а также наслѣдованіе первому зунбилю второго князя того же имени, и плѣненіе въ Кабулѣ Якубомъ б. Лейтомъ замбиля приводятъ Маркварта къ заключенію, что замбиль не имя, а титулъ, какъ ябгу у тюрковъ, или родовое, а не личное именованіе, что подтверждается извѣстіемъ Масуди о томъ, что каждый царь, который въ этой части индійской земли (именно въ Бостѣ, Газнинѣ, Багнинѣ и Заминъ-и-Даварѣ) властвовалъ, назывался замбилемъ (249); по Ибнъ-Хордадбеху, царь Сагистана, ар-Рухаджа и Заминъ-и-Давара имѣлъ титулъ замбиль; по приведенному Ибнъ-Халликаномъ свидѣтельству, царь тюрковъ въ пограничной

области Сагистана и три другихъ мѣстныхъ князя, которые были убиты Якубомъ бинъ Лейтомъ, всѣ носили титулъ замбиля; по одному извѣстію Табари, относящемуся къ событіямъ 79 г. Х., воины замбиля были изъ тюрковъ и самъ замбиль, сообразно этому, часто титуловался царемъ тюрковъ (S. 250).

Вслѣдствіе разнообразія или отсутствія діакритическихъ точекъ титулъ, который Маркварть читаетъ зунбиль или замбиль, другими учеными читался Zentil, Zenbil, Ratbyl, Zenbyl, Rateil, Ratpeil, Ratbal, Rantal, Ratpil, Zantil, Reteil, Ratteil, Retpeil, Vittel, Ratna-pala, Rutun-pal и т. д. (Elliot, vol. II, p. 417). По мнѣнію проф. Нёльдеке, произношеніе (Aussprache) зунбиль или замбиль для имени князей Забула невѣроятно (Zeitschrift der D. M. G., 1902, Bd. 56, S. 434). [1]) При неизвѣстности, такимъ образомъ, правильнаго чтенія и языка, которому данный титулъ принадлежитъ, приходится оставить его въ числѣ неразрѣшенныхъ еще загадокъ. Мнѣ кажется, однако,—въ виду нѣсколькихъ арабскихъ свидѣтельствъ о томъ, что титулъ этотъ носили цари Сагистана и нѣсколькихъ сосѣднихъ областей,—достаточно яснымъ, что онъ присваивался лишь владѣльцамъ земель бассейновъ озеръ Заре и Абъ-Истаде, но не распространялся на бассейнъ Кабулъ-дарьи. По этой, быть-можетъ, причинѣ титулъ этотъ не дошелъ до китайскихъ историковъ, ибо прямыя упоминанія о сношеніяхъ съ Сѣюемъ имѣются лишь за время съ 710 по 742—755 гг., тогда какъ съ Гибинью сношенія велись съ начала дин. Танъ, съ 619 г. до 759 г.; свѣдѣнія о Сѣюѣ, между прочимъ, и о титулѣ царя его, естественно, должны были оказываться менѣе полными и подробными, чѣмъ о Гибини. Я думаю, что цари Гибини, Кабулъ-шахи, не носили титула замбиля или подобнаго, упоминаніе же у арабскихъ историковъ ретбиля или зунбиля и т. п. въ Кабулѣ объясняется тѣмъ, что источниками этихъ упоминаній служили сагистанскіе или сосѣдніе арабы или мусульмане, привыкшіе именовать мѣстныхъ царей ретбилями или зунбилями и распространявшіе тотъ же титулъ на языческаго же государя Кабула или Гибини: въ самомъ дѣлѣ, именованіе владѣльца кабульскаго ретбилемъ встрѣчается у Беладори въ разсказѣ о войнѣ, которую арабы вели со стороны Сагистана, стало-быть, источниками свѣдѣній служили сеистанцы; равнымъ образомъ главная часть войска и самъ Якубъ б. Лейтъ, плѣнившій въ Калулѣ «замбиля», были сеистанцами; напротивъ, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ у арабскихъ историковъ владѣлецъ Кабула названъ шахомъ, источники были хорасанскіе или балхскіе, изъ тѣхъ странъ, гдѣ царь кабула именовался шахомъ, какъ у подвластнаго ему населенія долины Кабулъ-дарьи и въ Индіи.

[1]) По Раверти, не дающему основаній этого мнѣнія, титулъ правителя Кабула былъ шахъ, Ренбель же, Зентиль, Зенбиль и пр. были именемъ династіи; правильнымъ произношеніемъ считаетъ онъ Ретенъ-палъ или Ринъ-палъ (Notes on Afghanistan etc., by Major Rowerty, London, 1880, p. 62).

Здѣсь, и вообще для уясненія отношеній арабовъ къ Кабулу, слѣдуетъ имѣть въ виду, что силъ арабскаго племени, затратившаго часть этихъ силъ на завоеванія въ сѣверной Африкѣ, хватило въ Азіи только на покореніе и омусульманеніе земель, занятыхъ семитами (Сирія, Месопотамія) и иранцами. Какъ въ Индіи арабы не могли распространиться за предѣлы Синда, такъ и въ бассейнѣ озера Заре они прочно утвердились лишь въ персидской части Сагистана и должны были довольствоваться взиманіемъ дани съ владѣльцевъ сосѣднихъ земель, занятыхъ тюрками (халаджи) и иранскими племенами, смѣшанными съ индійцами или находившимися подъ индійскимъ вліяніемъ. Горныя страны между Хератомъ на западѣ и Кабуломъ на востокѣ, и Таликаномъ съ Баміаномъ на сѣверѣ и, наконецъ, Сагистаномъ и Газною на югѣ, занятыя воинственными горными племенами, происходившими, вѣроятно, отъ объираненныхъ аборигеновъ, не были покорены ни арабами, ни саманидами и оставались частію языческими до временъ газневидовъ, конечно, потому, что подчиненіе ихъ потребовало бы значительнаго количества войскъ, огромныхъ расходовъ и долгаго времени безъ соотвѣтственнаго вознагражденія. Вѣроятно, по такой же трудности и невыгодности, халифы и ихъ намѣстники, а потомъ и саманиды довольствовались полученіемъ отъ владѣльцевъ Кабула дани. Отказываясь отъ принужденія замбиля къ платежу дани монетою вмѣсто продуктовъ, Кутейба въ 710—711 г. мотивировалъ этотъ отказъ тѣмъ, что «страна эта для арабовъ несчастлива, Абдаллахъ б. Умайя и Ибнъ Абу Бакра, и не одни, погибли уже здѣсь прежде, и мы не обезпечены отъ сожженія хлѣба и фуража въ видѣ военной хитрости, къ какимъ замбиль имѣетъ обыкновеніе прибѣгать» (Ērānšahr, 290: Da riet Qotaiba seinem Heere die Naturallieferungen anzunehmen, «denn es ist eine unselige Gegend, und Abdallah b. Umaiya und Ibn Abu Bakra und mehr als einer sonst sind da zu Grunde gegangen, und wir sind nicht vor der Kriegslist sicher, die Zambil anzuwenden pflegt, das Getreide und Futter zu verbrennen». So liess man es dabei bewenden und Qotaiba kehrte nach Chorasan zurück). Очевидно, Котайба имѣлъ тутъ въ виду несчастливый походъ Убеидъ-ул-Лаха б. Абу Бакра (см. выше), который окруженъ былъ войсками Зентбиля, владѣльца Кабула, завлекшими арабовъ въ ущелье между Кабуломъ и Джигдаликомъ (Раверти Notes on Afghanistan, p. 62); тутъ, слѣдовательно, ренбелемъ или замбилемъ названъ не владѣлецъ Забулистана, а владѣлецъ Кабула, Кабулъ-шахъ. Трудно думать, чтобы Кутейбу могла устрашать война съ однимъ замбилемъ Забулистана (о Кабулъ-шахѣ въ приводимыхъ Марквартомъ свѣдѣніяхъ, S. 290, совсѣмъ не упоминается), потому что Кутейба, какъ намѣстникъ Хорасана и Сагистана, располагалъ большими силами, и владѣнія замбиля Забулистана не были ограждены никакими серьезными естественными препятствіями, ибо путь къ Газнѣ лежалъ изъ Сагистана по долинамъ Хельменда, Аргандъ-аба, Тарнака и рѣки

Газны, какъ видно изъ приводимыхъ Марквартомъ извѣстій Беладори о походѣ Абдрахмана б. Самура при Моавіи (въ 43 г. X., т.-е. 663—4 г. по Р. X., какъ утверждаетъ Раверти, Notes on Afghanistan, p. 62): Взявъ приступомъ Бостъ (нынѣ, по Роулинсону, l. c, p. 293, Kileh-Bist, т.-е. Кала-Бистъ, при впаденіи Аргандъ-аба въ Хельмендъ), Абдрахманъ «пошелъ на Разанъ, жители котораго бѣжали, почему онъ занялъ его; отсюда онъ двинулся на Хушшакъ, населеніе котораго сдалось на капитуляцію; потомъ прибылъ онъ въ ар-Рухаджъ, гдѣ нашелъ отпоръ, но одержалъ верхъ и завоевалъ (эту страну); затѣмъ двинулся онъ въ Забулистанъ, гдѣ встрѣтилъ сопротивленіе, такъ какъ страна эта (ранѣе покоренная, потомъ) отложилась, но онъ завоевалъ (ее), набралъ (много) плѣнныхъ и пошелъ на Ка́булъ, населеніе котораго отложилось, и завоевалъ его» (Ērānšahr, 255). Хотя, такимъ образомъ, Абдрахману б. Самура удалось взять Кабулъ и вынудить Кабулъ-шаха платить дань и хотя и впослѣдствіи отъ платежа дани этой владѣтели Кабула освободиться не могли, тѣмъ не менѣе дальнихъ походовъ во владѣнія Кабулъ-шаха арабы не предпринимали послѣ пораженія, нанесеннаго Обеидъ-ул-Лаху въ горной мѣстности между Кабуломъ и Джигдаликомъ, гдѣ впослѣдствіи, въ 1842 г., истреблена была авганами англійская армія, отступавшая изъ Кабула въ Джелальабадъ. Если бы арабы успѣшно одолѣли сопротивленіе въ ущельяхъ и на перевалахъ между Кабуломъ и Джелальабадомъ, имъ предстояло, чтобы проникнуть въ долину Пишавера, пройти Хайберское ущелье. Между тѣмъ, если для арабовъ «почти не существовали трудности степныхъ походовъ, то къ горной войнѣ они привыкли только съ большимъ трудомъ и очень неудачно дѣйствовали даже на такихъ перевалахъ, которые для современныхъ войскъ не представляютъ никакихъ затрудненій» (В. В. Бартольдъ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія», Спб., 1900, стр. 185). Положеніе же Кутейбы осложнялось тѣмъ обстоятельствомъ, что при такомъ начальникѣ, какъ Хаджаджъ, ему даже въ случаѣ лишь замедленія въ войнѣ могла угрожать участь Абдрахмана б. Ашата, особенно если онъ не испросилъ разрѣшенія на требованіе дани монетою вмѣсто платежа натурою, какъ согласился Хаджаджъ, можетъ-быть, въ вознагражденіе Кабулъ-шаха за выдачу Абдрахмана [1]).

Во всякомъ случаѣ, если бы походъ Кутейбы 710 — 711 г. и предпринятъ былъ противъ замбиля Забулистана, какъ думаетъ Марквартъ, а

---

[1]) По Табари, разсказы объ участи Абдэррахмана разнорѣчивы. По нѣкоторымъ, вслѣдствіе обѣщанія Хаджаджа простить дань на семь лѣтъ и угрозы въ случаѣ неисполненія требованія отправить противъ него войско, зенбиль послалъ Хаджаджу голову Абдэррахмана; по другимъ, онъ умеръ отъ болѣзни; по-третьимъ, будучи отправленъ въ Седжестанъ, Абдэррахманъ во время пути бросился въ пропасть (Weil, Geschichte der Chalifen etc., I, 464—465).

не противъ Кабулъ-шаха, какъ полагаю я [1]), отказъ Кутейбы отъ своего требованія и отъ непріязненныхъ дѣйствій ни мало не свидѣтельствуетъ о какомъ-либо усиленіи могущества замбиля Забулистана, а истекалъ изъ другихъ мотивовъ, а потому не можетъ служить подтвержденіемъ утвержденія новой «Тэнъ-шу» о подчиненіи послѣ 710 г. Гибини Сѣюю. Напротивъ, легкодоступность Забулистана движеніямъ въ предѣлы его мусульманскихъ войскъ изъ Сагистана, съ одной стороны, и большая отдаленность Гибини въ соединеніи съ возможностью успѣшной обороны вслѣдствіе горной природы страны и полученія вспомогательныхъ войскъ изъ Индіи и отъ сосѣднихъ горныхъ народовъ, съ другой стороны, дѣлаютъ невѣроятнымъ, при существованіи столь сильнаго врага, какъ арабы, подчиненіе слабому Сѣюю гораздо болѣе способной противодѣйствовать общему врагу Гибини. Что касается сказанія Саифа, которое, какъ полагаетъ Маркзартъ, объясняетъ образованіе особаго отъ царства Кабулъ - шаха, Гибини, владѣнія замбиля Забулистана, Сѣюя, то это нескладное соединеніе смутныхъ и извращенныхъ слуховъ о бѣгствѣ какого-то шаха предъ какимъ-то зунбилемъ, въ какой-то городъ Амуль, во время Моавіи, но при намѣстникѣ Сальмѣ, который въ дѣйствительности назначенъ былъ на эту должность по смерти Моавіи, не заслуживаетъ ни довѣрія, ни серьезнаго вниманія, тѣмъ, болѣе, что существованіе Цаогюйчжи или Цао-ли (Заула, Завула) удостовѣрено еще въ 643 — 644 г. Сюань Цзаномъ, возвращавшимся изъ Индіи чрезъ это владѣніе до завоеванія арабами Сагистана и говорящимъ, что тогдашній царь наслѣдовалъ длинному ряду предковъ, изъ чего ясно, что Забулъ, какъ особое владѣніе, имѣлъ особый царскій домъ, свою династію уже многіе десятки, а, можетъ-быть, и сотни лѣтъ.

Извѣстія Аль-Бируни о тибетской династіи царей Кабула. Заключительные выводы и соображенія о кидаритахъ и отношеніяхъ ихъ къ ефталитамъ и хуна.

По словамъ Аль-Бируни [2]), «индійцы имѣли царей, пребывавшихъ въ Кабулѣ, тюрковъ, которые, говорятъ, были тибетскаго происхожденія» (of Tibetan origin). О первомъ изъ нихъ, Бархатекинѣ, Аль-Бируни сообщаетъ смутное и неинтересное преданіе, которое приводить безполезно.

---

[1]) Именованіе Кабулъ-шаха въ извѣстіяхъ о походѣ Кутейбы зенбилемъ можетъ быть объяснено тѣмъ, что снаряженіе для этого похода производилось, по Табари, въ Седжестанѣ: въ 92 г. Х. ging Kuteiba nach Sedjestan und rüstete sich zu einem Feldzüge gegen Zenbil, der es aber zu keinem Kriege kommen liess (ibid., 510).

[2]) Alberuni's India, an English Edition, by dr. Edw. Sachau, London, 1888, vol. II, p.p. 10—13. Прежніе переводы: Reinaud въ Journal asiatique, 1844, Septembre - Octobre, p.p. 289 — 291, и въ Mémoire sur l'Inde (Mémoires de l' Académie des Inscriptions etc., t. XVIII, partie II, 1849). p. p. 73 et suiv. Sir H. M. Elliot, History of India, as told by its own historians, London, 1869, vol. II, p. p. 9—13.

Бархатекинъ носилъ тюркскую одежду и оружіе, и управлялъ Кабуломъ «съ титуломъ шахія Кабула (shâhiya of Kâbul). Царство оставалось въ управленіи его потомковъ поколѣній, сказываютъ, около шестидесяти (The rule remained among his descendants for generations, the number of which is said to be about sixty). Къ несчастію, индійцы не обращаютъ большого вниманія на историческій ходъ вещей; они не озаботились о сохраненіи свѣдѣній о хронологической послѣдовательности ихъ царей, когда же отъ нихъ настоятельно требуютъ свѣдѣній (по этому предмету), то, не зная что говорить, они всегда принимаются передавать ходячіе разсказы. Поэтому и мы должны сообщить читателямъ преданія, которыя получили отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Я слышалъ, что родословіе (the pedigree) этого царскаго рода, написанное на шелку, существуетъ въ крѣпости Нагаркотъ, и очень желалъ ознакомиться съ нимъ, но по разнымъ причинамъ сдѣлать этого мнѣ не привелось. Вь рядѣ этихъ царей былъ Каникъ, тотъ самый, который, говорятъ, построилъ пишаверскую вихару» (буддійскій монастырь). О немъ, затѣмъ, Аль-Бируни и приводитъ легендарный разсказъ, не представляющій здѣсь для насъ никакого интереса. Послѣдній царь этой тибетской династіи (of this Tibetan house) Лага-турманъ дурнымъ своимъ нравомъ и поведеніемъ возбудилъ жалобы народа, почему везиръ его брахманъ Калларъ заключилъ его въ цѣпи и посадилъ въ тюрьму, а управлять сталъ самъ. Этотъ Калларъ и сдѣлался основателемъ брахманской династіи, существовавшей до временъ Аль-Бируни и лишенной своихъ владѣній Себукъ-тегиномъ и сыномъ его Махмудомъ. По Аль-Бируни, послѣ Каллара царствовали Самандъ, Камалу, Бхимъ, Джайпалъ, Анандапалъ, Тароджанапалъ; послѣдній былъ убитъ въ 412 г. Х. (1021 г. по Р. Х.), а его сынъ Бхимпалъ пять лѣтъ позже.

Сочиненіе Аль Бируни объ Индіи составлено или точнѣе редактировано въ маѣ—августѣ 1030 г., въ Газнѣ, во время смутъ, послѣдовавшихъ за смертію султана Махмуда. По нахожденію своему при дворѣ газневидовъ, Аль-Бируни имѣлъ возможность собрать болѣе или менѣе вѣрныя свѣдѣнія о предшествовавшихъ газневидамъ владѣтеляхъ Кабула при помощи и на основаніи сообщеній пребывавшихъ въ Газнѣ и являвшихся въ столицу газневидовъ по дѣламъ индусовъ и лицъ другихъ народностей бассейна Кабулъ-дарьи. Разумѣется, при отсутствіи иныхъ источниковъ, кромѣ устныхъ разсказовъ и преданій, свѣдѣнія Аль-Бируни могли быть наиболѣе вѣрны лишь относительно брахманской династіи, послѣдніе цари которой были современниками Себукъ-тегина и Махмуда, завоевавшихъ ихъ владѣнія, именно Джайпалъ и его преемники. Изъ предмѣстниковъ Джайпала существованіе Бхима и Саманда подтверждается монетами съ ихъ именами и притомъ того же типа, какъ монеты Анандапала (В. В. Григорьева «Кабулистанъ» и пр., стр. 842, 843 и 848); сверхъ того, по Раджатарангини, жена кашмирскаго царя Ксемагупты (950—956 гг.) была внучкою

Бхимы, сахія Удабхандхапуры (Stein, Zur Geschichte etc., 200). Выше былъ, по мусульманскимъ извѣстіямъ, упомянутъ раджа Индустана, Камалу, выступавшій въ 896–897 гг. противъ войскъ Амра б. Лайта за разрушеніе индійскихъ храмовъ въ долинѣ Логара; отождествляя этого Камалу съ третьимъ царемъ брахманской династіи у Аль-Бируни того же имени, д-ръ Штейнъ указалъ, что въ Раджатарангини же разсказывается, что предпринимавшій при кашмирскомъ царѣ Гопалаварманѣ (901 — 903 гг.) походъ противъ сахи Удабхандхапуры министръ Прабхакарадева отнялъ у этого мятежнаго сахи его царство и отдалъ его Торамапѣ, сыну Лалліи, давъ ему имя Камалука, а объ упомянутомъ Лалліи, при сказаніи о царствованіи кашмирскаго царя «Самкараварманa (883 — 901 гг.), говорится, что въ столицѣ его Удабхндахапурѣ находили вѣрное убѣжище цари, лишившіеся своихъ владѣній; при этомъ положеніе царства Лалліи между владѣніями дарада (можетъ-быть, нынѣшніе дарды на верхнемъ Индѣ) на сѣверѣ и турушка (тюрковъ) на югѣ сравнивалось съ положеніемъ Аріаварты между горами Хималайскими на сѣверѣ и горами Вхиндійскими на югѣ. Д-ръ Штейнъ находилъ возможнымъ принимать Лаллію за Каллара Аль-Бируни, безыменнаго же сахи, царство котораго было отдано Тораманѣ, за Саманда Аль-Бируни (S.S. 198—200). Признавая вѣроятнымъ, что низверженіе послѣдняго царя древней династіи Лагатурмана его министромъ брахманомъ Калларомъ или Лалліей было результатомъ нашествія Якуба б. Лайта на Кабулъ и недостаточности, повидимому, выказанной Лагатурманомъ при оборонѣ энергіи, д-ръ Марквартъ нашелъ, что Камалука Раджатарангини, получившій это имя въ 901—903 гг., не могъ быть Камалу 896 — 897 гг. мусульманскихъ историковъ, если держаться редакціи и перевода этого мѣста у Штейна; съ своей стороны онъ принялъ предложеніе проф. Керна читать данное мѣсто Раджатарангини съ замѣною двухъ буквъ другими и переводить: «послѣ того онъ (министръ Прабхакарадева)отнялъ царство у мятежнаго сахи по имени Камалука и отдалъ это царство Тораманѣ, сыну Лалліи»; Камалу или Камалука могъ въ 896—897 г. выступать противъ войскъ Амра, а въ 901 г. подвергнуться лишенію царства, отданнаго кашмирскимъ министромъ Тораманѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ можно, по мнѣнію Маркварта, допустить, что Камалу, отнявшій престолъ у состоявшаго вассаломъ Кашмира Саманда, старшаго сына Лалліи, принадлежалъ къ лишенной Лалліею трона тибетской династіи, Торамана, же возстановленный кашмирскимъ министромъ, былъ членомъ династіи Лалліи, и хотя онъ упущенъ у Аль-Бируни, но у послѣдняго между Самандомъ и Бхимомъ могъ быть пропускъ (Ērānšahr etc., 1901, S. 297). Если принять въ соображеніе, что Лаллія могъ обратиться въ Каллара у переписчиковъ, то окажется, что имена царей брахманской династіи Аль-Бируни подтверждаются монетами или извѣстіями Раджатарангини и мусульманскихъ писателей, притомъ въ той же послѣдовательности. Такъ какъ Камалу дѣйствовалъ

противъ войскъ Амра въ 896 г., а нашествіе Якуба б. Лайта, взятіе имъ Кабула и плѣненіе его царя совершились около 871 г., то для сверженія плѣненнаго царя или его преемника, можетъ-быть, около 880 г., т.-е. послѣ смерти Якуба, совершившейся въ 879 г., и на царствованія Лалліи и Саманда имѣлся достаточный періодъ времени съ 880, положимъ, года до 895 или 896 г. Лаллія, упоминаемый въ царствованіе кашмирскаго Самкаравармана (883—891 гг.), во всякомъ случаѣ занималъ престолъ Кабула въ началѣ царствованія Самкаравармана, т.-е. нѣсколько лѣтъ послѣ 883 г., такъ что правленіе его продолжалось болѣе десяти лѣтъ, т.-е. достаточное для утвержденія его династіи время.

Давъ оказывающійся такимъ образомъ вѣрнымъ списокъ царей брахманской династіи, Аль-Бируни, естественно, не могъ составить подобнаго списка царей тибетской династіи, замѣненной брахманскою за полтора столѣтія до 1030 г., такъ какъ ему не удалось воспользоваться сохранявшейся еще въ Нагаркотѣ родословной, распросныя же сказанія и преданія, конечно, были для этого совершенно недостаточны. Было бы неосновательно, однако, отвергать собранныя Аль-Бируни свѣдѣнія о предшествовавшей брахманской тибетской династіи, о ея племенномъ происхожденіи [1]), продолжительности существованія и принадлежности къ этой династіи строителя знаменитой вихары пишаверской Каника, т.-е. Канишки, столь извѣстнаго по монетамъ надписямъ, литературѣ буддизма и сказаніямъ китайскихъ паломниковъ. Кажущееся у Аль-Бируни на первый взглядъ страннымъ именованіе древней кабульской династіи тюркскою, при тибетскомъ ея происхожденіи, можетъ быть объяснено съ достаточной удовлетворительностью. Во-первыхъ, персо-арабскіе писатели, предшествовавшіе Аль-Бируни, а подъ ихъ вліяніемъ и самъ онъ, по скудости и смутности свѣдѣній о странахъ Средней Азіи на сѣверъ и востокъ отъ мусульманскихъ владѣній, представля-

---

[1]) По мнѣнію Паркера, приписывающаго, какъ мы видѣли уже, юечжамъ и ефталитамъ тюркское происхожденіе, Albiruni's „report“ that they were of Tibetan origin is probably founded on the Chinese statement that some of their ways were like Tibetan ways, and that polyandry existed amongst them; also that they fled from Hiung-nu westwards along the nord edge of the Tibetan territory, and some of them took service as Tibetans officials (I. and Asiatic Quarterly Review, 1904, January, p. 143). Китайскія династійныя исторіи, сколько извѣстно, ничего не говорятъ о сходствѣ обычаевъ юечжей-ѣда съ тибетскими; единственное упоминаніе о подобномъ сходствѣ относится къ нѣкоторому подобію одѣянія, пищи и языка оставшихся на китайскихъ земляхъ юечжей (такъ называемыхъ малыхъ юечжей) съ таковыми же цяновъ, какъ мною уже было приводимо (см. выше стр. 145). О поліандріи у тибетцевъ прямыхъ упоминаній также нѣтъ (см. выше тамъ же). О бѣгствѣ юечжей отъ хунновъ на западъ по сѣверной окраинѣ тибетскихъ земель у кит. историковъ также нѣтъ ничего, какъ и о состояніи юечжей на службѣ у тибетцевъ въ качествѣ должностныхъ лицъ. Все это, повидимому, лишь предположенія самого Паркера, основаній которыхъ онъ не указалъ. Но если бы у кит. историковъ и было что-нибудь подобное, это не давало бы права утверждать, что свѣдѣнія эти были доступны Аль-Бируни. Изъ сохранившихся до насъ двухъ сочиненій его (Alberuni's India, 1888, и The Chronologie of Ancient Nations, 1879, въ переводахъ Edw. Sachau), напротивъ, вполнѣ ясно, что никакого знакомства съ китайскою исторіею, литературою и языкомъ Аль-Бируни не имѣлъ.

ли себѣ эти страны занятыми тюрками и считали и тибетцевъ племенемъ тюркскимъ (см. В. В. Григорьева «Восточный или Китайскій Туркестанъ», вып. 2,1873, стр. 200 и слѣд.); повидимому, именно вслѣдствіе этого Аль-Бируни зачислялъ народъ, властвовавшій въ Гилгитѣ и сосѣднихъ странахъ верхняго Инда, съ царемъ, носившимъ титулъ Бхатъ-шаха, въ число народовъ тюркскихъ, тогда какъ властителями этихъ странъ въ то время были, по всей вѣроятности, тибетцы (см. «Р. А. Ж.», 1901, №№ 3 и 4, стр. 157 [1]); во-вторыхъ, несмотря на тибетское происхожденіе, древняя династія кабульскихъ царей могла быть названа тюркскою потому, что позднѣйшіе государи ея носили тюркскіе титулы и имѣли часть войскъ, а вслѣдствіе этого и часть сановниковъ, придворныхъ и должностныхъ лицъ изъ тюрковъ. По «Танъ-шу», западно-тюркскій Тунъ-шеху-ханъ (618 — 628 или 630) покорилъ въ числѣ другихъ царствъ запада Персію и Гибинь, далъ царямъ покоренныхъ владѣній титулъ сылифа (hie-lifa) и отправилъ тутуней (t'ou-t'oen) имѣть надзоръ за ними и собирать подати («Собраніе свѣдѣній», ч. 1, стр. 346, и Chavannes, Documents sur les Tou-kiue occ., p. 52). Вѣроятно, фактическая зависимость Гибини отъ западныхъ тюрковъ прекратилась по смерти Тунъ-шеху-хана, вслѣдствіе почти непрерывныхъ у нихъ смутъ и паденія ихъ могущества, но номинально Гибинь еще долго считалась тюркскимъ правителемъ (джабгу) Тохаристана въ нѣкоторой подчиненности. Такъ въ 718 г., когда Тохаристанъ находился уже во власти арабовъ, братъ джабгу Пуло-тегинъ, четырнадцать лѣтъ уже состоявшій на службѣ при китайскомъ дворѣ, добиваясь повышенія въ чинахъ соотвѣтственно значенію брата, увѣрялъ, что джабгу подчинены 212 царей и правителей разныхъ странъ, въ томъ числѣ царь Сѣюя и царь Гибини, имѣющіе по 200 т. ч. войска, царь Хоттала и т. д. (Documents sur les T. o., pp. 200 — 203). Но десятокъ лѣтъ фактической зависимости Гибини отъ западныхъ тюрковъ не могъ повести къ прочному отуреченію гибиньской династіи, двора и войска. Это отуреченіе должно было находится въ связи съ приведенными уже выше свѣдѣніями «Танъ-шу» о томъ, что гибиньцы набирали для войны съ арабами ратниковъ въ Сѣюѣ и что населеніе послѣдней страны состояло изъ тюрковъ, гибиньцевъ и тохаристанцевъ. Тюрками этими могли быть, какъ я уже выяснялъ, лишь каладжи Истахри и др. мусульм. писателей X вѣка, потомки водворившихся во II в. до Р. Х. саковъ. Какъ впослѣдствіи каладжи составляли значительную часть войскъ газневидовъ, такъ и ранѣе они, оказывается, служили въ войскахъ тибетской династіи,

[1]) Въ переводѣ Захау (vol. I, p. 207) важнѣйшее изъ цитированныхъ мною по Рено мѣстъ таково: Leaving the ravine by which you enter Kashmir and entering the plateau, then you have for a march of two more days on your left the mountains of Bolor and Shamîlan. Turkish tribes who are called Bhattavaryân. Their king has the title Bhatta-Shâh. Their towns are Gilgit, Aswira, and Shiltâs, and their language is the Turkish.

достигали, разумѣется, высшихъ военныхъ и придворныхъ должностей и могли постепенно, но прочно, ввести тюркскіе титулы, вооруженіе и одежду и т. п. въ войскѣ и при дворѣ, особенно въ VII — IX стол., когда древняя кабульская династія вынуждена была, для борьбы съ мусульманами, набирать бóльшую, быть-можетъ, часть своихъ войскъ изъ каладжей, отличавшихся воинственностью и храбростью, конечно, болѣе, чѣмъ индійцы и таджики. Тюркская одежда и вооруженіе послѣднихъ царей тибетской династіи даютъ объясненіе, почему преданія представляли и основателя династіи Барха-тегина одѣтымъ и вооруженнымъ, какъ тюрки. Хотя каладжамъ не пришлось завладѣть царской властью въ Гибини, и сверженіе тибетской династіи выпало на долю брахмана Лалліи, но тѣ *турушка*, съ которыми, по Раджатарангини, граничили владѣнія Лалліи на югѣ, были, вѣроятно, каладжи, завладѣвшіе, можетъ-быть, долиною Курама и Банну, которые во время Сюань Цзана подвластны были царю Каписы - Гибини. Тюркскій царь Фолишисаданны, владѣнія, находившагося, повидимому, въ верховьи Кабулъ-дарьи и въ вершинѣ Хильменда, былъ, вѣроятно, изъ каладжей.

По «Дорожнику Укона», китаецъ этотъ, по прибытіи около 763 г. изъ Кашмира въ «городъ» Гандары, жилъ въ монастырѣ царя Жу-ло-ли, носившемъ имя его основателя, потомка древняго царя Ki-ni-tch'a (т.-е. Канишки); повидимому, городъ этотъ былъ Пурушапура, потому что тамъ же, въ числѣ другихъ обителей, упоминается обладавшій костью изъ черепа Будды монастырь при ступѣ царя Ki-ni-tch'a (Journal asiatique, 1895, Sept. - Oct., p. 356), такъ что память о Канишкѣ и его потомкахъ, царяхъ Гибини, еще во время Укона сохранялась. Уконъ упоминаетъ еще въ томъ же городѣ монастырь T'e-k'in-li, основанный сыномъ тюркскаго царя, и монастырь хатуни (k'o-tun), жены тюркскаго царя (p. 357), Этого Текин-ли, читая уже Тегин-ша, Шаваннъ находитъ возможнымъ, согласно предложенію Маркварта, отождествлять съ царемъ Гибини Усань-тегин-ша (Doc., p. 198), у Іакинфа Усань-дэлэ. Такъ какъ титулъ тегинъ могъ употребляться и у тюрко-гаогюйской династіи хуна, то съ своей стороны я полагаю, что монастыри Те-кин-ли или Тегинъ-ша и хатуни, какъ и монастыри сына царя тюрковъ Ye-li-t'e-le и катуни (K'o-toen) въ Кашмирѣ (pp. 354—355) могли быть основаны членами династіи хуна, ибо хотя царь Гандары 520 г. представленъ у Сонъ Юня и Хой Сена противникомъ буддизма, какъ подтверждаетъ и Сюань Цзанъ, имѣвшій преданія о Михиракулѣ, какъ о гонителѣ буддистовъ (Mémoires etc., I, pp. 190—191), но его предмѣстники и члены семьи могли имѣть къ ученію Будды иное отношеніе.

Вычисляя время основанія тибетской династіи Кабула Аль-Бируни и полагая на каждое изъ 60 поколѣній ея существованія по 14 лѣтъ, сэръ Хенри Элліотъ находилъ, что, если признать 850-й годъ датою ея пре-

кращенія, то начало ея придется около Р. Х., если же считать по 16 лѣтъ на поколѣніе, то основаніе ея приблизится къ 125 г. до Р. Х., ко времени паденія греко-бактрійскаго царства (History of India, II, pp. 409—410). Д-ръ Марквартъ для опредѣленія начала царствованія основателя гибиньской династіи Хинъ-ѣ, послѣ котораго до царя Хо-хе-чже, царствовавшаго въ 658 г., престолъ передавался 12 поколѣній въ его родѣ, при-принималъ поколѣнія за царствованія и находилъ, полагая на каждое по 18 лѣтъ, что начало царствованія сына Кидоло въ Пурушапурѣ восходитъ къ 440 году (Ērānšahr, 285). Если взять на поколѣніе или царствованіе среднюю изъ принятыхъ двумя названными изслѣдователями цифръ, т.-е. 16 лѣтъ, то 12 поколѣній или царствованій составятъ 192 года, т.-е. отъ 658 г. это уведетъ къ 466 г., но изъ этой цифры слѣдуетъ еще исключить начало царствованія Хо-хе-чже, который могъ до 658 г. занимать престолъ уже лѣтъ 8: въ такомъ случаѣ начало царствованія Хинъ-ѣ относится къ 458 г., т.-е. сходится съ опредѣленною мною датою похода Кидоло и завоеваній его на югѣ отъ Хиндукуша (см. выше «Р. А. Ж.», 1904, №№ 1 и 2, стр. 64—65), чѣмъ подтверждается правильность счета по 16 лѣтъ на поколѣніе или царствованіе. Принявъ тотъ же счетъ въ 16 лѣтъ въ основаніе для опредѣленія начала древней тибетской династіи свѣдѣній Аль-Бируни, мы получимъ на 60 поколѣній или царствованій (16×60) 960 лѣтъ, т.-е., относя прекращеніе этой династіи ко времени около 880 г., мы найдемъ, что началась она около 80 года до Р. Х. Мы не имѣемъ точныхъ данныхъ для выясненія съ какого времени Кабулъ былъ покоренъ юечжійцами, но по «Цянь-Хань-шу» въ числѣ названныхъ тамъ пяти юечжійскихъ хи-хэу или пограничныхъ князей-правителей былъ хи-хэу (княжества или области) Гао-фу (Kao-foo), имѣвшій пребываніе въ городѣ того же имени («Собр. свѣд.», III, стр. 55, Wylie, J. A. I., X, p. 41), который почти всѣми принимается за Кабулъ. Такъ какъ отдѣлъ «Цянь-Хань-шу» о западныхъ странахъ составленъ главнымъ образомъ на основаніи описанія, составленнаго въ 74—39 гг. до Р. Х., какъ значится въ предисловіи къ этому отдѣлу (тамъ же, стр. 37, p. 23), то, очевидно, въ эти года Гаофу-Кабулъ находился уже во власти юечжей, попасть же въ ихъ руки могъ онъ не ранѣе смерти Митридата II Великаго, который царствовалъ съ 123 по 84 г. до Р. Х., при преемникѣ его Артабанѣ II, когда междоусобія у парфянъ могли дать возможность юечжамъ захватить часть парфянскихъ восточныхъ земель, именно Кабулъ, овладѣніе которымъ и могло такимъ образомъ совершиться около 80 г. до Р. Х. Если есть что-нибудь вѣрное въ увѣреніи «Хэу-Хань-шу» о томъ, что Гаофу было подвластно Аньси (парфянамъ) и попало въ руки юечжей при Кіоцзюкю («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 119), то лишь фактъ (вторичнаго) покоренія Гаофу при Кіоцзюкю: послѣ покоренія около 80 г. до Р. Х. и несомнѣннаго нахожденія подъ властью юечжей между 79—39 гг., до Р. Х. Гаофу

могъ быть отнятъ парфянами и вторично завоеванъ юечжійцами при Кіоцзюкю послѣ 45 г. по Р. X., если держаться предположительной хронологіи В. А. Смита. Мы знаемъ затѣмъ, что Кіоцзюкю, кромѣ Гаофу въ верхней части бассейна Кабулъ-дарьи, завоевалъ и Гибинь, занимавшую низовья того же бассейна, а сынъ его покорилъ Индію, что какъ Дахя, такъ и Гибинь, Гаофу и Тянь-чжу (Индія) продолжали находиться подъ владычествомъ юечжей-кушановъ въ эпоху трехъ царствъ въ Китаѣ (220 — 280 гг. по Р. X.) и что паденіе владычества кушановъ въ Индіи послѣдовало въ первой половинѣ IV в., когда изъ значительной части ихъ земель за Индомъ образовалась имперія Чандра Гупты, но бассейнъ Кабулъ-дарьи, можетъ-быть, продолжалъ находиться во владѣніи потомковъ Кіоцзюкю во второй половинѣ того вѣка или въ части ея. Во всякомъ случаѣ Фа-Сянь въ началѣ V в. нашелъ въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи лишь мелкія, повидимому независимыя одно отъ другого, владѣнія. Между тѣмъ, юечжы-кушаны на сѣверѣ отъ Хиндукуша, подъ властью ли вѣтви потомковъ Кіоцзюкю или иной династіи, продолжали сохранять свои тамошнія владѣнія, вѣроятно, распространивъ ихъ на сѣверъ до Сыръ-дарьи и на западъ, между границами Персіи и Сыръ-дарьею, до Каспійскаго моря. Послѣ многолѣтней и трудной борьбы съ Персіею, продолжавшейся почти все царствованіе Яздигерда II, убѣдившись, вѣроятно, въ невозможности распространить свои владѣнія на счетъ Персіи, кушанскій царь Кидоло или Кидаръ, воспользовавшись безопасностью своихъ владѣній со стороны персовъ во время междоусобной войны между двумя сыновьями Яздигерда, предпринялъ съ своимъ закаленнымъ въ предшествовавшей борьбѣ съ персами войскомъ походъ за Хиндукушъ для завоеванія бывшихъ владѣній кушановъ. Едва онъ успѣлъ покорить пять мелкихъ царствъ, лежавшихъ не къ сѣверу (какъ значится въ китайскихъ источникахъ нашихъ), а къ сѣверо-западу и западу отъ Гандары [1]), какъ извѣстія о враждебныхъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ Пероза, въ 459 г. утвердившагося на престолѣ, должны были побудить его возвратиться на сѣверъ, оставивъ для управленія завоеванными землями своего сына въ Пурушапурѣ. Такъ какъ, по Приску, персы еще въ 464 г. домогались отъ римлянъ субсидій на войну свою съ уннами-кидаритами, надъ которыми, по свѣдѣніямъ византійскаго посла Константія, собраннымъ въ 464 г., царствовалъ уже Кунха, то слѣдуетъ полагать, что отецъ его Кидоло долженъ былъ возвратиться изъ-за Хиндукуша около 460 г., ибо для отпора съ его стороны возобновившему прекращенную по смерти Яздигерда войну Перозу, для смерти затѣмъ Кидоло, для заключенія потомъ наслѣдовавшимъ ему Кунхою мира съ Перозомъ на условіи выдачи

[1]) Этими пятью царствами въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи могли быть: 1) нынѣшняя пишаверская область на югѣ отъ Кабулъ-дарьи, 2) нынѣшняя джелальабадская область, 3) Легманъ, 4) бассейнъ Горбендской и Пянджширской рѣкъ и 5) вершины Кабулъ-дарьи и Хельменда.

послѣднимъ сестры въ замужество за Кунху, для выполненія этого условія, для обнаруженія совершеннаго при этомъ Перозомъ обмана, для мести со стороны Кунхи, за которою послѣдовало возобновленіе войны въ 464 г., если не ранѣе, потребно было года по меньшей мѣрѣ три-четыре до 464 года. Д-ръ Марквартъ по сходству имени Хинъ-ѣ (Hing-giët, по de Groot'y) готовъ считать юнаго Кунху за оставленнаго Кидаромъ въ Фулэуша въ 440 г. сына и затрудняется лишь тѣмъ, какъ могъ тотъ же Хинъ-ѣ наслѣдовать отцу около 465 г. въ Хорасанѣ (S. 285). Затрудненія относительно 440 и 465 гг. устраняются, если завоеванія Кидоло за Хиндукушемъ произведены около 458 г., а смерть Кидара послѣдовала около 461 г., и если сынъ Кидоло Хинъ-ѣ, оставленный въ Пурушапурѣ, есть особое лицо отъ сына же Кунхи, наслѣдовавшаго отцу на сѣверѣ Хиндукуша. Поэтому я полагаю, что, несмотря на отдаленное сходство именъ Хинъ-ѣ, основатель кидаритской династіи Гибини, и Кунха, наслѣдовавшій Кидару на сѣверѣ Хиндукуша, были лица разныя, хотя одинаково сыновья Кидоло. Я считаю затѣмъ вѣроятнымъ, что, прославившись своими побѣдоносными войнами съ Перозомъ, Кунха оставилъ своему народу, взамѣнъ имени кидаритовъ, утвердившагося вслѣдствіе долгаго и славнаго царствованія его отца Кидара, новое имя *ефтал*'овъ, по своему имени или прозвищу. Что имя это дѣйствительно появилось и утвердилось во время царствованія Кунхи, ясно изъ этого, что Прискъ, послѣднія извѣстія котораго доходятъ до 468 г., употреблялъ еще имя унновъ-кидаритовъ, тогда какъ у Лазаря Парбеци уже является имя хефталовъ, а у Прокопія исключительно имя унновъ-ефталитовъ. Имѣемъ мы, наконецъ, и прямое историческое извѣстіе: въ одномъ изъ сохранившихся отрывковъ исторіи Ѳеофана византійца, въ которомъ разсказано о началѣ въ Византіи шелководства, затѣмъ говорится, что «царь Юстинъ впослѣдствіи показалъ туркамъ» (вѣроятно, тюркскимъ посланникамъ, третьей четверти VI вѣка) «рожденіе и работу сихъ (шелковичныхъ) червей и тѣмъ изумилъ ихъ, потому что турки въ то время занимали торговые города и порты сировъ (китайцевъ), прежде обладаемые персами. Послѣ того, какъ царь эфталитовъ, *Эвталанъ*, отъ котораго и народъ получилъ свое имя, побѣдилъ Пероза, персы потеряли эти мѣста. Ими уже владѣли эфталиты, но вскорѣ послѣ того турки побѣдили ихъ въ сраженіи и отняли у нихъ тѣ мѣста» («Византійскіе историки Дексиппъ» и другіе, перев. съ греческаго Спир. Дестуниса, Спб., 1860, стр. 493). Хотя источники приведенныхъ свѣдѣній Ѳеофана неизвѣстны, но отъ другого византійскаго историка Менандра мы знаемъ, что въ началѣ 4-го года царствованія Юстина, въ 568 г., въ Византію прибыло посольство отъ тюрковъ, отправленное царемъ послѣднихъ Дизабуломъ и имѣвшее во главѣ начальника подвластныхъ тюркамъ согдаитовъ тархана Маніаха, съ просьбою о союзѣ и дружбѣ противъ персовъ, которые препятствовали согдаитамъ продавать шелкъ на западъ

чрезъ Персію (тамъ же, стр. 370 и слѣд.). Такъ какъ посольство это доставило подарки, «состоявшіе изъ немалаго количества шелку» (тамъ же, стр. 373), и имѣло бесѣды съ Юстиномъ, между прочимъ сообщивъ, на его вопросы, о полномъ покореніи тюрками эфталитовъ, вынужденныхъ платить имъ дань (стр. 374), то возможно, что свѣдѣнія Ѳеофана восходили къ источнику, основанному на сообщеніяхъ Маніаха или другихъ членовъ означеннаго посольства. Если Эвталанъ былъ побѣдителемъ Пероза, погибшаго въ 484 г., то можно съ большою вѣроятностю полагать, что то былъ Кунха сказаній Приска, по относящимся къ 465 г. извѣстіямъ котораго Кунка, при заключеніи мира съ Перозомъ по смерти отца, былъ «очень молодъ и не имѣлъ еще дѣтей» («Сказанія Приска панійскаго», перев. Дестуниса, стр. 91), а потому, конечно, могъ пережить Пероза, сдѣлавшись притомъ послѣ гибели Пероза властелиномъ не только Самарканда, Бухары, Бейкенда, но, быть-можетъ, на время, и персидскихъ Херата, Мерви-руда и Мерва, т.-е. всѣхъ торговыхъ городовъ и рынковъ Средней Азіи, чрезъ которые шла торговля китайскимъ шелкомъ, которымъ средне-азіатскіе торговцы, съ согдійцами во главѣ, снабжали западную Азію и Европу. Истинная основная форма именъ Эвталанъ, эвталитъ и т. д. есть, всего вѣроятнѣе, *ефталъ* или *яфталъ*, какъ можно заключить изъ транскрипціи *хепталк* у Лазаря Парбеци, соотвѣтственно *кушанк* отъ *кушан* въ единствен. числѣ, и изъ существованія въ сѣверо-западной части Бадахшана мѣстности *Ефталъ* или *Яфталъ*. По свѣдѣніямъ пандита Манфуля (J. of R. Geographical Society, vol. 42, 1872, p. 441), Yaftâl есть одно изъ четырехъ административныхъ отдѣленій файзабадскаго округа (остальныя три: Файзабадъ, Аргу и Шива), отдѣляется отъ Файзабада низкою цѣпью горъ и представляетъ собою плодородную и густо заселенную гористую мѣстность, населеніе которой состоитъ изъ таджиковъ. Къ этому можно прибавить, изъ свѣдѣній почти того же времени (къ концу 1860-хъ годовъ) бадахшанцевъ Мухаммеда-Наби и Мирза-Джана (I. and A. Q. Review, 1894, July, p. 175), что Yaftâl этотъ лежитъ на востокѣ отъ Рага и на сѣверѣ отъ г. Файзабада и что таджикское его населеніе говоритъ на персидскомъ языкѣ, какъ и таджики Рага, Рустака и другихъ мѣстностей сѣверо-западнаго Бадахшана. Эта самая мѣстность упоминается въ «Запискахъ» султана Бабера (Mémoires, traduits par A. Pavet de Courteille, Paris, 1871, t. I, p. 464), гдѣ говорится о томъ, что беки Батахшана, изгнавшіе въ 912 г. Х. (1507 г. по Р. Х.) изъ этой страны правившаго ею брата Бабера Насиръ-мирзу, собрали для того войска свои въ долинѣ р. Кокчи, въ направленіи Ефтеля (Yeftel) и Рага. Объ этомъ же Яфталѣ находимъ у Якута (писалъ въ 1223 по Р. Х.), что Yaftal — городъ, расположенный на границѣ Тохаристана, и что отсюда былъ родомъ Насръ-аль-Яфтали, который былъ однимъ изъ главныхъ эмировъ Хорасана, какъ упоминается въ лѣтописяхъ этой страны по поводу

его столкновеній съ племенемъ Карабуль въ области Балха (Dictionnaire géograph., hist. et littéraire de la Perse, extrait de... Yaqout, par M. Barbier de Meynard, Paris, 1861, p. 612).

Молчаніе свѣдѣній Аль-Бируни о первомъ перерывѣ властвованія юечжей надъ Кабуломъ до вторичнаго завоеванія при Кіоцзюкю и затѣмъ о второмъ перерывѣ послѣ паденія имперіи кушановъ, во второй половинѣ IV и первой V в., легко и естественно объясняется неполнотою устныхъ преданій, хотя въ числѣ ихъ отдаленныхъ источниковъ могли быть и письменные историческіе памятники. Вмѣстѣ съ тѣмъ, относясь къ начавшемуся за десять слишкомъ столѣтій до Аль-Бируни владычеству юечжей въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи, преданія эти не могли сохранить такихъ сравнительно малыхъ подробностей, какъ смѣны династій собственно-юечжійской на кушанскую и послѣдней на кидаритскую. Что же касается отношеній кидаритовъ къ хуна, кратковременное владычество которыхъ также не попало въ свѣдѣнія Аль-Бируни, то слѣдуетъ между прочимъ имѣть въ виду, что именно при гаогюйскомъ происхожденіи династіи хуна и при раздѣленіи владѣній Кидара между двумя его сыновьями отношенія эти наиболѣе легко понятны и объяснимы. Какъ оставленный въ Фулэуша сынъ Кидара Хинъ-ѣ сдѣлался по смерти отца самостоятельнымъ государемъ кидаритскихъ владѣній на югѣ отъ Хиндукуша, такъ находившійся при Кидарѣ Кунха, которому во время возобновленной Перозомъ войны привыкли повиноваться войска и управители на сѣверѣ отъ Хиндукуша, сталъ по смерти отца государемъ сѣверныхъ владѣній Кидара. Конечно, одинъ изъ братьевъ былъ узурпаторомъ въ глазахъ другого, который считалъ себя наслѣдникомъ всѣхъ владѣній отца. Въ результатѣ мы должны предполагать естественныя съ обѣихъ сторонъ отчужденіе и непріязнь, не дошедшія, однако, до междоусобной войны, такъ какъ наиболѣе сильный изъ братьевъ, Кунха, поглощенъ былъ заботами объ оборонѣ противъ нападеній Пероза. Съ теченіемъ времени непріязненныя чувства должны были смягчиться, хотя вполнѣ дружественныхъ сношеній, вѣроятно, не установилось. При такихъ обстоятельствахъ завоеваніе Кунхою, во время одного изъ мирныхъ перерывовъ войнъ съ Перозомъ, по примѣру отца, горныхъ владѣній въ мѣстностяхъ нынѣшняго Читрала, а также Удіяны (въ бассейнѣ Свата) и Гандары, и отдача имъ послѣдней, въ видѣ вассальнаго владѣнія, состоявшему въ его войскахъ съ значительнымъ отрядомъ своихъ родовичей гаогюйскому вождю рода чилэ не представляются невозможными и невѣроятными. Гандара [1]),

---

[1]) Гандары упоминаются еще Геродотомъ и Страбономъ, но опредѣленное указаніе на ихъ страну даетъ Птолемей (кн. VII, гл. I), помѣщая гандаровъ между р. р. Суастомъ (нынѣ Сватъ) и Индомъ. Такъ какъ, по Птолемею же, Суастъ былъ притокомъ р. Коаса, который соотвѣтствовалъ во всякомъ случаѣ нынѣшней Кабулъ-дарьѣ въ нижнемъ ея теченіи, то южною границею страны гандаровъ, т.-е. Гандары, должна была служить Кабулъ-дарья, такъ что долина Пишавера на югѣ отъ Кабулъ-дарьи въ составъ Гандары собственно не входила.

по точному содержанію относящихся до завоеванія Кидаромъ на югѣ отъ Великихъ горъ пяти царствъ китайскихъ свѣдѣній, не была покорена Кидаромъ [2]) и не находилась поэтому въ числѣ земель, доставшихся оставленному въ Пурушапурѣ сыну, а потому завоеваніе ея не могло почитаться явно враждебнымъ противъ кидаритовъ дѣйствіемъ. Можно затѣмъ съ вѣроятностью полагать, что получившій Гандару на правахъ вассала гаогюйскій правитель, а затѣмъ и его преемникъ воздерживались отъ враждебныхъ дѣйствій и покушеній на владѣнія брата своего верховнаго государя и долго направляли свои усилія на завоеванія на лѣвомъ берегу Инда. Во всякомъ случаѣ существованіе сильной Гибини, т.-е. царства въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи, которое, очевидно, являлось царствомъ потомковъ сына Кидоло Хинъ-ѣ, удостовѣряется извѣстіями Сонъ Юня и Хой Сена о войнѣ третьяго царя хуна съ Гибинью, начатой уже за три года до 520 г. изъ-за границъ между двумя государствами; 700 слоновъ этого царя («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 181, Neumann, S. 173, Beal, p. 197), конечно, пріобрѣтены были имъ или его предмѣстникомъ въ предшествовавшихъ войнахъ за Индомъ.

Признавъ сначала, на основаніи перевода Биля, что къ 520 г. со времени покоренія Гандары ефталитами прошло два поколѣнія, и полагая на поколѣніе по 25 лѣтъ, д-ръ Маркварть находилъ, что при вычетѣ этихъ 50 лѣтъ изъ 520 получается 470 г., какъ дата завоеванія Гандары (Ērānsahr, S. 58); при этомъ, въ виду близости 470 г. ко времени основанія царства М. Юечжы сыномъ Кидоло, онъ задавался оставшимся безъ разрѣшенія вопросомъ: не смѣшалъ ли Сонъ Юнь ѣда съ юечжійцами? Позднѣе, на основаніи перевода проф. de Groot'a, по которому въ 520 г. въ Гандарѣ царствовалъ лишь второй государь со времени завоеванія, г. Маркварть сталъ считать поколѣніе въ 30 лѣтъ и заключилъ, что покореніе Гандары совершилось около 480 г. (S. 212). Полагая, что относящіеся сюда китайскіе тексты имѣютъ тотъ смыслъ, что въ 520 г. въ Гандарѣ царствовалъ преемственно по прямой линіи третій государь дина-

---

Однако политическія границы нерѣдко не совпадаютъ съ этническими, а потому Пурушапура иногда оказывалась въ составѣ Гандары и тогда столицею Гандары являлись то Пурушапура, то истинная столица собственно Гандары Удабхандапура, нынѣ Ундъ на западномъ берегу Инда. Имя и, вѣроятно, потомки гандаровъ сохранились къ настоящему времени въ лицѣ рода gandari или gandhari, числящагося въ составѣ авганскаго племени сафи; родъ этотъ, по свѣдѣніямъ Белью, насчитываетъ около 3 т. семей и обитаетъ въ ханствѣ Навагай между р. Кунаромъ и горами Баджаура (A Inquiry into the Ethnography of Afghanistan, by H. W. Bellew, Woking, 1891, p. 63).

[2]) См. „Р. А. Ж“, 1904 г., книжки XVII — XVIII, стр. 52, гдѣ приведены переводы Іакинфа и Шпехта, по которымъ Кидоло „покорилъ пять государствъ лежащія отъ Гантоло къ сѣверу“. Поэтому считаю ошибочнымъ изложеніе Поркера, по которому Кидоло завладѣлъ 'Kan-t'o-lo with four other states to the north of it (J. and A. Quarterly Review, 1902, July, p. 145).

стіи хуна (см. выше стр. 154), и имѣя затѣмъ въ виду, что царь 520 г. занималъ престолъ уже болѣе трехъ лѣтъ, такъ какъ уже три года велъ войну съ Гибинью, я вмѣстѣ съ тѣмъ нахожу лучшимъ считать на каждое царствованіе, какъ было принято для опредѣленія датъ начала тибетской династіи Кабула и кидаритской Гибини, по 16 лѣтъ. Два царствованія по 16 лѣтъ и 3 года третьяго составляютъ въ сложности 35 лѣтъ. По вычетѣ этой цифры изъ 520 получимъ 485 годъ. Такъ какъ смерть Сканда Гупты предположительно относятъ ко времени около 480 г., и государь этотъ имѣлъ уже столкновенія съ хуна, то начало династіи хуна въ Гандарѣ не можетъ быть относимо ко времени позже 470 — 480 г. или по крайней мѣрѣ позже 475 — 480, вслѣдствіе чего приходится полагать, что Михиракула въ 520 г. царствовалъ уже не три года, а 8 — 13 лѣтъ.

Мы видѣли, что по Сонъ Юню и Хой Сену прежнее имя Гандары до завоеванія ея ефталитами было, по разнымъ чтеніямъ синологовъ, Nie-po-lo, Yeh-p'o-lo (стр. 150), въ сокращенныхъ же формахъ (стр. 150) Ueh-p'o, Che-po. Въ статьѣ Ал. Кеннингама Ephthalites or White Huns (Transactions of the Ninth International Congress of Orientalists, London, 1893, vol. I, pp. 222 — 244), въ виду Jaüvla въ надписи Торамани и Jabubla или Jabuvla на его монетахъ, утверждалось, что страна называлась сначала по имени завоевателей Jabula = Ye-po-lo, т.-е. родовымъ именемъ Торамани, которое было тождественно съ именемъ страны Забулъ, Забулистанъ древнихъ мусульманскихъ писателей (р. 233); населеніе страны Забула говорило на языкѣ, называвшемся Zaüli. Jabula же слѣдуетъ читать значащееся въ Чачъ-намэ (мусульманская исторія Синда, составленная въ VIII в. послѣ взятія арабами Мультана) имя происходившаго отъ раджи Кашмира правителя города (Мультана) Jibawin или Jabüin, построившаго знаменитый храмъ богу солнца съ идоломъ изъ краснаго золота (p.p. 233, 226, 228), такъ какъ царемъ Синда во время построенія этого храма въ 505 г. былъ Торамана, четыре преемника котораго властвовали въ Синдѣ до низложенія послѣдняго изъ нихъ брахмановъ Чач'емъ, основателемъ найденной арабами въ Синдѣ династіи (p.p. 228, 241); прямое доказательство тому, что царями Синда были до Чача, т.-е. предположительно до 643 г., бѣлые хунны, Кеннингамъ видитъ въ извѣстіи цитированнаго Элліотомъ (History of India, etc., II, p. 418) мусульманскаго писателя Khâki Shirâzi, по которому въ 22 году Хиджры (начинался съ 30 ноября 642 г. по Р. Х.) послѣ Седжистана былъ подчиненъ арабами и Мекранъ, правитель котораго былъ и правителемъ Синда, и име-

---

[1]) На стр. 62 книжки XVII — XVIII „Р. Антропологич. Ж." пораженіе маухаріевъ отнесено по недосмотру ко времени „около 535 г.", слѣдовало же: „около 565 г."

новался на языкѣ страны Zambil'емъ: въ послѣднемъ свѣдѣніи Кеннингамъ усмотрѣлъ достаточное основаніе для утвержденія, что Janbula монетъ было вѣрною индійскою формою скифскаго Zanbol илу Zabul, ибо индійскіе алфавиты не имѣютъ z (p. 243). Считая безъ всякихъ основаній индійское именованіе хуна транскрипціею китайскаго имени народа жуань-жуань (Jwan-Jwan or Yuan-Yuan) и ссылаясь на китайскихъ писателей, ни именъ которыхъ, ни извѣстій не привелъ, Кеннингамъ отождествилъ ефталитовъ съ жужанями и утверждалъ, что вторженіе въ Персію при Бахрамѣ V Гурѣ сдѣлалъ, въ 428 будто бы году, жужаньскій ханъ Татань (Tâtâ), который и былъ пораженъ и убитъ около Мерва; что съ Яздигердомъ II воевалъ съ 443 г. до 451, вынудивъ его въ 456 г. удалиться изъ своихъ владѣній на югъ отъ Окса, жужаньскій ханъ Уди (Uti) и т. д. (p. p. 223 — 224). Хорасанъ и Забулистанъ были, по его мнѣнію, захвачены ефталитами послѣ пораженія и смерти Пероза въ 483 г. (p. 240), индійскіе же *хуна* суть вѣтвь этихъ бѣлыхъ хунновъ (p. 224), водворившихся въ концѣ V вѣка на Индѣ подъ предводительствомъ Lae-lih Сонъ Юня, которому наслѣдовалъ Торамана и за нимъ Михиракула (228). Что касается кидаритовъ, которыхъ Кеннингамъ признаетъ происходящими отъ кушанскаго царя Ki-to-lo = Kidara, оставившаго около 425 — 440 гг. своего сына въ Пишаверѣ, то, по его предположенію, кидариты эти были вытѣснены ефталитами Лай-ли въ концѣ V в. въ сосѣднія страны, вѣроятно частію на востокъ отъ Инда въ Shāh-dhêri и Mansera, на западѣ отъ Кашмира, частію же въ Ясинъ и Читралъ на западъ отъ названной рѣки (см. статью Кеннингама въ Numismatic Chronicle, 1893, p. p. 115, 190, которую, за неимѣніемъ названнаго изданія въ доступныхъ мнѣ библіотекахъ, цитирую по V. A. Smith въ J. of A. S. of Bengal, 1894, vol. 63, Part I, p. p. 179, 183). Гипотеза покойнаго генерала Кеннингама о тождествѣ ефталитовъ съ жужанями совершенно неосновательна и не можетъ быть принята по непримиримости ея съ свѣдѣніями китайскихъ историковъ, по которымъ это были два народа, обитавшіе въ особыхъ одинъ отъ другого странахъ, одинъ на Аму-дарьѣ, другой въ Монголіи, и говорившіе на совершенно особыхъ языкахъ. Въ частности, изъ историческихъ свѣдѣній о жужаняхъ, помѣщенныхъ въ «Бэй-шы», извѣстно, что жужаньскій Датань, который, по Кеннингаму, будто бы убитъ былъ въ 428 г. въ бою съ Бахрамомъ Гуромъ, въ дѣйствительности «занемогъ и умеръ» въ 430 г. послѣ неоднократныхъ пораженій, нанесенныхъ ему китайскимъ императоромъ Тхай-ву-ди (переводъ Іакинфа въ «Собр. свѣд.» и пр., ч. I, стр. 214), наслѣдникъ же его Уди, послѣ тяжкихъ погромовъ отъ того же императора, умеръ въ 445 г. (тамъ же, стр. 217). Хотя послѣ гибели Пероза въ 484 г. границы ефталитскихъ земель, можетъ быть, немного и подвинулись на западѣ, но никакихъ данныхъ въ подтвержденіе предположенія о захватѣ ефталитами Забулистана не имѣется. Мнѣніе Кеннингама о томъ,

что хуна Гандары были вѣтвью ефталитовъ, также не имѣетъ никакихъ основаній. Предположеніе объ изгнаніи ефталитами потомковъ Кидоло изъ Гандары за Индъ и въ Читралъ съ Яссиномъ, основанное, быть-можетъ, на случайномъ и притомъ весьма отдаленномъ сходствѣ имени Кидаръ съ сказаніями о происхожденіи рода нынѣшнихъ правителей Читрала отъ какого-то Шахъ-Катура, брата Шахъ-Хушвахта, предка царскаго дома Яссина (Биддельфъ «Народы, населяющіе Гиндукушъ», переводъ П. Лессара, Асхабадъ, 1886, стр. 81), опровергается свѣдѣніями посольства 520 г. и «Бэй-шы» о нахожденія владѣній Бочжи и Шеми, соотвѣтствующихъ нынѣшнему Читралу, въ зависимости отъ ѣда-ефталитовъ («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 180), помимо другихъ данныхъ, которыя мною приведены были о судьбахъ кидаритовъ выше.

Д-ръ Марквартъ находилъ сначала, что Кеннингамъ правильно призналъ Джаувла надписи Тораманы и Джанбула, Джабувла и пр. монетъ родовымъ именемъ Ērānšahr, 39), но затѣмъ пришелъ къ заключенію, что лучше держаться авторитета китайскихъ историковъ, у которыхъ Yeh-p'o-lo есть имя страны Гандары до завоеванія ея ефталитами (тамъ же, 247), находя, однако, при помощи амойскаго и кантонскаго діалектовъ, древнимъ произношеніемъ этого имени Ğebbul, Ğabbul, т.-е. Ğabul [1]). Проф. Шаваннъ, который хотя и не отвергаетъ пользованія діалектами для опредѣленія древняго произношенія китайскихъ письменныхъ знаковъ, но лично къ этому пользованію почти не прибѣгаетъ, передаетъ прежнее имя Гандары въ «Бэй-шы» и Исторіи храмовъ въ Лоянѣ, въ видѣ Che-po и Che-po-lo, и рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи этого имени такимъ образомъ, что это есть древнее санскритское имя народа *сиби*, такъ какъ Сюань Цзанъ (Mém., I, 122 — 123) пріурочиваетъ къ Гандарѣ легенду о царевичѣ Суданѣ (соотвѣтствующемъ Висвантарѣ санскритскихъ текстовъ); между тѣмъ сутра о царевичѣ Суданѣ (въ японской Трипитакѣ) говоритъ, что царевичъ этотъ былъ сыномъ царя страны Che-po, тогда какъ санскритская Джатакамала выясняетъ, что Вивсантара былъ сыномъ царя сибійцевъ (des Çibis); однако Шаваннъ добавилъ потомъ, что читаетъ Che, а не Ye, вслѣдствіе употребленія знака Ye въ сутрѣ о царевичѣ Суданѣ, гдѣ употребленъ знакъ Che (отличный, какъ видно по изображенію, отъ знака, который читается Ye), и говоритъ: cependant l'identification reste hypothétique (Documents sur les Tou-kiue occidentaux, 1903, p.p. 225, note 3, 322).

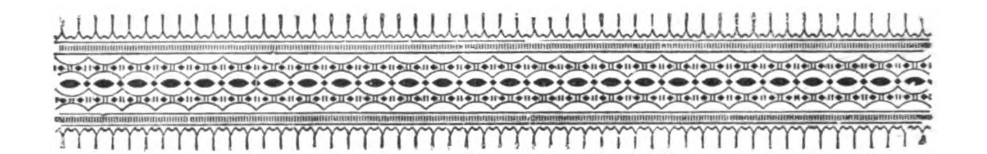
---

[1]) Еще проф. В. П. Васильевъ задавался вопросомъ: «Какимъ образомъ жаргоны провинцій Фу-цзяня и Кантона, вошедшихъ въ составъ Китая гораздо позже, населенныхъ инородцами, считать оригиналомъ для подлиннаго кит. произношенія?“ („Очеркъ исторіи кит. литературы“ въ „Всеобщей исторіи литературы“, подъ ред. В. Корша, Спб., 1880, т. I, стр. 436). Въ настоящее время, кромѣ южныхъ діалектовъ, все болѣе усиливается примѣненіе для той же цѣли корейскаго и японскаго языковъ.

Имена царскихъ родовъ, племенныя, народныя могутъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ именами странъ и государствъ, но вообще не встрѣчаются въ качествѣ царскихъ титуловъ; поэтому трудно допустить, чтобы царскій титулъ замбиль могъ быть тождественнымъ съ именами Джаувла, Забулъ и т. п., если это имена царскаго рода или племени, какъ полагалъ Кеннингамъ. Обращеніе проф. Шаванномъ Ye-po въ Che-po, причемъ третій слогъ имени lo отбрасывается, представляется сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что дѣйствительное существованіе въ Гандарѣ народа сиби нуждается въ подтвержденіяхъ помимо буддійскихъ легендъ. Поэтому вопросъ о вышеприведенныхъ именахъ приходится считать пока неразрѣшеннымъ.

Н. А. Аристовъ.

Некрологи.

Проф. Адольфъ Бастіанъ. $^{24}/_{11}$ февраля скончался въ Port of Spain на о-вѣ Тринидатѣ, въ больницѣ, заслуженный профессоръ этнологіи, директоръ Берлинскаго этнографическаго музея (Museum für Völkerkunde) и одинъ изъ основателей и дѣятелей Берлинскаго Общества антропологіи, этнологіи и первобытной исторіи и нѣмецкаго Африканскаго Общества, т. с. Адольфъ Бастіанъ. Умеръ онъ въ возрастѣ 78 лѣтъ, что не мѣшало ему, однако, до конца быть плодовитымъ писателемъ и неутомимымъ путешественникомъ.

Родился Б. 26-го іюня 1826 года въ Бременѣ и былъ сыномъ состоятельнаго купца. По окончаніи гимназіи онъ поступилъ на юридическій факультетъ, затѣмъ сталъ слушать лекціи по философіи и естествознанію и, наконецъ перешелъ на медицинскій факультетъ, на которомъ, въ Прагѣ, и получилъ въ 1850 г. степень доктора. Ранѣе онъ былъ студентомъ въ Іенѣ, Гейдельбергѣ и Вюрцбургѣ и, обладая живой, отзывчивой натурой и большими способностями, умѣлъ, повидимому, соединять усидчивыя занятія съ юношескимъ весельемъ. По крайней мѣрѣ, онъ былъ членомъ студенческихъ корпарацій, въ Іенѣ — Sachsen, въ Гейдельбергѣ—Vandalen, но въ то же время успѣлъ поглотить массу книгъ и извлечь изъ нихъ много данныхъ для своихъ послѣдующихъ этюдовъ.

Въ 1851 г., въ возрастѣ 25 лѣтъ, Б. поступилъ судовымъ врачемъ на одинъ торговый пароходъ и отправился въ Австралію. Что побудило его къ этому путешествію — неизвѣстно, но, судя по тому, что его извѣстное сочиненіе «Der Mensch in der Geschichte» (1860) посвящено памяти А. фонъ-Гумбольдта, при чемъ въ посвященіи онъ говоритъ, что многимъ обязанъ ободряющимъ словамъ этого ученаго, «находившагося уже на закатѣ своихъ дней», можно думать, что въ этомъ случаѣ играли немаловажную роль совѣты А. фонъ-Гумбольдта, который, какъ извѣстно, интересовался въ своихъ путешествіяхъ не одной природой, но и культурными особенностями посѣщенныхъ имъ странъ. Съ другой стороны, на направленіе научной дѣятельности Бастіана, направленной, главнымъ образомъ, къ собиранію матеріаловъ по психологіи и

соціологіи народовъ, имѣла, повидимому, немаловажное вліяніе философія извѣстнаго тогда Гербарта, который въ своей этикѣ исходилъ не отъ извѣстныхъ непреложныхъ нравственныхъ аксіомъ, а доказывалъ «пассивность» духовной жизни особи, развивающейся въ извѣстной общественной обстановкѣ, подъ вліяніемъ «народной воли», что особенно наглядно видно при изученіи мысли и нравственности менѣе культурныхъ и болѣе примитивныхъ народовъ.

Путешествіе Бастіана продолжалось нѣсколько лѣтъ. Изъ Австраліи онъ отправился въ Америку, посѣтилъ Перу, Мексику, Вестъ-Индію, затѣмъ поѣхалъ въ Батавію, Китай, Индію и, наконецъ, попалъ въ Африку, гдѣ прожилъ всего дольше въ Санъ-Сальвадорѣ (Ангола). Всюду главнымъ предметомъ его наблюденій была не природа, а люди, и именно ихъ духовная сторона — языкъ, бытъ, вѣрованія, понятія, преданія, миѳы и т. д. По возвращеніи въ Европу Б. скоро опубликовалъ первый результатъ своего путешествія: «Ein Besuch in San-Salvador» (1859), въ которомъ далъ обстоятельный очеркъ быта и духовной жизни ангольскихъ негровъ, ранѣе обращавшихъ на себя вниманіе только какъ матеріалъ, пригодный для эксплоатаціи и обращенія въ рабство. Въ слѣдующемъ, 1860-мъ, году появился въ печати громадный трудъ Бастіана «Der Mensch in der Geschichte», обратившій на себя общее вниманіе историковъ и психологовъ необыкновенной эрудиціей его автора. Сочиненіе это состоитъ изъ трехъ томовъ: первый носитъ названіе «Die Psychologie als Naturwissenschaft», второй — «Psychologie und Mythologie», третій — «Politische Psychologie». Во всѣхъ трехъ томахъ 1520 страницъ довольно мелкаго шрифта. Въ этомъ сочиненіи Б. доказываетъ, что человѣческій духъ долженъ быть изучаемъ съ естественно-исторической точки зрѣнія и естественно-историческимъ методомъ, какъ продуктъ природы. Не человѣкъ думаетъ, а нѣчто думаетъ въ человѣкѣ, и это нѣчто слагается изъ различныхъ воздѣйствій окружающей среды, окружающаго общества на индивидуальный духъ, являющійся продуктомъ индивидуальнаго мозга. Психологія можетъ быть построена научно только на этнической основѣ, какъ психологія народовъ; нужно изучать психологическіе законы, пути, по которымъ шло развитіе мысли; нужно забыть укоренившіяся традиціи, признанныя аксіомы и приступить къ собиранію фактовъ духовной жизни путемъ ихъ наблюденія на различныхъ ступеняхъ культуры, у различныхъ народовъ, и подвергать затѣмъ сравнительному анализу отдѣльныя проявленія мысли, чувства и воли. Въ книгѣ Бастіана сгруппированы по отдѣламъ весьма интересныя группы фактовъ, напр. объ языкѣ жестовъ, о способахъ выраженія, о фетишизмѣ, о неизвѣстномъ и зломъ богѣ; варіаціи понятій о добрѣ и злѣ; касты, ордаліи, крестъ. элементы магіи, понятія о душѣ, почитаніе иконъ; миѳы о чудесномъ рожденіи, воскресеніи, возрожденіи; культъ умершихъ, почитаніе мощей, психическія эпидеміи и т. д. и т. д., съ приведеніемъ данныхъ о самыхъ различныхъ народахъ, отъ наиболѣе первобытныхъ до историческихъ, такъ какъ и у послѣднихъ оказываются еще широко распространенными пережитки далекаго прошлаго

Опубликовавъ свой обширный трудъ, для составленія котораго требовалось, очевидно, многіе годы литературныхъ изученій, Бастіанъ отправился въ новое путешествіе, продолжавшееся также нѣсколько лѣтъ (пять). На этотъ разъ онъ отправился въ Бирму, гдѣ, воспользовавшись насильственнымъ задержаніемъ его въ Манделэ, сошелся съ мѣстными бонзами и собралъ богатый матеріалъ по философія буддизма; затѣмъ онъ посѣтилъ Сіамъ, Камбоджу, Японію, Китай, проѣхалъ чрезъ Монголію и Сибирь и побывалъ на Кавказѣ. Результатомъ этого путешествія явилось сочиненіе «Die Völker des oestlichen Asiens», 1866—71 (6 томовъ), заключающее въ себѣ цѣнные матеріалы для психологіи и этнологіи народовъ юго-востока и востока Азіи. Послѣ того Бастіанъ на нѣсколько лѣтъ основался въ Берлинѣ. Въ 1866 г. онъ выступилъ доцентомъ по этнологіи въ Берлинскомъ университетѣ, гдѣ въ 1871 г. получилъ званіе экстраординарнаго профессора. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занялъ мѣсто завѣдующаго этнографическимъ отдѣленіемъ Берлинскихъ королевскихъ музеевъ и сталъ принимать участіе въ дѣятельности Берлинскаго Географическаго Общества (въ которомъ одно время состоялъ предсѣдателемъ) и въ дѣятельности основаннаго въ концѣ 60-хъ годовъ Берлинскаго Общества антропологіи, этнологіи и первобытной исторіи, начавшаго издавать, подъ редакціей Р. Вирхова и Гартмана, журналъ «Zeitschrift für Ethnologie». Въ 1871—72 гг. Бастіанъ опубликовалъ свои «Ethnologische Forschungen» (2 тома), а въ 1873 г., въ качествѣ одного изъ учредителей «Нѣмецкаго Общества для изслѣдованія экваторіальной Африки» (позже принявшаго названіе «Afrikanische Gesellschaft»), выступилъ съ предложеніемъ организовать большую экспедицію въ Лоанго, которая и была осуществлена Обществомъ при участіи нѣсколькихъ ученыхъ («Die deutsche Expedition an der Loango-Küste» $18^{74}/_{75}$). Съ основаніемъ отдѣльнаго Этнографическаго музея Бастіану открылась новая дѣятельность—по собиранію коллекцій для этого музея въ различныхъ частяхъ Свѣта. Въ 1875—76 гг. онъ путешествовалъ, по порученію музея, въ южной и средней Америкѣ (Экуадоръ, Колумбія, Перу, Гватемала, Антиллы), откуда вывезъ многія коллекціи и матеріалы для своего труда: «Die Kulturländer des alten Amerika», 1878 (2 т.). Въ 1878—80 гг. онъ посѣтилъ Индію, Индо-Китай, Малайскій архипелагъ, сѣверную и восточную Австралію, Фиджи, Гаваи, Калифорнію и Юкатанъ, также отчасти въ музейскихъ цѣляхъ, отчасти для собиранія этнологическихъ данныхъ. На Гаваи, пользуясь содѣйствіемъ короля Калаката, Б. могъ воспользоваться записями священныхъ преданій туземцевъ, которыя онъ затѣмъ обработалъ въ этюдѣ «Die heilige Sage der Polynesier» (1881). Нѣсколько позже имъ были изданы: «Zur Kenntniss Hawadis» (1883) и «Beiträge zur vergleichenden Psychologie» (анализъ воззрѣній на душу у разныхъ народовъ). Въ 1886 г. Б. занялъ мѣсто директора Берлин. этнограф. музея, что не мѣшало ему выпускать почти ежегодно новые труды. Укажемъ его «Zur Lehre von den geographischen Provinzen» (1886); «Die Welt in ihrer Spiegelungen unter d. Wandel des Völker-

gedankens» (1887, съ атласомъ изъ 24 табл.); «Die Rechtsverhältnisse bei den verschiedenen Völker der Erde»; «Allerlei aus Volks-und Menschenkunde» (1888, 2 тома); «Der Buddismus in seiner Psychologie», «Der Menschengedanke durch Baum und Zeit»; «Ueber Klima und Acclimatisation nach ethnischen Gesichtspuncten» (1889) и др. Въ 1889—91 гг. Бастіанъ путешествовалъ по Кавказу, Арменіи, Туркестану, Индіи, Австраліи, въ 1896—97 гг.—по Малайскому архипелагу. Всего онъ провелъ около 20 лѣтъ въ путешествіяхъ, посвящая промежуточные годы усиленнымъ литературнымъ занятіямъ. Не далѣе, какъ въ 1903—904 гг., имъ выпущенъ былъ новый трудъ «Die Lehre vom Denken» (2 т.), послѣ чего онъ отправился въ новое и послѣднее свое путешествіе въ Америку.

Число напечатанныхъ сочиненій Бастіана очень велико, и всѣ они свидѣтельствуютъ о необыкновенно обширной его эрудиціи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они недостаточно обработаны и часто представляютъ только груды плохо связанныхъ между собою фактовъ и мыслей. Самъ Бастіанъ сравнивалъ себя съ рабочимъ, таскающимъ въ тачкѣ камни для постройки будущаго зданія, и въ этомъ сравненіи есть много вѣрнаго. Это не былъ, во всякомъ случаѣ, художникъ-архитекторъ, способный сосредоточиться на извѣстной опредѣленной, ясной идеѣ и развить ее гармонично, не теряясь въ деталяхъ. Обширная эрудиція и масса собранныхъ фактовъ, можно сказать, давили Бастіана и затрудняли ему свободу выбора и гармоничное распредѣленіе матеріала. Читать сочиненія Бастіана очень трудно, почти невозможно; безчисленные ряды данныхъ, цитатъ, мало связанныхъ между собою, не даютъ возможности оріентироваться, и въ нихъ иногда съ трудомъ можно отыскать извѣстную идею, опредѣленную послѣдовательность, сколько-нибудь ясные выводы. Для справокъ труды Бастіана также неудобны: въ нихъ нѣтъ алфавитныхъ указателей, иногда нѣтъ и оглавленія; читать приходится обыкновенно безъ точнаго указанія источниковъ; факты понабраны во всевозможныхъ литературахъ, но безъ достаточной критики; изложеніе тяжелое, мѣстами трудно понятное. Вообще, даже ученые нѣмцы, изъ поклонниковъ Бастіана, сознаются, что читать его мудрено, и немногіе, вѣроятно, могли осилить хотя бы нѣкоторые изъ его большихъ трудовъ. Что касается до направленія, внесеннаго Бастіаномъ въ этнологію, то слѣдуетъ замѣтить, что онъ былъ не единственный піонеръ въ этомъ дѣлѣ. Почти одновременно съ появленіемъ его сочиненія «Der Mensch in der Geschichte» вышелъ 1-й томъ «Антропологіи» Вайтца и первыя книжки журнала «Zeitschrift für Völkerpsychologie», основаннаго Lazarus'омъ и Steinthal'емъ. Несмотря на всю свою эрудицію, Бастіанъ не былъ такимъ новаторомъ въ этнологіи, какъ, напр., Б. Тайлоръ, который, основываясь на данныхъ, собранныхъ Клеммомъ, Вайтцемъ и Бастіаномъ, оживилъ ихъ плодотворной идеей эволюціи и внесъ тѣмъ самымъ въ исторію первобытной культуры плодотворный методъ сравнительнаго изученія.

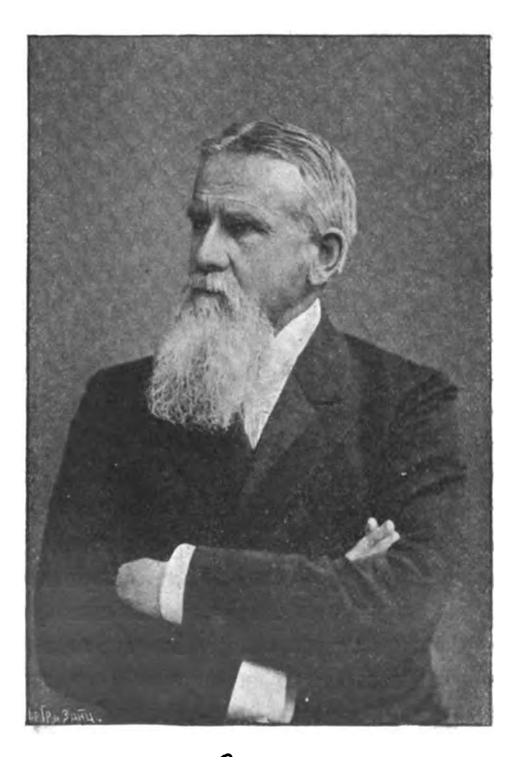
Бастіанъ умеръ заслуженнымъ профессоромъ, но читалъ онъ сухо, скучновато, и его способъ изложенія не могъ привлечь къ нему многихъ слушателей. Какъ директоръ музея, онъ обогатилъ его многими цѣнными, осмысленно собранными этнографическими коллекціями, но онъ не принималъ особенно близкаго участія собственно въ музейской дѣятельности, въ описаніи коллекцій, въ практическихъ занятіяхъ по ознакомленію съ ними студентовъ и т. д. Различными отдѣлами Берлинскаго музея завѣдуютъ ученые спеціалисты, которые всего обстоятельнѣе знакомы съ этими отдѣлами и могутъ выступать самыми компетентными ихъ истолкователями. Притомъ Бастіанъ большую часть времени проводилъ у себя въ кабинетѣ, и иногда исчезалъ на нѣсколько лѣтъ изъ Европы. Съ другой стороны, складъ его ума былъ таковъ, что отъ него трудно было получить краткій и ясный отвѣтъ на какой-нибудь научный вопросъ. Одинъ фактъ вызывалъ у него другой, одна мысль цѣплялась за другую, и вмѣсто прямого отвѣта на вопросъ получалась вереница данныхъ и сложное философское построеніе, въ концѣ-концовъ расплывавшееся въ туманной философской дали.

Въ общественной жизни Бастіанъ отличался замкнутостью. Одинокій, онъ былъ вѣчно погруженъ въ свои думы и занятія, мало обращалъ вниманія на свой костюмъ, рѣдко съ кѣмъ сходился ближе и не любилъ говорить о себѣ и своихъ путешествіяхъ. Вообще онъ представлялъ собою своеобразный типъ ученаго, преданнаго исключительно наукѣ, путешествіямъ и кабинетнымъ занятіямъ и стремившагося проникнуть возможно глубже въ сложный и трудно постижимый духовный міръ человѣка, какъ онъ открывается въ народной мысли и фантазіи, въ вѣрованіяхъ, миѳахъ, преданіяхъ, міровоззрѣніи. Онъ хотѣлъ подойти къ этому міру безъ предвзятыхъ идей, понять его возможно объективнѣе изъ сопоставленія данныхъ наблюденія, но данныхъ этихъ оказалось такъ много, они были такъ разнообразны, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ было такъ много аналогичнаго у разныхъ народовъ и на различныхъ ступеняхъ культуры, что чѣмъ болѣе расширялся кругъ этихъ данныхъ, тѣмъ труднѣе было въ немъ оріентироваться безъ опредѣленной руководящей идеи и безъ логически послѣдовательнаго анализа и синтеза. По различнымъ вопросамъ исторіи культуры и психологіи народовъ наука, однако, обязана Бастіану такими обширными сводками данныхъ, и всѣ его труды свидѣтельствуютъ о такомъ горячемъ стремленіи внести научный анализъ въ область наиболѣе сложныхъ явленій духовной коллективной жизни человѣчества, что имя Бастіана останется навсегда связаннымъ съ исторіей психической антропологіи, какъ одного изъ выдающихся піонеровъ въ этой обширной области знаній.

Д. Анучинъ.

Проф. Фридрихъ Ратцель. 10 августа (27 іюля) 1904 г. скоропостижно скончался на 60 году жизни, отъ разрыва сердца, въ Аммерландѣ, на берегу Штарнбергскаго озера, и похороненъ въ дер. Мюнзингѣ знаменитый

нѣмецкій ученый, пріобрѣвшій себѣ всемірную извѣстность своими классическими трудами въ областяхъ географіи, антропогеографіи и этнографіи, профессоръ Лейпцигскаго университета Фридрихъ Ратцель. Не обычный путь привелъ Фр. Ратцеля на университетскую каѳедру. Сынъ бѣдныхъ родителей (отецъ его служилъ швейцаромъ въ Карлсруэ,), Фр. Ратцель, по окончаніи гимназическаго курса въ Карлсруэ, изъ-за недостатка средствъ къ продолженію образованія, вынужденъ былъ нѣкоторое время прослужить фармацевтомъ (въ Эйхерсгеймѣ, Мёрсѣ и Рапперсвилѣ) и, скопивъ въ этой должности небольшую сумму денегъ, могъ осуществить свою мечту поступить въ университетъ. Сначала онъ слушалъ лекціи въ Гейдельбергѣ, а затѣмъ въ Іенѣ и Берлинѣ. Во время пребыванія въ указанныхъ университетахъ Ратцель интересовался главнымъ образомъ зоологіей; на зоологическую тему была представлена имъ и докторская диссертація («Beiträge zur anatomischen und systematischen Kenntniss der Oligochaeten»), защищенная въ 1866 г. въ Гейдельбергѣ. Вопросы зоологіи не переставали интересовать Ратцеля и по окончаніи университетскаго курса, и онъ продолжалъ работать въ этой области въ Монпелье и Сеттъ, подъ руководствомъ Шарля Мартина. Въ то же время необходимость заработка заставила его принять предложеніе «Кёльнской Газеты» и, въ качествѣ ея корреспондента, совершить рядъ поѣздокъ по Зап. Европѣ, преимущественно по берегамъ Средиземного моря. Въ результатѣ этихъ поѣздокъ явилась серія блестящихъ фельетоновъ Ратцеля въ «Кёльнской Газетѣ» («Zoologische Briefe vom Mittelmeer», собранныя потомъ въ «Wandertage eines Naturforschers»). Возгорѣвшаяся въ 1870—71 г. франко-германская война едва не лишила Германію ея будущаго знаменитаго ученаго: Фр. Ратцель, принявшій участіе въ этой войнѣ, въ качествѣ волонтера, въ рядахъ 14 баденскаго армейскаго корпуса, былъ тяжело раненъ въ голову и оправился только послѣ продолжи-

тельнаго лѣченія въ лазаретахъ и то не окончательно,—всю жизнь вслѣдствіе этой раны его безпокоили головныя боли. По выздоровленіи Ратцель снова отдается научнымъ занятіямъ, работая на этотъ разъ въ Мюнхенѣ по геологіи и палеонтологіи у проф. Циттеля. Пребываніе въ Мюнхенѣ и близкое знакомство съ Морицомъ Вагнеромъ, выдвинувшимъ ученіе о миграціяхъ организмовъ, оказало несомнѣнное вліяніе на ходъ и направленіе будущихъ работъ молодого ученаго. Но недостатокъ матеріальныхъ средствъ вновь прерываетъ кабинетныя и лабораторныя занятія Ратцеля, и онъ, по вторичному предложенію «Кёльнской Газеты», ѣдетъ въ Америку. Посѣтивъ Сѣв.-Американскіе Соединенные Штаты, Мексику и Антильскіе острова, Ратцель печатаетъ въ командировавшей его газетѣ многочисленный рядъ интересныхъ фельетоновъ, знакомящихъ съ его наблюденіями и впечатлѣніями въ посѣщенныхъ имъ странахъ. Фельетоны эти впослѣдствіи также были изданы отдѣльными книгами: «Städte-und Kulturbilder aus N. Amerika» (Leipzig, 1876, 2 тома), «Aus Mexiko. Reiseskizzen aus den Jahren 1874 u. 75». (Breslau, 1878), «Die neuen Handelswege und Handelsplätze in H. Indien»; особенную извѣстность получило его обширное сочиненіе «Die Vereinigten Staaten von Nord-Amerika», въ 2 томахъ, явившееся самымъ обстоятельнымъ трудомъ о Соединенныхъ Штатахъ въ западно-европейской литературѣ и не утратившее своего значенія и до настоящаго времени. По возвращеніи изъ этого путешествія, Ратцель вскорѣ же былъ приглашенъ приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ георафіи въ Мюнхенскій политехникумъ, и въ 1876 г. былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ этого политехникума. Число курсовъ, прочтенныхъ Ратцелемъ за время профессорства въ политехникумѣ, было весьма обширно и свидѣтельствуетъ объ его энергичной работѣ: онъ читалъ общее землевѣдѣніе, географію Азіи, Америки, Африки, Австраліи и полярныхъ странъ, колоніи Европы, коммерческую географію, методику географіи, народовѣдѣніе, антропогеографію, основы политической географіи, обзоръ главнѣйшихъ географическихъ открытій и путешествій и др. Въ Мюнхенѣ Ратцель оставался до 1886 г.; въ этомъ году онъ, вслѣдствіе перехода проф. Ф. фонъ-Рихтгофена изъ Лейпцигскаго университета въ Берлинскій, былъ приглашенъ ординарнымъ профессоромъ въ Лейпцигскій университетъ, въ которомъ оставался до самой смерти. Лейпцигскій періодъ дѣятельности проф. Ратцеля былъ особенно продуктивенъ: помимо чтенія въ университетѣ разнообразныхъ курсовъ по географіи, антропогеографіи и этнографіи, всегда привлекавшихъ въ его аудиторію многочисленныхъ слушателей, имъ изданы за время пребыванія въ Лейпцигѣ, всѣ его наиболѣе капитальные труды, какъ-то: «Anthropogeographie oder Grundzüge der Anwendung der Erkunde auf die Geschichte» (1-ый томъ относится еще къ Мюнхенскому періоду и изданъ въ Штуттгартѣ въ 1882 г., 2-ой томъ появился черезъ 10 лѣтъ, а 2-ое изданіе 1-го тома — черезъ 12 лѣтъ), «Völkerkunde» (сначала вышло въ 3-хъ томахъ, а потомъ было переработано въ 2-томное изданіе), „Politische Geographie“, „Die Erde und das Leben“, „Der Staat und sein Boden geographisch betrachtet“

и др. [1]). Труды проф. Ратцеля, отличающіеся блестящимъ изложеніемъ, обширной эрудиціей и широкими обобщеніями, одинаково цѣнны какъ для географіи, такъ и для этнографіи; въ той и другой они оставили глубокій слѣдъ. Въ работахъ Ратцеля эти двѣ области знанія сильно сближаются между собою. Въ своихъ этнографическихъ изслѣдованіяхъ Ратцель первенствующее значеніе придаетъ географическимъ и историческимъ условіямъ развитія народовъ. Человѣкъ въ его работахъ не оторванъ отъ земли, а тѣсно и неразрывно связанъ съ нею. Законы соотношеній между человѣкомъ и природою являются у Ратцеля тѣмъ центральнымъ пунктомъ, къ которому по преимуществу направлены всѣ его изслѣдованія.

На долю пишущаго эти строки выпало высокое счастье слушать въ 1894—95 г. въ Лейпцигѣ лекціи проф. Ратцеля, участвовать въ его семинаріи, пользоваться въ нѣкоторыхъ научныхъ работахъ его цѣнными совѣтами и указаніями и потомъ, по оставленіи Лейпцига, не прекращать съ нимъ письменныя сношенія. Человѣкъ поразительной доброты, всегда готовый оказать, какую только можетъ, помощь нуждающемуся въ ней, на рѣдкость мягкій и деликатный со всѣми, обращающимися къ нему, съ удивительною способностью вселять и укрѣплять въ своихъ ученикахъ любовь къ наукѣ и глубокую вѣру во всемогущую силу знанія и, раскрывая передъ ними широкіе научные горизонты, заставлять ихъ итти все далѣе и далѣе, Фр. Ратцель едва-ли въ комъ-либо, имѣвшемъ счастье узнать его, могъ оставить иное чувство, кромѣ чувства самаго глубокаго уваженія и самой искренней признательности. За многое, очень многое сердечное тебѣ спасибо, дорогой, незабвенный учитель!

Ал. Ивановскій.

Максъ Бартельсъ. 22 октября 1904 г. умеръ послѣ продолжительной и мучительной болѣзни извѣстный антропологъ, долголѣтній секретарь Берлинскаго Антропологическаго Общества Максъ Бартельсъ, едва успѣвши пережить шестой десятокъ лѣтъ. Онъ родился въ 1843 г. въ Берлинѣ, тамъ же получилъ среднее и высшее образованіе по медицинскому факультету и тамъ же занимался до конца дней своихъ частной врачебной практикой. Выступивъ на арену научной дѣятельности въ то время, когда антропологія, какъ наука, только зарождалась, Бартельсъ всю свою жизнь остался вѣрнымъ традиціямъ старой школы и одинаково умѣло и добросовѣстно работалъ во всѣхъ областяхъ антропологіи, какъ въ доисторической археологіи, такъ и въ физической антропологіи и этнологіи. Нельзя, впрочемъ, сказать, что онъ не облюбовалъ себѣ извѣстной спеціальности, такъ какъ всѣ его работы весьма близко соприкасаются къ медицинѣ. На поприщѣ физической антропологіи онъ выступилъ съ строго

---

[1]) Подробный перечень трудовъ Фр. Ратцеля см. въ приложеніи къ статьѣ *Б. Ѳ. Адлера* о Ратцелѣ въ „Землевѣдѣніи“, 1904 г., кн. III.

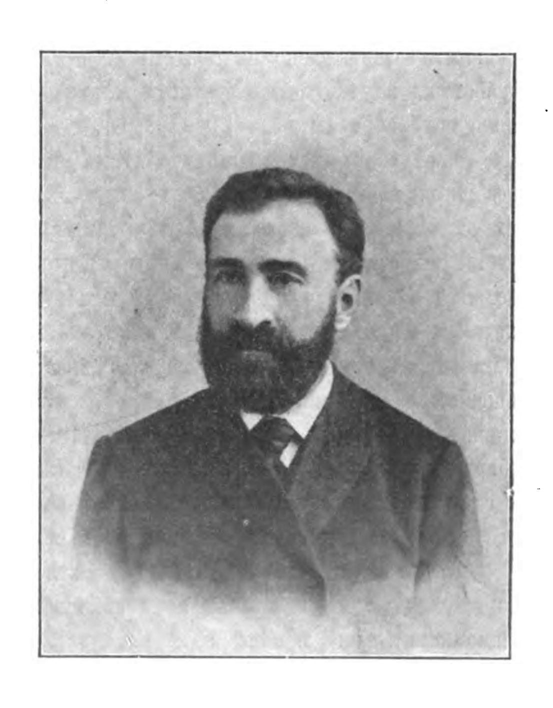

обоснованными и детально разработанными трудами о чрезмѣрной волосатости у человѣка (Ueber abnorme Behaarung beim Menschen. „Zeitschrift f. Ethnologie“, XIII) и о хвостатыхъ людяхъ (Die geschwänzten Menschen. „Arch. f. Anthr.“, XV). Въ 1887 г. вышло подъ редакціей Бартельса, вслѣдствіе смерти автора, извѣстное сочиненіе Плосса: „Das Weib in der Natur- und Völkerkunde“, выдержавшее съ тѣхъ поръ еще шесть изданій и переведенное почти на всѣ европейскіе языки, въ томъ числѣ и на русскій. Такой колоссальный успѣхъ, выпавшій на долю строго научнаго сочиненія, уже самъ по себѣ говоритъ о достоинствахъ его. Несмотря на то, что послѣднія изданія этой книги настолько разнятся отъ перваго, что она можетъ быть разсматриваема, какъ самостоятельный трудъ Бартельса, онъ, однако, не хотѣлъ выставлять своего имени рядомъ съ именемъ автора и приписывалъ себѣ только трудъ по переработкѣ и изданію. Такая скромность въ наши дни заслуживаетъ особеннаго уваженія; впрочемъ, всѣ знавшіе лично покойнаго особенно высоко цѣнили въ немъ эту черту его характера, а также постоянную его готовность помочь коллегѣ совѣтомъ и дѣломъ. Съ 1889 г. Бартельсъ состоялъ секретаремъ Берлинскаго Антропологическаго Общества, и если, по справедливому выраженію теперешняго его предсѣдателя Lissauer'а, Вирховъ былъ главой этого Общества, то Бартельсъ былъ его душой. Онъ завѣдывалъ, главнымъ образомъ, печатаніемъ трудовъ этого Общества и его фотографической коллекціей. Почти въ каждомъ томѣ „Zeitschrift für Ethnologie“ появлялось нѣсколько крупныхъ и мелкихъ статей его по различнымъ вопросамъ. Въ 1893 г. вышелъ его объемистый трудъ: «Die Medicin der Naturvölker». Тутъ Бартельсу приходилось все разрабатывать самому и рыться по первоисточникамъ, разбросаннымъ по обширному полю этнографической литературы, такъ какъ до него не было монографической разработки этого вопроса. Слѣдуетъ еще упомянуть, что Бартельсъ принималъ также дѣятельное участіе въ Берлинскихъ Обществахъ „Verein für Volkskunde“ и „Verein der Sammlung für deutsche Volkskunde“, предсѣдателемъ котораго онъ состоялъ.

С. Вайсенбергъ.

Н. М. Мартьяновъ. Три года тому назадъ на страницахъ «Русскаго Антропологическаго Журнала» мы вкратцѣ обрисовали картину постепеннаго, въ теченіе 25 лѣтъ, развитія Минусинскаго мѣстнаго музея по поводу четвертьвѣковаго юбилея этого музея и его основателя, Николая Михайловича Мартьянова. О самомъ юбилярѣ мы упоминали тогда очень мало, не смѣя итти наперекоръ его желанію—не говоритъ о немъ. Нынѣ этого скромнаго работника не стало, и на насъ лежитъ обязанность выполнить тотъ пробѣлъ, который тогда долженъ былъ быть допущенъ, и обрисовать того беззавѣтнаго труженика, который положилъ начало Минусинскому музею и въ теченіе 28 лѣтъ руководилъ имъ.

Обыкновенно когда умираетъ какой-нибудь общественный дѣятель, создатель какого-нибудь общественнаго учрежденія, общество, оплакивая его потерю, находитъ утѣшеніе въ томъ, что на стражѣ созданнаго имъ учрежденія станутъ послѣ его смерти люди, органически связанные съ этимъ учрежденіемъ, которые будутъ дальше вести начатое покойнымъ дѣло, не допустятъ паденія его... Такъ бываетъ обыкновенно, такъ какъ обыкновенно учрежденія, достойныя вниманія общества, существуютъ и развиваются въ центрахъ культуры и цивилизаціи. Положеніе Минусинскаго музея совершенно иное. Если Минусинскъ пользуется нынѣ всеобщей извѣстностью, то только потому, что его сдѣлалъ таковымъ Мартьяновъ. Если Минусинскій музей привлекаетъ въ Минусинскъ путешественниковъ всего міра, то это опять-таки заслуга этого необыкновеннаго человѣка. При такихъ условіяхъ прежде всего является вопросъ, откуда взялся у подножія Саянскихъ горъ этотъ необыкновенный человѣкъ, что толкнуло его въ глухую, а для многихъ и понынѣ еще полную ужаса Сибирь?

Мартьяновъ родился въ маленькомъ литовскомъ городкѣ, въ семьѣ крайне незажиточной, и чуть-ли не съ первыхъ лѣтъ жизни испыталъ на себѣ всѣ невзгоды необезпеченнаго существованія. Ему, съ раннихъ лѣтъ отличавшемуся поразительной любознательностью, пришлось, за отсутствіемъ средствъ, оставить гимназію. Но эти первыя испытанія не сломили, а, наоборотъ, какъ-бы закалили его. «Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ»... Поступивъ ученикомъ въ аптеку, Н. М. увлекся впервые собираніемъ растеній и проводилъ цѣлые часы, собирая не только лѣчебныя растенія для аптеки, но и много другихъ, ничего общаго съ лѣчебными не имѣющихъ. Это увлеченіе не было преходящимъ. Когда онъ въ 1866 г. выдержалъ экзаменъ при медико-хирургической академіи въ Петербургѣ на степень помощника аптекаря и переѣхалъ на мѣсто въ Царское Село, онъ въ теченіе четырехъ лѣтъ продолжалъ свои ботаническіе сборы, постоянно свѣряя собранные имъ гербаріи съ гербаріями ученыхъ Обществъ столицы. Тогда же Н. М. впервые началъ собирать и минералогическія коллекціи. Эти занятія оставили неизгладимый слѣдъ на

всей его жизни. Четыре года пребыванія въ Царскомъ Селѣ сдѣлали изъ Мартьянова вполнѣ подготовленнаго къ дѣлу естествоиспытателя.

Въ 1872 г. М. держитъ экзаменъ на провизора, а въ 1873 г. переѣзжаетъ въ Казань, гдѣ печатаетъ первые свои труды по ботаникѣ и заводитъ знакомство съ людьми, всецѣло преданными наукѣ. Тутъ-то впервые Н. М. пришлось познакомиться съ идеей мѣстныхъ музеевъ, основываемыхъ E. Groult во Франціи и пропагандируемыхъ В. Коховскимъ въ Россіи. Эта идея, какъ извѣстно, во многихъ не встрѣчала сочувствія. Противники ея опасались, что собранныя въ провинціальныхъ музеяхъ коллекціи, за невозможностью обработать ихъ на мѣстѣ, не будутъ имѣть значенія, а сосредоточеніе ихъ въ провинціи повліяетъ отрицательно на притокъ ихъ въ столицы, гдѣ онѣ могли-бы быть обработаны научно и гдѣ результаты этой обработки могли бы быть своевременно опубликованы.

Мартьяновъ не раздѣлялъ этихъ опасеній. Энергичный, настойчивый, предпріимчивый, онъ рѣшилъ эту идею воплотить въ жизнь. Ясно сознавая, что успѣхъ дѣла зависитъ отъ мѣста, гдѣ будетъ учрежденъ музей, что работа будетъ болѣе плодотворна, если это будетъ мѣсто совершенно не изслѣдованное, но во всѣхъ отношеніяхъ интересное для науки, Н. М. собирался переѣхать на Амуръ. Полученное имъ въ это время приглашеніе отъ врача А. В. Малинина переѣхать въ Минусинскъ для завѣдыванія аптекой измѣнило это рѣшеніе. Убѣдившись, что долина южнаго Енисея во всѣхъ отношеніяхъ отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, какія онъ ставилъ мѣстности, въ которой собирался основать музей, Мартьяновъ согласился на переѣздъ въ Минусинскъ. Подготовившись соотвѣтственно, захвативъ съ собой книги и всевозможныя пособія, онъ двинулся въ невѣдомую Сибирь.

Врядъ-ли кто-либо изъ тогдашнихъ жителей Минусинска подозрѣвалъ, что въ лицѣ этого невзрачнаго, застѣнчиваго, мягкаго въ обращеніи и совершенно незамѣтнаго провизора, въ Минусинскъ пріѣхалъ человѣкъ, которымъ будетъ со-временемъ гордиться этотъ городъ. Но если бы кто-нибудь уже тогда обратилъ вниманіе на то, что уже на слѣдующій день онъ былъ на посту, что, не отдохнувъ даже съ дороги, онъ отправился въ поле за сборомъ растеній; если бы замѣтили, какъ Мартьяновъ внимательно чуть-ли не съ перваго дня разспрашивалъ обо всемъ, какое вниманіе обращалъ даже на всякую мелочь, имѣющую отношеніе къ краю, какъ охотно онъ шелъ навстрѣчу всѣмъ, нуждающимся въ его услугахъ, какъ онъ умѣлъ ладить съ людьми и снискивать всеобщее расположеніе и,—что самое главное,—какъ этотъ человѣкъ умѣлъ безъ устали работать,—если-бы кто-нибудь обратилъ на все это вниманіе, сразу могъ-бы предсказать уже тогда, что Минусинскъ обогатился такимъ «чудо-человѣкомъ» (какъ Мартьянова многіе называли впослѣдствіи), какого трудно встрѣтить даже въ культурныхъ центрахъ. Къ чести минусинцевъ надо отмѣтить, что среди нихъ нашлись люди, которые на первыхъ же порахъ сумѣли оцѣнить этого необыкновеннаго человѣка, дружно откликнулись на его

зовъ и помогли ему въ осуществленіи его завѣтной идеи. Съ этого момента личная жизнь Мартьянова слилась всецѣло съ жизнью созданнаго имъ музея. Мы не будемъ говорить о постепенномъ развитіи этого учрежденія,—интересующіеся этимъ вопросомъ найдутъ необходимыя указанія въ нашемъ «Двадцатипятилѣтіи Минусинскаго мѣстнаго музея» и въ статьѣ по поводу юбилея музея въ «Рус. Антр. Журн.» за 1902 годъ. Здѣсь же отмѣтимъ, что Мартьяновъ осуществилъ завѣтную мечту E. Groult. Созданный имъ музей сталъ «обществомъ взаимнаго страхованія», въ которое всякій вложилъ частичку своего труда и доброй воли, получая взамѣнъ то, что вложили другіе. «Общество положило основаніе музею и библіотекѣ»,— высказалъ М. въ день закладки зданія музея,—«оно же и найдетъ въ своей средѣ лицъ, которыя не позволятъ намъ уподобиться бѣдняку, уныло взирающему на забитыя окна и двери своей начатой постройки». И эти надежды, возлагаемыя на общество, никогда не обманывали Мартьянова. Но какъ же онъ работалъ, чтобы всего этого достичь! Я зналъ его въ теченіе семи лѣтъ. Работая подъ его руководствомъ и рука-объ-руку съ нимъ, я удостовѣряю, что другого такого труженика мнѣ не пришлось видѣть. Больной, не будучи уже въ состояніи разогнуть спины, онъ продолжалъ работать по 14 часовъ въ сутки. Болѣзнь все болѣе и болѣе подтачивала его организмъ. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ онъ ужъ отъ времени до времени долженъ былъ бросать работу. Это его мучило, и въ промежуткахъ между двумя припадками страшной боли онъ снова принимался за работу; отдавая себѣ ясно отчетъ въ томъ, что дни его сочтены, онъ какъ бы торопился съ работой... Врачи его отправили въ Крымъ... Чувствуя, что конецъ близокъ, онъ вернулся въ Минусинскъ, желая умереть тамъ, гдѣ въ теченіе 28 лѣтъ работалъ. Но и тутъ онъ продолжалъ работать... Смерть застала его за приведеніемъ въ порядокъ гербарія долины южнаго Енисея. Съ тѣхъ поръ прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ, но всякій разъ, какъ вспомнишь объ этой тяжелой утратѣ, съ трудомъ миришься съ мыслью о томъ, что уже нѣтъ Мартьянова, нѣтъ этого не знающаго отдыха труженика...

„Какое сердце биться перестало,
Какой свѣтильникъ разума погасъ!"..

Ф. Конъ.

Критика и библіографія.

Д. Н. Анучинъ. Японцы (антропологическій и этнологическій очеркъ). «Землевѣдѣніе», 1904 г., кн. III.

По своему племенному и расовому составу населеніе Японіи слѣдуетъ признать довольно однороднымъ. За исключеніемъ Формозы и Пескадорскихъ островов, гдѣ живутъ, главнымъ образомъ, китайцы и малайцы въ количествѣ $2^1/_2$ мил., а также острова Езо и Курильскихъ, гдѣ сохранились еще остатки айновъ (около 30-ти тысячъ), все остальное коренное населеніе представляетъ лишь мѣстныя, второстепенныя отличія. Такъ, многіе наблюдатели указывали на существованіе среди японцевъ двухъ типовъ: одного—болѣе тонкаго, благороднаго, встрѣчающагося преимущественно среди высшихъ классовъ, другого — болѣе грубаго, распространеннаго въ массѣ народа. Первый типъ болѣе высокаго роста, съ продолговатымъ лицомъ, прямымъ разрѣзомъ глазъ, тонкимъ, прямымъ носомъ, умѣренно развитыми скулами и вообще съ чертами лица красивыми, даже съ европейской точки зрѣнія. Второй типъ отличается меньшимъ ростомъ, широкимъ, плоскимъ и скуластымъ лицомъ, узкими, нерѣдко косо поставленными глазами, прикрытыми у внутреннихъ угловъ складкой верхняго вѣка, приплюснутымъ носомъ, желто-бурымъ цвѣтомъ кожи, прямыми, черными волосами, слѣдовательно, съ признаками рѣзко монголоидными. Вообще надо предполагать, что населеніе Японіи сложилось изъ нѣсколькихъ племенныхъ элементовъ, еще не вполнѣ слившихся, что подверждается до извѣстной степени и данными археологіи, а также и языка. Но все же эти различія не настолько глубоки и значительны, чтобы создать разнородныя племенныя отличія.

Археологическія находки ясно указываютъ, что Японія пережила свой каменный вѣкъ, характеризуемый, помимо издѣлій изъ камня и кости, также и кучами раковинъ въ родѣ «кухонныхъ остатковъ» Даніи и особыми круглыми и четыреугольными ямами съ культурнымъ слоемъ въ нихъ, очевидно, остатками юртъ и становищъ. Такъ какъ эти остатки особенно часто встрѣчаются на островѣ Езо, то ихъ приписываютъ какому-то неизвѣстному народу, жившему тамъ до айновъ, что находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе и въ преданіяхъ самихъ айновъ.

По нѣкоторымъ подробностямъ въ этихъ разсказахъ многіе изслѣдователи склонны видѣть въ нихъ эскимосовъ, переселившихся сюда изъ Америки черезъ цѣпь Алеутскихъ острововъ, Камчатку и Курильскіе острова; напротивъ того, другіе считаютъ насельниковъ «каменнаго вѣка» прямыми предками тепереш-

нихъ айновъ, распространенныхъ тогда гораздо болѣе къ югу, чѣмъ теперь. Впрочемъ, на нѣкоторую связь съ Америкой указываютъ и антропологическія наблюденія надъ типами современныхъ японцевъ. Такъ, многіе авторитетные наблюдатели, напр., проф. Бельцъ, отмѣчаютъ, что весьма часто среди современныхъ японцевъ встрѣчаются физіономіи, поразительно напоминающія индѣйцевъ Сѣв. Америки; даже сами японцы часто бываютъ поражены этимъ сходствомъ. Но этотъ американскій элементъ, если его, дѣйствительно, признать, относится, во всякомъ случаѣ, къ временамъ очень древнимъ, доисторическимъ. Иное дѣло — элементъ айнскій, примѣсь котораго въ современномъ типѣ японскаго населенія врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что по многимъ даннымъ слѣдуетъ признать, что въ прежнія времена айны были распространены по всему японскому архипелагу, быть-можетъ, не исключая и Формозы, да и въ настоящее время помѣси между японцами и айнками довольно часты на сѣверѣ, а въ прежнія времена онѣ должны были происходить и еще чаще, особенно принимая во вниманіе болѣе широкое распространеніе этого типа къ югу. Въ общихъ чертахъ современные изслѣдователи принимаютъ въ сложеніи японской народности три наслоенія, не подлежащихъ особому сомнѣнію: только что упомянутое айнское, монгольское, пришедшее съ материка Азіи (корейско-манджурское) и малайское (съ примѣсью, быть-можетъ, негритосовъ). Участіе послѣдняго элемента, т.-е. малайскаго, повидимому, не подлежитъ сомнѣнію; оно доказывается какъ антропологическими измѣреніями, такъ и данными языка и этнографіи. Таково, напр., нахожденіе въ японскомъ языкѣ многихъ малайскихъ словъ и корней, а также звуковое вліяніе малайскаго языка на японскій; таковы многія черты быта, особенно въ прежнее время, въ родѣ распространенной постройки жилищъ на водѣ на сваяхъ или подробностей въ нѣкоторыхъ народныхъ праздникахъ и театральныхъ представленіяхъ. Распространеніе низшаго грубаго типа въ современномъ населеніи также приписывается малайскому вліянію. Какъ смѣлые моряки, малайцы распространились по островамъ почти всего Тихаго океана и отчасти Индѣйскаго; они заселили также Филиппины, Формозу, откуда имъ легко было уже перебраться черезъ архипелагъ Ліу-Кіу и на японскій, тѣмъ болѣе, что при этомъ разселеніи имъ благопріятствовало теплое теченіе Куро-Сиво, идущее съ юга. Присутствіе среди малайскаго типа примѣси негритосовъ дало поводъ предполагать существованіе ея и въ современномъ японскомъ населеніи. Тѣмъ не менѣе, опредѣляющее значеніе японской народности далъ, несомнѣнно, монгольскій элементъ, пришедшій изъ Китая и Кореи. Съ этимъ элементомъ связывается и образованіе Японскаго государства, хотя нѣкоторые изслѣдователи и полагаютъ, что древнѣйшей стадіей его могла быть и малайская. Этотъ корейско-манджурскій элементъ не можетъ, однако, считаться типично-монгольскимъ, такъ какъ въ образованіи обѣихъ половинъ принимали участіе многіе элементы: тунгусы, сѣверные китайцы и даже индѣйскіе дравиды. Этотъ типъ считается въ Японіи наиболѣе благороднымъ и красивымъ, въ которомъ всегда видѣли идеалъ красоты и японскіе художники. Онъ особенно распространенъ среди японской знати, хотя, напр., нынѣшній императоръ скорѣе является представителемъ другого, плебейскаго типа. Нѣкоторые изслѣдователи видятъ въ представителяхъ этого благороднаго типа потомковъ завоевателей, создавшихъ современное государство, но другіе, напротивъ того, связываютъ основаніе Японской имперіи съ иммиграціей изъ Южнаго Китая, основываясь, между прочимъ, и на древнихъ миѳахъ и легендахъ. Но отсюда еще нельзя заключить, что эти пришельцы были китайцы. Южный Китай — не коренная родина китайскаго племени, образовавшагося въ долинѣ рѣки Хуанъ-хэ;

здѣсь же китайскія хроники упоминаютъ многія инородческія племена, которыя лишь постепенно были покорены китайцами и восприняли ихъ культуру. Можетъ-быть, это были племена, родственныя бирманцамъ и ассамцамъ, а, можетъ-быть, даже и нѣкоторымъ народностямъ Индіи.

Суммируя все вышесказанное въ образованіи японскаго элемента, можно различить цѣлыхъ пять наслоеній: первое — это полумиѳическіе предшественники айновъ, быть-можетъ, американскаго происхожденія; второе—айны; третье — малайцы, пришедшіе съ юга (и негритосы?); четвертое — корейско-манджурскій элементъ и, наконецъ, пятое—пришельцы изъ Южнаго Китая, но, очевидно, не китайцы, а представители какаго-то особаго племени, населявшаго эти мѣста въ до-китайскій періодъ, родственнаго ассамцамъ и бирманцамъ. Къ этимъ основнымъ элементамъ слѣдуетъ присоединить еще и позднѣйшую, продолжающуюся и до сего дня колонизацію китайцевъ и корейцевъ.

И. Силиничъ.

Prof. D. v. Hansemann. Ueber die rachitischen Veränderungen des Schädels. „Zeitschrift für Ethnologie“, 1904, Heft III u. IV.

Рахитъ, несмотря на значительное его распространеніе, съ патолого-анатомической стороны до послѣдняго времени не былъ изученъ достаточно хорошо: многія измѣненія, зависящія отъ совершенно другихъ моментовъ, приписывались рахиту. Болѣе точное изученіе болѣзни стало возможно лишь послѣ того, какъ былъ установленъ фактъ, что и животныя также подвержены этой болѣзни. Она отмѣчается у многихъ животныхъ, съ дѣтства попавшихъ въ неволю, особенно же у обезьянъ. Проф. Hansemann, тщательно изучившій этотъ вопросъ на значительномъ числѣ объектовъ, пришелъ къ заключенію, что почти у всѣхъ обезьянъ, попавшихъ въ неволю съ дѣтства, развивается болѣе или менѣе сильно выраженный рахитъ. У обезьянъ, особенно высшихъ, рахитъ выражается такъ же, какъ и у человѣка, въ двоякомъ характерѣ процесса—въ пораженіяхъ въ области хрящей (Knorpelrachitis) и въ пораженіяхъ, идущихъ со стороны надкостницы (Periostrachitis). У человѣка преобладаютъ явленія перваго типа, у обезьянъ же гораздо рѣзче выражены явленія періостальнаго рахита; впрочемъ, рахитическія пораженія черепа и у человѣка представляютъ также, конечно, явленія второго типа, такъ что рахитическія измѣненія черепа у обезьянъ по существу тѣ же, что и у человѣка, лишь болѣе рѣзко выраженныя. Давая разростанія кости со стороны надкостницы, рахитъ ведетъ къ утолщенію черепныхъ костей, довольно равномѣрно распространенному, можетъ-быть, развѣ нѣсколько болѣе выраженному въ лобной части черепа по сравненію ея съ темянною частью. При этомъ разростаніе никогда не идетъ со стороны внутренней надкостницы черепа, т.-е. твердой мозговой оболочки, такъ что всѣ разростанія такого рода, особенно имѣющія форму вздутій и экзостозовъ, приписываемыхъ нерѣдко рахиту, навѣрное, не рахитическаго происхожденія. Тщательныя изслѣдованія обезьяньихъ, а частью и человѣческихъ рахитическихъ череповъ привели автора къ убѣжденію, что разростаніе костей черепа даже и въ области швовъ (начало процесса обычно съ центра костей) никогда не ведетъ къ настоящему костному зарощенію швовъ, — они приходили лишь въ очень тѣсное соприкосновеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ рахитъ всегда поражаетъ обѣ половины черепа вполнѣ симметрично, такъ что ни синостозы, ни сколіозы черепа рахиту не могутъ быть приписываемы. Наиболѣе характерны для человѣка тѣ формы рахитическаго

черепа, которыя получаются при т. наз. краніо-табесъ—измѣненія конфигураціи размягченнаго черепа. Это—прежде всего значительное уплощеніе затылочной части черепа, доходящее иногда до такой степени, что область перехода задней части черепа въ боковыя принимаетъ не дугообразную, а замѣтно угловую форму. Эта форма зависитъ, главнымъ образомъ, отъ продолжительнаго лежанія на спинѣ слабыхъ рахитическихъ дѣтей, при значительной, конечно, мягкости костей. Молодыя рахитическія животныя не лежатъ слишкомъ много или лежатъ во всякомъ случаѣ въ другихъ положеніяхъ, и уплощенія затылочной части черепа у нихъ не наблюдается. Компенсаторно подъ давленіемъ растущаго мозга у человѣка, при уплощеніи затылка, развивается замѣтное выступаніе впередъ лобной части черепа, такъ что лобъ выдается какъ бы въ видѣ балкона («Balkonköpfe»). Такая голова даетъ ортогнатизмъ, тѣмъ болѣе рѣзкій, что ему способствуетъ и задержка развитія и верхней и нижней челюстей. Послѣднее явленіе обусловливаетъ и у животныхъ, особенно обезьянъ, развитіе «моськообразности». Надо, впрочемъ, сказать, что у самихъ мосекъ, кингъ-чарльсовъ и нѣкоторыхъ другихъ породъ собакъ характерная конфигурація морды (равно какъ и кривыя ноги у таксъ) совсѣмъ не зависитъ отъ рахита. Рахитическія вздутія часто локализируются въ надбровныхъ дугахъ и въ прилежащей къ носу области черепа, что даетъ развитіе рѣзкаго углубленія между лбомъ и спинкою носа.

Послѣ этихъ общихъ опредѣленій характера рахитическаго процесса и зависящихъ отъ него измѣненій въ конфигураціи головы, проф. Hansemann даетъ свои заключенія относительно неандертальскаго черепа. Вирховъ указываетъ на утолщеніе кости и на небольшую выпуклость въ области передняго родничка, какъ на признаки патологическіе и спеціально рахитическіе. Hansemann же думаетъ, что въ этомъ черепѣ вообще лишь съ нѣкоторой натяжкой можно говорить о собственно патологическихъ признакахъ, такъ какъ большая часть его особенностей сводится къ травматическимъ дефектамъ, къ возрастнымъ измѣненіямъ кости. Существуетъ, дѣйствительно, нѣкоторое утолщеніе кости, но оно никакъ не можетъ быть отнесено на счетъ рахита, такъ какъ оно носитъ характеръ разростанія съ *внутренней поверхности* кости (чего при рахитѣ не бываетъ,—фактъ Вирхову не извѣстный) и неравномѣрно. Извѣстно, что конечности остатковъ неандертальскаго человѣка носятъ слѣды обезображивающаго артрита (arthritis deformans). Этотъ артритъ—болѣзнь пожилого возраста, съ рахитомъ не связанная. Не опредѣляя ближе натуры этого заболѣванія, Hansemann указываетъ на частую находку у субъектовъ съ arthritis deformans и небольшихъ утолщеній черепныхъ костей нерѣдко въ видѣ экзостозовъ и въ общемъ какъ разъ такого же характера, что и у неандертальскаго человѣка. Но этого рода измѣненія приходятъ въ позднемъ возрастѣ и на форму черепа не вліяютъ никоимъ образомъ. Развитіе надбровныхъ дугъ и выпуклости въ области передняго родничка, по мнѣнію Hansemann'а, имѣютъ значеніе расовыхъ или индивидуальныхъ особенностей. Тѣ же самые признаки отмѣчаются и на черепѣ антропопитека Dubois. Самъ Hansemann могъ отмѣтить при помощи рентгеновской фотографіи на черепѣ одного изъ своихъ знакомыхъ г. Т. совершенно тѣ же особенности. Интересенъ тотъ фактъ, что и у г. Т. отмѣченное выгибаніе черепа въ области передняго родничка совпадаетъ, какъ и у неандертальца и у антропопитека, съ рѣзкимъ развитіемъ надбровныхъ дугъ. Относительно выступанія надбровныхъ дугъ надо сказать, что оно едва ли можетъ быть связываемо съ рахитомъ, такъ какъ даже у обезьянъ, у которыхъ этотъ признакъ самъ по себѣ рѣзко выраженъ, самыя

крайнія степени развитія рахита не дѣлаютъ больныхъ индивидуумовъ чѣмъ-либо въ этомъ отношеніи отличающимися отъ здоровыхъ. Выступаніе надбровныхъ дугъ не стоитъ ни въ какомъ отношеніи съ величиною лобныхъ пазухъ (Schwalbe); при рахитѣ лобныя пазухи развиваются неправильно, нерѣдко одна изъ нихъ совсѣмъ отсутствуетъ; у г. Т., судя по рентгеновской фотографіи, онѣ умѣренны по величинѣ, правильны.

Общіе выводы Hansemann'а сводятся, такимъ образомъ, къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ: въ неандертальскомъ черепѣ вообще немного патологическаго, и то, что есть, не можетъ быть отнесено на долю рахита и связано съ процессами, имѣющими мѣсто въ зрѣлыхъ лѣтахъ и на конфигурацію черепа не вліяющими. Особенности формы неандертальскаго черепа— особенности расовыя или индивидуальныя, но не патологическія.

В. В. Воробьевъ.

Ernst Unger. Geschwänzte Menschen und ihre Entwickelungsgeschichte. „Zeitschrift für Ethnologie", 1903, Heft II u. III.

Въ послѣднее время появилось нѣсколько новыхъ изслѣдованій о хвостатыхъ людяхъ; изъ нихъ особенно цѣнны тѣ, въ которыхъ не только описываются сами ампутированные придатки, но обращается вниманіе и на отношеніе ихъ къ позвоночному столбу. Случаи хвостовидныхъ придатковъ описаны недавно Kohlbrugge, Harrison'омъ, Hagenbach'омъ и Зерновымъ; къ нимъ Unger присоединяетъ и свой случай. Всѣ эти авторы, какъ и прежде занимавшіеся этимъ вопросомъ, стремятся разрѣшить вопросъ: имѣется ли здѣсь дѣло съ настоящимъ образованіемъ хвоста въ атавистическомъ смыслѣ, не слѣдуетъ ли смотрѣть на хвостатыхъ людей съ точки зрѣнія ученія Дарвина, какъ на возвратъ къ прошлому, или это случайное явленіе, скорѣе пороки развитія, вызванные какими-либо патологическими причинами? Harrison держится перваго толкованія, тогда какъ Kohlbrugge и Зерновъ являются положительными противниками теоріи атавизма. Unger, съ своей стороны, для рѣшенія вопроса старается сопоставить данныя исторіи развитія и наблюденія надъ хвостатыми людьми; онъ, во-первыхъ, разсматриваетъ, чему учитъ насъ исторія развитія объ образованіи хвоста у человѣческихъ зародышей, и, во-вторыхъ, ищетъ связь между этими данными и тѣми, которыя наблюдаются у хвостатыхъ людей. Rosenberg, Ecker и His первые занимались анатоміей хвостовиднаго придатка у зародыша. У зародыша въ 3 mm. длины имѣется не сегментированный хвостовый бугорокъ (зачатокъ); у зародышей въ 4—6 mm. находятъ уже настоящій хвостъ съ сегментами, изъ которыхъ ясно выражены 2—3. У зародыша въ 9 mm. хвостъ достигаетъ своего наивысшаго развитія; длиною онъ 2 mm., т.-е. равняется почти четвертой части всей длины тѣла; число сегментовъ равняется восьми, иногда и больше Это доказываетъ, что у человѣка вначалѣ имѣется большее количество копчиковыхъ позвонковъ; число это непостоянно; часто они едва только обозначены, и потомъ какъ бы разсасываются и пропадаютъ, прежде чѣмъ достигаютъ полнаго развитія; поэтому послѣдній копчиковый позвонокъ является замѣстителемъ многихъ всосавшихся сегментовъ. Съ исчезновеніемъ этихъ непостоянныхъ сегментовъ хвостовый придатокъ расчленяется на основную часть, собственно хвостъ, содержащій еще сегменты, и свободный, не сегментированный конецъ, представляющій изъ себя хвостовую нить. Спинной мозгъ, однако, продолжается до конца хвостовой нити, наполняя послѣднюю остатками мезодермы. У зародышей въ 15 mm. начинается

разростаніе позвоночника въ ширину; образуется очень замѣтный хвостовый бугорокъ; затѣмъ позвоночникъ начинаетъ сгибаться; хвостовая нить, лежащая вначалѣ въ концѣ позвоночника, начинаетъ постепенно передвигаться вверхъ по задней поверхности, а вмѣстѣ съ нею приподнимаются и сопутствующія ей группы клѣтокъ и остатки соединительной ткани, которыми она была прикрѣплена къ концу копчика, т. наз legamentum caudale, и остатки спинного мозга, вначалѣ имѣвшаго форму тонкой трубки (filum terminale), затѣмъ исчезающей. У зародышей въ 25 ст. длины уже отмѣчаются тѣ явленія, которыя мы видимъ у новорожденныхъ: исчезаетъ хвостовая нить; на ея мѣстѣ кожа образуетъ небольшое углубленіе (позднѣе fovea coccygea), расположенное на высотѣ 2—4 копчиковыхъ позвонковъ, впослѣдствіи лежащее еще немного выше. Между этимъ углубленіемъ и позвоночникомъ находится кистообразное пустое пространство — остатокъ спинного мозга, окруженное соединительною тканью; въ этой ткани заложены концы arteria sacralis и nervus sympathicus.

Итакъ, во-первыхъ, человѣческій зародышъ обладаетъ вполнѣ развитымъ хвостомъ, имѣющимъ 8, а иногда и больше сегментовъ; во-вторыхъ, нижняя часть хвоста не содержитъ позвонковъ и называется хвостовой нитью, часть же хвоста съ позвонками имѣетъ ихъ всего 5, которые у сформировавшагося человѣка образуютъ копчиковую ткань; послѣдній изъ этихъ 5 сегментовъ образовался изъ четырехъ всосавшихся; въ-третьихъ, вначалѣ хвостовая нить лежитъ на продолженіи отъ позвоночника, постепенно затѣмъ поднимается вверхъ.

Зерновъ и Kohlbrugge подробно высказываются противъ предположенія, что хвостовидные придатки у человѣка—признаки атавизма. Въ случаѣ Зернова (24-лѣтній мужчина) образованіе въ 6 mm. длины, слегка завитое спиралью, располагалось на высотѣ 2-го крестцоваго позвонка. Позвоночникъ на своей задней поверхности былъ расщепленъ; наблюдалась т.-наз. spina bifida. Вмѣстѣ съ Зерновымъ Unger полагаетъ, что этотъ случай не можетъ быть разсматриваемъ какъ образованіе хвоста,—здѣсь, очевидно, наблюдается новообразованіе, которое такъ часто встрѣчается при spina bifida. Въ случаѣ Kohlbrugge у дѣвочки 10-ти мѣсяцевъ съ острова Явы, во всѣхъ отношеніяхъ нормальной, на нижнемъ концѣ туловища находилось новообразованіе, длиною въ 12 ст.; въ немъ было 3 косточки; отходило это образованіе не отъ конца позвоночника, но было подвижно и прикрѣплялось нѣсколько выше. Здѣсь былъ не настоящій хвостъ, такъ какъ таковой долженъ былъ бы быть продолженіемъ копчика, а не лежать по близости отъ него. Крестецъ изогнутъ впередъ, копчика нѣтъ; свободный конецъ позвоночника образуется, слѣдовательно, крестцовою костью, позвонки крестца не закрыты; на щели расположена небольшая косточка, къ которой прикрѣпленъ хвостъ; 3 косточки въ хвостѣ и кость, къ которой прикрѣпленъ хвостъ, Kohlbrugge считаетъ за недостающіе 4 позвонка. Новообразованіе заключаетъ въ себѣ много нервовъ и сосудовъ и—что особенно замѣчательно—спинные мышцы расположены на хвостѣ въ различныхъ направленіяхъ. Сопоставляя все вышеизложенное, Unger говоритъ, что выясняются три возраженія противъ атавистическаго взгляда на хвостовидные придатки: 1) въ хвостовидныхъ придаткахъ никогда не находили настоящихъ позвонковъ или образованій, похожихъ на нихъ; 2) эти придатки никогда не располагались на продолженіи оси позвоночника, но всегда выше, на задней поверхности копчика и даже крестца, и 3) такія новообразованія встрѣчаются и на другихъ частяхъ тѣла. Итакъ, эти образованія можно разсматривать, какъ пороки развитія, которые въ особенности встрѣчаются у лицъ и съ другими пороками развитія.

Зерновъ говоритъ: «Всѣ авторы, которые имѣли случай наблюдать хвостовидные придатки у взрослыхъ, одинаково свидѣтельствуютъ о чрезвычайно подавленномъ моральномъ состояніи, въ которомъ находились эти субъекты по поводу своего уродства; со стороны анатомовъ пе гуманно, не имѣя твердаго убѣжденія въ томъ, что хвостовидные придатки человѣка есть образованіе тероморфное, поддерживать заблужденіе темныхъ людей и тѣмъ увеличивать нравственный гнетъ, который несутъ на себѣ субъекты, имѣющіе это обидное уродство».

Вначалѣ было сказано, что у зародышей имѣются зачатки значительно большаго количества позвонковъ, чѣмъ у новорожденнаго (38, иногда 39 вмѣсто 34). Это увеличеніе числа позвонковъ остается очень недолго, пока зародышъ достигаетъ длины 14 mm.; поэтому, надо предположить, что онъ сильно долженъ былъ бы отстать въ своемъ развитіи, если бы сохранилъ до внѣутробной жизни хвостовые позвонки эмбріональнаго происхожденія. Хвостовая нить вначалѣ является продолженіемъ позвоночника, позднѣе она приподнимается по спинной поверхности позвонка; однако, не исключена возможность и того, что эта нить можетъ остаться въ томъ же положеніи и даже разовьется, причемъ можетъ отходить отъ спинной поверхности дальше копчика, иногда даже отъ крестца. Хвостовидныя образованія па другихъ частяхъ тѣла разнятся по строенію отъ таковыхъ же на нижнемъ концѣ позвоночника тѣмъ, что состоятъ только изъ кожи и соединительнотканныхъ тяжей.

Unger заканчиваетъ свою статью слѣдующими словами: «Итакъ, если, по нашему мнѣнію, эти возраженія не выдерживаютъ критики, то уже не будетъ дѣломъ настроенія (какъ выразился Вирховъ) вопросъ о томъ, нужно ли здѣсь считаться съ теоріей развитія (эволюціи), — наоборотъ, мы должны съ логической необходимостью заключить, что хвостовидные придатки должны быть разсматриваемы, какъ пережитокъ нормальнаго эмбріональнаго органа, и что въ концѣ-концовъ образованіе хвоста у человѣка возможно такъ же, какъ и у остальныхъ позвоночныхъ».

К. Бари.

Dr. S. Wateff. Contribution à l' étude anthropologique des Bulgares. „Bull. et Mém. de la Société d' Anthropologie de Paris", 1904, № 4.

Въ настоящей статьѣ авторъ излагаетъ главнѣйшіе результаты своихъ антропологическихъ изслѣдованій болгаръ, основанные на громадномъ матеріалѣ: изслѣдовано около 40 тыс. солдатъ, болѣе 300 тыс. учащихся, 1.323 череповъ и, кромѣ того, произведены подробныя измѣренія 177 мужчинъ, 275 женщинъ и 50 дѣтей. Главная задача автора — опредѣлить областныя измѣненія типа болгаръ. Ростъ болгаръ въ общемъ средній (муж.—1.665, жен.—1.567 mm.); особей высокаго роста встрѣчено среди изслѣдованныхъ 30%, а низкаго—10%. Высокій ростъ доминируетъ на Ю. и С.-В. Болгаріи, низкій — въ центрѣ сѣверной Болгаріи. Что касается пигментаціи, то господствующимъ является брюнетическій типъ (50%), блондиновъ всего только 5%. Брюнетическій типъ особенно рѣзко выраженъ на С.-В.; на З. и въ Македоніи онъ представленъ сравнительно слабо; блондины чаще встрѣчаются на С.-З. и Ю.-В., также въ Македоніи; въ центрѣ Болгаріи они совсѣмъ отсутствуютъ. Цвѣтъ глазъ у 18% голубой, у 59% — карій и 23% — сѣрый. Волосы на головѣ у 70% темнаго цвѣта и у 30% — свѣтлаго. Кожа у 65% бѣлая, у 35% — смуглая. Глазная щель въ большинствѣ случаевъ горизонтальна (65%); внѣшній край

ея приподнятъ у 31% и опущенъ у 5%. Съ приподнятымъ внѣшнимъ краемъ глазная щель встрѣчается чаще всего на С.-З. и очень рѣдко на С.-В., Ю.-В. и Ю. По головному указателю большинство (77%)—мезоцефалы; сравнительно немного брахицефаловъ и еще меньше долихоцефаловъ. Брахицефалы наиболѣе часты на С.-З. и очень рѣдки на Ю.; долихоцефалы, наоборотъ, часто встрѣчаются на Ю., рѣже на Ю.-З. и еще рѣже на С. По высотному указателю болгары — гипсицефалы (51%) или ортоцефалы (44%); хамэцефаловъ очень немного (5%). Гипсицефалы занимаютъ С., ортоцефалы и хамэцефалы — Ю.-З. Болгаріи. Форма лица преимущественно овальная; отклоненія отъ этой формы чаще наблюдаются въ сторону удлиненнаго лица, нежели широкаго. Наиболѣе длиннолицые встрѣчаются на Ю. и очень рѣдки они на С., гдѣ господствуютъ хамэпрозопы. При комбинаціяхъ формъ черепа и формъ лица первое мѣсто по количеству занимають брахицефалы-хамэпрозопы; есть нѣкоторое число и брахицефаловъ-лептопрозоповъ; очень мало встрѣчается долихоцефаловъ-лептопрозоповъ и еще меньше долихоцефаловъ-хамэпрозоповъ. Брахицефалы-лепто-или хамэпрозопы обычны на С., долихоцефалы-лепто-или хамэпрозопы — на Ю.; С.-З. Болгаріи занимаетъ промежуточное мѣсто между тѣми и другими. Горизонтальная окружность головы болгаръ не особенно велика, — въ среднемъ она равна у живыхъ 545 mm. (на муж. черепахъ — 514, на женскихъ — 493). Самою большою горизонтальною окружностью обладаетъ населеніе юго-западной Болгаріи (548 и 519 mm.), самою малою—населеніе южной (544 и 511). Вѣсъ мозга равенъ въ среднемъ у мужчинъ 1.388 gr., у женщинъ — 1.260 gr. У населенія Македоніи вѣсъ мозга больше (1.395 gr.), нежели у центральныхъ болгаръ (1.362 gr.). Деревенскіе жители имѣютъ вѣсъ мозга большій, чѣмъ горожане.

Ал. Ивановскій.

Dr. C. H. Stratz. Was sind Juden? Eine ethnographisch-anthropologische Studie. Wien und Leipzig, 1903.

Въ своей небольшой, популярно изложенной брошюрѣ, цѣль которой — отвѣтить на вопросъ: «что такое евреи», авторъ даетъ сначала нѣсколько важнѣйшихъ литературныхъ и историко-этнографическихъ данныхъ, затѣмъ подробнѣе касается антропологической стороны вопроса, при чемъ иллюстрируетъ ее рядомъ очень хорошихъ фотографій, сообщающихъ брошюрѣ особую цѣну. Не претендуя на исчерпывающій характеръ, не вездѣ будучи одинаково убѣдительной, брошюра д-ра Штратца можетъ принести извѣстную пользу для нѣкотораго ознакомленія съ поставленнымъ выше вопросомъ.

А. Элькиндъ.

Dr. Arthur Ruppin. Die Juden der Gegenwart. Eine socialwissenschaftliche Studie. Berlin, 1904.

Новая работа д-ра Руппина, уже заявившаго себя на поприщѣ статистическаго изученія евреевъ, является весьма цѣннымъ трудомъ въ томъ же направленіи, но построеннымъ по значительно болѣе широкому и разностороннему плану. Изложенію физическихъ особенностей отдана лишь одна, сравнительно небольшая глава, вся же остальная часть книги посвящена обзору культурно-историческихъ вліяній, изслѣдованію движенія населенія, характери-

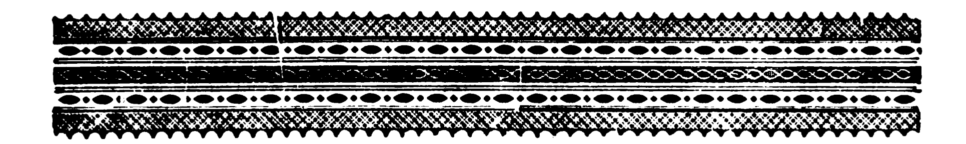
стикѣ различныхъ проявленій внутренней жизни евреевъ, статистикѣ развитыхъ среди нихъ профессій и ремеслъ, моральной статистикѣ. Въ заключительныхъ отдѣлахъ излагается современное положеніе евреевъ.

А. Элькиндъ.

Dr. Heinrich Singer. Allgemeine und spezielle Krankheitslehre der Juden. Leipzig, 1904.

Настоящее сочиненіе представляетъ, по словамъ автора, опытъ расовой патологіи евреевъ. Первыя главы содержатъ краткій антропологическій очеркъ. Съ третьей авторъ переходитъ къ анализу патологическихъ факторовъ, удѣляя каждому самостоятельную главу. Сюда отнесены имъ въ послѣдовательномъ порядкѣ данныя о рождаемости евреевъ въ бракѣ и внѣ брака, количество мертворожденій, общія отношенія смертности, дѣтская смертность, относительная убыль еврейскаго населенія въ Пруссіи, распространенность среди евреевъ инфекціонныхъ болѣзней, сахарной болѣзни, нервныхъ, душевныхъ, глазныхъ болѣзней, отношеніе евреевъ къ алкоголизму, глухо-нѣмотѣ, гемофиліи, самоубійству. Изъ этого перечня можно судить о разнообразіи содержанія работы д-ра Зингера, являющейся существеннымъ дополненіемъ къ вышеназванному труду Руппина и, подобно послѣднему, заслуживающей полнаго вниманія со стороны всѣхъ интересующихся демографіей евреевъ.

А. Элькиндъ.

Извѣстія и замѣтки.

Присужденіе д-ру А. А. Сухареву премія имени А. П. Разцвѣтова. Въ годичномъ засѣданіи, 15-го октября 1904 г., Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи присудило премію имени А. П. Разцвѣтова д-ру А. А. Сухареву на основаніи слѣдующаго отзыва секретаря Антропологическаго Отдѣла, прив.-доц. А. А. Ивановскаго: «Книга А. А. Сухарева, носящая заглавіе: «Казанскіе татары. Опытъ этнографическаго и медико-антропологическаго изслѣдованія» (Спб., 1904 г.), представляетъ диссертацію на степень доктора медицины, защищенную авторомъ въ текущемъ году въ Военно-Медицинской Академіи. По своему содержанію книга г. Сухарева можетъ быть подраздѣлена на 4 части. Въ «Введеніи» авторъ даетъ обзоръ существующей литературы по антропологіи казанскихъ татаръ, представленной немногочисленными краніологическими изслѣдованіями. Въ слѣдующемъ за «Введеніемъ» «Историческомъ очеркѣ» авторъ старается прослѣдить смѣну тѣхъ народностей, которыя населяли въ разное время Камско-Волжскій край, и болѣе подробно останавливается на различныхъ историческихъ моментахъ въ жизни той этнической группы, которая впослѣдствіи была объединена подъ именемъ «казанскихъ татаръ». Въ «Этнографической части», основанной какъ на литературныхъ данныхъ, такъ и на собственныхъ многолѣтнихъ наблюденіяхъ автора (земскаго врача Казанскаго у.), дается обстоятельное описаніе быта современныхъ татаръ Казанской губ.; въ этой же части авторъ подробно разсматриваетъ вопросъ о заболѣваемости и смертности татаръ, пользуясь въ послѣднемъ случаѣ статистическими данными за 10-лѣтній періодъ, обнимающій 1891—1900 гг. 4-ый «Антропологическій очеркъ» занимаетъ большую часть книги и посвященъ обработкѣ собраннаго авторомъ антропологическаго матеріала. По подробной программѣ (мало отличающейся отъ программы, выработанной нашимъ Антропологическимъ Отдѣломъ) авторомъ изслѣдованы 137 муж. и 80 жен.; къ этому присоединены данныя о ростѣ 8.695 призывныхъ татаръ и для сравненія съ ними 3.134 великоруссовъ, 288 черемисовъ, 71 вотяка и 797 чувашей (также призывного возраста). Главнѣйшіе описательные и измѣрительные признаки разсмотрѣны каждый въ отдѣльности, причемъ прослѣжено возрастное и половое измѣненіе ихъ. Въ заключеніе, суммируя изученные признаки, авторъ даетъ общую характеристику средняго физическаго типа казанскихъ татаръ, отдѣльно мужчинъ и женщинъ. Къ книгѣ приложена цифровая таблица индивидуальныхъ антропометрическихъ величинъ. До появленія книги г. Сухарева въ русской антропологической литературѣ совершенно отсутствовали антропометрическія

данныя о казанскихъ татарахъ. Изслѣдованія автора являются первыми и пока единственными, дающими возможность судить о физическихъ особенностяхъ этой народности. Въ особую заслугу автора должно быть поставлено изслѣдованіе значительнаго числа женщинъ-мусульманокъ, измѣрительными данными о которыхъ такъ бѣдна антропометрія. Въ виду этого я полагаю, что авторъ антропологическаго изслѣдованія казанскихъ татаръ и татарокъ вполнѣ заслуживаетъ присужденія ему преміи имени почетнаго члена Общества А. П. Разцвѣтова».

Д-ръ А. А. Сухаревъ пожертвовалъ присужденную ему Обществомъ премію, въ размѣрѣ 200 рублей, на изданіе «Русскаго Антропологическаго Журнала».

Присужденіе А. Н. Абрамову золотой медали имени А. П. Разцвѣтова. Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи въ своемъ годичномъ засѣданіи, 15-го октября 1904 г., присудило А. Н. Абрамову золотую медаль имени А. П. Разцвѣтова на основаніи слѣдующаго отзыва президента Общества и предсѣдателя Антропологическаго Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина: «Работа А. Н. Абрамова о географическомъ распространеніи различныхъ формъ носового отверстія (apertura pyriformis) основана на просмотрѣ около $2^1/_2$ тыс. череповъ въ Антропологическомъ музеѣ. Основываясь на данныхъ Топинара, Мингазини и др., авторъ принимаетъ четыре установленныхъ типа aperturae pyriformis, прибавляетъ къ нимъ еще 5-й, установляемый имъ на основаніи собственныхъ наблюденій, и затѣмъ старается опредѣлить, какъ часто встрѣчаются всѣ эти типы на черепахъ различныхъ расъ и племенъ. Къ сожалѣнію, въ музеѣ имѣется очень мало африканскихъ череповъ, а также и американскихъ, вслѣдствіе чего работа г. Абрамова касается по преимуществу череповъ европейскихъ (особенно съ территоріи Россіи) и азіатскихъ племенъ. Основываясь на ихъ просмотрѣ, авторъ могъ изслѣдовать распредѣленіе различныхъ формъ нижняго края носового отверстія и установить тотъ фактъ, что т. наз. forma antropina свойственна по преимуществу Европѣ и бѣлой расѣ, а остальныя увеличиваются въ частотѣ, чѣмъ далѣе къ востоку и юго-востоку, причемъ т. наз. clivus nasoalveolaris (2-я форма его) преобладаетъ въ Австралазіи (Австралія, Нов. Гвинея, Зондскіе острова). Выводы эти выражены въ рядѣ таблицъ и картъ. Трудъ г. Абрамова долженъ былъ занять не мало времени и заслуживаетъ признательности со стороны Антропологическаго Отдѣла. Года два тому назадъ А. Н. Абрамову была присуждена отъ Общества серебряная медаль за его работу о башкирахъ. Новый трудъ его доказываетъ, что г. Абрамовъ продолжаетъ работать успѣшно въ области антропологіи. Принимая это во вниманіе, Отдѣлъ могъ бы поощрить дѣятельность г. Абрамова въ разрабатываемой имъ области знаній присужденіемъ ему золотой медали имени А. П. Разцвѣтова».

Новѣйшія антропологическія изслѣдованія въ Россіи. Минувшимъ лѣтомъ были произведены антропологическія изслѣдованія: *А. Н. Джавахо- вымъ*—300 карталинцевъ Горійскаго уѣзда и 40 армянъ, *С. М. Лепетюкомъ* и г. *Чавчанидзе* — 58 имеретинъ Рачинскаго и Кутаисскаго у., *С. Д. Масловскимъ*—97 горскихъ татаръ Нальчикскаго окр., Терской обл., *А. Л. Здроевскимъ* — 200 бѣлоруссовъ Дисненскаго у., Виленской губ., *П. А. Піонтковскимъ*—117 бѣлоруссовъ Гомельскаго у., Могилевской губ., *А. И. Колмогоровымъ*—80 зырянъ Енисейской губ., *А. Н. Абрамовымъ*—128 башкиръ Осинскаго и Бирскаго у., Уфимской губ.; *А. А. Арутиновъ* собираетъ для Антропологическаго музея Московскаго университета коллекцію мозговъ представителей различныхъ народностей Кавказа (собрано пока 50 мозговъ); *К. А. Бари* закончилъ работу о скуловой кости въ анатомо-антро-

пологическомъ отношеніи, основанную на изученіи 565-ти различныхъ череповъ Антропологическаго музея Московскаго университета.

XIII-ый международный конгрессъ по антропологіи и доисторической археологіи состоится въ 1906 г. въ Монако. Организаціонный комитетъ составляютъ: почетный президентъ Albert Gaudry, президентъ Dr. E. T. Hamy, почетные вице-президенты: Émile Cartailhac и Edouard Piette, вице-президенты: Marcellin Boule и Dr. L. Capitan, генеральный секретарь Dr. R. Verneau, помощникъ генеральнаго секретаря Dr. G. Papillault, секретарь аббатъ Breuil, казначей Henri Hubert. Со справками по поводу конгресса слѣдуетъ обращаться къ генеральному секретарю, Dr. R. Verneau (61, rue de Buffon, Paris).

Статистика Японіи. Въ послѣднемъ ежегодникѣ японскаго статистическаго бюро начальникъ послѣдняго, Ганабуза, приводитъ слѣдующія статистическія данныя объ Японіи. Собственно Японія (безъ Формозы и Пескадорскихъ острововъ) занимаетъ 382. 416 кв. клм. На этомъ пространствѣ живутъ 43.763.855 чел.; на 1 кв. клм. приходится 114,6 чел. Если прибавить къ населенію собственно Японіи населеніе Формозы и о-вовъ Пескадоресъ, то общее количество населенія Японіи выразится цифрою 46.228.822 чел. Городское населеніе преобладаетъ въ Японіи надъ сельскимъ, — перваго 86,4%, тогда какъ втораго только 13,6%. Такой рѣзкій перевѣсъ объясняется тѣмъ, что большинство городовъ Японіи не что иное, какъ большія деревни, гдѣ жители занимаются сельскимъ хозяйствомъ. Мужское населеніе (22.074.242 чел.) въ Японіи преобладаетъ надъ женскимъ (21.689.613 чел.): 100 мужчинъ приходятся на 98,3 женщинъ Коэффиціентъ рождаемости составляетъ 3,27, коэффиціентъ смертности — 2,32.

Русское Антропологическое Общество при Петербургскомъ университетѣ имѣло въ истекшемъ осеннемъ полугодіи одно засѣданіе (29 окт. 1904 г.). Прочитанъ былъ докладъ д-ра *Ѳ. А. Бялынецкаго-Бирули*: „Головной указатель славянъ, летто-литовцевъ и др. на основаніи измѣреній русскихъ солдатъ“. Произведя громадное число измѣреній (3.640) надъ гвардейцами, изъ которыхъ 3.269 было славянъ (велико,-бѣло-и малороссовъ), летто-литовцевъ— 118 чел. и т. д., докладчикъ ограничился только головнымъ указателемъ; остальныя измѣренія и соотношенія пока имъ не разработаны, хотя, кромѣ ширины и длины головы, онъ измѣрилъ ростъ, вѣсъ тѣла, опредѣлилъ цвѣтъ волосъ и глазъ и т. д. Изъ массы славянъ докладчику удалось выдѣлить слѣдующія этническія группы: 2.763 русскихъ (великоруссовъ изъ нихъ—1.473 ч., бѣлоруссовъ—594 ч., малороссовъ— 525 ч.), сибиряковъ— 116 ч., 1-го болгарина и 505 поляковъ. На основаніи измѣреній головного указателя докладчикъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) у русскихъ славянъ преобладаетъ брахицефалія, при чемъ у малороссовъ 65,5% брахицефаловъ, у бѣлоруссовъ — 47,73% и, наконецъ, у сибиряковъ — 38,07%. Мезоцефалическій типъ одинаково частъ у всѣхъ четырехъ названныхъ представителей славянъ. Долихоцефаловъ среди малороссовъ лишь 11,98%, бѣлоруссовъ—27,93%, великоруссовъ—28,59% и сибиряковъ—36,87%. 2) Поляки въ отношеніи головного указателя приближаются къ малороссамъ: изъ нихъ брахицефаловъ было 59,19%, а долихоцефаловъ — 18,59%. Изъ видовъ брахицефаліи преобладаетъ суббрахицефалія. 3) Изъ летто-литовцевъ у литовцевъ преобладаетъ (насколько позволяетъ дѣлать выводы малое число измѣреній) брахицефалія, при чемъ у летувисовъ — сходство съ бѣлоруссами, а у жмудяковъ — близость къ полякамъ. У латышей — рѣзкое преобладаніе до-

лихоцефаліи, что сближаетъ ихъ съ скандинавами и сосѣдями-эстонцами. Остальные результаты, добытые докладчикомъ, не претендуютъ на безусловную научность, такъ какъ число измѣренныхъ особей слишкомъ недостаточно. Докладъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній, при чемъ указывалось на то, что, не примѣняя при этой массѣ измѣреній географическаго метода, т.-е. не нанося на карту данныя, трудно говорить о долихоцефаліи и пр. русскихъ и т. д., когда типъ этотъ въ географическихъ предѣлахъ являетъ рядъ измѣненій и переходовъ. Докладчикъ находилъ, что основанія для подобной сортировки по губерніямъ и т. д., въ видѣ удовлетворительной этнографической карты, у него не было, а показанія самихъ солдатъ насчетъ ихъ мѣста родины и національности, особенно въ области бѣлорусской и литовской, были очень запутаны и сбивчивы. Кромѣ того, указывалось и на односторонность самого матеріала, такъ какъ наблюденія производились исключительно надъ гвардейцами, т.-е. надъ наиболѣе рослымъ населеніемъ. Передъ докладомъ предсѣдатель просилъ почтить память скончавшихся членовъ Общества: почетнаго члена проф. Ратцеля въ Лейпцигѣ и д. чл. проф. И. Н. Смирнова въ Казани. Затѣмъ было доложено собранію о поступленіи въ даръ отъ г. Бекетова 40 череповъ изъ Алушты, нѣкоторые изъ которыхъ носятъ явные слѣды деформаціи. Коллекція въ настоящее время передана для обработки д-ру Фридолину. Въ данное время печатается «Ежегодникъ» Общества вмѣсто издававшихся ранѣе «Протоколовъ». Въ него войдутъ, на-ряду съ антропологическими работами, статьи по этнографіи и фольклору.

Антропологическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія имѣлъ въ осеннемъ полугодіи 1904 года четыре засѣданія (25 сент., 4 окт., 27 ноября и 18 дек.), въ которыхъ были сдѣланы слѣдующія 9 сообщеній: *А. Н. Абрамова*—О формахъ Apertura pyriformis, *Я. Д. Галая*—Антропологическій очеркъ великоруссовъ Старицкаго у., Тверской губ., *К. И. Завойскаго*—Медицина и врачи въ Маньчжуріи, *Н. В. Кирилова* — Китайская медицина, *А. И. Колмогорова*—Финны Финляндіи, *П. Г. Статкевича* — Полителія у мужчины, *Е. М. Чупурковскаго* — 1) Къ вопросу о сходствѣ половыхъ признаковъ у различныхъ расъ и 2) О варіаціи и соотношеніяхъ нѣкоторыхъ признаковъ въ связи съ вопросомъ о возникновеніи расовыхъ различій и *А. Д. Элькинда* — Гигіена и вырожденіе (по воззрѣніямъ Gruber'а, Kossmann'а и Bleuler'а).

Труды Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Томъ XVIII, вып. 1—3, подъ редакціей Д. Н. Анучина, Н. В. Гильченко и А. А. Ивановскаго. Москва, 1897 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: Анатолій Петровичъ Богдановъ (съ портретомъ).—*А. Г. Рождественскій*—Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы (съ 5-ю графич. таблицами).—*Н. В. Гильченко*—Матеріалы для антропологіи Кавказа. Кубанскіе казаки.—*А. Д. Элькиндъ*—Привислинскіе поляки.—*Н. А. Янчукъ*—Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о литовскихъ татарахъ. — *А. А. Арутиновъ*—Къ антропологіи кавказскаго племени удинъ.—*Н. П. Константиновъ-Щипунинъ* — Къ краніологіи древняго населенія Костромской губ. — *Д. Н. Анучинъ*—Е. А. Покровскій, К. Н. Иковъ и А. М. Раевская (некрологи.)— Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Томъ XIX, подъ редакціей Д. Н. Анучина и А. А. Ивановскаго. Москва, 1899 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: *Р. Л. Вейнбергъ*—О строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ (съ 20 рис.).—*М. И. Лутохинъ*—Историческій обзоръ литературы о расовыхъ отличіяхъ таза.—*П. А. Минаковъ*—Новыя данныя по изслѣдованію волосъ изъ древнихъ могилъ и отъ мумій (съ 1 раскраш. табл.).—*П. А. Минаковъ*—Ненормальная волосатость (съ 3 рис.).—*В. В. Воробьевъ*—Матеріалы къ антропологіи великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губ. (съ 9 діаграм.),—*В. И. Васильевъ*—Размѣры черепа и лица по отношенію къ возрасту и росту у учащихся въ школахъ Серпуховскаго у., Московской губ. (съ 4 діаграм.).—*Н. В. Гильченко*—Вѣсъ головного мозга и нѣкоторыхъ его частей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію.—*А. А. Ивановскій* — Къ вопросу о различіяхъ формъ глазной щели. — *П. А. Минаковъ* — О формѣ и цвѣтѣ волосъ изъ кургановъ Ср. Россіи.—*А. Д. Элькиндъ*—О черепныхъ типахъ проф. Серджи въ связи съ черепнымъ указателемъ (съ 4 діагр.). — *А. Д. Элькиндъ* — Замѣтка о черепахъ изъ еврейскихъ катакомбъ въ Римѣ (съ 1 рис.).—*Д. Н. Анучинъ*—Памяти Г. Д. Филимонова и Г. де-Мортилье.—*А. А. Ивановскій*—Секція антропологіи XII-го международнаго съѣзда врачей (съ 6 рис.). — Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

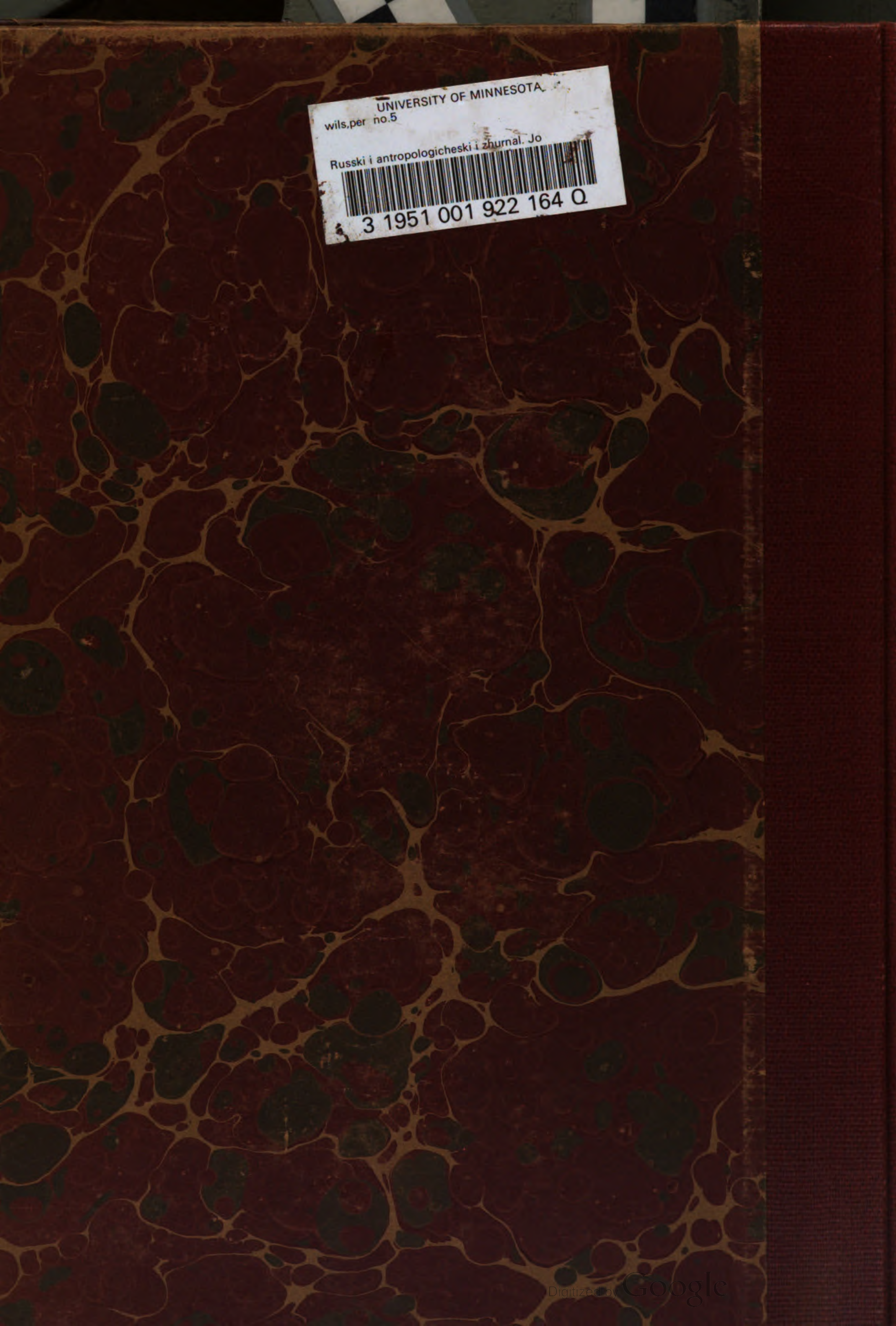
Томъ XX: В. В. Воробьевъ — Наружное ухо человѣка. Москва, 1901 г. Цѣна 3 руб.

Томъ XXI: А. Д. Элькиндъ—Евреи (сравнительно-антропологическое **изслѣдованіе, преимущественно надъ польскими евреями**). **Съ 6 діагр. и 70 рис. въ текстѣ. Москва, 1903 г. Цѣна 4 руб.**

Томъ XXII: А. А. Ивановскій—Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи. Москва, 1904 г. Цѣна 3 руб.

19, 3

UNIVERSITY OF MINNESOTA
wils,per no.5
Russki i antropologicheski i zhurnal. Jo
3 1951 001 922 164 Q
Digitized by Google